

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

СОВРЕМЕННОЕ РУССКОЕ ПИСЬМО

ГРАФИКА, ОРФОГРАФИЯ, ПУНКТУАЦИЯ

Хрестоматия научных работ

ИЗДАТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

УДК 811.161.1'35+003(082)

ББК 81.2Рус-8-93

Ф56

Рецензенты: д-р филол. наук, д-р ист. наук, вед. науч. сотр. А. А. Бурькин (Ин-т лингвистич. исслед. РАН); канд. филол. наук, доц. А. И. Рыко (С.-Петерб. гос. ун-т)

*Рекомендовано к печати учебно-методической комиссией
по УГСН 45.00.00 Языкознание и литературоведение
Санкт-Петербургского государственного университета*

Ф56 **Современное русское письмо: графика, орфография, пунктуация: хрестоматия научных работ / сост. С. В. Друговейко-Должанская, М. Б. Попов. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. — 532 с.**

ISBN 978-5-288-05945-2

В хрестоматию включены статьи и фрагменты из работ по наиболее сложным и актуальным проблемам изучения русского письма и его истории, а также по теоретическим вопросам грамматики, написанных как классиками языкознания (И. А. Бодуэном де Куртенэ, А. М. Пешковским, Л. В. Щербой и др.), так и современными лингвистами, принадлежащими к разным лингвистическим школам и направлениям.

Хрестоматия предназначена в первую очередь для студентов-русистов филологических факультетов университетов, но может использоваться магистрантами и аспирантами, изучающими русский язык. Кроме того, она может быть полезна школьным учителям-словесникам и всем интересующимся русским письмом, его историей и теоретическими проблемами грамматики.

УДК 811.161.1'35+003(082)

ББК 81.2Рус-8-93

*Издание подготовлено в рамках проекта
«Создание учебно-методического комплекса для высших учебных заведений РФ
„Современное русское письмо: графика, орфография, пунктуация“»,
поддержанного фондом «Русский мир», грант 1672Гр-II-246-17*

ISBN 978-5-288-05945-2

© Санкт-Петербургский
государственный университет, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Сокращения языков	6
Предисловие	7

ТЕОРИЯ ПИСЬМА

<i>Бодуэн де Куртенэ И. А.</i> Об отношении русского письма к русскому языку	10
<i>Богородицкий В. А.</i> О русском правописании	37
<i>Богородицкий В. А.</i> Изучение малограмотных написаний	47
<i>Брандт Р. Ф.</i> О лженаучности нашего правописания. (Публичная лекция)	57
<i>Щерба Л. В.</i> Отношение между письмом и орфоэпией	91
<i>Щерба Л. В.</i> Основные принципы орфографии и их социальное значение	97
<i>Яковлев Н. Ф.</i> Математическая формула построения алфавита (Опыт практического приложения лингвистической теории)	102
<i>Шор Р. О.</i> К вопросу о сокращении алфавита (Критические замечания на статью проф. Н. Ф. Яковлева „Математическая формула построения алфавита“. „Культура и письменность Востока“. Кн. 1-ая. М., 1928).....	117
<i>Поливанов Е. Д.</i> О трех принципах построения орфографии.....	132
<i>Зиндер Л. Р.</i> Типы письма	141
[<i>Зиндер Л. Р.</i>] Введение в теорию письма	149
<i>Зализняк А. А.</i> О понятии графемы	158
<i>Цейтлин С. Н.</i> Спонтанное усвоение орфографических правил.....	177
<i>Голев Н. Д.</i> Некоторые проблемы «объективистского» изучения русской орфографии в функционально-прагматическом аспекте	186

ИСТОРИЯ ПИСЬМА

<i>Винокур Г. О.</i> Орфография как проблема истории языка	195
<i>Винокур Г. О.</i> Орфографическая теория Третьяковского	200
<i>Еськова Н. А.</i> Передача фонемы <о> после парно-мягких согласных и в сочетании с предшествующим <ј> (буква ё и ее графические эквиваленты)	223
<i>Власов С. В.</i> К истокам буквы Ё	231
<i>Еськова Н. А.</i> Что означает слово «мир» в названии романа Льва Толстого?	243
<i>Мечковская Н. Б.</i> Зачем одному народу две азбуки? (Кириллица и латинка в коллизиях белорусского возрождения)	246

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ

<i>Щерба Л. В.</i> Транскрипция иностранных слов и собственных имен и фамилий	261
<i>Щерба Л. В.</i> Транслитерация латинскими буквами русских фамилий и географических названий	270
<i>Сухотин А. [М.]</i> О передаче иностранных географических названий	283
<i>Иванова В. Ф.</i> Употребление букв <i>e</i> (ё) и <i>o</i> после шипящих для обозначения ударного [o]	295
<i>Еськова Н. А.</i> О коварной букве ё	305
<i>Еськова Н. А.</i> О букве ё и знаке ударения	307
<i>Эпштейн М. [Н.]</i> Отрицание как утверждение. Интегральная модель написания «не» с глаголами и другими частями речи	311
<i>Зубова Л. В.</i> Поэтическая орфография в конце XX века	317

ПУНКТУАЦИЯ

<i>Бодуэн де Куртенэ И. А.</i> Знаки препинания	332
<i>Пешковский А. М.</i> Знаки препинания и научная грамматика	334
<i>Щерба Л. В.</i> Теория небуквенных знаков русского письма	353
<i>Щерба Л. В.</i> Пунктуация	361
<i>Зализняк Анна А.</i> Семантика кавычек	366
<i>Шмелев А. Д.</i> Скобки у Солженицына	377
<i>Шубина Н. Л.</i> Новые тенденции в пунктуационно-графическом оформлении русского текста	389

ПРОБЛЕМЫ КОДИФИКАЦИИ
И РЕФОРМИРОВАНИЯ ПИСЬМА

[Су-въ К.] Изъ статьи: «Орфографическая распря»	400
Грот Я. К. По поводу толковъ о правописаніи	406
Кульман Н. [К.] О русскомъ правописаніи.....	414
Резолюція Секціи Графическихъ Искусствъ по поводу новаго правописанія	428
Щерба Л. В. Мнение Л. В. Щербы о проекте кабардинского алфавита на основе русской графики	432
Алпатов В. М. Русская латиница Н. Ф. Яковлева.....	439
Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Орфография дескриптивная и ортологическая	453
Лопатин В. В. Русская орфография: задачи корректировки.....	490
Нечаева И. В. Глобализация в языке и проблема письменного освоения заимствований.....	506
Арутюнова Е. В. Нужна ли школе «реформа орфографии»?.....	520

СОКРАЩЕНИЯ ЯЗЫКОВ

англ.	—	английский
венг.	—	венгерский
греч.	—	греческий
испан.	—	испанский
ит./итал.	—	итальянский
лат.	—	латинский
нем./немецк.	—	немецкий
польск.	—	польский
рус./русск.	—	русский
санскр.	—	санскрит
сербскохорв.	—	сербскохорватский
словацк.	—	словацкий
старослав.	—	старославянский
тюрк.	—	тюркский
фр./франц.	—	французский
чеш./чешск.	—	чешский
швед.	—	шведский
церк.-слав.	—	церковно-славянский

ПРЕДИСЛОВИЕ

Хрестоматия представляет собой подборку статей и отрывков из работ по теории и истории современного русского письма. Она задумана как приложение к учебнику «Современное русское письмо: графика, орфография, пунктуация» и входит в состав соответствующего учебно-методического комплекса. По своему содержанию данная хрестоматия в целом соответствует программе курса «Современный русский язык (Письмо. Графика. Орфография)», который читается для студентов-русистов I курса бакалавриата на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета.

Составители видели свою цель в том, чтобы снабдить студентов-первокурсников своего рода книгой для чтения, в которой представлены научные труды (статьи и отрывки из монографий), охватывающие разные разделы курса современного русского письма, и которая дополняла бы существующие учебники, поэтому ее можно использовать и для самостоятельного чтения независимо от конкретного базового учебника.

Научная литература по общим и частным вопросам русского письма огромна, поэтому составители, разумеется, не ставили перед собой задачи охватить в хрестоматии всю проблематику, связанную с теорией и особенностями истории современного русского письма. Еще менее мы претендовали на то, чтобы дать сколько-нибудь систематизированное представление о развитии научной мысли в соответствующей области лингвистической русистики. Также читатель должен учитывать, что настоящая хрестоматия в значительной степени отражает традиции преподавания курса современного русского письма в Петербургском университете, опирающиеся на фонологическую концепцию Щербовской школы, а также вкусы и интересы ее составителей, чем объясняется, в частности, довольно большое число работ Л. В. Щербы, представленных в хрестоматии.

Обилие научной и учебной литературы по русскому письму, разнообразие проблематики и многоаспектность многих работ, включенных

в хрестоматию, несколько затрудняло ее структуризацию. Тем не менее составители решили отказаться от наиболее простого — алфавитного — принципа расположения статей и разделили хрестоматию на несколько тематических блоков: «Теория письма», «История письма», «Некоторые актуальные вопросы орфографии», «Пунктуация», «Проблемы кодификации и реформирования письма». Таким образом, в хрестоматию включены работы, затрагивающие проблемы теории и истории письма, частные вопросы орфографии, вопросы кодификации и реформирования письма, теоретические проблемы пунктуации. Разумеется, четкое распределение статей по рубрикам было нелегким делом. Так, обсуждение проблем реформирования орфографии иногда тесно связано с обсуждением теоретических проблем письма (см., например, раздел «Орфография дескриптивная и ортологическая» из монографии Е. В. Бешенковой и О. Е. Ивановой). Новаторская глава «Теория небуквенных знаков русского письма» из книги Л. В. Щербы «Теория русского письма» включена в раздел «Пунктуация», хотя с тем же основанием могла бы быть помещена и в раздел «Теория письма». И подобных случаев довольно много.

Таким образом, составители стремились охватить (в рамках предоставленного объема) все основные разделы соответствующего учебного курса. При этом в хрестоматию включены как работы классиков отечественного языкознания (И. А. Бодуэна де Куртенэ, Л. В. Щербы, В. А. Богородицкого, А. М. Пешковского и др.), видных представителей следующих поколений лингвистов (Г. О. Винокура, Л. Р. Зиндера, В. Ф. Ивановой, А. А. Зализняка, Б. И. Осипова, Н. А. Еськовой, В. В. Лопатина и др.), так и некоторых молодых исследователей.

Следует отметить еще одно обстоятельство. Описание системы русского письма в значительной своей части базируется на лингвистической, прежде всего фонологической теории. При этом не является секретом, что в отечественной лингвистике при исследовании звукового строя русского языка сосуществуют и даже в каком-то смысле противостоят друг другу несколько фонологических школ, в первую очередь Щербовская и Московская. Различия в понимании фонемы накладывают отпечаток на подходы представителей обеих господствующих в русистике школ, прежде всего в сфере терминологии (например, как называть ведущий принцип русской орфографии — *морфологическим* или *фонологическим*). В хрестоматию включены работы как «щербовцев», так и «москвичей» (независимо от их «прописки»), хотя составители хрестоматии придерживаются положений Щербовской (Петербургской) фонологической школы. В прошлое ушли времена острого противостояния, когда даже в учебных пособиях можно было встретить такие запальчивые выпады, как, например, заявление «москвича» М. В. Панова, что «теория морфологического принципа» русской орфо-

графии, которой придерживаются представители Щербовской школы, «не обеспечена мыслью»¹.

В хрестоматию, по возможности, включались статьи целиком и главы (или более или менее законченные разделы) из монографий. Такой подход дал возможность более адекватно представить логику каждого ученого и последовательность развертывания его аргументации. В то же время следование этому принципу не позволило (вследствие ограниченного объема) включить в хрестоматию ряд больших статей и глав из монографий (например, нет работ А. Н. Гвоздева, М. В. Панова и др.), которые, несомненно, заслуживают того, чтобы быть представленными в такого рода пособии.

Почти все работы представлены полностью по указанным источникам. При пропусках текста оригинала используются отточия в малых угловых скобках (<...>). Текст публикуемых работ приводится без изменений, это относится не только к содержанию, но и к графическому шрифтовому оформлению. Орфография и пунктуация публикуемых текстов сохраняются. Сохраняются принятые в разные времена сокращения (т. е. / т.-е., т. п. / т. под., т. д., так как, т. наз. / так наз., см., ср. / срв. / срвн. / сравн., вм., напр. / на пр. / н. п., проч., resp.; г. / г-нь, т. («товарищ»), проф., г. («год») и т. п.), а также сокращения языков (они даны в списке сокращений). Авторские сокращения раскрываются в малых угловых скобках (Лаврент. → Лаврентьевская). Очевидные опечатки и ошибки оригинала исправляются без оговорок. В каждой публикуемой работе библиографические ссылки оформлены по современным правилам и помещены в постраничных сносках со сквозной нумерацией арабскими цифрами, независимо от того, как было в оригинале; в ряде случаев ссылки уточнены, даны в более развернутом виде. Выходные данные публикуемых в хрестоматии работ помещаются в первом, нумерованном подстрочном примечании.

Составители надеются, что настоящая хрестоматия будет полезна не только студентам-первокурсникам филологических факультетов классических университетов, на которых она прежде всего рассчитана, но и магистрантам и аспирантам, изучающим проблемы теории и истории русского языка, а также школьным учителям-словесникам и всем интересующимся современным русским письмом, его историей и теоретическими проблемами грамматологии.

---

¹ Панов М. В. Теория письма. Орфография // Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапковой. 2-е изд., испр. и доп. Гл. 8. М.: Высшая школа. М., 1989. С. 162.

ТЕОРИЯ ПИСЬМА

И. А. Бодуэн де Куртенэ

ОБ ОТНОШЕНИИ РУССКОГО ПИСЬМА К РУССКОМУ ЯЗЫКУ

ЧАСТЬ I. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ПИСЬМЕ И ЯЗЫКЕ

1. Связь оптического и акустического в языке

§ 1. Во внешнем, внечеловеческом мире нет никакой непосредственной связи между оптическими явлениями, подходящими под понятие письма, и между акустическими явлениями, подводимыми под понятие языка. Ни «буквы» как наносимые на физические тела начертания, ни какие бы то ни было другие письменные знаки или же их сочетания не могут сами собою перейти в звуковые явления, свойственные человеческому языковому общению. Точно так же звуковым и всем прочим явлениям, сопряжённым с процессом междучеловеческого общения в области произносительно-слуховой, чужд непосредственный переход в элементы и их сочетания, свойственные писанно-зрительной стороне междучеловеческого общения.

Конечно, всякое «писание» может сопровождаться известными акустическими явлениями. Таковы, например, скрип пера, звук при нажиме мела на доску или при вырезывании долотом «букв» на каменной плите и т. п. Но ведь все эти акустические явления остаются вне сферы человеческого языка.

Печатается по сокращенному изданию: *Бодуэн де Куртенэ И. А. Об отношении русского письма к русскому языку // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2 / сост. В. П. Григорьев, А. А. Леонтьев; отв. ред. С. Г. Бархударов. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 209–235. Впервые опубликовано: *Бодуэн де Куртенэ И. А. Об отношении русского письма к русскому языку. СПб.: Тип. т-ва А. Ф. Маркс, 1912.**

Точно так же акустические дрожания или вибрации окружающей произносящего человека упругой среды, прежде всего воздуха, могут вызывать и даже всегда вызывают перемещения пространственных соотношений между частицами материи, а эти перемещения могут или производить только проходящие оптические явления, или же оставлять видимые следы на более или менее продолжительное время. Сюда относятся, с одной стороны, свойственные произношению отдельных гласных кривые пламени, находящегося на пути прохождения волн вибрирующего воздуха, или же кривые, образуемые покрывающим стеклянную плиту песком под влиянием тех же разнородных вибраций воздуха, свойственные произношению отдельных гласных, с другой же стороны, постоянные следы, наносимые акустическими процессами на валики фонографа.

Физиологические работы человеческого организма, вызываемые потребностью произношения, переходят, правда, в колебание окружающей упругой среды и ведут к преходящему ряду своеобразных акустических явлений, но, рассматриваемые сами по себе, они остаются своеобразными механическими работами, без всякой связи с физиологическими же работами, вызываемыми потребностью писать. В окончательном результате эти последние работы, работы «писательские» или т. п., ведут к появлению остающегося во внешнем мире ряда своеобразных оптических форм, но тоже лишены всякой связи с теми физиологическими работами, работами произносительными.

§ 2. Следовательно, письмо и язык, взятые в отвлечении, как две разнородные группы явлений внешнего, внечеловеческого мира, представляют из себя чуждые друг другу, несоизмеримые величины. С такой точки зрения очертания письма могут составлять предмет оптики вообще или же геометрии, произносимые же звуки — предмет общей акустики. Сопряженными с производством тех и других работами и движениями, как и всякими другими работами и движениями, должна заниматься механика. С новейшей точки зрения, все эти явления и процессы, как акустические и оптические, так и механические, должны составлять предмет исследования общей энергетики как науки о жизни вселенной. Совершенно же лишним оказывается при этом рассмотрение с лингвистической или языковедческой (глоттологической) точки зрения.

Это вполне понятно ввиду того, что, рассматривая все эти явления в отвлечении от человека, мы забываем об их постоянно существующем, психически живом источнике, каковыми необходимо считать человеческую голову и человеческую индивидуальную психику. Несомненно существующие взаимоотношения между письмом и языком мы можем установить только в таком случае, если сведем их на надлежащую почву, на почву психическую.

Действительная связь между письмом и языком может быть связью единственно психической. При такой постановке вопроса как письмо

и его элементы, так и язык и его элементы превращаются в психические величины, в психические ценности. А так как и преходящие звуки языка во всем их разнообразии, и остающиеся буквы мы должны представлять себе происходящими и существующими во внешнем мире, то, когда дело доходит до психических величин и психических ценностей, и буквы и звуки надо заменить их психическими источниками, т. е. представлениями букв и звуков, существующими и действующими постоянно и беспрерывно в индивидуальной человеческой психике.

§ 3. Между психическими элементами языка, т. е. произносительно-слухового языкового мышления, и между психическими элементами письма, т. е. писанно-зрительного языкового мышления, нет никакой необходимой «естественной» связи, а имеется только случайное сцепление, называемое ассоциацией.

При этом надо различать сторону существования психически живых языковых представлений и сторону их обнаруживания при междучеловеческом общении. Это общественное обнаруживание идет от психических центров по двум направлениям:

- 1) по направлению акустического обнаруживания с помощью звукопроизводных работ и производимых этими работами звуков;
- 2) по направлению оптического обнаруживания с помощью буквопроизводных работ и производимых этими работами букв и прочих начертаний, ассоциируемых с общим представлением человеческого языка или речи человеческой.

§ 4. Взаимоотношения между языком и письмом имеют место в языковом мышлении отдельных индивидов как носителей всякого мышления, стало быть тоже и языкового мышления, сложившегося благодаря воздействию, с одной стороны, произносительно-слуховых процессов, с другой же стороны, писанно-зрительных процессов междучеловеческого мышления. Но не во всех головах имеются результаты воздействия тех и других процессов. Вообще же в каждом человеческом коллективе, объединенном с помощью известного племенного и национального языка, точнее, языкового мышления и его обнаруживания, например, в данном случае с помощью русского языкового мышления и его обнаруживания, можно различать, с этой точки зрения, три главные группы людей, с бесчисленными переходными ступенями, а именно:

- 1) кандидатов в говорящие, т. е. младенцев или же иноязычников, попавших в данную племенную среду и подвергающихся языковому воздействию с ее стороны до тех пор, пока они сами не сделаются деятельными участниками междучеловеческого общения посредством данного племенного языка, т. е. пока в их головах не будут насаждены живые представления данного языкового мышления, сопровождаемые автоматизмом обнаруживания этих представлений в случае общения с другими индивидами;

2) людей только говорящих, т.е. участвующих активно в междучеловеческом общении с помощью произносительно-слуховых процессов данного языка, обусловленных возникновением в их головах соответственных произносительно-слуховых представлений;

3) людей не только говорящих, но и грамотных, т.е. вселивших в свои головы писанно-зрительные представления и будущих в состоянии участвовать в междучеловеческом общении путем обнаруживания этих представлений.

Главную переходную стадией от 1-й группы ко 2-й являются люди, уже понимающие других, но сами еще не говорящие; главным же переходным звеном от группы 2-й к 3-й — люди, уже читающие, но сами еще не пишущие.

Само собой разумеется, что глухонемые и слепые составляют особые категории участников междучеловеческого общения с помощью языка: глухонемые по отношению ко 2-й группе, слепые же — по отношению к 3-й группе.

§ 5. Каждой из названных трех групп свойственна особая психика, слагающаяся благодаря влиянию мелких, но беспрестанно действующих факторов, какими в данном случае являются все моменты языкового мышления и его обнаруживания во время междучеловеческого общения. Память человека только говорящего сосредоточивается всецело на области произносительно-слуховых представлений и их обнаруживаний. Когда же память обременяется по части языка тоже представлениями писанно-зрительными, в связи с их обнаруживанием, тогда должны страдать от этого выразительность и интенсивность прежних представлений исключительно произносительно-слухового характера.

В связи с этим должна меняться тоже объективизация мыслимого по части языка. За немногими исключениями, вполне грамотный человек, объективизируя во внешнем мире это мыслимое по части языка, видит его прежде всего написанным, т.е. читает воображаемое, оперирует оптическими самовольными галлюцинациями. Человеком только говорящим объективизация мыслимого по части языка осуществляется, вероятно, с помощью произвольно вызываемых галлюцинаций чисто акустического характера.

У человека только говорящего, не грамотного, не может быть речи о каком бы то ни было отношении между письмом и языком. Отношение между несуществующим и существующим совершенно невозможно. Стало быть, рассматривая отношение между письмом и языком, мы имеем в виду психику грамотного человека, т.е. человека, голова которого начинена языковыми представлениями не только произносительно-слуховыми, но тоже писанно-зрительными. Участие же такого человека в языковом общении идет по двум путям: по пути обнаруживания и воспринимания представлений произносительно-

слуховых и по пути обнаруживания и воспринимания представлений писанно-зрительных.

2. Различия и параллели оптической (зрительной) и акустической (слуховой) стороны языка

<...>

§ 10. 4) Фонемы как единицы произносительно-слухового языка, объединяемые одновременно исполнением нескольких физиологических работ, сопровождаемых мускульным чувством, и одновременно воспринимания соответствующих этим работам акустических впечатлений, разлагаются на более дробные, далее уже не разлагаемые психически живые элементы: с одной стороны, представления отдельных работ (кинемы), с другой же стороны, представления отдельных акустических впечатлений (акусмы). Между тем графемы, как простейшие элементы языка писанно-зрительного, обыкновенно дальше не могут разлагаться.

Вообще характеристическим признаком фонем следует считать их разложимость, характеристическим же признаком графем их неразложимость.

Так, например, представление работы (кинема) губ не ассоциируется ни с каким определенным писанно-зрительным элементом, а частично ассоциируется с несколькими графемами, в русском языковом мышлении с графемами *п б м ф в у ю*.

Психически неделимые графемы вызывают ассоциацию с целую группую представлений работ (кинем) и их акустических результатов (акусм), объединенною представлением одновременности исполнения и воспринимания. Так, в русском языковом мышлении графема может ассоциироваться:

а) или с группую представлений работ, в своей совокупности составляющих фонему: *ж, ш, ч, ц*;

б) или с двумя группами представлений работ, в своей совокупности составляющих две фонемы: *ш*, иногда *я, ю...* (см. § 39, 42, 56, 58);

в) или с группую представлений работ, в своей совокупности составляющих неполную фонему: *б, с, з, д...*;

г) или с группую представлений работ, ассоциируемую не только с представлением цельной фонемы, но тоже с представлением одного из составных элементов другой фонемы: *я, ю, ъ, е, и | а, у, э, о, ы*;

д) или же, наконец, только с одним произносительно-слуховым представлением, входящим в состав известной фонемы: *ъ, ь*.

Для большинства фонем русского языкового мышления нет подходящих графем, которые ассоциировались бы с ними без остатка (без излишка), но и без недостатка (см. § 62, 65, 66).

Для простейших произносительно-слуховых элементов, т. е. для отдельных кинем и акусм, только в редких случаях имеются определенные писанно-зрительные символы. Применение таких особых отличительных, диакритических значков, представление которых ассоциируется с отдельными кинемами и акусками, составляет исключение в области писанно-зрительных представлений. Таковы, например: $\overset{\cdot}{\underset{\cdot}{\sim}}$ $\overset{\cdot}{\underset{\cdot}{\sim}}$ $\overset{\cdot}{\underset{\cdot}{\sim}}$ $\overset{\cdot}{\underset{\cdot}{\sim}}$; в русской письменности $\tilde{}$ в *й*, затем *ѣ*, *ѵ* (хотя непоследовательно) (см. № 46, 57, 64, 70).

<...>

§ 12. 6) Но различие между непрерывностью произносительно-слухового языка и прерываемостью языка писанно-зрительного при их обнаруживании должно быть понимаемо в двояком смысле:

с одной стороны, как только что изложено под № 5 (§ 11), каждременный процесс языкового общения с помощью произносительно-слухового языка представляет из себя непрерываемое, замкнутое в себе, законченное целое, тогда как процессам языкового общения с помощью языка писанно-зрительного свойственны более или менее значительные перерывы и промежутки между их отдельными звеньями;

с другой стороны, речь индивидуальная (т. е. обнаруживание произносительно-слухового индивидуального мышления) течет непрерывно и воспринимается непрерывно, писанное же постоянно прерывается.

Произносительно-слуховое мыслится и обнаруживается в ряде непрерывно друг за другом следующих сочетаний одновременно происходящих работ и соответствующих этим сочетаниям работ сложных акустических впечатлений. Каждая из одновременных работ сопровождается свойственным ей мускульным чувством. Каждое же сложное акустическое впечатление разлагается на частные элементы, соответствующие порознь отдельным работам произносительного аппарата (ср. № 4, § 10).

Писанно-зрительное мыслится в отдельных, друг от друга отделенных, обособленных единицах, единицах разной степени.

Ряд графем, ассоциируемых с представлением одного написанного слова, мыслится совместно с пробелами между этими графемами. Ряды же графем, ассоциируемые с представлениями одно за другим следующих слов, мыслятся тоже совместно с более значительными пробелами, отделяющими одно написанное слово от другого.

[При этом напомним, что обнаруженная графема становится буквою, точно так же как и обнаруженная фонема становится звуком (см. § 6)].

Написанным с пробелами словам, сочетаниям слов, предложениям и т. д. вроде

[там], [вода], [попусту]...

[котел и горшок],

[на то щука в море, чтоб карась не дремал] и т. д.,

вообще всему тому, что читатель имеет перед глазами в виде каких-то отделенных друг от друга единиц, соответствует в мире произносительно-слуховом, т.е. для говорящего и для слушателя, непрерывное течение физиологических работ и акустических впечатлений. Всякие перерывы, паузы, отделения одних элементов от других являются в области произносительно-слуховой частным случаем, свойственным или временной остановке речи, или полному ее прекращению в данную минуту, или же, наконец, известным произносительным недостаткам, вроде заикания или т. п.

Мышление рядов графем с пробелами сказывается теперь особенно в печати, где каждая буква стоит отдельно, не соединяясь с другой. Но ведь и в беглом письме соединение одних букв с другими происходит только для сбережения труда, чтобы не отрывать руки и не переставать действовать налегшим на твердый предмет графическим орудием (пером или карандашом на бумаге, мелом на доске и т. п.). В изящно же составленных рукописях прежних времен каждая буква отделяется от другой. Да, впрочем, и теперь, несмотря на все соединения писанных букв, в идеале каждая буква мыслится отдельно, а уж во всяком случае «слова» пишутся раздельно, с паузами. Между тем языку произносительно-слуховому свойственно обнаруживать следующих друг за другом фонем совместно с непрерывными переходами от предшествующей фонемы к следующей, и это не только в отдельных словах, но и в сочетаниях слов, вообще в текущей речи.

§ 13. Так как определением произносительно-слуховых единиц люди занялись только под влиянием потребности устанавливать единицы писанно-зрительные, то разъединенность и прерываемость, отделимость и отрывочность элементов писанно-зрительного языка должны были отразиться и до сих пор отражаются тоже на определении элементов произносительно-слухового языка. Так называемые «звуки» и соответствующие им психические единицы, фонемы, представляют из себя не объективно друг от друга отделенные единицы, а только вырезки из непрерывного ряда, с одной стороны, физиологических работ, сопровождаемых мускульным чувством, с другой стороны, соответствующих этим работам акустических впечатлений (в психическом центре: представлений всего этого), вырезки, объединяемые одновременностью исполнения и фактической неразделяемостью этих работ и этих акустических впечатлений.

Впрочем, следует заметить, что и в произносительно-слуховой области само исполнение совершается, правда, непрерывно, но отдельные произносительно-слуховые психические элементы (фонемы, кинемы, акусмы) представляются тоже в виде отдельных единиц. Элементами произносительно-слухового языка являются «звуки», фонемы, разлагаемые на кинемы и акусмы; элементами же писанно-зрительного языка —

«буквы», неразлагаемые графемы. Стало быть, непрерывное, нераздельное имеется здесь во внечеловеческой природе, отделение же единиц происходит в психике.

Значит, различие между произносительно-слуховым и писанно-зрительным сказывается только при обнаруживании и восприятии; с индивидуально-психической же стороны надо констатировать сходство между этими двумя областями языковой деятельности, т. е. между областью писанно-зрительной и произносительно-слуховой.

<...>

§ 21. 8) Многообразие (разные формы) графем, рядом с простым разнообразием фонем, сказывается прежде всего в том, что самые разнообразные представления разных начертаний одной и той же «буквы», т. е. графических альтернатив или чередований, объединяются в одну группу благодаря ассоциации с одною и тою же группой произносительно-слуховых представлений (кинем и акусм), т. е. или с отдельной фонемой, или с неполною фонемой, или же с цельною фонемой плюс какая-нибудь особенность. Достаточно указать на самые разнообразные начертания, свойственные русским графемам [д], [т], [е], [ѣ]. <...>

Исторически, в глубине веков, все эти графические видоизменения одной и той же графемы сводятся к одному представлению:

для видоизменений графемы	[д] ...	Д,	
»	»	[т] ...	Т,
»	»	[е] ...	Е

и т. п.

Не все указанные видоизменения отдельных графем могут считаться одинаково ценными: одни из них действительно только чисто графического («каллиграфического» и «типографского») характера и могут быть подставляемы одно вместо другого, не нарушая тождества ассоциаций с представлениями из области произносительно-слухового языка. Однако же при различении больших и малых букв дело представляется несколько иначе: хотя ассоциации с представлениями произносительно-слуховыми остаются одни и те же, но зато меняются ассоциации с представлениями морфологическими и семасиологическими. Ведь представлениям больших букв свойственны другие ассоциации этого рода, нежели представлениям малых букв (см. § 25, 84, 87).

§ 22. 9) Альтернативы или чередования графем бывают различных видов и степеней. Мы их здесь рассмотрим сравнительно с соответствующими им альтернативами или чередованиями фонем в области произносительно-слухового языкового мышления и его обнаруживания.

а) Вообще следует отметить альтернативы графем, связанных психически (ассоциированных) с представлением одной фонемы. Разновидности одной графемы объединяются ассоциацией с одною фонемой, т. е. с известным комплексом-минимумом произносительно-слуховых пред-

ставлений. Таковы, например, все графические разновидности, ассоциируемые с русской фонемой [t], [s], [t'] («мягкое» t), [ó] (o ударяемое), [é] (e ударяемое) и т. п.

Этому оптическому (писанно-зрительному) разнообразию, объединяемому посредством акустического (произносительно-слухового) однообразия, нет, собственно, обратной параллели, хотя, впрочем, можно бы сюда подвести случай, когда разные фонемы, или альтернирующие (чередующиеся) в строгом смысле этого слова, т. е. альтернирующие на почве морфологической, или же вовсе не альтернирующие, объединяются одним писанно-зрительным или же оптическим представлением, т. е. одной графемой, например, в русском языковом мышлении и его обнаруживании объединение с помощью графем *p* (*рот pта...*, *смотр, смотра...*), *m* (*мыкать мкнут...*), *o* (*год года годовой полгода...*) и т. п.

§ 23. б) Не выходя за пределы оптических, т. е. писанно-зрительных, представлений, альтернируют (чередуются) между собою видоизменения одного и того же обособленного графического представления. Таковы, например, разные видоизменения графемы *Д* (д «большое» или «прописное»). Их объединение обусловлено ассоциацией с общим туманным представлением единства этой растяжимой и разнообразящейся графемы, помимо ассоциационной связи с соответственным комплексом произносительно-слуховых элементов.

В произносительно-слуховом языковом мышлении и его обнаруживании аналогию этому графическому разветвлению и объединению мы находим в дивергенциях или неофонетических альтернативах (чередованиях) одной и той же фонемы, являющейся, таким образом, психическим объединителем всех этих видоизменений. Например, видоизменения русской фонемы [e] в зависимости от сочетания со следующими звукопроизводными работами: широкое (открытое) перед «твердыми» согласными, узкое (закрытое) перед «мягкими» согласными, среднее в конце «слова», т. е. в конце произносимого ряда.

в) Совершенно различные графические типы, стало быть, различные графемы, альтернируют (чередуются) как «родственные», т. е. объединяются психической сочетаемостью или ассоциацией с одной фонемой, точнее, с одной и той же группой фонем. Таковы, например, разные русские графемы, *m* (курсивное), *m* (рукописные), *t* (печатное), *T* (курсивное), *П* (писанное), *T* (печатное)..., связанные между собою благодаря ассоциации с фонемами [t] («твердое») и [t'] («мягкое»)..., или же разные графические видоизменения, связанные общим названием «буквы *ятъ*».

Здесь несколько определенных графических представлений сочетается (ассоциируется) с представлением одной графемы, единство которой обуславливается как сочетаемостью (ассоциируемостью) с одним объединяющим представлением произносительным (акустическим), с представлением одной фонемы приблизительно, так и одним назва-

нием, названием, указывающим именно на эту ассоциационную связь с представлениями из области произносительно-слухового языкового мышления.

В произносительно-слуховом языке этому виду графической альтернации соответствуют исторические, традиционные альтернанты, объединенные принадлежностью к составу «родственных» альтернирующих морфем. Например, в русском альтернации: [g || ž] морфем [mog-] и [mož-] в словах *могу, могут, и можешь, может* и т. д.; [v || v'] морфем [voz-] и [v'oz-, v'ez-] в словах *воз, вожу и вез, везти...*; [e || o] морфем [v'ez || v'oz-] в словах *везу и вез...*, морфем [v'ez- || voz-] в словах *везу, везти... и воз, возит...*

§ 25. г) Оптические альтернации графем могут быть утилизированы (использованы) в связи с различием морфологических и семасиологических представлений языкового мышления, т. е. в связи с формой и со значением. Это будет «морфологизация» и «семасиологизация» писанно-зрительных (графических, оптических) различий. Таково различие больших и малых букв, различие устава, курсива и разрядки (в печати), различие написаний подчеркнутых и не подчеркнутых букв (на письме) и т. п.

Сюда точно так же должно быть отнесено умышленное различие относительной важности мест написанного с помощью различных красок. Так, например, в старинных рукописях начальные буквы и даже строки абзацев или глав отличались красным цветом от остальных черных букв. Этому обычаю мы и поныне обязаны выражением «красная строка», «с красной строки».

В произносительно-слуховом языке подобная же утилизация представлений работ и вызываемых этими работами акустических впечатлений сказывается в наличности коррелятивов или психико-фонетических альтернаций (чередований). «Морфологизация» различий произносительно-слуховых элементов сказывается в существовании различных морфологических типов (склонения, спряжения, «словообразования»...). В русском языковом мышлении стоят здесь на первом плане: различие работ средней части языка («твердость» и «мягкость») при согласных и различие ударяемости при гласных. «Семасиологизация» же свойственна всем произносительно-слуховым работам и их акустическим продолжениям. Например, при различении русских [там] и [дам] семасиологизуется различие работ голосовых связок гортани, свойственное началу этих слов. В словах [баба] и [мама] семасиологизуется различие работ мягкого неба при согласных, начинающих оба слога: раз мягкое небо приподнято и прижато, исключая возможность носового резонанса; другой раз оно опущено, что и ведет за собою проход воздуха в нос, вызывающий акустическое впечатление носового резонанса.

§ 26. В истории произносительно-слухового языка мы можем отметить, с одной стороны, распадение некогда единых фонем на две или

больше, распадение единых морфем (и слов) на несколько (две и более), с другой же стороны, слияние и совпадение прежде различавшихся фонем в одной, слияние и совпадение прежде различавшихся морфем (и слов) в одной. Сходные явления представляет нам история писанно-зрительного языка. Из единой когда-то графемы получалось несколько, или сохранивших связь между собою благодаря общей ассоциации с представлениями произносительно-слуховых элементов, или же даже эту связь совершенно потерявших. Обратный исторический процесс представляет из себя совпадение отдельных когда-то графем в одной. Сюда принадлежит в некотором смысле совпадение в русском языковом мышлении графемы *e* с графемой *ъ* («ять»).

<...>

§ 32. 14) В связи с историей возникновения обеих сторон языкового мышления и его обнаруживания, стороны произносительно-слуховой и стороны писанно-зрительной, находится взаимная зависимость писанно-зрительных и произносительно-слуховых представлений.

У людей неграмотных представления писанно-зрительные отсутствуют и, следовательно, у них не может быть никакой речи об упомянутой зависимости. Писанно-зрительное и произносительно-слуховое могут взаимно обуславливаться только в психике человека грамотного. «Функциональной зависимостью» в смысле математическом этой зависимости никоим образом назвать нельзя. Ибо ведь произносительно-слуховое может возникать и мыслиться совершенно независимо от писанно-зрительного; писанно-зрительное же имеет смысл, осмысливается только в связи с произносительно-слуховым.

Из этого вытекает зависимость графем от фонем, а не наоборот.

Несколько иначе обстоит дело в письменностях идеографического характера, с так называемыми «иероглифами» или т.п. Точно так же и в наших письменностях, письменностях европейских и т.п., имеется известное количество символов, ассоциируемых прямо с представлениями морфологическими и семасиологическими, без посредствующего звена из области произносительно-слуховой.

§ 33. Из предшествующего явствует, что мы должны строго различать «буквы» и «звуки», графемы и фонемы, т.е. писанно-зрительную и произносительно-слуховую сторону языкового мышления грамотного человека, различать и по существу и в терминологии.

С фонемой связано (ассоциировано) представление произносительных работ, сопровождаемых мускульным (двигательным) чувством, и представление звука; с графемой связано представление писательской работы (не столь важной сама по себе, как работа произносительная) и представление буквы.

Следует старательно избегать подстановки терминов из одной области языкового мышления в другую область. Можно, например, гово-

речь о «долгих» и «кратких» (во времени) фонемах и звуках, но нельзя говорить о «долгих» и «кратких» (в этом смысле) графемах и буквах. Зато можно говорить о графемах и буквах длинных и коротких. О «жирных буквах» можно говорить, но нельзя говорить о «жирных звуках». Нельзя тоже говорить о «глухих» или «немых» буквах, так как ведь это термины чисто акустические, а не оптические. Зато можно говорить о буквах, представления которых ассоциированы с представлением глухого (не звонкого) произношения голосовыми связками гортани или же с полным отсутствием акустического элемента (с «немотою»).

Самым обыкновенным явлением надо считать несовпадение числа «букв» (графем) и числа соответствующих этим буквам «звуков» (фонем). В специальном отделе о русском алфавите, графике и правописании (§ 37–89) будут приведены многие случаи подобного несовпадения; например, *щ, я, бѣ, бѣ...*

Выражения вроде «этот документ звучит», «статья закона гласит» и т. п. основаны тоже до известной степени на смешении терминологии из области произносительно-слуховой с терминологией из области писанно-зрительной. Строго говоря, написанное, закрепленное в документе или в законе, не может «звучать» и «гласить». Но оно «гласит» и «звучит», когда мы его читаем.

§ 34. Из предшествующего ясно, что, в сущности, нельзя говорить о «памятниках языка», если под языком понимать произносительно-слуховую сторону языкового мышления и его обнаруживания. Памятники принадлежат к области писанно-зрительной, и поэтому единственно точным выражением будет «памятники письма». Конечно, благодаря графически-фонетическим ассоциациям, т. е. ассоциациям писанно-зрительных представлений с представлениями произносительно-слуховыми, мы можем по памятникам делать заключения об особенностях отразившегося в них языка произносительно-слухового; но от этого сами-то памятники не перестают быть явлениями писанно-зрительными, вызывающими и расшевеливающими в сложной области языкового мышления прежде всего наши писанно-зрительные представления.

В последнее время составляют архивы фонограмм, т. е. собрания фонографических валиков и пластинок, воспроизводящих произношение известных лиц как носителей того или другого произносительно-слухового языка. Но и на эти памятники нельзя смотреть как на памятники произносительно-слухового языка в строгом смысле этого слова. В неподвижном, постоянном виде хранятся здесь только известные начертания и углубления, которые, по приведении «памятника» в соответственное движение, вызывают впечатления, сходные с первоначальными впечатлениями от произносительных работ и их продолжений во внешнем мире, вызвавших эти нарезки, начертания, углубления на податливом материале.

§ 35. Сюда же, т. е. к различению письма и языка, относится исторический факт, что степени различения алфавитов вовсе не совпадают со степенями различия языков, т. е. языковых мышлений и их обнаруживаний. Все алфавиты являются исторической случайностью, в зависимости от географического соседства, от культурного влияния, от вероисповедания, наконец, от «произвола».

Русский алфавит вовсе не связан с русским языком по существу; он с ним связан только благодаря исторической случайности.

Это общее положение подтверждается изобретением все новых тайных, «условных» алфавитов (криптография) для одного и того же языка, равно как и возникновением тайных, «условных» языков.

ЧАСТЬ II. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РУССКИМ ПИСЬМОМ И РУССКИМ ЯЗЫКОМ,

*т. е. между русскими произносительно-слуховыми
представлениями и их обнаруживанием
и между русскими писанно-зрительными
представлениями и их обнаруживанием*

§ 36. Делимость произносительно-слухового языкового мышления и его обнаруживания ведет нас в окончательном результате к установлению его дальше не разложимых элементов не только со стороны фонетической, произносительно-слуховой (см. § 10), но тоже со стороны морфологической и семасиологической. Произносительно-слуховые элементы морфологизуются и семасиологизуются.

Сообразно с этим, связь письма и языка, т. е. связь писанно-зрительных представлений с представлениями произносительно-слуховыми, может быть различная:

- а) связь с этими представлениями как с представлениями просто произносительно-слуховыми, без всяких дальнейших ассоциаций;
- б) связь с представлениями произносительно-слуховыми морфологизованными;
- с) связь с представлениями произносительно-слуховыми семасиологизованными.

В письменности отражается не только объективная фонетика, но тоже объективная морфология и объективная семасиология языка.

Вообще же рассмотрение отношений между русским письмом и русским языком распадается на следующие части:

1. Русский алфавит или русская азбука, т. е. описание и всесторонняя характеристика элементов писанно-зрительного материала, связанного потенциально с элементами произносительно-слуховыми,

но еще без определенных частных ассоциаций. Говоря популярно, в этой части рассматриваются вопросы, с помощью каких графических средств обозначаются «звуки» русского языка и их сочетания.

2. Русская графика. Связь писанно-зрительных элементов с элементами только произносительно-слуховыми, в отвлечении от ассоциаций с представлениями морфологическими и семасиологическими.

3. Русская орфография или правописание в тесном смысле этого слова. Связь писанно-зрительных представлений не только с представлениями произносительно-слуховыми, но тоже с представлениями морфологическими и семасиологическими.

<...>

§ 84. Морфологическая делимость произносительно-слухового языка в самом обширном смысле этого слова находит себе отражение в следующих особенностях языка писанно-зрительного:

Периодам, фразам, предложениям соответствуют красные строки, знаки препинания вроде точки (.), двоеточия (:), точки с запятой (;), запятой (,), больших букв после точки. Отделы речи символизируются в написании главами, параграфами, отделительными чертами (—).

Предложение как целое распадается на синтагмы или слова как синтаксические единицы, синтаксические элементы. Отделение синтагм в писанно-зрительном языке достигается на письме посредством пауз или пробелов между писанными словами. Сюда относятся тоже «тире» или отделительные черточки (-), употребляемые в сложениях слов.

Отделение морфем или морфологических элементов, входящих в состав синтагм, как целого достигается на письме с помощью морфологического принципа правописания, или писания на основании морфологической ассимиляции (§ 75, 76): *водка, просьба*, а не *вотка, прозьба* ... и т. п.

§ 85. Сказанное о русской графике (§ 62–73) и о русском правописании (§ 74–81) мы можем в известном смысле обобщить следующим образом: ассоциации писанно-зрительных представлений с представлениями произносительно-слуховыми, разбираемые в отделе графики, касаются с произносительно-слуховой стороны по преимуществу представлений работ средней части языка в полости рта, ассоциации же писанно-зрительных представлений с представлениями произносительно-слуховыми, подходящие под понятие правописания или орфографии в тесном смысле этого слова, вращаются по преимуществу в полости гортани: при согласных — различие глухих и звонких, при гласных же — различия акцента или ударяемости, хотя этими последними вызываются тоже значительные как количественные, так и качественные различия укладов всей полости рта.

§ 86. Сторона ассоциаций с семасиологическими представлениями, т. е. с представлениями значения, сказывается в русском писанно-зрительном языке следующим образом:

- 1) при отсутствии особых писанно-зрительных показателей;
- 2) в особых показателях семасиологических различий.

1-й вид относится ко всем написаниям без знаков ударения. При чтении необходимо присоединяется ассоциация с представлением произношения целого слова по отношению к его акцентовочному строению. Конечно, это связано тоже с представлением деления слова на морфологические части или на морфемы. Так, например, *потом*, *начала* (двоякое ударение, двоякий акцент и два значения), *пугала* (тройное ударение и три значения), *созыв* (два ударения), *замок*, *домового* (или *домоваго*) *домовому...*, *окружного* (или *окружнаго*) *окружному...* Ср. тоже *должен* и *должон*, *домовый* и *домовой*, *окружный* и *окружной*; *поет*, но *воет* и т. п.

Эта сторона русского письма и чтения выступает особенно ярко, если его сравнить с письмом и чтением языков с морфологически неподвижным акцентом (ударением), например, с письмом и чтением польским, чешским, французским. Зато, например, немецкое письмо и чтение носит другой характер, напоминающий характер русского письма и чтения, потому что как раз представлениям немецкого акцента (ударяемости) свойственны по преимуществу ассоциации с семасиологическими представлениями, в связи с морфологическим расчленением слов.

§ 87. 2-й вид отражения семасиологических различий в написаниях русских слов обнимает собою прежде всего все те случаи, когда вообще, в согласии с произношением и с морфологическою делимостью, имеются различные написания. Например, *дам* и *там*, *гад* и *кат*, *гадок* и *каток*, *грусть* и *грудзь*, *бобы* и *попы*, *баба* и *мама*, *мой* и *мои* и т. п.

Затем, сюда относится различие двух слов *мир* и *мір* с условным применением в одном «и осьмиричного», в другом «i десятиричного»; а если к этому прибавить *муро* (с «ижицей»), то получится тройное: *мира*, *міра* и *мура* и т. д.

Точно так же, в связи с морфологическою делимостью слов, с представлением различия семасиологических представлений может ассоциироваться представление различного применения графем *ть* и *е*; например, с одной стороны, *на море*, *на поле*, *на ложе...*, с другой стороны, *на морть*, *на полть*, *на ложть...* (§ 106).

Применение больших букв в начале собственных имен и других слов особого веса относится к категории писанно-зрительных различий по семасиологическим соображениям.

К разряду семасиологических ассоциаций относится также употребление знаков ударения для отличения одних слов от других: *пóтом* и *потóm*, *зámок* и *замóк*, *пугáла*, *пугалá* и *пугáла* и т. п.

§ 88. Наконец, с семасиологическими представлениями ассоциируются некоторые знаки препинания: до известной степени двоеточие (:); затем, знак вопросительный (?), знак восклицательный (!), кавычки (« »), предполагаемый и возможный знак иронии, многоточие (...) как знак

догадки или восполнения недостающего самим читателем; курсив, разрядка, подчеркивание, большие буквы в начале собственных имен или других привилегированных слов.

Этой стороной, стороной осуществления ассоциаций с семасиологическими представлениями, письмо, основанное на ассоциации писанно-зрительных представлений с представлениями произносительно-слуховыми, соприкасается с письмом идеографическим, гиероглифическим, т.е. с письмом, основанным на непосредственной ассоциации писанно-зрительных элементов с элементами значения, с элементами семасиологическими.

<...>

Приложение 1

Деление писанного слова на фонетические и морфологические части

§ 90. Слова произносительно-слухового языка делятся, с одной стороны, на фонемы (§ 10), с другой же стороны, на дальше не разложимые морфологические единицы, на морфемы, ассоциируемые в своем произносительно-слуховом составе с представлениями семасиологическими (с представлениями значения) и с представлениями построения, с представлениями морфологическими. Неделимые сами по себе морфемы повторяются в других сочетаниях; а эта возможность отделения от одних сочетаний и соединения с другими и является объективным средством установления морфологических элементов языкового мышления.

Это разложение слов произносительно-слухового языка на фонемы и морфемы стараются обозначать и в соответствующих произносительно-слуховым словам сочетаниях единиц писанно-зрительного языка.

Обыкновенно не только в школьных учебниках, но даже в сочинениях, претендующих на научность, выходят при этом от букв и просто отделяют буквы и сочетания букв от букв и сочетаний букв, заменяя этим проникновение в сущность произносительно-слухового языка. Ведь иначе пришлось бы мыслить и шевелить мозгами, а подобное занятие и тяжело и, может быть, даже опасно.

И вот мы встречаемся со следующим делением «слов» на «звуки»:

в-о-д-а, в-я-з-а-т-ь, б-л-ю-с-т-и и т. п.,

точно есть в самом деле «звуки» (т.е. произносительно-слуховые целые), совпадающие без остатка и без недостатка с графическими целыми: *в, д, з, т, б, л, с, т...*, *о, а, я, ю, и...* (см. § 10, 40, 42, 55–57, 62, 65–72).

Морфологическое же деление слов на «корни», «приставки», «представки», «основы», «окончания» и т. п. осуществляется у наших «ученых» и «педагогов», между прочим, следующим образом:

вод-а..., дын-я, земл-я, ше-я, зме-я, стру-я..., стол-ъ..., кон-ь..., кра-й, обыча-й...

Как ни невинными кажутся подобные топорные и бессмысленные приемы, в них, тем не менее, проявляется путаница и смешение понятий: смешение букв со звуками, графем с фонемами. Эти господа следуют рабски за буквами и вовсе не разбираются в том, что они сами называют «звуками». Они не отличают действительных морфем (морфологических частей слов) от каких-то смутных и неопределенных сочетаний чего-то произносимого и слышимого. Ибо как же иначе объяснить принимаемые ими «окончания» *я* (*дын-я, ше-я...*), *й* (*кра-й...*), *ъ, ь* (*стол-ъ..., кон-ь...*), поставление «окончаний» *ъ, ь* наравне с «окончаниями» *а, я* и с «окончаением» *й*?

Этим нашим «воспитателям», действующим с одобрения «авторитетных властей», мы обязаны ядом, отравляющим наше мышление не только по части языка, но и вообще.

Подобного рода приемы деления слов мы должны просто отвергнуть, объявив их вредными и, стало быть, недопустимыми.

§ 91. Самым удобным способом, позволяющим нам без труда отражать и на письме свойственное произносительно-слуховому языку деление слов на фонетические и морфологические части, является передача слов не с помощью обыкновенного русского письма со свойственными ему ассоциациями, а только с помощью транскрипционного «научного» письма, в котором самодовлеющие графемы вполне совпадают с соответствующими им фонемами, т. е. сполна, без остатка, без излишка и без недостатка указывают на все психически живые произносительно-слуховые элементы соответствующих фонем. Обыкновенному русскому письму и письму транскрипционному свойственны различные психологии (§ 66).

Ассоциируя с русскими написаниями *ба/бя, лу/лю...* общее представление обычного русского языкового мышления, мы тем самым возбуждаем навязчивые идеи, делающие невозможным полный параллелизм письма и произносительно-слухового языка (§ 65).

Если же, даже пользуясь русскими буквами, мы напишем, например, *ба (б^а) | б'а (б'^а), лу (л^у) | л'у (л'^у)...*, то уже этим самым создаем совпадение отдельных графем с отдельными фонемами. То, чего недостает графемам согласным обыкновенных русских написаний и что определяется только следующими за ними графемами (различение «мягкости» и «твердости»), то в «научной» транскрипции совмещается уже в графеме согласной. Графемам же гласным не приходится играть роли подспорья для графем согласных, и они вполне совпадают с соответствующими им фонемами.

Тот же принцип проведен в сербской графике, установленной Вуком Караджичем. Там немногочисленным самостоятельно среднеязычным

(«мягким») согласным фонемам, свойственным сербскому произносительно-слуховому языку, в отличие от несреднеязычных («твердых»), соответствуют в писанно-зрительном языке законченные самодовлеющие графемы: *њ, љ, ћ, ђ* в отличие от *н, л, т, д*. Кроме того, в сербском имеется *j*, дающее возможность писать *ја, ју, је, јо...* вместо русских *я, ю, е, ъ...*

Во избежание соблазна, т. е. для уменьшения возможности сопроводить графемы нежелательными навязчивыми идеями из области произносительно-слуховой, при передаче русских слов транскрипционным «научным» письмом лучше пользоваться не русскими, а только какими-нибудь другими, хотя бы, например, латинскими буквами, т. е. *ба бя* передавать через *ba b'a, лу лю* — через *lu l'и* и т. п.

Обыкновенные русские написания:

вода, дыня, земля, шея, змея, струя, стол, конь, край, обычай, вязать, блюсти, края, ищю, ее или ея...

принимают в транскрипции следующий вид:

при пользовании русскими буквами —

váda, díń'a, z'емл'á, шéя, зм'ейá, струйá, стол, кон', край, áбичай, в'азáт', бл'уст'ú, крáйá, 'иичу', 'ейó...

при пользовании латинскими буквами —

váda, díńa, zeml'á, šéja, zméjá, strujá, stol, koń, kraj, ábíčaj, vázat', bl'ust'i, krája, 'išči, jejó...

И при употреблении русского письма можно бы, по примеру сербского, вместо *й* подставлять *j* и писать:

шеја, змеја, струја, крај, áбичај, краја, јејó...

Относительно транскрипционных сочетаний *ди, би, ст'и...* или *dí, bí, st'i...* вместо обычных *ды, бы, сти...* ср. то, что говорится о фонеме [i_m] (*i mutabile*) (§ 44).

Не следует забывать, что, применяя транскрипционное письмо, мы не гоняемся за безусловную точность передачи всех произносительно-слуховых оттенков — при наличных средствах это было бы покушением с негодными средствами, а только имеем в виду психическую сторону произносительно-слухового языка.

Применение подобного рода транскрипции дает нам возможность изображать графически деление слов и на фонетические и на морфологические части, не вводя путаницы и смешения понятий.

Деление на фонемы предстанет в следующем виде:

v-â-d-á, ð-ú-n'-a, z'-e-m-l'-á, ш-é-й-а и т. п.,
или же: *v-â-d-á, d-i-n'-a, z-e-m-l'-á, š-é-j-a* и т. п.

Деление же на морфемы выразится следующим образом:

vâd-á, díñ'-a, z'eml'-á, šej'-a, струй'-á, стол, кон', край, ábíč-aj, v'az-á-m', bl'us-t'í (или bl'us-t'í), kraj'-a, 'ишч-у, й-ейó....,
или же: *vâd-á, díñ'-a, zeml'-á, šej'-a, zñej'-á, struj'-á, stol, koñ, kraj, ábíč-aj, váz-a-t', bl'us-t'í (или bl'u-st'í), kráj'-a, 'išč-ú, j-ejó....*

Однако ж мы не должны себя обманывать насчет совершенства транскрипционного способа, в особенности не должны думать, что им устраняются все навязчивые идеи и вместе с тем всякая путаница, всякое смешение понятий. Напротив того, применение с транскрипционной целью какого бы то ни было алфавита со свойственной писанно-зрительному языковому мышлению прерываемостью (§ 11–12) может иметь последствием до известной степени навязывание миру произносительно-слуховому того, что ему совершенно чуждо. А этому миру свойственна не прерываемость в виде отдельных единиц, а только непрерывное течение и незаметный переход одних работ и укладов в другие. Конечно, подобного смешения понятий легко избежать, относясь сознательно и с разбором к психическим процессам, происходящим в нас самих и в других членах языкового общения.

§ 92. Графической символизации и фонетического и морфологического деления произносительно-слухового языка можно достигнуть тоже при сохранении обычных рукописных написаний со всеми свойственными им ассоциациями писанно-зрительных представлений с представлениями произносительно-слуховыми. Только, само собой разумеется, нельзя применять при этом топорное отделение чертами (тире) или же отвесными линиями одних букв от других, вроде *в-я-з-а-т-ь* или же *вол-я, ше-я*.

Первым долгом необходимо иметь постоянно в виду, что всем графемам гласных русского языкового мышления свойственна тройная ассоциация с представлениями произносительно-слуховыми (§ 68–73), что графемам *ъ* и *ь* свойственна только одна из этих трех ассоциаций (§ 57), что большинством графем согласных не сполна определяется произносительно-слуховой состав соответствующих им фонем (§ 55) и, наконец, что графемы *ц, ж, ш, ч, щ* занимают в этом отношении особое положение (§ 55).

К сожалению, графемы представляют из себя неделимые неразложимые целые. Если они и состоят из нескольких частей, то все-таки нельзя сказать, что эти отдельные части порознь ассоциируются с отдельными «кинемами» и «акусмами» как далее неделимыми произносительно-слуховыми элементами (§ 10). Так, например, нельзя сказать, что при графе-

ме Б б одна ее часть ассоциируется с представлением работы губ, другая с представлением сжатия органов, третья — с представлением поднятия мягкого неба и закрытия снизу носовых полостей, четвертая — с представлением звукопроизводного дрожания голосовых связок гортани и т. д. Точно так же нельзя сказать, что, например, из трех геометрических частей графемы я верхний круг ассоциируется с представлением слоогобразования, правая кривая с представлением известного уклада всей полости рта, а нижний левый хвост с представлением приближения средней части языка к небу в произносительный момент, предшествующий произнесению данной гласной фонемы (§ 10, 68–73). Со всеми частными произносительно-слуховыми представлениями, свойственными данной фонеме как произносительно-слуховому целому, ассоциируются зараз и вся графема в целом неделимом и все ее части.

Следовательно, изображая в обыкновенных русских написаниях фонетическое и морфологическое деление соответствующих написаниям произносительно-слуховых слов, нельзя прибегать к отделению одной буквы от другой (*в-о-д-а, м-и-л-я, з-м-е-я...*, *вод-а, мил-я, зме-я...*), ни к разделению букв на части, с присвоением каждой из этих частей особой частной ассоциации с единым произносительно-слуховым представлением. Разрезать букву пополам или же на три и более частей значило бы давать ложное показание об объективных отношениях между писанно-зрительными и произносительно-слуховыми представлениями языкового мышления.

Если с данной графемой, прежде всего с графемой гласной, ассоциируется представление или всех ее собственных произносительно-слуховых элементов, поскольку они вообще отражаются на письме, или хотя бы лишь одного из элементов, входящих в состав рядом мыслимой фонемы, — то эту двойственную роль данной графемы можно символизировать только ставя или над нею, или же под нею известный определенный условный знак, например, отвесную черту †.

§ 93. Согласно с этим, мы можем показывать на письме фонетическую делимость слов, делимость на фонемы как отдельные произносительно-слуховые элементы следующим образом:

во|да́, на|су́, к|ра|ла́...
 ве|ли́, во|ля́, ня|та́...
 во|тѣ́, на|лѣ́, ли|лѣ́...
 ня|тѣ́, да|лѣ́, ко|с|тѣ́...
 да́ дя́ бы́ би́...
 а́ я́, у́ ю́, э́ о́, е́ ъ́, ы́ и́ ...
 з|мѣ́|я́, с|т|ру́|я́, с|то́|ю́
 во|дѣ́, не|се́|тѣ́, не|се́|тѣ́...
 да́|и́, да́|и́|тѣ́...

При этом разделительные отвесные черты, |, между буквами показывают, что в данном месте граница между графемами совпадает с границей между фонемами. Конечно, границы эти совершенно различного характера: при отделенных друг от друга графемах имеется действительно граница, предел, отделение, пауза, при фонемах же незаметный бесперывочный переход (§ 11–12).

Эти знаки разделения над буквами *а, у, о, э, ы, и*, отдельно взятыми, показывают, что перед соответствующими этим графемам гласными фонемами мобилизуется психически представление известной работы средней части языка по отношению к нёбу: при *а у о э ы* удаление языка от нёба, при и приближение языка к нёбу.

Сообразно с природою отдельных графем, т.е. сообразно со свойствами этим графемам ассоциациями из мира произносительно-слухового, названная символизация фонетической делимости с помощью особых знаков над буквами (или же под буквами) не во всех случаях одинаково необходима.

Она действительно необходима в случаях, как

я ю' е' ъ' и'...,
ля' бя' ся'..., *лю' бю' сю'...*, *ле' бе' се'...*, *ль' бль' сть'...*,

ибо здесь как оставление *я ю е ъ и* без всякого знака, так и разделение *л|я б|я...*, *л|ю...*, *л|е л|ь...* непременно вызывают ложное представление о произносительно-слуховом составе соответствующих фонем и их сочетаний.

Другое дело с написаниями:

а у э о...,
ла ба са..., *лу бу су...*, *ло бо со...*, *лэ бэ сэ...*

Как рядом с *полька, горька, просьба, пальба, коньки...*, *брось, даль, конь...* могут сосуществовать написания *полка, горка, носки, полба, конка...* и даже *пол, дал, нос, он...* (§ 70), как в транскрипционном письме считаем необходимым обозначение мягкости фонем согласных (*л' б' с' т'...* или *l' b' s' t'...*), а обозначение твердости фонем согласных считаем обыкновенно лишним (т.е. пишем не *л° б° с° т°...* или *l° b° s° t°...*, а только *л б с т...* или *l b s t...*), так же точно в аналогичных случаях символизации связи гласных фонем предшествующими им несреднеязычными («твердыми») согласными можем вместо *а' у' э' о'...*, *ла' ба' са'...*, *лу' бу' су'...*, *ло' бо' со'...*, *лэ' бэ' сэ'...* писать просто *а у э о...*, *л|а б|а с|а...*, *л|у б|у с|у...*, *л|о б|о с|о...*, *л|э б|э с|э...*

Графемы *ъ* и *ь* ассоциируются только с представлением одного из произносительно-слуховых свойств фонемы, совпадающей в общем с предшествующею этим графемам графемой. Поэтому к графемам *ъ* и *ь*

можно бы вовсе не применять разделительных знаков и обозначать деление писанных слов, в состав которых входят эти графемы, вот как:

во|тѣ или в|о|тѣ, во|дѣ или в|о|дѣ, на|лѣ или н|а|лѣ, ли|лѣ...,
ня|тѣ, да|лѣ или д|а|лѣ, ко|с|тѣ или к|о|с|тѣ, н|р|о|сѣ|бѣ или н|р|о|сѣ|б|а,
ко|нѣ|кѣ или к|о|нѣ|к|а...

Наконец, так как графемами *ц ж ш ч щ* вполне определяются все произносительно-слуховые элементы ассоциируемых с ними фонем (§ 55), то отделение этих графем от следующих за ними графем гласных должно быть производимо с помощью простой отвесной черты между ними:

ц|а|рѣ, ц|нѣ|лы|й, ц|ы|г|а|нѣ или ц|ы|г|а|нѣ, ли|ц|о..., ж|а|лѣ или ж|а|лѣ,
ж|у|ч|о|кѣ или ж|у|ч|о|кѣ, ж|е|нѣ или ж|е|нѣ, ж|о|нѣ или ж|о|нѣ или ж|е|нѣ
или ж|е|нѣ, но|ж|о|мѣ или н|о|ж|о|мѣ, ж|и|з|нѣ или ж|и|з|нѣ...,

ш|а|рѣ или ш|а|рѣ, ш|у|мѣ|тѣ или ш|у|мѣ|тѣ, ш|о|лѣ или ш|о|лѣ или
ш|е|лѣ или ш|е|лѣ, ш|и|рѣ или ш|и|рѣ, ду|ш|нѣ или д|у|ш|нѣ...,

ч|а|ш|а, ч|у|е|тѣ или ч|у|е|тѣ, ч|и|с|т|о или ч|и|с|т|о, ч|о|р|нѣ|й или
ч|о|р|нѣ|й или ч|е|р|нѣ|й или ч|е|р|нѣ|й, с|вѣ|ч|нѣ...,

щ|а|ди|тѣ или щ|а|ди|тѣ, щ|о|т|кѣ или щ|о|т|кѣ или щ|е|т|кѣ или
щ|е|т|кѣ, щ|и|тѣ или щ|и|тѣ, ни|щ|нѣ...

При этом, конечно, над буквою *щ* следовало бы тоже поставить знак делимости, так как графема *щ* ассоциируется не с одной фонемой, а с двумя, друг за другом следующими: [šć] (*шч*) или [šš] (*шш*). В этом последнем случае это скорее долгое, обыкновенно среднеязычное («мягкое»), [š] (§ 103). Стало быть, при полной точности символизации на письме фонетической делимости надлежало бы осложнять написания слов со *щ* следующим образом:

щ|а|ди|тѣ, щ|о|т|кѣ или щ|е|т|кѣ, щ|и|тѣ, ни|щ|нѣ...

Так как в сочетании с предшествующими графемами *ц ж ш ч щ* графемы *ѣ ъ* лишены ассоциации произносительно-слухового характера и им приходится играть тогда роль морфологическую и частью семасиологическую, то при делении писанного слова на части, соответствующие отдельным фонемам, эти *ѣ* и *ъ* следовало бы просто отделять или же зачеркивать как совершенно лишние:

у|ли|ц|ѣ или у|ли|ц, н|а|я|ц|ѣ или н|а|я|ц..., н|о|ж|ѣ, д|р|о|ж|ѣ,
т|р|е|ѣ|о|ж|ѣ..., д|у|ш|ѣ, м|ѣ|ш|ѣ, н|о|тѣ|ш|ѣ..., н|л|а|ч|ѣ, н|л|а|ч|ѣ,
с|вѣ|ч|ѣ..., н|л|а|щ|ѣ, м|о|щ|ѣ...

При таких словах, как *того, кого, чего, его, сего...*, *пустого, сухого, добраго, высокога...*, не может быть собственно речи о делении, отражающем сполна все фонемы соответствующих произносительно-слуховых слов.

§ 94. Так как всякие морфологические единицы или морфемы являются собственно сочетаниями известного числа морфологизованных и семасиологизованных произносительно-слуховых элементов, то и деление написаний слов с точки зрения морфологической, деление или вообще на морфемы, или же только на основы и окончания, должно соотнобразоваться с выше изложенным методом. Стало быть:

вода́ или *вод|а* (*вод-а*),
водѣ́, ость́, козѣ́, стѣньѣ́...,
поля́, воля́, коня́...,
шея́, змѣя́, края́, моя́...,
вольѣ́, конѣ́, гостьѣ́...,
змѣѣ́, шеѣ́, краѣ́...

овца́ (*овц-а*), *душа́* (*душ-а*), *межа́* (*меж-а*), *свѣча́* (*свѣч-а*), *пищца́* (*пищц-а*)...

ножѣ́ или *нож-*, *дрожѣ́* или *дрож-*, *кукишѣ́* или *кукиш-*, *мышѣ́* или *мыш-*, *плачѣ́* или *плач-*, *ночѣ́* или *ноч-*, *плащѣ́* или *плащ-*, *мощѣ́* или *мощ-*...

Конечно, все подобного рода попытки изображать на письме разделение и сцепление живых морфологических частей произносительно-слухового слова являются более или менее топорными и далеко не удовлетворительными. Известные простейшие, дальше не разложимые произносительно-слуховые элементы («кинемы», «акусмы») морфем частью морфологизованы, частью семасиологизованы. А определить все это можно только тогда, когда, не стесняясь вовсе написанием, все равно обычным ли написанием данной письменности, или хотя бы даже тем или другим транскрипционным «научным» написанием, мы или опишем аналитически все морфологические и семасиологические ассоциации, свойственные отдельным произносительно-слуховым элементам разбираемых морфем, или же придумаем особый строго аналитический способ письменной передачи всех произносительно-слуховых элементов.

§ 95. Между прочим, вопрос деления склоняемых форм на основы и окончания далеко не так прост, как может казаться с первого взгляда. Так, например, выше стоит:

вода́ или *вод|а* (*вод-а*), *водѣ́...*,

и это значит, что мы здесь принимаем окончаниями фонемы [á] и [é], основами же считаем весь предшествующий состав слова, т. е. в *вода* со-

став [vod-] (с «твердою» конечною согласною фонемою [d]), а в *водѣ* состав [vodʹ-] (с «мягкою» конечною согласною фонемою [dʹ]). Если, однако ж, отнестись субтильнее и вникнуть поглубже в психическое построение этих форм, то придется, может быть, считать основой ту часть слова, которая оканчивается, правда, согласною фонемою [d], но не полною, а еще без представления определенной работы средней части языка, стало быть, ни «твердою», ни «мягкою». В таком случае представление той или другой работы средней части языка отойдет к окончанию и составит вместе с гласною фонемою окончания одну неделимую морфему. А если так, то с морфологической точки зрения более правильным было бы деление в написании такое:

вод|а (вод-а), вод|ѣ (вод-ѣ).

Став на такую точку зрения, мы должны принять со стороны написания и его деления на морфологические части три различных типа склонения:

- 1) *змѣя| змѣи| змѣѣ|...; край| края| краѣ|...*
- 2) *душ|а (душ-а) душ|и (душ-и) душ|ѣ (душ-ѣ)...; отец| отца|*
отца|ѣ|...
- 3) *вод|а (вод-а) вод|ы (вод-ы) вод|ѣ (вод-ѣ)... брат| брата| брата|ѣ|...*

Нечто подобное найдем тоже и в спряжении:

- 1) *пою| поѣ|ш поѣ|т...*
- 2) *плачу| (плач-у) плач|е|ш (плач-е-ш) плач|е|т (плач-е-т)...*
- 3) *нес|у (нес-у) нес|е|ш (нес-е-ш) нес|е|т (нес-е-т)...* и т. д.

§ 96. Попробуем делить писанные слова на морфемы вообще:

свѣж|ий (свѣж-ий), лебяж|ий..., льш|ий, хорош|ий, нищ|ий, куц|ый...,
вод|а, водиц|а, вод|ка|...
молодеж| молодеж|и молодеж|ю|...
моч|и|ть носи|ть
муч|и|ш муч|ат, носи|ш носят|...
выс|ок|ий, выс|окти| выс|okie|...
сил|ьный, лѣт|ный|...
лѣг|от|а, лѣг|от|ный, лег|к|ий, лег|оньк|ий, лег|ч|е|...
на|гиб|а|ть, на|г|нуть, на|г|не|т|...
гн|а|ть гони|т|...
вз|ду|ть вз|ду|ю| вз|ду|е|т|...

Все подобного рода деления должны быть не досужими выдумками исследователя, а только должны быть извлечены из объективного языко-

вого мышления индивидов, входящих в состав данного племенного или же национального коллектива. Мы руководствуемся при этом не лингвистическим мышлением, основанным на истории языка и на ученых этимологических выводах сравнительной грамматики, а только читаем в душе обыкновенного человека, определяя свойственные ей взаимоотношения между отдельными элементами языкового мышления. В этом сказывается все большая «демократизация» наших научных приемов и вместе с тем достигается большая научность изложения, коренящаяся в большей согласованности с самим предметом исследования.

Такие, например, слова, как *сутки, посуточно, добрый, смотр, свинья, счастье, общий, человек, отец отеческий отцовский, невеста, смерть, снабдить снабжать, гнет, говор, медведь, обувь обувать, беседа, подушка, обитать, свобода, завтра, стекло, спасибо, нетопырь, ребус, паразит, неврастения...*, иначе разлагаются на морфологические части в свете сравнительного исследования языков, а иначе при простом чтении в душах современников.

§ 97. Но это чтение в душах дает не всегда одни и те же результаты. Ему свойственны шаткость и неустойчивость. Не во всех индивидуальных головах участников данного языкового коллектива морфологическая делимость слов представляется одинаково ясною и определенной. Границы между отдельными морфемами бывают и более ясны и более туманны. Некоторые морфемы так ясны, так выпуклы, так резко отделяются от других, что при их определении никто не ошибется. Зато при определении других морфем замечаются значительные индивидуальные различия. Мало того, даже у одного и того же лица, в зависимости от интенсивности языкового мышления в данную минуту, проявляется в разное время различная делимость одних и тех же, по-видимому, слов.

Ввиду этого, применяя указанные мною способы графического обозначения морфологической делимости слов, мы должны бы пользоваться различными символами. При вполне ясном делении разделительные линии должны быть жирными и бить в глаза. Вообще линии эти и прочие знаки должны бы быть разных степеней, разной толщины, разной длины и т. п. Следовало бы различать линии непрерывные, полные и линии прерываемые. При обозначении туманных и неустойчивых границ между морфемами можно бы пользоваться мелким пунктиром.

Все это однако ж пока одни *ria desideria*, как по техническим соображениям, так и потому, что до сих пор исследователи языка почти не занимались вопросом разных степеней выразительности морфологических узлов слова.

§ 98. Между прочим, различною делимостью наделены слова иноязычного происхождения в головах людей с различною подготовкою по части «образования». Людям, знакомым с одним только русским языком и, кроме того, по части науки вполне невежественным, слова вроде

скептик, магнетизм, скульптор, скульптура... могут казаться морфологически неделимыми (за исключением впрочем слова *скульптура*...); в головах же людей «образованных» и освоенных с заимствованными словообразованиями слова эти делятся на морфемы, и эту делимость при обычном написании можно символизировать следующим образом:

скеп|тик, магнет|изм, скульп|тор, скульп|тур|а...

Затем, спрашивается, как разделить морфологически следующие написанные слова:

*того, кого, чего, сего, его, на него...
тем, чем..., о том, о нем, о чем...
негде, нигде, везде, здесь...
тогда, когда, некогда, никогда...
куда, туда... повсюду...
так, никак..., такой, сякой...
чей, чьего, чьему, ничьим...
кто, что...
неймет, нейметя..., нейти, нейдут, не идем, не идут...
стоит, ставить, постоянный, постоялый...
тереть, мереть..., пороть, молоть...
тебя, себя, меня..., тобою, собою, мною..., тебе, себе, мне...
сегодня, сейчас...
мы, вы, ты..., нас, вас..., твой, свой, мой...
лесник, хлебник, печник...
извоицк (извозчик), мущина (мужчина)...
масленица, масляная...
пять, шесть, девять, десять..., семь, восемь...*

Благодаря разным исторически-фонетическим процессам, давшим, между прочим, сосуществования таких форм, как: *свеча | свети-, вра- щать | -врати-, ношу | носи-*, благодаря затем существованию таких слов, как: *власть, весть, совесть...*, *дочь, мочь и мощь...*, как неопределенные наклонения (Infinitivi) вроде *рости (расти)* (рядом с *ростет...*, *рост, растить...*), *нести, вести, класть, грести, скрести...*, *идти, пойти...*, *печь, беречь, стеречь...*, появляется частичное замирание морфологической делимости слов.

В русском языковом мышлении имеются теперь, собственно, следующие конечные морфемы слов (окончания), свойственные неопределенному наклонению (Infinitivus):

[-t', -t'í, -st', -st'í, -č (-čí)],

в обыкновенном написании:

-ть, -ти, -сть, -сти, -чь (-чи)...

Очень сильно пошатнулась тоже морфологическая делимость слов от наличности глагольных форм, оканчивающихся в писанно-зрительном языке на *-тся* и *-ться*, *-чься*, например: *садится* и *са¹дитсяся*, *бранится* и *брани¹тьсяся*, *грезится* и *грезитьсяся*, *казнится* и *казни¹тьсяся*, *хвалится* и *хва¹литсяся*, *делается*, *делаются* и *делатьсяся*, *поется* и *петьсяся*, *спится* и *спитьсяся*, *гнется*, *берется*, *берутся* и *братьсяся*, *бережется* и *беречьсяся*...

Благодаря всем этим нарушениям прежнего морфологического равновесия, под влиянием отношений вроде *браниться* — *бранится*, могли появиться Infinitivi:

покл¹яться вместо прежнего *покл¹ятьсяся*
уда¹ться (*может уда¹тьсяся*) вместо прежнего *уда¹тьсяся*...

Спрашивается однако ж, как делятся морфологически концы глагольных форм с написанием *-тся*, *-ться*, *-чься* и как обозначать на письме эту их морфологическую делимость. Может быть:

-т¹ся -т¹сья -ч¹сья
(*спи|т¹ся*, *да|е¹т¹сья*, *брани|т¹ся*, *брани|т¹сья*, *береч¹сья*...),

показывая этим неопределенность и шаткость морфологического деления в этих конечных частях слов.

§ 100. На тщательное и подробное рассмотрение вопросов, связанных с графическим обозначением морфологической делимости слов, навело меня «редактирование» «Орфографического словаря» А. И. Зачиняева, состоявшее, собственно, в расчленении содержащихся в этом словаре слов на их морфологические части. Так как неверное обозначение этой делимости, обусловленное рабским отношением к буквам (§ 90), может весьма вредно отзываться на языковом мышлении и на грамматическом образовании пользующихся словарем, то я и считал свою задачу задачей первостепенной важности и отнесся к ней весьма серьезно. Чтобы не ошибиться, я постепенно обдумывал каждое слово, и эта работа отняла у меня очень много времени и умственной энергии. Но я буду весьма рад, если мой труд не останется бесплодным и будет способствовать насаждению в головах учеников правильного понимания языковых элементов и их взаимных связей.

Желающих ознакомиться с частностями моего метода отсылаю к самому «Орфографическому словарю» А. И. Зачиняева¹.

¹ Зачиняев А. [И.] Орфографический словарь / под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. СПб.: Новая школа, 1910. — *Примеч. сост.*

В. А. Богородицкий

О РУССКОМ ПРАВОПИСАНИИ

Мы переходим к рассмотрению русского правописания, или (употребляя совершенно равнозначное иностранное слово) русской орфографии, — к предмету, занимающему весьма видное место в деле школьного обучения, но представляющему значительную трудность, несмотря на произведенные в орфографии крупные упрощения. Трудность эта обуславливается тем, что наша общеупотребительная орфография и теперь, после реформы, не может не расходиться с произношением, при его диалектных различиях, следуя своим особым принципам. Цель настоящей статьи — представить обзор этих принципов (включая сюда и основной принцип русской графики) в их взаимоотношении и этим дать основания, на которые должно опираться как обучение, так и решение частных, а также и спорных вопросов в области русской орфографии.

Основной принцип русской графики¹. Мы уже знаем, насколько широко развита в русском языке категория мягких согласных, так что почти для каждого твердого согласного имеется соответствующий мягкий, причем твердость согласного на конце слов, в старой орфографии обозначавшаяся посредством буквы **ѣ**, в современной передается одной буквой согласного без этой дополнительной, а мягкость продолжает попрежнему обозначаться буквою **ь**, ср. *стол* || *столь* (до реформы — *столь* || *столь*).

Основной принцип русской *графики* касается способа обозначения открытых слогов, состоящих из согласного в слитном произношении со

Печатается по первой публикации: Богородицкий В. А. О русском правописании // Богородицкий В. А. Очерки по языковедению и русскому языку. 4-е изд., перераб. [Очерк] 7. М.: Учпедгиз, 1939. С. 75–83.

¹ Считаем необходимым оговориться, что здесь по отношению к гласным звукам имеется в виду главным образом обозначение ударяемых гласных, так как орфографическая передача неударяемых гласных, как увидим ниже, подчиняется принципу аналогии к написаниям ударяемых.

следующим гласным. При этом сочетания твердых согласных с гласными обозначаются весьма просто и естественно, т. е. буквами алфавита, соответствующими данным звукам, например *ca*; если же мы возьмем сочетание того же согласного, но только мягкого, с тем же гласным, то мы выразим это различие с помощью иной буквы гласного, т. е. *сѣ* (ср. также *co* || *сѣ*, *су* || *сю*, *сэ* || *се*, *сы* || *си*²; *та* || *тя*, *ту* || *тю* и т. п. Таким образом, мы приходим к заключению, что в орфографических написаниях *сѣ* и *са* буква *с* обозначает согласный звук не сполна, именно — не обозначает его твердости или же мягкости; буквы же *а* и *я* обозначают более одного звука, а именно: буква *а* обозначает гласный звук **а**, да еще показывает, что предыдущий согласный следует произносить твердо, буква *я* обозначает тоже гласный звук **а**, да еще мягкость предыдущего согласного³. Итак, хотя орфографические написания *сѣ* и *са* и выражают произношение, но в них буквы порознь не соответствуют звукам, не параллельны звукам, и нужно написать целый слог, чтобы определить, твердо или же мягко следует произнести согласный; потому-то это основное свойство русского письма называют принципом *силлабическим*, или *поскладным*.

До сих пор мы брали в расчет только согласные парные по твердости и мягкости; теперь перейдем к согласным непарным в этом отношении — **ш**, **ж**, **ч**, представляющим особенность в данном вопросе. Дело в том, что согласные **ш** и **ж** — тверды, а потому мы ожидали бы после них написания *а*, *у*, *ы*; на самом же деле вместо последней буквы пишется и согласно принципу историческому, рассматриваемому ниже. Напротив того, согласный **ч** мягок и соответственно этому следовало бы писать после *ч* буквы *я*, *ю*, *и*, однакож вместо первых двух пишут *а* и *у*, как бы для гармонии с другими шипящими. Что касается непарного согласного *ц*,

---

² В последнем примере гласные **ы** и **и** уже качественно отличаются друг от друга, причем первый может сочетаться только с предшествующими твердыми согласными, а второй — только с согласными мягкими.

³ В научно-фонетическом письме, как мы знаем, твердый согласный обозначается просто соответствующей буквой, тогда как мягкий — этой же буквой с присоединением значка; поэтому сочетание твердого согласного **с** с гласным **а** в научно-фонетическом письме должно быть обозначено так: **са**. Мы замечаем, что это написание одинаково с соответствующим орфографическим написанием *са*. Однако между этими написаниями имеется существенная разница: в научно-фонетическом написании **са** буквы порознь соответствуют звукам (буква *с* обозначает твердый согласный **с**; буква *а* обозначает гласный звук **а**); в орфографическом же написании *са* буквы порознь не соответствуют звукам (буква *с* обозначает согласный звук **с**, но не выражает его твердости; буква *а* обозначает гласный **а**, да еще твердость предыдущего согласного). Иначе: если мы написали букву *с* в научно-фонетическом письме, то она обозначает твердый согласный **с**; если мы написали ту же букву в орфографическом письме, то она обозначает согласный **с** не сполна — твердость или же мягкость этого согласного будет обозначена буквой следующего гласного звука.

то вполне последовательно пишут *ца, цу, цы* (например *птица, птицу, птицы*) в согласии с обычной твердостью этого согласного; особенность представляют лишь иностранные слова, в которых после **ц** пишут *и*, а не *ы*, согласно орфографии иностранного оригинала, например: *принцип, Песталоцци, цифра, лекция*.

Во всех случаях, которые мы до сих пор рассматривали, буквы гласных звуков стояли после букв согласных звуков. Рассмотрим употребление букв гласных звуков в других положениях.

Я.

Как мы видели, эта буква в сочетании с предшествующей буквой согласного звука обозначает собой гласный **а** и вместе с тем мягкость предшествующего согласного. В отдельном употреблении, а также во всех остальных положениях, т. е. в начале слов, после буквы гласного звука, а также после буквы **ъ**, могущей заменяться знаком апострофа, и **ь** она обозначает собой два звука: **я** + **а**. Ср. *яма, подпоясывать, объявить* (или *объявить*), *бадья, пьяница*⁴.

Е.

Современная орфография пользуется буквою *е* аналогично букве *я*. В сочетании с предшествующей буквой согласного звука обозначает гласный **э** и мягкость этого согласного (только после непарных **ш, ж, ц** ею обозначается гласный **э** с твердой экскурсией), а во всех остальных положениях выражает сочетание **е** + **э**, например *е* (название буквы), *ель, моему, поехать, объединить, гулянье*.

То же самое следует сказать о букве *е* (*ё*), когда она обозначает собой гласный **о**: после буквы согласного звука она, кроме гласного **о**, еще выражает и мягкость предыдущего согласного, например *нес* (за исключением **ш** и **ж**, после которых **о** имеет твердую экскурсию), в других же случаях эта буква обозначает сочетание **е** + **о**, например: *ё* (название буквы), *ёлка, чайк, съёмка, льём*.

Ю.

После букв согласных звуков *ю* = **у** + (плюс) мягкость предшествующего согласного, а в остальных положениях = **я** + **у**; ср. *ю* (название буквы), *юла, поюлить, съюлить, вьюшка* и т. д.

---

⁴ В последнем примере *ть*, не имея перед собой гласного звука, по необходимости примыкает в слоговом отношении к следующему *я*, причем, однако, не сливается с ним настолько, чтобы *я* при произношении такого сочетания могло утратить свой начальный **я**.

И.

Эта буква представляет ту особенность по сравнению с ранее рассмотренными, что в отдельном употреблении и в начале слов обозначает обычно не сочетание $j + V$, но только один гласный звук **и**, хотя, впрочем, в произношении некоторых лиц можно уловить слухом слабый оттенок j перед началом гласного⁵. В положении после гласного звука этот оттенок j проявляется уже более определенно, например в слове *поимка*; наиболее же заметно слышится j при выговаривании буквы *и* в таких словах, в которых эта последняя стоит после *ь*, например *бадьи*. Если же начертание *и* следует за буквою *ь*, то оно представляет решительное отличие от произношения буквы *и* в других положениях, так как тут буква *и* выговаривается как **ы**, например *предьидущий* (пишут *предыдущий*). В тех случаях, когда буква *и* стоит после букв согласных звуков, то здесь она обозначает, кроме гласного **и**, еще вместе с тем и мягкость предшествующих согласных, за исключением шипящих **ш** и **ж**, которые, как известно, не бывают мягкими в русском языке и после которых буква *и* произносится уже как **ы**, хотя и не столь открыто, как в отдельности.

А, О, У, Ы.

Что касается этих букв, то они во всех положениях обозначают соответствующие гласные звуки.

Переходим теперь к обзору принципов русского правописания.

I. Принцип *фонетический* основывается на том, что мы через обучение привыкаем ассоциировать идеи (представления) произносимых и слышимых звуков с соответствующими начертаниями. Отсюда этот принцип состоит в том, что слова пишутся соответственно тому, как они слышатся. Однако действие этого принципа в русской орфографии значительно ограничено другими принципами, к которым мы и переходим.

II. Принцип *аналогии* основывается на том, что мы привыкаем ассоциировать знаменательные комплексы звуков в морфологических частях слов с определенными начертаниями, которые применяются и в тех случаях, когда не вполне соответствуют данной морфологической части. Таким образом, этот принцип выражается в том, что некоторые звуки той или другой морфологической части в слове

---

⁵ Этот оттенок особенно часто и заметно слышится в местоименных формах — *их*, *им*, *ими*, но, как кажется, по аналогии с такими выражениями, как с *их*, где наряду с выговором **сых** встречаются также и **сјих**. Кроме того, произношение **јі** слышится в неударяемом начале таких слов, как *ямщику*, где, очевидно, такой определенный j сохранился от прежнего сочетания $j + a$ (*я*).

пишутся в соответствии не с теми звуками, которые слышатся при произношении данного слова, а в соответствии с звуками, произносящимися в родственных словах. Принцип *аналогии*, или *морфологический*, имеет широкое распространение в русской орфографии, применяясь к написанию как гласных, так и согласных и притом в разных морфологических частях слов, так как родство между словами может быть не только по корню, но также по префиксам, суффиксам и окончаниям.

В области согласных под этот принцип подходит обозначение конечных согласных, парных по звонкости и глухости. В качестве примеров рассмотрим орфографические написания *плод* и *плот*. Что касается первого написания, то совершенно ясно, что в нем написано на конце *д* не фонетически, так как в конце этого слова произносится не *д*, а соответствующий глухой согласный *т*. В рассматриваемом слове пишется буква *д* потому, что в родственных словах произносится *д* (а не *т*) перед следующим гласным (т.е. в том положении, в котором согласные не претерпевают изменения в отношении своей звонкости или же глухости). Так, в склонении нашего слова во всех падежных формах ед«инственного» и мн«ожественного» числа, кроме им«енительного» и вин«ительного падежей» ед«инственного» числа, произносится *д*, например *плода*, *плоду* и пр., а также и в менее близких родственных словах, например *плодовый* и т.д. Подобным же образом в слове *плот* написано *т* по аналогии (по сходству) с другими родственными по корню словами, в которых за данным согласным следуют гласные звуки, например *плота*, *плоту* и т.д. Другие написания по тому же принципу: *раб*, *боб*, *год*, *род*, *сот*, *рот* и т.д. Согласные непарные (относительно звонкости и глухости) выражаются орфографически в конце слова всегда одной и той же соответствующей буквой, например: *ткач*, *речь*, *делец*, *край*, *дар*, *дал*, *дам*, *дан*.

В том случае, когда конечный согласный одной морфологической части приходит в соприкосновение с другим согласным, начинающим следующую морфологическую часть и отличающимся от него по звонкости и глухости, то иногда первый согласный ассимилируется в произношении второму; на письме же он обычно изображается не фонетически, а по аналогии с родственными словами, в которых соответствующий согласный стоит перед гласным. Так, например, в словах *с дубом*, *сбыть*, *сделать* и т.п., несмотря на звонкое произношение согласного (*з*) в предлоге или префиксе, пишется *с* по аналогии с такими случаями, как *с ухом*, *сузить* и т.д.; с другой стороны, в словах *над селом*, *надсмеяться*, несмотря на глухое произношение конечного согласного (*т*) в предлоге, пишется *д* по аналогии с такими словами, как *над озером* и др. Надо, однако, оговориться, что там, где морфологический состав слова недостаточно прозрачен, столкновение принципов морфологиче-

ского и фонетического оканчивается победой последнего; так, например, в слове *везде*, несмотря на родство с местоимением *весь*, пишется з сообразно фонетическому принципу. Подобным же образом берет перевес фонетическое письмо над письмом по аналогии при написании префиксов *раз-*, *низ-* и *воз-*, не встречающихся отдельно (т. е. в качестве предлогов), а также и префиксов *без-*, *из-* и *чрез-* (употребляющихся и в виде предлогов): перед глухими согласными все эти префиксы пишутся фонетически через *с*, например *нисходить*, *восток*, *исчезать*, *беспечный*, *рассеять*, *чересседельник*.

В области г л а с н ы х принципу аналогии следуют написания неударенных гласных. Так, например, мы произносим: **гáдá, гьдáвój**⁶, а пишем по орфографии после *г* букву *о*. Это опять по аналогии с родственными словами: при ударении в данном корне произносится гласный **ó** (например *гот*), обозначаемый в правописании через *о*; та же буква пишется и для обозначения соответствующих неударенных гласных. Приведем примеры подобных же написаний по аналогии в других морфологических частях:

В п р е ф и к с е —
произносят **пъд'н'имáт'**, а пишут *поднимать* по аналогии с такими случаями, как *поднял*, где соответствующий гласный произносится с ударением.

В с у ф ф и к с е —
произносят **пр'ила́вк**, а пишут *прилавок* по аналогии с *станок* и т. п.

В о к о н ч а н и и —
произносят **спóръф**, а пишут *споров* по аналогии к *домов* и т. п.

Из приведенных примеров мы видим, насколько принцип аналогии, или морфологический, водворяет в орфографии однообразие при написании одних и тех же корней и одних и тех же придаточных морфологических частей, написание которых при применении фонетического принципа представляло бы ряд разновидностей. Отсюда ясно, насколько морфологический принцип орфографии благоприятствует легкости и быстроте схватывания слов при чтении, а также и быстроте передачи их на письмо⁷.

---

⁶ Знак **á** означает звук между **а** и **о**, другими словами — **а** с оттенком **о**; **ъ** — знак краткого слабого **ы**.

⁷ Проведение в орфографии чисто фонетического принципа, рекомендуемое некоторыми учеными прежнего и нового времени, стало бы тормозом для беглого чтения и письма, которые достижимы лишь при морфологическом принципе: только при этом условии может легко образоваться переход деятельности чтения и письма из сознательной в бессознательную, что именно и необходимо для целей общепотребительного письма. Ломоносов совершенно правильно рекомендовал для русской орфографии морфологический принцип, вопреки мнению Тредьяковского, советовавшего писать „по звонам“, т. е. фонетически.

III. Принцип *исторический*, или *традиции*, опирающийся на силу привычки, состоит в том, что орфография удерживает прежние написания, хотя бы они и не соответствовали произношению данного времени. При этом сохраняются не только такие написания, которые некогда были фонетическими, но также и те, которые никогда не соответствовали русскому произношению или перешли из церковно-славянской письменности, или же были придуманы в виде правил авторитетными грамматиками; кроме того, русская орфография содержит также некоторые прямо ошибочные написания, а также такие, которые отражают диалектные особенности произношения. Не следует, однако, думать, что правописание нисколько не меняется со временем: когда разница с произношением становится чересчур велика, тогда являются попытки приблизить орфографию к произношению, причем эти новые написания могут стать общепринятыми. Понятно, что изменение правописания совершается чрезвычайно медленно и притом не одновременно с изменением произношения, а, так сказать, отстает⁸.

Примером таких написаний, которые некогда соответствовали произношению, а теперь уже разошлись с ним, могут служить написания *ши* и *жи*, когда-то бывшие фонетическими.

В пример написаний, перешедших в современную орфографию из церковно-славянской и древнерусской письменности и не соответствующих современному русскому произношению, укажем на такие случаи, как *того*, *доброго*, где пишется *г*, а произносится *в*, а также на такие написания, как *высокий*, *упругий*, *тихий* и т. п., где в окончании пишется *-ий*, хотя выговаривают *-ый*. В иных случаях церковно-славянские написания не только перешли в русскую орфографию, но утвердились и в русском произношении наряду с чисто русскими формами, причем церковно-славянские формы применяются преимущественно при возвышенной речи, вторые же — в обычной; ср. *житие* || *житье*, *София* || *Софья* и т. п.⁹

В пример таких написаний, которые, не соответствуя произношению, все-таки употреблялись в русской орфографии согласно правилам, придуманным прежними авторитетными грамматиками, укажем на употребление в прежней орфографии окончаний *-ие* (*-ie*) и *-ья* (*-ia*) в им<енительном> пад<еже> мн<ожественного> числа имен прилагательных, рекомендованное еще Ломоносовым в его „Росс<ийской> Грамм<атике>“:

---

⁸ Неравномерность и несоответствие между изменением произношения и письма особенно заметны в английском языке и письме, а также во французском (хотя и в меньшей степени).

⁹ Церковно-славянские слова данного образования представляют также и некоторые особенности в склонении по сравнению с соответствующими русскими словами; ср., например, предл<ожный падеж> ед<инственного> числа *о житии* (церк.-слав.) || *о житье* (русс.).

Позволим себе привести его подлинные слова по этому вопросу: „Е и Я нередко за едино употребляются, особливо во множественном числе прилагательных пишут *святые* и *святыя*. Сие различие букв Е и Я в родах имен прилагательных никакова разделения чувствительно не производит: следовательно, обеих букв Е и Я, во всех родах, употребление позволяет; хотя мне и кажется, что Е приличнее в мужеских, а Я в женских и средних“ („Российская Грамматика“, § 116). В народном русском языке такого различия по родам действительно не существует, и современная орфография применяет для всех трех родов окончание *-ые*.

Наконец, укажем еще и на прямо ошибочные написания, утвердившиеся в русской орфографии и сохраняющиеся в силу традиции и общепотребительности; ср. в прежней орфографии написания *песок* и *мелкий* с буквой *е*, хотя следовало бы писать *ть*, как явствует из сравнения с старославянской письменностью и другими славянскими языками. Некоторые ошибочные написания, как мы уже упомянули, обязаны диалектологическому моменту и возникли под влиянием живых говоров, в особенности московского. Так, московскому аканью обязано написание *калач*, хотя это слово, происходя от *коло* („круг“, „колесо,“) и находясь в родстве со словами *колесо*, *кольцо* и т. д., должно было бы писаться согласно морфологическому принципу через *о*¹⁰.

Однако не следует думать, что вышеизложенные принципы вполне определенно решают все вопросы, какие представляются при написании русских слов. В русской орфографии немало таких случаев, где написания еще не установились, представляя колебания в сторону того или другого принципа. Ученые настоящего времени стараются придти на помощь в таких спорных вопросах, предлагая для них научное истолкование. Так, например, в слове *идти* перед окончанием *-ти* одни пишут *т*, а другие *д*. Грот, следуя фонетическому принципу, отдавал предпочтение написанию *итти*, принимая, что беспредложная форма, по своей краткости, подала повод к удвоению согласной, очень обыкновенному в немецком языке¹¹. Но мы думаем, что на основании немецкого языка никак нельзя решать вопросов русского языка, а тем более в данном случае, так как русскому языку не свойственно удвоение согласного, какое имеется в немецком языке. Мы полагаем, что единственно правильным написанием нужно

---

¹⁰ См. еще примеры, указываемые ниже, в очерке 11 (Богородицкий В. А. Гласные без ударения в русском языке // Богородицкий В. А. Очерки по языковедению и русскому языку. 4-е изд., перераб. [Очерк] 11. М.: Учпедгиз, 1939. С. 113–125. — Примеч. сост.).

¹¹ Грот Я. К. 1) Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. 2-е изд., значительно пополненное // Грот Я. К. Филологические разыскания. Т. 2. 2-е изд. СПб., 1876. С. 256; 2) Филологические разыскания. 4-е изд. Т. 2. СПб., 1899. С. 696.

признать *идти*, где должно писать *д* по аналогии к *иду* подобно таким случаям, как *ползу* || *ползти* и пр.¹²

IV. Принцип написания иностранных слов, вообще говоря, состоит в том, что иностранные слова пишутся согласно с написанием их в том языке, из которого они заимствованы; отсюда видно, что принцип этот основывается также на привычке к известному начертанию слов, как и вышерассмотренный принцип исторический. Нужно, однако, заметить, что удержание иностранного способа написаний в русской орфографии проявляется далеко не в той мере, как в западноевропейских письменностях. Причина этого заключается в том, что эти последние, заимствуя слова друг у друга, пользуются общим у них латинским алфавитом, а это значительно облегчает перенесение в родную орфографию иностранного слова в сложившемся уже начертании его. Напротив, русская орфография, пользуясь совершенно особым алфавитом, может перенимать иностранные написания для заимствуемых слов лишь в очень ограниченной мере. При этом иностранные слова изображаются в русской орфографии, частью приспособляясь к иностранному написанию, а частью и к иностранному произношению. В пример первого можно указать на написание *и* после *ц* (ср. *принцип*, *цирк*, *цистерна*), а в пример второго — применение буквы *э*, как более соответствующей иностранному произношению (ср. *экипаж*, *аэростат*, *Тэн*)¹³.

V. Принцип дифференциации заключается в том, что слова, произносящиеся одинаково, но различающиеся по значению, изображают на письме неодинаково, пользуясь надстрочными значками или же различными буквами, обозначающими один и тот же звук; так, например, относительное местоимение *что́* иногда отличают знаком ударения от союза *что*, который пишется без всякого значка; в старой орфографии *мир* в значении „вселенная“ писалось через так называемое *i* десятиричное,

---

¹² Вообще мы высоко ценим известное исследование покойного академика Я. К. Грота „Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доньне“, но не можем не упрекнуть его за учебное „Руководство“ по русской орфографии, которое, избобилуя правилами и написаниями чисто субъективного характера, не только не уменьшило тогда числа спорных вопросов, но даже увеличило его.

¹³ Акад. Грот обратил недостаточно внимания на указанную особенность русской орфографии (т. е. большую свободу ее в написании заимствованных слов) и взамен некоторых уже утвердившихся написаний иностранных слов ввел новые написания, которые хотя и точнее копировали иностранное слово, но зато менее согласовались с особенностями русского языка, а главное, внесли новое разногласие в русскую орфографию. Примером может служить введенное им написание *экзаминовать* (вм. *экзаменовать*) рядом с *экзамен*, несмотря на то, что такое чередование не имеет для себя опоры в русском языке; при этом Грот все-таки оказался недостаточно последовательным, так как, желая подражать иностранной орфографии, он должен был бы внести данное чередование и в склонение слова *экзамен* (т. е. подобно, например, польскому склонению: *examen* || *exatini* и пр.).

тогда как *мир* в значении „согласие“ — через восьмиричное, но теперь, с устранением из письма буквы *i*, в обоих случаях применяется одна и та же буква *и*¹⁴.

Ознакомившись с принципами русского правописания, сделаем несколько общих замечаний. Наиболее существенными являются принципы фонетический и морфологический. Преобладающее участие фонетического начала служит характерной чертой древних письменностей (санскр., греч., лат.), представляющих первые пробы письма (также у современных малограмотных), тогда как в новых письменностях широко применяется начало морфологическое (русс., нем.) и историческое или фонетико-историческое (франц., англ.). Морфологический принцип, придавая наглядность морфологическому составу слов и их морфологическим элементам с вариациями или чередованиями в них физиологически сродных звуков, позволяет объединять фонетические вариации через однородное написание, что благоприятствует легкости письма и чтения; при резких различиях, особенно в связи с семасиологическими различиями, в чередующихся звуках¹⁵ морфемы естественно сохраняют различие написания: ср. франц. *je meurs* „я умираю“ || *nous mourons* „мы умираем“, нем. *ich gebe* „я даю“ || *ich gab* „я дал“, где *b* передает парные согласные *b* и *p*, но гласные переданы своими особыми начертаниями, подобно англ. *I give* || *I gave*. Вместе с тем мы приходим к заключению, что речевое чутье лиц грамотных и совершенно неграмотных должно различаться: у грамотного благодаря письму чаще всплывает в сознании морфологический состав слов, тогда как у неграмотного этот момент не развивался и, следовательно, слова в его сознании в большей мере являются простыми символами представлений или понятий. Аналогичным образом существует разница в морфологическом чутье у знающего и незнающего иностранные языки: у первого будут встречаться написания согласно языку-источнику, а у второго — согласно произношению, или при переносе (например *ре-флекс* у первого и *реф-лекс* у второго).

По вопросам настоящего очерка см. еще: *Бодуэн де Куртэнэ И. А.* Об отношении русского письма к русскому языку. СПб., 1912.

---

¹⁴ К приведенным принципам можно прибавить еще один принцип правописания: VI. Случаи народной этимологии; например *палисадник* может в языковом чутье сближаться с словом *сад* и в этом находить оправдание к написанию одного *s*, хотя во французском, откуда это слово заимствовано, — *la palissade*; выражение „кабинет фонетики“ написано немцем на счете из магазина в виде *кабинет фон-этики*.

¹⁵ История языка знакомит, как развились в языке эти различия.

В. А. Богородицкий

ИЗУЧЕНИЕ МАЛОГРАМОТНЫХ НАПИСАНИЙ¹

На первый взгляд может показаться, что изучение малограмотных написаний с их ошибками против общеупотребительной орфографии не имеет ничего общего с задачами науки и скорее может служить предметом развлечения. На самом деле это изучение представляет для языкознания значительный интерес, так как и неправильные написания подчиняются определенным психологическим законам и так или иначе отражают принципы правописания, применяющиеся, однако, здесь более или менее своеобразно. Благодаря именно этому своеобразию, как увидим, изучение малограмотных написаний приобретает еще особый интерес для лингвистов. В самом деле, так как малограмотные лица еще не усвоили всех особенностей правописания, то они пишут нередко на основании своего выговора и, таким образом, своими написаниями доставляют материал лингвисту, дополняя и иногда даже исправляя его непосредствен-

---

Печатается по изданию: *Богородицкий В. А. Изучение малограмотных написаний // Богородицкий В. А. Очерки по языковедению и русскому языку. 4-е изд., перераб. [Очерк] 8. М.: Учпедгиз, 1939. С. 83–90.*

¹ В основе настоящего очерка лежит моя статья под тем же заглавием в „Филологических Записках“ № 3, 1881, в которой я не ограничиваюсь написаниями малограмотных, но указываю на однородные явления в области орфографии, языка, описок и обмолвок, мышечных движений вообще и мышления (особенно в главах об аналогии и описках), выдвигая принцип „однородности“ в этих на первый взгляд различных сферах явлений. Статья в своем первоначальном виде была повторена в первом издании настоящих очерков (1901), но во втором и третьем изданиях (1909 и 1910) была переделана в краткое вступление к разбору одного малограмотного текста, причем были устранены указывавшиеся в первоначальной редакции параллели однородных явлений. В настоящем изложении указанные две главы — об аналогии и описках — я снова приблизил к первоначальной редакции и, кроме того, устранил комментированный малограмотный текст как относящийся к дореформенному еще орфографическому типу, хотя и использованные примеры относятся также к старому правописанию.

ные диалектологические наблюдения над местными говорами. Далее, изучение современных малограмотных написаний (где мы имеем возможность сравнивать письмо малограмотного с его произношением и наблюдать самый процесс письма) может способствовать более правильной оценке древних написаний, среди которых мы нередко встречаем аналогичные малограмотности. Наконец, малограмотные написания представляют интерес еще и в педагогическом отношении, так как показывают, какие особенности правописания труднее усваиваются, и, таким образом, могут вести к улучшению способов обучения орфографии.

Обратимся теперь к рассмотрению того, как и в какой мере применяются в написаниях малограмотных лиц принципы орфографии, уже известные нам из предшествующего очерка.

Что касается основного принципа русской графики, по которому твердость и мягкость согласного выражается в знаке следующего гласного, то этот принцип проводится в малограмотных написаниях еще с большей последовательностью, чем в орфографии, так как применяется и к написаниям слогов, состоящих из шипящего с гласным; поэтому мы встречаем нередко у малограмотных лиц написания *шы, жы, чя, чю*. Однако мы должны указать на некоторые отступления от названного принципа. В некоторых малограмотных текстах мы встретили обозначение слогов из мягкого согласного с непалатальным гласным посредством присоединения соответствующей буквы непалатального гласного звука к простой букве предшествующего согласного, благодаря чему мягкость предшествующего согласного осталась неотмеченной, например в написаниях *сотну* вм. орф<о>графического „сотню“, *живот* вм. орф<о>графического „живёт“; в последнем случае малограмотный не знал буквы ё, а между тем стремился передать гласный о своего произношения. Такого рода написания попадаются и в древнерусских памятниках, например *рубловъ* (XIV–XV вв.) и т. п. В тех случаях, когда малограмотному приходилось изображать сочетание *ю*, он выходил из затруднения таким образом, что ограничивался написанием одного гласного, например *пъотъ* (= „пъет“), *объомъ* (= „об ём“, т. е. „об нем“), *моо* (= „моё“), *отъео* (= „от её“, орф<о>графическое „от нее“), *недаотъ* (= „не дает“). С другой стороны, можно встретить написания, в которых приблизительная передача аналогичных звуковых сочетаний произведена несколько иначе, именно пропуском *ь*, но зато присоединением к букве согласного звука тех букв гласных, которые обычно здесь применяются в орфографии, например *крес^янин*. Укажем еще на встречающееся иногда у малограмотных особое обозначение слогов, состоящих из мягкого согласного с следующим гласным, при помощи буквы *ь*, например *льуди*. Приведенное малограмотное написание является более точным по сравнению с обычным, так как сочетание букв *ль* передает мягкий согласный, а начертание

у обозначает только один соответствующий гласный. Подобное отчасти написание мы встречаем в новгородском евангелии 1270 г.: *дньотъ-днѣтъ* (старослав. *ДЪНЬТЪ*)².

Переходя к обзору принципов орфографии, как таковые проявляются в написаниях малограмотных, мы будем рассматривать их в том же порядке, в каком они расположены в предшествующей главе. Но сначала сделаем несколько общих замечаний о процессе письма вообще и у малограмотных лиц в частности. На первых порах всякий, обучающийся письму, старается писать соответственно с тем, как слова произносятся; мало-помалу у него образуются более или менее прочные ассоциации между письмом и произношением; затем он, встречая орфографические написания, основанные на других принципах, постепенно усваивает их и, наконец, начинает писать вполне правильно, причем применение тех или других принципов происходит уже бессознательно³. Лица малограмотные, следуя вообще этому процессу, находятся, однако, на начальных ступенях, причем одни из них ограничиваются преимущественным применением фонетического принципа, т. е. находятся в первой стадии процесса, тогда как другие пользуются уже и прочими принципами в той или другой мере. Таким образом, разница между малограмотным и вполне грамотным — количественная, так как малограмотный оперирует принципами орфографии лишь в небольшой мере, тогда как вполне грамотный, усвоив все принципы орфографии в их деталях, всем этим пользуется при своем письме. Вследствие этого малограмотные написания, в отличие от орфографических, представляют значительное индивидуальное разнообразие.

I. Принцип фонетический. Уже из сказанного раньше видно, что этот принцип в малограмотном письме играет более значительную роль, чем в орфографии, распространяясь в той или другой мере и на те слу-

---

² *Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. 4-е изд. М.: Университетская тип., 1907. С. 61.

³ Это происходит оттого, что у вполне грамотного в головном мозгу, кроме естественного центра речи, присущего всем, сформировался еще новый центр — письма, благодаря которому к речевому ассоциативному агрегату присоединяется еще новый агрегат — письменных символов, воспринимаемых зрением и воспроизводимых рукой; при этом между тем и другим центром существует ассоциативная связь. Сказанное подтверждается патологическими случаями расстройств речи и письма: расстройствам речи, именуемым *афазией*, соответствуют расстройства письма, известные под именем *аграфии* (см. мои „Лекции по общему языковедению“, Казань 1913, лекцию 9 = 1915², 10 лекцию с изображением полушария большого мозга с размещающимися в нем речевыми и письменными центрами). Нужно, впрочем, заметить, что бессознательные навыки в письме свойственны до некоторой степени и малограмотным; так, например, когда я спрашивал одну старушку-грамотницу, как пишется известное слово, она в таких случаях брала бумагу и писала это слово, „как рука возьмет“, по ее собственному выражению.

чаи, когда в орфографии применяются другие принципы. Мы не будем останавливаться на таких написаниях, которые, соответствуя произношению, вместе с тем согласуются и с орфографией, а рассмотрим те ошибочные написания, в которых фонетический принцип восторжествовал над другими.

В области гласных звуков сюда относится обозначение неударяемых гласных в разных положениях; например: *толька*, *думыла*, *серыва*, *спичык*, *кирасин* и т. п. (см. еще в очерке 11⁴).

В области согласных звуков особенности в обозначении касаются качеств звонкости и глухости, а также твердости и мягкости. Относительно звонких и глухих согласных можно вообще сказать, что они нередко обозначаются соответствующими их произношению начертаниями, в то время как орфография пользуется морфологическим принципом; ср.: *искажныва*, *истакой* (орфографическое „из такой“), *тварок*, *моркофь*, *запровос*, *зделала*. Что касается твердости и мягкости согласных, то особый интерес представляет обозначение этих качеств перед другими согласными, когда орфография оставляет их вовсе без обозначения; например: малограмотное *апреля* || *жызьни* (орфографическое „апреля“ || „жизни“)⁵.

II. Принцип аналогии, или морфологический, также применяется в написаниях малограмотных, хотя без той последовательности, какая свойственна орфографии; так, например, встречаем написания *погрибь*, *рубь*, а наряду с этим *струпъ* (орфографическое „сруб“). Конечно, морфологические написания малограмотных могут частью обуславливаться подражанием орфографии, но несомненно, что во многих случаях они вызываются непосредственным или естественным морфологическим чутьем; это видно, например, из таких написаний, как *казывают*, где малограмотный написал *з* по аналогии к таким своим написаниям, как *зделала*: очевидно, начальный звук (*с* или же *з*) обоих слов ассоциировался в уме писавшего с одинаковым оттенком значения и потому потребовал для себя одинакового обозначения⁶; отчасти тем же морфо-

---

⁴ Богородицкий В. А. Гласные без ударения в русском языке // Богородицкий В. А. Очерки по языковедению и русскому языку. 4-е изд., перераб. [Очерк] 11. М.: Учпедгиз, 1939. С. 113–125. — *Примеч. сост.*

⁵ Легко видеть по приводимым примерам, что малограмотные написания могут оказать услугу диалектологии при изучении говоров, подтверждая непосредственные наблюдения над произношением и дополняя данные по морфологии, синтаксису, семасиологии и лексике.

⁶ Нередко такие написания по аналогии носят чисто внешний характер; например, малограмотный ошибочно усматривает префикс там, где на самом деле такового нет, пользуясь при этом написанием по аналогии с созвучным префиксом. Вследствие этого получаются такие малограмотные написания, как *зрадайтъ* или, до реформы правописания, — *отъравляйтъ*, *къвартира* и т. п. К написаниям по внешней аналогии относятся и случаи неправильного обозначения предлога (также

логическим чутьем объясняется и слитное написание некоторых предлогов, союзов и вообще маленьких придаточных словечек с знаменательными частями речи, с которыми их объединяет, кроме того, и общность ударения; ср., например, *искажныва* (т. е. „из каждого“), *изауплату* („и за уплату“). Благодаря морфологическому чутью малограмотный не только пользуется написанием по аналогии, но и создает собственные, нередко своеобразные, правила о том, как следует писать те или другие слова. Мы имеем в распоряжении ряд таких правил и рассуждений, добытых путем расспросов от одной старушки-грамотницы, которая благодаря своей любознательности почти самоучкой научилась читать и писать. Сложившиеся у нее представления о написании слов, приводимые нами ниже, подтверждают высказанное замечание о морфологическом чутье малограмотных. Так, она говорила мне, что в слове „вез“ следует писать букву з, как в слове „везла“. Подобным же образом в словах „бог“ и „вход“, по замечанию нашей грамотницы, нужно писать буквы г и д, потому что имеются слова „боги“, „входил“, а не „бохи“, „вхотил“; в слове „проповедь“ пишется буква д, как в слове „проповедаю“. Вполне естественно предположить, что и древнерусские грамотники, когда грамматическая теория почти совсем отсутствовала, составляли себе подобного рода правила, которые у разных переписчиков могли быть различными.

III. Принцип исторический, или традиции, в написании малограмотных лиц сводится к тому, что они вводят в свое письмо также и написания, не соответствующие произношению, но которые они встречали в орфографических или книжных текстах. Само собой разумеется, что и этот принцип применяется малограмотными без надлежащей последовательности, так, например, *тужила* (историческое) || *мужыковъ* (фонетическое) у одного и того же малограмотного. Здесь же можно отметить случаи неправильной передачи малограмотными неударяемых гласных, которые, совпадая в произношении, обозначаются, однакож, в орфографии различными начертаниями, как, например, в словах „будет“ || „будит“; малограмотные, встречая такое двоякое обозначение и не отдавая себе отчета в морфологическом начале этого разнообразия, применяют нередко те же начертания смешанно, например *увидемся, тревожемъ* || *доедитъ* и т. п.⁷.

префикса) *из*, причем малограмотными нередко отделяется начальная буква и как бы в качестве союза, например *и спяти* (т. е. „из пяти“), *и зних* („из них“), *и спытать* („испытать“).

⁷ Такого рода смешение двух начертаний, из которых лишь одно соответствует произношению, встречается и в древнерусской письменности; ср. в московском евангелии 1393 г. ряд таких примеров, как к *Симану* || *запода* и т. п., указывающих на существование аканья в данном неударяемом положении (см. *Соболевский А. И.* Указ. соч. С. 77). На это явление следует обратить внимание исследователям древних памятников, обыкновенно склонным думать при чередовании букв

IV. Принцип дифференциации не имеет такого широкого применения, как предшествующие принципы, причем пользование им в большинстве случаев является неправильным по сравнению с орфографией, например различие одним малограмотным буквы *е*, соответствующей прописной и употреблявшейся в начале каждого слова с этим гласным, и буквы *е* внутри и на конце.

В заключение нужно указать еще на одну особенность малограмотных написаний, заключающуюся в обилии описок и зависящую от того, что у малограмотных механизм письма еще не утвердился. Все эти описки, соответственно своему происхождению, могут быть подразделены на четыре типа:

1) Описки первого типа зависят от того, что некоторые буквы имеют общие элементы, и пишущий, желая выполнить одну из таких букв, незаметно для себя пишет другую, частично сходную с первой. Приведем примеры относящихся к этому типу ошибочных написаний с указанием параллельных явлений в других областях.

а) В области письма отметим нередкое ошибочное написание *й* вм. *и* (*твойх* и т.п.) и обратно (*доми* и др.). Написание *й* представляет ассоциацию по смежности начертания простого *и* и знака краткости; отсюда через ассимиляцию сходства рука ошибочно вместо требуемого простого *и* может написать *й*, т.е. прибавить знак краткости. Подобным образом требовалось написать печатное **A**, вместо которого случайно написалось привычное славянское **A**, благодаря общей части у обеих букв.

б) Аналогичным путем можно объяснить некоторые фонетические явления в истории языков, например лабиализацию глубоких заднеязычных согласных в латинском. При произнесении лабиального (губного) согласного **u** имеется сужение губ + глубокое действие задней части языка; при произнесении же глубоких заднеязычных согласных имеется только глубокое действие задней части языка, но оно легко вызывает и соответствующее сужение губ (ср. лат. *quis* и русск. *кто* и т.п.). Некоторую аналогию к этому процессу представляет 'e → 'o в русском языке, как это я объясняю в моем „Общем курсе русской грамматики“⁸. В новогреческом языке взрывной согласный **b** имеется только в сочетании **mb**, так как в других условиях древний согласный в изменился в спирант **v**; поэтому при заимствовании из иностранных языков **v** обычно субституируется через **mb**.

в написании какого-нибудь слова, что ни та, ни другая буква не обозначает в точности звука, который будто бы должен занимать середину между звуками, обозначенными посредством этих букв. Впрочем, могут быть и случаи, где чередование букв обозначает звук средний, или переходный.

⁸ Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. 5-е изд., испр. М.; Л.: Гос. социально-экон. изд-во, 1935. С. 291–292.

в) Ошибки того же рода случаются в повседневной речи, например вместо сочетания слов „Черное озеро“ ошибкой сказалось привычное „Черное море“.

г) Приводившиеся примеры относятся к моторной (двигательной) сфере мозга, но подобные процессы возможны и в сфере сенсорной (ощущающей), например при ослышках, где вместо одного звука представляется частично сходный другой, например при неполном внимании или тихом и неясном произношении (вм. *гора* — *кора*, вм. *дрова* — *трава* и т.п.)⁹. Подбор примеров *акустических субституций*, встречающихся в диалектах и истории русского языка, см. в моем „Общем курсе русской грамматики“¹⁰.

д) Того же рода явления нередки среди действий в обыденной жизни; например, мне часто приходилось резать бумагу на билетки для лингвистических материалов, а раз понадобилось сделать маленькую тетрадь, и я стал для нее разрезать бумагу, но оказалось, что забывшись я разрезал бумагу на билетки.

2) Описки второго типа происходят вследствие неравномерности между следованием идей (представлений) букв и их выполнением, причем могут быть два случая — опускание букв, когда идеи букв следуют друг за другом быстрее, чем написания, и повторение букв (обычно целого слога), когда ход идей букв замедлен сравнительно с выполнением. Перейдем к примерам.

а) Для разъяснения пропусков при письме рассмотрим написание *работь* вм. „работать“. За первым *т* следует буква *а*, за вторым — *ь*. Когда писалось первое *т*, в мысли уже проходили представления следующих букв и между ними следующего *т* — представление, совпавшее по сходству с идеей предшествующего *т*. Вследствие совпадения этих двух идей написанное *т* стало рефлексом идеи следующего *т*, а потому далее писалось уже не *а*, но *ь*. Подобным же образом объясняются ошибки в написаниях: *котой* („которой“), *дорой* („дорогой“), *своеобразное* („своеобразное“; пропуск буквы *о* произошел благодаря тому, что эта буква очень похожа на начальный элемент последующей буквы *б*) и т.д.; другие случаи пропуска: *вспоми* („вспомни“), *сказа* („сказал“; не дописан конец слова) и т.п. Особенно часто случаются пропуски и повторения в письме детей, для приучения которых к большей внимательности при письме пользуются в начальной школе на первых порах приемом предварительного разложения учениками отдельных слов на слоги и каждого слога на звуки, после чего перечисляются еще все звуки слова

---

⁹ См.: Богородицкий В. А. 1) Лекции по общему языковедению. 2-е изд. Казань, 1915. С. 204–209; 2) Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных: Со многими рисунками и с экскурсами о татарской орфографии и произношении. Казань, 1930. С. 339–343.

¹⁰ Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. 5-е изд., испр. С. 85–86.

по порядку, и уже тогда пишется это слово на классной доске и в тетрадях (так называемая звуко-ва-я-диктовка). Говоря о пропусках при письме малограмотными, нужно иметь в виду еще одно особое обстоятельство: мои наблюдения над малограмотным, посещающим школу взрослых для ликвидации неграмотности, обнаружили, что у него эти пропуски касались слабых неударяемых гласных, а также слабо произносимого согласного (например *ф*) в группах согласных и простого согласного вместо двойного, например *плучила* („получила“), *млока* („молока“), *красин* („керосин“), *пклеванва* („пеклеванного“), *серва* („серого“), *сего добрыва* („всего доброго“), *прошлым году* („в прошлом году“). Это лицо характеризуется одновременно быстротой речи, благоприятствующей такому скрадыванию звуков в собственном его произношении, а благодаря этому происходит и пропуск букв в письме. Скорость же речевая обыкновенно сосуществует со скоростью и в других движениях и работах, а также и со скоростью мысли (однородность индивидуума, его *habitus*'а).

б) Ошибки, подобные рассматривавшимся опискам, случаются также в произношении в виде обмолвок: вместо „Максимилиан Иванович“ произнеслось „Максимилианыч“; в этом случае за ударенным **а** первого слова должно начаться произношение второго слова, но звуковые идеи или представления, опережая, дошли уже до ударенного **а** второго слова и тоже с следующим **н**, и потому замедливший речевой аппарат перешел прямо к этому **а** второго слова.

в) В обыденной жизни нередки того же типа пропуски, когда приходится выполнять работу, слагающуюся из ряда последовательных звеньев, кое в чем взаимно сходящихся, и благодаря этому тот или другой элемент работы может случайно оказаться пропущенным, вызывая уже не то дальнейшее движение.

В пример ошибочного повторения букв (обычно целого слога) приведу: *тепломом* („теплом“); *повевеленья* („повеленья“), в конце вступления в Лаврентьевской летописи, и т. п. Аналогичные явления в обыденной жизни: наливающему чай случается положить в стакан лишний раз сахар, охотнику в ружье двойной заряд, и т. п.

3) Третий тип описок представляет замену в слогe одних букв другими, основывающуюся на гармонической ассимиляции к последующему или же предшествующему слогу, например *друдом* („трудом“), *гнигу* („книгу“), *по своей полезни* („по своей болезни“), *пододных* („подобных“) и др. К тому же типу относим такие описки, как *впечатлениями сходными* (вм. „сходного“) *звука*, где вместо одного окончания написано другое — того падежа, в каком имеется соседнее слово (предшествующее или же следующее). Такого рода описки весьма поучительны, подтверждая, что падежные окончания чувствуются особой морфологической частью слов, а кроме того, обнаруживая, что именно чувствуется окончанием.

4) Описки четвертого типа заключаются в том, что смежные буквы переставляются, что происходит вследствие того, что идеи букв являются в уме не в том порядке, в каком должны были бы быть воспроизведены, например *всоих* вм. „своих“ и т. п.¹¹

Все указанные типы описок встречаются и в древнерусской письменности, причем в одних памятниках в меньшей степени, чем в других. Как пример памятника, изобилующего описками, мы укажем на список *В* известной Смоленской грамоты 1229 г.; в этом памятнике мы встречаем такие описки, как *ланьскни* (вм. *латиньскни*), *рисинъ*, *рисиноу* (ср. *роусиноу* в той же грамоте), *гостъкомъ* (т. е. *Готском*).

Так как при наборе печатных книг деятельность руки наборщика зависит также от речевых центров, то в ней возможны ошибки, аналогичные опискам. В самом деле, в книгах наряду с опечатками, зависящими от перемешанных в кассе букв, наблюдаются ошибочные повторения, пропуски и гармонические подстановки букв; могут быть также опечатки, аналогичные опискам первого типа, вызываемые у наборщика сходством зрительных впечатлений от букв в оригинале с буквами, имеющими одинаковые с ними элементы. Необходимо считаться с возможностью подобных опечаток, изучая старопечатные тексты; так, в печатных текстах Ф. Скорины встречаются опечатки: *Ѹгорниници*, *вжжителех*, *жужъ* (вм. „муж“); *жужеви*, *всоих* (вм. „своих“, т. е. перестановка смежных букв) и т. п.¹²

В заключение позволю себе заметить, что вопрос об изучении малограмотных написаний в настоящее время, при переходе к всеобщей народной грамотности в Советском Союзе, приобретает особенную важность, так как дает возможность учителю школ взрослых сознательно относиться к письму учащихся, а это не замедлит сказаться на повышении успешности обучения. Сказанное относится, конечно, и к обучению в начальных школах вообще; например, такие своеобразные написания у учащегося, как: *сказал „!Милые мои дети, ...“* или *„увидел: что деревцо...“* произошли потому, что он не вполне понял слышанное им правило, а это показывает, как не проста и не легка задача преподавателя, который должен заботиться о том, чтобы учащиеся по возможности точно усвоили то или другое правило орфографии, и требуется опытность преподавателя для наилучшего способа изложения грамма-

---

¹¹ Заслуживают внимания и изучения случаи перестановок и вообще перемен в письме и речи при некоторых особых состояниях организма; например при угаре сказалось *пройти хочусь* („пройтись хочу“), при наклоне ко сну произнеслось *спаза глазят хотят* („спать глаза хотят“); также перемены у раздраженного, у охмелевшего, при разных болезнях, в частности при афазиях и аграфиях, и т. п. Исследование подобного рода явлений может создать особую отрасль в языковедении.

¹² См.: *Владимиров П. В.* Доктор Франциск Скорина: его переводы, печатные издания и язык. [СПб.:] Тип. Имп. Акад. наук, 1888. С. 257.

тических вопросов. Помимо того, в его задачу должно входить развитие в учащихся любви к чтению современных лучших писателей, чтобы содействовать выработке у них хороших литературных навыков в письменном и устном изложении мыслей (нередко лицо, хорошо передающее свои мысли другим устно, затрудняется при письменном их изложении и наоборот), а это послужит на пользу в их позднейшей деятельности. Таким путем грамматическое обучение в связи с чтением образцовых писателей придаст обучению родному языку действительно образовательный характер.

Р. Ф. Брандт

О ЛЖЕНАУЧНОСТИ НАШЕГО ПРАВОПИСАНИЯ. (ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦИЯ)¹

„Который изъ двухъ русскихъ
языковъ настоящій: тотъ ли, который
пишется, или тотъ, который слышится?
Вл. Петр. Шереметевскій. Къ вопросу объ
однообразіи въ орѳографіи“. Соч.² стр. 260.

Милостивыя Государыни и милостивые Государи! Темою для настоящаго чтенія я взялъ вопросъ о русскомъ правописаніи, — вопросъ, который занимаетъ меня уже много лѣтъ, и по которому у меня набралось немало соображеній, коими я отчасти ужъ и дѣлился съ другими: устно, на лекціяхъ, и печатно, въ «Русскомъ Филогическомъ Вѣстникѣ», а также въ одной петербургской газетѣ — въ «Новостяхъ»³.

Правописаніе — это такая область, гдѣ житейская практика соприкасается съ наукою грамматикою и неразъ обращается къ ней за справками: какъ тò или иное слово пишется большинствомъ, какъ оно писалось встарину, и какія основанія писать его такъ или иначе заключаются въ его происхожденіи? Спеціалисту по языку поэтому несомнѣнно подобаеъ

Печатается по первому изданію: *Брандт Р.Ф.* О лженаучности нашего правописанія: (Публичная лекція): Оттискъ изъ I–II в. в. «Фил<ологическихъ>. Зап<исокъ>». Воронежъ: Тип. В. И. Исаева, 1901. 58 с.

¹ Лекція эта печатается въ нѣсколько распространенномъ видѣ.

² *Шереметевскій В. П.* Къ вопросу о единообразіи въ орѳографіи по поводу академическаго руководства „Русское правописаніе“ // Шереметевскій В. П. Сочиненія. М.: Товарищество тип. А. И. Мамонтова, 1897. С. 237–311. — *Примеч. сост.*

³ «Мнѣніе г. Тулова» (и, по поводу его, мое собственное) «о русскомъ правописаніи». «Русскій Филогическій Вѣстникъ», т. V, 1881 года. — «Объ устраненіи ъ». Тамъ же, т. XIV, 1885 г. «Новости», въ маѣ 1886 года.

имѣть о правописаніи свое сужденіе, и на немъ лежитъ даже нѣкоторая обязанность не скрывать этого сужденія отъ общества⁴.

Правописаніе, какъ извѣстно, различаютъ двоякое: звуковое, или фонетическое, и производственное, или этимологическое; или же — тройкое, при чемъ къ двумъ названнымъ правописаніямъ присоединяется еще третье, — историческое. Въ такихъ разновидностяхъ правописаніе можетъ являться и въ видѣ цѣлой системы, и въ начертаніи отдѣльныхъ словъ; впрочемъ, въ цѣломъ правописаніе не бываетъ столь послѣдовательнымъ, чтобы вполне представлять тотъ или иной типъ. Еще слѣдуетъ отрицать самое существованіе правописанія «историческаго», какъ совпадающаго или со звуковымъ, или съ производственнымъ. Мы по преданію, потому что встарину такъ писали, пишемъ въ словѣ «источникъ» предлогъ **ИЗЪ** съ буквою **С**, но такое историческое начертаніе соотвѣтствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ старинному да и теперешнему произношенію, и есть, значитъ, звуковое. Мы исторически пишемъ въ словѣ «дорожка» букву **Ж**, но это историческое написаніе слѣдуетъ признать и производственнымъ, такъ какъ оно указываетъ на то, что произносимый здѣсь звукъ **Ш** развился изъ болѣе ранняго звука **Ж**. Есть, правда, случаи, гдѣ мы держимся ходячаго начертанія, противорѣчащаго и произношенію слова, и происхожденію его: это тѣ случаи, въ которыхъ сказывается мудрствованіе какого-нибудь малосвѣдущаго грамматиста, переходившее затѣмъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Таково написаніе превосходныхъ степеней — «высшій» и «низшій» черезъ **С** и **З**, тогда какъ этимологія (въ первомъ словѣ и выговорѣ) требуетъ иного написанія, а именно **ШШ** и **ЖШ**. Въ древности здѣсь были **ШЫШ** и **ЖЫШ** («вышшии» и «нижшии» — винительные падежи, замѣнившіе у насъ также именительный); при томъ **Ш** и **Ж** до сихъ поръ явственно выступаютъ въ сравнительныхъ степеняхъ «выше» и «ниже». Итакъ, въ превосходныя степени «высшій» и «низшій» **С** и **З** внесены лишь по недоразумѣнію, изъ положительныхъ «высокъ» и «низокъ» — это случай узаконенной употребленіемъ безграмотности. Неужели же умѣстно давать проявленію полужананія громкую кличку «исторической» орфографіи?!

Такии образомъ, особаго историческаго правописанія не существуетъ, а есть лишь звуковое и производственное. Изъ этихъ двухъ, по моему глубокому убѣжденію, заслуживаетъ рѣшительнаго предпочтенія звуковое. Вѣдь мы пишемъ вмѣсто того, чтобы говорить, значитъ, и естественно писать такъ, какъ говорятъ. Не будь разныхъ постороннихъ обстоятельствъ, никому бы и въ голову не пришло оспаривать это положеніе, которое мож-

---

⁴ Понятно, излагаемые мною взгляды по большей части представляютъ лишь повтореніе чужихъ воззрѣній; но было бы невозможно, да едва ли и нужно, всегда указывать ихъ источники.

но назвать аксьёмой. Само собой разумѣется, что пишущій не станетъ воспроизводить недостатковъ своего произношенія: если кто заикается, онъ (понятно) воздержится отъ заиканія хоть на письмѣ; если кто картавитъ, онъ не исключитъ изъ своей азбуки непроизносимой имъ буквы.

Неразъ приходится слышать, будто звуковое правописаніе невозможно, потому что произношеніе неодинаково. На это прежде всего слѣдуетъ ответить, что этимологическое правописаніе столь же невозможно, ибо мы часто не знаемъ происхожденія словъ; а затѣмъ слѣдуетъ указать, что неодинаковость произношенія сильно преувеличиваютъ. Вообще говоря, русское произношеніе достаточно установилось, и колебанія замечаются лишь въ немногихъ случаяхъ; при томъ, по принципу звукового правописанія, разъ существуетъ колебаніе въ выговорѣ, оно не только может, но даже должно проявиться и на письмѣ. Если не считается ошибкой произносить «се́мь», тогда какъ другіе говорятъ «сѣ́мь», то незачѣмъ считать ошибкою обозначеніе твердости и на бумагѣ; если одинаково правильнымъ признается выговор «звѣзды» и «звѣзды», то по фонетическому способу обязательно и двоякое написаніе. Такое воспроизведеніе выговора особенно желательно въ стихахъ: при теперешнемъ правописаніи можно прочесть несогласно съ произношеніемъ поэта вѣтмъ уничтожить риѳму. Употреблена напр. риѳма «звѣзньй — грозньй», и, если мы прочтемъ «звѣзньй», то риѳмы не будетъ; или же авторъ, напротивъ того, произносилъ е, риѳмуя «звѣздьньй — желѣзньй», и риѳма пропадетъ, если читать «звѣзньй». Подобнымъ же образомъ двоякое начертаніе при двоякомъ произношеніи одного и того же слова было бы весьма кстати въ риѳмахъ: «безупрѣченъ» — непороченъ», «безупреченъ — незамѣченъ», «рука еѣ — кольцо моѣ», «рука ея — любовь моя», «конешно — успѣшно», «конечно — вѣчно»; «она сдалась — разъ», «она сдалась — князь»⁵. Иногда въ такихъ случаяхъ можно даже, по винѣ нашего этимологическаго правописанія, усумниться въ намѣреніяхъ автора. Какъ, спрашивается, Пушкинъ произносилъ 1-ую строфу своего знаменитаго «Анчара», гдѣ при обыкновенномъ произношеніи не хватаетъ одной риѳмы? «Въ пустынь чахлой и скупой, На почвѣ, зноемъ раскаленной, Анчаръ, какъ грозньй часовой, Стоитъ, одинъ во всей вселенной». Провинился ли поэтъ въ этомъ мѣстѣ мнимою, буквенною, риѳмой, или же онъ произносилъ «вселенная», или, напротивъ того — «раскаленной»? Что думалось (въ болѣе скромномъ родѣ столь же, если не болѣе великому) Крылову, когда онъ писалъ: «Разсѣлись, начали квартетъ; Онъ всё-таки на ладъ найдѣтъ»? Про Пушкина, впрочемъ, есть (не знаю, насколько достовѣрное) преданіе, что онъ допускалъ искусственный выговоръ съ

---

⁵ Вопроса о томъ, насколько нѣкоторыя произношенія книжны и искусственны, вслѣдствіе чего лучше отъ нихъ воздержаться, я здѣсь не затрогиваю.

е в м. «ё», значить, въ данномъ случаѣ «раскаленный»⁶. Читая у Хомякова (Ода) — «Вотъ пѣшей рати мѣрный шагъ, Вотъ пушекъ ревъ на высотѣхъ», задаешься вопросомъ, допустилъ ли стихотворецъ нечистую риѣму «шак — высотѣхъ» — или же онъ произносилъ, по южно-великорусскому способу, «шах»? Также внутри стиха, и даже въ прозѣ, можетъ быть небезынтереснымъ знать въ такихъ случаяхъ выговоръ самого автора. Въ примѣрѣ позволю себѣ привести два собственныхъ стиха, изъ привѣтствія покойному Аѳ. Аѳ. Фету. «Такъ звѣздный хоръ горитъ высоко Надъ доломъ плача и заботъ». Теперь я говорю въ этомъ случаѣ «звѣзный», по привычки къ такому произношенію въ Москвѣ и находя, что въ приведенныхъ стихахъ и такъ слишкомъ преобладаетъ звукъ **о**, прежде же я произносилъ всегда «звѣзный». Что орѳографія молчитъ относительно подобныхъ вещей у Пушкина и другихъ образцовыхъ писателей — это отнюдь не заслуга⁷. Заговоривъ о правописаніи въ стихахъ, укажу еще нѣсколько случаевъ, гдѣ несогласное съ выговоромъ письмо ведетъ къ невѣрной оцѣнкѣ стиховъ или же къ невѣрному ихъ построенію. Одинъ критикъ, подѣ влияніемъ орѳографіи «граціозный», упрекнулъ гр. А. Толстого на слѣдующіе стихи: «То молодой былъ женщины портретъ Въ граціозной позѣ» («Портретъ», 20), тогда какъ «граціёзный» — обыкновенное произношеніе, согласное съ французскимъ *gracieux*, итальянскимъ *grazioso*, нѣмецкимъ *graziös*: нигдѣ **і**, при непринужденномъ выговорѣ, слога не составляетъ. Слово «театръ» въ живой рѣчи 3-сложное, «Петръ, смотри» — 2-сложныя (лишь въ тѣсномъ сліяніи съ гласнымъ началомъ слѣдующаго слова — напр., Петръ уѣхалъ — возможенъ иной выговоръ)⁸; однако, подѣ давленіемъ письма, наши стихотворцы не признаютъ этого. Бенедиктовъ, въ стихотвореніи: «Малое слово о Великомъ», сочинилъ такую строфу: «Тамъ взрываетъ камней груды, Тамъ дворянъ зоветъ на смотри; А межъ тѣмъ наука всюду, И въ наукѣ всюду Петръ» — двусложная (женская) риѣма «смотри — Петръ» здѣсь пошла за односложную (мужескую). Такимъ же образомъ Пушкинъ употребилъ женскую риѣму на «измъ»: «Лордъ Байронъ, прихотью удачной, Облекъ въ унылый романтизмъ И безнадежный эгоизмъ» («Евгѣній Онѣгинъ», глава III, стр. оф. а 12). Особенно нехорошо, когда такія слова стоятъ внутри стиха, передъ согласными,

---

⁶ Такова была, видно, литературная мода: одинъ критикъ даже упрекалъ того же Пушкина за «мужицкую» риѣму «языкомъ — копіемъ» (Русланъ и Людмила, III) (*Бѣлинскій В. Г. Сочиненія*. Ч. 8. М., 1860. С. 423).

⁷ Припомнимъ кстати также пушкинскія риѣмы: «скупны (съ **ч**?) — неразлучны» и «душно — сучно» (надо полагать, съ **ш**). «Евгѣній Онѣгинъ», глава II, строфа 13 и III, 17.

⁸ Говорятъ, правда, также Пёт-Петровичъ; но въдѣ имя-отчество вообще комкается скороговоркою: Марья Оѣдоровна превращается въ Мари-Фѣдорну, Павель Павловичъ — въ Пал-Палыча.

какъ напр. въ извѣстной эпиграммѣ Батюшкова: «Совѣтъ эпическому стихотворцу»: «Какое хочешь имя дай Твоей поэмѣ полудикой — Петръ длинный, Петръ большой, но только Петръ Великій Ея не называй». Лишь изрѣдка поэты рѣшались руководиться насчетъ такихъ словъ не буквами, а выговоромъ: Алексѣй Толстой позволилъ себѣ (совершенно правильно) написать въ «Смерти Юанна Грознаго», дѣйстви́те: III, сцѣна) I: «Гдѣ твой Адашевъ, гдѣ Сильвестръ твой?», а Струговщиковъ, въ двустипхи изъ Шиллера: «Гекзаметръ и пентаметръ»: «Сжать и гибокъ, и смѣль — вотъ онъ, пентаметръ мой».

Высказанное мною утверждение, что существуетъ общерусскій выговоръ, понятное дѣло, относится лишь къ литературному языку; но вопросъ объ особенностяхъ русскіихъ нарѣчій и говоромъ — вопросъ совершенно посторонній, и напрасно его примешиваютъ къ вопросу о литературной орѳографіи. Отъ провинцьялизмовъ (какъ въ рѣчи, такъ и на письмѣ) люди по возможности воздерживаются, а, если провинцьялизмы гдѣ-нибудь проявятся, невольно или намѣренно, то при звуковомъ написаніи будутъ столь же понятны (подчасъ, конечно, столь же непонятны), какъ и въ живой рѣчи. Для провинцьяловъ было бы даже очень полезно, если бы правописаніе указывало имъ на литературное произношеніе, и это повело бы къ еще большому единству выговора. Затрудненія при обученіи провинцьяловъ грамотѣ несомнѣнно будутъ, однако они замѣчаются и теперь: вѣдь и обычное письмо чисто условно миритъ говоры, воспроизводя на бумагѣ произношеніе того или другого говора, а иногда и никакого. Затрудненія эти вызываются различіемъ между народнымъ языкомъ и книжнымъ⁹, и они (независимо отъ сохраненія или перемѣны правописанія) могутъ быть устранены двоякимъ способомъ: или составленьемъ азбукъ на мѣстныхъ нарѣчійхъ и говорахъ, или предварительною передъ обученіемъ грамотѣ устною практикою въ литературной рѣчи.

Слѣдуетъ здѣсь же ответить еще на одно возраженіе противъ звукового письма: будто бы оно у насъ невозможно, вслѣдствіе существованія звуковъ неясственныхъ, для которыхъ нѣтъ начертаній въ азбукѣ, и которые даже трудно уловимы. Противъ этого можно сказать, что идеальное совершенство намъ ни въ какомъ дѣлѣ не дается; а, кромѣ того, что вовсе не затѣвается установленіе «фонетической транскрипціи», т.-е. письма, дающаго, съ научною цѣлью, по возможности точное понятіе о русскіихъ звукахъ, даже человѣку никогда ихъ не слыхавшему, а имѣется въ виду лишь безхитростное воспроизведеніе живого языка, для житейскаго обихода. При томъ упомянутое затрудненіе касается только буквъ **а** и **о**, съ одной стороны, и **е** и **и** — съ другой: дѣйствительно, если бы

---

⁹ Произносящій «фатера, флигеръ, спинжакъ» ни при какой орѳографіи не можетъ догадаться, что образованные люди произносятъ, а вмѣстѣ с тѣмъ и пишутъ «квартира, флигель, пиджакъ».

писать въ существительномъ «борода» три раза букву **а**, въ повелительномъ наклоненіи «береги» — три раза **и**, это было бы неточно: только конечныя, ударяемыя **а** и **и** этихъ словъ вполнѣ явственны, а въ начальныхъ слогахъ имѣются даже совсѣмъ глухіе звуки. Но какое бы все-таки облегченіе представляло правило писать буквы **о** и **е** лишь тамъ, гдѣ онѣ ясно слышатся, а то всегда употреблять **а** и **и**! И того, кто, держась областного произношенія, въ большей или меньшей степени различаетъ безударное **о** отъ **а**, **е** — отъ **и**, новое правило не могло бы затруднить: оно гласило бы для него: «если хочешь писать полилитературному, то не различай безударныхъ **а** и **о**, **е** и **и**».

Въ этимологическомъ письмѣ усматриваютъ то преимущество, что оно намъ указываетъ на связь между родственными словами. Однако такія указанія — дѣло совершенно бесполезное. Обыкновенно при этомъ (употреблю французскую поговорку) взламываютъ отпертую дверь: указываютъ на такую связь, которая и безъ того всякому ясна. Какая надобность подчеркивать родство словъ «лавка» и «лавочникъ», ставя въ обоихъ букву **в**? Вѣдь и самый безграмотный лавочникъ, способный написать слово «лавка» черезъ **ф** или **е**, отлично сознаётъ тѣсную связь, существующую между нимъ и его лавкой. Усумнимся ли мы въ томъ, что фамиліи «Шапошниковъ» и «Посниковъ» восходятъ къ словамъ «шапка» и «постъ», хотя бы (какъ бываетъ часто, чуть ли даже не постоянно) въ первой было написано **шн** вмѣсто **чн**, а во второй — **сн** вм. **стн**? Смущаетъ ли насъ въ фамиліяхъ «Карзинкинъ», «Тихановъ», «Тиманова» написаніе ихъ черезъ **а** и мѣшаетъ ли догадаться, что они произошли отъ слова «корзинка» и отъ собственныхъ именъ «Тихонъ» и «Тимонъ» съ буквою **о**? Затрудняемся ли мы хоть сколько-нибудь въ пониманіи нарѣчій «гдѣ», «здѣсь» и «вездѣ» тѣмъ, что въ нихъ пишутся по слуху **г** и **з**, а не по этимологіи — **к** и **с**? А вѣдь, не установись эти написанія (въ сущности столь же безграмотныя, какъ «здѣлать» съ **з** вм. **с**) довольно прочно, любители этимологіи приходили бы отъ нихъ въ ужасъ. Какъ можно, восклицали бы они: отрывать нарѣчіе «кдѣ» отъ мѣстоимѣній: «кто, который, какой», съ коими оно имѣетъ общій корень, содержащій характерную для вопросительныхъ словъ букву **к**! Какъ можно отрывать указательное нарѣчіе «сдѣсь» отъ указательнаго мѣстоименія «сей», «вездѣ» — отъ «весь» и «всегда»! Послѣдовательный сторонникъ производственнаго письма долженъ бы возстать также противъ упрощеннаго написанія «если», такъ какъ этотъ союзъ содержитъ глагольную форму «есть». Онъ долженъ бы еще настаивать на употребленіи въ такихъ словахъ, какъ «молодецкій», вм. **ц** — **чс**, ибо въ нихъ допущено то же сліяніе согласныхъ буквъ, которое считается безграмотнымъ въ какомъ-нибудь словѣ «братскій»¹⁰.

¹⁰ Поляки (при однородной съ русскою орѳографіи) дѣйствительно пишутъ bracki черезъ **с**. Ссылаться на то, что первичное «братъ» представляетъ **т**, а въ пер-

Прямо вредною я считаю этимологическую орфографию въ случаяхъ, когда она, указывая на происхождение слова, не выясняетъ, а затемняетъ его дѣйствительный смыслъ. Таково написание слова «щастье» черезъ **СЧ**. «Щастье» теперь является просто синонимомъ французскаго fortune, и никому, если не задаваться спеціяльно филологическими цѣлями, и дѣла нѣтъ, что русское слово первоначально означало обладаніе частью, долею, а французское — случай. Положительно напрасно Карамзинъ, а за нимъ Гречъ, возстановили этимологическое **СЧ** вм. **Щ**, и совершенно правы поляки, когда въ своемъ словѣ szczęście пишутъ тѣ же знаки, которыми всегда выражаютъ наше **Щ**. Столь же мало заслуживаетъ сочувствія предпринятое покойнымъ академикомъ Гротомъ возстановленіе никѣмъ несознаваемой связи прилагательнаго «затхлый» со словами «дохнуть, духъ, вдохновенный», посредствомъ замѣны его **Т** черезъ **Д**. Обратимъ здѣсь вниманіе еще на слово «тошно». Это нарѣчіе можно бы привести въ примѣръ того, что звуковое письмо затемняетъ происхождение словъ: въ самомъ дѣлѣ, не сразу догадаешься, что «тошно» по этимологическому способу слѣдовало бы писать съ буквою **Щ**, и что оно сродни прилагательному «тощій» и существительному «тоска». Однако такая неясность обуславливается тѣмъ, что, водимые нашимъ правописаниемъ на помочахъ, мы не привыкли сами ходить, и не свидѣтельствуемъ о пользѣ, а скорѣе о вредѣ производственнаго письма. То же нарѣчіе «тошно», въ сопоставленіи съ указанными, родственными, но далекими по значеніямъ, словами «тощій» и «тоска», можетъ служить новымъ примѣромъ на порванную этимологическую связь, которую незачѣмъ возстановлять на бумагѣ. Гротъ и сохраняетъ въ данномъ словѣ букву **Ш**, хотя съ его стороны это непослѣдовательно.

И сколько вообще въ этимологическомъ письмѣ условнаго и произвольнаго! Намъ говорятъ, что непозволительно въ слогахъ **ЖЫ**, **ШИ** (**Жыр**, **Шып** и т. п.) писать **Ы**, ибо самое появленіе звуковъ **Ж** и **Ш**, смягченныхъ изъ **Г** и **Х**, указываетъ на присутствіе тутъ звука мягкаго, а не твердаго. Но вспомнимъ про отсутствіе смягченія въ слогахъ **КИ**, **ГИ**, **ХИ**, объясняемое только тѣмъ, что они въ древности содержали **ы** и звучали **кы**, **гы**, **хы** (кысть, гынути, хытры), что нисколько не мѣшаетъ намъ писать **ки**, **ги**, **хи**! Отчего бы, значить, не допустить написаній **жы** и **шы**, тѣмъ болѣе, что церковное письмо представляетъ иногда такое правописание, напр., в дат«ельномъ» пад«еже» **на́шымъ**? Не забудемъ еще про одно внѣшнее удобство при употребленіи сочетанія **Ш-Ы** вм. **Ш-И**: въ скорописи не будутъ путаться, какъ теперь, **ШИ** и **ИШ**. —

вичномъ «молодецъ» уже имѣется **Ц**, не слѣдуетъ: **Ц** въ существительномъ непосредственно произошло изъ **К**, а въ прилагательномъ получалось изъ **ЧС** (сравнимъ «молодечество», а также «греческій» съ разновидностью «грецкій»); наводя на мысль о болѣе тѣсной связи между окончаніями -ецъ и -ецкій, правописание вводитъ насъ въ заблужденіе.

Настаивая на необходимости мягкой гласной въ слогахъ **жи**, **ши**, мы однако преспокойно опускаемъ букву **ь** въ словахъ въ родѣ «ножка» и «мушка», уменьшительныхъ къ «нога» и «муха», тогда какъ она въ нихъ столь же необходима, чтобы оправдать смягченіе **г** и **х** въ **ж** и **ш**. — Не совершенно ли произвольно принято теперь писать предлоги **воз-**, **из-**, **низ-**, **раз-**, черезъ **с** не только передъ **к**, **п**, **т**, **ф**, **х**, **ц** (что согласно и съ выговоромъ, и со стариннымъ обычаемъ), но также передъ **ш**, **ч**, **щ** — расширить, расчистить, расщедриться, — гдѣ появляется звукъ **ш**, а с никогда не писалось? Какъ непослѣдовательно, единственно, чтобы не ставить рядомъ двухъ одинаковыхъ буквъ, допущено исключение для буквы **с**, хотя уже Ломоносовъ писалъ «ис-сохнуть, рас-славить»! Просто по недосмотру отъ **воз-**, **из-**, **низ-**, **раз-** отбились без- и чрез-, изъ коихъ послѣдній имѣетъ даже преимущественное право на букву **с**, такъ какъ первоначально содержалъ именно звукъ **с**, а не **з**, который внесень въ него лишь въ подражаніе остальнымъ: при чисто звуковомъ развитіи мы не говорили бы «чрезмѣрный, чрезвычайный», а «чресм-, чресв-». Весьма поучительно также слово «лѣстница», со своимъ **ст**, рядомъ съ глаголомъ «лѣзть — лѣзу» и съ уменьшительнымъ «лѣсенка». Разъ существительное по слуху, вмѣстѣ съ тѣмъ по преданію, пишется съ **с**, такъ отчего бы этого не допустить, согласно произношенію и старинному письму, и въ неокончательномъ «лѣзть»? Разумно ли, далѣе, настаивать на сохраненіи въ словѣ «лѣстница» буквы **т**, когда уменьшительное «лѣсенка» произошло отъ «лѣсница» съ выпущеніемъ **т**, такъ какъ иначе говорили бы «лѣстенка»? Гротъ, въ любопытной книгѣ «Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго донынѣ»¹¹: даже изгналъ было **т** изъ слова «лѣстница» (правда на ошибочномъ основаніи, будто его никогда тамъ не было), впоследствии однако возстановилъ его. Относительно глагола «ращеть» и существительнаго «ращот» тотъ же ученый очень рѣшительно заявилъ, что — какъ явствуетъ-де изъ выговора «разочту» — въ нихъ необходимо писать просто **сч**, а не **зсч**. Это однако вовсе не такъ несомненно. Въ живой русской рѣчи понятіе *compter, rechnen, numerare* обыкновенно выражается вторичнымъ корнемъ **щит**, гдѣ древній корень **чит**, сохраняемый въ значеніи *lire, lesen, legere* — читать, сросся съ предлогомъ **съ**: не даромъ же мы говоримъ «сочитать», употребляя два раза одинъ и тотъ же предлогъ **съ**, что возможно лишь потому, что въ глаголѣ «щитать» присутствіе предлога уже не чувствуется. Вслѣдствіе этого «щот» для нашего чутья простое слово, а «ращот» естественно расчленяется на раз и щот. — Всѣ теперь пишутъ прилагательныя (они же нарѣчія) «горячо», «свѣжо» черезъ **о**, но просто забыли допустить это и въ нарѣчіи «еще», которое, не имѣя при себе

---

¹¹ Гротъ Я. К. Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго донынѣ. 2-е изд. СПб., 1876.

родственныхъ формъ съ буквою е (какъ «горячее», «свѣжее»), даже съ большимъ удобствомъ могло бы подчиниться произношенію. — Вотъ какія колебанія и произвольные приговоры являются плодомъ этимологическаго мудрствованія!

Увѣряютъ насъ, будто производственное письмо между прочимъ полезно тѣмъ, что различаеъ фонетически совпавшія слова — о м о н и м ы. Какъ хорошо, говорить, что «душка» отъ «душа» пишется съ буквой **ш**, «дужка» отъ «дуга» — съ буквою **ж**! «лечу» отъ «летѣть» — съ буквою **е**, «лѣчу» отъ «лѣчить» — съ буквою **ѣ**! «перемѣшка» отъ «перемѣшать» — съ сочетаніемъ **ѣш**, «перемежка» отъ «перемежаться» — съ **еж**! Съ торжествомъ указываютъ на французскій языкъ, гдѣ въ одномъ созвучіи сѣ совпали слова, означающія пять, здоровый, святой, лоно, опоясанный и подпись (латинскія *quinque, sanus, sanctus, sinus, cinctus* и *signum*), различаемыя только на письмѣ¹². — Однако слово употребляется не само по себѣ, а въ предложеніи, такъ что смыслъ его вытекаетъ изъ общей связи и вовсе не нуждается въ поддержкѣ правописанія. Кто же не пойметъ, что въ выраженіи: «они пришли домой», *п р и ш л и* есть прошедшее время, а въ выраженіи: «пришли мнѣ денегъ» — повелительное наклоненіе? хотя въ обоихъ случаяхъ мы пишемъ совершенно одинаково. Можно даже подобрать фразы, въ коихъ всѣ слова допускаютъ различное пониманіе, но въ цѣломъ даютъ вполнѣ опредѣленный смыслъ. Если произнести предложеніе: «Груша, будемъ вмѣстѣ покой мечь», то всякій пойметъ, что кто-то предлагаетъ какой-то Аграфенѣ сообща убирать барскую комнату, хотя «груша» могло бы обозначать также извѣстный плодъ, «будемъ» могло бы принадлежать не къ глаголу «быть», а къ глаголу «будить» (на письмѣ — *б у д и м ь*), «вмѣстѣ» могло бы составлять не одно нарѣчіе, а два слова, «покой» могло бы обозначать спокойствіе, «мечь» могло бы быть не глаголомъ, а существительнымъ, въ смыслѣ мщенія. Болѣе того: и по-французски, если мы захотимъ сказать: «его отецъ пять мѣсяцевъ былъ городскимъ головою», наши слова «*son père a été maire cinq mois*» никѣмъ не будутъ поняты превратно, несмотря на то, что каждое изъ этихъ словъ имѣетъ по крайней мѣрѣ 2 значенія, *père* и *mère* имѣютъ по 3, *so* — 4¹³, а *se*, какъ уже упомянуто, — цѣлыхъ 6.

Ну, а если слово все-таки красуется въ совершенномъ одиночествѣ гдѣ-нибудь на стѣнѣ? Въ такомъ случаѣ, во 1-хъ, обыкновенно нисколько не интересно, что хотѣлъ сказать какой-то прохожій шалунъ; а, во 2-хъ, если мы этимъ заинтересуемся, то шалунъ могъ быть безграмотнымъ или просто разсѣяннымъ и, писавши напр. *m-i-p-ъ*, все же могъ имѣть

¹² Французскія начертанія: *c-i-n-q*, *s-a-i-n*, *s-a-i-n-t*, *s-e-i-n*, *ce-i-n-t* и *s-e-i-n-g*.

¹³ *Son* — свой (его), звукъ, отруби, *sont* — (они) суть; *père* — отецъ, *paire* — пара, *pair* — равный; *a* — имѣетъ, *à* — при, у, во; *été* — бывший, лѣто; *maire* — городской голова, *mère* — мать, *mer* — море; *mois* — мѣсяць, *moi* — меня, я.

въ виду не вселенную, а покой и согласіе. Встрѣчаются, правда, иногда такія выраженія, которыя лишь для глаза представляютъ определенный смыслъ, болѣе-менѣе затемняющійся при чтеніи вслухъ. Такъ, мнѣ попало гдѣ-то выраженіе: «мѣстами оба племени живутъ попережку», что, судя по орфографіи, должно означать, что племена перемежаются, живутъ череполосно, а не то чтобы совсѣмъ перемѣшаны. Одно сочиненіе почтеннаго, теперь уже покойнаго ученаго, Александра Аванасьеви́ча Потебни́, озаглавлено: «Значенія множественнаго числа», при чемъ лишь написаніе показываетъ, что рѣчь идетъ о различныхъ значеніяхъ, а не объ одномъ; таковъ же заголовокъ, выписанный мной изъ «Московскихъ Вѣдомостей»: «Покушенія на жизнь королевы Викторіи»: прочтя его не обращая особеннаго вниманія на буквы, я ждалъ извѣстія о новомъ покушеніи, а оказалось, на что глазу намекала уже буква **Я**, что говорилось о нѣсколькихъ прежнихъ покушеніяхъ. Также на одно только зрѣніе рассчитано встрѣтившееся мне гдѣ-то заглавіе: «Болота», тоже изображающее множественное число. Въ той сценѣ шекспировской драмы: «Генрихъ V», когда молодой король, бывший весьма легкомысленнымъ наслѣднымъ принцемъ, получаетъ въ насмѣшливый подарокъ отъ французскаго короля ящикъ мячиковъ, русскій переводчикъ на вопросъ Генриха: «Что тамъ?» даетъ отвѣтъ: «Мячи, мой государь» — отвѣтъ двусмысленный, при коемъ, если бы эту пьесу поставили, непременно слѣдовало бы достать изъ ящика и показать мячикъ, чтобы публика не подумала, что говорится о шпагахъ. Жуковскій въ одномъ стихотвореніи (Двѣ повѣсти, повѣсть I) употребилъ выраженіе: «золото перетянула Кость» — по связи и по написанію съ а на концѣ можно догадаться, что кость оказалась тяжеле золота, но при чтеніи вслухъ, по непосредственному впечатлѣнію, все-таки выходитъ наоборотъ. Нерѣдко теперь употребляется вновь заимствованное слово «иммиграція» (для понятія, которое легко можно выразить славяно-русскими словами «вселеніе» и «приселеніе»), каковое слово, при непринужденномъ произношеніи — безъ удвоенія **М** и съ неясственнымъ выговоромъ начальнаго **И** — совпадаетъ съ противоположнымъ понятіемъ «эмиграція» (выселенія). Одинъ критикъ упрекаетъ автора разбираемой имъ философской книги, что онъ «вмѣсто не сущій пишетъ несущій», т.-е. (какъ ясно для глаза, но не для слуха), что онъ пишетъ слитно то, что принято писать раздѣльно. Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ имѣется замаскированное правописаніемъ неудачное употребленіе словъ и выраженій: вездѣ слѣдовало бы дать рѣчи иной оборотъ¹⁴. — Когда правописаніе такимъ образомъ скрываетъ отъ насъ

---

¹⁴ Такъ, множественное число «значенія», «Болота» слѣдовало бы поставить въ другомъ падежѣ (О значеніяхъ, О болотахъ), или снабдить какимъ-нибудь определеніемъ (Различныя значенія, Наши болота), или же допустить народныя,

недостатки нашего стиля, соблазняетъ насъ къ неяснымъ и неточнымъ выраженіямъ и къ бессознательнымъ, далеко не остроумнымъ каламбурамъ, то не оказываетъ ли оно намъ своими тонкими различеніями медвежью услугу? Съ другой стороны, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ появляется намѣренная игра словъ, нельзя не пожалѣть, если она на письмѣ пропадетъ. Было бы напр. жаль, если бы различное написаніе скрывало отъ глаза совпаденіе въ большинствѣ падежей реченій «мячъ» и «мечъ», на которомъ русскій авторъ, при самостоятельной обработкѣ упомянутой шекспировской сцены, основалъ бы каламбуръ, хоть въ такомъ родѣ: «Государь, ... тамъ мячики», «Ты говоришь мечи? Что жъ? На войнѣ мечи намъ пригодятся, И мы владѣть мечами мастера».

Приведу въ этомъ мѣстѣ также ссылку на китайскій языкъ, при употребленіи котораго, вслѣдствіе чрезвычайной многочисленности омонимовъ, приходится-де иногда просить собесѣдника написать произнесенное имъ слово, чтобы понять, въ какомъ оно употреблено значеніи. Однако не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что такіе казусы выходятъ лишь между людьми книжными, при допущеніи вычуръ и архаизмовъ, и что они совершенно аналогичны употребленію нами выраженій «міръ черезъ **І** съ точкой», «дужка черезъ **Ж**», которыя съ полнымъ удобствомъ можно замѣнить болѣе существенными опредѣленіями «міръ въ смыслѣ вселенной», «дужка отъ дуга».

Иные говорятъ, что звуковое написаніе не облегчитъ чтенія и письма, а затруднитъ. Несомнѣнно, всякій переходъ отъ стараго, привычнаго, къ чему-нибудь новому представляетъ затрудненія, хотя бы новое было гораздо лучше и гораздо проще. Французы, если бы ввести у нихъ фонетическое правописаніе, на первыхъ порахъ, при выраженіи понятія о водѣ, съ большимъ конечно трудомъ выводили бы и читали бы единственную букву **О**, чѣмъ теперешнія, фонетически и этимологически бессмысленныя, буквы е-а-и; но эта потеря времени впослѣдствіи вполнѣ бы окупилась. Не слѣдуетъ забывать и того, что предлагающіе упростить орѳографію главнымъ образомъ думаютъ о будущихъ поколѣніяхъ и желаютъ избавить ихъ отъ мытарствъ, уже пройденныхъ старшими. При переходѣ отъ одной орѳографіи къ другой нѣкоторое время должны бы употребляться рядомъ двѣ орѳографіи: младшее поколѣніе писало бы поновому, но училось бы читать и постарому; старшее, наоборотъ, оставалось бы при прежнемъ письмѣ, но выучилось бы читать поновому. А читать писанное на родномъ языкѣ можно при всякомъ правописаніи, была бы добрая воля. Въ этомъ смыслѣ мнѣ довелось произвести случайный опытъ надъ однимъ своимъ пріятелемъ, теперь уже покойнымъ, который былъ, правда, человѣкомъ весьма даровитымъ, но не филоло-

---

встрѣчающіяся также у писателей, «значеніи, болоты». Вмѣсто «болота» можно бы также рискнуть сказать, съ областнымъ удареніемъ, «болотѣ».

гомъ по спеціальности. Пробуя, еще во время своего студенчества, разные приемы видоизмѣненія русскаго письма, въ томъ числѣ и нѣсколько способовъ передачи русскихъ словъ латинскими буквами, я свои стихи, представлявшіе такое, можно сказать вавилонское, смѣшеніе орѳографій, давалъ читать упомянутому пріятелю, и онъ легко въ нихъ разобрался.

По этому поводу затрону вопросъ о письмѣ церковномъ. Какъ на одно изъ возраженій противъ правописной реформы, въ видахъ облегченія грамоты главнымъ образомъ простому народу, указывалось на то, что реформа едва ли бы могла коснуться читаемыхъ особенно охотно простымъ народомъ церковныхъ книгъ. Дѣйствительно, въ этихъ книгахъ измѣненіе орѳографіи (хотя оно, понятно, ничѣмъ бы не отразилось на вѣроученіи, ни даже на обрядности) могло бы быть сочтено неумѣстнымъ. Можно, пожалуй, опасаться возникновенія изъ-за такой попытки новаго раскола. Однако развѣ есть надобность писать по-церковно-славянски? А вѣдь трудности какъ гражданской, такъ и церковной грамоты сказываются главнымъ образомъ при письмѣ, и ихъ почти не существуетъ при чтеніи. Къ тому же церковное правописаніе, будучи нѣсколько сложнѣе по большему количеству буквъ, не представляетъ тѣхъ и тѣхъ немногихъ затрудненій, какія встрѣчаются въ гражданскомъ: удареніе, насчетъ котораго можно иногда усумниться (вспомнимъ хоть фамилію Сазиковъ, о коей необходимо знать, что она произносится такъ, а не Сазиковъ), въ церковныхъ книгахъ всегда отмѣчается; **е** никогда не произносится, какъ «ё» — по-русски, встрѣтивъ напр. названіе куста *evonymus europaeus*, «бересклетъ», и не зная его изъ живой рѣчи, никакъ не сообразишь, читать ли «бересклет» или «бересклѣт»; **ЧН** никогда не упрощается въ **ШН** — по-русски мы лишь изъ обычая знаемъ, что нужно читать «нарошно», но «порочный». Итакъ, церковная грамота, съ одной стороны, безо всякаго вреда для какихъ-нибудь существенныхъ интересовъ, могла бы быть преобразована или же спокойно можетъ быть сохранена.

Возраженія, дѣлаемая противъ звукового письма въ иныхъ случаяхъ основаны на привычкахъ, вынесенныхъ изъ обычной орѳографіи. Приходится встрѣчать мнѣніе, будто при именительномъ падежѣ «готъ», съ **Т** на концѣ, родительный долженъ бы произноситься «гота», что при словѣ «лошка», съ буквою **Ш**, уменьшительное будетъ «лошечка». Такъ конечно выходитъ потеперешнему, но по звуковому способу за каждымъ измѣненіемъ звука слѣдуетъ измѣненіе буквы. Въ томъ же вкусѣ даже одинъ серьезный ученый приводилъ противъ сербскаго фонетическаго письма въ доказательство слово *л е в ъ*, по-сербски *л а в*, родительный падежъ *л а в а*, встрѣченное имъ на одной бѣлградской вывѣскѣ въ видѣ *л а ф а* («Код лафа» — «У льва», по-нѣмецки «Zum Löwen»). При чемъ тутъ, спрашивается, характеръ сербскаго письма? *Ла фа* — это попавшій на вывѣску провинциализмъ, каковые вполне возможны при всякомъ правописаніи: и нашимъ малограмотнымъ простолюдинамъ

русское этимологическое письмо нисколько не мѣшаетъ произносить, а при случаѣ и написать «лошечка, шупочка» и т.п. Одно такое слово, «буточка», чуть ли не всѣми (даже образованными людьми), несмотря на употребленіе въ немъ буквы **д**, произносится со звукомъ **т** — видно потому, что первичное «буда» утрачено. Обратное явленіе, переходъ **т** въ **д**, представляетъ слово «свадьба», съ производнымъ «свадебный», родственное словамъ «сватъ, свататься», но все-таки награждаемое по слуху буквою **д**. Чехи пишутъ *svatba* и *svatební*, хотя тоже произносятъ *svadba*, а также (хотя, можетъ-быть, не всегда) *svadební*. Написаніе *с в а д ъ б а* рядомъ со *с в а т а т ь с я* особенно поучительно и доказываетъ полную возможность писать, съ одной стороны, «лотка» съ **т**, а съ другой — «лодочка» съ **д**. Мнѣніе, будто перемена одной буквы порветъ этимологическую связь, совершенно неосновательно: и не ссылаясь на живую рѣчь, можно сослаться на орфографію словъ «отверсть» и «отверстіе» рядомъ съ «отверзу», и «лѣстница» рядомъ съ «лѣзу», а также указать на то, что мы нисколько не затрудняемся пропускомъ буквъ и отлично сознаемъ принадлежность множественнаго числа «сны, псы» къ единственному «сон, пѣс»; мужскаго рода «промокъ, умеръ» къ женскому «промокла, умерла». — Чѣмъ-то ужаснымъ можетъ показаться изображеніе предлога *п о д* по звуковому способу въ 4-хъ видахъ; *п-о-д* (подрези), *п-о-т* (поппись), *п-а-д* (падвал) и *п-а-т* (патхот). Но развѣ намъ не ясно, что *р-а-з* (разбить), *р-а-с* (раскрыть), *р-о-з* (розвальни) и *р-о-с* (ропуски) разновидности одного и того же предлога? Здѣсь мы въ колебаніи заходимъ столь далеко, что при прошедшихъ временахъ «роздалъ» и «розлилъ», съ явственнымъ подъ удареніемъ **о**, употребляемъ написанія «раздать» и «разлить» съ **а**. Такимъ же образомъ мы смѣло пишемъ «расписать», несмотря на «роспись», и совсѣмъ не знаемъ, какъ писать «расписаніе» — съ **а** или съ **о** (Совершенно аналогичны «разыскать, розыскъ и разысканіе»). Та же двойственность допущена въ корнѣ глагола «рости», который Гротъ велитъ писать черезъ **а**, несмотря на прошедшее «росъ» и на существительное «ростъ». Какъ примѣръ вполне сознаваемого тождества, при двойственности написанія, можно указать еще предлогъ *при*: «принять» и «пріемышь». Мимоходомъ замѣчу, что въ корнѣ *р о с т ь*, а также въ предлогѣ *р о з*, по русской этимологіи, слѣдовало бы всегда писать **о**; исключеніе составляли бы лишь нѣкоторыя заимствованія изъ церковнаго языка (разумъ, распря, распятъ), гдѣ при томъ **а** явственно слышится. Это признавалъ и Гротъ, однако не рекомендовалъ для практики. Нужно ли бы въ такомъ случаѣ, въ видѣ настоящихъ исключеній, сохранить также написанія *возрасть* и *растение*, соблазвившія покойнаго академика стоять за этимологически-непозволительное *расти* — я не знаю. Толкуя объ этомъ, мы, какъ неразъ, путаемся въ этимологическихъ соображеніяхъ; при звуковомъ же письмѣ все рѣшалось бы совершенно просто.

Дикими намъ представляются рекомендуемая мною, вслѣдъ за другими сторонниками упрощеннаго правописанія, начертанья сеть, дело, мера, съ **е** вм. **ѣ**¹⁵. Но не думайте, чтобы въ этомъ случаѣ возмущалось живое сознание русскаго человѣка! Вспомнимъ, что столь же безобразнымъ кажется употребленіе буквы **ѣ** вм. **е** въ словахъ «змея, Алексей, седло, цвель», несмотря на то, что эти слова надѣляются ятемъ лишь по недоразуменію, вслѣдствіе узаконенной безграмотности. Не возмутится ли наше сознание также, увидавши **ѣ** вм. **е** напр. въ словахъ тѣмя, пѣсокъ, мѣль, мѣлкій, мѣзга, вѣдро, блѣскъ, брѣзжится, дрѣмать, сѣмья, клѣй, клѣщи, кисѣль, капѣль, сулѣя, верѣя, швѣя, врѣдъ, члѣнъ, давѣча? А это все настоящія, этимологически-правильныя написанія! Особенно поучительны слова: «мѣлкой» и «цвѣль», гдѣ уже самое произношеніе указываетъ разъ на **ѣ**, разъ — на **е** (Существительное «цвѣтъ», правда, издавна содержало **ѣ**, но родственныи глаголь его не имѣлъ, а представлялъ **и** — «цвисти» и **ѣ** — «цвѣль»: **ѣ**, дающій по-русски **е**, **ѣ**). Знаменательно также, что мы въ глаголы «лѣтати» и «съ-плѣтати», гдѣ **ѣ** служилъ примѣтою многократнаго вида, преспокойно ввели **е** изъ просто-несовершеннаго вида «летѣти» и «плести». Еще мы, ничто же сумняся, пишемъ букву **е** вм. **ѣ** въ окончаніи словъ «обитель» и «добродѣтель», смѣшивая женское окончаніе -ѣль съ мужескимъ (дѣятельскимъ) — -тель: -атель, -итель, -ѣтель. Станнымъ до безсмысленности могло бы показаться, если бы кто-нибудь въ прилагательныхъ «одессскій, парнасскій» написалъ 3 эса; но разъ мы пишемъ «Одесса» и «Парнасъ» съ 2-мя эсами¹⁶, а наставка -скій представляетъ третій, то это чудачество было бы вполнѣ въ духѣ обычнаго правописанія. Припомнимъ тутъ и упомянутыя ранѣе начертанія «вышшій» съ двойнымъ **ш** и «нижшій» съ **жш**, рѣжущія глаза, но несомнѣнно правильныя. Съ другой стороны, приведу еще начертаніе «петербургскій» съ нѣмою буквою **г** вм. **ж**, несмотря на выговоръ «петербуржець» — плодъ безграмотнаго суемудрія, къ коему мы однако привыкли такъ, что насъ отъ него нисколько не коробитъ¹⁷.

Иногда производственное письмо ставитъ намъ крайне трудныя или прямо неразрѣшимыя вопросы, завязываетъ гордіевы узы, которые

¹⁵ Недавно въ такомъ смыслѣ писали: одесскій профессоръ Воеводскій: «Опытъ упрощенія русскаго правописанья», Одесса 1898; въ февральской книжкѣ «Русской Мысли» 1899 г. — г. Благовѣщенскій; въ «Филологическихъ Запискахъ 1899 г., выпускъ III-IV, — г. Гороховъ; въ отдѣльной книжкѣ: «Новое русское правописаніе. Опытъ рациональной орфографіи. I. Введеніе». Орель 1900 — нѣкто В. Кв.; а также г. Колтановскій («Реформа русскаго азбуки», Винница 1900), допускающій, впрочемъ, нѣкоторую сдѣлку, въ видѣ употребленія **е** съ точкой.

¹⁶ Парнасъ, правда, пишется и съ однимъ **с**.

¹⁷ Напротивъ того, какъ сообщаетъ Гротъ («Спорные вопросы», 2 изд., стр. 212), публика никакъ не могла помириться съ употребленіемъ въ этомъ словѣ «Отечественными Записками» буквы **ж**!

практиками, а отчасти и теоретиками орфографии (не исключая и Грота) разубаюются по способу Александра Македонского. Какъ слѣдуетъ писать: **помогать** или **помагать**? Древнему многократному глаголу «магати» свойственно было усиленіе коренного **о** въ **а**, русская же рѣчь, какъ можно думать на основаніи мѣстнаго (окальскаго) произношенія и нѣкоторыхъ указаній старорусскихъ памятниковъ, подъ вліяніемъ первичнаго глагола **помочь**, ввела сюда звукъ **о**, а послѣ, превративъ это безударное **о** на общемъ основаніи въ **а**, возстановила древній выговоръ. Какъ же теперь писать этимологически?! Впрочемъ, я склоненъ (становясь на почву ходячаго правописанія) предпочесть обычное начертаніе черезъ **о**, съ тою цѣлью. чтобы здѣсь было примѣнимо правило: «когда ты сомнѣваешься насчетъ гласной буквы, то подбери родственное слово, гдѣ на сомнительную букву приходилось бы удареніе» — **помагать** рядомъ съ **помочь** составляло бы исключеніе. Но мы положительно впадаемъ въ вопіющее противоречіе, когда пишемъ **помогать** и въ то же время (съ одобренія Грота!) **полагать**, **макать** и **касаться**. — Еще примѣръ неразрѣшимаго вопроса, хотя и разрѣшеннаго школьной грамматикой. Въ сравнительныхъ степеняхъ «болѣе» и «менѣе» пишется, какъ извѣстно, обычное окончаніе сравнительной степени **ѣ-е**. Однако можно бы писать и **е-е**. Краткія формы «боле, мене» несомнѣнно (что въ принципѣ признавалъ и Гротъ) должны бы писаться черезъ **е**: «боле, мене» такія же образованія, какъ «хуже, богаче» (таковы же «дале, доле, тяжеле»). Въ 3-х-сложныя «более, менее» они превратились подъ вліяніемъ «сильнѣе, красивѣе» и т. п. формъ. Пусть же теперь мудрый Эдипъ разрѣшитъ, какимъ путемъ это произошло: замѣнилось ли окончаніе **е** другимъ окончаніемъ **ѣе**, въ виду чего надо писать **ѣ-е**, или же, по примеру этого **ѣе**, къ готовому **е** прибавилось второе **е**, такъ что слѣдуетъ предпочесть **е-е**?! — Подобный же вопросъ возбуждаютъ встрѣчавшіяся намъ уже ранѣе нарѣчія гдѣ, вездѣ и здѣсь: эти нарѣчія первоначально кончались на **е**, а не на **ѣ**, и писались кѣде, въсьде, съде: **ѣ** очевидно затесался въ нихъ подъ вліяніемъ служащихъ къ нимъ отвѣтомъ или поясненіемъ мѣстныхъ (предложныхъ) падежей «на столѣ, въ окнѣ, при стѣнѣ». Но случилось ли это въ живомъ произношеніи, когда существовалъ еще особый звукъ **ѣ**, или же **ѣ** появился лишь на письмѣ, какъ измышление какого-нибудь книжника? — Какъ, далѣе, писать слово «лодья» — черезъ **о** или черезъ **а**? Обиходное слово «лодка» указываетъ на **о**; но наше книжное ладья чуть ли не заимствовано изъ церковнаго языка, представляющаго **ла** (Сравнимъ сказанное выше, стр. 22, о словахъ «возрастъ» и «растеніе»). — Еще остановимся на словѣ **возмстѣть**. Очень вѣроятно, что этотъ глаголъ не произведенъ отъ существительнаго «мѣсто», а вышелъ изъ «возмстѣть» (или «взмстѣть»), но мы во всякомъ случаѣ приурочиваемъ его туда — какъ же теперь быть съ нимъ?

Итакъ, мы убѣдились, что во многихъ случаяхъ трудно или совсѣмъ невозможно рѣшить, какъ писать этимологически; вмѣстѣ съ тѣмъ мы видѣли, что въ странности для насъ «неправильныхъ» написаній вовсе не отзывается голосъ нашей научной совѣсти или живое сознание язычнаго духа, а простая привычка¹⁸.

Въ виду этого вполне позволительно выдвигать неразъ уже ставившійся вопросъ о реформѣ письма въ фонетическомъ направленіи. Правильно понимаемая наука можетъ только сочувствовать звуковому правописанію: какъ часто намъ приходится жалѣть, что такое письмо не господствовало во всѣ времена и у всѣхъ народовъ! Сколько разъ мы, читая рукописи или надписи, задаемъ себѣ неразрѣшимый вопросъ, каково было произношеніе ихъ писцовъ, спрятанное подъ искусственной орѳографіей! Какъ рады мы, когда намъ попадетъ писецъ безграмотный, проговаривавшійся этимъ произношеніемъ! Даже относительно настоящаго времени, пользуясь записанными въ разныхъ мѣстахъ образцами народной рѣчи, нерѣдко досадуешь, что особенности мѣстнаго выговора скрываются за книжнымъ правописаніемъ. — Съ могущими возникнуть при введеніи новой орѳографіи затрудненіями, а особенно съ тѣми урѣзками и искаженіями, которыя вѣроятно отвоюетъ у ней утвердившійся обычай, при выставленіи теоріи можно и не считаться: не слѣдуетъ самому портить то, что, если вообще войдетъ въ употребленіе, должно быть будетъ, въ большей или меньшей степени, испорчено другими. Рѣшительно я не сочувствую Гроту, когда онъ въ иныхъ случаяхъ, боясь, что голосъ разума окажется безсильнымъ передъ привычкою, освящаетъ своимъ научнымъ авторитетомъ явныя нелѣпости (напр. написаніе имени Алексѣй черезъ **ѣ**). Конечно, проводя свой идеалъ въ жизнь, естественно желать, чтобы онъ восторжествовалъ, если не вполне, то хоть отчасти, и поэтому позволительно разсуждать о предвидящихся затрудненіяхъ.

Сторонникамъ звукового правописанія дѣлалось между прочимъ возраженіе, что при провозглашеніи фонетическаго принципа недостаточно разъ преобразовать письмо, а придется по временамъ вновь мѣнять его (Срв. у Грота: «Спорные вопросы», стр. 176). Однако коренное преобразование понадобилось бы всего разъ, а потомъ, вслѣдъ за постепеннымъ измѣненіемъ выговора, постепенно измѣнялось бы и письмо.

---

¹⁸ Этимологическое письмо представляетъ даже нѣкоторую фальшь и лицемѣріе: къ нему и въ общемъ приложимы слова, сказанныя Гротомъ («Спорные вопросы», стр. 137) про употребленіе **е**: «испортивъ слово, сдѣлавъ его неузнаваемымъ, ... мы хотимъ все дѣло поправить для виду». Приведу еще здѣсь примѣръ вызваннаго производственнымъ письмомъ искажения фактовъ: намъ говорятъ, что нельзя писать слово «нарочно» съ буквою **ш**, потому что «**к** въ **ш** не переходитъ», тогда какъ въ данномъ словѣ такой переходъ (разумѣется не прямо, а при посредствѣ **ч**) несомнѣнно произошелъ.

При томъ выговоръ вовсе не мѣняется съ такою быстротой, чтобы надо было опасаться постоянныхъ измѣненій.

Какія же могли бы быть предприняты реформы въ нашемъ письмѣ, съ цѣлью упрощенія его и возможно полнаго сближенія съ выговоромъ?

Можно бы предложить принять латинскую азбуку. Это однимъ ударомъ убило бы всѣ наши лишнія буквы: «твердый знакъ», **Ѣ**, **Ѧ** и «восьмеричное **И**» рядомъ съ «і десятеричнымъ», коихъ нѣтъ въ латинской азбукѣ, а также и «ижицу», которая, правда, тамъ имѣется въ видѣ ипсилона, у «ггес», но тоже исчезла бы, вслѣдствіе того, что ипсилонъ у насъ, какъ и у сѣверо-западныхъ славянъ, сталъ бы обозначать **Ы**. Что касается недостающихъ въ латиницѣ согласныхъ, то онѣ могли бы быть восполнены по чешскому способу — напр.: буква **С**, обозначая сама по себѣ (независимо отъ положенія) звукъ **Ц**, снабженная сверху двумя отростками, читась бы **Ч**. Или можно бы придумать иной способъ дополненія латинской азбуки, употребляя, напр.: **С** по итальянскому обычаю въ смыслѣ **Ч** (однако во всякомъ положеніи) и выражая **Ц** французскимъ «с». Не останавливаюсь на этомъ, равно какъ на другихъ подробностяхъ указаннаго проекта, въ виду того, что онъ едва ли можетъ осуществиться. Переходъ къ латинскимъ буквамъ не представлялъ бы, правда, большого затрудненія, чѣмъ у французовъ, англичанъ и другихъ западныхъ народовъ представило введеніе этой азбуки взамѣнъ сохраняемыхъ до сихъ поръ нѣмцами ломанныхъ средневѣковыхъ буквъ, да и была уже совершена подобная реформа Петромъ Великимъ, при коемъ внѣшнее сближеніе славянскихъ начертаній съ латинскими породило наше гражданское письмо; но можно опасаться, какъ бы въ такой реформѣ не усмотрѣли (конечно, лишь по смѣшенію внѣшности дѣла съ его сущью) какую-то измѣну народности и вѣрѣ. — Другой проектъ. Оставаясь при своей гражаницѣ, провозгласить принципъ фонетическаго начертанія словъ: ловко — ф-к-а, поздно — з-н-а. Наперекоръ Гроту, мнѣ думается, что подобное письмо со временемъ могло бы войти въ употребленіе. Вѣдь произвелъ же у сербовъ эту самую реформу Вукъ Стефановичъ Караджичъ. Напрасно говорятъ, будто возможное въ маленькой сербской литературѣ было бы невозможно въ русской. Если при большемъ числѣ писателей и читателей явится больше противниковъ преобразования, то можетъ явиться и больше сторонниковъ, и перевѣсъ въ концѣ концовъ, такъ же, какъ у сербовъ, можетъ оказаться на сторонѣ послѣднихъ. Надъ Караджичемъ первое время издѣвались, упрекали его въ невѣжествѣ, добились даже запрещенія его правописанія, а оно все-таки восторжествовало. Разумѣется, нельзя ожидать успѣха, если оставаться на почвѣ разсужденій и не показывать самому примѣра: совершенно естественно, что Гроту не удалось устранить букву **Ѣ**, так какъ онъ только говорилъ и писалъ противъ нея, а самъ постоянно употреблялъ ее въ печати.

Главнымъ препятствіемъ къ звуковой реформѣ надо считать то обстоятельство, что настоящее научное изслѣдованіе языка — наука молодая: грамматика до сихъ поръ остается, по старому французскому опредѣленію, «искусствомъ правильно говорить и писать», и многіе, не сознавая, что простѣйшіе элементы языка не буквы, а живые звуки, способны сказать, что «русскому языку свойственны такія-то буквы», въ числѣ которыхъ оказываются, напр., «твердый знакъ» и **Ѣ**. Приходится также встрѣчать утверждение, будто посягательство на урѣзку русской азбуки есть оскорбленіе памяти великаго изобрѣтателя славянскаго письма, тогда какъ такая реформа будетъ именно въ духѣ св. Кирилла, который не задумался передѣлать стародавнее греческое письмо и примѣнить къ потребностямъ живого славянскаго произношенія.

Стремясь къ звуковому правописанію, мы должны, конечно, провозгласить положеніе, чтобы каждому звуку языка соотвѣтствовала опредѣленная буква — и только одна, а не нѣсколько, каждой же буквѣ — опредѣленный звукъ.

Согласно этому подлежатъ исключенію буквы: **Ѣ**, **Ѵ**, **І**, **Ъ** и **Ѣ**. Ижица и ѣта, основанья для употребленія которыхъ лежатъ, какъ извѣстно, въ греческомъ языкѣ, въ русскомъ письмѣ совсѣмъ не у мѣста. Первая и могла уже «считаться исключенною изъ русской азбуки», какъ говоритъ Гротъ въ своемъ «Русскомъ правописаніи», однако нѣтъ-нѣтъ появляется въ печати: многіе признаютъ необходимымъ употреблять ее въ 3 словахъ: синодъ, синклитъ и мир о. Давно указано на то, что разъ мы обходимся безъ ижицы въ словахъ: «лира, порфира, ѳиміамъ», которыя тоже имѣютъ на нее право (вспомнимъ хоть французское написаніе *lyre* съ игрекомъ), то можемъ писать обыкновенное и также въ словахъ синодъ, синклитъ и мир о. Чтобы мы употребленіемъ ижицы воздавали почетъ нѣсколькимъ высокимъ понятіямъ, я никакъ не могу признать; напротивъ того, появленіе рѣдкой, а потому странной буквы придаетъ слову необычный, чуть ли не комическій видъ. Не лишено значенія и то обстоятельство, что въ церковномъ письмѣ простая **Ѵ** обозначаетъ не **И**, а **В**: вспомнимъ начертанія «**Ѣ**та, порфѹра, кѹпарісь». Насчетъ опасности смѣшенія косвенныхъ падежей рѣченія «мир о» съ падежами рѣченій «міръ вселенная» и «миръ спокойствіе» сравнимъ сказанное выше, стран. 17¹⁹. — Относительно **Ѣ**, которую Гротъ въ «Спорныхъ вопросахъ русскаго правописанія» осудилъ на изгнанье, но въ «Русскомъ правописаніи» помиловалъ, слѣдуетъ вспомнить, что, если мы даже обучаемся чужимъ языкамъ (латинскому, греческому, французскому, нѣмецкому), дающимъ

---

¹⁹ Къ числу неудачныхъ выраженій принадлежатъ и державинскіе стихи, въ одѣ: «На шведскій миръ», строфа II, кои можно бы привести въ пользу ижицы: «Въ тебѣ царя, вождя, героя И мир о н о с и ц у мы зримъ» — мироносицу моль черезъ **И**, а не черезъ **Ѵ**; недаромъ Капнистъ предлагалъ поставить «миротворицу». Гротовское изданіе Державина, томъ I, стран. 309–310.

намъ руководство къ употребленію этой буквы, то вѣдь мы обыкновенно раньше обучаемся русскому письму, а масса людей, коимъ тоже не мѣшало бы быть пограмотнѣй, этимъ языкамъ вовсе не учится. Вспомнимъ еще, что мы въ какомъ-нибудь словѣ «театръ» ничѣмъ не отличаемъ начальнаго **Т** отъ обыкновеннаго **т**, хотя оно и заменяетъ греческую **Θ**, французское и нѣмецкое **th**. Отмѣтимъ, наконецъ, что итальянцы (а ужъ имъ ли не дорожить преданіями классической древности!) изгнали изъ своего письма сочетаніе **th**, равно какъ **ph**, передающее у французовъ и нѣмцевъ греческое **φ**, а также ипсилонъ (нашу ижицу²⁰).

Несомнѣнно подлежитъ устраненію и буква **і**, хотя противъ нея, къ моему удивленію, возставали довольно рѣдко. Употребленіе двухъ буквъ для одного звука **и** (не считая при томъ ижицы) представляетъ лишь переживаніе изъ греческой азбуки, гдѣ такое излишество получилось вслѣдствіе совпаденія со звукомъ **і** древняго долгаго **ē** (η). Въ кирилловской письменности старѣйшаго времени **і** десятиричное почти и не употреблялось, и усиленное пользованіе имъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и правило писать его передъ гласными возникаетъ только въ XV вѣкѣ, опять-таки подъ греческимъ вліяніемъ: по свойствамъ греческаго языка древнему **і** (іотъ, нашему **і** съ точкой) часто приходилось стоять передъ гласными, а вторичному **и** (итъ, нашему и восьмеричному) — почти никогда. Не бессмысленно ли было перенесеніе этого греческаго правила на славянскіе языки? Ломоносовъ, обыкновенно весьма здраво судившій о языкѣ и правописаніи, насчетъ десятиричнаго **і** высказалъ («Русская грамматика», § 85) странное соображеніе, будто оно полезно въ тѣхъ — къ тому же весьма немногихъ — случаяхъ, когда грозитъ скопленіе буквы **и**, каково выраженіе: «по вознесеніи Иисусовѣ». Дѣйствительно: 4 **и** подрядъ — это нехорошо, но не только для глаза, а также для слуха; тутъ, какъ и въ некоторыхъ выше приведенныхъ сочетаніяхъ словъ, имѣется неисправность въ стилѣ, которую надо бы устранить (сказавъ напр. «по вознесеніи Христовѣ»), а не скрашивать на бумагѣ. Предлагаю изгнать **і**, а не другое **и**, такъ какъ **і** встрѣчается гораздо рѣже, и такъ какъ его уже устранили изъ своихъ азбукъ сербы и болгары²¹.

---

²⁰ Кстати о правописномъ курьёзѣ, представляемомъ именемъ «Федоръ». Настаивающимъ здѣсь на употребленіи **ѳ** следовало бы настаивать также на употребленіи «**ѳо**»: «ѳ», какъ звуковое написаніе, вполне допустимо, но обычное простое **ѳ**, позади котораго какъ будто выпалъ ударяемый звукъ **о**, рѣшительно неумѣстно (Выговоръ **ѳѳо** получился путемъ обезсложненія звука **ѳ**, путемъ слиянія его съ **о**). То же самое можно сказать про имя „Семень“ — изъ „Симеонъ“.

²¹ Другіе противники азбучныхъ дублетовъ, насколько мнѣ извѣстно, всѣ предпочитали **і** — такъ и выступившій недавно г. Колтановскій. Впрочемъ, г. Всев. Чехихинъ («Славянскій Вѣкъ», 1900 г. № 6, стр. 21), въ предлагаемой имъ передачѣ русскими буквами польскихъ и чешскихъ словъ, изгоняетъ **і**, сохраняя «болѣе привычное русскому глазу» «**и**».

Несовѣмъ въ одинаковомъ положеніи съ **ѵ**, **ѳ** и десятиричнымъ **і** на-
ходятся **ѣ** и **њ**. Хотя фонетическій принципъ и надъ ними произносить
безапелляцѣнный приговоръ, но они все-таки не представляютъ чуже-
земныхъ наростовъ, а остатки общеславянской, отчасти даже общерус-
ской, старины. Заступаясь за **ѣ**, извѣстный педагогъ Стоюнинъ ссылался
на то, что эта буква, хотя бы исключенная изъ азбуки, сохранила бы
свое мѣсто въ русской грамматикѣ. Несомнѣнно, лишь существованіемъ
нѣкогда особаго звука **ѣ** объясняется, что мы произносимъ не «свѣт,
мѣра, желѣзо», а «свѣт, мѣра, желѣзо»; но изъ этого слѣдуетъ только то, что
нельзя обойтись безъ ятя въ высшемъ курсѣ русской грамматики, про-
ходимомъ въ связи съ древнимъ церковно-славянскимъ языкомъ (изъ
котораго никто не станетъ изгонять букву **ѣ**), а вовсе не слѣдуетъ, чтобы
ѣ былъ необходимъ въ начальной школѣ и въ житейскомъ обиходѣ; при
томъ вѣдь **ѣ** и **е** (чему мы видѣли, на стр. 22–23, довольно длинный, хотя
еще неполный рядъ примѣровъ) весьма часто употребляются некстати,
и поэтому одно изъ первыхъ правилъ при этимологическомъ толкованіи
русскихъ словъ запрещаетъ намъ руководствоваться относительно **ѣ** хо-
дячею орѳографіей, отсылая насъ къ языку старинному, къ старо-церков-
ному и къ другимъ славянскимъ языкамъ. Насчетъ малой полезности **ѣ**
даже для истолкованія словъ я сдѣлалъ еще нѣкоторое указаніе въ своей
цитованной на стр. 1, прим. 2, статьѣ, стр. 10 (367)²², здѣсь же я приведу
(по Гроту, «Спорные воирсы», стран. 238) прекрасныя слова Кеневича:
«Стоить ли учиться тому, что, требуя отъ учащагося большихъ усилій,
не даетъ ему никакого положительнаго знанія, не развиваетъ его способ-
ностей и ни въ какомъ случаѣ не можетъ принести пользы? Стоить ли
терять время (заметьте, лучшее время жизни) на то, чтобы приобрѣсти
навыкъ совершать дѣйствіе, не имѣющее ни опредѣленной цѣли, ни раз-
умнаго основанія?»

Перейдемъ къ **њ**. Этой буквѣ, какъ извѣстно, нѣкогда соответство-
валь особый, глухой гласный звукъ, который въ послѣдствіи въ од-
нихъ слогахъ выпалъ, въ другихъ проявился въ **о**, и высшая грамматика,
путемъ сопоставленія со старо-церковными написаніями, должна выяс-
нять, что этимъ обусловливается бѣглость **о** въ какомъ-нибудь словѣ
«посолъ», родительный падежъ «посла», тогда какъ «столъ», гдѣ издавно
было **о**, имеетъ **о** постоянное и образуетъ родительный «стола». Но
для выясненія указаннаго явленія наше употребленіе буквы **њ** вовсе не
полезно. Ученики привыкаютъ считать **њ** не настоящею буквою, а «твер-
дымъ знакомъ», и въ послѣдствіи съ трудомъ мирятся съ мыслию, что это
была гласная буква, коей соотвѣтствовалъ гласный звукъ. Привычка при-
нимать **њ** за простой заключительный знакъ особенно рѣзко сказывается
въ приложеніи русской азбуки къ языку литовскому, когда въ концѣ

²² Ниже, стр. 51, прилагается «Дополнительный экскурсъ о буквѣ **ѣ**».

какихъ-нибудь «сталась» столъ, «сакалась» соколь пишутъ **Ъ**: очевидно нисколько не сознають, что **Ъ** есть онѣмѣвшее окончаніе именительнаго падежа, которое нелѣпо прибавлять вторично къ уцѣлѣвшему у литовцевъ — **ас**. Если мы въ имени извѣстной оперной героини «Кармень» пишемъ **Ъ**, то опять-таки лишь уклоняемся отъ употребленія въ концѣ слова согласной буквы: ни иностранный выговоръ, ни русская грамматика не требуетъ здѣсь твердаго окончанія — встарину въ такихъ случаяхъ появлялся **Ъ**: Руѡь, Эсѡирь, Астинь. Мнѣ кажется, что самъ нашъ славный ученый Востоковъ, раскрывшій древнее значеніе буквы **Ъ**, находился подъ давленіемъ привычки, когда не назвалъ ее прямо гласною, а «полугласною»²³. Припомнимъ еще, что буква **Ъ** не разъ употребляется нами наперекоръ этимологіи. Послѣ шипящихъ первоначально всегда былъ не **Ъ**, а **Ъ**: самое произношеніе — муж, меч было бы невозможно, если бы тутъ издавна стоялъ **Ъ**: тогда произносили бы муг (или муз) и мѣк. Далѣе мы должны бы писать **Ъ**, а не **Ъ**, въ глагольныхъ формахъ «дам, ѣм», также въ творительныхъ падежахъ «столом, окном». Окончаніе 3-го лица **Т** — идѣт, идут — тоже никогда не представляло **Ъ**, который затесался въ него лишь, какъ твердый знак: встарину тутъ было мягкое окончаніе — **ТЪ**. Когда мы слово «сон», въ древности с-ъ-н-ъ, пишемъ с о н ъ, то нарушаемъ историческую перспективу: выходитъ, будто въ корнѣ **Ъ** перешель въ **О**, но въ окончаніи — сохраняется; въ дѣйствительности же конечный **Ъ** онѣмѣлъ, и съ этимъ находится въ связи проясненіе срединнаго ера. Въ прошедшемъ времени «пасъ», при сравненіи со старо-церковнымъ «паслъ», замѣчается выпаденіе звука **Л**, въ самомъ же дѣлѣ **Л** о т п а л ь, когда, по онѣмѣніи ера, очутился въ исходѣ слова, послѣ другого согласнаго звука. — Итакъ, заключительный **Ъ**, будучи всегда лишнимъ, иногда даже вреденъ. Примемъ еще во вниманіе большое сходство твердаго знака съ мягкимъ, вслѣдствіе чего смѣшеніе ихъ является самою обыкновенною опечаткой, и твердость окончаній гораздо яснѣе была бы обозначена отсутствіемъ всякаго знака. Сошлюсь и на то, что любители ера могли бы всегда мысленно дополнять его, считая опущеніе его простымъ сократительнымъ приѣмомъ²⁴. Что касается **Ъ** внутри слова (напр. «объ-

---

²³ Ужъ несомнѣнно вліяніемъ русской графики объясняется утвержденіе упомянутаго выше, стран. 1, прим. 2, г. Тулова («Объ элементарныхъ звукахъ человѣческой рѣчи и русской азбукѣ», стр. 76), будто Св. Кириллъ изобрѣлъ буквы **Ъ** и **Ъ**, чтобы выразить твердый и мягкій выговоръ звуковъ и различную степень ихъ протяженія.

²⁴ Вмѣстѣ съ твердымъ знакомъ естественно удалить въ нѣкоторыхъ случаяхъ и мягкій, а именно: послѣ шипящихъ: при **Ч** и **Щ** (печ, вещь) **Ъ** — излишенъ, при **Ж** и **Ш**, выговариваемыхъ твердо (рож, плѣш), онъ неумѣстенъ. Съ другой стороны, по требованію слуха, надо ввести **Ъ** въ слова: «верхъ, церковь», а также разрѣшить писать «первый» рядомъ съ «первый». — Написанія безъ конечнаго **Ъ** допущены теперь въ одномъ отдѣлѣ газеты: «Новое Время».

явить, съѣсть»), то вмѣсто него можно писать **Ъ** — я это уже и дѣлалъ въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ». Звуковая сторона отъ этого не страдаетъ: выговоръ въ такихъ случаяхъ, правда, не очень мягкій, однако и не твердый: что жъ касается исторической стороны дѣла, то сочетаній **ЪЯ, ЪЪ** въ тѣ времена, когда имѣлся особый звукъ **Ъ**, не существовало, и говорили не «объявити», а «обавити», не «съѣсти», а «сънѣсти».

Устраненіе **Ѳ, Ѳ, і, Ъ** и **Ъ** — вотъ желательныя въ русской азбукѣ сокращенія. Но не нуждается ли она, съ другой стороны, въ какихъ-либо дополненіяхъ? Да, проведеніе фонетическаго принципа требуетъ употребленія буквы «ё» (что, впрочемъ, можно и не считать новымъ дополненіемъ азбуки) и еще введенія особой буквы для своеобразнаго согласнаго звука, средняго между **Г** и **Х**, произносимаго въ словахъ «Господь», «благо», въ косвенныхъ падежахъ слова «Богъ» — «Бога, «Богу», и т. д., также въ словахъ: «гдѣ, ноготь, дѣготъ», и еще въ нѣкоторыхъ. Такая буква («г» съ прищѣпленнымъ справа къ серединѣ ея длиннымъ крючкомъ) ужъ и придумана для нѣкоторыхъ приспособленій русской азбуки къ языкамъ нашихъ инородцевъ и могла бы быть пущена въ общее обращеніе. Понятно, по тому же звуковому принципу, если его выдерживать вполнѣ, въ именительномъ падежѣ «Бох», въ родителномъ падежѣ множественнаго числа «блах» и въ косвенныхъ падежахъ «нохтя, нохть» и т. д. слѣдовало бы писать не эту новую букву, а **Х**.

Усвоеніе для постояннаго употребленія буквы «ё» (мною лично уже принятой) могло бы служить полезнымъ подготовленіемъ къ устраненію **Ѣ**: единственнымъ вѣскимъ доводомъ въ пользу этого послѣдняго является указаніе, что слова въ родѣ «свѣтъ» и «мѣра», написанныя съ буквою **е**, мы будемъ читать «свѣт», «мѣра»; если же мы приучимъ себя лишь тогда произносить **е** за **ё**, когда на немъ стоятъ двѣ точки, то такое чтеніе станетъ невозможнымъ. — Послѣ шипящихъ **Ж, Ч, Ш, Щ**, для упрощенія, да и согласно выговору, слѣдуетъ усвоить себѣ **О**. Напрасно Гротъ и другіе считаютъ непозволительнымъ употреблять букву **О** въ глагольныхъ формахъ, какъ — течот, стрижат, тогда какъ допустили «жоны», хотя говорятъ «женщина», — «чортъ», хотя говорятъ «черти». Послѣдовательное правило писать **ЖО, ШО, ЧО, ЩО** по слуху нисколько не затруднитъ объясненія въ исторической грамматикѣ, что нѣкогда послѣ шипящихъ нигдѣ не было **о**, а вездѣ было **е**²⁵.

---

²⁵ Чуть ли не лучше еще было бы ввести не «ё», а сочетанія «іо» (і въ роли согласной буквы) или **йо**: і-о-л-к-а или й-о-л-к-а, м-о-і-о или м-о-й-о, а послѣ согласныхъ — **ьо**: л-ь-о-н, с-и-н-ь-о. Срв. «Спорные вопросы», стр. 194 и 344, а также цитованную на стр. 1, прим. 2, статью, стран. 4 и 6 (361 и 363). — Знакъ «е» (ужъ не говоря объ і-о, й-о и ь-о), понятное дѣло, долженъ бы допускаться и въ пришлыхъ словахъ, напр. мильён, почтальён, грацьёзный, библіотека, маёр, сабаён. Употребленіе въ иностранныхъ словахъ русской буквы «ё» въ сущности нисколько не страннѣе употребленія въ нихъ славяно-русскихъ буквъ **Ѣ** и **Ѥ**.

Переходя отъ состава азбуки къ самому правописанію, напомнимъ прежде всего объ уже высказанномъ мною желаніи, чтобы писали вместо **ш-и, ж-и** — **ш-ы, ж-ы**. Разумѣется, тогда надо также писать постоянно **ц-ы**, напр. медицина, Цыцерон и т. п., за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ и оправдывается произношеніемъ — я говорю о произношеніи и соответственномъ написаніи: «лекція, Франція», рядомъ съ «лекцыя, Францыя». Въ слогахъ **чи, щи**, гдѣ слышится не прямо **ы**, а широкое **и**, смахивающее на **ы**, я предложилъ бы писать **і** (равное французскому и нѣмецкому **i**, произносимому нѣсколько тверже нашего); въ такомъ же значеніи **і** могло бы пригодиться и въ началѣ словъ, примыкающихъ къ твердому окончанію предыдущаго слова, напр. «ива», съ восьмеричнымъ **и**, но «об івъ» съ десятиричнымъ. Понятно, при такомъ приѣмѣ **і** не можетъ играть роли согласной буквы, каковая предполагена для нее на стран. 37, прим.

Рѣшительно я стою за опущеніе нѣмыхъ буквъ. Значить, «прелесный» безъ **т**, «позній» и «серце» безъ **д**, «сонце» безъ **л**. Что этимъ не порвется связь со словами «прелестъ, опоздать, сердечный, солнышко», явствуетъ изъ прежнихъ указаній (стр. 20–22); очевидно также, что этимологическое отношеніе между приведенными парами словъ выяснится при занятіяхъ старо-церковнымъ языкомъ, гдѣ выпавшіе у насъ звуки имѣли за собою гласный звукъ **ь**. Сошлюсь однако и на то, что поляки, несмотря на прилагательное *serdeczny*, преспокойно выпускаютъ **d** въ словѣ *serce*. Да и мы пишемъ же «гончаръ» вмѣсто «горнчаръ», не смущаясь родственнымъ словомъ «горшокъ», равно какъ «хлестнуть» рядомъ съ «хлестать» Лишнія буквы несомнѣнно затрудняютъ не только письмо, но и чтеніе: по крайней мѣрѣ у меня одинъ мальчикъ, набравъ с-е-р-д-ц-е, прочель это «сѣрдится». Къ числу словъ съ нѣмою буквою принадлежитъ и моя собственная фамилія. Не слѣдуетъ ли, спрашивается, по полицейскимъ и правовымъ соображеніямъ, сохранить для фамилій традиціонное начертаніе, значить, въ данномъ случаѣ удержать букву «де», или, употребляя славянское названіе, «добро»? Мнѣ кажется, что единственнымъ вредомъ отъ устраненія этой буквы была бы утрата возможности каламбурить насчетъ однофамильцевъ, слѣдующихъ болѣе простой орфографіи, — что въ тѣхъ Брантахъ нѣтъ добра — ни одинъ крючоктворецъ не рѣшится утверждать, что «профессоръ Московскаго университета Романъ Ѳѣдоровичъ Брантъ», написанный черезъ **т** вместо **дт**, не авторъ настоящаго разсужденія, а другое лицо; если же ктонибудь по ошибкѣ назоветъ меня «провизоромъ Иваномъ Ѳѣдоровичемъ Брандтомъ», то и написаніе черезъ **дт** не послужитъ къ выясненію дѣла.

Отмѣнить мнѣ хотѣлось бы также (и помимо введенія вполнѣ фонетическаго письма) начертаніе местоименій «кто» и «что» черезъ **к** и **ч**, отзывающееся иногда и въ произношеніи крайне безобразными «к-то» и «ч-то». Вѣдь связь съ косвенными падежами «кого, чего» и т. д. въ об-

щемъ всякому ясна, а насчетъ подробностей мы все-равно нуждаемся не въ орфографическомъ намека, а въ толкованіи (Вообще исторія словъ вовсе не такая простая вещь, чтобы ей можно было обучать какими-то намеками).

Очень тоже нехорошо, опять-таки отзываются подчасъ манернымъ произношеніемъ, употребленіе у прилагательныхъ окончаній -кій, -гій, -хій: «маленькій, пѣгій, ветхій». Обычай этотъ возникъ такимъ образомъ, что стали писать на церковный ладъ (вмѣстѣ съ тѣмъ довольно близко къ произношенію) «добрыіи, полезныіи», а послѣ гортанныхъ вмѣсто буквы **Ы** по общему правилу употребили **І**. Какъ же писать? Для приблизительной передачи выговора (для точнаго воспроизведенія котораго понадобилось бы ввести новую букву) лучше всего **Ы**, можно бы также **а**, а по русской этимологіи — нужно **о**, что явствуетъ изъ ударяемыхъ окончаній какихъ-нибудь «морской, тугой и лихой». Такъ и писалъ Ломоносовъ. Въ связи съ этимъ слѣдовало бы употреблять окончаніе -ой и въ прилагательныхъ «добрый, полезный» и т.д. Теперешнее правило ставить **о** лишь подъ удареніемъ, хотя и хорошо тѣмъ, что указываетъ на мѣсто ударенія, этимологически никуда не годится, такъ какъ заставляетъ насъ вмѣсто одного суффикса «ой» (постаринному — **ЫИ** или — **ЪИ**) говорить о двухъ. Старательный, но къ сожалѣнію плохо подготовленный, изслѣдователь русскаго ударенія г. Шарловскій, подъ влияніемъ этой орфографіи, открылъ въ русскомъ языкѣ «законъ», что окончаніе -ой всегда принимаетъ удареніе, а -ый — никогда.

Къ области неразумнаго произвола относится и правило писать во множественномъ числѣ прилагательныхъ въ мужескомъ родѣ — **е**, а въ женскомъ и среднемъ — **я**: «добрые и -ыя, синіе и -ія», совсѣмъ не допускающая господствующаго въ произношеніи -и: «добрыи, синіи»²⁶. «И» есть древнее окончаніе мужескаго рода, перенесенное и на остальные роды: Тредьяковскій отчасти былъ правъ, когда предлагалъ употреблять это третье окончаніе именно для мужескаго рода, -е (собственно -ѣ) изстари свойственно женскому роду, а въ винительномъ падежѣ также мужескому, -я, должно-быть, заимствовано изъ церковнаго языка, или же это простонародное, акальское, произношеніе вместо -е, -ѣ.

Предусмотрѣвъ уже ранѣе возможность при введеніи звукового письма разныхъ уступокъ обычаю, я однако думаю, что такія уступки никакъ не должны покоиться на основаніяхъ, лежащихъ внѣ даннаго, живого языка: требовать ото всякаго грамотнаго человѣка справокъ съ иностранными языками или хоть бы съ исторіей и діалектологіей русскаго — совершенно неразумно (Столь же неразумно требовать механическаго усвоенія правилъ, выработанныхъ на такихъ основаніяхъ

---

²⁶ Находясь подъ влияніемъ письма, я самъ прежде не замѣчалъ общности послѣдняго окончанія, и считалъ его провинциализмомъ. См. переводъ «Сравнительной морфологіи» Миклошича, стр. 452, прим. 2.

другими). Поэтому я допускаю напр. написаніе «сильн-ово» вмѣсто «сильн-ава» (что оба несомнѣннѣ явственнѣхъ **а** въ окончаніи произошли изъ **о**, легко можетъ быть выяснено сравненіемъ со словами «злѣво» и «товѣ»), но протестую противъ употребленія здѣсь буквы **г**, на которую въ нашемъ произношеніи ничто не указываетъ. — Повторяю, я только мирюсь съ присутствіемъ нѣкотораго этимологическаго элемента въ орѣографіи, а отнюдь ему не сочувствую: по-моему, при писаніи чего бы то ни было, вниманіе наше должно быть обращено на смыслъ и на ясное его выраженіе, а думать о буквахъ — значитъ отвлекаться въ сторону. Право, не уподобляемся ли мы сумасшедшимъ, когда изъ-за орѣографіи слова «голова», по поводу фразы: «у меня голова кружится», припоминаемъ, что «голову можно съ насъ снять» и что насъ можно «погладить по головкѣ»?²⁷.

Въ области слитнаго и раздѣльнаго писанія словъ фонетическій принципъ клонится къ предпочтенію писанія слитнаго. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда мы задаемся вопросомъ, слить ли, или же раздѣлить, мы посягаемъ на раздѣленіе того, что въ произношеніи несомнѣнно сливается. Въ теоріи я иду такъ далеко, что вполне сочувствую писцу «Остромирова евангелія», дьякону Григорію, когда онъ пишетъ въ одно: «**вѣстьчловѣкъпослланъотъбога**», и, поставивъ затѣмъ точку, опять объединяетъ такимъ же образомъ выраженіе: «**имамемоуноанъ**» — тутъ вѣрно схвачено дѣйствительное расчлененіе живой рѣчи, а наше раздѣленіе на слова подобно живописи, которая вмѣсто цѣльныхъ тѣлъ стала бы изображать отдѣльныя туловища, головы, руки и ноги. Дополненное знаками ударенія и нѣкоторыми знаками препинанія для выраженія интонаціи, старинное слитное письмо представляется мнѣ идеальнымъ²⁸.

Тотъ же фонетическій принципъ относительно прописныхъ буквъ, такъ какъ имъ ничего не соответствуетъ въ произношеніи, требуетъ, чтобы ихъ вовсе не употребляли. Только въ началѣ рѣчи, какъ знакъ предшествующей паузы, не достаточно ясно обозначаемой мало замѣтной точкой, большія буквы находятъ себѣ разумное оправданіе. Пойдя и въ

---

²⁷ Совершенно неосновательно Гротъ («Спорные вопросы», стр. 182) утверждаетъ, будто «естественно при письмѣ отдавать себѣ отчетъ въ составѣ каждаго слова».

²⁸ Звуковое письмо, понятное дѣло, должно быть сопряжено съ частымъ (если ужъ не съ постояннымъ) употребленіемъ удареній: я считаю большою ошибкой, что при введеніи гражданской азбуки было устранено обычное въ церковномъ письмѣ обозначеніе ударенія. Главная опасность при встрѣчѣ съ непривычными написаніями заключается именно въ томъ, что въ нихъ легко погрѣшить насчетъ ударенія: произнесши «слава маи», мы можемъ не узнать въ акальскомъ написаніи простого сочетанія «слава май»; произнесши «иженаставитъ», мы можемъ извратить смыслъ слитнаго написанія «иженаставитъ».

этомъ дѣлѣ на уступки и соглашаясь допустить прописныя буквы, конечно, должно писать ихъ какъ можно рѣже и въ случаѣ колебанія всегда выбирать строчныя.

Насчетъ переноса звуковой принципъ ведетъ къ положенію, что слова, составляющія неразрывныя цѣлости, совсѣмъ не подлежатъ раздвоенію, а если ужъ приходится ихъ дѣлить, то нѣтъ никакой надобности принимать во вниманіе какое-то, возможное, но въ произношеніи вовсе не существующее, раздѣленіе на слоги, ни тѣмъ менѣе составъ слова. Мы вѣдь переносимъ въ виду невозможности уписать въ той же строкѣ, а не съ цѣлью выказать свои грамматическія познанія. Неудобства отъ свободнаго переноса (кромѣ того, что онъ на первыхъ порахъ будетъ непривычнымъ) не произойдетъ никакого: умѣющій порядочно читать не останавливается на переносныхъ черточкахъ, а прямо скачетъ на слѣдующую строку; читающій же плохо всякимъ переносомъ затруднится (Въ книгахъ для начальнаго и народнаго чтенія не мѣшало бы по возможности избѣгать переноса). Наши переносныя правила иногда очень стѣснительны. Пришлось напр. въ концѣ строки слово «художественный». Я написалъ «художе», и у меня остается свободное мѣсто, котораго однако недостаточно для 5-ти буквъ с-т-в-е-н. Какъ тутъ извернуться? Особенно часто такія затрудненія возникаютъ при типографскомъ наборѣ, а еще чаще при машинномъ письмѣ: въ послѣднемъ концъ строкъ, если не нарушать переносныхъ правилъ, выходятъ до безобразія неровными. Да и при обыкновенномъ письмѣ, гдѣ всегда есть возможность потѣснить или же разогнать, забота объ этомъ отвлекаетъ насъ отъ болѣе важныхъ соображеній. Изъ всѣхъ переносныхъ правилъ разумнымъ мнѣ представляется только запрещеніе переносить одну букву: послѣдняя несомнѣнно можетъ умѣститься, если умѣщается переносная черточка. Но даже одну букву, когда за нею слѣдуетъ знакъ препинанія, позволительно переносить. Ко сказанному я не прочь прибавить совѣтъ (рѣшительно расходящійся съ теперешнимъ обычаемъ) не переносить такъ, чтобы въ началѣ строки получалось цѣльное слово, напр.: «онъ вы спрашиваетъ ее»: тутъ при бѣгломъ чтеніи легко перескочить черезъ предлогъ и исказить оттѣнокъ рѣчи. Въ другихъ случаяхъ можетъ появиться неумѣстный комизмъ, если напр. «негодующія уста», по винѣ переноса, превратятся въ «дующія». Подчасъ возможны и прямыя недоразумѣнія: я разъ, при поспѣшной справкѣ, чуть было не приписалъ одному ученому мнѣнію, противоположнаго его дѣйствительному, вслѣдствіе того, что прочиталъ у него въ началѣ строки «справедливо», передъ чѣмъ однако въ предыдущей строкѣ стояло отрицаніе «н е-»²⁹. Въ предупрежденіе та-

---

²⁹ Этотъ случай можно вмѣстѣ съ тѣмъ истолковать въ пользу постоянного сліянія отрицанья съ отрицаемымъ словомъ, хотя бы то былъ и глаголь, каковой пріемъ могъ бы быть усвоенъ и помимо введенія вполне фонетическаго письма.

кихъ неловкостей можно рекомендовать употребленіе черточки не только въ концѣ строки, но еще и въ началѣ слѣдующей. — При сохраненіи переносныхъ правилъ, я отмѣнилъ бы вызванный стремленіемъ ко внѣшней симметріи обычай изъ двухъ одинаковыхъ согласныхъ одну оставлять, а другую переносить, напр.: «стран-ный, сум-ма, труп-па»: двѣ согласныя буквы, обозначающія одинъ усиленный звукъ, напротивъ того, должны бы скорѣе быть неразрывными³⁰.

Что касается знаковъ препинанія, то фонетическое письмо естественно является врагомъ запятой, когда она не обозначаетъ никакой остановки, а искусственно выдѣляетъ воображаемыя вводныя предложенія, напр.: «онъ (запятая) конечно (запятая) этого (запятая) ни въ какомъ случаѣ (запятая) не сдѣлаетъ». При большомъ количествѣ запятыхъ связанная рѣчь распадается на клочки. Желательнымъ дополненіемъ по этой части я считаю усвоеніе испанскаго обычая ставить вопросительныя и восклицательныя знаки не только позади вопроса и восклицанія, но и спереди (въ опрокинутомъ видѣ). Такое предварительное указаніе на интонацію особенно полезно тогда, когда вопросъ или восклицаніе представляютъ цѣлыя, довольно длинныя предложенія. Хорошо бы еще ввести особый сократительный знакъ: обозначать недоконченность тою же точкой, которая означаетъ остановку, законченность — крайне нелогично³¹.

Жалобу на затруднительность нашего правописанія часто стараются отпарировать ссылкой на большую еще неудовлетворительность правописаній французскаго и англійскаго³², которая однако не побуждаетъ французовъ и англичанъ къ фонетической реформѣ. Но отчего бы намъ хоть въ чемъ-нибудь не опередить другіе народы? При томъ

Протова опасеніе, что тогда придется загромождать наши словари такими словами, какъ «небыть, незнагъ, неходить», насъ не должно смущать, да оно и опровергнуто уже практикою чеховъ. Сліяніе отрицанія съ глаголомъ было принято А. Ав. Потемной и возобновлено привагъ-доцентомъ того же Харьковскаго университета Борисомъ Михайловичемъ Ляпуновымъ.

³⁰ Замѣчу здѣсь кстаги, что при сближеніи письма съ выговоромъ количество удвоенныхъ буквъ уменьшится, такъ въ усвоенныхъ словахъ: «балъ» (множественное число «балы»), «професоръ», удвоеніе не оправдывается произношеніемъ; да и для нѣкоторыхъ славяно-русскихъ окончаній, а именно: -анный и -енный, въ сомнительныхъ случаяхъ (напр.: сдѣланный, торжественный), даже при полуетимологической орфографіи, должно бы предпочесть болѣе простое написаніе.

³¹ Нѣкоторую услугу при сокращеніи намъ оказываетъ буква Ъ: благодаря правилу обрывать слова на согласныхъ буквахъ, отсутствіе Ъ ясно указываетъ на недописанность. Не скрывая этой пользы, приносимой нашимъ дармоѣдомъ, оговору однако, что польза эта не велика.

³² Хотѣлось бы писать «аглицкій»: написаніе «англійскій» при выговорѣ «аглицкой», это — ужъ слишкомъ «по-англійски».

у французовъ и англичанъ подымался-таки вопросъ о такой реформѣ³³, проведение каковой у нихъ несомнѣнно гораздо труднѣе, чѣмъ у насъ. Начертаніе русскаго слова «подходъ» въ видѣ п-а-т-х-о т понятно всякому, кто только соблаговолитъ въ него вдуматься, а француза, напр. опущеніе нѣмого **е** на первыхъ порахъ, дѣйствительно затруднить: если мы ему слово *rose* напишемъ *r-o-z*, то онъ прочтетъ его *го* и не пойметъ; если мы слово *mine* напишемъ *m-i-n*, онъ прочтетъ *мѣ* и опять-таки придетъ въ недоумѣніе. Англичане насчетъ гласныхъ буквъ до того запутались, что нормальнымъ выговоромъ буквы **а** имъ представляется **е**, нормальнымъ выговоромъ **е** — **і**, нормальнымъ выговоромъ **і** — **ай**. Приведу, какъ поучительный примѣръ, анекдотъ о переселившемся въ Англію нѣмцѣ Абелѣ. Этотъ Абель замѣтилъ, что англичане называютъ его «мистръ Эблъ», и сталъ писать вместо **A** — **E**. Тогда тѣ начали называть его «мистръ Иблъ». Онъ усвоилъ себѣ орфографію черезъ **I**, и они вновь переименовали его — въ «мистра Айбла». Наконецъ, покладистый переселенецъ рукой махнулъ и вернулся къ буквѣ **A**, предоставляя читать ее, какъ угодно³⁴. — Важное достоинство англійскаго письма иногда усматриваютъ въ томъ, что оно облегчаетъ изученіе англійскаго языка иностранцами. Въ самомъ дѣлѣ, напр. историческое имя «Цезарь» намъ сразу понятно на бумагѣ, будучи написано такъ же, какъ по-латыни, а становится неузнаваемымъ въ произношеніи «Сизр». Однако 1) при установленіи правописанія надо заботиться не объ иностранцахъ, а о туземцахъ; 2) людей, приступающихъ къ изученію англійскаго языка съ знаніемъ трехъ языковъ: нѣмецкаго, французскаго и латинскаго, не особенно много, и 3) вовсе не слѣдуетъ поощрять такихъ людей къ поверхностному ознакомленію съ языкомъ, безо всякаго понятія о его произношеніи. Если же учиться произношенію, то фонетическое письмо будетъ облегченіемъ и для иностранцевъ; что же касается до полезной для иныхъ этимологіи, то она можетъ преподаваться такимъ лицамъ въ видѣ теперешнихъ правилъ чтенія, только иначе изложенныхъ; теперь намъ говорятъ: «пишутъ *Caesar*, а читаютъ *Sizr*»; тогда скажутъ: произносятся и пишутъ *Sizr*, но по законамъ англійской фонетики это произошло изъ *Caesar*». Сказанное только что объ англійскомъ письмѣ можетъ служить отвѣтомъ также на возраженіе, будто введеніе въ русскій языкъ звукового письма затруднить изученіе его другимъ славянамъ.

³³ См. у Грота, «Спорные вопросы», стран. 153–163.

³⁴ Если не произвести своевременно реформы правописанія, и на Руси когда-нибудь дойдутъ до подобныхъ чудачествъ: уже теперь начертанія «злаго» вм. «злова», «сошьешь» вм. «сашйош» вполне достойны англійской грамоты. Курьёзъ въ этомъ же родѣ представляетъ окончаніе -ться (хвалиться), мягкое на письмѣ, а твердое въ рѣчи, вслѣдствіе чего для передачи дѣйствительно мягкаго малорусскаго окончанія понадобилось иное обозначеніе: -цця — «хвалицця».

Отчего жъ однако въ пользу орѳографическаго обычая раздаютъ нерѣдко голоса серьёзныхъ и почтенныхъ филологовъ? Не думайте, милостивые Государины и Государи, чтобы это вытекало изъ какихъ-нибудь глубоко научныхъ соображеній: просто-напросто всякій филологъ, наравнѣ со всѣми, привыкъ къ ходячему правописанію³⁵; кромѣ того, при занятіи славянскою грамматикой и рукописями естественно развивается пристрастіе къ буквамъ Ъ и Ы — и самъ я, признаться, чувствую къ нимъ нѣкоторую нѣжность. Но тѣмъ вѣсче, полагаю, мое мнѣніе, что въ русскомъ письмѣ этимъ буквамъ не мѣсто.

Какъ же можно бы ввести новое правописаніе? Дѣло едва ли можетъ обойтись безъ распоряженія свыше, которое, впрочемъ, желательно лишь въ видѣ дозволенія, а не предписанія, чтобы не возбудить раздраженія и рѣзкаго отпора³⁶. Какъ въ жизни, такъ и въ школѣ слѣдовало бы провозгласить терпимость къ обоимъ правописаніямъ, а со временемъ старое само собой отошло бы въ область преданія³⁷. Теперь, обучая дѣтей письму, конечно приходится учить ихъ общепринятой орѳографіи, да и въ собственной практикѣ нельзя вполнѣ проводить свою теорію. Я лично даже въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ», гдѣ это было бы возможно по характеру журнала и подготовленности читателей, позволялъ себѣ лишь немногія отступленія отъ обычая; въ изданіяхъ своихъ стихотвореній, чтобы не отпугнуть публики и не соблазнить юношества, я ограничивался введеніемъ буквы «ѣ»; а въ оффиціальныхъ бумагахъ ужъ и подавно нельзя нарушать традиціеннаго письма, отступленія отъ котораго, хотя въ сущности безвредныя, могли бы считаться въ нихъ нарушеніемъ приличій, въ родѣ того, какъ если бы я явился читать свою лекцію въ халатѣ.

Вполнѣ понимая необходимость нѣкоторыхъ уступокъ давнишнимъ привычкамъ, вполнѣ сознавая трудность осуществленія фонетическаго идеала, я все-таки рѣшительно утверждаю, что для непредубѣжденнаго филолога этимологическое правописаніе вовсе не преисполнено научности, а — надутаго невѣжества, и что, если бы спокойная наука была способна къ такимъ чувствамъ, она могла бы смотрѣть на это письмо не иначе, какъ съ презрѣніемъ и съ ненавистью.

---

³⁵ Мнѣ и самому легче писать обычнымъ правописаніемъ, чѣмъ своимъ упрощеннымъ; да вѣдь я хлопочу не для себя: я-то могу надѣяться, что даже допущенная мною въ какомъ-нибудь словѣ безграмотность сойдетъ за плодъ ученыхъ изслѣдованій.

³⁶ Такъ и поступили французы, у коихъ теперь (въ 1900 году) разрѣшена министерствомъ народнаго просвѣщенія новая, чуть-чуть упрощенная, орѳографія на ряду со старой.

³⁷ И помимо крутыхъ переменъ нужно бы побольше терпимости относительно орѳографіи — по крайней мѣрѣ не слѣдовало бы обязывать преподавателя называть въ одномъ заведеніи правильнымъ то, что въ другомъ признается ошибкой (напр. готтовское «итти» съ двумя «т»).

Дополнительный экскурс о буквѣ Ъ.

Въ виду помѣщенныхъ въ III-мъ выпускѣ «Филологическихъ Записокъ» за 1900 годъ замѣтокъ въ пользу Ъ-тя г. г. Д. Н. Оомина («Нужна ли буква «ять»?») и редактора журнала Сергѣя Никаноровича Прядкина («Историческое и фонетическое правописаніе требуетъ буквы Ъ»), считаю нужнымъ прибавить къ сказанному выше еще слѣдующія указанія по вопросу объ устраниеніи этой буквы.

Ссылка въ пользу Ъ на авторитетъ Ломоносова, Гильфердинга и покойнаго академика Грота не убѣдительна: весьма заслуженныя въ другихъ отношеніяхъ, эти лица не были однако настоящими филологами-языковѣдами (Ломоносовъ и не могъ имъ быть, развѣ что самъ бы сдѣлался основателемъ сравнительнаго языковѣденія). Алексѣй же Ивановичъ Соболевскій только отмѣчаетъ факты и вовсе не ставитъ вопроса о полезности или вредности буквы Ъ въ современномъ письмѣ; а естественный выводъ изъ его указаній, что встарину былъ особый звукъ Ъ, котораго теперь нѣтъ, и что мы нерѣдко пишемъ Ъ и е наперекоръ этимологіи, — отнюдь не въ пользу Ъ-тя. Да и вообще не слѣдуетъ увлекаться авторитетными именами: даже самый основательный человѣкъ иныхъ вопросовъ могъ коснуться только слегка и судить о нихъ нѣсколько поверхностно.

Доказательства существованія въ современномъ языкѣ звука Ъ основаны на пренебреженіи историческою перспективой. Въ русскомъ языкѣ никакого смягченія, при коемъ могло бы сказаться присутствіе Ъ-тя, не происходитъ: слогъ **ке, ге, хе, ки, ги, хи** вполнѣ обычны (вѣдь возникли, подъ влияніемъ другихъ, никогда не смягчавшихъ падежей, формы: «въ рукѣ, на ногѣ, въ грѣхѣ», и не чувствуется ни малѣйшаго поползновенія превратить пришлыя слова «кегли, багетъ, химія» въ «чегли, бажетъ, шимія» и т. п.), а замѣна **к, г, х** посредствомъ **ч, ж, ш** и **ц, з**, с происходитъ лишь по преданію, какъ пережитокъ праславянскаго смягченія, иногда же — какъ заимствованіе изъ языка церковнаго. Также чередованіе гласныхъ есть дѣло преданія, и именно потому для насъ странно и непонятно: лишь при сравненіи со старо-церковнымъ языкомъ многія чередованія объясняются, а для полнаго выясненія нужно обращаться еще къ другимъ языкамъ: къ литовскому, санскритскому и т. д. Такъ, чередованіе «вздох (изъ древнѣйшаго въздъхъ), вздыхать и воздухъ» можетъ быть объяснено при помощи старо-церковнаго языка: смѣна звука Ъ, бывшаго чѣмъ-то въ родѣ глухого **у**, глуховатымъ звукомъ **ы** и чистымъ **у** — довольно естественна, хотя настоящее пониманіе возможно лишь при возведеніи чередующихся здѣсь звуковъ къ дославянскимъ **й** и **ѵ** и къ двугласному **ou** (или **eu, au**). Также чередованіе «мер» и «мир» (умер и умираетъ) объяснимо при помощи старо-церковнаго **оумьрж**, гдѣ имѣется ослабленіе звука **ε** въ **ь**, который затѣмъ, будучи чѣмъ-то въ родѣ

краткаго **и**, путемъ продленія могъ дать настоящее **и**; но и тутъ толкованіе русской двойной (полногласной) и старо-церковной послѣдочной огласовки (умереть, оумрѣти) требуетъ привлеченія параллелей изъ родственныхъ языковъ. Что же касается до ближайшаго въ данномъ случаѣ вопроса о чередованіи **ѣ**-тя съ и (вѣситъ, виснуть), а въ одномъ корнѣ — съ **е** (рѣчь, но реченіе), то это какъ разъ такое чередованье, гдѣ для уразумѣнія дѣла необходимо возведеніе звука **и** къ **і** долгому или къ дифтонгу **ei**, а **ѣ** — къ дифтонгу **oi**, въ первомъ словѣ, и къ долгому **е**, могшему смѣняться краткимъ, — во второмъ. Итакъ, въ начальной русской грамматикѣ (тѣмъ менѣе при обученіи грамотѣ) чередованіе гласныхъ все равно не можетъ быть истолковано, и присутствіе въ русской азбукѣ буквы **ѣ** этому горю не помогаетъ. — Замѣчу еще насчетъ примѣра **цѣль** и **цѣловать**, «каковыя слова, написанныя черезъ букву **е**, ничего де не скажутъ о своемъ происхожденіи», что связь между этими словами при написаніи обоихъ черезъ **е** будетъ столь же ясна, и что, съ другой стороны, основное значеніе глагола **цѣловать** вовсе не можетъ быть выведено изъ его древняго написанія черезъ **ѣ**, а лишь изъ древняго употребленія въ болѣе общемъ значеніи «привѣтствовать». Оговорю кромѣ того, что, хотя этимологія «цѣловать отъ цѣль» безынтересна (особенно для нашего брата буквоѣда), но связь здѣсь чисто историческая, въ живомъ языкѣ уже не существующая: если бы кто-нибудь вздумалъ опредѣлить по этой этимологіи значенье нашего глагола **цѣловать**, то впалъ бы въ заблужденіе. Укажу далѣе на нѣсколько насильственное толкованіе слова **лапа** (стр. 15). Лапа нельзя роднить со словами «липнуть» и «лѣпить» — его естественная родня «лопасть», а также готское *lofa* ладонь, литовское *lõpas* заплата и литовское же *lapas* листь. Знаніе и зѣница, правда, могли бы представлять разновидности одного праязычнаго корня (безсложную *gn* и долготную *gēn*), но какое же у насъ право сближать столь далекія по смыслу слова? Звукъ **н** въ словѣ «зѣница» скорѣе принадлежитъ къ наставкѣ, а корень есть **зѣ**, тотъ же, что въ глаголахъ **зѣвать** и **зіять** (Миклошичъ — «*Etymologisches Wörterbuch*» — и говоритъ здѣсь о корнѣ *zē*). Слово **мѣль** надо сближать или съ **милъ** (литовскимъ *meilūs* милостивый, благосклонный), приписывая ему **ѣ** дифтонговый (**ѣ** изъ **oi**), или же съ **малъ**, приписывая ему монофтонговый (**ѣ** изъ долгаго **е**), но не съ обоими заразъ. Срв. мое замѣчаніе о словахъ **мѣль** и **мѣлькъ**, по поводу Миклошичева «*Этимологическаго словаря*» («Русскій Филологическій Вѣстникъ», томъ XXII, стр. 256). Есть, правда, нѣкоторая возможность понимать «малъ», какъ праязычное *mōlos*, упростившееся изъ болѣе ранняго *mōilos* съ долготнымъ дифтонгомъ, который могъ чередоваться съ обыкновенными дифтонгами *oi* и *ei*; но для такого построенія обязательно бы подобрать доказательства изъ родственныхъ языковъ, каковыхъ, повидимому, не имѣется. Не упустимъ также изъ виду, что, если и говорить

о связи между словами мѣль и миль или мѣль и малъ, равно какъ между словами знать и зѣница, такъ о древней связи, въ настоящее время уже давно порванной. Сличимъ сказанное о глаголѣ цѣловать и на стран. 10–11 о словахъ счастье и тошно.

Отгѣнки произношенія слога **пе** въ словахъ пѣнѣть, пеня́ть и пень (стр. 6) дѣйствительно существуютъ, но они вовсе не зависятъ отъ происхожденія звука *é* (узкого **е**) въ первомъ случаѣ изъ **ѣ**, во второмъ изъ древняго **е**, въ третьемъ — изъ **ь**, а отъ положенія въ слогѣ ударяемомъ, въ предударномъ и въ конечномъ замкнутомъ (въ данномъ случаѣ — единственномъ). Сравнимъ лѣнь и олень (Гротовскій примѣръ), перемѣни́ и воспламени́, пеня́ть и мѣня́ть, пѣнѣть и взѣрепени́ть. Въ добавокъ, слова пеня́ть и пенья чуть ли ни представляютъ **ѣ**: по-сербски (у черногорцевъ) пенья будетъ пиена.

Справедливо, что въ связи съ вопросомъ объ изгнаніи **ѣ** естественно поставить вопросъ объ общемъ пересмотрѣ азбуки; но все-таки не слѣдуетъ отвергать изъ-за того частныхъ упрощеній: развѣ въ другихъ областяхъ всегда производится полная ломка, а не бываетъ незначительныхъ реформъ? Установленіе же вмѣсто теперешняго употребленія **ѣ** другого, правильнаго, весьма трудно (рекомендовать ли, напр., въ такомъ случаѣ написаніе лѣтатъ съ **ѣ**-темъ?) и едва ли можетъ удался. При томъ это было бы улучшеніемъ орфографіи съ этимологической точки зрѣнія, но не было бы упрощеніемъ. Что и за устраненіемъ **ѣ**-тя въ нашемъ письмѣ останутся разныя затрудненія — опять-таки справедливо, и я бы дѣйствительно считалъ идеальными написанія «по воли», «видИть», изъ коихъ первое, можетъ-быть, даже представляетъ настоящее древнерусское и праславянское окончаніе мягкаго различія, никогда не примѣнявшееся къ твердому и не перенимавшее у него -е (-ѣ). Не настаивая на такомъ правописаніи, я однако настаиваю на положеніи, что выборъ между двумя начертаніями **и** и **е** будетъ легче, чѣмъ выборъ между тремя — **и**, **е** и **ѣ**.

Введеніе при обученіи буквѣ **ѣ** какихъ-нибудь усовершенствованныхъ приемовъ, понятное дѣло, тоже желательно, но тутъ можно надѣяться лишь на нѣкоторое облегченіе, легкимъ же это, по самому существу трудное, дѣло никогда не станетъ. Самъ я при обученіи письму держусь приема знакомить съ корнями, представляющими букву **ѣ**, сначала въ такихъ производныхъ, гдѣ, передъ твердыми согласными, сохраняется слѣдъ **ѣ**-тя въ произношеніи, и вводитъ въ диктовку напр. сперва слова: сѣтка, дѣтки, а ужъ потомъ — сѣть и дѣти. Но при этомъ приѣмѣ пришлыя слова, какъ кадетъ, и книжныя, какъ предметъ, должны быть отмѣчаемы отдѣльно, да и туземныя, въ родѣ гордецъ — гордеца, гдѣ утратилась мягкость и даже **е** стало постояннымъ...

Весьма я сочувствую выставленной въ замѣткѣ С. Н. Прядкина мысли о необходимости ратовать противъ «смешенія французскаго съ ниже-

городскимъ»; но я не вижу въ ней препятствія къ упрощенію грамоты, а считаю вполнѣ возможнымъ дѣйствовать (да по мѣрѣ силъ и дѣйствую) одновременно въ обоихъ направленіяхъ.

Въ заключеніе этого экскурса напомнимъ читателю о томъ, что живая разговорная рѣчь, такъ же, какъ и письменная, имѣетъ свою стройную грамматику, а эта грамматика выступала бы всего яснѣе, если бы писали такъ, какъ говорятъ. Звуковыя же написанія XX-го, XXI-го и послѣдующихъ столѣтій дали бы дальнимъ потомкамъ вѣрное представленіе о ходѣ развитія русскаго языка, какового не даетъ современному русскому архаизирующее письмо предковъ.

Прибавленіе.

Положенія о правописаніи.

1) Такъ какъ письмо существуетъ не для однихъ образованныхъ людей, а должно быть общимъ достояніемъ, то ему слѣдуетъ быть по возможности доступнѣе, то-есть проще.

2) Мы пишемъ для того, чтобы передать свои мысли, а не для того, чтобы блеснуть знаніемъ грамматики.

3) Мы пишемъ вмѣсто того, чтобы говорить, слѣдовательно, естественно писать такъ, какъ говорятъ.

4) Разногласье письма съ выговоромъ обусловлено: 1) несовершенствомъ пришлыхъ, недостаточно приспособленныхъ къ даннымъ языкамъ азбукъ, 2) сохраненіемъ, по косности, начертаній соотвѣтствующихъ произношенію прежнихъ временъ, но противорѣчащихъ современному, и 3) мудрствованіемъ грамматистовъ.

5) Историческое развитіе словъ есть движеніе, а движеніе нельзя изобразить на письмѣ: орѳографія можетъ уловить только одинъ какой-нибудь моментъ.

6) Естественно брать для изображенія настоящей моментъ, развѣ что считать современный языкъ и скаженіемъ древняго.

7) Наше правописаніе, будучи преисполнено непослѣдовательностей и анахронизмовъ, не только затруднительно, но и не даетъ надежныхъ указаній ни по современной, ни по исторической грамматикѣ.

8) Этимологическій элементъ допустимъ въ орѳографіи лишь постольку, поскольку сказывается въ живомъ литературномъ языкѣ, безъ справокъ съ его исторіей и діалектологіей, доступныхъ только немногимъ и дающихъ къ тому неразъ противорѣчивыя данныя.

9) Еще менѣе, чѣмъ съ языкомъ областнымъ и стариннымъ, слѣдуетъ справляться относительно правописанія съ языками иностранными.

10) Вопросы об отношении орфографии к наречиям и говорам незначимы и затрогивать, так как нельзя придумать правописания, при котором без знания литературного языка можно бы писать поллитературному.

11) Сокращение азбуки на 3–4 буквы не следует считать ничтожным сокращением и малым облегчением: и 3 из 36 довольно большой процент.

12) Отмена нескольких произвольных правил не есть искажение живого русского языка, а, напротив того, восстановление его в своих правах.

13) Упростив орфографию и получив возможность сократить занятия по ней, мы в школе выиграем время для других занятий по языку и словесности.

14) Нет никакой надобности в полном единстве орфографии: разнообразие только не должно быть столь велико, чтобы затруднять понимание.

15) В вопросах правописания нельзя руководствоваться чувством: тут нам кажется естественным и хорошим то, к чему мы привыкли, хотя бы оно было во всех отношениях дурно.

16) Для усвоивших уже ходячую грамоту изменение ее представить (временно, а может-быть и навсегда) некоторое затруднение: упрощение предпринимается не для них, а для будущих поколений.

Л. В. Щерба

ОТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ПИСЬМОМ И ОРФОЭПИЕЙ

§ 21. Поскольку русское письмо является фонетическим, постольку в его основе не может не лежать какой-то определенный устный язык: мы не можем одно и то же написанное слово читать или как *пруд*, или как *ставок*, как это возможно при иероглифическом письме. Однако и наше письмо допускает разное произношение. Это положение вещей характерно для всех больших литературных языков, но особенно ярко выражено в немецком, где иностранец, даже хорошо знающий немецкий язык, часто с трудом понимает своего собеседника, говорящего хотя и на литературном языке, но с сильным местным акцентом (произношением).

На понятии «произношение» необходимо несколько остановиться, чтобы выяснить, когда мы должны говорить о том или ином произношении одного и того же звукового комплекса, а когда просто о другом звуковом комплексе. В принципе как будто очевидно, что о «произношении» говорят лишь в тех случаях, когда и в необычно произносимом все же узнается тот или другой н о р м а л ь н ы й звуковой комплекс, так говорят о разном произношении буквы *щ*, т. е. того звукового комплекса, который обозначается этой буквой, — или как «шьча», или как «шьшь» (*щи* — «щъчи» или «шьши», *щука* — «шьчюка» или «шьшюка» и т. п.); о разном произношении звукосочетания «чи», например в словах *чисто*, *чин* и т. д. — или так, как пишется, или как «чы» («чыста», «чын»); о разном произношении слов с неударенным орфографическим о — «карова» или «корова», «гара» или «гора» и т. д. Говорят о дефективном произношении, когда слова *лодка*, *лапа*, *козел* и вообще звук «л» выговаривают «ўотка», «ўапа», «казеў» («ў»). О том же можно, пожалуй, говорить, когда маленькие дети выговаривают те же слова «лётка», «ляпа», «козель» — с мягким «л». Однако едва ли будем говорить об ошибках произношения,

---

Печатается по первой публикации: Щерба Л. В. Отношение между письмом и орфоэпией // Щерба Л. В. Теория русского письма [1943]. Л.: Наука, 1983. С. 23–29.

если бы кто-нибудь говорил *кliga* вм. *книга*, *дбна* вм. *дома*, *шкорость* вм. *скорость* и т. п. По-видимому, под вариантами «произношения» мы подразумеваем только какие-либо регулярно встречающиеся отклонения, которые гарантируют нам возможность идентификации материально несовпадающих звуковых комплексов.

§ 22. Из сказанного прежде всего вытекает, что для русского литературного языка все же существует какая-то норма произношения. Эту норму принято называть литературной, и на нее-то и ориентируется наше письмо. Внутри этой литературной нормы существует некоторое количество равноправных вариантов. Все прочие варианты ощущаются или как диалектные (например, произношение на „о“), или как дефективные (например, „ў“ вм. „л“ и т. п.), или детские (ср., например, так называемое «сюсюканье»).

Само собой разумеется, что наше письмо должно ориентироваться только на литературные варианты, а не на диалектные.¹

Для большей ясности приведем еще литературные и нелитературные (последние взяты в скобках) варианты слов *щи*, *дождь* (в именительном и родительном падежах) единственного числа) и *вижат*:

„щчи“	„дошчь“	„дажджя“	„вижджят“
„шьчи“	„дошьчь“	„дажджя“	„вижджят“
„шьши“	„дошьшь“	„дажджя“	„вижджят“
„(шшы)“	„(дош)“	„(дажджа)“	„(вижджат)“
„(шти)“	„доштть“	„даждя“	„(виждят)“

Что касается литературных вариантов, то, строго говоря, мы должны были бы допускать соответственные варианты и в нашем письме. Однако поскольку единообразие письма имеет громадное практическое значение, постольку приходится выбирать в каждом отдельном случае один из существующих литературных вариантов произношения как основу нашего письма: *дверь*, *Тверь*, *зверь* и т. д. или *дъверь*, *Тъверь*, *зъверь*;² *фонарищик*, *сварщик*, *спорищик* и т. д. или *фонарьщик*, *сварьщик*, *спорьщик*; *фиалка*, *колонияльный* и т. д. или *фиялка*, *колонияльньый*; *миниатюра*, *материалы*, *пианино* и т. д. или *миньятюра*, *матерьялы*, *пьянино*; *скучный*, *конечно*, *молочный* или *скушньый*, *конешно*, *молошньый*; *воилок*, *стоило*,

¹ Когда мы пишем *холода* через *о*, хотя произносим „жалада“, то мы передаем при этом не диалектное произношение на „о“, а применяем этимологический принцип правописания, о чем см. ниже § 110 и следующие (*Щерба Л. В.* Теория русского письма. С. 102 и сл.).

² При этом вовсе не обязательно, чтобы все случаи одной и той же категории произносились одинаково, т. е. вполне можно условиться произносить *Тверь*, *дверь*, но *зверь*; *фонарьщик*, но *сварщик* и т. п., ибо так бывает и в жизни.

поило, окраина, Михаилo и т. д. или войлок, стойло, поило, окрайна, Михайло и т. п., и т. п.

Само собой разумеется, что наиболее трудно разрешимые случаи будут относиться к неударяемому вокализму в полном стиле. В самом деле, какой вариант произношения полного стиля следует предпочесть: *плясать, памятник, заяц, охтянка, серебряный, ветряный* и т. д. или *плесать, паметник, заец, охтенка* (и даже *охтинка*), *серебрeный, ветрeный? Варево, курево, крошево, мелево* или *вариво, куриво, крошиво, меливо* и т. п.?

§ 23. Надо подчеркнуть, что подобные вопросы должны во всяком случае решаться не в орфографическом порядке, а в плане «орфоэпии», т. е. в плане вопросов правильного произношения.

Может показаться, что такое разделение является своего рода «ученой» канцелярщиной, и, конечно, дело не в названии, а лежит гораздо глубже.

Письмо все же является по отношению к языку чем-то внешним, не относится, так сказать, к его существу. Поэтому, организуя наше письмо, устанавливая и реформируя нашу орфографию, мы вправе руководствоваться чисто практическими мотивами: легкостью усвоения письма, легкостью и быстротой чтения и схватывания смысла читаемого. Можно даже сказать, что эти мотивы должны быть решающими в деле орфографии. Вопросы же произношения являются уже вопросами самого языка и его жизни. Я отнюдь не склонен фетишизировать язык; вслед за Бодуэном³ я не думаю также, чтобы жизнь языка не могла подвергаться в той или другой мере нашему сознательному воздействию. Но как раз это и обязывает нас к максимально обдуманым действиям по отношению к языку.

§ 24. Как это явствует из новейшего языкознания, все элементы языка образуют единую систему и так связаны друг с другом, что любое изменение какого-либо из них вызывает те или иные изменения в других частях системы. Это справедливо, конечно, и по отношению к произношению.

Поскольку, однако, письмо поддерживает тот или иной вариант произношения, постольку, оказывается, и оно влияет на жизнь языка,⁴ особенно в современных условиях всеобщей грамотности и исключительно большой роли письменного языка в нашей жизни (многие языковые

---

³ Ср. его полемику с Бругманом на этот счет (см.: *Baudoin de Courtenay J. Zur Kritik der künstlichen Weltsprachen: (Veranlasst durch die gleichnamige Broschüre von K. Brugmann and A. Leskien) // Annalen der Naturphilosophie. Bd 4. Leipzig, 1907. S. 385–433).*

⁴ Здесь я не касаюсь большого и мало обследованного вопроса о громадном влиянии письма на синтаксис, о формировании специального письменного языка и влиянии этого последнего на устный и т. п.

факты мы познаем главным образом из книг и газет). Между прочим, отсечение одного из вариантов произношения может обеднить язык или во всяком случае препятствовать его семантическому росту, так как этот последний часто происходит за счет насыщения содержания вариантов слов или форм, получившихся на разных путях. Так, формы с беглым „и“ и без него, помимо того, что в руках поэтов дают материал для звуковых эффектов (большая или меньшая сонорность слова и разная ритмика), зачастую семантически дифференцированы или по крайней мере готовы принять на себя такую функцию: *Мария* и *Марья*, *София* и *Софья*, *варение* (= варка) *варенья*, (*не*)*имение* и (*хорошее*) *именье*, (*не*)*бытие* и *жительство-бытие*, (украшенный прелестными) *миниатюрами* и *миньятурная* фигурка и т.д. Поэтому, хотя в общем и совершенно справедливо, что письмо является чем-то внешним по отношению к языку, однако выбор для него того или иного варианта произношения бывает иногда вовсе не безразличен и может в некоторых случаях иметь решающее значение для судеб языка. Поэтому-то выбор этот и не может производиться в рамках упорядочения или облегчения: это дело какого-то более широкого обсуждения вопросов орфоэпии данного языка, т.е. единства его произношения. Это обсуждение должно вестись под флагом рационализации устного языка вообще, что, конечно, очень обязывает лиц, участвующих в подобном обсуждении и принимающих какие-либо решения по этому поводу. Между тем у нас в орфографии очень часто попутно решаются чисто языковые вопросы и в частности даже судьбы русского склонения и спряжения. Так, из двух вариантов окончания пред«ложного» пад«ежа» ед«инственного» ч«исла» имен существительных на безударное *-е* (не *-ьё*) и *-и* (в *счастье*, в *именье* или в *счастьи*, в *именьи* и т.п.) обыкновенно выбирается без дальнейших разговоров вариант *-е*, как более легкий со школьной точки зрения. Между тем в языке между ними происходит борьба и окончание *-и*, по-видимому, побеждает, благодаря своей дифференцирующей роли, помогающей отличать направление действия и место нахождения. *Я верю в счастье* и *В счастьи люди часто забывают о других*; *Я еду в именье* и *Я живу в именьи*, ср. *Она впала в забытье* и *Она была в забытьи*. Из двух вариантов окончания 3«го» лица множ«ественного» ч«исла» глаголов II спряжения с ударением не на окончание *-ат* и *-ут* (*стоят*, *просят*, *мочат* и т.д. или *стоют*, *просят*, *мочут*) выбирается традиционный на *-ат*, чем искусственно поддерживается его жизнь в языке.⁵ Между тем естественный ход развития языка, по-видимому, ведет именно к *-ут*, как к более четкому и характерному

---

⁵ Из сказанного отнюдь не следует, чтобы я был за немедленную реформу орфографии в этом смысле: множество практических соображений этому препятствуют. Но принципиально я за этот вариант устного языка, а следовательно, и за соответственное написание.

признаку данной морфологической категории: неударенное *-ит* в разговорном стиле смешивается с *-ит* 3-го лица единственного числа. Любопытно отметить, что в полном стиле мы вполне допускаем произношение *месеи, заеи, паметь* вм. *месяи, заяи, память*, формы же *просет, возет, молет* нам кажутся совершенно невозможными: косвенно это является доказательством нереальности форм *просят, возят, молят* в литературном устном языке. Кроме этих и целого ряда других крупных и мелких явлений произношения перед русской орфографией стоит большой вопрос в выборе «екающего» или «икающего» произношения вообще, т.е. произношения, различающего в полном стиле гласные „е“ и „и“ в неударенном положении или их смешивающего в гласном „и“: *пелёнка* или *пилёнка*, *берёт* или *бирёт*, *педагог* или *пидагог*, *пеклеванный* или *пиклеванный*, *теперь* или *типерь*, *переплыть* или *пиреплыть*, *моет* или *моит*, *колет* или *колит*, *учитель* или *учитиль*, *предобрый* или *приобрый*, *преступник* или *приступник*, *Сонечка* или *Соничка*, *песенка* или *песинка*, *Петенька*, *Леленька* или *Петинька*, *Лелинька* и т.п. и т.п. Сейчас «иканье» в полном стиле считается диалектным произношением, как это явствует, между прочим, из тургеневских «Певцов», где орловское произношение мальчугана в конце рассказа четко характеризуется следующей фразой: *Тебя тятя высечь хочи-и-ит*. Однако пополнение населения Москвы «икающими» элементами грозит несколько спутать существующее положение вещей. Сейчас если бы кто-нибудь стал петь с «икающим» акцентом *Пичаль моя свитла* или *Для биригов отчизны дальней*, то вызвал бы всеобщее возмущение, хотя в разговорном стиле именно так и произносится.

§ 25. Благодаря такому положению вещей, всем, изучающим русский язык, приходится усваивать два стиля произношения, зачастую расходящихся не только в оттенках фонем, но и в самих фонемах (ср. транскрипции в § 18, 19⁶), что, конечно, едва ли можно считать рациональным. Задача языковой политики в этой области состоит, стало быть, либо в том, чтобы полный стиль, а за ним и письмо подтянуть к «икающему» произношению (и тогда диалектным будет произношение *высечь хоче-е-ет*, а также пение с сохранением неударенных „е“, т.е. так, как сейчас пишется), либо в том, чтобы и разговорный стиль подтянуть под полный и под существующее письмо. Я полагаю, что выгоднее стремиться к последнему, так как первый путь ведет к полному разрыву литературной традиции, это едва ли желательно, особенно в настоящее время, когда русский язык изучается миллионами наших националов и представляет собою большую культурную ценность не только в его современном виде, но и со всеми накопленными в нем ценностями. Думать же, что второй путь невозможен ввиду стихийности процесса развития произношения

---

⁶ Щерба Л. В. Теория русского письма. С. 22. — Примеч. сост.

в разговорном стиле, едва ли приходится: значение письменного языка в его орфографической одежде настолько велико в наше время, что имеет решающее значение для разговорного языка вообще, тем более что в состав русской интеллигенции все время вливаются громадные контингенты лиц, выучившихся русскому литературному языку через книгу, а не от окружения. В моей даже памяти неударенное „а“ после мягких согласных, т. е. орфографическое я, начинает вытеснять в полном стиле традиционное „е“: *плясать* вм. старого *плесать*, *клянусь* вм. *кленусь* и т. д.

Если же выбирать второй путь развития, т. е. стремиться к сохранению неударенных „е“ и в разговорном стиле⁷, то важно и в орфографии не делать никаких уступок «икающему» произношению. Во всяком случае все вопросы подобного рода требуют специального обсуждения в плане языковой политики и не могут быть решены попутно с упорядочением орфографии и вне широких языковых перспектив. К сожалению, вопросы языковой политики у нас до сих пор не стали в порядок дня⁸ и даже вопросы орфоэпии не выходят за пределы узкого круга специалистов⁹.

---

⁷ Само собой разумеется, что эти неударенные „е“ отнюдь не должны быть равны ударенным и произносятся обыкновенно с легким уклоном в сторону „и“.

⁸ В значительной степени благодаря широко укоренившемуся предрассудку о невозможности влиять на естественный ход развития языка.

⁹ Следует напомнить, что Л. В. Щерба писал это в начале 1940-х годов. — *Примеч. ред. книги Щербы.*

Л. В. Щерба

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ОРФОГРАФИИ И ИХ СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Я не льщу себя надеждой, что скажу что-нибудь абсолютно новое для тех, которые всю свою жизнь посвятили науке о языке, размышлению о письменности и т.п. Область, конечно, в общем известная, но я адресуюсь к тем практическим деятелям, жизнь которых, по роду их деятельности, связана тесно с этим вопросом. Думаю, что, может быть, удастся дать тот или другой толчок мысли. Прежде всего позвольте остановиться на одном частном, предварительном вопросе. Дело в том, что даже в научной литературе, в учебниках, по которым, может быть, многие или некоторые из вас учились или которые, во всяком случае, читали, существует смешение вопросов алфавита и вопросов орфографических. Позвольте поэтому остановиться на этом.

Совокупность всего вопроса о письменности имеет три стороны.

Первая — это вопрос собственно о письме, о шрифте, о форме этих зрительных значков вне всякой связи с чем бы то ни было, вопрос, которому, сколько мне известно, будет посвящен один из дальнейших докладов, вопрос большой и очень важный.

Другой вопрос — вопрос алфавита вне орфографии, только алфавита, вне всякой ассоциации, вне всяких связей со словами, со смыслом; чтобы сказать еще проще — все вопросы о том, как писать и читать, не зная смысла слов. Ведь это вполне возможно — писать и читать, ничего не понимая. Эти вопросы и будут алфавитными.

И, наконец, как писать и читать реальные слова? Тут могут быть разные принципы. Например, — кажется, это я читал в некоторых руковод-

---

Печатается по изданию: *Щерба Л. В.* Основные принципы орфографии и их социальное значение: // *Щерба Л. В.* Избр. работы по русскому языку / подбор текстов, ред., сост. примеч. М. И. Матусевич. М.: Учпедгиз, 1957. С. 45–49. Впервые опубликовано в сборнике: Первый Всесоюзный тюркологический съезд 26 февраля — 5 марта 1926 г.: Стенографический отчет. Баку, 1926.

ствах, — в русском языке буква *o* иногда обозначает букву *a*, пример всем известный: говорится „вада“, а пишется *o*. Это, конечно, совсем неправильно. В русском алфавите *o* никак не значит *a*, а это вопрос орфографии. Когда мы пишем *вода* через *o*, то хорошо сознаем и понимаем, что так мы звук *o* изображаем вопреки тому, что слышится, и в силу каких-то особых других соображений, о чем у нас будет речь впереди. Другой пример: в *каво*, *чево* пишется *z*, произносим *v*. И это не значит, что русское *z* имеет значение *v*. Это в вопрос алфавита никак не входит. И наоборот, во французском буква *g* произносится перед *e*, *i*, *y* как *ж*, перед *a*, *o*, *u* как *г* — это правила алфавита. Может быть, на этих примерах выясняется, что такое алфавит.

Теперь перейду к теме об орфографии. Принципов четыре: 1) фонетический, 2) этимологический, или словопроизводственный, иначе морфологический, 3) исторический и 4) идеографический. Ну, фонетический — ясно. Это означает, что как пишется, так и произносится. В русском и во многих других языках есть много слов, которые пишутся так, как произносятся, без всяких хитростей. Это лучше всего видно в итальянском языке. Там алфавитные ассоциации сложные, но орфографический принцип в основе фонетический. В немецком тоже, в известной мере, может быть, в большей мере, чем в русском языке, принцип фонетический. Во всяком случае до 80 % немецких слов можно читать, зная хорошо правила алфавита, которые, к сожалению, не всегда известны, можно до 80 % слов читать, не зная языка, не зная этих слов.

Другой принцип — этимологический, или словопроизводственный. Слова пишутся так, как по родству слово выходит, или, вернее даже, по родству частей слов, корней, префиксов, суффиксов и окончаний. Пример из русского: *вода*. Почему пишется *вода*? Потому что есть слово *водный*. *Просьба*. Фонетически там слышится *з*, но пишем именно *с*, потому что есть слово *просить*. *Стлать* пишем через *т*, потому что *стелет* пишем с *т*. *Слать* по аналогии с *шлет*, без *т*. *Мáсло*, *сáло* — на конце пишем *o*. Тут вопрос орфографии окончаний. Почему? Потому что окончание среднего рода *-o*: *окно́*, *яйцо́* и т. д. *Огурчик* — *-чик*, но *мешочек* — *-чек*. Почему? Потому что по аналогии с *денек* — *денька*, *хвостик* — *хвостика* и т. д. В немецком *Mundart* (наречие) пишется *д*, хотя слышится *т*, потому что этимология этого слова такая, которая производит его от *Mund* — *Mundes*. Еще, например, *vierzehn* (четырнадцать) произносится с кратким *i*, но пишется *-ie*, потому что есть слово *vier* (четыре) с долгим *i*, и т. д. Но более последовательно развит этот принцип в русском языке.

Следующий принцип исторический. Он состоит в том, что пишут так, как писали предки. Из русских примеров назову слово *собака*. Пишем *o*. Почему? Нет сейчас никакого резона, кроме того, что так писали раньше. *Кого*, *чего* пишут через *z*. Почему? Мы же ясно произносим *v*. Так писали предки. Конечно, сложности разные есть. Это специально

древнеболгарское писание, но это все равно. Сейчас для нас это принцип исторический. Различение *ѣ* и *е* при старой орфографии — это тоже исторический принцип. Русской традиции этот принцип совершенно не свойствен, поэтому, между прочим, это различие *ѣ* и *е* так легко можно было убрать. Но другие языки очень придерживаются исторического принципа, в частности больше всего французский и, особенно, английский. По-английски пишется *night*, произносится „найт“, по-французски пишется *aiment*, произносится „эм“. Это все случаи, когда мы пишем так, как писали предки. Конечно, предки в большинстве случаев не зря так писали. Действительно, они так и произносили, как писали. Правда, не всегда так бывает, но в большинстве — это отражение прежнего языка.

Четвертый принцип — идеографический. Примеры: в русском языке мы пишем, скажем, *мяч* без мягкого знака, *ночь* с мягким знаком. Это не имеет никакого значения фонетического, но имеет значение смысловое. Так и формулируется правило: «Если слово мужского рода — нет мягкого знака, женского рода — есть мягкий знак». Так что это просто отражение некоторого смысла. Суть идеографического принципа состоит в том, что знаки ассоциируются непосредственно со смыслом, минуя звук. В известной мере сюда можно отнести такие случаи из французского языка, как множественное число. Оно тоже не слышно, когда мы читаем, но на письме вызывает у нас представление множественного числа непосредственно.

Какая же социальная значимость всех этих четырех принципов?

Почему я говорю о социальной значимости? Потому что язык — явление социальное и по своему существу служит для общения между людьми, сплачивает группы, а письмо и подавно по самому существу вещей еще, может быть, больше, чем устный язык. Так вот фонетический принцип „пиши, как говоришь“ является, конечно, самым демократическим принципом, самым легким, самым простым. Выучи алфавит — и дело готово: и читаешь, и пишешь без ошибок, все в порядке. Однако здесь есть большое „но“. Дело в том, что это совершенно справедливо, пока идет речь о маленькой группе лиц, о каком-нибудь одном говоре, для него это действительно так: как говоришь, так и пиши. Но обыкновенно, по существу вещей, письменность не предназначается для маленького круга лиц. В большом же кругу лиц неминуемо обязательны значительные колебания, и поэтому фонетический принцип теряет весь тот смысл, который ему можно было бы, на первый взгляд, приписать, потому что для громадного большинства людей это будет все-таки всегда: „пиши не так, как говоришь, а как говорит кто-то там, где-то“. Позвольте привести несколько примеров. Например, по-русски говорят *хвасталса* и *хвастался*, и то и другое произношение существует, в учебниках орфоэпии, т. е. науки хорошего произношения, даже рекомендуется говорить *-са*. Как быть? Если иметь в виду принцип: „пиши, как говоришь“, то каждый писал бы

на свой образец. Этимологический образец говорит: пиши *-ся*, потому что *взялся, дался* и т. д. Еще пример. По-русски говорят *голубь* и *голуб*, с мягким и твердым на конце, и если бы каждый писал, как он говорит, то был бы большой разницей. А этимологический принцип говорит: „пиши мягкий знак, потому что *голубя, голубю* и т. д.“. И в другом еще отношении этимологический принцип является важным. Русский префикс — предлог *с*. Ведь он имеет очень много произношений: *с (с) кошкой, с (сь) тиром, с (з) домом, с (зь) делом, с (ш) чем, с (ж) жиром*. Итак, вы получаете 6 видов *с*. Едва ли это удобно.

Многие народы, однако, не применяя широко этимологического принципа, находятся в таком же положении, т. е. имеют массу говоров и большие затруднения в письме. Но эти народы выходят из положения. Там не только вопросы письма, но и вопросы произношения играют большую роль. Так, в Германии и Франции вопросы произношения обследуются; правильному, хорошему произношению обучают и, таким образом, парализуют диалектические различия. Для ряда народов, в том числе и русского, это дело безнадежное, и в конце концов при соблюдении фонетического принципа получается такое положение вещей, что приходится просто зубрить самым бессмысленным образом, как пишутся слова, потому что при фонетическом принципе нет никакого решительно принуждения в языке, есть только принуждение со стороны, а этимологический принцип дает объяснение правописания в самом языке. Сошлюсь на мой большой педагогический опыт. Молодые люди, которые говорят на другом диалекте, чем я, всегда со мною спорят при начале обучения, почему именно так, почему надо „акать“, а не „окать“. Действительно, особых резонеров нет.

Исторический принцип в орфографии ясным образом имеет значение связи с прошлым; здесь очень важно то, что он соединяет нас с опытом предков. Опыт предков накоплен в литературе, книге, библиотеках, и историческое правописание, исторический принцип позволяет пользоваться легко всем этим опытом предков. Если бы англичане порвали с исторической орфографией, которая нам причиняет бездну затруднений и неприятностей, то они поставили бы очень и очень многих людей в печальное положение, потому что новообученные не могли бы читать старых книг, не могли бы пользоваться благами старой, накопленной культуры. Я считаю, что народы должны постоянно, время от времени „чинить“ свою орфографию, для того чтобы не было этих страшных прорывов. Как опыт нам уже показал, реформа в русской орфографии не обусловила прорыва. Люди, пишущие по-новому, прекрасно читают старые книги. Но, тем не менее, исторический принцип имеет полный социальный резон для народа с многовековым прошлым.

Я полагаю, что практически для тюркских народов (хотя, конечно, я это говорю со всей осторожностью и со всей скромностью) самое

правильное было бы — комбинация фонетического и этимологического принципов, комбинация в каждом отдельном случае своеобразная и разная, ибо правил общих тут никак нельзя дать. Вопрос этот практический, вопрос жизни, и жизнь должна подсказать правильное решение. Вопрос орфографии — мучительный и болезненный — и должен быть выработан в процессе жизненного опыта и в каждом данном случае, в данном языке и в данных отдельных конкретных случаях по-своему, по-разному. Главная цель моего доклада состояла в том, чтобы не увлекаться чрезмерно фонетическим принципом. Не отказываться от него отнюдь, но не чрезмерно увлекаться, ибо это может повлечь к большим затруднениям для того же дела, для которого, на первый взгляд, предназначен фонетический принцип, — это затруднило бы обучение грамоте и сделало бы это обучение страшно бессмысленным и противным. Почему так тебя заставляют писать? Этимологический принцип осмысляет это дело и делает его понятным для детей при правильной постановке, является возбуждающим мышление, возбуждающим интерес. Реформа русской орфографии привела к тому мнению в широких массах, что орфография — это вещь такая, что пиши, как хочешь, и очень серьезные люди стали думать так. Раньше ученые думали, что это просто практическое дело, жизненное, но, однако, с точки зрения жизни надо выдвинуть положение, что надо писать грамотно. Это социально совершенно необходимо и вытекает из очень простых вещей: это, так сказать, мысль о других, потому что безграмотное писание читать трудно, точно едешь в таратайке по мерзлой дороге. Так что писать грамотно требует социальная порядочность, уважение ко времени своего соседа. Надо приучать всячески к этому делу и стараться сделать его не бессмысленным, а осмысленным, и путь к этому лежит именно в этимологическом принципе.

Н. Ф. Яковлев

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ФОРМУЛА ПОСТРОЕНИЯ АЛФАВИТА

(ОПЫТ ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИЛОЖЕНИЯ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ)¹

⟨...⟩

Для того, чтобы лучше уяснить себе разницу между воззрениями представителей старых лингвистических направлений на вопросы практической массовой письменности и новой точкой зрения на этот счет, — точкой зрения представителей новых направлений в науке о языке, необходимо предварительно сказать несколько слов об отношении так называемых гуманитарных наук к прикладным вопросам культурного строительства вообще. Мы не ошибемся, если признаем, что до революции в России представители гуманитарных дисциплин, изучавших человеческую культуру, были принципиально далеки от разрешения каких бы то ни было задач практического характера в области культурного строительства. В частности, вопросы грамотности, алфавита, орфографии, искусственных языков или изменения форм литературного языка, — вопросы, имеющие казалось бы непосредственное отношение к науке о языке, — эти вопросы всячески замалчивались и принципиально отвергались представителями так называемого „чистого“ языкознания, как вопросы „практического“, „педагогического“, а потому „ненаучно-

---

Извлечения из статьи печатаются по первой публикации: *Яковлев Н. Ф.* Математическая формула построения алфавита: (Опыт практического приложения лингвистической теории) // *Культура и письменность Востока: Сб. Всесоюзного Центрального Комитета Нового Тюркского Алфавита*. Кн. 1. М.: Всесоюзный Центральный Комитет Нового Тюркского Алфавита, 1928. С. 41–64.

¹ В данной статье я пользуюсь: русским алфавитом для написания примеров русской орфографии, кабардинским с параллельными написаниями научной яфетидологической транскрипцией — для кабардинского ⟨...⟩.

го“ характера. Вопрос, например, о коренной переработке окончательно устаревшей школьной грамматики в духе требований так называемой „общей лингвистики“ не был тогда поставлен достаточно решительно и последовательно. Представители „чистой“ лингвистики молчаливо допускали, чтобы рядом с ними в школе преподавалась схоластическая средневековая, часто противоречившая здравому смыслу, догматика, известная под именем школьной грамматики. Столь же мало интересовал ученых и вопрос научного построения алфавита для массовой письменности. Правда, занимаясь, например, вопросом о возникновении старославянской литературы лингвисты-славяноведы не упускали случая дать очень лестную характеристику алфавиту, созданному Кириллом и Мефодием, как построенному соответственно звуковому составу староболгарского языка, однако, в чем именно заключалось это соответствие практического алфавита и фонетики языка лингвисты точнее не пояснили. Самая постановка вопроса о научно обоснованном, с точки зрения теоретического языкознания — совершенном практическом алфавите была, повидимому, еще совершенно чужда представителям тогдашней лингвистики. Со стороны последних можно было заметить два взгляда на данный вопрос: одни, занимаясь древними периодами истории языка, привыкли считать всякий алфавит как продукт интуитивного творчества отдельного практика изобретателя, заранее данным для научного исследования. Поэтому с их точки зрения строить, изобретать алфавиты исторически было не делом ученых. Для них дело науки начиналось только тогда, когда алфавит, хотя бы самый несовершенный, уже оказывался созданным, когда этим алфавитом уже были написаны памятники языка, только тогда, рассматривая формы исчезнувшего языка в кривом зеркале такого несовершенного алфавита, ученый начинал строить свои догадки по истории данного языка. Ясно, что при таком подходе у лингвиста слагалось твердое убеждение, что создавать алфавиты не есть дело науки и что наука в этом отношении ничем помочь не может. Другой подход к этому вопросу существовал у диалектологов, т.-е. специалистов по изучению живых языков и наречий. Последние, стремясь как можно точнее изучить на слух, а частью также с помощью особых фонетических аппаратов, все богатство звуковых оттенков, какое несет в себе индивидуальное живое произношение, в первую очередь интересовались вопросом о том, чтобы создать возможно более богатую и точную систему научной транскрипции. Всякая научная транскрипция имеет целью уловить и зафиксировать на бумаге возможно большее количество доступных для человеческого слуха звуковых оттенков, которые слышатся исследователю в данном языке. В зависимости от тонкости его слуха это количество звуковых оттенков может быть то большим, то меньшим, но оно всегда больше того числа звуков, которые различает в своей речи каждый неискушенный в фонетических исследованиях, говорящий. Другими сло-

вами исследователь-фонетик стремится отразить в своей транскрипции максимум звуковых различий, какой только может уловить человеческое ухо, между тем как ухо рядового говорящего улавливает лишь необходимый ему для нормального понимания речи минимум звуковых отличий. В этом и заключается коренная разница между особенностями научной транскрипции и характером практического письма. Поэтому представители вышеуказанного направления в лингвистике естественно склонны преувеличивать значение индивидуальных звуковых тонкостей, отсюда системы научных транскрипций содержат обыкновенно большее число знаков, чем это необходимо для дела практической письменности. Поэтому, когда ученые фонетики и диалектологи брались за вопрос о построении практического алфавита, уже в силу своих научных привычек они были склонны решать его в пользу научной фонетической транскрипции. Если необходимо построить научно обоснованный алфавит для массового употребления, рассуждали они, то не может существовать никакого другого научно обоснованного алфавита, кроме фонетической транскрипции. Последняя разрабатывается самими учеными, разрабатывается для чисто научных целей, следовательно научно она достаточно обоснована. Все звуки данного языка она отражает с необходимой точностью и полнотой, следовательно она и будет наилучшим практическим алфавитом. Легко понять, что представители этого направления часто предлагают разработанные ими фонетические транскрипции, со множеством иногда очень сложных случайно выбранных ими значков, в качестве проектов практических алфавитов, в полной уверенности, что это и есть научное разрешение вопроса о практическом письме. Яркий пример этого рода представляет собою так называемый аналитический абхазский алфавит, который вызвал такие трудности при попытке его применения в Абхазии.

Как же, однако, следует ставить проблему выработки научно обоснованного алфавита для практического массового применения и можно ли, вообще, ставить вопрос о том, что такой алфавит должен разрабатываться на основе достижений теоретической лингвистики? Можно ли, например, заранее рассчитать и на основании изучения фонетики данного языка решить, что его практический алфавит должен насчитывать такое-то определенное количество букв, не большее, но и не меньшее?

Вопрос поставленный нами выше носит настоящий прикладной характер. Его отношение к теоретической лингвистике должно быть таким же, как отношение теоретической механики к задачам прикладной механики. Когда инженер составляет проект и расчет какого либо механического сооружения, он может составить его только основываясь на законах и формулах, которые предоставляет в его распоряжение теоретическая механика. Поэтому его проект может быть назван, в полном смысле этого слова, научно обоснованным. В этом случае, как и во всяком другом при-

мере научно обоснованного строительства, мы, составляя проект и расчет, еще до фактического приведения его в исполнение, заранее знаем размеры, прочность и т. д. проектируемого сооружения. Поэтому научно обоснованное строительство есть в то же время осмысленное, расчетливое и планомерное строительство. В этом и заключается его отличие от всякого другого творчества, по своим результатам хотя бы и удачного, но бессознательного, интуитивного, а потому всегда случайного.

Мы можем ясно представить себе теперь, что задача построить научно обоснованный алфавит, есть прежде всего задача точного расчета количества его букв и предвидения заранее всех трудностей и удобств его применения для данного языка. Только тогда можно говорить о научно обоснованном построении алфавита, когда теоретическая лингвистика сумеет дать необходимые элементы и даже формулы для решения этого вопроса так же, как теоретическая механика дает их для постройки инженерных сооружений. Не может быть и речи о научном создании практических алфавитов там, где к этому подходят еще с точки зрения личных вкусов, где колеблются в числе букв, где строят алфавит без отношения к орфографии и орфографию думают построить вне связи с алфавитом. Теперь, когда мы ясно представляем себе, что такое научное обоснование проблемы практического алфавита, мы можем отдать себе полный отчет в интересующем нас вопросе. Теперь мы можем понять, почему лингвистика в эпоху, предшествовавшую Революции, была так далека даже от постановки этой проблемы. Самый лозунг, что государственное строительство должно базироваться на достижениях науки, на научно проработанных расчетах и планах, — этот лозунг оказался впервые выдвинутым лишь в Советском Союзе. В Союзе впервые установился непосредственный контакт между науками о культуре и практикой культурного строительства. В результате должны были возникнуть и возникают новые отрасли гуманитарных наук, которые с полным правом могут быть названы прикладными гуманитарными науками. К числу последних и относится начатая разработкой в Москве прикладная лингвистика.

Однако, разработка проблем прикладной лингвистики, как оказалось, одновременно не могла не повести также к пересмотру соответствующей теории, к созданию новых направлений в теоретической лингвистике. Яркий пример этого представляют собой работы Института Народов Востока в лице его, хотя и молодых, но уже выдающихся лингвистов. Разрабатываемый в данной статье вопрос является одним из результатов производившейся мною в вышеуказанном Институте разработки проблем прикладной лингвистики и связанной с ними теоретической фонетики. <...> Публикуя в настоящее время выведенную мною формулу математического построения наиболее экономного (в отношении числа букв) алфавита, я глубоко убежден, что она должна принести существенную пользу в деле создания новых и реформирования старых алфавитов тем,

что впервые внесет элемент сознательного расчета в то дело, в котором до сих пор изобретатели алфавитов должны были руководствоваться: в лучшем случае — бессознательной интуицией, чутьем, или в худшем — личными вкусами, симпатиями антипатиями.

Как я уже сказал, решение вопроса о научном построении практического алфавита требует прежде всего известного пересмотра положений теоретической фонетики. Всякому теоретическому исследователю фонетики известен тот факт, что в каждом данном живом диалекте ученый может вскрывать по существу неограниченное количество звуковых отличий. Это количество будет возрастать с увеличением тонкости слуха исследователя и с усовершенствованием аппаратов, служащих для записывания человеческой речи. Большую роль в обогащении фонетических наблюдений играет также использование иностранного слуха, который в некоторых отношениях оказывается восприимчивее к улавливанию звуковых оттенков в данном языке, чем слух коренных националов. Так целый ряд новых фактов в фонетике русского языка был открыт благодаря наблюдениям иностранных ученых. Таким образом, в сущности, нет никакого предела количеству звуков в языке, если исследователь подходит к этому вопросу только с точки зрения физико-акустической, т.-е. если он воспринимает звуки вне всякого отношения к социальной языковой их функции, вне отношения звуков к значимым элементам языка. Огромная заслуга фонетиков Бодуэновской школы заключается в том, что они впервые установили, для каждого данного языка, что в сознании говорящих на нем существует не все бесчисленное множество наблюдаемых исследователями звуковых оттенков, но лишь строго ограниченное их число. Эти звуковые оттенки, признаваемые говорящими, были названы Бодуэном де Куртенэ „психофонетическими альтернантами“ или „каорелятивами“² и вслед за ним Л. В. Щербой — «фонемами»³. Указанные исследователи, однако, не объяснили лингвистической сущности данного явления, его социальной основы, сводя дело к психологическому акту, к явлениям индивидуального сознания каждого отдельного говорящего. Между тем уже такой ранний исследователь языков Кавказа, как П. К. Услар, которому в ходе его научной работы постоянно приходилось сталкиваться с вопросом о составлении практических алфавитов для горских языков Кавказа, устанавливает впервые правильную точку зрения на данное явление. Именно, он отмечает, что в каждом данном языке, при всем кажущемся звуковым его многообразием, всегда существует

---

² *Baudoin de Courtenay* I. A. Versuch einer Theorie Phonetischer Alternationen. Strassburg, 1895. S. 23.

³ *Щерба Л. В.* Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб., 1912.

лишь строго ограниченное количество таких звуков, которые служат для различения слов этого языка⁴. Это замечание Услара, нигде, однако, им подробно не развитое и не обоснованное, стало мне известным уже тогда, когда я путем самостоятельных исследований фонетик кавказских языков пришел, по существу, к аналогичному выводу, который вкратце изложил в своих „Таблицах фонетики кабардинского языка“ (Москва, 1923). Я вполне присоединяюсь к выводам проф. Л. В. Щербы, что в каждом языке существует строго ограниченное количество звуков — „фонем“, однако, в отличие от последнего я даю этому факту чисто лингвистическое толкование. Именно — фонемы выделяются, по моему мнению, не потому, что они сознаются каждым отдельным говорящим, но они потому и сознаются говорящими, что в языке, как в социально выработанной грамматической системе, эти звуки выполняют особую грамматическую функцию. Грубо говоря, можно сказать вслед за Усларом, что фонемы — это те звуки, с помощью которых происходит различение слов в языке. Точнее говоря, мы должны признать фонемами те звуковые отличия, которые выделяются в речи, как ее кратчайшие звуковые моменты в отношении к различению значимых элементов языка. При таком толковании мы должны ясно представить себе, что фонемы — это социально выделяемые в языке звуки и таких звуков в каждом языке существует различное, но всегда строго ограниченное количество. Эти-то звуки-фонемы во все времена и у всех народов, применявших звуковую систему письма, и клались в основу буквенного обозначения. Изобретатели их алфавитов интуитивно определяли количество фонем данного языка и каждую фонему обозначали особым знаком — буквой. В этом и заключалось до-научное решение проблемы практического алфавита.

Теперь нам становится совершенно понятным и мы можем даже научно обосновать тот факт, что всякий практический алфавит содержит в себе лишь строго ограниченное, всегда сравнительно небольшое количество букв, которое у разных изобретателей алфавита для одного и того же языка испытывает лишь незначительные колебания. Мы можем также научно обосновать и то явление, что в научных фонетических транскрипциях для данного языка число знаков всегда больше и у различных исследователей оно подвергается большим колебаниям, чем число букв в практическом алфавите. Это происходит потому, что в научной фонетической транскрипции исследователь выражает с помощью особых значков-букв не только фонемы, т.-е. звуки, выделяемые в отношении к значению, но и варианты фонем, т.-е. звуковые оттенки, появляющиеся под влиянием смены соседних звуков. Таким образом, одна и та же фонема может включать в себя еще целый ряд звуковых оттенков, так называемых вариантов,

---

⁴ См.: Услар П. К. Абхазский язык. Тифлис, 1887. — В изданных здесь черновых заметках автора см. замечание о черкесских гласных, стр. 61.

различение которых необходимо для ученого фонетика, но совершенно излишне для практического письма, и, с другой стороны, в практическом письме необходимо и достаточно выражать с помощью особых букв или иным способом все существующие в данном языке фонемы. Например, в русском языке существуют, с одной стороны, звуки: „н“, „л“ твердые и соответствующие мягкие звуки „нь“, „ль“, с другой стороны имеются также „к“, „г“ твердые и „кь“, „гь“ мягкие, например в словах: „кон“ (в игре), — „конь“, „мел“, — „мель“, „рука“, — „руки“, „нога“, — „ноги“. Если исследовать эти звуки с точки зрения физико-акустической, то может оказаться, что акустическая разница между „н“, „л“, „к“ твердыми и „нь“, „ль“, „кь“ мягкими в вышеприведенных примерах все всех трех парах одинакова или почти одинакова. Это и дало бы возможность ученому, стоящему при исследовании звуков речи на чисто физической точке зрения, утверждать, что в русском языке существуют твердые звуки: „л“, „н“, „к“, „г“ и соответствующие им мягкие звуки „ль“, „нь“, „кь“, „гь“, разница между которыми одинаково объясняется повышением тона ртового резонатора. Между тем, если исследовать этот вопрос с точки зрения социально-лингвистической, то окажется, что социальная, грамматическая роль „твердости“ и „мягкости“ вышеперечисленных согласных в русском языке неодинакова. В то время как разница между твердыми и мягкими „н“ и „л“ использована в русском языке в связи с различием смысла слов (см. вышеприведенные примеры), различие между твердыми и мягкими „к“ и „г“ для такой цели никогда не применяется. В литературном русском языке нет таких двух слов, в которых различие смысла слов было бы основано на разнице между твердыми и мягкими „к“ или „г“⁵. Твердые и мягкие „н“ и „л“ встречаются в русском языке в положении перед гласными „а“, „у“, перед согласными и в концах слов; звуки же „к“ и „г“ в этих положениях могут быть только твердыми. Отсюда, рассматривая вышеприведенные звуки с точки зрения их социальной, грамматической функции в русском языке, мы заключаем, что твердые „н“, „л“ и мягкие „нь“, „ль“ представляют собою в системе звуков русского языка разные парно-различаемые твердые и мягкие фонемы, в то время как твердое „к“ и мягкое „кь“, с одной стороны, и твердое „г“ и мягкое „гь“, с другой, являются едиными фонемами и „твердость“ и „мягкость“ их в этом случае представляют собою только оттенки („варианты“) в пределах одних и тех же фонем. А „твердость“ и „мягкость“ „н“, „л“ являются основным признаком различения самостоятельных разных фонем русского языка. Но количество и способы выделения фонем в каждом языке могут быть существенно разными. В английском языке, например, тоже существует различие между твердым „f“ и мягким „f“, акустически приблизительно соответствующее русскому, но используется оно здесь уже только

---

⁵ Так, по крайней мере, по московскому литературному произношению; единственное исключение „ткѣт“ (ср. ниже).

для образования вариантов одной и той же фонемы в зависимости от соседних гласных.

На основании наблюдений над звуковым составом всех существующих человеческих языков вообще мы можем, таким образом, прийти к следующим выводам. В каждом языке грамматически (социально) существуют звуковые отличия („звуки“) двух категорий. Одна категория связана с различием значений („смыслом“) слов. Этот род звуков называется в грамматической науке „фонемами“; проще можно было бы назвать их самостоятельными звуками языка. Для образования фонем, почти каждый язык использует какой-нибудь звуковой признак, с помощью которого образуется целый ряд взаимно противопоставленных парных фонем, как гласных, так и согласных. Таков, например, в русском языке признак „твердости“ — „мягкости“ согласных, таков же во многих тюркских языках признак „твердости“ — „мягкости“ гласных, наконец, в кавказских языках встречается образование парных согласных фонем с помощью признаков „лабиализации“ (т.-е. положения губ) „пассивной“ — „активной“; выдыхания „надгортанного“ — „подгортанного“, и с помощью той же „твердости“ — „мягкости“ (см. ниже).

Другой род звуковых отличий появляется в каждом языке исключительно в зависимости от смены соседних звуков в речи, т.-е. исключительно в определенных сочетаниях (соединениях) фонем друг с другом. Этот род звуковых отличий называется в науке „комбинаторными“ (т.-е. появляющимися в комбинациях звуков) вариантами фонем или проще — звуковыми оттенками фонем.

Система практического письма должна графически отражать все фонемы данного языка — и только! Таково основное положение для создания практически применимых алфавитов.

Проще всего можно было бы этого достигнуть, вводя для каждой фонемы отдельную букву, т.-е. построив алфавит по следующей формуле:

$$A = C + G,$$

где A — общее число знаков алфавита; C — число самостоятельных согласных звуков (фонем) в языке; G — число самостоятельных гласных звуков (фонем) в языке.

Однако многие языки допускают дальнейшее упрощение алфавита, путем уменьшения количества букв в нем. Проблемы экономии букв в алфавите в общем виде могут быть выражены математической формулой и решаться по отношению к любому языку, состав фонем и законы сочетания звуков которого известны. Эту формулу я и назвал: формулой построения наиболее экономного (в отношении числа букв) алфавита. Количество букв в алфавите может быть уменьшено на следующую величину:

(C' - Г'),

где C' — число парно-различаемых согласных звуков (фонем или вариантов), находящихся в данном языке в сочетаниях с соответствующими парно-различаемыми гласными, а Г' — число парно-различаемых гласных (вариантов или фонем) в сочетаниях с вышеуказанными парно-различаемыми согласными. Таким образом, указанная величина построена так, что, если под C' мы подставим имеющееся в языке количество парных согласных фонем, то под Г' мы должны подставить количество появляющихся в связи с этим парных вариантов гласных фонем. Если же нам придется под Г' подставить число наличных в данном языке парных гласных фонем, то под C' мы подставляем количество появляющихся в связи с ними парных вариантов согласных фонем.

Указанную часть формулы лучше всего пояснить сначала на примере русского алфавита и русской фонетики, так как это сделает ее более понятной для представителей возможно более широкого числа педагогов-националов. Затем мы перейдем к примерам вычисления числа знаков алфавита для некоторых тюркских, кавказских и финских языков.

В русском языке имеется парное различие мягких и твердых взаимно противопоставленных по этому признаку согласных фонем. Таких пар в русском языке насчитывается 12: мь — м, нь — н, ль — л, рь — р, фь — ф, вь — в, сь — с, зь — з, пь — п, бь — б, ть — т, дь — д. Сюда же можно было бы причислить еще 3 пары: кь — к, гь — г, хь — х, но представленные в них мягкие средне-твердонебные имеют только единичное применение перед задними гласными и потому не могут считаться настоящими фонемами (ср., напр., „тк^бот“ и т.п.). Впрочем, последнее добавление не отразится, как это мы увидим ниже, на результатах вычисления по нашей формуле.

С вышеперечисленными твердыми и мягкими парными согласными фонемами могут сочетаться в русском языке 4 гласных фонемы в соответственных парных вариантах: ^ба — а, ^бо — о, ^бу — у, ^би — и. В отличие от общепринятой традиционной грамматики последнюю пару мы должны принять за варианты единой гласной фонемы, в чем убеждает нас их взаимная смена под влиянием твердости или мягкости соседней исходной согласной предшествующего слова (ср., например: „конь идет“, „кон идет“, „искал“, „изыскал“ и т.п.)^б. Что касается гласной фонемы „е“, то

---

^б Смена „ы“ и „и“ в зависимости от твердости или мягкости предшествующего согласного в вышеуказанных примерах совершенно аналогична смене „э“ узкого („среднего“) и „э“ широкого в тождественных случаях, напр.: „конь этот“ — „кон этот“ и т. под. Доказательством того, что „ы“ представляет собою лишь вариант фонемы „и“ — является также: невозможность произношения „ы“ в начале речи и дифтонгичность „ы“ в конце речи, где этот гласный в своем исходе приближается к звуку „и“. Последний факт был открыт иностранными учеными. Наконец на том, что звуки

она не входит в наше вычисление, так как перед нею твердые и мягкие парные согласные фонемы не различаются, совпадая в мягких вариантах (ср. напр. смягчение согласного корня перед окончаниями предложного падежа единственного числа и дательного падежа женского рода единственного числа в русском).

В число вышеуказанных парных согласных фонем не входят „ж“, „ш“, „ц“, как постоянно твердые, и „ч“, „щ“, „й“, как постоянно мягкие фонемы⁷. С другой стороны, нами не принимаются в расчет и буквы „я“, „ю“, „е“, как буквы, не выражающие звуковых отличий гласных, но применяемые для обозначения мягкости предшествующего согласного перед гласными фонемами „а“, „у“, „о“, а в начале слов или после гласной — принимающие значение слогов: „йа“, „йу“, „йо“.

Таким образом, если произведем теперь вычисление количества букв достаточное для русского алфавита по нашей формуле, то нам придется подставить в нее следующие величины:

С — количество согласных фонем, считая в том числе отдельно твердые и мягкие фонемы: = 33.

Г — количество гласных фонем, считая в том числе: „а“ и „я“, „у“ и „ё“, „о“ и „ё“, „э“ и „е“, „ы“ и „и“ за единые фонемы: = 5.

С' — количество твердых и мягких пар согласных фонем: = 12 (перечисление см. выше).

Г' — количество сочетающихся с этими согласными фонемами парных вариантов гласных: = 4 (перечислены выше, стр. 50).

Один, прибавляемый к алфавиту, знак для обозначения мягкости согласных в положении не перед смежной гласной (т.-е. — перед согласными или в исходе слов): = 1.

Подставив указанные величины в выведенную нами формулу:

$$A = (C + Г) - (\pm C' \mp Г')^8 + 1$$

или, раскрыв скобки:

„и“ и „ы“ представляют собою в русском варианты одной и той же фонемы, основана также возможность их рифмования в стихах. Как раз этот факт служит ярким доказательством правильности теории фонем, а отнюдь не представляет собою «неточной» рифмы, как думает С. Бернштейн (*Бернштейн С. О методологическом значении фонетического изучения рифм // Пушкинский сб. памяти Венгерова. СПб, 1922*).

⁷ Тот факт, что в орфографии приняты написания *а, у, и* для изображения гласных после *ч, щ, ж, ш*, как не имеющих парного противопоставления по твердости и мягкости, представляет собою безусловно рациональный графический принцип: удержания в графике из двояких возможных начертаний — одного простейшего. Этот принцип следовало бы распространить и на случаи: *цы*, т.е. писать во всех случаях *ци*.

⁸ Находящаяся во вторых скобках величина должна быть положительной, чтобы применение формулы могло дать сокращение числа букв.

$$A = C + \Gamma \mp C' \pm \Gamma^* + 1$$

получим:

$$A = 33 + 5 - 12 + 4 + 1 = 38 - 7 = 31^9.$$

Т.-е. формула показывает нам, что вместо 38 букв, которые понадобились бы для русского алфавита в том случае, если бы вздумали обозначать в нем каждую самостоятельную фонему, в том числе и мягкие согласные фонемы, особыми буквами, мы можем значительно сократить указанное число букв. Для этого достаточно вместо введения в алфавит 12 новых букв для мягких согласных обозначать те же мягкие согласные фонемы через добавочные буквы для смежно соединяемых с ними (последующих) 4-х гласных фонем, а там, где согласный не стоит перед гласной, обозначать его мягкость через добавочную букву „ь“.

При последовательном проведении этой системы количество букв в русском алфавите могло бы быть сведено к 31 и даже к 30, если мы примем во внимание, что гласная „о“ после мягкости сейчас не изображается с помощью особой буквы „ё“, но — через букву: „е“. Однако, в исторически-сложившейся системе письма для русского языка указанный расчет несколько спутан тем обстоятельством, что введены, по существу, лишние знаки: во-первых: „ъ“ или „ ‘ “ для изображения звука: „й“ после твердых согласных и, во-вторых, особая буква „е“ для обозначения слога „йе“. Последняя непоследовательность проистекает оттого, что буквам: „я“, „ю“, „е“ присвоены в русском алфавите совершенно излишние для современного языка и письма слоговые значения: „йа“, „йу“, „йе“. Современный русский алфавит настоятельно требует исправления указанного недостатка, которое сразу уменьшило бы количество букв, с одной стороны, и помогло бы установить более стройную систему правописания, с другой. Этого можно достичь, во-первых, — заменой в русском алфавите буквы „й“ — более простой и оставшейся сейчас без применения буквой „і“, т.-е. писать: „іа“ вм. „я“, „іехал“, „іуный“ вм. „ехал“, „юный“, „етот“ вм. „этот“, „діак“ вм. „дьяк“, „іюлка“ вм. „елка“, „подіом“ вм. „под’ем“, „подіехал“ вм. „под’ехал“, „адіункт“ вм. „ад’юнкт“, „раі“ вм. „рай“, „боі“ вм. „бой“ и т. д. Во-вторых, как можно было видеть из примеров, эта система позволит выбросить одну из двух букв „э“ или „е“, предпочтительнее первую, как более сложную по своему начертанию, придав второй звуковое значение первой в зачине слов и теперешнее звуковое значение второй в сочетаниях с предшествующими мягкими согласными.

Таким образом, выведенная нами формула вполне оправдывается на примере исторически-сложившегося русского алфавита и русской системы письма. Мало-того, применение нашей формулы позволяет нам

⁹ Если включить в число парно различаемых фонем еще три: „кь — к, гь — г, хь — х“, то мы будем иметь: $A = 36 + 5 - 15 + 4 + 1 = 31$, т. е. тот же результат.

сознательно и расчетливо выправить непоследовательности русской орфографии и свести число букв в алфавите к минимальному количеству, сократив его до 30.

Вопросы построения наиболее экономной и наиболее удобной системы письма, совершенно аналогичные вопросам русской графики, мы встретим в алфавитах и орфографиях, выработанных для языков восточных угро-финнов. Здесь мы находим, в общем, две конкурирующие друг с другом системы. Одна, принятая в настоящее время в мордовском алфавите, выражает мягкость согласных тем же способом, что и русский алфавит, т.-е. с помощью особых гласных букв „я“, „ю“, „ё“ и особого мягкого знака: „ь“. Другая система, принятая в языках коми, вотском, выражает мягкие согласные фонемы через графически видоизмененные особые буквы для согласных. Таким образом, сочетания: „мягкое н“ + „а“, „мягкое л“ + „а“ пишутся в русском и мордовском следующим способом: „ня“, „ля“, а „мягкое н“ и „мягкое л“ в концах слов или перед согласными пишутся через: „нъ“, „лъ“. По системе коми то же сочетание с гласным „а“ будет изображаться через „нъа“, „лъа“ и в концах слов „нъ“, „лъ“. Для полноты картины графически возможных начертаний приведем здесь еще одно, практикуемое в марийской письменности и необходимое нам в дальнейшем для анализа некоторых кавказских график. Эта система обозначает вышеприведенные сочетания, а также мягкие согласные в положении не перед гласными всюду с помощью особого добавочного знака, так что мягкие согласные фонемы оказываются везде выраженными через сочетание двух букв. Эту систему мы с полным правом могли бы назвать системой „двойных букв“, т.-е. сочетания „мягкое н“ + „а“, „мягкое л“ + „а“ пришлось бы писать через: „нъа“, „лъа“ и те же согласные не перед гласной, как: „нъ“, „лъ“. Последний способ восполнения недостающих букв в алфавите должен быть признан, конечно, наименее выгодным, так как он влечет за собою наибольшую трату пространства и времени, а следовательно, и бумаги, и типографских расходов.

Возвращаясь теперь к вопросу о применимости моей формулы к угро-финским языкам я должен указать, что здесь она всюду может быть применена, как и в случае русского алфавита, для решения вопроса о наиболее выгодной системе графического изображения мягких согласных фонем. Если количество всех фонем, считая в том числе и мягкие согласные фонемы, в данном угро-финском языке превышает норму удобного школьного заучивания алфавита, и применение моей формулы может дать значительную экономию числа букв, а случаи употребления добавочного „ъ“ окажутся сравнительно редкими, то в этом случае можно безбоязненно ставить вопрос о переходе системы письма на данном языке к способу выражения мягких согласных через особые дополнительные буквы для гласных, как это имеет место в русской графике. Мне

известно, что этот вопрос неоднократно поднимался, между прочим, в связи с вопросом о переходе на латинский алфавит, в среде учительства Коми (зырян). Поэтому было бы интересно узнать результаты вычисления количества букв в алфавите, в первую очередь для этого языка.

Особенно большое значение имеет вопрос о сокращении числа букв в алфавитах для горских, так называемых яфетических языков Кавказа. Количество фонем в этих языках достигает рекордных с нашей точки зрения цифр. Так, в кабардинском мы имеем 52 фонемы, в некоторых наречиях кяхского языка это число доходит до 64, наконец, в бзыбском наречии абхазского языка мы имеем 70 фонем. Ясно, что сами местные работники иногда приходят в ужас перед необходимостью преподавать в школах алфавиты в 50–60 букв и все помыслы их бывают направлены на возможные сокращения алфавита, в особенности, в связи с проводимой здесь латинизацией. С другой стороны, в звуковых системах этих языков чрезвычайно малое количество гласных (в кабардинском 6, в кяхском 3, в абхазском 3) благоприятствует получению с помощью нашей формулы наилучших, в смысле сокращения количества букв, результатов.

⟨...⟩

Из всего сказанного ясно, что экономия букв в алфавите, в частности, возможна в том случае, если в данном языке есть многочисленная группа парно различаемых согласных фонем и сравнительно немного гласных фонем, варианты которых могут сочетаться с вышеуказанными парными согласными. В этом случае, вместо того, чтобы вводить значительное количество отдельных букв для согласных, можно изображать те же согласные фонемы, введя меньшее число дополнительных букв для соответствующих парных оттенков гласных, другими словами — можно звуковые особенности согласных выразить на письме через дополнительные буквы для гласных. При этом придется ввести еще один особый дополнительный знак для графического различения парных согласных, находящихся не в сочетании с гласными (напр., в концах слов, перед согласными и т. д.).

Наша формула, как мы уже указывали выше, принимает следующий вид для тех языков, которые могут применить эту „слоговую“ систему письма (как русский, черкесские на Кавказе):

$$A = (C + \Gamma) - (\pm C' \mp \Gamma) + 1,$$

где единицей обозначен дополнительный знак. Очевидно, эта формула дает выгодный в смысле уменьшения числа букв в алфавите результат лишь в том случае, если второй член ее представляет отрицательную величину, т. е., если число гласных вариантов, для которых вводятся особые буквы, значительно меньше числа сочетаемых с ними парных согласных фонем.

Как раз такое условие мы и находим в кабардинском. Здесь имеется всего 6 гласных фонем: „е“, „у“, „а“ и „ё“, „ү“, „ä“. Последние три фонемы

физиологически разлагаются на „крепкий приступ“ — ϵ и соответствующую гласную фонему первой тройки. В виду того, что фонемы: ϵ (напр.: ϵ „кисть руки; рука“), $\dot{y}$ (напр.: $\dot{y}\dot{h}$ „держи“), $\grave{a}$ (напр. $\dot{z}\dot{y}\grave{a}$ „сказанный“) в сочетаниях с предшествующими „надгортанными-подгортанными“ парными согласными фонемами встречаются очень редко и лишь в морфологически ограниченном ряде случаев¹⁰, для обозначения надгортанных согласных можно воспользоваться теми же буквами, которые будут служить и для выражения указанных трех гласных фонем. Тогда число Г' в нашей формуле можно принять равным нулю. Результат вычисления для кабардинского языка тогда будет следующий:

$$A = (46 + 6) - (10 - 0) + 1 = 43,$$

если за основу экономии знаков возьмем число „надгортанных-подгортанных“ парных согласных, и:

$$A = (46 + 6) - (8 - 3)^{11} + 1 = 48,$$

если экономии букв произведем за счет „лабиализованных-нелабиализованных“ парных согласных. Отсюда ясно, что первый способ построения алфавита дает для кабардинского наилучшие результаты. Он и положен в основу опубликованного проекта.

<...>

Таким образом, применение нашей формулы позволяет, во-первых, сократить число букв употребительного сейчас кабардинского алфавита с 47–48 до 43 и, во-вторых, вместо принятой сейчас в кабардинском письме системы „двойных“ и даже „тройных“ букв для выражения надгортанных и лабиализованных согласных фонем ввести для них систему „одинарных“ букв всюду, где подобные согласные находятся в положении перед гласным. Введение в алфавит указанных изменений существенно облегчило бы дело распространения латинской грамоты среди кабардинцев.

<...>

Таким образом, на основании только что приведенных примеров из самых разнообразных языков, мы видим, что нам удалось действительно найти общую математическую формулу, с помощью которой вычисляется количество букв, на которое можно сократить алфавит любого языка, в силу своих фонетических особенностей (например, наличности значительных групп парно-различаемых согласных фонем при сравни-

¹⁰ А именно: когда представленные одной согласной фонемой местоименный префикс или глагольная приставка сочетаются с глагольным корнем, начинающимся с одной из трех гласных: ϵ , $\dot{y}$, $\grave{a}$.

¹¹ Только три буквы для гласных придется прибавить в алфавит потому, что „лабиализованные“ парные согласные фонемы не сочетаются в кабардинском с последующими тремя гласными фонемами: „ ϵ , $\dot{y}$, $\grave{a}$ “ одного с ними слога.

тельно небольшом числе гласных или наличности полного сингармонизма) допускающего такое сокращение. Это является лишним подтверждением той истины, что гуманитарные дисциплины, принципиально не отличаясь от естественно-исторических наук, допускают применение математических формул и способны послужить теоретической базой для создания специальных прикладных гуманитарных дисциплин.

Правда, со стороны некоторых мне случалось иногда слышать возражение: «позвольте, но, ведь, ваша формула требует предварительного знания фонетики языка, следовательно, это — не настоящая математика». Очевидно, подобные оппоненты имеют весьма слабое представление о том, что представляет собою математическая формула, выведенная для решения прикладных проблем. Если взять любую формулу этого рода, например формулу вычисления какого нибудь инженерного сооружения, то мы увидим, что в нее всегда приходится подставлять цифры, отражающие реальную природу фактов, в данном случае — свойства материалов постройки, как то: сопротивление материалов, их упругость и прочее. Словом, любая формула требует предварительного исчисления реальных величин, получаемых с помощью исследования соответственных конкретных объектов. В этом отношении выведенная мною формула несколько не отличается от формул прикладных естественно-исторических наук. Правда, базируется она на результатах не историко-сравнительного изучения языков, но на относительно недавно возникшей теории фонем, как главе вновь возникающей лингвистической дисциплины — так называемой „статической“ или „синхронической“ лингвистики, которую правильнее было бы назвать „теорией грамматики“ в научном смысле этого слова.

Р. О. Шор

К ВОПРОСУ О СОКРАЩЕНИИ АЛФАВИТА

(КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ НА СТАТЬЮ ПРОФ. Н. Ф. ЯКОВЛЕВА
„МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ФОРМУЛА ПОСТРОЕНИЯ АЛФАВИТА“.
„КУЛЬТУРА И ПИСЬМЕННОСТЬ ВОСТОКА“. Кн. 1-ая. М., 1928)

....„Дело предстанет в ином свете, если мы будем иметь в виду альтруизм педагогический, а именно сбережение умственной энергии множества людей и облегчение усвоения грамотности народными массами и будущими поколениями“....

(Бодуэн де Куртенэ. Об отношении русского письма к русскому языку)¹.

В своей известной работе „Об отношении русского письма к русскому языку“² Бодуэн-де-Куртенэ, отмечая в системе русского письма „несовпадение числа „букв“ (графем) и числа соответствующих этим буквам „звуков“ (фонем)³, в качестве одной из важнейших причин этого несоответствия указывает на отсутствие в русском алфавите „для значительного большинства фонем русского языкового мышления подходящих цельных, законченных, самодовлеющих графем“⁴.

Печатается по первой публикации: *Шор Р. О.* К вопросу о сокращении алфавита: (Критические замечания на статью проф. Н. Ф. Яковлева «Математическая формула построения алфавита». «Культура и письменность Востока». Кн. 1-ая. М. 1928) // *Культура и письменность Востока.* Кн. 2. Баку: Всесоюзный Центральный Комитет Нового Тюркского Алфавита, 1928. С. 62–75.

¹ *Бодуэн де Куртене И. А.* Об отношении русского письма к русскому языку. СПб.: Ред. журнала «Обновление школы», 1912. С. 25.

² Там же.

³ Там же. С. 37.

⁴ Там же. С. 66.

Действительно: одной из характерных особенностей русского языка является наличие в нем „твердых“ (непалатализованных) и „мягких“ (палатализованных) вариантов всех типов согласных, за исключением фрикативных⁵ „š“, „ž“, „j“, „t̪“ и „ts“, причем варианты эти имеют характер фонем, т. е. различия их используются в системе русского языка для различения значений слов. Ср. řap — rap, mīl — mīl, xoř — xog и т. д. Следовательно, согласные русского языка по отношению их к явлению палатализации (т. е. участию в их образовании приближенной к твердому небу передней или средней части спинки языка) могут быть распределены на следующие группы:

1-ый ряд — не имеющие парных вариантов:

„твердые“ — „š“, „ž“, „t̪“⁶

„мягкие“ — $\left\{ \begin{array}{l} \text{„t̪̣“} \\ \text{„j“} \end{array} \right.$

2-ой ряд — имеющие парные варианты:⁷

„твердые“ — b, v, g, d, z, k, l, m, n, p, r, s, t, f, x

„мягкие“ — ḅ, ṿ, ġ̣, ḍ, ẓ, ḳ, ḷ, ṃ, ṇ, p̣, ṛ, ṣ, ṭ, f̣, x̣

Этим фонемам в русском письме соответствуют графемы:

ш, ж, ц

ч

—

б, в, г, д, з, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х

Явную недостаточность графем для передачи согласных фонем русского языка система русского письма компенсирует избытком графем для гласных фонем русского языка и наличием условных знаков. А именно: гласным фонемам:

а, о, е, у, и (ш)⁸

⁵ Латинскими буквами обозначается звучание, русскими — написание.

⁶ Для упрощения изложения мы не будем касаться вопроса о долгих шипящих.

⁷ Для упрощения изложения мы не будем касаться вопроса о взаимоотношениях „g“ и „y“.

⁸ Для упрощения изложения мы принимаем теорию Бодуэна-де-Куртенэ о единой фонеме *i* (*i mutabile*) в русском языке (См.: *Бодуэн де Куртенэ И. А. Указ. соч.* С. 50–51. — *Примеч. сост.*) как это делает и проф. Н. Ф. Яковлев в своем построении (См.: *Яковлев Н. Ф. Математическая формула построения алфавита: (Опыт практического приложения лингвистической теории) // Культура и письменность Востока: Сб. Всесоюзного Центрального Комитета Нового Тюркского Алфавита. Кн. 1. М.: Всесоюзный Центральный Комитет Нового Тюркского Алфавита, 1928. С. 50. — Примеч. сост.*), а также не касаемся вопроса о гласных безударных слогах (ср. замечания проф. Е. Д. Поливанова (*Поливанов Е. Д. Лекции по введению в языкознание. Берлин, 1923. § 62*)).

соответствуют графемы русского письма:

1-ый ряд — а, о, э, у, ы

2-ой ряд — я, ё, е, ю, и

Кроме того в русском письме применяются условные знаки ь и ь' (или ').

С помощью этих лишних графем системе русского письма удается передать как не имеющий соответствующей графемы звук „j“, так и „твердость“ или „мягкость“ пар согласных. А именно: буквы: я, ё, е, ю в начале слога не после согласной обозначают не отдельные звуки, а сочетания звуков: ja, jo, je, ju, — ср. ja, jolka, jeĭ, juk (в передаче русско^й графикой — „я“, „ёлка“, „ель“, „юг“). Те же буквы, а также буква „и“ после согласных: б, в, г, д, з, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х — указывают на осложнение последних среднезычной (твердонебной) артикуляцией, т. е. на их „мягкость“, тогда как буквы „а“, „о“, „у“, „э“, „ы“ после тех же согласных — указывают на отсутствие в них подобного осложнения, т. е. на их „твердость“. Так, приведенные на стр. 1-ой примеры выражаются по системе русского письма написаниями „рябь“ — „раб“, „миль“ — „мыл“, „хорь“ — „хор“ и т. д. В конце слова „мягкость“ названных согласных выражается посредством написания знака „ь“, и тот же знак (а также знак „ь'“ или „'“) внутри слога после согласных обозначает произнесение графем „я, ё, е, ю“ как в начале слога — т. е. как сочетаний гласной с „j“ — ср. написания „конь“, „соль“ (koŋ, sol) с одной стороны и „льет“, „бьет“ (ljot, bjot) — с другой.

Итак¹⁰, исходя из сопоставления русских графем с фонемами русского языка приходится распределить буквы русского алфавита на следующие 5 основных групп¹¹.

Согласные:

1-ый ряд — ц, ж, ш, ч

2-ой ряд — б, в, г, д, з, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х

Гласные:

3-ий ряд — а, о, э, у, ы

4-ый ряд — я, ё, е, ю, и

Условные знаки:

5-ый ряд — ь (ь' или ')

Из этих рядов графем только графемы 1-го ряда связываются в сознании русского грамотного человека с представлением одной согласной

⁹ Для упрощения изложения мы не будем касаться непоследовательностей русской графики в обозначениях „мягких“ согласных в конце слога.

¹⁰ К дальнейшему см.: *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Указ. соч. С. 60 и т. д.

¹¹ Для упрощения изложения мы не будем касаться букв „щ“ и „й“, так как они не имеют непосредственного отношения к затронутой нами проблеме графики.

фонемы со всеми ее частичными артикуляционно-слуховыми элементами, не нуждаясь в сочетании со следующей графемой.

Графемы второго ряда связываются с **неполными** представлениями согласных фонем, так как они не включают представления того артикуляционно-акустического элемента, который определяется участием в работе средней части языка, приближающегося к твердому небу, или отсутствием этого участия. Последний выражается лишь **сочетанием** этих графем или с графемами 4-го ряда или с „ь“ 5-го ряда („мягкие“ согласные) или с графемами 3-го ряда или с отсутствием всякой графемы („твердые“ согласные).

Графемы 3-го ряда связываются **не только** с представлением гласной фонемы, но еще включают представление **отсутствия** приближения средней части языка к твердому небу при образовании предшествующего гласному согласного¹².

Точно также графемы 4-го ряда, **помимо** представления гласных фонем, включают представление о работе средней части языка, приближающейся к твердому небу при образовании предшествующего гласному согласного.

Наконец, графема „ь“ имеет только аналитический смысл, символизируя наличие вышеописанной работы языка при образовании предшествующего согласного.

Таким образом „в русском письме недостает графем для целых категорий фонем“¹³, в нем „нет законченных, самодовлеющих графем, ассоциируемых, с одной стороны, с представлением согласных несреднеязычных или „твердых“, с другой же стороны, с представлением согласных среднеязычных или „мягких“. Это и составляет основной недостаток русского алфавита, в его отношении к русскому языку. Но этот недостаток устраняется благодаря излишку в области графем, ассоциируемых с представлениями фонем..., гласных ...». Таким образом, путем комбинированной ассоциации по смежности... удовлетворяется потребность отражать в письменности столь важное в русском... языке различие согласных „твердых“ и „мягких“¹⁴.

„Это взаимоотношение графем и фонем составляет главный вопрос русской графики“, по мнению Бодуэна-де-Куртенэ¹⁵. „Центром этого вопроса является сочетание согласных с гласными“...

И заканчивая рассмотрение этого вопроса, Бодуэн-де-Куртенэ бросает мысль о возможности „выразить эти отношения математической

---

¹² Для упрощения изложения мы принимаем здесь отрицательную характеристику „твердых“ согласных Бодуэна де Куртенэ, не уточняя ее (см.: Там же. С. 70).

¹³ Там же. С. 64.

¹⁴ *Бодуэн де Куртенэ И. А. Указ. соч. С. 66–67.*

¹⁵ Там же. С. 67.

формулой¹⁶, сопровождая ее указанием некоторых графических сочетаний, подходящих под эту формулу:

- 1) ба/бя, са/ся, ла/ля.....,
бу/бю, су/сю, лу/лю.....,
бо бэ/бе, со сэ/се, ло лэ/ле.....,
бы/би, сы/си, лы/ли.....,
- 2) а/я, у/ю, о э/е, ы/и.....,
- 3) бь/бь, съ/сь, лъ/лъ....,
- 4) жи ши чи....., ци/цы.....

Брошенная здесь Бодуэном-де-Куртенэ мысль о математической формуле для выражения взаимоопределения графем и фонем в системе русского письма с большим остроумием осуществлена профессором Н. Ф. Яковлевым в его статье „Математическая формула построения алфавита“¹⁶.

Исходя из наблюдений над фактами русской графики, профессор Н. Ф. Яковлев устанавливает формулу сокращения алфавита:

$$A = (C + \Gamma) - (\pm C' \mp \Gamma') + I$$

- где А — общее число знаков алфавита;
С — число самостоятельных согласных звуков (фонем) в языке;
Г — число самостоятельных гласных звуков (фонем) в языке;
С' — число парно-различаемых согласных звуков (фонем или вариантов), находящихся в данном языке в сочетаниях с соответствующими парно-различаемыми гласными;
Г' — число парно-различаемых гласных (вариантов или фонем) в сочетаниях с вышеуказанными парно-различаемыми согласными;
наконец, I — один, прибавляемый к алфавиту, знак для обозначения мягкости согласных в положении не перед смежной гласной (т. е. перед согласными или в исходе слова)¹⁷.

Действительно, эта формула совершенно точно выражает особенности системы русского письма, с ее перенесением различения парных согласных на графемы гласных. Но проф. Н. Ф. Яковлев не ограничивается установлением формулы для исторически сложившейся графики русского языка. Он придает этой формуле абсолютное значение, считая ее применимой во всех тех случаях, когда „в данном языке есть многочисленная группа парно различаемых согласных фонем и сравнительно немного гласных фонем, варианты которых могут сочетаться с вышеуказанными парными согласными“¹⁸.

¹⁶ Яковлев Н. Ф. Указ. соч. С. 41 и сл.

¹⁷ Бодуэн де Куртенэ И. А. Указ. соч. С. 49–51.

¹⁸ Там же. С. 54.

„В этом случае“, говорит проф. Н. Ф. Яковлев, „вместо того, чтобы вводить значительное количество отдельных букв для согласных, можно изображать те же согласные фонемы, вводя меньшее число дополнительных букв для соответствующих парных оттенков гласных, другими словами — можно звуковые особенности согласных выразить на письме через дополнительные буквы для гласных. При этом придется ввести еще один особый дополнительный знак для графического различения парных согласных, находящихся не в сочетании с гласными (напр., в концах слов, перед согласными и т. д.)“¹⁹.

И несколько выше:

„Публикуя в настоящее время выведенную мною формулу математического построения наиболее экономного (в отношении числа букв) алфавита, я глубоко убежден, что она должна принести существенную пользу в деле создания новых и реформирования старых алфавитов тем, что впервые внесет элемент сознательного расчета в то дело, в котором до сих пор изобретатели алфавитов должны были руководствоваться: в лучшем случае — бессознательной интуицией, чутьем, или в худшем — личными вкусами, симпатиями и антипатиями“²⁰.

И проф. Н. Ф. Яковлев проектирует аналогичные русской системы письма для языков угро-финских (перенесение на гласные различия „твердых“ и „мягких“ парных согласных)²¹, кабардинского (перенесение на гласные различия „подгортанных“ и „надгортанных“ согласных)²², ниже-черкесского (перенесение на гласные различия „нелабиализованных“ и „лабиализованных“ согласных)²³, абхазского (перенесение на гласные одного из трех упомянутых различий)²⁴, наконец, „тюрко-татарских языков с полным сингармонизмом“ (замена различия „твердых“ и „мягких“ гласных введением дополнительного знака, обозначающего мягкость всего слова в целом)²⁵.

„Таким образом“, заключает проф. Н. Ф. Яковлев, „на основании только что приведенных примеров из самых разнообразных языков, мы видим, что нам удалось действительно найти общую математическую

---

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 45.

²¹ Там же. С. 52–53.

²² Там же. С. 53–57.

²³ Там же. С. 57–58.

²⁴ Там же. С. 58–60.

²⁵ Там же. С. 60 и далее. В действительности, однако, подведение проф. Н. Ф. Яковлевым проекта т. Н. Т. Тюрякулова под свою формулу является чистой натяжкой, так как в названном проекте речь идет не о замене графем парных фонем одного типа условными графемами другого, а об отказе вообще от двойных начертаний для парных вариантов фонем путем введения условных знаков перед целым словом, т. е. о совершенно другом графическом принципе. В виду этого, мы не будем в дальнейшем касаться проекта т. Н. Тюрякулова, поскольку он не имеет отношения к анализируемой нами формуле.

формулу, с помощью которой вычисляется количество букв, на которое можно сократить алфавит любого языка, в силу своих фонетических особенностей (например, наличия значительных групп парно-различаемых согласных фонем при сравнительно небольшом числе гласных или наличии полного сингармонизма) допускающего такое сокращение²⁶.

Поскольку, таким образом, выдвигается **не формула известного исторического алфавита, но формула общая, значимая для всякой письменности**, позволительно поставить вопрос о ее реальной значимости и целесообразности.

Каковы те требования, которым должна удовлетворять подобная формула?

Во-первых, построение алфавита должно базироваться на тех различиях фонем, которые существуют действительно в языковом мышлении данного языкового коллектива.

Во-вторых, построение алфавита не должно затруднять усвоение грамоты членами данного языкового (а не иноязыкового) коллектива, оно должно прежде всего иметь своей целью „сбережение умственной энергии... и облегчение усвоения грамотности народными массами и будущими поколениями“²⁷.

Итак, прежде всего: насколько реально для сознания говорящего то выделение в особые группы по известному признаку парных согласных, то противопоставление парных фонем, которое кладется проф. Н. Ф. Яковлевым в основу его наиболее экономного построения алфавитов? Дать ответ на этот вопрос может лучше всего история алфавитов.

Действительно, крайней наивностью было бы предполагать, что существовали „изобретатели алфавитов“, навязывавшие соответствующим языковым коллективам „свои личные вкусы, симпатии и антипатии“²⁸. Подобная „теория героев“ меньше всего применима к истории письменности; ибо наблюдения над возникновением и изменением алфавитов ясно свидетельствуют о том, что условие и эволюция этого культурного факта первостепенной важности определяются общими экономическими и общественными предпосылками в истории соответствующего коллектива, но отнюдь не волей отдельных лиц.

О чем же свидетельствует история алфавитов?

Прежде всего, о том, что языковое сознание коллектива далеко не всегда выделяет „парно-различаемые фонемы“ в особые более близкие группы, но трактует их совершенно также, как и другие фонемы, непарные.

Обратимся прежде всего к наиболее „экономным“ алфавитам — алфавитам семитических языковых коллективов, использовавших для

---

²⁶ Там же. С. 63.

²⁷ Бодуэн де Куртене И. А. Указ. соч. С. 85.

²⁸ Яковлев Н. Ф. Указ. соч. С. 45.

сокращения числа графем морфологическую функцию гласных в соответствующих языках. С точки зрения проф. Н. Ф. Яковлева, языки эти располагают довольно значительным числом парно-различаемых фонем. Так, и древне-арабский и древне-еврейский языки различают 2 ряда согласных т. н. „эмфатических“ и согласных не эмфатических:

в древне-арабском	{	t	s	t̤ ²⁹	d̤ ³⁰	и, может быть,	k
	}	ṭ	ṣ	ṭ̣	ḏ̣		ḳ
в древне-еврейском	{	t	s	и, может быть,			k
	}	ṭ	ṣ				ḳ

Однако, и арабский и еврейский алфавиты трактуют эти „парно-различаемые фонемы“ как фонемы совершенно независимые, создавая для них самостоятельные знаки:

Ср. арабские	ت	س	ث	ذ	ك
и	ط	ص	ظ	ض	ق
древне-еврейские	ת	ס	ט		
и	ט	צ	ק		

И это, несмотря на высоко аналитический характер названных алфавитов.

Но, быть может, названные системы письма не могли упростить обозначение парных фонем благодаря отсутствию в них знаков для гласных? Обратимся к более совершенным системам письма.

В древне-индийском языке (санскрите) различаются 10 пар согласных фонем по признаку отсутствия или наличия придыхания:

k	g	c	j	t̤	d̤	t	d	p	b
kh	gh	ch	jh	ṭh	ḏh	th	dh	ph	bh

и 5 пар по признаку какуминальности (отогнутости кончика языка по направлению к переднему небу):

t	th	d	dh	n
ṭ	ṭh	ḏ	ḏh	ṇ

²⁹ Этой паре согласных в более позднюю эпоху соответствует пара z — z, так как уже в раннем средневековьи ṭ > z. Ср.: *Brockelmann C. Grundriss der vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen: in 2 Bdn. Bd 1: Laut- und Formenlehre.* Berlin, 1908. S. 129.

³⁰ В более позднюю эпоху это соответствие исчезает, так как ḏ > ḏ латеральное. Ср.: *Ibid.* S. 129.

Для всех этих фонем система древне-индийского письма располагает самостоятельными графемами:

क	ग	च	ज	ट	ड	त	द	प	ब
ख	घ	छ	झ	ठ	ढ	थ	ध	फ	भ
त	थ	द	ध	न					
ट	ठ	ड	ढ	ण					

А между тем, древне-индийский алфавит — первый алфавит, построенный по чисто фонетическим принципам, — одно из свидетельств высокого развития лингвистического анализа у индусов.³¹

В древне-греческом языке различались 3 пары согласных фонем по признаку придыхательности:

t	k	p
th	kh	ph

которым в системе греческого письма соответствуют самостоятельные графемы:

τ	κ	π
θ	χ	φ

Следует отметить, что графемы „φ“ и „χ“ являются новотворчеством древне-греческой системы письма, специально созданными (по мере усовершенствования графики) „добавочными знаками“.³²

Тот же метод обозначения парно-различаемых фонем самостоятельными графемами мы найдем и в других, возникших на базе греческого, алфавитах. Так, система грузинского письма располагает особыми знаками для пар согласных, различаемых по характеру экспирации — „смычно-гортанных“ в одном ряду и „придыхательных“ в другом.

Фонемам³³

t	ṭ	t̥	p	k
θ	θ̣	θ̥	φ	q

соответствуют графемы:

ⴁ	ⴂ	ⴃ	ⴄ	ⴅ
ⴆ	ⴇ	ⴈ	ⴉ	ⴊ

³¹ Как известно, индийские грамматики явились учителями европейских ученых в области фонетики, развитием которой европейская наука обязана ознакомлению с лингвистическими учениями Индии.

³² Архаическое греческое письмо, еще механически переносящее на свой язык чужие графические навыки (ср. наличие в архаическом греческом двух графем для одной фонемы „s“ и „k“), не знает этих знаков.

³³ В яфетидологической транскрипции.

Совершенно аналогичные принципы написания проведены в системе древне-армянского письма.

Готский „алфавит Вульфилы“, сложившийся на базе греческого алфавита, вводит особые обозначения для „парно-различаемых“ лабиализованных и нелабиализованных³⁴ фонем германского языка:

фонемы	h	k	и соответствующие графемы	Π	R
	hv	q		⊙	Ц

И так далее и так далее.

Приведенные примеры, как будто, позволяют утверждать, что поскольку речь идет о самостоятельных фонемах — **языковое сознание членов соответствующего языкового коллектива не выделяет „парно-различаемых фонем“ особые категории однотипных, различаемых лишь по одному признаку, парных знаков.**

Нетрудно, однако, указать в истории письменности многочисленные случаи создания аналитических обозначений для той или иной группы фонем, объединяемых по известному признаку. Подобные случаи можно отметить и в приводившихся выше системах письма.

Так, система арабского алфавита пополняет заимствованный арамейский алфавит шестью новыми буквами для арабских согласных, не имевшихся в арамейском языке и не получивших там, разумеется, обозначения. При этом, построение этих букв носит явно аналитический характер, присоединяя условный дополнительный значок к уже существующему начертанию для близкой по звучанию фонемы. Так, фрикативный межзубный глухой t обозначается путем прибавления точки к начертанию для взрывного глухого зубного t (ث و ت), фрикативный межзубный звонкий d — путем прибавления точки к начертанию для соответствующего взрывного звонкого d (ذ و د); тот же прием проведен и при образовании начертания для эмфатического глухого фрикативного t (ظ و ظ).

Нельзя, однако, не отметить, что аналитический характер арабских букв не вполне последователен — один и тот же дополнительный знак имеет ряд значений — ср. такие соотношения, как ذ и د , ث и ت , ظ и ط с одной стороны и ض и ص , خ и ح , غ и ع ³⁵ с другой. Больше того, тот же отличительный знак применяется для различения начертаний, обозначающих совершенно несхожие фонемы, и лишь случайно сблизившихся в про-

³⁴ Другую оценку этих фонем дают Braune (*Braune W. Gotische Grammatik*. 4. Aufl. Halle: Niemeyer, 1895. § 59, 63) и Streitberg (*Streitberg W. Gotisches Elementarbuch*. 5. und 6. neubearbeitete Aufl. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1920. [§] 35.6, 35.11).

³⁵ Транскрипция: ð [ð] и d [d], θ [θ] и t [t], ظ [ðʕ] и ط [tʕ] с одной стороны и ض [dʕ] и ص [sʕ], خ [χ] и ح [h], غ [ɣ] и ع [ʕ]. — *Примеч. сост.*

цессе развития арабского письма, — ср. *ح* и *ق*, *ق* и *ف*, *ب* и *ت*³⁶. Эта непоследовательность обозначения, так затрудняющая усвоение арабского алфавита, очевидно, объясняется именно тем, что дело идет о приспособлении чужого алфавита к арабскому языку, и что внимание при переработке алфавита сосредоточилось на анализе тех фонем, для которых случайно не оказывалось знака в старом алфавите.

Более последовательно проводит анализ фонем древне-еврейский алфавит, когда он производит сокращение знаков, вводя различие парных фонем:

b	p	d	t	g	k
bh	ph	dh	th	gh	kh

посредством однотипного дополнительного значка (точки) в соответствующих графемах: *ב* и *בּ*, *פ* и *פּ*³⁷ и т. д.

Исторически эти аналитические обозначения древне-еврейской графики отражают другой момент в развитии письменности, чем аналитические начертания арабского алфавита. А именно: они созданы для различения коррелятивных фонем — фонем, чередование которых морфологизовано (грамматически осмыслено) и которое восходит к чередованию вариантов одной фонемы, возникавших в определенных фонетических условиях. Большая последовательность обозначения объясняется тем, что морфологизованная корреляция позволяла подвергнуть анализу всю категорию соответственных однотипных фонем.

Таковы, как кажется, два основных фактора возникновения аналитических начертаний: **усвоение чуждой системы графики, способствующее анализу системы фонем родного языка с точки зрения (недостаточной) системы графем чужого языка; и развитие в языке самостоятельных фонем из старых вариантов фонем, требующее уточнения прежнего единого начертания.**

При этом, предметом анализа могут стать самые разнообразные признаки фонем. Так, система арабского письма, создавая дополнительные графемы для фонем персидского языка, строит свои аналитические начертания на „парно-различаемости“ глухих и звонких согласных — ср. начертания *پ* при *ب*, *چ* при *ج*, *گ* при *ك*³⁸. На том же признаке строит свои аналитические начертания система слогового японского письма, обозначая звонкость начального согласного слога посредством допол-

³⁶ Транскрипция: *ح* [ʃ] и *ح* [h], *ق* [q^(s)] и *ف* [f], *ب* [b] и *ت* [t]. — *Примеч. сост.*

³⁷ Транскрипция: *ב* [b] и *בּ* [v], *פ* [p] и *פּ* [f]. — *Примеч. сост.*

³⁸ Транскрипция: *پ* [p] при *ب* [b], *چ* [tʃ] при *ج* [dʒ], *گ* [g] при *ك* [k]. — *Примеч. сост.*

нительного знака (т. наз. знак „pigori“) при начертании слогового знака с соответствующим глухим.

Аналитические начертания гласных в системе древне-индийского письма основаны на различии долготы и краткости, а также на их корреляции в словообразовании.

Аналитические начертания гласных в системе немецкого письма основаны на различии по месту образования, ср. u — ü, o — ö, тогда как отношение а — ä имеет теперь только историческое значение. Ср. далее, аналитические начертания шипящих в системе арабского письма (ش при s, ژ при z³⁹), в системе чешского письма (š при s, ž при z) и так далее и так далее.

Так же разнообразны и приемы создания аналитических начертаний: частичное изменение или дополнение графемы (напр. گ при ک⁴⁰), создание дополнительного аналитического знака и более или менее последовательное его применение (ср. пунктуацию в арабском и древне-еврейском шрифтах, знак умлаута в немецком письме), использование в значении аналитического знака отдельной буквы (напр., „ь“ и „ѣ“ в русском письме) и, наконец, разнообразные условные написания, которыми так богаты исторические орфографии современных европейских языков, и которые, по меткому выражению знаменитого филолога М. Мюллера, грозят порой стать национальным бедствием. К числу таких условных написаний принадлежит и метод обозначения „мягких“ согласных в системе русского письма.

Действительно: присущий ей „по существу неверный способ передачи звуков“⁴¹, по остроумному замечанию Бодуэна-де-Куртенэ, „объясняется тем, что это письмо является, так сказать, платьем с чужого плеча, потребовавшим переделок, починок и заплаток. Первообраз же русского письма — древне-церковно-славянское слагалось оригинально и применялось к связанному с ним... языку вполне самостоятельно и последовательно“⁴².

Древне-церковно-славянское правописание было фонетическим, и в интересующем нас отношении оно не знало формулы „сокращения“ алфавита, располагая системой выражений для парных мягких и твердых согласных, связанных с обозначением согласных, а не гласных. Таковы обозначения „мягкости“ согласных посредством аналитических символов $\overset{\sim}$ или ┘ ⁴³:

земѣа земѣлѣа земѣлѣа

Русское письмо утратило этот последовательный метод обозначения „мягких“ согласных. Правда, оно располагает аналитическим дополнительным знаком для обозначения „мягкости“ — буквой „ь“, утратившей

³⁹ Транскрипция: ش [ʃ] при س [s], ژ [ʒ] при ز [z]. — *Примеч. сост.*

⁴⁰ Транскрипция: — *Примеч. сост.*

⁴¹ Ср.: Ушаков Д. Н. Краткое введение в науку о языке. 3-е изд. М., 1917. С. 32.

⁴² Бодуэн де Куртенэ И. А. Указ. соч. С. 65.

⁴³ Последний графический знак имел, впрочем, и другое значение.

свое старое звуковое значение — но не проводит его применения последовательно, ограничивая его только концом слога.⁴⁴

В начале слога перед гласной „мягкость“ согласной не выражается особым знаком, но определяется выбором графемы для последующей гласной. Почему возможен этот способ начертания?

С одной стороны, некоторые из применяемых в этом случае графем („ю“, в известном смысле „я“) восходят к старым аналитическим начертаниям, сохраняя то же значение. С другой, графемы „е“ и „и“⁴⁵ обозначают звуки, перед которыми все согласные (кроме „отвердевших“ „ш“, „ж“, „ц“) произносятся „мягко“ согласно живому статическому закону русского произношения.⁴⁶ Следовательно, пары „мягких“ и „твердых“ согласных в русском языке являются не только самостоятельными фонемами, но и вариантами фонем, появление которых обусловлено статическими законами языка. А так как варианты фонем обычно⁴⁷ не получают самостоятельного выражения в письме, то этот-то принцип экономии и был, очевидно, перенесен на графику начала слога вообще.

Наконец, усвоение учащимся правильного чтения этих условных начертаний облегчается, конечно, тем, что соответствующие категории фонем в русском языке являются морфологизованными коррелянтами, постоянно чередующимися в формах словообразования и словоизменения, — ср. *милый* — *миленький*, *малый* — *малюсенький*, *цветок* — *цветик*, *гора* — *горе*, *стол* — *столе* и т. д.

Нетрудно убедиться, что способ русского письма, исторически обусловленный и **лишь исторически оправдываемый**, является не только непоследовательным, но и **не экономным**.

Действительно: раз в систему письма введен аналитический знак для обозначения известного признака определенной категории фонем,

---

⁴⁴ Для большей простоты изложения мы не будем касаться непоследовательностей русской графики, оставляющей в некоторых случаях необозначенной вовсе „мягкость“ согласного — ср. „дочка“, „тончайший“.

⁴⁵ Здесь нельзя не указать, что теория Бодуэна-де-Куртенэ об *і mutabile* отвергается большинством исследователей русского языка.

⁴⁶ Ср. акад. А. А. Шахматов: „...В русском языке действует закон о смягчении согласных перед „е“: он так же живуч, как и в общерусском праязыке, когда его можно впервые наблюдать...“ (*Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка*. Л., 1925. С. 65) и далее:

„236. Все согласные, кроме отвердевших *š, ž, s*, произносятся мягко перед гласными переднего ряда *i, e, (e)*. Ср. произношение иностранных имен: *b'ismark, t'iroł', t'ema, kař'edra, gr'ecija*.

Примечание: Произношение *tema, profesar, švedy*, представляется искусственным“ (Там же. С. 69) (Глава VII. Действующие в настоящее время в современном литературном языке звуковые законы).

⁴⁷ Ср. напр. отсутствие обозначений для вариантов (среднего и переднего ряда) гласных заднего ряда в системе русской графики.

то последовательное проведение этого начертания сделало бы совершенно лишними двойные графемы для гласных (а — я, у — ю); достаточно было-бы провести аналитическое (двубуквенное) начертание в положении перед гласной, и мы получили бы сокращение алфавита по схеме

$$A = C + \Gamma - C' + 1$$

где C' обозначает число парно-различаемых фонем, заменяемых соответствующими аналитическими начертаниями посредством одного дополнительного знака.

Приблизительно так и поступают некоторые системы письма славянских языков — ср. сербское⁴⁸ „коњ — коња — коњу“ и польское⁴⁹ „konia, koniowi, — и языков восточных финнов — ср. марийское „нъа, нъю“ и коми „Нъа, Нъю“.

Правда, можно найти серьезные возражения против системы аналитических начертаний — не потому, разумеется, что введение одной лишней буквы „повлечет за собою наибольшую трату пространства и времени, а, следовательно, и бумаги и типографских расходов“⁵⁰, а потому, что всякий анализ фонемы на отдельные ее элементы сопряжен с известными трудностями для усвоения грамоты. Но те же возражения затронут, естественно, и аналитические приемы русской графики (написание „б“).

Из всего вышесказанного, как кажется, совершенно ясно, что **формула сокращения алфавита, представленная в исторически сложившейся системе русского письма, отнюдь не может претендовать на общее значение.**

Более того: перенос различия парных согласных на гласные возможен вообще лишь там, где (как и в системе русского языка) на лицо чередование вариантов фонем, связанное с чередованием гласных, так как только там он будет иметь известную опору в языковом сознании говорящих.

Там же, где т. наз. „парно-различаемые фонемы“ носят характер не вариантов, а самостоятельных фонем (как, напр., „надгортанные“ и „подгортанные“ в фонетических системах яфетических языков), чередование которых не определяется характером следующей гласной, перенос их различия на графемы гласных будет ничем не оправдываемой условностью, усвоение которой будет, очевидно, сопряжено с теми же трудностями

---

⁴⁸ Знак „њ“ легко разлагается при сопоставлении с „н“ на последний + аналитический значок „ь“.

⁴⁹ Основное неудобство польской графики состоит не в двубуквенности этих начертаний, а в непоследовательном обозначении „мягкости“ согласных (в конце слова — посредством другого значка, чем в сочетании с гласной — ср. koń, но konia) и в двойном значении графемы „i“ (обозначающей и гласную фонему „i“ и „мягкость“ согласной).

⁵⁰ Яковлев Н. Ф. Указ. соч. С. 52.

ми, с какими для русского школьника было связано усвоение написаний „Ѣ“ и „е“ или „і“ и „и“.

Так, в проектируемой проф. Н.Ф. Яковлевым графической системе кабардинского языка различение **одного и того же** надгортанного от соответствующего подгортанного получает **три** различных обозначения:

1) в исходе слога (в положении, соответствующем в русском написаниям с „ь“) — путем дополнительного аналитического знака надгортанности („у“) к графеме для соответствующего подгортанного: „tʏ“

2) в положении перед гласной со слабым приступом — путем замены графемы для гласной со слабым приступом графемой для гласной с крепким приступом:

„tE“ вместо „tʏ“ + „e“

3) в положении перед гласной с крепким приступом — путем дополнительного аналитического знака („у“), служащего в данном положении „знаком раздельного произношения“:

„tʏE“

Вряд ли стоит останавливаться на трудностях усвоения подобной системы графики.

Но и там, где система языка (как в языках угро-финских) позволяет перенести на него графические навыки русского письма, возникает новый вопрос — о **целесообразности подобного сокращения алфавита, о экономичности** его не с точки зрения наборщика, в касе которого выпадает несколько гнезд, но **с точки зрения педагога**, которому желательно сократить затрату умственной энергии учащимся. Ибо — как справедливо указывает Бодуэн-де-Куртенэ в своей уже неоднократно цитированной книге — сдвиг графических представлений, свойственный системе русского письма, требует совершенно особых приемов выделения (путем применения транскрипции) морфологических элементов русского языка, т. е. осложняет обучение грамоте и грамматике. Впрочем, вопрос о морфологической делимости слова в различных системах письма я предполагаю рассмотреть особо.

Таким образом, нельзя не предостеречь от попыток переносить навыки русского графического мышления на вновь создаваемые национальные алфавиты, примером которых может служить попытка проф. Н.Ф. Яковлева превратить историческую формулу русской системы письма в **общую «математическую формулу построения алфавитов»**.

Е. Д. Поливанов

О ТРЕХ ПРИНЦИПАХ ПОСТРОЕНИЯ ОРФОГРАФИИ

В «звуковом» (т. е. буквенном) письме обнаруживаются следующие три принципа организации словонаписаний, т. е. орфографии:

1. Принцип фонетический или, вернее, чисто фонетический, состоящий в том, что моделью словонаписаний служит лишь фонетический (звуковой) состав слов, без отклонения в сторону каких-либо других критериев.

Остальные два принципа должны пониматься не как коренная замена фонетического (звукового) критерия написаний, а лишь как допущение — в том или другом объеме — отступлений от него в сторону того или другого дополнительного критерия. Дело в том, что по самой сути буквенного, или звукового (в противоположность иероглифическому), письма подбор букв в словонаписании неизбежно будет связан, в той или другой мере, со звуковым составом слов и ни одна из письменностей данного (т. е. буквенного, или звукового) типа — даже такая письменность, как английская (максимально уклоняющаяся от чисто фонетического принципа — в сторону второго, т. е. историко-этимологического принципа), не является полностью независимой от звукового состава изображаемых в данных написаниях слов. Полной противоположностью фонетическому принципу словонаписаний является, конечно, принцип семантический, заведомо основывающийся не на звуковом составе, а на значении слова, но об этом принципе нам здесь не придется говорить, так как он ложится в основу письменностей не нашего (буквенного, или звукового), а идеографического или иероглифического типа¹.

Печатается по изданию: *Поливанов Е. Д.* О трех принципах построения орфографии // Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1968. С. 254–262. Впервые опубликовано в сборнике: Вопросы орфографии дунганского языка. Фрунзе: Киргизгосиздат, 1937. С. 59–71.

¹ Правда, даже и в таких — заведомо идеографических, или иероглифических (т. е. базирующихся на семантическом принципе) — письменностях, как китайская,

Следующий принцип, с которым нам приходится встречаться в конкретных письменностях нашего (т. е. буквенного, или звукового) типа — притом именно как с частным ограничением фонетичности письма, — это историко-этимологический принцип.

2. Историко-этимологический принцип, или так называемый принцип исторической орфографии.

В виде общей нормы письмо оказывается более консервативным, чем язык; и потому в процессах развития письмо сплошь и рядом «запаздывает», т. е. продолжает употреблять уже устаревшие, с точки зрения современной живой речи, написания. Пример: название месяца август во французском пишется, хотя и не в латинской форме *augustus*, но в той форме, которая соответствует старофранцузскому произношению [au:t]² именно в виде *août*; но современное французское произношение еще дальше сократило этот комплекс [au:t], превратив его в один звук [u]³; в результате одному (и притом краткому) гласному звуку [u], который по нормам французской графики следовало бы изобразить двумя буквами, благодаря «запаздыванию» орфографии, соответствует традиционное написание *août* — из четырех букв.

Такие уклонения устаревших традиционных словонаписаний от современного произношения и являются обнаружениями историко-этимологического (или — можно просто сказать — исторического, или же исторически-традиционного) принципа орфографии.

Вполне естественно, что наиболее отклоняющимися от фонетического принципа в сторону историко-этимологического (исторического) принципа оказываются именно те из западноевропейских письменностей, за которыми числится длинный ряд веков существования: напри-

---

можно проследить и известные моменты фонетичности (в широком смысле, т. е. зависимости начертания от звукового состава слова); это, конечно, — общеизвестное для всех китаистов явление, и для пояснения его достаточно будет одного примера: китайская основа со значением «камп» произносится в виде *li*, т. е. сходство со словом *li* 'верста'; и вот поэтому иероглиф «камп» составляется из двух частей: 1) иероглифа «рыба» (представляющего собою эволюционировавший в течение ряда веков рисунок рыбы) и 2) иероглифа «верста». Но это лишь подтверждает ту, давно известную истину, что в реально существующих явлениях культуры, как и явлениях природы, сплошь и рядом совмещаются (и ведут взаимную борьбу) диаметрально противоположные начала. Можно, ведь, указать и на обратное совмещение: на то, что в наших письменностях — например русской и др. — имеются некоторые единичные идеограммы, или иероглифы: это, например, цифры 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 0 или I, II, III, IV, V и т. д., или знаки §, № и т. п.

² В котором, следовательно, из восьми звуков латинского слова (*augustus* или в винительном *augustum*) уцелело лишь три: *augustum* > *agusto* > *aust* (ср. предшествующее нынешнему написание *aoust*) > *au:t* (ср. нынешнее написание *août*).

³ Звуки *a* и *t* перестали произноситься, а долгий гласный *u*: подвергся сокращению в *u*.

мер, английская, французская⁴. Наоборот, в относительно молодых европейских письменностях, примерами которых могут служить финская и эстонская, еще не успели образоваться более или менее значительные «отставания» письма от устной речи, т. е. признаки исторической (обнаруживающей в себе второй историко-этимологический принцип) орфографии.

Правда, мне могут сделать вполне резонное указание на то, что ведь возможно путем организованно проводимых реформ освободиться от «запаздываний» орфографии, приближая ее к состоянию современной живой речи, как это было сделано в 17-м году со старой русской орфографией. Но здесь надо поставить на вид два обстоятельства:

1) строго говоря, только в Советском Союзе — впервые в мире — систематически проводится в жизнь организованное управление национальными орфографиями. В Западной же Европе, а тем более в остальных частях света эволюция письма носила и продолжает носить стихийный характер; те отдельные случаи организованных реформ (вроде, например, столетие тому назад проведенной Вуком Караджичем реформы сербского письма), которые имели место в западноевропейской истории письма, являются лишь крупными, буквально тонущими в общем потоке неплановых и неорганизованных сдвигов;

2) проведение или непроведение орфографической реформы зависит прежде всего от интересов господствующих классов данного государственного и национального организма: если интересам пролетариата соответствует максимальная рационализация орфографии⁵, то интересам буржуазии и буржуазной интеллигенции отвечает, наоборот, сохранение обусловленных историко-этимологическим принципом трудностей орфографии. Это отлично подтверждается, между прочим, той полемикой, которая создалась в 1917 г. по поводу проекта новой русской орфографии. Кроме большевистской прессы, лишь одна газета — именно газета Максима Горького «Новая жизнь» — выступила в защиту реформы, т. е. упрощения орфографии (напечатав, в частности, мою статью на эту тему). Вся остальная — буржуазная — пресса 1917 года или с язвительной усмешкой или с пеной у рта встретила проект реформы; и этим выражена была, конечно, именно классовая точка зрения. Для буржуазии

---

⁴ Одним хронологическим моментом, однако, причины накопления историко-этимологических черт в орфографии, понятно, не исчерпываются (в этом отношении интересно, например, проследить разницу между английской и французской орфографиями). Но останавливаться на относящихся сюда факторах в настоящей заметке у меня нет возможности.

⁵ Оговорюсь, что в настоящей заметке я позволю себе употреблять слово «орфография» в широком смысле, понимая под ней и графику (т. е. нормальные звукообозначительные функции букв), и орфографию в узком смысле (т. е. правила написаний отдельных слов или категорий слов).

нужна именно не легкая, а трудная орфография — как препятствие на пути трудящихся классов к овладению книжной культурой, во-первых, и как лишний признак собственной привилегированности, во-вторых: знание правил о букве «ять» играло в этом отношении такую же роль, как и крахмальный воротничок на шее буржуазного интеллигента, ибо для него ценен был всякий противопологающий его рабочему и крестьянину признак.

Таким образом, вопрос осуществления всякой направленной к упрощению письма реформы прежде всего зависит от того, какому классу принадлежит политическая власть и гегемония книжной культуры в данной стране. Именно этим, главным образом, обстоятельством и объясняется, между прочим, то, что и в Японии и в Китае до сих пор пишут труднейшим в мире иероглифическим письмом (требующим для усвоения во много раз больше школьного труда, чем даже труднейшая из буквенных — английская орфография): ведь проекты замены японской и китайской иероглифики уже разработаны, и, казалось бы, отчего не реализовать эти проекты в массовом общенациональном масштабе? Но это будет сделано лишь тогда, когда в Японии и в Китае будут свои Октябрьские революции.

3. Третий принцип организации орфографии — принцип, который проф. Л. В. Щерба называл (и не без оснований) этимологическим (не смешивать со вторым — историко-этимологическим, или историческим!) и который в настоящее время принято называть морфологическим. Состоит он в допущении известных отступлений от фонетического критерия словонаписаний в сторону требования, чтобы тождественные в морфологическом отношении элементы различных слов писались одинаково, несмотря на их фонетические чередования. Для пояснения приведем: 1) пример из современной русской орфографии (способной фигурировать в качестве образца применения данного — третьего, т. е. морфологического принципа) и 2) пример из киргизского языка — в виде основывающегося на данном третьем принципе проблематического варианта к существующей ныне и базирующейся, в общем, на первом — фонетическом — принципе киргизской орфографии.

1) Приставка *с-* допускает в русском языке следующие фонетические чередования: *с-*(*сравнить*), *з-*(*сгореть*), *ш-*(*сшить* — читать как [шшить]), *ж-*(*сжечь* — читать как [жжеч])⁶; однако, несмотря на эти различные произношения данной приставки, пишется она во всех случаях одинаково. Подобное же применение третьего принципа усматривается в русском письме и в области вокализма (т. е. в изображении гласных): например, гласные буквы *о* в суффиксе *-ого* (первая, а с другой стороны,

---

⁶ Не говорю уже о чередованиях в сторону «мягкости» (или «полумякости»): например в *сделать* — читать как [зделать] и т. п.

также и вторая) пишутся не только в таких случаях, как *большого* или — с другой стороны — *того*, но и в *доброто*, *перво*, *это* и т. п., где благодаря отсутствию ударения на суффиксальных слогах гласные суффикса произносятся как *a*⁷. Иначе говоря, следуя фонетическому (первому) принципу⁸, следовало бы писать *добрава*, *первава*, *этава* и т. п.; русская же орфография, преследуя в данном случае единообразное написание морфологически-тождественной морфемы (суффикса) в разных словах (именно написание его) сохраняет буквы *о* и в неударенных слогах: *доброто*, *перво*, *это* и т. д. Сравните то же явление в корневых морфемах, например в *вода* (вместо *вада*) сохраняется тот же вокализм (буква *о*) написания основы, что и в *воды*, *вод* (добавим, что в этом последнем примере — *вод* вместо *вот* — уцелевает буква *д* — все в силу той же тенденции к единообразному написанию морфологически-тождественной морфемы — в данном случае корневой морфемы *вод* — в разных словах). Добавлю, что, признавая «морфологический», или «этимологический» (т. е. соответствующий принципу третьему), характер русской орфографии, в нем можно отметить и частичные отступления в сторону первого (фонетического) принципа, например в написании приставок *из-//ис-*, *воз-//вос-*, *низ-//нис-*, *раз-//рас-*, *без-//бес-*; *ч(е)рез-//черес-*; и моменты второго, т. е. историко-этимологического, или исторического, принципа, например в таком «церковнославянизме», как употребление буквы *г* в вышеупомянутом суффиксе *-ого*)⁹.

2) Перейду к примеру киргизского языка. В нынешней киргизской орфографии (способной рассматриваться как образец применения первого, т. е. фонетического, принципа) суффикс прошедшего времени (*etiŋtin ötkön saçıyn qoŋumcaŋ*) имеет следующие формы: *-dъ//-tъ*, *-di//-ti*, *-du//-tu*, *-dy//-ty*, например: *qaldъ//ajtdъ//keldi//icti//boldu//kordy* и т. д. Применяя же третий, т. е. морфологический, или этимологический, принцип, можно было бы сделать следующие упрощения, т. е. сокращения числа графических вариантов данного суффикса:

а) *-dъ*, *-di*, *-du*, *-dy* (т. е. ликвидируя написания с *t*): *qoldъ*, *ajtdъ*, *icdi* и т. д.;

⁷ Точнее — в виде субститутов фонемы *a*, соответствующих данному уровню неударенности.

⁸ Состоящему, конечно, не в том, чтобы обозначались все позиционные (resp. комбинаторные) варианты (субституты) фонемы, а лишь в том, чтобы правильно обозначались сами фонемы данного комплекса. (Эта оговорка естественно подразумевается, когда мы говорим о первом — фонетическом — принципе практического письма; в противном случае, т. е. если бы графика включала в себя и значение позиционных (resp. комбинаторных) вариантов фонем, она была бы уже не письмом, годным для практических целей, а научной фонетической транскрипцией).

⁹ Где *г* употребляется с древнейших этапов русской письменности, находившейся под сильнейшим церковнославянским влиянием.

б) иды дальше и ликвидируя (в письме лишь, конечно!) чередование губного сингармонизма, — *dy, di: qaldy, ajtdy, boldy, icdi, kordi* и т. д.;

в) и наконец, доходя до максимального упрощения — *di: qaldi, ajtdi, icdi, boldi, kordi, ajtadi* и т. д.

Примечание. Конечно, каждое из этих упрощений может быть рациональным только при соответствующих же изменениях в отношении орфографии других суффиксов (и спряжения, и склонения, и т. д.). Добавлю, что, приводя эти проблематические упрощения лишь в качестве примера возможного варианта киргизской орфографии, я вовсе не настаиваю на абсолютной необходимости реформы в данном направлении в настоящее время.

Какой же или какие же из этих принципов могут считаться приемлемыми для советского литературно-языкового строительства, которое стремится, конечно, к подлинной демократизации книжной культуры и, значит, заинтересована в выработке наилегчайших орфографических систем, способных максимально облегчить дело ликбеза и школьную работу по изучению письма?

Ответ на это сводится к следующему: принцип второй — исторический, или историко-этимологический, как бесполезно затрудняющий процесс обучения чтению — письму, нужно считать неприемлемым. Орфографии советских народностей должны базироваться на всесторонне обдуманном комбинировании первого (фонетического) и третьего (морфологического, или по Л. В. Щербе — этимологического) принципа. В отношении каждого отдельного пункта следует взвешивать — какой из данных двух принципов оказывается более выгодным в педагогическом отношении.

Дело в том, что в ряде определенных случаев применение третьего морфологического, или, по Л. В. Щербе, этимологического, принципа дает упрощение (а значит, и облегчение) орфографии, тогда как в других, строго определенных случаях упрощение достигается, наоборот, соблюдением первого — фонетического — принципа.

Если, например, известное сокращение числа графических дублетов для фонетических¹⁰ альтернатив (чередований) киргизских суффиксов (по принципу третьему) дает облегчение правил орфографии, то в области дунганского, например, языка можно указать на обратный случай — когда упрощение орфографии будет достигаться, наоборот, внесением фонетической (основывающейся на первом принципе) поправки в напи-

---

¹⁰ Не надо забывать, что речь здесь может идти лишь о фонетических альтернативах (зависящих от наличных в настоящее время законов данной фонологической системы; например, в роде таких альтернатив, как *c-//ш/ж-* в *сломать, сшить, сжечь*), но не об исторических (сложившихся в условиях давно изжитой фонологической системы) альтернативах морфем (вроде *c-/co-* в *сломать, сотворить* и т. д.).

сания, организовывавшиеся доньше по третьему, т. е. морфологическому, или этимологическому, методу: именно в написаниях слогов, заканчивающихся уменьшительным суффиксом Ц, сведение всех относящихся сюда слогонаписаний к относительно небольшому числу действительно произносимых слогов с конечным Ц, конечно, только облегчит процесс практического применения данных написаний пишущим на родном языке дунганином. И на весах методико-педагогической оценки выбор между принципами первым и третьим в каждом отдельном конкретном пункте вырабатываемой орфографической системы и составляет, собственно, основную типовую задачу каждого строительства орфографии в советских условиях.

Остается сказать несколько слов о терминах, т. е. названиях вышеупомянутых принципов первого, второго, третьего.

Если условное наименование первого принципа «фонетический» (вместо «чисто фонетический») не вызывает сомнений (поскольку подразумевается уже сделанная мною выше оговорка о том, что в известных пределах всякое буквенное письмо есть письмо фонетическое), как и наименования «историко-этимологический принцип (орфографии)», гесп. «исторический принцип (орфографии)», то относительно наименований третьего принципа может создаться целая дискуссия. Так или иначе надо признать, что за ним (за принципом третьим) закрепляется термин «морфологический принцип»; и с этим вполне можно согласиться, хотя для полноты я позволю себе все-таки упомянуть о том упрощенчески неверном понимании, которое фактически возникло у некоторых товарищей именно в связи с данным названием: «морфологический принцип». Дело в том, что благодаря выстроившимся в ряде названиям «фонетический» (1), «морфологический» (3), а также и «этимологический» — вместо «историко-этимологический» (2), — некоторым казалось, что данные принципы представляют собой нечто механически производное от трех разделов описания языка или «грамматики»: фонетики, морфологии и некой «этимологии»¹¹. И вот возникает естественная мысль: нельзя ли изобрести подобным же образом и другие еще принципы — от остальных названий разделов «грамматики» и лингвистических дисциплин; например: «синтаксический», «семантический» и т. д.?!

Сказано — сделано! И вот принципы эти действительно «изобретаются». Но то, что под ними имеется в виду, это вовсе не особый принцип орфографии (который можно было бы противополжить принципам 1, 2, 3), это только попытка формулировать правило деления речи на письменные слова. Достаточно указать, что предложенный в качестве основы

---

¹¹ Что понималось при этом под «этимологией» (этимология в старом школьном словоупотреблении или современном научном значении этого слова?), в данном случае нельзя установить.

для дунганского письма «семантический принцип» не посягает, оказывается, ни на одну из букв в написаниях дунганских слов (т.е. никаких изменений букв ни в одном из слов не предполагает вносить), ограничиваясь лишь вопросами словораздела (например, вроде того, нужно ли писать *njan fw* или же *njanfw*? и т.п.); да и то, даже в этой узкой области, никаких более или менее крупных новшеств не вносит, а лишь хочет мотивировать (в формулировке правила) принятый в дунганском письме способ словораздела¹².

На самом деле существует и семантический (уже без кавычек), существует — если хотите — и синтаксический принцип письма, но они лежат уже за пределами буквенного (звукового) письма, т.е. на них основываются письменности, совершенно отличные от письменностей нашего типа; так на семантическом принципе основываются идеографические, т.е. иероглифические, письменности, например китайская, древнейшая египетская и т.д.; а понятие синтаксического принципа, при желании, можно, например, отнести к той архаической стадии китайской иероглифики, которая занимает промежуточное положение между пиктографией и нормальной иероглификой, — той стадии, на которой письменное (идеографическое) выражение получали не все, а лишь отборные (в зависимости от их синтаксической и логической функции) члены предложения (слова).

Таким образом, изобретательство оригинальных мнимых принципов, например «семантического» или «синтаксического» принципа буквенного письма, ничего, кроме путаницы, в теорию орфографического строительства не вносит. Что же касается правил словораздела, то, конечно, в их вариациях без особого труда могут быть усмотрены моменты как первого, так и второго и третьего принципов (ср., например, с одной стороны, чисто фонетические правила словораздела в классическом¹³ санскрите, традиционные исторические¹⁴ словоразделы современной французской орфографии, и с другой — словоразделы дунганской орфографии).

Итак, с вышеприведенной оговоркой можно условиться о применении следующих наименований для принципов организации орфографии в буквенных (звуковых) системах письма:

- 1) фонетический принцип;
- 2) исторический, или историко-этимологический принцип;

---

¹² Мотивировка эта сводится, впрочем, лишь к такому общему и давным-давно известному предложению: комплекс, выражающий одно понятие, пишется слитно.

¹³ Да и ведаическом, конечно.

¹⁴ Т.е. идущие из латинского еще письма.

3) морфологический принцип, причем, следовательно, простое выражение «этимологический» — во избежание недоразумений — устраняется вовсе.

Теперь в виде исторической справки я позволю себе сказать пару слов о том, на каких соображениях основывался проф. Л. В. Щерба, давая третьему (морфологическому) принципу имя «этимологический принцип». Конечно, здесь имелось в виду то, что единообразие написания морфемы (корневой или суффиксальной и т. д.) возвращает к этимологическому (генетическому) единству этой морфемы, ибо ясно, что чередующиеся варианты, например, *ь, и, у* у киргизского суффикса 3-го лица в *qьzь, goli, øzu* являются более поздними дериватами некогда единой в звуковом отношении морфемы (для данного суффикса 3-го лица *-i*, которое когда-то было самостоятельным словом: местоимением 3-го лица)¹⁵.

---

¹⁵ Об этом примере я упоминал в статье о принадлежности корейского языка к «алтайским» в «Известиях Академии наук». Об этом суффиксе писал и проф. Н. Н. Поппе.

Л. Р. Зиндер

ТИПЫ ПИСЬМА

В зависимости от того, что является объектом графического знака (нерасчлененное речение, слово, слог, отдельная фонема), различают возможные типы письма. Речь идет о непосредственном объекте, так как конечная цель у всякого письма одна и та же: будучи средством оптического выражения речи, письмо во всех его формах служит для выполнения коммуникативной функции языка, т. е. для передачи сообщения в его содержательном аспекте. Эта цель непосредственно отражена в древнейшем типе письма, которое может быть названо идеографическим, или семасиографическим,¹ и которое передает только содержание сообщения, минуя его звуковую сторону. В специальной литературе возникновение и развитие письма часто рассматривается вне связи этой проблемы с эволюцией языкового строя. Вместе с тем такая связь несомненно существует. Надо думать, что идеография или семасиография должна была сохраняться по крайней мере до того этапа развития языка, когда его звуковая сторона приобрела автономность. Естественно, что пока нерасчлененный звуковой комплекс был однозначно связан с соответствующим «смыслом», только передача этого «смысла» без учета его выражения в речи была целью первоначальной стадии развития письма. Эту стадию полностью отражает идеография, приспособленная только к передаче содержания.

Печатается с разрешения В. Л. Зиндера по первой публикации: *Зиндер Л. Р. Типы письма // Зиндер Л. Р. Очерк общей теории письма. Гл. 3. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1987. С. 44–53.*

¹ Термины «идеография» («идеографический») и «семасиография» («семасиографический») употребляются в настоящей книге как абсолютные синонимы и имеют более широкое значение, чем у И. Е. Гельба; они призваны подчеркнуть, что обозначаемое ими письмо отражает только смысловую сторону. Этому по своей внутренней форме лучше отвечает термин «семасиография» («семасиографический»), который и будет предпочтительно употребляться ниже.

Древнейшая ступень развития семасиографии соответствует хронологически и типологически такой стадии развития языка, когда речение не разлагалось на отдельные элементы. Как справедливо писал Й. Фридрих: «Даже осмысление отдельного слова как самостоятельного элемента речи является нелегким делом для человека с примитивным мышлением».² Д. В. Бубрих говорил, что на начальной стадии развития языка³ речение представляло собой описание события как некоего целого, когда действие мыслится как неотделимое от действующего; оно было «одночленным» не только в щербовском смысле,⁴ но и по способу номинации. Первоначально выражение типа *Летит птица* было невозможно; по Бубриху, ему соответствовало в первобытной речи единое звуковое целое, одновременно соответствующее функционально слову и предложению современных языков; приблизительно его можно передать как *птицелетание*.

Первоначальный вид семасиографического письма называется в книгах по истории письма рисунчатым письмом или пиктографией. Примеры его засвидетельствованы у некоторых племен североамериканских индейцев.⁵ Пиктография, передающая содержание сообщения суммарно, а не через отдельные языковые единицы — предложения, слова, по праву может считаться древнейшим типом письма. Прав Ч. Лоукотка, говоривший, что бирки, узлы и т. п., существовавшие до рисунков и встречающиеся сейчас у разных племен Азии и Африки, — это еще не письмо. «То, — пишет он, — что мы относим к мнемонической ступени развития письма, в действительности еще не письмо, это лишь подготовительная ступень, первый шаг на далеком и трудном пути <...> Письмо начинается с рисунков, которые своей традиционной формой подсказывают логическое содержание сообщений и всегда однозначны, что устраняет возможность ошибок».⁶

Говоря о том, какую оптическую форму следует считать подлинным письмом, нельзя не вспомнить рассуждения Гумбольдта по этому поводу. Он писал: «Ибо подлинным письмом можно назвать только то, которое передает определенные слова в определенной последовательности, что возможно и без букв посредством знаков для понятий и даже посредством рисунков. Напротив, если письмом в самом широком смысле на-

---

² Фридрих Й. История письма. М., 1979. С. 45.

³ Бубрих Д. В. О возникновении подлежащно-сказуемого предложения // Вестник Ленингр. гос. ун-та. 1947. № 5. С. 77–87.

⁴ Зиндер Л. Р., Маслов Ю. С. Л. В. Щерба — лингвист-теоретик и педагог. Л., 1982. С. 73–75.

⁵ Пиктография как техника письма может по традиции сохраняться достаточно долго, а отдельные элементы ее, как будет показано дальше, встречаются и в высоко развитых языках.

⁶ Лоукотка Ч. Развитие письма. М., 1950. С. 20.

зывают всякое сообщение мысли, происходящее через звуки, т. е. при котором пишущий думает словами и которое читающий переводит в слова, если и не те же самые (условие, без которого не было бы никакой границы между рисунком и письмом), то между этими двумя крайними точками лежит широкое пространство разных степеней совершенства письма. Последнее зависит от того, насколько использование и свойство знаков более или менее привязано к определенным словам или хотя бы мыслям и вместе с этим насколько дешифровка приближается более или менее к подлинному прочтению».⁷

Более поздним считает начало письма И. М. Дьяконов, который и пиктографии отказывает в праве называться письмом. Он пишет: «Настоящее письмо возникает только там, где фиксируется именно речь, где каждое слово в речи и все грамматические отношения между словами находят свое воспроизведение в начертательных знаках и, таким образом, воспроизводится не только общий смысл сообщения, но и его словесное содержание».⁸

Безоговорочно принять точку зрения И. М. Дьяконова нельзя — и вот по каким соображениям. Ситуация, при которой человек оказывается вынужденным прибегнуть к пиктографии, совпадает с той, когда он вынужден обращаться к любому виду письма. Это, как указывалось выше,⁹ ситуация, когда воспользоваться устной формой речи невозможно по тем или иным причинам. Кроме того, и речь тех времен, как говорилось выше, едва ли отличалась строгой организованностью. Вместе с тем И. М. Дьяконов прав в том отношении, что в рисуночном письме передается некая идея вне конкретного речевого оформления, каким бы примитивным это оформление ни было.

Иной точки зрения придерживается В. А. Истрин, который без достаточного основания называет пиктографию фразографическим письмом. Рисунку, выполняющему функцию письма, вовсе не соответствует какое-нибудь определенное речевое произведение. Проиллюстрировать это можно на примере, взятом из нашей сегодняшней жизни. Если мы на вывеске или в витрине магазина видим изображение мяча и майки, мы можем «прочитать» это так: «Спорттовары», или «Магазин спорттоваров», или «Продажа спорттоваров», или «Здесь продаются спортивные товары», и т. п. Такие «прочтения» возможны, но, как правило, мы таких рисунков и не читаем вовсе; да они и не являются записью каких-либо языковых единиц. Для древних эпох это тем более справедливо. Приведем

---

⁷ Humboldt W. Über die Buchstabenschrift und ihren Zusammenhang mit dem Sprachbau // Abhandlungen der Königlich Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Berlin, 1826. S. 161.

⁸ Дьяконов И. М. О письменности // Дирингер Д. Алфавит. М., 1963. С. 9.

⁹ См.: Зиндер Л. Р. Звуковой язык и письменный язык // Зиндер Л. Р. Очерк общей теории письма. Гл. 2. С. 43. — *Примеч. сост.*

подобный пример, Л. В. Щерба делает следующий вывод: «Конечно, и при пиктографии какая-то фраза или фразы устного языка преподносились¹⁰ сознанию пишущего. Однако есть все основания думать, что письмо в данном случае не являлось результатом систематического анализа конкретных фраз устного языка на те или другие элементарные части (например, слова)».¹¹ Можно сказать, что пиктография не передает речь, а замещает ее.

Считая рисуночное письмо фразографией, В. А. Истрин вносит его в свою классификацию типов письма, которую стремится построить на собственно лингвистических основаниях. Уже в его определении письма предсказан принцип этой классификации. В этом определении имеются такие слова: письмо — это «средство общения <...> осуществляемое при помощи начертательных знаков или изображений, передающих, как правило, те или иные элементы речи — отдельные простейшие сообщения, слова, морфемы, слоги или звуки».¹² Соответственно В. А. Истрин различает фразографию,¹³ логографию, морфемографию, силлабографию, фонографию. Такое соположение типов письма с единицами языка представляется слишком прямолинейным. Как мы видели, в случае фразографии оно не оправдывает себя. Если исходить не из техники письма — рисунок, буква и т. п. (в чем можно согласиться с В. А. Истриным), то важно только, передает ли письмо непосредственно план содержания языковых единиц, или же оно отражает план выражения языковых единиц, их звуковую сторону. При таком подходе достаточно различать два основных типа письма: семасиографическое, ориентированное на план содержания, и фонографическое, ориентированное на план выражения. Каждый из этих типов не вполне однороден, что позволяет в каждом из них различать особые подтипы.

Один из подтипов идеографического письма — пиктографию — ввиду его особого характера мы только что обсудили. Остановимся на другом подтипе — иероглифическом, или логографическом, письме. Оно сходно с пиктографическим в том, что никак не отражает плана выражения, но отличается от него тем, что соотносится с планом содержания соответствующей языковой единицы, с выражаемым ею понятием. Иероглиф **☀**, например, обозначает понятие «солнце» и соответствующее этому понятию слово, но указаний на то, как это слово произносится,

---

¹⁰ В источниках главы Зиндера и цитаты Щербы (см. примеч. 9): предносились; исправлено по первой публикации: *Щерба Л. В.* Избр. работы по русскому языку / подбор текстов, ред., сост. примеч. М. И. Матусевич. М.: Учпедгиз, 1957. С. 144. — *Примеч. сост.*

¹¹ *Щерба Л. В.* Теория русского письма. Л., 1983. С. 7–8.

¹² *Истрин В. А.* Возникновение и развитие письма. М., 1959. С. 13.

¹³ О фразографии писал и И. Е. Гельб, но он имел при этом в виду не обычное письмо, а стенографию (см.: *Гельб И. Е.* Опыт изучения письма. М., 1982. С. 25).

иероглиф не содержит.¹⁴ Он в равной степени понятен и китайцу, и корейцу, и японцу, а читает (озвучивает) его каждый так, как звучит это слово в родном ему языке. Если какой-нибудь иероглиф или же обозначающее им слово-понятие неизвестно данному индивидууму, он не сможет прочесть его не только в том смысле, что не воспроизведет его звуковой облик, но и не воспримет его как некое понятие.

Иероглифика обязана своим возникновением такому этапу развития языка, когда слово было еще лингвистически неразложимым, но уже вычленилось в речи как самостоятельная единица. Иероглифическое письмо могло сохраняться по традиции и в таких языках, в которых неразложимость слова не является его обязательным свойством.

Семасиографическому письму противопоставляется фонографическое, которое, как и всякое письмо (о чем уже говорилось выше), имеет функцией передачу сообщения, т. е. какой-то мысли, какого-то содержания. Однако непосредственно в таком письме передается план выражения, звуковая сторона значимых языковых единиц (слов, морфем). Непосредственным объектом графического знака при этом является наименьшая фонологическая единица данного языка.¹⁵

Фонографическое письмо всегда позволяет прочесть, т. е. «озвучить» написанное слово без того, чтобы читающий понимал это слово или даже знал о его существовании. В этом убеждается каждый рядовой читатель газет и журналов, в которых очень часто встречаются незнакомые широкой публике, понятные в основном только специалистам новые термины и наименования, такие, например, как *нейтрино*, *пармезан* и т. п.

Фонографическое письмо допускает омографию омонимичных или квазиомонимичных (ср. *дома* /'doma/ и /da'ma/) слов, в которых за одинаковым написанием скрыты разные содержания. Всякий носитель русского языка, увидев написанное слово *ключ*, без колебаний прочтет его, сказать же (разумеется, вне контекста), имеется ли в виду «родник» или «инструмент для запираения и отпираения замка», он не сможет. С точки зрения человека, знающего только идеографическое письмо, такая ситуация исключается: омографичный иероглиф вне контекста прочесть с уверенностью невозможно.

О причине возникновения фонографического письма И. Е. Гельб пишет: «Потребность в адекватной передаче имен собственных привела в конце концов к развитию фонетизации».¹⁶ Эту гипотезу И. М. Дьяконов подверг справедливой критике,¹⁷ к которой следует добавить, что сла-

---

¹⁴ Здесь имеется в виду самый принцип, а не какая-нибудь конкретная иероглифическая письменность.

¹⁵ *Селезнева Л. Б.* Современное русское письмо: Системный анализ. Томск, 1981. С. 18–19.

¹⁶ *Гельб И. Е.* Указ. соч. С. 73.

¹⁷ См. комментарий: Там же. С. 295–296.

бость ее заключается еще и в том, что она не учитывает связи эволюции письма с эволюцией языка. Фонографическое письмо не могло возникнуть ранее той стадии развития языка, когда возникает членимость слова на слог и звуки. Интересно вспомнить в этой связи слова Л. В. Щербы, сказанные им по поводу так называемых «диффузных звуков»: «Совершенно естественно думать, что на заре человеческой речи несколько внеязыковых звуковых жестов человека, начинавших употребляться с речевыми намерениями, были сложными артикуляциями <...> и при своей малочисленности не образовывали системы по своим сходствам и различиям друг с другом, а потому, не разлагаясь на звуковые элементы, противопоставались друг другу целиком и являлись, таким образом, „словозвуками“, если можно так выразиться».¹⁸

Пам'ятаючи о том, что всякое письмо есть продукт сознательной деятельности человека, мы с необходимостью должны признать, что фонография могла возникнуть только тогда, когда элементы звуковой стороны языка стали осознаваться как единицы, в известном смысле отделенные от смысловой стороны языковых единиц. Это могло произойти, конечно, только тогда, когда они приобрели автономность в системе языка и когда появился повод членить план выражения языковых единиц на кратчайшие лишённые смысла звуковые единицы.

Возможность существования фонографического письма заложена в автономности звуковой стороны языка, связанной в конечном счете со свойством произвольности языковых единиц.¹⁹ Именно отсутствие внутренней, естественной связи между означающим и означаемым, наличие лишь исторически сложившейся традиционной связи между ними создает условия для обособления звуковой стороны языка в до известной степени автономную систему.

Автономность звуковой системы, которую оспаривают представители генеративной фонологии, доказывается многими наблюдениями. Это, во-первых, то, что человек без труда узнает как нечто знакомое изолированно произнесенную фонему его родного языка в ее основном аллофоне. Во-вторых, услышав омонимичное слово, например /bal/, носитель русского языка без труда узнает его звуковой облик, если и не знает, имеется ли в виду *бал* или *балл*. В-третьих, когда учитель учит детей буквам

---

¹⁸ Щерба Л. В. О «диффузных звуках» // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 149.

¹⁹ В последнее время в языковедении раздаются голоса, отрицающие свойство произвольности, причем в это понятие вкладывается совсем иной смысл, чем следует. Произвольность означает не более того, что звуковой облик слова не определяется его значением, а связан с ним по традиции, поэтому, услышав слово на незнакомом языке, невозможно догадаться о том, что оно значит. Непременность этого факта абсолютно неопровержима. (См.: Зиндер Л. Р. Условность и мотивированность языкового знака // Фонетика. Фонология. Грамматика. М., 1971. С. 346.)

и говорит: /a/ пишется так-то, а /o/ так-то, — то дети понимают его. Значит, /a/ и /o/ в их звучании уже существуют в сознании детей. Наконец, сам факт изобретения фонографического письма говорит об осознании человеком звуковой стороны слов, существующей как бы отдельно от смысловой.

Первой ступенью фонетической сегментации слова было членение на слоги, которые стали представлять минимальную звуковую единицу, связанную со смыслом. Это справедливо, по-видимому, для большинства языков, даже для тех, в которых такая стадия развития и не засвидетельствована. К таким языкам относятся и индоевропейские, поскольку, согласно заслуживающей доверия новой теории, в праиндоевропейском языке был только один гласный.²⁰ О такой ситуации Л. В. Щерба писал еще в «Русских гласных»: «Можно себе представить язык, в котором все слоги открытые и состоят из одного какого-либо согласного и гласного *a*, в таком языке фонемами будут *sa, ka, ta, ša* и т. д. — а не будет отделяться сознанием. В известном отношении к подобному состоянию, по-видимому, приближался древнеяпонский язык, что и отразилось на японском алфавите».²¹

В соответствии с тем, что первой автономной единицей плана выражения (т. е. звуковой единицей) был слог, первым видом фонографии в истории письма было слоговое письмо — силлабография.

Дальнейшее фонетическое членение, ведущее к разделению слога, явилось и является следствием развития морфологической системы языков, при котором граница между морфемами может проходить внутри слога.²² Кратчайшей звуковой единицей, потенциально связанной со смыслом, становится фонема, что в свою очередь ведет к созданию нового вида фонографии. Этот вид фонографии точнее было бы назвать, как это предлагают некоторые исследователи, фонемографией, потому что объектом знака письма в этом случае является не звук как артикуляторно-акустическая величина, а языковая единица — фонема, единственно осознаваемая, как правило, носителями языка. В дальнейшем, однако, мы будем пользоваться в этой книге термином фонография как более простым.

Разные типы письма, в ходе истории сменявшие друг друга, могут существовать и практически сосуществуют в одной графической системе одновременно. Об этом отчасти уже шла речь (см. с. 49) и более под-

---

²⁰ Тронский И. М. Общепиндоевропейское языковое состояние. Л., 1967.

²¹ Щерба Л. В. Русские гласные в качественном и количественном отношении. Л., 1983. С. 8, сноска.

²² В настоящее время основным признаком, отличающим «слоговые языки» от неслоговых, считается невозможность существования морфем, которые были бы меньше слога, и невозможность морфемной границы внутри слога. См.: Касевич В. Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М., 1983. С. 118–121.

робно будет идти ниже (см. с. 70–71²³). В заключение уместно привести следующую классификационную схему.²⁴

Типы письма

I. Семасиография, или идеография (ориентирована на план содержания)	II. Фонография (ориентирована на план выражения)

Подтипы письма

A. Пиктография (ориентирована на общий смысл сообщения)	A. Силлабография (слог — объект графического знака)
B. Иероглифика, или логография* (ориентирована на слово)	B. Фонемография (объект графического знака — фонема)

* В источнике: Логография. — *Примеч. сост.*

---

²³ «К наиболее широко распространенным во всех языках мира немотивированным логограммам (иероглифам) (см. с. 48) относятся цифры, которые по отдельности или в сочетаниях передают соответствующее числительное. При этом необходимо напомнить, что в сочетаниях чтение цифр — слова, которое она замещает, — определяется местом в сочетании. Цифра 2, например, в конце сочетания соответствует в русском языке слову *два*, в немецком — *zwei*, во французском — *deux*, в английском — *two* и т. д. В двучленном же сочетании 21 цифра 2 читается по-русски — *двадцать*, по-немецки — *zwanzig*, по-французски — *vingt*, по-английски — *twenty* и т. д. Любопытно, что порядок чтения цифр не обязательно следует порядку расположения их на письме. Как известно, в немецком 21 читается *einundzwanzig*. Сочетание цифр можно считать в известном смысле особым иероглифом, имеющим особое чтение. Примером этого в тех же языках служат числительные второго десятка; ср. русск. *одиннадцать*, немецк. *elf*, франц. *onze*, англ. *eleven*. <...> Интернациональными логограммами являются и другие математические знаки и символы; таковы широко бытующие и за пределами специальных текстов =, -, +, :, ×, %, а также множество других, применяемых только в математике. Немало немотивированных логограмм встречается в разных науках; ср., например, знаки ♂ ♀ для обозначения особей мужского и женского пола в биологии; знаки ☉ и ☾, обозначающие солнце и комету в астрономии; знак §, встречающийся в любом тексте, и т. д.» (Зиндер Л. Р. Знаки письма // Зиндер Л. Р. Очерк общей теории письма. Гл. 5. С. 70–71). — *Примеч. сост.*

²⁴ В схеме отсутствуют переходные случаи, так как они в чисто типологическом плане должны рассматриваться как совмещение разных типов в системе письма одного языка. Такое совмещение встречается достаточно часто.

[Л. Р. Зиндер]

ВВЕДЕНИЕ В ТЕОРИЮ ПИСЬМА

Огромное значение письменной формы речи для социального прогресса, для развития техники и науки очевидно. Без письменности было бы немислимо то огромное накопление знаний в различных областях проникновения человека в законы природы и общества, которое характеризует современные высокоразвитые народы. Поэтому не будет преувеличением сказать, что создание письма для бесписьменных языков и совершенствование письма старописьменных языков является важнейшей прикладной задачей языковедения.

Требования практики нередко бывают стимулом для возникновения и развития какой-нибудь науки или научного направления. Так случилось и с языковедением, которое возникло как учение о правильном письме. В античности оно и называлось соответственно грамматикой, от греческого слова *υράγραμμα* 'знаки письма, письмена'.

Несмотря на громадный многовековой опыт по созданию письма для многих языков сколько-нибудь развитой общей теории письма не существует до сих пор. Все внимание языковедов было направлено в этой области на историю возникновения и эволюцию письма. Попытки создания общей теории появились только в последние десятилетия.

Каковы же общелингвистические предпосылки такой теории? По словам одного из создателей нового языковедения Вильгельма фон Гумбольдта, «языковые знаки — это обязательно звуки»¹. Специально о роли письма он не писал, но многократно упоминал письмо как средство передачи акустико-звукового облика слова.

Фердинанд де Соссюр образно охарактеризовал значение письма следующими словами: «Язык и письмо суть две различные системы зна-

---

Печатается с разрешения В. Л. Зиндера по первой публикации: [Зиндер Л. Р.] Введение в теорию письма // Прикладное языкознание: учебник / отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. С. 15–25.

¹ Гумбольдт В. фон. Избр. труды по языкознанию М., 1984. С. 302.

ков; единственный смысл второй из них — служить для изображения первой; предметом лингвистики является <...> исключительно звучащее слово. Но графическое слово присваивает себе <...> столько же или даже больше значения, нежели самому этому знаку. Это все равно, как если бы утверждали, будто для ознакомления с человеком полезнее увидеть его фотографию, нежели его лицо»².

В русском языковедении вторичность письма давно считается аксиомой; достаточно сослаться на название книги И. А. Бодуэна де Куртенэ «Об отношении русского письма к русскому языку», вышедшей в свет еще в 1912 г. Из этого названия явствует, что, говоря о языке, мы имеем в виду его звуковую форму.

Очевидность примата языка по отношению к письму вытекает из того, что все люди в детстве сначала неосознанно (спонтанно) овладевают языком, а затем учатся грамоте или же на всю жизнь остаются не знающими письма. Несмотря на все сказанное некоторые лингвисты, искажая истинное положение вещей, утверждают, будто существуют две формы языка (звуковая и оптическая). Письмо же не некая форма существования языка, а лишь оптический код языка, звукового по природе.

В зависимости от того, какая языковая единица является объектом знака письма, различают типы письма. Если таким объектом служит значимая единица языка как некое целое, ее план содержания, то такое письмо называют идеографическим или иероглифическим, а знак такого письма — иероглифом или идеограммой. Письмо, в котором знак имеет своим объектом звуковые единицы (экспоненты значимых единиц), называют звуковым или фонетическим, а знаки такого письма — слоговыми знаками и буквами.

Иероглиф служит знаком для понятия, отраженного в том или ином слове, звуковая же сторона слова в нем совершенно не отражена; так, например, иероглиф, имеющий значение 'дерево', может читаться по-разному в зависимости от того, как слово звучит в данном языке или диалекте.

Своеобразные иероглифы мы имеем в цифрах, в других математических знаках, а также в разных символах, принятых в других науках. Знаки 2, 3, +, -, % и т. п. в тех языках, где они приняты, имеют одно и то же значение, но читаются они по-разному — в зависимости от того, какое слово стоит за ними в данном языке. Цифра 2, например, соответствует русскому *два*, французскому *deux*, английскому *two*, немецкому *zwei* и т. д. Можно сказать, что подобные знаки отличаются от древнеегипетских, китайских и других иероглифов только тем, что они не восходят к рисункам.

Буквы служат знаками для звуковых единиц. Фонетическое письмо отражает только план выражения; поэтому и совершенно незнакомое слово можно прочесть, если известны буквы и графические правила дан-

---

² Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977. С 62–63.

ного языка. Это бывает достаточно часто. Даже при чтении текстов на родном языке нередко встречаются новые, не известные читающему слова; он легко «озвучивает» их, хотя и не понимает.

В большинстве языков мира господствует фонетический тип письма. Знаки иероглифического типа (цифры и т. п.) выполняют вспомогательную функцию, и только в очень специальных текстах они занимают значительное место. Как правило, такие знаки имеют интернациональный характер.

В первые два десятилетия после Октябрьской революции в нашей стране была создана письменность для большого числа бесписьменных языков народов Севера, Сибири, Кавказа и др. Для организации этого дела в начале 20-х годов при Президиуме ВЦИК был создан Центральный комитет нового алфавита, при котором вначале состояла Научная ассоциация, а затем был организован Центральный институт языка и письменности, слившийся в конце 30-х годов с Институтом языка и мышления АН СССР. Также при Президиуме ВЦИК состоял и Комитет нового алфавита народов Севера, тесно связанный с Институтом народов Севера, в котором обучались представители различных народностей Севера и велись интенсивные научные исследования. Активное участие во всем этом принимал Ленинградский университет в лице Л. В. Щербы, его сотрудников и учеников.

К моменту начала деятельности всех этих учреждений в русской науке уже существовала развитая теория фонемы, о которой тогда только начинали говорить на Западе. Знакомство с этой теорией сыграло большую роль при создании алфавитов и правил письма. Благодаря этому письмо создавалось как фонемное, а не просто звуковое. Это значит, что за единицу, подлежащую передаче на письме, следует принять фонему, т. е. единицу, в конечном счете связанную со смыслом, а не звук речи как артикуляторно-акустическое явление, представляющий фонему в соответствующей позиции, т. е. аллофон (вариант) фонемы.

Переходя к краткому изложению общей теории языка, следует сказать, что при создании алфавитов для бесписьменных языков многие лингвисты, к сожалению, были мало знакомы с упомянутой выше книгой И. А. Бодуэна де Куртенэ, а также и с другими его трудами, в которых он защищает положение о том, что учение о письме — это часть фонетики. Прежде чем создавать алфавит для того или иного языка, надо выявить его систему фонем; а для создания орфографии, т. е. правил написания слов соответствующего языка, надо определить, какие фонемы образуют звуковой облик данного слова.

При решении последней задачи необходимо помнить, что в спонтанной речи происходит разнообразная редукция отдельных частей слова, которая ведет если не к полной утрате отдельных фонем, то к так называемой фонетической неопределенности, т. е. к возможности различной

фонемной трактовки редуцированного сегмента. Ярким примером этого могут служить неударенные гласные русского языка; так, последний гласный в слове *сегодня*, которое в фонетической (не фонематической) транскрипции может быть передано как | s'ivod'n'ь |, не обладает четкими характеристиками, позволяющими определить, что это | а |, а не | и | или | е |. Для письменной речи, которая, в отличие от устной, требует максимальной стандартизации, такое решение вопроса невозможно. Кроме того, оно противоречило бы и морфологической системе русского языка, как она представлена в сознании его носителей.

Основываясь на этих соображениях, Л. В. Щерба указывал на необходимость в письменной речи ориентироваться на полный тип произнесения. Следует заметить, что стихийно этому требованию следуют на практике всегда. Полный тип представлен таким произнесением, когда идентификация соответствующей фонемы не вызывает колебаний. Говорящие сознательно прибегают к полному типу тогда, когда они опасаются, что их могут не услышать или не понять. Часто это выражается в посложном произнесении, например: «Я сказал | v'è-če-ram |, а не | n'è-če-va |», или в специальном выделении слога, содержащего соответствующую фонему, например: «|paroda |, а не |ragoda |», и т. п.

Для того чтобы слово было опознано, какая-то часть его, т. е. часть фонем, составляющих его облик, должна быть произнесена в полном типе. Тогда в силу избыточности языкового кода, обусловленной действием контекста, остальные фонемы, произнесенные в неполном типе, будут «реконструированы». В этом и состоит механизм опознания единиц спонтанной речи.

Вслед за Бодуэном де Куртенэ, в фонетическом типе письма принято различать три категории: алфавит, графику и орфографию.

Алфавит — это перечень букв и их звуковые значения. Внешний вид букв теоретически совершенно безразличен. Необходимо только, чтобы они хорошо различались между собой, были достаточно компактными и вместе с тем четкими, что особенно важно в наши дни, когда надо иметь в виду и пригодность шрифта для автоматического распознавания.

Обо всем этом можно говорить только в отношении младописьменных языков, так как переходить на новый вид письма в старописьменных языках далеко не всегда целесообразно. Что касается вновь создаваемых систем письма, то опыт показывает, что почти всегда алфавит заимствуется из какого-нибудь старописьменного языка. Теоретически для этого никаких препятствий нет, а практически это вполне удобно, особенно с полиграфической точки зрения, так как не требует перехода с одного алфавита на другой. Разумеется, при заимствовании алфавита приходится дополнять его или сокращать или же вносить коррективы иного характера в соответствии с фонетической (точнее — фонологической) системой заимствующего языка.

Было бы ошибочным думать, что число букв в идеальном алфавите должно соответствовать числу фонем данного языка. Письмо — не фонематическая транскрипция, при которой требуется пофонемное отображение звукового облика слова. Письмо должно адекватно передавать этот облик, что вовсе не означает обязательности передачи каждой отдельной фонемы. Необходимо только, чтобы написание обеспечивало однозначное чтение языковых единиц, а для этого не требуется передавать на письме фонему за фонемой. Написания *соль* и *тюк*, например, достаточно точно отражают звуковой облик этих слов, т. е. всю цепочку составляющих этот облик фонем, хотя в первом из них три фонемы обозначены четырьмя буквами, а во втором палатализованный характер первой фонемы выражен буквой, обозначающей последующий гласный. Благодаря остроумному использованию букв русская азбука, состоящая из 33 букв, обеспечивает адекватную передачу 41 фонемы.

Таким образом, в рациональном алфавите может быть меньше букв, чем фонем, но не должно быть больше. Недопустимы дублирующие буквы, примером которых могут служить буквы *ъ, і, ѳ* в русской азбуке до реформы 1918 г., имевшие то же значение, что буквы *е, и, ф*. В немецком алфавите лишними являются буква *v*, дублирующая *f*, и *x*, передающая сочетание фонем /ks/, которое может быть обозначено и действительно обозначается в ряде слов буквосочетанием *chs*.

Неправильное понимание сущности алфавита ведет к тому, что иногда в него включают и сочетания букв, служащие для обозначения одной фонемы. Так, в алфавите испанского языка мы наряду с буквой *s*, передающей переднеязычный щелевой согласный, и буквой *h*, не имеющей никакого звукового значения, находим их сочетание *sh*, служащее для обозначения аффрикаты /ʃ/. Следуя этому примеру, нужно было бы включить в русский алфавит сочетания *бъ, вь, гь, дь* и т. д., которые обозначают мягкие согласные, что было бы, конечно, совершенно неправильно. Во всех подобных случаях сочетания букв остаются сочетаниями и не становятся единицами алфавита, своего рода буквами. В теории письма они и имеют особое наименование — диграфы, триграфы и т. д. (см. ниже).

Буква — понятие обобщенное; печатная или рукописная, имеющая разный вид в зависимости от стиля шрифта и от почерка, буква остается той же при тождестве ее звукового значения. Что *д, g* и *д* одна и та же буква, ни у кого не вызывает сомнения, она и называется во всех случаях «дэ». Теоретически особый случай представляют прописные, или заглавные, буквы. Звуковое значение их всегда совпадает со значением строчных: *о* и *О*, например, всегда читаются одинаково. Однако прописные буквы имеют особую функцию, обозначая собственные имена и начало предложения. Учитывая фонетический тип русского письма, их следует признать разновидностями тех же букв, что и строчные, так как последние, в свою очередь, обозначают не собственные имена и не начало

предложения. Рассмотренный случай позволяет сказать, что буквы выполняют не только собственно языковую, но и метаязыковую функцию. Такую же функцию выполняют также различные шрифты: жирный, светлый, курсив и т. п. Они служат для выделения отдельных частей текста, на которые пишущий хочет обратить особое внимание читающих.

Вторая категория письма — графика. **Графика** — это совокупность правил передачи средствами данного алфавита плана выражения языковых единиц, т. е. фонем и сочетаний фонем, входящих в звуковой облик этих единиц, безотносительно к плану содержания, т. е. без учета конкретных слов или морфем.

По правилам русской графики, например, фонема | r | во всех случаях передается буквой *p*, причем следующий за ней гласный, если он имеется, обозначается буквами *a*, *o*, *э*, *y*, *ы*. Фонема | u | в абсолютном начале слов и после твердых согласных обозначается буквой *y*, после мягких — буквой *ю*. Фонема | t | перед гласными и сонорными согласными передается буквой *m*, а перед пробелом (т. е. в конце слов) и перед глухими согласными — либо буквой *m*, либо буквой *d*. Это возможно благодаря тому, что по фонетическим законам современного русского языка оппозиция | t | и | d | в этих позициях нейтрализуется, и любое написание в этих случаях будет обязательно прочтено соответственно норме. Так, | *trut* |, например, будет прочтено одинаково, независимо от того, передано ли оно на письме как *трут* или *труд*. Выбор того или иного написания определяется тем, какое именно слово имеется в виду, но это уже сфера орфографии, о которой речь будет ниже, а не графики.

Как это видно из сказанного, одна и та же фонема может быть обозначена на письме разными буквами или сочетанием букв. Исходя из этого за минимальную единицу графики следует принять особую единицу; ее принято называть графемой. Г р а ф е м а — это класс букв и их сочетаний, служащих для передачи на письме соответствующей фонемы. Для обозначения, например, русской фонемы | t | служит графема *m/d*, складывающаяся из букв *m* и *d*. Каждая из таких букв, однозначно передающих фонему в данной позиции, представляет в ней соответствующую графему и называется поэтому а л л о г р а ф о м. Графема может быть представлена и одним аллографом (ср. *m*, *n*, *p*, обозначающие фонемы | m |, | n |, | r |). В качестве аллографа могут употребляться и сочетания букв — д и г р а ф (рус. *нь*, *сь*, *ль* и т. п., фр. *ch* | *š* |), т р и г р а ф (нем. *sch* / *š* /).

Графема имеет полевую структуру: в центре находится основной, наиболее часто встречающийся аллограф; это обычно буква, употребленная в ее алфавитном значении, часто обнаруживаемом в ее названии. Например, основными аллографами графем, передающих русские фонемы | b |, | k |, | a |, | i |, будут буквы *б*, *к*, *а*, и (ср. их названия — *бэ*, *ка*, *а*, *и*).

Сложная структура графемы в старописьменных языках объясняется, с одной стороны, фонетическими изменениями, которые не сразу и не

всегда находят отражение на письме (*ть* в дореформенном русском письме передавал особый гласный, слившийся впоследствии с | е |); с другой стороны, в некоторых системах письма существенное значение имеют заимствования. Так, в английском языке графема, обозначающая фонему | s |, имеет аллограф ps (psychic).

Графема как кодовая единица билатеральна, ее планом содержания является обозначаемая ею фонема. Различаясь в плане содержания, графемы могут иметь полностью или частично одни и те же аллографы, т. е. они могут пересекаться. В таких случаях в активном аспекте возникает омография, а в пассивном — полифония. Рассматривавшаяся выше графема для | t | совпадает по составу аллографов с графемой для | d |. В слове | addat' |, например, первое | d | передается через *t*, а второе — через *д* (*отдать*). Эти графемы, следовательно, омографичны. Разрешается омография графическим правилом, которое для пишущих гласит: «Фонема | d | обозначается буквой *д* во всех позициях, кроме позиции перед звонким согласным, где она может обозначаться и буквой *t*, например, *дом, куда, одна, отдать*. Фонема | t | обозначается буквой *t* во всех позициях, кроме позиции перед пробелом и перед глухим согласным, где она может обозначаться и буквой *д*, например, *коты, тот, ход, подтолкнуть*». Для читающих действует такое правило: «Буква *д* читается как | d | во всех позициях, кроме позиции перед пробелом и перед глухим согласным, где она читается как | t |. Буква *t* читается как | t | во всех позициях, кроме позиции перед звонким согласным, где она читается как | d |». Графемы в таких случаях различаются основными аллографами. В приведенных примерах графема, передающая фонему | d |, будет иметь основным аллографом букву *д*, а графема, передающая фонему | t |, — букву *t*; первую можно обозначить как *д/т*, вторую — *т/д*.

Широко распространено частичное пересечение графем, при котором совпадает только часть аллографов. Например, графема, обозначающая фонему | k |, имеет аллографы *к* и *г*, а графема, обозначающая фонему | x |, имеет аллографы *х* и *г* (*кусок, рог; мох, легко*).

Пересечение графем, даже и полное, как *т/д* и *д/т*, допустимо и в рациональной графике при том условии, что омография и полифония снимаются графическими правилами.

Иное дело факультативная вариативность, которая заключается в том, что два знака имеют полностью совпадающую дистрибуцию. Это наблюдалось в русском дореформенном письме, где *ть*, *и*, *ѳ* во всех позициях обозначали те же фонемы, что *е*, *и*, *ф*.

Третьей категорией письма является **орфография**, которая представляет собой свод правил передачи на письме средствами графики данного языка плана выражения языковой единицы с учетом плана содержания. Последнее и отличает орфографию от графики. В соответствии с правилами орфографии производится выбор одного из возможных графических вариантов передачи на письме значимых языковых единиц —

слов или морфем; например, из вариантов *сокол* и *сокал* для слова | sokal | выбирается первый, из вариантов для слова | jeŕŕo | — *ещо, еще, есчо, есче, ешчо, ещче, ежчо, ежче, езчо, езче* — выбирается *еще*.

Правила такого выбора основываются на некоторых общих соображениях, которые называются принципами орфографии. Обычно орфографическая система конкретного языка строится с учетом не одного, а нескольких принципов, из которых какой-нибудь один является основным. Различаются следующие принципы орфографии: фонематический, морфематический, грамматический, дифференцирующий, традиционный, цитатный, транслитерационный и транскрипционный.

Написания, следующие фонематическому принципу, должны отражать звуковой облик слова посредством букв, употребляемых в их основном (алфавитном) значении. В соответствии с этим, следовательно, слово | rot |, например, независимо от его значения (*рот* или *род*) должно писаться с *t*. Пишущему остается только определить, начинать ли слово со строчной буквы или же с прописной. Это определяется правилом, имеющим не фонетическое, а метаязыковое значение. По правилам орфографии многих языков слово начинается с прописной буквы, если оно начинает предложение или же если оно начинает имя собственное. Фонематические написания широко используются в младописьменных языках, достаточно часто встречаются они и в старописьменных: ср. рус. *стол, дом, рука, лампа, кошка* и др.

Морфематический принцип требует, чтобы в написании морфемы во всех случаях отражался ее фонемный состав в сильных позициях. Живые чередования фонем, таким образом, на письме не отражаются. Так, во всех словоформах слова | got | *год* в корне по сильной позиции всегда пишется гласный *o* и в конце корня *đ*. Точно так же в окончании тв<орительного> падежа ед<инственного> числа м<ужского> и ср<еднего> рода им<ени> существительного | om | ~ | am | всегда пишется *o* — по сильной позиции (*глазом, зеркалом — столом*). Распространить применение морфематического принципа на исторические чередования означало бы замену фонетического типа письма идеографическим. Ср., например: *друг, дружба, другей* вместо *друг, дружба, друзей*.

Грамматический принцип имеет чисто метаязыковую функцию. Согласно этому принципу в написании слова должно быть указание на соответствующую грамматическую форму. Наличие или отсутствие мягкого знака в глагольных формах типа *садится — садиться*, например, позволяет отличать 3-е лицо ед<инственного> числа наст<оящего> времени от неопределенного наклонения. Никакой фонетической реальности за подобными различиями нет.

То же можно сказать о дифференцирующем принципе, который часто и не отличают от грамматического. Смысл его заключается в том, что он позволяет графически различать омонимы. В некоторых языках

он применяется довольно широко (например, в английском и французском), в русском он представлен в *компания* — *кампания*, *бал* — *балл*.

Как уже указывалось выше, письменная форма языковых единиц неизбежно отстает от устной. А происходит это оттого, что последняя изменяется спонтанно, а орфографическая норма создается сознательно, изменения в нее вносятся только тогда, когда противоречие между написанием и произношением становится очевидным. Поэтому в старописьменных языках всегда имеются такие написания, которые не оправданы современным состоянием языка. Встречаются среди них и такие, которые не отражают и старых форм, а возникли случайно. Поэтому наименование *т р а д и ц и о н н ы й* больше подходит к этому принципу, чем «исторический».

В лексике современных языков немалый удельный вес составляют заимствованные слова; они часто имеют особое написание, которое регулируется тремя принципами: цитатным, транслитерационным и транскрипционным.

Цитатный принцип применяется в трех случаях. Во-первых, когда в заимствующем языке не хватает нужных графических средств. Во-вторых, при сознательном стремлении отразить происхождение заимствования. В-третьих, как это имеет место в языках бывшего СССР, алфавит которых построен на основе русского, сохранение исконного написания слов русского происхождения мотивируется тем, что русский язык имеет широкое распространение как второй язык. При таких обстоятельствах было бы очень неудобно, если бы одно и то же слово писалось в одном тексте по-русски, а в другом по-иному.

Транслитерационный принцип заключается в побуквенной замене знаков заимствуемого слова знаками алфавита заимствующего языка, например: нем. *Verlin* — рус. *Берлин*. Ввиду несовпадения состава букв в разных алфавитах применение этого принципа не всегда возможно (ср. нем. *Marx* — рус. *Маркс*). Вследствие этого транслитерационный принцип неизбежно комбинируется с *транскрипционным*. Последний означает передачу фонемного состава заимствуемого слова, насколько это позволяют сделать графические средства. В имени Маркса это оказалось возможным, в имени Гегеля — нет, так как в русском алфавите нет знака, которым можно было бы передать немецкий согласный | h | (Hegel).

Первые три принципа основаны на закономерностях, присущих самому языку, а потому и мотивированных для носителя этого языка, позволяющих ему сознательно усваивать орфографию. В рациональной орфографии они должны быть абсолютно господствующими. Напротив, недопустим в такой орфографии традиционный принцип, совершенно немотивированный синхронным состоянием языка, превращающий изучение орфографии в зубрежку. Дифференцирующий, а также три принципа передачи заимствований, хотя и не мотивированы, но оправданы приведенными выше соображениями. При разумном использовании они допустимы.

А. А. Зализняк

О ПОНЯТИИ ГРАФЕМЫ

§ 1. В настоящей статье обсуждается вопрос о содержании термина “графема” и, в частности, анализируются черты сходства и различия между графемами и фонемами и между методами изучения тех и других. Разбор ограничен системами письма, основанными на фонографическом (не идеографическом или пиктографическом) принципе; фактически основным материалом служит русская система письма (в настоящее время и в прошлом). Работа не претендует на формальную строгость¹.

§ 2. Термин “графема” (предложенный еще И. А. Бодуэном де Куртенэ²) в его современном употреблении и противопоставленный ему термин “аллограф” очевидным образом входят в ряд терминов общего вида “Х-ема” — “алло-Х”; ср. прежде всего пару “фонема” — “аллофон”.

Противопоставление понятий типа “Х-ема” и “алло-Х” отражает одну из фундаментальных особенностей знаковых систем. Как известно, звуки, начертания, жесты и прочие материальные элементы, которые могут использоваться для формирования знаков, сами по себе обычно не имеют дискретной шкалы различий; например, между любыми двумя звуками, хотя бы и близкими, возможны также промежуточные по своим

Печатается с разрешения Анны А. Зализняк по изданию: Зализняк А. А. О понятии графемы // Зализняк А. А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 559–576. (Studia philologica). Впервые опубликовано в сборнике: *Valcanica: Лингвистические исследования*. М.: Наука, 1979. С. 134–152.

¹ По крайней мере часть излагаемых положений может быть сравнительно легко доведена до формальной строгости, однако, с нашей точки зрения, эта операция составляет особую самостоятельную задачу, которую уместнее отделить от содержательного изложения; в рамках настоящей статьи мы ею не занимаемся.

² Бодуэн де Куртенэ И. А. Об отношении русского письма к русскому языку. СПб.: Ред. журнала «Обновление школы», 1912.

физическим характеристикам звуки. Если эти элементы действительно используются для построения внешней стороны знаков, они непременно должны быть разбиты на непересекающиеся классы по некоторой дискретной шкале³. Все различия внутри каждого такого класса рассматриваются как несущественные; с семиотической точки зрения (т. е. с точки зрения знаковой системы) внутри класса нет просто никаких различий. Напротив, любое различие между членами двух разных классов существенно: это различие между двумя разными семиотическими единицами. Таким образом, всякое реальное различие между двумя материальными элементами проходит своего рода “семиотический фильтр” по принципу “все или ничего”: одни различия оказываются семиотически полноценными, другие — семиотически нулевыми.

Термин вида “X-ема” обозначает отдельный класс описанного выше разбиения; “алло-X-ами” данной “X-емы” называются все члены соответствующего класса. В частности, фонема означает некоторый класс звуков⁴, аллофоны (данной фонемы) — звуки, входящие в этот класс. Указанная схема является общей для разных пар терминов, имеющих вид “X-ема” — “алло-X”. Различия касаются, во-первых, конкретной природы соответствующих объектов, во-вторых, “критериев существенности”, т. е. тех критериев, по которым одни различия признаются существенными, а другие нет.

Так, при выделении фонем критерий существенности, грубо говоря⁵, состоит в том, что существенно такое и только такое различие между двумя звуками, которое хотя бы для одной пары словоформ (разных слов или одного слова) является единственным источником различия внешних оболочек этих словоформ⁶.

§ 3. Применительно к графическому уровню указанная общая схема означает следующее: выделение графем должно производиться так, чтобы различие между любыми двумя графемами было существенным, а всякое различие между аллографами одной графемы — несуществен-

---

³ Эта шкала может быть откровенно условной, как, например, в знаковых системах, принятых особым соглашением (типа световой сигнализации на улицах), или складываться бессознательно в течение длительного времени, как, например, в системе фонем языка.

⁴ Здесь и далее мы имеем в виду только те понимания фонемы, при которых каждый звук относится ровно к одной фонеме; ср.: *Успенский В. А.* Одна модель для понятия фонемы // *Вопросы языкознания.* 1964. № 6. С. 39.

⁵ Здесь нет необходимости углубляться в разбор особых случаев, которые потребовали бы некоторых уточнений к приводимой огрубленной формулировке.

⁶ Отметим, что наличие подобного критерия само по себе еще не обеспечивает однозначного разбиения звуков на фонемы (ср. известную проблему неединственности фонологических решений). Для разрешения этой неоднозначности в принципе необходимы какие-то вспомогательные критерии или процедуры.

ным. Разумеется, эта формулировка сама по себе еще никак не решает вопроса о том, в чем конкретно здесь должен состоять критерий ответственности. Разбору этого вопроса и посвящена основная часть настоящей работы.

Графические единицы, реально встречающиеся в письменных и печатных текстах и представляющие собой исходный материал для последующего разбиения их на графемы, мы будем ниже называть *начертаниями*⁷ (ср. аналогичный по своему логическому статусу термин “звук” в фонологии). Речь идет, таким образом, о том, какие различия между начертаниями следует считать существенными.

Простейший с логической точки зрения путь состоит в том, чтобы при решении вопроса о графемах по возможности скопировать все процедуры и определения с тех, которые выработаны в фонологии. Ср. предложение такого пути в работе В. А. Успенского “Одна модель для понятия фонемы”: “Изложенная модель прилагается без всяких изменений (за исключением терминологических) и в качестве модели для понятия графемы в языках с линейным письмом (т. е. письмом, допускающим линейную сегментацию)”⁸.

Искомый критерий ответственности, по-видимому, должен в этом случае выглядеть так: существенно такое и только такое различие между двумя написаниями, которое хотя бы для одной пары словоформ является единственным источником различия между принятыми в данном обществе графическими изображениями этих словоформ.

Действительно, этого критерия в большинстве случаев достаточно для получения таких решений, которые хорошо соответствуют практике описания графических систем и не противоречат каким-либо устойчивым интуитивным представлениям. Не углубляясь в вопрос о конкретных процедурах выделения графем, отметим лишь некоторые наиболее важные моменты. Прежде всего, очевидно, что два начертания, передающие (всегда или хотя бы в части случаев) разные фонемы, скажем, *a* или *y*, должны рассматриваться как разные графемы. Далее, как разные графемы должны рассматриваться строчное *a* и прописное (заглавное) *A*, *b* и *B*, *v* и *V* и т. д.; ср., например, *газ* и *ГАЗ* (Горьковский автомобильный завод), *орел* и *Орел* (город, фамилия) и т. п.⁹

---

⁷ В принципе следует различать конкретное начертание (находящееся на определенном месте, скажем, конкретного листа бумаги) и абстрактное начертание, представляющее собой продукт абстракции отождествления всех конкретных начертаний, признаваемых нами одинаковыми. В нашем изложении, однако, это различие в явной форме не проводится; какой из этих двух смыслов слова “начертание” имеется в виду, надлежит устанавливать из контекста.

⁸ Успенский В. А. Указ. соч. С. 53.

⁹ В некоторых работах пары *a* и *A*, *b* и *B* и т. д. рассматриваются как единые графемы. Мы имеем здесь дело, таким образом, с иным употреблением термина

С другой стороны, разнообразнейшие способы написания (или печати), скажем, строчного *a*, различающиеся размером, наклоном, пропорциями, стилем, конфигурацией каких-то деталей, особенностями индивидуального почерка и т. д., образуют лишь аллографы данной графемы. Все такие различия можно назвать каллиграфическими (используя слово “каллиграфия” в несколько расширенном смысле).

Выбор графемы — дискретная операция: между двумя разными графемами, хотя бы и похожими (скажем, *n* и *u*), нет “промежуточных” графем. Напротив, каллиграфия недискретна: между двумя аллографами возможны все переходные степени наклона, жирности, четкости и т. п.

В дополнение к тому, что достигается непосредственным применением указанного выше критерия, явно следует признать существенными также отличия знаков препинания от знаков, служащих для записи словоформ, равно как и различия знаков препинания между собой. Иначе говоря, точка, запятая, тире и т. д. образуют особые самостоятельные графемы.

§ 4. Того представления о графеме, которое возникает на основе указанного в § 3 критерия существенности, уже достаточно, чтобы ввести ряд обозначений, необходимых для дальнейшего разбора.

В европейских системах письма графемы довольно отчетливо распадаются на основные (используемые для записи словоформ и при этом стоящие в строке) и вспомогательные (все прочие, а именно, надстрочные и подстрочные знаки, а также знаки препинания и подобные им символы).

С другой стороны, графемы, реально используемые в письменных и печатных текстах, можно разделить на общеобязательные и специальные. Первые образуют некоторый минимальный инвентарь графем, необходимый для записи (в соответствии с действующими орфографическими правилами) внешней оболочки любой словоформы данного языка, а также для пунктуации предложения. Специальные графемы — это самые различные дополнительные символы, например, ма-

---

“графема”: вместо стремления к тому, чтобы понятия “графема” и “фонема” имели по возможности сходный логический статус, здесь на первое место, по-видимому, выступает просто стремление к тому, чтобы отношение графем и фонем оказалось как можно ближе к взаимно-однозначному. При таком употреблении “графема” означает примерно то же, что традиционный термин “буква” (ср. ниже, § 4 и 9). Между прочим, из такого словоупотребления с необходимостью следует, что орфография (см. § 12) может предписывать не только выбор графемы, но и выбор аллографа (ведь орфографические своды заведомо содержат некоторое число правил об употреблении прописных букв), а это явно нарушает некоторое естественное представление о том, что орфография (в отличие от каллиграфии) занимается только существенным.

тематические и т. п. знаки, буквы чужих алфавитов, символы идеографического характера (т. е. соотношенные непосредственно со значением, а не с внешней оболочкой каких-либо слов; таковы, например, цифры) и т. д. Все они так или иначе служат для сокращения записи или для передачи того, что затруднительно передать обычными словесными средствами данного языка.

В отличие от общеобязательных графем, имеющих постоянные значения, специальным графемам (кроме самых известных, например, цифр) автор может приписывать те значения, которые считает удобным. Соответственно, значения специальных графем (кроме самых известных) обычно специально разъясняются автором. Список специальных графем в принципе открыт: автор может изобрести совершенно новую специальную графему или объявить особой специальной графемой то, что в обычных условиях функционирует лишь как аллограф какой-то графемы.

Общеобязательная основная графема в нормальном случае представляет собой средство передачи на письме некоторой фонемы или нескольких разных фонем (от более сложных случаев мы здесь отвлекаемся). Две разные графемы могут служить для передачи одной и той же фонемы (одного и того же набора фонем); такие графемы можно назвать *о м о ф о н и ч н ы м и* (подробнее см. § 11). Пример: *ф* и *ө* в дореволюционной русской орфографии.

Термин “графическая система”, который может встретиться в последующем изложении, пока что достаточно понимать как обозначение инвентаря общеобязательных графем вместе с основными правилами их использования; более подробно этот термин обсуждается в § 11.

В связи с вопросом о различии между графемами и аллографами необходимо отметить один существенный момент, характерный в особенности для печатных текстов. Пусть имеется некоторый инвентарь графем, и для каждой из них выбран (например, для создания печатного шрифта) некоторый аллограф, считающийся образцовым. Далее, полученный инвентарь образцовых аллографов может быть продублирован путем изменения всех этих аллографов по какому-то одному признаку (размер, наклон, степень жирности и др.); эту операцию можно назвать *т р а н с п о з и ц и е й*. Понятно, что транспозицию можно применять многократно и получать все новые наборы аллографов; так, в типографском деле один и тот же инвентарь графем может быть реализован в разных гарнитурах (т. е. типах рисунка печатных знаков), в разных кеглях (т. е. размерах), в прямой или курсивной форме, в светлом или жирном варианте и т. д.

Сама по себе транспозиция (например, когда она вызвана лишь эстетическими соображениями, заботой об удобстве чтения или, напротив, об экономии места), разумеется, никаких новых графем не создает.

Пишущий может, однако, объявить, что он приписывает тем или иным транспонированным аллографам какую-то особую функцию, противопоставляющую их исходным аллографам. Например, автор решил выделять ударную гласную жирным шрифтом: *каша, солома* и т. д. Очевидно, что в этом случае а и а (о и о и т. д.) уже противопоставлены друг другу как разные графемы; при этом а, о и т. д. должны быть отнесены к числу специальных графем.

С исторической точки зрения, продуктами транспозиции являются также прописные буквы. Однако, как было показано выше, в современных графических системах прописные А, Б и т. д. представляют собой уже не дополнительные аллографы, а самостоятельные графемы. Более того, эти графемы уже не могут считаться специальными, поскольку их употребление регулируется общеобязательными орфографическими правилами¹⁰.

Разумеется, однако, графемы А и а (равно как Б и б и т. д.) связаны между собой гораздо теснее, чем произвольная пара графем (скажем, а и б), а именно: 1) они омофоничны; 2) в ряде ситуаций (позиция начала предложения; заголовки или целые тексты, напечатанные с использованием одних лишь прописных графем или, реже, одних лишь строчных графем) их противопоставление нейтрализуется¹¹.

Соответственно, пара графем типа А и а воспринимается как некое особое единство. В русской традиции именно оно обычно и обозначается словом “буква”¹². Это легко усматривается из обычного словоупотребления, например: “Русский алфавит состоит из 33 букв”, “Слово *Анапа* начинается и кончается на одну и ту же букву”, “Ты написал букву а, а теперь напиши ту же букву, но только прописную”. Не соответствует обиходному словоупотреблению (и воспринимается как излишне педантичная) фраза типа: “Ты написал букву а, а теперь напиши другую букву — А прописное”. Подробнее об употреблении слова “буква” см. § 9.

Совокупность всех букв, расположенных в некотором условном порядке, носит название алфавита; ср. приведенную выше фразу.

§ 5. Хотя, как уже отмечено, критерий существенности, предложенный в § 3, дает в основном хорошие результаты, существуют всё же слу-

---

¹⁰ Статус самостоятельных (и притом общеобязательных) графем, достигнутый теперь прописными буквами, подчеркивается также тем, что для многих из них выработались особые начертания, нередко сильно отличающиеся от соответствующих строчных (тогда как исходным пунктом этой дифференциации было простое различие по размеру).

¹¹ Ср. также предложение Г. Глисона рассматривать А как сочетание графемы а с суперсегментной “графемой заглавности”, см.: Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959. С. 399.

¹² То же можно сказать об англ. *letter*, франц. *lettre*, нем. *Buchstabe* и др., а также о слове “буква” в русских описаниях графики соответствующих языков.

чаи, когда он приводит к решениям, которые явно противоречат интуитивным представлениям. Например, в дореволюционной русской графике (если пренебречь аномальной парой *миръ* “рах” — *миръ* “mundus”) омофоничные буквы *и* и *і* употреблялись в дополнительном распределении: *і* перед гласными буквами и *й*, и — в прочих случаях. По критерию, предложенному в § 3, эти буквы должны быть признаны аллографами¹³, то есть единицами, различающимися столь же несущественно, как, например, и прямое и *и* наклонное и т. п.; однако это явно не соответствует интуитивным представлениям о степенях важности различий.

Чтобы понять источник подобных несоответствий, необходимо более подробно рассмотреть различия между графемами и фонемами, не сводящиеся просто к различию материальной природы начертаний и звуков. Заметим сразу же, что эти различия более серьезны, чем представляется на первый взгляд.

Очевидное различие состоит здесь уже в том, что фонема — односторонняя единица, тогда как графема фактически функционирует как знак, т. е. как двусторонняя единица, а именно, определенный класс начертаний выступает здесь как символ некоторой фонемы (или фонем). Соответственно, между двумя графемами возможны отношения, определяющиеся одинаковостью или различием передаваемых ими фонем (например, отношение омофоничности), тогда как в системах фонем никаких аналогов этих отношений нет.

С практической точки зрения, важнейшее различие между графемами и фонемами состоит в том, что фонологическая система в нормальном случае усваивается человеком бессознательно (и обычно не осознается и впоследствии), тогда как графическая система усваивается путем обучения, т. е. сознательно. Обучаемому обязательно в явном виде сообщается алфавит букв и список вспомогательных графем и указываются наименования графем¹⁴.

Таким образом, носитель фонологической системы владеет ею в действительности, но не имеет о ней (в общем случае) никаких знаний; у него нет даже слова для понятия фонемы. Между тем носитель графической системы непременно имеет о ней некоторые знания, притом как раз те, которые

---

¹³ Разумеется, если не отбросить пару *миръ* — *миръ*, решение будет иное. Ясно, однако, что существо дела здесь не меняется от наличия или отсутствия этой особой пары. В действительности именно тот факт, что *и* и *і* уже воспринимаются как различные самостоятельные единицы, создает принципиальную возможность написаний типа *миръ*, а использована ли реально эта возможность, несущественно.

¹⁴ Будучи самостоятельным семиотическим объектом, каждая графема непременно имеет особое имя (слово или словосочетание); именно это обеспечивает возможность какого бы то ни было общения на тему о письме и его правилах. Показательно, что аллографы, в отличие от графем, в подавляющем большинстве случаев самостоятельных имен не имеют.

с семиотической точки зрения являются важнейшими. Так, он владеет понятием буквы и имеет соответствующее слово; он понимает дискретную природу букв и четкую ограниченность их числа; например, он без труда ответит на вопрос, из каких букв состоит сделанная им запись¹⁵.

Важно подчеркнуть, что имеющееся у грамотного человека представление о числе букв (и, соответственно, умение видеть в любом используемом на письме начертании воплощение какой-то определенной буквы из этого числа) не есть продукт его индивидуальных наблюдений, осознанных или неосознанных¹⁶, над практикой письма; оно непосредственно дается ему при обучении. Поэтому даже весьма несовершенные (с точки зрения своего основного назначения) системы письма могут сохраняться без всяких изменений в течение веков. В частности, омофоничность двух букв (скажем, *ф* и *ө*) ничуть не меняет, с точки зрения пишущего, того факта, что это две разные буквы. Даже если две омофоничные буквы находятся в простейшем и очевидном дополнительном распределении (как в случае с и и *i*, см. выше), это вовсе не приводит к слиянию их в единую букву в сознании пишущего.

Отметим также некоторые различия между соотношением “графема — аллограф” и соотношением “фонема — аллофон”. Как известно, самый характерный вид отношения между аллофонами одной фонемы — дополнительное распределение; другое возможное отношение — свободное варьирование — встречается реже. Между тем для аллографов одной графемы наиболее характерно именно отношение свободного варьирования¹⁷. Что касается дополнительного распределения, то здесь между фонетикой и графикой есть заметное различие. Автоматическое, неосознаваемое дополнительное распределение аллографов в зависимости от контекста (сходное с тем, что наблюдается в фонетике) встречается почти исключительно в связном письме, например, в скорописи (где на конфигурацию буквы может влиять конфигурация ее соседей). В несвязном письме без лигатур (устав, полуустав, печатный шрифт) это явление почти отсутствует.

Что касается дополнительного распределения типа “*i* перед гласной буквой и *й*, и в прочих случаях”, то оно, конечно, отнюдь не является ав-

---

¹⁵ Ср. совершенно иное положение с фонемами: неясно даже, как сформулировать для информанта просьбу разделить произнесенное им слово на фонемы. Даже если это как-то удалось объяснить, далеко не всякий информант и далеко не со всяким словом сможет выполнить такую просьбу.

¹⁶ Между тем представление о фонемах, если оно вообще в какой-то форме имеется у лингвистически необученного носителя языка, возникает именно таким путем.

¹⁷ Свободное варьирование не исключает эстетических предпочтений. Например, пишущий может использовать более нравящийся ему аллограф, когда он хочет, чтобы текст выглядел красивее, и т. п.

томатическим¹⁸ и неосозанным, а достигается обучением. Этому соответствует и субъективное осознание таких начертаний как различных самостоятельных единиц. Таким образом, эти начертания представляют собой аллографы только с точки зрения критерия существенности, указанного в § 3, но не с субъективной точки зрения носителей графической системы. Вообще, как это ни парадоксально в глазах фонолога, дополнительное распределение двух начертаний, если его нельзя объяснить простым влиянием конфигурации соседних начертаний, указывает именно на то, что перед нами две разные, с точки зрения пишущих, единицы (причем правила их применения были составной частью обучения грамоте).

§ 6. Различие между фонологическими и графическими системами по степени осознанности отражается и на выборе способа их описания.

Обычное фонологическое описание можно охарактеризовать как модель объективного функционирования соответствующей фонологической системы. Составитель описания стремится оптимальным образом (с точки зрения принятых им критериев) выделить фонемы и отобразить их функционирование. Он не считает себя связанным в этих операциях теми представлениями, которые могут иметь о своих фонемах сами носители языка (тем более, что у подавляющего их большинства скольконибудь ясных, допускающих словесное выражение, представлений о собственной фонологической системе нет).

Данный тип описания в принципе возможен и для графических систем, т. е. можно строить модель объективного функционирования графической системы, безотносительную к субъективному осознанию этой системы. Именно такому подходу соответствует, в частности, критерий существенности, предложенный в § 3.

Однако для графического уровня возможен и другой тип описания. Поскольку графическая система, в отличие от фонологической, не только функционирует, но и осознается (и даже преподается), здесь вполне осмысленна задача отразить субъективное представление об этой системе, имеющееся у ее носителей.

Итак, можно различать два рода описания графических систем: I — не принимающий в расчет субъективных представлений носителей графической системы; II — ориентированный на отражение именно этих представлений.

Понятно, что анализ одной и той же графической системы с этих двух разных точек зрения может дать разные результаты; в частности,

---

¹⁸ Мы отвлекаемся здесь от той ситуации, когда у опытного человека весь процесс письма достигает высокой степени автоматизма. Заметим, что и в этой ситуации выбор между *i* и *и* и т. п. является не более автоматическим, чем выбор заведомо самостоятельных графем.

могут получиться разные инвентари графем. Ср. расхождение такого рода в примере с и и *i*, разобранным в § 5.

Можно привести и другие аналогичные примеры. Так, В. А. Успенский¹⁹, отмечая, что в настоящее время буквы *ѣ* и *ь* в письменном литературном русском языке (в варианте с обязательным употреблением буквы *ѐ*), по-видимому, находятся в дополнительном распределении²⁰, констатирует, что в соответствии с предложенной им моделью для понятия фонемы и одновременно для понятия графемы (ср. выше, § 3) *ѣ* и *ь* оказываются аллографами одной графемы. Между тем в субъективном представлении пишущих *ѣ* и *ь* — это несомненно две различные самостоятельные единицы.

В дополнительном распределении в современном (равно как и дореволюционном) русском письме находятся также буквы *ѣ* и *й*, причем здесь, в отличие от пары *ь* — *ѣ*, правило распределения очень просто: *ѣ* встречается только после согласных букв, *й* — только после гласных (изредка также в начале слова)²¹. Поскольку *ѣ* встречается, как и *ь*, только после согласных букв, для современного языка критерий существенности, указанный в § 3, позволяет объединить в одну графему уже целых три буквы: *ѣ*, *ь*, *й*. Опять-таки ясно, что это не соответствует субъективным представлениям пишущих.

В дополнительном распределении находятся также, например: *σ* и *ς* в греческом, *i* и *у* в большинстве орфографических школ в среднеанглийском (в обоих случаях второй член пары выступает на конце словоформы, первый в прочих позициях), *ω* и *о* в тех орфографических школах средневековой Руси, которые предписывали употреблять *ω* в начале словоформы и после гласной буквы, *о* — после согласной. Во всех этих случаях мы имеем дело с аллографами с точки зрения описания I рода, но с разными графемами с точки зрения описания II рода (ср. § 5).

§ 7. С нашей точки зрения, при изучении конкретных графических систем первостепенное практическое значение имеет описание II рода, т. е. такое, которое отражает субъективное осознание системы ее носителями. Знание этого аспекта представляется безусловно необходимым для того, чтобы правильно судить о степени соответствия системы ее основному назначению, о характере ее фактического применения, о при-

¹⁹ Успенский В. А. Указ. соч. С. 53.

²⁰ Функциональная неполноценность противопоставления *ѣ* и *ь* была причиной того, что Ф. Ф. Фортунатов (В источнике: что Ф. — *Примеч. сост.*) уже в 1904 г. высказался за полную отмену буквы *ѣ*: см. Якобсон Р. Избыточные буквы в русском письме // Jakobson R. Selected writings. Vol. 1. The Hague; Paris, 1971. P. 564.

²¹ Как известно, этот факт был обнаружен в середине XVII в. Ю. Крижаничем, который на этом основании считал правильным писать (и действительно сам писал) *ь* вместо *й*, например, *равь*, *мовь*; см.: Якобсон Р. Указ. соч. С. 563.

роде и источниках ошибок и т. д. Без знания этого аспекта невозможно даже воспроизводить без искажений тексты, записанные в этой системе (т. е. невозможно сохранить все отношения тождества и различия знаков, представленные в оригинале).

В частности, очевидно, сколь необходим такой анализ при изучении графических систем прошлого. Трудно представить себе, как можно установить, например, какие начертания являются ошибками писца, если предварительно не выявлено, какие различия между начертаниями он сам считал существенными²².

Заметим, что, в соответствии с указанной потребностью, едва ли не все реально существующие описания графических систем (по крайней мере, современных) по сути дела представляют собой именно описания II рода. При этом, однако, то обстоятельство, что в описании тождеств и различий графических элементов исследователь фактически исходит из субъективного восприятия этих элементов носителями графической системы, им обычно не отмечается: оно либо представляется исследователю очевидным, либо даже не осознается.

Что касается описаний I рода, то наиболее значительные результаты, достигнутые к настоящему моменту на этом пути (отличные от тех, которые получаются при описании II рода), были сформулированы не в виде синхронических констатаций, а в виде практических предложений по усовершенствованию существующей графической системы. Примечательно, что ни Крижанич (см. сноску 21), ни Фортунатов (см. сноску 20) не предлагали считать *ь* и *й* (соответственно *ь* и *ѳ*) одной и той же буквой, а требовали изъятия одной из двух букв при сохранении другой²³. Иначе говоря, они безусловно признавали рассматриваемые ими единицы разными буквами, т. е. существующую ситуацию рассматривали с позиций описания II рода.

Можно предполагать, таким образом, что описание I рода должно строиться как своего рода “дополнительный этаж” над описанием II рода. Представляется сомнительной ценность “чистого” описания I рода, т. е. такого, при котором полностью игнорируются различия, существенные с точки зрения пишущих, если эти различия не удовлетворяют избранному формальному критерию. Так, может оказаться целесообразным объединить, например, *и* и *і* в какую-то единицу высшего ранга (скажем, “гиперграфему”), однако едва ли можно оправдать признание этой пары просто единой графемой, точно такой же, как *а* или *б* (ср. выше, § 5).

---

²² Говоря о необходимости такого анализа, мы не касаемся здесь вопроса о том, как его осуществить. Это особая задача, в каких-то случаях, быть может, и весьма сложная.

²³ Ср. в этом отношении также реформу 1917 г., которая именно отменила определенные буквы (а отнюдь не объявила, скажем, *и* и *і* единой буквой).

В дальнейшем изложении везде, где не оговорено обратное, предполагается, что речь идет об описании II рода.

§ 8. В чем же состоит критерий существенности при описании II рода? Для ответа на этот вопрос обратимся к ситуации школьного диктанта: учитель читает (допустим, из книги) отрывок, ученики его записывают²⁴. При проверке любой из этих записей учитель в сущности должен сравнить два графических изображения одного и того же текста — в книге и в ученической тетради. Ясно, что эти два изображения внешне очень различны. Между тем учитель лишь в некоторых местах объявляет ученическую запись неправильной (а может и всю ее признать целиком правильной). Естественно считать, что ошибками учитель объявляет именно те случаи, где разница между ученическим и книжным написаниями с его точки зрения существенна, а правильными написаниями — те, где она несущественна²⁵.

Заметим, что точка зрения учителя и точка зрения обученных им учеников в этом вопросе совпадают. Правда, ученик может, например, настаивать на том, что учитель напрасно счел некоторое конкретное начертание в его тетради за букву *o*, тогда как оно в действительности воплощало букву *a*, однако он не станет утверждать, что сама разница между буквами *o* и *a* несущественна.

Итак, при описании II рода мы можем непосредственно использовать тот факт, что сами носители графической системы отчетливо различают два рода отклонений некоторого конкретного начертания от того, которое требуется. В одном случае они говорят: “Эта буква (эта запятая и т. п.) плохо (некрасиво, неразборчиво) написана”; в другом — “Здесь ошибка”, “Здесь написана не та буква, которая нужна”, „Здесь написано а вместо о (запятая вместо точки, строчное а вместо прописного и т. п.)”.

Критерий существенности при описании II рода состоит, таким образом, в том, что существенно такое и только такое различие между начертаниями, которое сами носители графической системы оценивают вторым из указанных способов. Иначе говоря, при ответах первого типа мы имеем дело с каллиграфическими вариациями, при ответах второго типа — с разными графемами.

В соответствии с общей схемой значения терминов вида “X-ема” — “алло-X” (§ 2), этим критерием существенности и определяется понимание графемы. Графемой при описании II рода оказывается, таким об-

---

²⁴ Можно представить себе и просто упражнение по списыванию текста с книги.

²⁵ Следует исходить из того, что перед нами учитель, не признающий права учеников на какое бы то ни было пунктуационное или орфографическое варьирование, но в то же время не обращающий внимание на дефекты почерка.

разом, совокупность всех начертаний, которые самими носителями графической системы воспринимаются как “то же самое” (тогда как всякая замена в тексте одной графемы на другую воспринимается ими как переход от одной цепочки символов к другой и, следовательно, со “школьной” точки зрения, как потенциальная ошибка). Понятно, что при таком подходе в примерах, разобранных в §§ 5–6, и и *i*, *ь* и *ѣ*, *ь* и *й* и т. д. будут признаны разными графемами.

§ 9. Рассмотрим некоторые более частные вопросы, связанные с описанием II рода.

Как уже было указано в § 4, слово “буква” в русской традиции и его эквиваленты в западноевропейских традициях означает пару графем, состоящую из строчной графемы и соответствующей прописной. Однако в некоторых традициях слово, которое принято переводить на русский язык как “буква”, фактически используется несколько иначе, а именно, как одна и та же буква рассматриваются омофоничные графемы, дополнительно распределенные относительно графического контекста (или границ словоформы). Так, в арабской графике единой буквой считаются начальное (т. е. применяемое в начале словоформы), срединное, конечное и изолированное начертания, передающие одну и ту же согласную фонему (различия строчных и прописных графем здесь нет).

В греческой графике как единую букву принято рассматривать графемы σ и ς (вторая применяется на конце словоформы, первая в прочих случаях). При этом в современной греческой графике (в отличие от древней) имеется также и противопоставление строчных и прописных графем, например, α и Α . Здесь понимание слова “буква” определяется взаимным наложением обоих рассмотренных принципов: графемы σ , ς и Σ считаются одной и той же буквой (“сигма”).

Заметим, что для всех обсуждавшихся графических систем (русской, западноевропейских, арабской, греческой) исторически первоначальным было состояние, которое огрубленно можно представить так: каждой нынешней букве здесь соответствовала ровно одна графема (иначе говоря, буквой называлась просто графема). В ходе истории число графем выросло из-за дифференциации по признаку “строчные — прописные” и / или по позиции в словоформе, а традиционное представление о числе и составе букв в основном сохранилось. В результате слово “буква” перестало означать графему и получило свое нынешнее содержание (несколько различное в разных традициях).

Итак, традиционный термин “буква” фактически означает некоторую совокупность омофоничных графем (в частном случае всего одну графему); какие именно омофоничные графемы объединяются в одну букву, а какие нет, определяется соответствующей культурно-исторической традицией. Например, σ и ς , находящиеся в дополнительном рас-

пределении, считаются одной буквой, а и *i*, находящиеся в таком же соотношении, не считаются²⁶.

§ 10. При обучении грамоте обучаемому прежде всего сообщают алфавит и учат различать между собой все буквы, из которых он состоит. Поэтому различие между двумя разными буквами для пишущего всегда существенно, т. е. разные буквы — это всегда разные графемы (обратное же, как мы видели, неверно).

Таким образом, простейший способ установить минимальный список графем, различаемых некоторым лицом, — это познакомиться с тем алфавитом, по которому его учили грамоте. (Для установления полного инвентаря графем необходимо, кроме того, выявить, какие различия внутри букв являются для него существенными и какие используются вспомогательные графемы.)

При анализе графической системы часто приходится сталкиваться с проблемой “единая графема или сочетание графем?”. Она возникает в связи с тем, что графема не обязательно должна быть графически связанной и, с другой стороны, две стоящие рядом (или одна над другой) графемы не обязательно должны быть графически разделены. Таким образом, по одному лишь внешнему виду, например, русского *ы*, чешского *č* или французского *é* еще никак нельзя установить, сколько здесь графем.

Для описаний II рода основным источником ответов на такие вопросы служит алфавит²⁷. Практически можно исходить из того, что всякое начертание, занимающее отдельное место в алфавите, представляет собой единую букву, за исключением того особого случая, когда это начертание состоит из двух или более несвязных частей, каждая из которых занимает, кроме того, свое отдельное место в алфавите. Подобное особое начертание всегда представляет собой диграф или триграф (см. ниже § 11); его можно назвать алфавитным диграфом (триграфом).

---

²⁶ К сожалению, в лингвистической литературе о графемах слово “буква” иногда используется в совершенно другом значении, а именно, для обозначения того, что выше названо начертанием. Источником такого словоупотребления является предложенная И. А. Бодуэном де Куртенэ терминологическая пропорция “фонема : звук = графема : буква” (ср. *Бодуэн де Куртенэ И. А. Указ. соч. С. 16*). С нашей точки зрения, эта пропорция неудачна, поскольку, в отличие от слова “звук”, которое в обиходном языке не имеет какого-либо строгого значения, слово “буква” уже в течение многих веков фактически используется как термин (причем передающий не более узкое понятие, чем “графема”, а более широкое или равное ему).

²⁷ При описаниях I рода приходится привлекать сведения об уникальности или повторяемости спорного графического элемента (например, гачека) и о возможности или невозможности приписать ему самостоятельную функцию (одинаковую во всех случаях его появления); впрочем, принципы такого анализа недостаточно разработаны. Результаты такого анализа могут сильно расходиться с описаниями II рода.

Рассматривая записи алфавитов (разных языков), содержащиеся в разных современных изданиях, можно, например, заключить, что: 1) русск. *ы, й*, чеш. *č, š, ž*, польск. *ą, ę, ó, ź, ż* и др., швед. *ä, ö* трактуются как единые буквы; 2) русск. *á, ó, é* и т. д. (со знаками ударения), франц. *ç, é, è, ê, ô* и т. п., нем. *ä, ö, ü* трактуются как сочетания “буква + вспомогательная графема”; 3) чеш. и словацк. *ch*, венг. *gy, ly, ny, ty, cs, sz, zs*, сербскохорв. (в латинице) *lj, nj*, испан. *ll* трактуются как алфавитные диграфы. Заметим, что в алфавитах большинства языков алфавитных диграфов нет; например, такие диграфы, как нем., англ., франц., польск. *ch*, англ. *sh, th, ea, ai* т. д., не являются алфавитными.

Необходимо учитывать, однако, что вопрос о том, составляет ли, например, *й* единую букву или букву и со вспомогательной графемой, не имеет для пишущего той прямой практической значимости, как вопрос о существенных и несущественных различиях между начертаниями. В самом деле, пишущий прежде всего понимает, что *й* существенно отличается от *и* (например, нельзя писать *стои* вместо *стой* и т. п.); это главное обстоятельство никак не меняется от того, сколько графем усматривается в *й*.

Соответственно, в вопросе “единая графема или сочетание графем” традиционные представления могут быть менее устойчивы, чем в вопросе “разные графемы или аллографы”. Так, например, русское *ё* в одних источниках включено в алфавит (и, следовательно, расценивается как единая буква), а в других нет.

Следует особо отметить сферу, для которой состав алфавита (со всеми подробностями, включая проблему “единая графема или сочетание графем”) имеет прямое практическое значение: это алфавитные словари. При определении места слова в словаре всякая единая буква и всякий алфавитный диграф выступают как особое неделимое целое, а вспомогательные графемы игнорируются²⁸. Важно учитывать, однако, что словари иногда трактуют две разные буквы традиционного алфавита как занимающие одно и то же место в алфавитном порядке (что равносильно изменению традиционного способа выделения букв). Например, литовские словари трактуют таким образом буквы *i* и *y*. Все русские словари так же трактуют *e* и *ё* (притом что *ё* по крайней мере в части источников включается в алфавит, т. е. выступает как особая буква). Таким образом, строго говоря, необходимо различать основной алфавит (употребляемый, в частности, при обучении грамоте) и словарные алфавиты, которые могут в некоторых деталях отклоняться от основного.

---

²⁸ Они могут быть приняты во внимание лишь при размещении двух слов, которые по общим правилам должны были бы занять в словаре одно и то же место (например, франц. *sale* и *salé*).

§ 11. В заключение коротко рассмотрим тесно связанный с основной темой настоящей статьи вопрос о графике и орфографии. Наше изложение этого вопроса в принципиальных моментах строго следует классической схеме разграничения графики и орфографии, принадлежащей И. А. Бодуэну де Куртенэ²⁹.

Термин “графическая система” может употребляться в узком и в широком смысле. В узком смысле он означает просто инвентарь общеобязательных графем, в широком смысле — этот же инвентарь и так наз. базисное соответствие между графемами и фонемами.

Базисное соответствие в принципе может быть описано различными способами. Практически чаще всего используется³⁰ способ, состоящий в указании так наз. базисного правила чтения для каждой графической единицы, т.е. графемы³¹ или графемного комплекса. Под графемным комплексом понимается такое сочетание графем, чтение которого не выводится из базисных правил чтения его компонентов (например, франц. *ch*, *an*, нем. *sch* и т.п.).

Две графические единицы с одинаковым базисным правилом чтения называются омофоничными (ср. упрощенную форму этого определения в § 4). Поскольку все графемы, образующие одну и ту же букву (см. § 4 и 9), омофоничны, базисные правила чтения могут формулироваться также непосредственно для букв. Соответственно, по аналогии с графемными комплексами можно выделять буквенные комплексы. Буквенный комплекс из двух букв называется диграфом, из трех — триграфом.

Базисное правило чтения графической единицы может представлять собой: 1) указание одной или нескольких фонем (или фонемосочетаний), передаваемых данной графической единицей, или 2) указание каких-то модификаций, которые данная графическая единица привносит в чтение соседних графических единиц. (Возможны также различные комбинации указаний первого и второго типа.)

Первый тип базисного правила чтения характерен для основных графем и для графемных комплексов, второй — для вспомогательных графем. Однако это распределение не строго: например, русск. *ѣ* и *ь*, итал. *h* имеют базисные правила чтения второго типа.

Когда базисное правило чтения предусматривает для некоторой графической единицы более одного чтения, возможны два случая: а) в правиле указано также дополнительное распределение этих чтений от-

---

²⁹ См.: Бодуэн де Куртенэ И. А. Указ. соч. С. 41, 66, 76.

³⁰ Например, в учебниках, кратких описаниях языка, приложениях к словарям и т.п. (в разделе, посвященном графике).

³¹ Однако функция знаков препинания описывается не базисными правилами чтения, а правилами иной структуры.

носителем графического контекста³²; б) такого указания в правиле нет. Пример случая “а”: англ. с читается как /s/ перед *e, i, y*, как /k/ в прочих случаях. Примеры случая “б”: латинские *a, e, i, o*, и передают по две фонемы (одна из которых краткая, а другая долгая); итал. *o* передает /ɔ/ и /ð/, итал. *z* — /ts/ и /dz/ и т. п.

Из изложенного ясно, что базисные правила чтения, вообще говоря, могут быть составлены для одной и той же системы письма по-разному. Помимо того, что одни и те же факты могут быть отображены многими эквивалентными формулировками³³, возможны и некоторые расхождения по существу. Например, базисное правило чтения может отражать или не отражать некоторые относительно более редкие способы чтения данной графической единицы. Соответственно, и само понятие базисного соответствия между графемами и фонемами оказывается не столь жестко определенным, как понятие инвентаря графем.

Эта неопределенность существенно снижается, впрочем, следующим дополнительным требованием: если различное чтение некоторой графической единицы в разных положениях (даже если эти положения, с формальной точки зрения, можно описать в терминах графического контекста) фактически обусловлено синхронными фонетическими закономерностями языка, базисное правило чтения не должно отражать такого варьирования. Например, для русского *ж* в базисное правило всегда включается только чтение /ж/ (а не /ж/ и /ш/). Иначе говоря, базисные правила чтения не дублируют той информации, которая относится к сфере фонетической автоматки.

Пусть имеется некоторое “графическое слово”, т. е. цепочка идущих без пробелов основных графем, при которых могут быть также какие-то вспомогательные графемы. По базисным правилам чтения построим для этого графического слова соответствующую цепочку фонем³⁴; если в каких-либо местах базисное правило предписывает несколько фонем без указания их распределения, то возникает несколько альтернативных

---

³² Никакие иные сведения о распределении чтений (например, списки морфем или слов) в базисных правилах чтения не допускаются. Правда, в практических руководствах правила чтения нередко сопровождаются так наз. “списками исключений”. Однако эти списки не должны квалифицироваться как составная часть базисного правила; в действительности они принадлежат к сфере орфографии (см. § 12). Таким образом, например, в базисное правило чтения русского *г* не может войти /в/ (поскольку это чтение ограничено лишь морфемой *-ого, -его*), в базисное правило чтения французского *on* не может войти /э/ (которое представлено только в слове *monsieur*) и т. п.

³³ Например, можно отдельно описывать функции русской графемы *ь* или же рассматривать *бь, вь, дь* и т. д. как графические комплексы, и т. п.

³⁴ Разумеется, для однозначного осуществления этой операции нужны более детальные формальные указания (например, графемные комплексы должны обрабатываться раньше, чем одиночные графемы, и т. п.); однако здесь мы позволяем себе отвлечься от этой технической стороны дела.

фонемных цепочек. Далее каждая из полученных фонемных цепочек преобразуется (по синхроническим правилам перехода от фонем к звукам³⁵) в соответствующую звуковую цепочку³⁶.

Назовем графическое слово *A* графически правильной записью³⁷ звуковой цепочки *a*, если при описанной выше обработке из этого *A* получается (быть может, в числе прочих) цепочка *a*. Например, любое из русских графических слов *мороз*, *мароз*, *морс*, *марос* является графически правильной записью звуковой цепочки [мрѠс].

§ 12. Орфография — это принятая в некотором обществе или коллективе³⁸ совокупность правил, предписывающих для каждой словоформы определенное (так наз. орфографически правильное) написание (или написания). Нормой является такое положение, когда орфографически правильное написание входит в число графически правильных записей соответствующего звучания. Например, для русской словоформы со значением 'gelu' и звучанием [мрѠс] орфография предписывает написание *мороз* (одно из графически правильных; ср. выше). Однако в части случаев эта норма может нарушаться, т. е. орфографически правильное написание может и не быть графически правильным³⁹; примеры: русск. *того* (где *г* = /в/), франц. *monsieur* (*он* = /э/) и т. п., ср. сноску 32. Особенно много нарушений такого рода в орфографиях, “застывших” в том виде, как они сложились столетия назад (например, английской и французской).

В предельно “жесткой” орфографии для каждой словоформы предписано ровно одно орфографически правильное написание; к этому идеалу приближаются орфографии ряда современных языков. Менее “жесткая” орфография допускает то или иное количество орфографических вариантов. В принципе возможна система письма вообще без орфографии⁴⁰ (или, если угодно, с “нулевой” орфографией), т. е. такая, где вся-

---

³⁵ Предполагается, что в нашем распоряжении имеется описание языка, содержащее такие правила в явном виде.

³⁶ Заметим, что некоторые фонемные цепочки могут оказаться недопустимыми для данного языка; они не подлежат переводу в звуки. Графическое слово, которому отвечают только такие фонемные цепочки, выбывает из рассмотрения (оно “непроизносимо”). Имеются и другие частности, в которые мы здесь не вдаемся (например, в русском языке фонемная цепочка с необозначенным местом ударения должна быть превращена в несколько альтернативных звуковых цепочек с разными ударениями и т. п.).

³⁷ Вместо “запись” может быть сказано также “написание”.

³⁸ Изредка встречается также индивидуальная (т. е. соблюдаемая всего одним лицом) орфография.

³⁹ Ср.: Щерба Л. В. Теория русского письма // Щерба Л. В. Избр. работы по русскому языку / подбор текстов, ред., сост. примеч. М. И. Матусевич. М.: Учпедгиз, 1957. С. 147.

⁴⁰ Ср.: Щерба Л. В. Указ. соч. С. 149.

кую словоформу разрешается передавать любой из ее графически правильных записей (и никак иначе). Если при этом базисное соответствие между графемами и фонемами устроено так удачно, что всякая звуковая цепочка имеет ровно одну графически правильную запись, то перед нами “идеальная” система письма, где нет ни орфографии, ни вариативности.

Понятно, что основная масса орфографических правил — это в сущности правила распределения: а) для омофоничных графических единиц; б) для единиц, которые омофоничны в части графических позиций (ср., например, англ. *k* и *c*, которые в позиции не перед *e*, *i*, *y* читаются одинаково как /k/); в) наконец, для графических единиц, которые в определенных условиях конкурируют друг с другом из-за того, что противопоставление соответствующих фонем может нейтрализоваться (ср. русские *о* и *а*, *с* и *з* и т. п.). Так, в дореволюционной русской орфографии имелись, в частности, определенные правила выбора между *и* и *і*, между *ѣ* и *ѐ* и т. д.; как прежняя, так и нынешняя русская орфография предписывает определенные принципы выбора между буквами *о* и *а*, *с* и *з* и т. п. для тех случаев, когда их реальные чтения совпадают.

Образно выражаясь, орфография — это средство борьбы за единообразие против тех лишних степеней свободы в передаче звучания, которые предоставляет графическая система. Приемы, используемые в этой “борьбе”, могут быть чрезвычайно разнообразными. Так, орфографические правила могут требовать учета самых различных аспектов слова или передаваемого им понятия (графика, фонология, морфонология, морфология, синтаксис, семантика; происхождение слова; степень уважения пишущего к соответствующему понятию и многое другое). Разнообразна также форма орфографических правил. Так, одни из них сформулированы в общем виде (т. е. применимы к целым классам слов), другие касаются только слов или морфем, заданных списком. Одни прямо указывают графему, которую следует писать в рассматриваемых случаях, другие указывают лишь путь к ее нахождению (ср. тест с проверкой родственных слов и т. п.).

Орфография в значительной мере открыта для новшеств, вводимых отдельными лицами или их группами. Соответственно, она может быть сознательно ориентирована на простоту, последовательность и общедоступность или, в другой социальной ситуации или среде, напротив, на усложненность, труднодоступность, элитарность. Как известно, во всех странах средневековой Европы существовало множество орфографических школ; унификация и даже государственная регламентация орфографии представляет собой исторически позднее явление. Отметим, что отсутствие полной стабильности и единообразия свойственны не только орфографии, но и графике, однако в этой сфере масштабы вариаций существенно меньше.

С. Н. Цейтлин

СПОНТАННОЕ УСВОЕНИЕ ОРФОГРАФИЧЕСКИХ ПРАВИЛ¹

Если находиться на позициях «антропоцентрической» лингвистики, то нас не может не интересовать то, каким способом каждый человек овладевает правилами орфографии и каким образом пользуется ими в своей письменно-речевой деятельности, т. е. при письме и чтении.

Мы полагаем, что существует два, по крайней мере, пути освоения орфографических правил — в одних случаях они осваиваются логическим путем, что предполагает их обязательное описание (кодификацию) и так называемое «актуальное сознание» (термин А. Н. Леонтьева²). В других же случаях (гораздо более многочисленных, чем это может показаться на первый взгляд) человек осваивает их самостоятельно, спонтанно, в процессе собственной речевой деятельности, при этом большую роль играет опыт не только и не столько письма, сколько чтения.

Очевидно, можно условно говорить о двух разрядах правил — одни из них определить как правила «первого эшелона» (речь идет о правилах, осваиваемых самостоятельно, неосознанно), вторые — как правила «второго эшелона», связанные с необходимостью их актуального сознания,

---

Печатается с разрешения С. Н. Цейтлин по изданию: *Цейтлин С. Н.* Спонтанное усвоение орфографических правил // Кириллица — латиница — гражданица: коллективная монография / НовГУ им. Ярослава Мудрого; отв. ред. Т. В. Шмелева. Великий Новгород: [б. и.], 2009. С. 264–273. (Монографии. Вып. 11).

¹ Работа выполнена в рамках исследований детской речи при поддержке РФФИ (гранты № 00-1509885 и № 97-06-80333); первая версия под названием «К вопросу о возможности спонтанного усвоения орфографических правил» опубликована в сборнике: Человек пишущий и читающий: проблемы и наблюдения: материалы международной конференции (Санкт-Петербург, 14–16 марта 2002 г.). СПб., 2004. С. 30–39.

² *Леонтьев А. Н.* Психологические вопросы сознательности учения: Вопросы психологии понимания // Известия АПН РСФСР. Вып. 7. М., 1947. С. 20.

предполагающие определенные размышления при выборе того или иного решения. Разумеется, граница между теми и другими у каждого человека своя; люди, наделенные так называемым «языковым чутьем», способны осваивать эмпирическим путем те правила, которые другие постигают только через описания и объяснения.

Между тем очень часто (особенно в педагогической практике) термин «правило» трактуется слишком узко — как нечто непременно подвергающееся описанию и предполагающее обязательное запоминание. Именно этим и объясняются всякого рода недоразумения, связанные с методиками «обучения без правил». Любая деятельность, очевидно, осуществляется по определенным правилам, просто в некоторых, достаточно при этом многочисленных, случаях существует возможность их спонтанного усвоения, основанного на тех способах категоризации языковых явлений, которые вырабатываются каждым индивидом самостоятельно. При использовании правил в этом случае степень осознанности самого процесса выбора решения сводится к минимуму.

Большая часть орфографических правил (как, заметим, и почти все правила графики) вообще никогда не подвергалась кодификации и даже не нуждается в ней (по крайней мере, для носителей данного языка как родного). Это оказывается реальным именно потому, что существует возможность их спонтанного усвоения. Эти правила постигаются на начальном этапе освоения грамоты, и в большинстве случаев их использование (мы не касаемся случаев патологии) не вызывает сложностей у пишущих, поэтому мы и не замечаем самого их существования.

Вспоминается известное и часто цитируемое высказывание С. Эрвин-Трипп относительно того, что «для того, чтобы стать носителем языка, <...> нужно овладеть <...> правилами. Это значит, что нужно научиться вести себя так, как будто ты знаешь правила»³. В этой фразе многосмысленно слово *знаешь* — автор стремится разграничить два знания — практическое пользование и теоретическое осмысление. Мы убеждены, что на уровне практического пользования значительная часть орфографических правил доступна ребенку-первокласснику, еще незнакомому с какой бы то ни было лингвистической терминологией. Эти правила даже не переходят в «светлое поле сознания», поскольку к моменту сознательного освоения языкового механизма оказываются так прочно усвоенными, что не нуждаются в формулировании, экспликации.

Что же такое прочное освоение? Мы понимаем под ним интериоризацию, свертывание, связанные с автоматизацией процесса письма. Высшая степень освоения правила — это, видимо, полное исчезновение соотносенной с ним мыслительной операции. Человек не рассуждает: «Я

---

³ Цит. по: Слобин Д. Языковое развитие ребенка // Слобин Д., Грин Дж. Психолингвистика. М., 1976.

напишу *сказка*, потому что — *сказать, рассказать*». Просто он уже не может написать иначе — графическая оболочка той или иной языковой единицы стала достоянием его сознания, сформировался некий графический образ данной языковой единицы. Очевидно, все морфемы осваиваются гештальтно, но при этом ребенку приходится учиться преодолевать звуковое варьирование алломорфов, воспроизводить морфему в ее единственном графическом облике, не зависящем от позиционных и комбинаторных чередований. В результате переработки опыта чтения и письма, а во многом — и в результате создания и упорядочения ментального лексикона, структурирования его особым (прежде всего — грамматическим) образом, создается нечто, что в работах предшествующих лет мы называли **внутренним графическим лексиконом**, а сейчас предпочли бы говорить не об особом ментальном лексиконе, отделенном от устного, но скорее о **графической репрезентации единиц устного ментального лексикона**.

Остается не до конца ясным, в какой степени совпадают единицы устного и графического лексикона — очевидно, тут нет полного изоморфизма. Но сейчас уже можно предположить, что некие интуитивно выработанные представления о единстве морфемы в отвлечении от конкретных ее звуковых разновидностей могут создаваться даже независимо от освоения чтения и письма, на самых ранних, «бесписьменных», стадиях построения ребенком собственной языковой системы. Однако, когда ребенок включается в письменно-речевую деятельность, начинает читать и писать, единство графического облика морфемы, безусловно, закрепляется.

Таким образом, графический ментальный лексикон можно рассматривать как нечто вторичное по отношению к устному ментальному лексикону. У не владеющих грамотой людей, у детей, еще не выучившихся читать и писать, может существовать только устный лексикон, но возникновение и функционирование второго, письменного, во многом предопределено особенностями и способом организации (прежде всего — грамматической) первого, т. е. устного, лексикона. В отличие от «устного» ментального лексикона, «письменный» существует в виде определенных графемных сочетаний, манифестирующих слова, морфемы, слоги.

Очевидно, у каждого носителя языка имеется собственный внутренний графический лексикон, и доступ к нему также у каждого свой, он связан во многом с так называемой ведущей модальностью — один обращается к зрительному (точнее — спеллинговому) образу слова, другой ориентируется на его звуковую форму, третий припоминает движения руки при письме.

Важным является вопрос о том, каковы же единицы этого внутреннего ментального лексикона и каким образом они функционируют в процессе выбора графического решения, т. е. способа кодирования сло-

воформы. Это связано с проблемой ее сегментации. Любая словоформа, как известно, представляет собой совокупность определенных морфем. Вместе с тем, любая словоформа предстает и как некий звуковой комплекс, представляющий определенную последовательность слогов.

Эта двойственная структура словоформы, предполагающая два разных способа ее членения, рассчитана на использование по отношению к ней двойной системы правил письма — правил графики и правил орфографии. В пределах компетенции графики — установление соответствий между фонемами и графемами безотносительно к значению языковых единиц. Графическими правилами предопределяются способы передачи определенных фонем и фонемных сочетаний — согласных со следующими за ними гласными, звука [j]. Установлением фонемно-графемных сочетаний в пределах значимых единиц — морфем и слов — ведет орфография.

Таким образом, пишущий сталкивается с необходимостью двойного членения одного и того же звукового комплекса — в зависимости от того, какая задача стоит перед ним. И в том, и в другом случае работают ассоциативные механизмы, ведущие к аналогиям и основанные на опыте не только и столько письма, сколько чтения. О роли чтения в освоении правил письма первым со всей определенностью писал А. Н. Гвоздев, полемизируя с некоторыми своими современниками, утверждавшими, что не существует сколько-нибудь существенного влияния чтения на орфографию⁴. При этом он опирался не только на разнообразные проведенные им эксперименты, но и (что для нас в данном случае не менее существенно) на анализ письменных текстов одного ребенка, овладевшего многими орфографическими правилами самостоятельно: «Едва ли может быть сомнение, что основным фактором, обусловившим в данном случае правильное письмо разнообразных и достаточно сложных случаев правописания, обычно дающих многочисленные ошибки, является чтение»⁵.

Грамотный человек — это человек прежде всего с богатым графическим лексиконом, доступ к которому в каждом случае не представляет для него труда. В этом лексиконе хранятся образы слогов и морфем, а также морфемных сочетаний. Если такой лексикон создается у ребенка рано и без видимого структурированного обучения, обычно говорят о так называемой «врожденной грамотности».

Мы думаем, что дети сами строят собственную систему письма — подобно тому, как они строят грамматическую систему при опоре на получаемый ими речевой инпут. Они осваивают эмпирическим пу-

---

⁴ Гвоздев А. Н. К вопросу о роли чтения в усвоении орфографии // Русский язык и литература в средней школе. 1934. № 4.

⁵ Там же. С. 15.

тем практически все правила графики (кроме единичных исключений) и очень многие правила орфографии. «Структурированное обучение», грубо вторгаясь в этот процесс, подчас оказывает отрицательное воздействие, деформируя стихийно складывающуюся индивидуальную языковую систему ребенка. Очевидно, даже в целях чисто практических необходимо знать, каким образом ребенок самостоятельно осваивает правила письма.

В свое время, в 30-х гг., такие исследования начал А. Н. Гвоздев — он первый обнаружил, что методика обучения правописанию, принятая в школе (им проанализированы учебники того времени), никак не связана с закономерностями освоения ребенком орфографических навыков. Он первый в России осуществил экспериментальное изучение освоения орфографии, при этом его интересовало не только «сознательное», но и «стихийное» освоение правил письма. Очевидно, помощь детям в освоении правил письма будет тем успешнее, чем больше она коррелирует с процессами спонтанного («стихийного») освоения правил.

Экспериментальные исследования. В исследовании, посвященном процессу усвоения письма в норме и при патологии, мы осуществили ряд экспериментов, целью которых было выяснение того, какие из орфографических правил ребенок в состоянии освоить спонтанно, без помощи взрослых, и какие этапы проходит на этом пути.

Один из экспериментов заключался в том, что дети должны были выбрать способ графической передачи фонемы /a/ в слабой позиции, второй был посвящен выяснению способов передачи на письме фонемы /и/ (тоже в слабой позиции). Оба текста состояли из отдельных предложений. В них содержались разные орфограммы, представляющие целую серию орфографических правил: правописание безударных гласных в корне, как проверяемых, так и непроверяемых ударением⁶, правописание суффиксов наречий, окончаний существительных в пяти падежных формах, окончаний прилагательных, как полных, так и кратких, и др. Никакие из орфографических правил, которые надо было применить, к этому моменту не были пройдены детьми (было изучено лишь правило проверки безударной гласной в корне, но именно на это правило и было допущено наибольшее количество ошибок). В эксперименте участвовали учащиеся 1–2–3-х классов школы и группа дошкольников. Тексты зачитывались (по предложениям), затем дети вставляли пропущенные гласные.

Проанализировав осуществляемый детьми выбор графем в первом и втором эксперименте, мы пришли к следующему выводу: большая часть

---

⁶ Забегая вперед, скажем, что фактор проверяемости существенной роли не сыграл: в корнях с проверяемыми гласными ошибок оказалось не меньше, чем в словах с непроверяемыми.

орфографических правил, применяемых детьми при выборе написаний в начальных классах средней школы, осваивается ими эмпирическим путем и практически не имеет отношения к изучаемым в школе правилам.

Осваивая письмо, дети проходят ряд закономерных этапов.

Первый этап — письмо при опоре исключительно на звучание (фонетическое письмо); при этом буквы используются в их основных (алфавитных) значениях, в нашем случае это проявлялось в предпочтении *А* и *И*. Морфемный статус на этом этапе не играл сколь-нибудь существенной роли.

Второй этап — письмо при опоре на морфологический принцип, но применительно лишь к некоторым, отчетливо идентифицируемым морфемам — флексиям существительных, суффиксам наречий, окончаниям кратких и полных прилагательных. Можно говорить о том, что некоторые единицы ментального лексикона получают на данном этапе свою нормативную графическую репрезентацию. Процесс практического освоения морфологии, который начинается еще на втором году жизни и в основном (для устной формы речи) заканчивается к трем годам, получает свое закрепление в освоении нормативного способа графической репрезентации прежде всего флексий.

В дальнейшем происходит распространение морфемного принципа на правописание не только флексий, но и корневых морфем.

Если пользоваться терминологией Л. Р. Зиндера⁷, дети начинают с использования основного аллографа, а потом уже переходят к второстепенным.

Переход от основного аллографа к второстепенным отчасти расшатывает первоначально сложившиеся звуко-буквенные соответствия, приводя к случаям так называемой гиперкоррекции; однако гиперкоррекция не затрагивает написания окончаний и большей части суффиксов, что говорит о достаточно прочном освоении их графического облика, а именно о том, что эти аффиксы уже стали достоянием внутреннего графического лексикона.

Лучше всего осваивается детьми правописание предлогов. При этом не играет роли возможность опереться на сильную позицию. Очевидно, это объясняется их краткостью, возможностью гештальтного освоения.

Легко осваивается правописание окончаний прилагательных (как полных, так и кратких) — без всякого специального научения.

Если иметь в виду правописание корней, то корни с *А* представляют для детей школьного возраста большую сложность, чем корни с *О*, — они гораздо чаще меняют *А* на *О*, чем наоборот. Это кажется очень странным, но лишь на первый взгляд. Очевидно, отступления от адекватно-фонем-

---

⁷ Зиндер Л. Р. Введение в теорию письма // Прикладное языкознание. СПб., 1996. С. 21.

ного написания можно рассматривать как проявление своего рода гиперкоррекции. В дошкольном возрасте тенденция иная — использовать *А* во всех случаях.

Несколько иное распределение в выборе между *Е/И/Я*. Наблюдается относительное равновесие выбора между *Е* и *И* (как в случае ошибочных написаний, так и в случае правильных). Что касается *Я*, то эта буква уверенно используется детьми для передачи флексии именительного падежа (*яблонЯ*).

Фактор проверяемости до определенного времени не играет сколько-нибудь существенной роли при написании корней, но, видимо, интуитивно используется при написании флексии (*девочкой* как *стеной*).

На начальных этапах (у дошкольников) отчетливо прослеживается тенденция опоры на ударный слог той же словоформы, т. е. в альтернативной ситуации ребенок склонен выбирать ту же гласную, которая имеется в ударном слоге, что, очевидно, можно рассматривать как проявление внутрисловного прайминга (т. е. дети склонны писать *кОровы*, *сАбака*).

Наибольшее число ошибок в корнях с *А*, наименьшее — во флексиях с *О*.

В дошкольный период и в начальной школе ребенок активно осваивает сначала слоговой (это остается за пределами рассмотрения в данной работе), а затем и морфологический принцип письма — самостоятельно и независимо от школьного обучения. При этом первое осознаваемое им членение словоформы есть членение «основа — флексия». Правописание флексий существительных, прилагательных и глаголов (не касаемся пока личных окончаний глаголов настоящего и будущего времени) — самое простое для усвоения. Основа до определенного момента в сознании ребенка остается нечленимой, затем, видимо, происходит членение, но каждая словоформа членилась с разной степенью легкости — это зависит от многих факторов — от степени семантической выделяемости корня, от морфотактической прозрачности (совпадения границ слогов и морфем), от частотности морфем и т. п.

Истинная грамотность определяется не дисциплинированным соблюдением изложенных в учебнике или какой-либо другой книге правил, но умением сделать правильный выбор в альтернативной ситуации, под которой мы понимаем такую ситуацию, когда графика предоставляет в распоряжение пишущего два или несколько вариантов передачи определенной фонемы и лишь на уровне орфографии определяется нормативность одного из них. Таких ситуаций намного больше, чем кажется на первый взгляд, и любой человек сталкивается с ними раньше, чем узнает о существовании орфографии как таковой. Более того, мы совершенно убеждены в том, что значительная часть правил вообще эксплицитно не изучается, а осваивается чисто эмпи-

рическим путем. Об этом наглядно свидетельствует практика детского письма.

Мы считаем, что именно эта способность к эмпирическому освоению правил и лежит в основе того компонента речевой способности, который мы можем условно назвать письменно-речевым (понимая под этим компонентом способность к порождению письменных текстов в соответствии с существующими нормами). Мы совершенно убеждены в том, что каждый ребенок строит сам не только базовую языковую систему, воплощенную в устной речи, но и так называемую письменно-речевую систему.

Думается, что дизорфография в таком случае может быть, по-видимому, определена как специфическое нарушение письма, проявляющееся в отсутствии способности человека самостоятельно строить свою собственную графико-орфографическую систему на основе анализа получаемого им письменного и устного инпута. Напротив, тот, кто без труда и без видимой помощи других людей в состоянии сделать это, и есть человек, которого мы называем «абсолютно грамотным», говоря о феномене так называемой «врожденной грамотности».

Процесс использования орфографического правила постепенно автоматизируется, уходит из «светлого поля сознания», складывается так называемый «внутренний графический лексикон», в качестве единиц которого выступают звуковые комплексы, представляющие морфемы, в некоторых случаях — отдельные лексемы и словоформы.

Изучение соотношения детских нормативных и ненормативных написаний представляет интерес и с собственно теоретических позиций. Ненормативные написания являются разновидностью так называемого «отрицательного материала», на необходимости изучать который указывалось⁸. Для лингвиста открывается интереснейшая возможность выявить реальную систему орфографических правил, часть которых, возможно, еще не попали в поле зрения специалистов-теоретиков. Исследование закономерностей этого «стихийного» освоения правил письма позволяет обнаружить иерархию правил как в сфере графики, так и в сфере орфографии, разграничить основные (базовые) правила и частные правила, а также выявить отклонения от тех и других. В этом смысле очень важно изучение самой последовательности «стихийного» освоения правил, вскрывающей их внутреннюю организацию.

Важность изучения этого материала для педагогов и дефектологов настолько ясна, что нет необходимости ее доказывать. В целом мы присо-

---

⁸ Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании (1931) // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 33.

единяемся к точке зрения Н. Д. Голева, убедительно аргументированной в его работах⁹, относительно возможностей так называемой интуитивной орфографической деятельности, связанной с тем, что он называет морфемно-деривационной языковой базой. Несмотря на значительные терминологические различия, общие результаты исследований, проводимых у нас Санкт-Петербурге¹⁰, в Москве¹¹ и Барнауле, совпадают, что косвенно говорит в пользу их объективности.

---

⁹ См., напр.: *Голев Н. Д.* 1) Антиномии русской орфографии. Барнаул, 1997; 2) О природе орфографической интуиции: (К постановке проблемы) // Человек пишущий и читающий: проблемы и наблюдения: материалы международной конференции (14–16 марта 2002 г., С.-Петербург). СПб., 2004.

¹⁰ *Кузьмина Т. В.* Функциональный анализ фонемно-графемных соответствий в письменной речи детей (на материале согласных): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005.

¹¹ *Богомазов Г. М.* Сосуществование двух фонологических систем в языке ребенка // Вопросы языкознания. 2000. № 1. С. 102–110.

Н. Д. Голев

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ «ОБЪЕКТИВИСТСКОГО» ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ В ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Возможно впервые вопрос об орфографии как самостоятельной сущности, как объективной данности языка поставил Г. О. Винокур в статье «Орфография как проблема истории языка»¹, написанной в 1945 и опубликованной в 1959 году. Ср.: «Орфография может и должна изучаться не только как ключ к фонетике, но так же и как самодовлеющее явление языка среди прочих других его явлений — фонетики, морфологии, синтаксиса, лексики и т. д. Иначе говоря, возможна и необходима особая лингвистическая дисциплина, имеющая своим предметом орфографию как таковую... Можно и должно изучать орфографические факты в их объективной данности, независимо от того, какими правилами употребления они продиктованы и в какой степени они вообще отвечают тем или иным правилам»². Несмотря на всю естественность данных положений, они фактически оказались невостребованными теорией орфографии, в которой «объективистский» подход, составляющий основу фундаментального аспекта теории, оказался едва ли не полностью³. вытеснен

Печатается с разрешения Н. Д. Голева по электронной версии, опубликованной на сайте автора: *Голев Н. Д.* Некоторые проблемы «объективистского» изучения русской орфографии в функционально-прагматическом аспекте. Б. г. URL: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/v95.html> (дата обращения: 01.03.2019). Печатная версия опубликована в сборнике: Актуальные направления функциональной лингвистики: материалы Всерос. науч. конф. «Языковая ситуация в России конца XX века» (г. Кемерово, 1–3 декабря 1997 г.). Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2001. С. 158–167.

¹ *Винокур Г. О.* Орфография как проблема истории языка // Винокур Г. О. Избр. работы по русскому языку / сост., ред. С. Г. Бархударов. М.: Учпедгиз, 1959.

² Там же. С. 463.

³ В качестве примера, исключения из описанной ситуации, можно привести работы Б. И. Осипова, посвященные истории русской орфографии (см., в частности:

прикладными аспектами (подходами) — проблемами реформирования правописания, орфографического нормотворчества, “правилотворчества”, методики преподавания орфографии и овладения грамотным письмом (иногда — практического владения ими), наконец, для изучения через орфографию тех или иных проблем лингвистики⁴. Именно поэтому вопрос об орфографии как объективной данности трудно ставится и воспринимается сам по себе; всякий раз при его постановке у читателя или слушателя с традиционным видением предмета орфографической науки возникает стремление подвести его к тем или иным прикладным вопросам, поставить сказанное об орфографии в объективистской модальности на шкалу практических выходов; так, в частности, самые общие вопросы обычно воспринимаются в виде теоретического обоснования того или иного подхода к ее реформированию.

Этот момент важно подчеркнуть. Мы полагаем, что вопрос о реформе орфографии вовсе не обязательно нужно жестко связывать с оценкой ее объективного состояния (качества, статуса, устройства, особенностей функционирования). Ясно, что практический план реформирования неотрывает от аспекта “цена реформ”, который не зависит напрямую от качества, и что по этой причине он предполагает во многих случаях необходимость и возможность “смириться” со сформировавшимся состоянием современной орфографии. Объективистское рассмотрение орфографии предполагает, что орфографию следует изучать “как таковую” — как объективную данность, как особый речевой механизм и подсистему языка, которые сложились в течение многовековой практики письма, имеют свои собственные далеко не очевидные закономерности, подлежащие “естественно-научному” изучению. Многие из них подчинены общеязыковым закономерностям и являются его частными проявлениями, многие — достаточно специфичны, и соотношение данных типов детерминации правописания — важный предмет “объективистской” орфографии.

Это ко всему прочему означает, что они (механизм, подсистема и т. д.) отнюдь не предопределены в абсолютной степени предписаниями установителей норм, правил, реформаторами или специалистами в области обучения языку, но имеют свой естественный, стихийный статус, и само соотношение предписываемого и стихийного в обыденной орфо-

---

Осипов Б. И. История русской орфографии и пунктуации. Новосибирск, 1992). Применительно к синхронному состоянию русского языка данный подход теоретически разрабатывался нами в ряде работ (см., например: *Голев Н. Д.* 1) Неканоническая орфография русского языка (к постановке проблемы) // *Известия Алтайск. гос. ун-та. Серия “История. Педагогика. Филология и журналистика. Философия”*. Барнаул, 1997. № 2; 2) Антиномии русской орфографии. Барнаул, 1998).

⁴ Характерны в этом отношении работы А. В. Глазкова: *Глазков А. В.* Правила о разделительных знаках в “нормативной” и “ненормативной” орфографии // *Русский язык в школе*. 1995. № 1.

графической деятельности — тоже одна из важных задач естественно-научного ее изучения. Заметим, что в канонической теории орфографии этот вопрос ставится крайне редко: “сделанность” и “делаемость” орфографических систем и алгоритмов решения орфограмм предстает в современных орфографоцентристских представлениях как самоочевидный факт.

Что же касается реформирования правописания⁵, то с данных позиций оно вполне может ставиться в определенную зависимость от объективистского изучения закономерностей обыденного функционирования системы орфографических норм — прежде всего для того, чтобы, будучи кодифицированными, они были бы в некотором роде изначально “легитимными”, т. е. соответствующими тем реальным потребностям и возможностям языковой и неязыковой ментальности, практическим потребностям и возможностям и т. п., наличие которых сейчас если и предполагается, то тем не менее фактически не изучается и не учитывается, поскольку относится теоретиками орфографии, нужно полагать, к явлениям, не заслуживающим серьезного отношения; тем самым предполагается некий тезис вроде такого: “в самом деле, разве может знать больше теоретика о том, как нужно писать по-русски, человек, всю жизнь пишущий на русском языке исключительно как практик?”.

Тем не менее, несмотря на определенную зависимость от объективистского изучения, вопрос о “цене реформ” следует оценивать как проблему, составляющую особый предмет изучения, который имеет свои презумпции, задачи и методы. Например, объективистская (в первую очередь — функционально-прагматическая) оценка качества сложившейся орфографии как не соответствующего идеалам прагматики письма вовсе не обязательно должна вести к выводу о необходимости ее реформирования, так как необходимость в этом аспекте неотрывна от других модальностей (целесообразности, возможности и т. п.). Последние же включены во многие другие парадигмы, не предполагаемые функционально-прагматическим аспектом, например, в сфере, связывающей орфографию с культурой (в том числе культурой письма, имеющей свои давние традиции и зафиксированной в толще написанного на русском языке), с участием ее в формировании целостного национального сознания и т. п., роль таковых парадигм здесь может быть оценена как более значимая, чем просто прагматическая целесообразность. Но и этот вопрос (вопрос о соотношении объективистских и прикладных аспектов) — также особый предмет общей теории орфографии, а не публици-

---

⁵ Если же иметь в виду юридический смысл ошибок, определяющих, например, поступление в вузы и т. п. (*Львов М. Р.* Риторика: учеб. пособие для учащихся 10–11 кл. М., 1995. С. 52), то орфография по праву может быть названа “право”-писанием.

стики (как это нередко происходит сейчас). В частности, можно предположить, что далеко не все “ценности” нынешней орфографии входят или вошли в культурный фонд нации и что, может быть, лишь “сакральное” отношение к ним оберегает их от бесстрастных оценок на шкале соответствия/несоответствия идеалам прагматики, которые естественным образом могут появиться вследствие объективистского изучения и тем самым нарушить априорное отношение к ней. В качестве иллюстрации сказанного укажем на несколько функционально прагматических моментов, способных привести и поставить русскую орфографию на аксиологическую плоскость.

Скажем, описки, небрежности в каллиграфии и плохой почерк обладают значительно большими помехообразующими способностями при восприятии текста, чем орфографические ошибки (особенно ошибки смыслодифференцирующего типа: одна или две Н в причастиях и прилагательных, слитное или раздельное написание НЕ с прилагательными и причастиями), однако отношение к ним в теоретической лингводидактике и практике (например, при проверке абитуриентских сочинений и изложений) достаточно снисходительное. В школе им не уделяется должного внимания. В частности, чистописания по сути не стало уже и в начальных классах; сам этот термин основательно забыт, вытесненный термином “правописание”, понимаемым исключительно орфографически. Описки нарушают законы написания звуков в сильных позициях и, следовательно, существенно мешают восприятию (идентификации) слов, ошибки возникают в фонетически слабых позициях, самим языком отдаленных от необходимости и возможности регулярной и стопроцентной дифференциации звуковых оболочек именно по причине их “слабости”. Это означает, что описка нарушает языковые правила (внутренний код языка), а ошибка нарушает метаязыковые правила, именно по отношению к ним описка оценивается как нечто негрубое, оправданное, требующее понимания и снисходительности к пишущему, а ошибка рассматривается как явление недопустимое. По сути такие оценки возникают на морально-пуристической шкале, тогда как прагматическая шкала вообще по каким-то причинам не актуализируется в теории орфографии, а через нее — и в орфографической практике. То же самое можно сказать и о почерке. В ходе проверки абитуриентских работ часто наблюдается ситуация, когда проверяющий преподаватель, устав от помех, создаваемых плохим почерком, приходит в негодование, но в то же время он не может снизить за это оценку, ибо почерк не рассматривается в качестве принципиальной коммуникативной ошибки: нельзя к человеку придирается — таков-де он, таков его почерк; не понимаешь его — твои проблемы, а не абитуриента. Но плохой почерк является по сути (коммуникативной сути языка!) “суперошибкой” пишущего, не берущего в расчет восприятие того, что он написал, адресатом, отрицающего нормы калли-

графии и графологии и вместе с ними — этические требования к пользованию ими (причем последние нарушаются здесь в гораздо большей степени, чем в случае орфографических ошибок в силу очевидности для самого пишущего создаваемых им помех читателю).

В этом же ключе можно рассмотреть отношение к “просветительской” функции правописания. Нередко необходимость напряженных умственных усилий при решении орфограмм оправдывается глубиной и пользой (в познании ли языка, расширении ли горизонта или просто развития ума). Но зачем правописанию, имеющему весьма прагматические коммуникативные задачи, орфографическая “неповерхностность” — на этот вопрос каноническая орфография не отвечает.

В этой связи уместно вернуться к вопросу о цене реформ и поставить вопрос о цене неформируемой орфографии, в частности, о цене тех усилий для усвоения “неповерхностных” действий, требующего десятки лет (даже на филологических факультетах, например, регулярно встает вопрос об орфографическом ликбезе); как показывает вековой опыт функционирования нашей орфографии, эти усилия не способны существенно увеличить уровень грамотности, точнее сказать — одолеть тот идеал грамотности, который каноническая орфография предполагает. На наш взгляд, правильная постановка вопроса, требующего, конечно, серьезного исследования, — можно ли меньшей ценой (например, развитием способности интуитивного письма, обходящегося без правил) достичь достаточной для обеспечения нормальной (т.е. без существенных помех) обыденной коммуникации в ее письменной разновидности. Нам представляется, что это вполне реальная вещь, разумеется, если за идеал массового письма не брать стопроцентное единообразие написаний (этот идеал явно недостижим, он противоречит принципу необходимой и достаточной степени затрат речевых усилий для получения удовлетворяющего коммуникацию результата). Заметим в этой связи, что один из аспектов такого противоречия канонической орфографии — ее уверенность в необходимости следования русской орфографии отражательному (уже — фонетическому) принципу, который в конечном итоге базируется на анализе содержательной или звуковой стороны речи слова, причем, для первой — это анализ слабых, неясных, ее позиций, называемых ошибкоопасными, ср.: “Шумный перед шумным (СБИТЬ, КОСЬБА, ДОРОЖКА) — смотри в оба! Мягкий зубной перед мягким зубным — может появиться “незаконный” мягкий знак” и т.п. (из учебника для 5-го класса). Но такого рода анализ — дорогая цена для деятельности, если она не преследует (само)цели отражения фонемного состава звуковых оболочек слов (в отличие, например, от их фонематической транскрипции), а стремится к беспрепятственному пониманию написанного. Впрочем, и смысловой анализ в случае дифференцирующих написаний обращает внимание пишущих на “слабые”, неясные случаи. При этом не

исключено, что акцентирование внимания на слабых позициях отвлекает пишущего от позиций сильных и способствует увеличению числа опечаток, вероятность которых усиливается снисходительным отношением к ним официального (и общественного?) мнения.

Особого внимания “объективистской” орфографии в аксиологическом плане заслуживают дифференцирующие написания, неизменно привлекающие большое внимание учителей и учащихся, которое, однако, не избавляет ученические работы от массы ошибок в соответствующих орфограммах, регулирующих написание полных и кратких причастий, слитное или раздельное написание наречий, образованных от существительных, и т. п. Весьма нередко они расцениваются как некая “тонкость”, которую необходимо оберегать для развития лингвистических способностей носителей русского языка.

Если же отвлечься от “просветительской” функции орфографии, сосредоточиться на функционально-прагматической ее сути, то естественным образом возникает вопрос о самой необходимости дифференциации такого рода смыслов для письма как целесообразно-удобного способа общения. На наш взгляд, правильная постановка вопроса здесь следующая: является ли интерпретирующая функция орфографии принципиально необходимой для письменной речи (в первую очередь для процессов ее восприятия)? Ответ же на этот вопрос следует искать в реальностях обыденного восприятия (чтения) текстов — действительно ли дифференцированные написания участвуют в процессах семантизации текста, в понимании различия смыслов его единиц и т. п.? Или, быть может, они просто не замечаются, и те усилия, которые затрачивает пишущий, просто не востребованы (ср.: невостребованны!)? Наши наблюдения в этой сфере орфограмм⁶ говорят об отсутствии их функционально-прагматического содержания. На аксиологической шкале этот тезис может быть сформулирован как утверждение об искусственном навязывании русской орфографии интерпретационной функции, которая в письменной деятельности фактически “не действует”; и это ее “бездействие” — главное доказательство отсутствия “жизненной” необходимости в ней для обыденной письменной деятельности.

Есть ли теоретические основания у такого утверждения? На наш взгляд, их вполне достаточно, чтобы всерьез рассматривать данную гипотезу. В обычной (звуковой) речи звуки не выполняют непосредственно смыслоразличительной функции — они призваны дифференцировать звуковые оболочки слов⁷. Хорошо известно, что язык строит слова таким

---

⁶ Голев Н. Д. Антиномии русской орфографии.

⁷ См. об этом, например: Мигирин В. Н. Язык как система категорий отображения. Кишинев, 1973.

образом, чтобы их звуковые оболочки различались достаточно хорошо, с определенным запасом “устойчивости” по отношению к помехам слуха, в том числе к явлениям омонимии, паронимии и т. п. (подавляющее большинство слов отличается друг от друга на большее, чем на один, число звуков), по этой причине лишь небольшая часть возможных комбинаций фонем оказывается реально задействованной в составе морфем лексем русского языка. Омонимические и паронимические “выходы” звуковых оболочек в инвентарь морфем и слов, хотя и немалые, но все-таки они по отношению к этой всеобщей тенденции случайны (точнее, может быть, сказать — необязательны), периферийны; они не оказывают существенного воздействия на их функционирование в речи. Именно поэтому язык не вырабатывает никаких специальных средств против их неразличения; нужно полагать, что он с полным основанием “рассчитывает” на то, что контекст легко справится с дифференциацией смыслов. Важно подчеркнуть, что язык делает это не только по отношению к омонимам (с их относительно закрытым и ограниченным списком), но и по отношению к безбрежному океану полисемии и — в значительной мере — и в отношении более тонких оттенков, чем те, которые фиксируются в словарях как лексико-семантические или морфемно-семантические варианты.

Более того, бесконечная смысловая валентность языкового знака⁸ чаще всего осуществляется в пределах единой материальной формы этого знака, тогда как дифференциация звуковых оболочек определенным (может быть, даже строгим) образом дозирована в языке (например, словообразовательными моделями). На фоне успешно функционирующего непрерывного семантического пространства попытки орфографии “самостоятельно” (без “санкции” языка) “вычерпнуть” из океана незначительную каплю смыслов, фетишизировать ее, призвав всех носителей русского языка к неукоснительной дифференциации, выглядят по меньшей мере произвольными. Попытки же объяснить орфографический отбор этих смыслов малоубедительны (и, разумеется, мало убедительны). Репликой в скобках мы хотели бы включить читателя в эксперимент по ходу чтения: предлагается ответить на вопрос, какой смысл несет разное написание, нарочито представленное в виде смысловой оппозиции, как бы уточняющей смысл предшествующего члена. Возможно, лингвист и вычленил дифференциальный оттенок. Но релевантен ли он в обычном функционировании такого рода написаний (не говоря уже о вопросе — замечается ли он вообще рядовыми носителями русского языка)?

Далеко не случайно, что в языке фиксация внимания на омонимических и паронимических отношениях, как правило, осуществляется в каламбурах, языковой игре, всегда предполагающих выход за пределы

---

⁸ Лосев А. Ф. О бесконечной смысловой валентности языкового знака // Лосев А. Я. Знак. Символ. Миф. М., 1982. С. 114–125.

ядра системы и нормы на их периферию. Язык как бы говорит — “функционально значимая дифференциация омонимов в естественной речи, в обыденном языковом сознании — это смешно, несерьёзно”. Если посмотреть с этих позиций на те случаи, которыми обычно иллюстрируют значимость орфографической дифференциации разных смыслов (это один из традиционных доводов лингводидактики, объясняющей необходимость орфографического единообразия на письме), то очевидной становится явная ограниченность ее возможностей, надуманность ситуаций, и самое главное — на их фоне становится очевидной нерелевантность актуализации дифференцирующих написаний при обычном (не игровом) восприятии дифференцирующих написаний. Известный пример в учебнике, показывающий значимость орфографии, — рисунок бабушки, которая с умилением полощет котенка, потому что внук прислал ей записку: “Бабушка, полоскай моего котенка!”. Симптоматично, что значимость интерпретирующей функции орфографии иллюстрирует глуповатый персонаж: нормальный человек не придает буквам смысла больше, чем контексту в целом (тем более, если он достаточен для естественного восприятия заложенного пишущим смысла). Орфографическая “гиперзоркость” и “гиперинтерпретационность” — гораздо более грубые коммуникативные ошибки, чем незамечание орфографической стороны письма (как правило, и в устной речи мы не замечаем звукового устройства слова при его восприятии, фиксируя все внимание на его смысловой стороне). Мы уже не говорим, что авторы данного “убеждающего” примера не смогли создать текста, в котором совпадение контекстов было бы естественным даже не в житейском, а в собственно лингвистическом смысле: ПОЛОСКАТЬ и ПОЛАСКАТЬ — глаголы разных видов и словоизменительных классов, и форма императива у них разная: ПОЛОЩИ и ПОЛАСКАЙ. Но в орфоэпическом и грамматическом отношении “бабушка” уже не проявляет суперпуризма (впрочем, к ним не так строга и наша школьно-абитуриентская практика, что также труднообъяснимо с функционально-прагматических позиций).

Гораздо меньшие помехообразующие способности у грамматико-дифференцирующих написаний. Все шутки на эту тему — по сути слуховые, обыгрывающие омонимию и полисемию слов, но не орфографические каламбуры. Например, в анекдоте о демонстрантах, которые несут транспарант с надписью “Свободу Брежневу!” и на вопрос о том, откуда стало известно, что Брежнев в тюрьме, отвечают: “Мы слышали по радио, что “в заключение Леонид Ильич сказал...”, комический эффект никоим образом не связан с орфографической дифференциацией (в заключении — в заключение), и если бы демонстранты не услышали фразу по радио, а прочитали бы ее в газете — рядовые носители русского языка восприняли бы его точно так же, как в звуковом восприятии, и если по-

пытаться навязать им этот смысл через указание на орфографическую путаницу как причину демонстрации — комический эффект, скорее всего, просто бы не возник: звуковая омонимия хотя и периферийная, но все же норма, нарушение которой релевантно для обыденного сознания более и менее развитого типа: омофония же выходит за пределы его возможностей, и орфографическая ошибка грамматико-дифференцирующего типа как основа каламбура может быть актуальной лишь для “гиперграмотных” носителей языка (только они, например, могут заметить двусмысленность орфографии на лозунге “Не даром Россия выбрала Гайдара!”). Точно так же в шутке “Уважаемая редакция, вы написали, что в Африке недоедают; так нельзя ли попросить африканцев, чтобы то, что они не доедают, они присылали бы нам” комический смысл не связан с разным написанием, предполагающим дифференциацию смыслов (недоедают, не доедают) — эти смыслы в звуковой речи достаточно хорошо дифференцирует контекст, и комический смысл на слух доступен всем. Какова же тогда необходимость выражать различия на письме? Более того, орфографическое разжевывание анекдота явно не усилило бы комизм.

Таким образом, суперсложные правила, опирающиеся на семантический анализ контекста, которыми надо пользоваться для разведения такого рода смыслов на письме, оказываются как бы избыточными и в функционально-прагматическом плане они не оправданы (неоправданны!).

ИСТОРИЯ ПИСЬМА

Г. О. Винокур

ОРФОГРАФИЯ КАК ПРОБЛЕМА ИСТОРИИ ЯЗЫКА

Историки языка обычно очень пристально изучают орфографию памятников, но преимущественно с той целью, чтобы этим путем разгадать звуковую строй речи, отражаемой данным памятником. Между тем орфография может и должна изучаться не только как ключ к фонетике, но так же и как самодовлеющее явление языка среди прочих других его явлений — фонетики, морфологии, синтаксиса, лексики и т. д. Иначе говоря, возможна и необходима особая лингвистическая дисциплина, имеющая своим предметом орфографию как таковую. Эта дисциплина должна изучать орфографические факты в их взаимной соотносительности со стороны образуемой ими системы, как она вообще обнаруживается в фактах истории языка.

Надо оговориться, что здесь идет речь об орфографии не непременно нормализованной. Этимологическое значение самого слова «орфография», к сожалению, таково, что мешает мыслить орфографию в отвлечении от принципа упорядоченности языкового употребления. К тому же орфография — это чуть ли не первое в языке, на что обращается нормирующее внимание человеческого общежития. И тем не менее можно и должно изучать орфографические факты в их объективной данности, независимо от того, какими правилами употребления они продиктованы и в какой степени они вообще отвечают тем или иным правилам. Может быть, нужно было бы условиться называть с данной точки зрения эти факты как-нибудь иначе. Но сейчас я не хочу придумывать новых терминов в надежде, что сделанная оговорка достаточна для предупреждения возможных недоразумений.

Печатается по первой публикации: *Винокур Г. О.* Орфография как проблема истории языка // *Винокур Г. О.* Избр. работы по русскому языку / сост., ред. С. Г. Бархударов. М.: Учпедгиз, 1959. С. 463–467. Подзаголовок: «Печатается впервые. Написано в 1945 г.».

Имея в виду эту оговорку, попытаюсь наметить теперь некоторые общие положения, которыми, как мне кажется, может быть охарактеризована постулируемая здесь наука об орфографии как особом и специфическом явлении истории языка.

I. Все орфографические различия, наблюдаемые в истории языка, могут быть прежде всего сведены в две следующие основные категории:

1) Орфографические различия, прямо отражающие соответствующие звуковые различия. Это орфограммы, выступающие как знаки звуков речи в их различиях и связях. Такие орфографические различия могут быть поэтому названы служебно-орфографическими различиями.

Они могут отражать:

а) различия фонем, например: *травы* — *воды*, *травá* — *водá* или же

б) различия разных положений одной и той же фонемы (вариантов), например: *вада* — *вóды*, *травá* — *травы*.

Разумеется, самое качество звука ни в какой орфографии никогда прямо не отражено и может быть установлено только исследованием соответствующей произносительной традиции, откуда бы это исследование ни черпало нужные ему для этого данные.

2) Орфографические различия, не зависящие от различий фонетических. Этого рода различия в свою очередь могут быть двух родов:

а) орфографические различия, обладающие дифференцированными функциями, грамматическими или лексическими. Соответственно их можно называть функционально-орфографическими различиями. Сюда относятся, например, различия в употреблении строчных или прописных букв, различия слитных и раздельных написаний вроде *не даром* — *недаром*. В известный период древнерусской письменности существовали такие орфографические различия данной категории, как например *рабомъ* (творительный падеж единственного числа) — *рабѡмъ* (дательный падеж множественного числа), соответственно *конемъ* — *конѡмъ*. Мелетий Смотрицкий учил различать *языкъ* в значении «народ» и *азыкъ* в значении «удъ тѣлесный». Сюда же отнесем различия вроде *сельъ* — *сель* в стихотворной традиции XVIII в., *ѣли* — *ели*, *миръ* — *миръ* и т. п. в орфографии досоветского времени. Ср. известную цепь подобного рода написаний во французском языке: *cent, sèn, sang, sens, sans*. Это явления, отчасти родственные явлениям идеографии, хотя и не вполне того же характера.

Сюда же могут быть причислены и случаи вроде *варение* — *варенье*, где разница написаний выражает разницу между *nom<en> actionis* и *nom<en> acti*, но не непременно разницу произношения, которое может оставаться одинаковым в обоих случаях;

б) орфографические различия с тождественностью функции, например: *вѣроу* — *вѣрѣж*, *тѣргѣ* — *тѣргѣ* — *тѣргѣж* в древнерусском языке, *мѣль* — *мелкій* в досоветской орфографии, *добрый* — *милой* в орфографии хотя бы пушкинского времени и т. д.

Это различия собственно орфографические, то есть такие, за которыми не стоят никакие различия иного рода. Конечно, без помощи фонетики, грамматики и лексики невозможно установить, имеем ли мы дело с различиями собственно орфографическими или орфографическими различиями другой природы. Но ведь так и всегда бывает в науке о языке. Например, без помощи морфологии невозможно установить, две разные фонемы или два варианта одной и той же фонемы представляют собой чередование *д* твердого и *д* мягкого в словах *вода* — *воде*. Однако от этого фонетика не перестает быть наукой с самостоятельным объектом.

II. Последняя из отмеченных групп орфографических явлений представляет тот специфический интерес, что относящиеся к ней орфографические факты бессодержательны, точнее — исчерпываются исключительно лишь своим орфографическим содержанием. В истории языка подобные орфографические различия с течением времени или вовсе устраняются, или же получают различные функции.

Пример первого рода — устранение дублета *оу* — *ж* в течение XII в., *-ой* — *-ый* в окончании именительного падежа ед. «индивидуального» числа прилагательных мужского рода в течение второй половины XIX в., устранение *ть* в XX в. Что же касается возможных дифференциальных моментов в истории различий, первоначально имевших чисто орфографическое содержание, то по этому поводу можно заметить следующее:

1) Наступающая дифференциация может быть морфологического содержания. Примером может служить наметившаяся к концу XVIII в. двоякая дифференциация написаний *-ый* — *-ой* в окончании именительного падежа ед. «индивидуального» числа родовых слов в мужском роде: а) *-ый* — общее окончание родовых слов в указанной форме, а *-ой* — только слов непричастных, то есть одинаково возможно *писанный* — *писаной*, но только: *написанный*; б) *-ой* — общее окончание прилагательных и местоимений в данной форме, а *-ый* — только прилагательных несубстантивированных, то есть создается противопоставление типа *доброй*, *малой* — *добрый*, *малой*, но невозможно: «*добрый*, *малый*».

2) Исследуемая дифференциация может быть словарного содержания. В этом случае каждый из членов дублетной орфографической пары прикрепляется к определенному кругу слов. Такова история отношений между *ть* и *е* в словах вроде *мтьль* — *мелкий*, *стдла* — *села* и т. д.

3) В иных случаях такая словарная дифференциация может быть осложнена стилистическим моментом. Это бывает тогда, когда конкурирующие написания распределяются между разными словами в зависимости от придаваемого им узусом стилистического веса, например: *-ый* в окончании славянизмов, *-ой* в окончании просторечных слов, то есть *гибельный*, но *ветхой*. Это то, что может быть названо словарно-стилистической дифференциацией дублетных орфограмм.

4) Наконец, соответствующие различия могут быть и сами по себе дифференцированы стилистически, независимо от круга слов, в составе которых они встречаются. Иначе говоря, они могут придавать различный стилистический вес одному и тому же слову, одной и той же форме, как например: *добрый* — *добро́й*, *сла́дкий* — *сла́дкой*, из каковых написаний первое трактуется как книжное, правильное, славенское, другое — как просторечное и т. д. (-ий после заднебных есть, разумеется, не что иное, как позиционный вариант орфограммы -ий). Это будет случай дифференциации собственно стилистической.

(Вопрос о том, не сопровождалось ли различие написаний -ий — -ой в известную пору также произносительным различием и каким именно, разумеется, остается, но здесь может не рассматриваться как посторонний для основной темы настоящих заметок.)

Вообще же надо заметить, что всякое упорядочение орфографии стремится не столько к дифференциации, сколько к полному устранению орфографических дублетов.

III. Не всегда легко решить, куда относятся отдельные факты, если твердо помнить, что за одним и тем жеписанием могут скрываться множественные явления фонетики, грамматики и лексики. Например, разница написаний *верьхъ* — *первый* в некоторых памятниках XVIII–XIX вв. может быть отражением разницы произношения *věr'x* — *pěrvyj*, но может быть и чисто орфографическим различием, предполагая одинаковое произношение *věr'x* и *pěrvyj* и даже *věrx* и *pěrvyj*. Вообще человек может писать *верьхъ* и произносить *věrx*, но может писать *верх* и произносить *věr'x*, как произносят это слово многие грамотные русские до сих пор. В практическом исследовании историк языка так или иначе выходит из этих затруднений, критически сопоставляя различные данные, строя те или иные гипотезы и т. д. Но принципиально — всё возможно, и этого достаточно, чтобы помнить о необходимости очень настороженного и осмотрительного отношения к фактам орфографии при изучении вопросов фонетики, так как даже очень искусственный лингвист легко может смешать букву и звук.

Вообще такого рода исследования, бывшие столь модными и обильными во время Шахматова, Леонида Васильева, нельзя не признать делом исключительно неблагоприятным.

IV. Относительно причин, вызывающих изменения в орфографии, ограничусь следующими немногими замечаниями.

1) Появление новых фонетических различий может (но, конечно, не должно) вызывать появление и новых орфографических различий первого (служебного) характера, как например *водá* — *вóды* > *вада́* — *вóды*.

2) Устранение существовавших фонетических различий может превращать орфографические различия служебного характера в собственно орфографические различия (тип 2). Сюда относится, например, история букв *ть* и *е*.

3) Такие же орфографические различия могут возникать в случае заимствования орфографии из языка, в системе которого есть фонетические противопоставления, отсутствующие в заимствующем языке. Таков, например, параллелизм орфограмм *ou* — *ж* в русских памятниках XI–XII вв.

Данный случай различия от предшествующего только тем, что здесь наличие и отсутствие известного фонетического противопоставления характеризуют две различные языковые системы, тогда как раньше шла речь о двух стадиях развития одной и той же системы. Например, если бы русская письменная речь сложилась в эпоху, когда в русской фонетике существовали носовые гласные, то никакой разницы не было бы между историей букв *ъ* и *є*, с одной стороны, и историей орфограмм *ou* и *ж* — с другой.

История языков знает, однако, положения, когда в одном и том же языке в одно и то же время сосуществуют две языковые системы. Так было до известного времени в истории русского языка, где долгое время сосуществовали система языка славянского и система языка собственно русского, правда, имевшие, наряду с различиями, очень много и общих элементов. В первой из этих двух систем, между прочим, отлагались такие явления, которые в прежних стадиях развития языка составляли общий элемент обеих систем, но со временем утрачивались второй из них. И тогда могли возникать такие орфографические противопоставления, которые сразу подходят под обе последние из установленных здесь рубрик. Например, орфографическое противопоставление окончаний *-ый* — *-ой* могло поддерживаться тем, что в одной из сосуществовавших фонетических систем существовало и соответствующее фонетическое различие, поддерживаемое традицией, хотя бы в другой системе этого фонетического различия не было, причем данное орфографическое различие вполне могло уживаться именно со второй из этих языковых систем.

Конечно, всякий признает, что истории русской орфографии еще не существует даже и в сколько-нибудь оформленном замысле. Для будущего может быть не лишне подчеркнуть, что это наука, изучающая не язык вообще, а только письменный язык в его специфических явлениях. Поэтому орфографической науке должно принадлежать выдающееся значение в изучении истории русского литературного языка как особой специфической проблемы русской лингвистики.

Г. О. Винокур

ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ТРЕДИАКОВСКОГО

I

Научная литература, посвященная деятельности Тредиаковского, как известно, в течение последних десятилетий заметно возросла. Но основное лингвистическое сочинение Тредиаковского, именно его «Разговоръ между чужестраннымъ челоувкомъ і російскімъ объ орфографіи старинной і новой і о всемъ что прінадлежитъ къ сей матеріи» (1748), к которому не раз обращались исследователи языковых отношений XVII—XVIII вв. (например, Я. К. Грот, Л. Л. Васильев, В. В. Виноградов), не вызвало все же пока ни одной специальной работы, в которой была бы сделана попытка более или менее подробно разобраться в содержании этого сочинения и дать ему историческую оценку. В предлагаемой статье я рассчитываю показать, что «Разговоръ» Тредиаковского заслуживает во всяком случае более подробного разбора, чем это было сделано до сих пор.

Известно, что Тредиаковский придавал своему орфографическому трактату очень большое значение и много над ним трудился. Самый текст трактата ему пришлось составлять трижды. Первоначально он написал свое сочинение в форме ученого рассуждения на латинском языке, но вслед за тем решил изложить его в более доступном виде, и наконец Тредиаковский написал наново свое сочинение уже по-русски, в форме диалога «между двумя пріятелими» (стр. 4) — русским и иностранцем.

В 1747 г. Тредиаковский получил разрешение напечатать свой труд в Академической типографии на свой счет¹. Но когда начало сочинения

Печатается по изданию: *Винокур Г. О.* Орфографическая теория Тредиаковского // Винокур Г. О. Избр. работы по русскому языку / сост., ред. С. Г. Бархударов. М.: Учпедгиз, 1959. С. 468–489. Впервые опубликовано в журнале: *Известия АН СССР. Отделение литературы и языка.* 1948. Т. 7. Вып. 2.

¹ *Пекарский П. [П].* Исторія Императорской Академіи наукъ въ Петербургѣ: в 2 т. Т. 2. СПб.: Отделение русского языка и словесности имп. Акад. наук, 1873. С. 120 и сл.

уже было отпечатано, на квартире Тредиаковского произошел пожар, уничтоживший все его личное имущество, книги том числе и большую часть рукописи «Разговора». Таким образом, автору пришлось еще раз восстанавливать свой труд в большей его части. По-видимому, с этой задачей он справился очень быстро, несмотря на значительный объем труда (464 стр. in 8°), так как в 1748 г. книга уже была отпечатана.

Средства на напечатание этого труда Тредиаковский добыл при помощи лотереи, которую устроили его покровители (имена их неизвестны). В библиотеке М. П. Штокмара есть экземпляр «Разговора» с надписью на обороте второго титульного листа, раскрывающей имя одного из участников, но, по-видимому, не организаторов этой лотереи.

Надпись эта настолько характерна, что позволяю себе привести ее здесь дословно. Она составлена в виде примечания к тому месту предисловия, в котором Тредиаковский благодарит за помощь устроителей лотереи, и гласит следующее: «Rem. Василя Лаврентьевича Соловова 5 рублевъ к нещастію его въ сію лот-употребленныя, жалуются на него, что они не отъданы лутче нищимъ».

Да и вообще надо думать, что у сочинения Тредиаковского читателей было мало, а поклонников, вероятно, и совсем не было. Нельзя не согласиться с биографом Тредиаковского Пекарским², что в этом виноват сам автор, который «именно эту разговорную формую сделал рассуждение свое невыразимо скучным, потому что уснастил его довольно тяжеловесными шутками..., присловьями, поговорками и прибаутками, часто нисколько не идущими к делу. Все это с первых же страниц «Разговора» в состоянии надоесть самому терпеливому читателю и отбить у него охоту к дальнейшему чтению».

Не приходится спорить против того, что как литературное произведение «Разговор» Тредиаковского очень неудачен. Однако непопулярность его у современников объясняется не только его неудачной литературной формой, но также и самим его содержанием. Мысли Тредиаковского об орфографии были для его времени настолько непривычны и в такой степени расходились с общим направлением в развитии русского письменного языка, что они неизбежно должны были вызвать к себе отрицательное отношение со стороны тех немногих, кто имел терпение прочесть его «Разговор» до конца или был профессионально заинтересован в предмете книги.

Тем не менее для историка русского языка и русской лингвистической мысли «Разговор» Тредиаковского сохраняет до наших дней все свое значение чрезвычайно содержательного и поучительного исторического памятника.

По своему содержанию «Разговор» распадается на три части.

---

² Там же. С. 129.

В первой дается систематическое описание старинной, то есть церковнославянской, орфографии.

Во второй церковнославянская орфография подвергается подробной критике с точки зрения ряда принципов, которые Третьяковский объявляет руководящими для решения орфографических вопросов, и тем самым намечаются основания для новой орфографии. При этом Третьяковский несколько раз оговаривается, что свою новую орфографию он предлагает не взамен церковной, а в качестве поправки к орфографии, установившейся в новейшей, гражданской печати, но недостаточно освободившейся от церковной орфографической традиции.

В третьей части содержится заключительная характеристика новой орфографической системы в связи с анализом физиологии звуков речи и фонетической системы русского языка.

Ко всему этому надо добавить, что в своей книге Третьяковский не только излагает свою орфографическую теорию, но осуществляет также опыт ее практического применения: вся книга целиком написана по той орфографии, которую отстаивает Третьяковский.

II

В дальнейшем я не буду пересказывать содержание книги Третьяковского подряд, а сосредоточу свое внимание на основных вопросах, поднимаемых в этой книге, и на том, как они в ней решаются. Сделать это проще всего, изложив для начала руководящие принципы, которые Третьяковский кладет в основание своего рассуждения. Эти принципы содержатся в числе одиннадцати «оснований», которые Третьяковский перечисляет во второй части книги (стр. 107 и сл.) как отправной пункт для критической оценки орфографии церковных книг. Из них для нас в первую очередь важны следующие:

1) Каждый знак алфавита должен обладать своим собственным, ему одному принадлежащим значением, которым он должен отличаться от всех других знаков (основание I).

2) В алфавите не должно быть лишних букв, то есть таких, функции которых дублируются другими знаками (основание II).

3) В орфографии не должно быть «связных» букв, то есть таких, которыми обозначается сочетание двух звуков и которые поэтому заменяемы сочетанием соответствующих двух знаков, как, например, буквы љ, џ, щ (= шч) (основание III).

4) Прописной и строчной варианты каждой буквы должны иметь одинаковую графическую форму (основание VI).

5) Русская орфография должна следовать собственной природе русского языка и не считать для себя обязательными правила орфографии других языков (основание X).

б) Новая русская азбука должна, сколько возможно ближе, походить своим внешним видом на латинскую, а не на греческую, так как именно ради этой цели она и была изобретена и введена в жизнь Петром I (основание XI).

Прочие пять «оснований» Тредиаковского имеют более частный характер и вытекают из перечисленных здесь общих принципов, а потому будут указаны ниже. Однако для того чтобы была до конца понятной та критика, которой подвергает Тредиаковский церковную орфографию, нужно указать, что одного, притом самого общего своего орфографического принципа Тредиаковский отдельно не формулирует, считая его, очевидно, само собой разумеющимся.

Между тем именно здесь — самое резкое его расхождение с принципами церковнославянской орфографической традиции. Оно заключается в решительном непринятии того принципа «графической грамматики», которая так характерна была для орфографии русских церковных книг. С точки зрения этого принципа знаки письма могут передавать не только звуковые, но также и непосредственно грамматические и лексические различия.

Непригодность этого принципа, отчасти родственного идеографии, не есть нечто очевидное; наоборот, в известной мере он осуществляется всякой орфографией (ср. хотя бы наши отдельные и слитные написания предложных конструкций в прямом и адвербиализованном употреблении, различия строчных и прописных букв и т. д.). Но ясно, что если полностью отвергнуть этот принцип, то лишится всякого смысла многое такое, что в рамках этого принципа имеет свой смысл. Тредиаковский в соответствующих пунктах своего рассуждения и пытается всякий раз опорочить практическое применение этого принципа, но не опровергает его в общем смысле, по-видимому не усматривая самой возможности введения соответствующих практических приемов к какому-либо общему принципу не звуковой, а грамматической или лексической орфографии.

Впрочем, в одном месте своего рассуждения, именно — излагая свое X основание, касающееся независимости русской орфографии от чужезычных традиций, Тредиаковский вскользь и частично касается и затронутой здесь стороны дела. Здесь он пишет (стр. 119–120):

«...ортографія не касается, какъ токмо до буквѣ, і складовъ, а до целыхъ словъ ні мало, потому что ортографія есть правильное положеніе буквѣ въ склады, а складовъ во слова, і изображая для гласъ токмо, по произволенію, ісвѣстні голоса нашего своны, і своновъ рашні способы; а целыя слова не значать своновъ ні ихъ способовъ, но самыя вешчі імі і изображаемые, по обшчему всего каково нібудь народа согласію».

Но обратимся к «основаниям» Тредиаковского и к тем практическим выводам, которые он из них делает. Ясно, что наиболее существенные выводы он должен был сделать из своих I и II оснований, по которым в ор-

фографии не должно быть никаких параллельных средств для обозначения звуков речи. Самый очевидный недостаток церковной орфографии он как раз и усматривает в том, что в ней очень много подобнозначных средств — «одногласных и несвязных» букв, по его терминологии.

К одногласным буквам относятся: 1) *в* и *у* в качестве согласного знака в греческих словах; 2) *е* и *є*; 3) *є* и *ѣ*; 4) *с* и *з*; 5) *и* и *і*; 6) *и*, *і* и *у*; 7) *о*, *Ω*, *ω*; 8) *ѣ* и *у*; 9) *ѣ* и *ѳ*; 10) *ѣ* и *ѣ*. К числу «одногласных» Трелиаковскій относит также *ж* и *ю*, оговариваясь при этом, что *ж* уже вышел из употребления.

К числу связных он относит: 1) *ω*, 2) *и*, 3) *ѣ* и 4) *ѣ*. Из связных букв особого замечания требует только *и*, которую Трелиаковскій заменяет сочетанием букв *иѣ*, каково именно, по его словам, звуковое значение этой буквы. (Значение этого показанія Трелиаковскаго для русской исторической фонетики здесь я оставляю в сторонѣ.)

Интересно, однако, что такое произношеніе *иѣ* Трелиаковскій считает «испорченным», так как на основаніи графическаго анализа самаго знака и на основаніи данных других славянских языков первоначальным произношеніем в данном случаѣ он считает *иѣ*. Что касается «одногласных» букв, то здесь большинство указаній Трелиаковскаго понятно само собой. Особого замечанія требует, однако, то, что говорит Трелиаковскій по поводу знаков *е*, *є*, *ѣ*. Смысл пространствъ рассужденій Трелиаковскаго по поводу этихъ трехъ знаковъ сводится къ следующему: буквы *є* и *ѣ* являются «одногласными» всегда, представляя собой знаки «двугласные», то есть знаки йотированныхъ гласныхъ (как увидимъ далее, Трелиаковскій не отдаетъ себѣ отчета в том, что в действительности представляютъ собой «двугласные»). Знаки же *е* и *ѣ* являются «одногласными» лишь иногда, именно в техъ случаяхъ, когда *е*, знак чистаго гласнаго, употребляется вместо *є*, знака «двугласнаго», или наоборотъ, что бываетъ, например, в случаяхъ вроде: *спаніе*, *единь* (здесь *е* = *Е*), или *творцемъ* в *dat<ivus> pl<uralis>*, где *Е* = *е*, лишь графически отличая *dat<ivus> pl<uralis>* от *instr<umentalis> sing<ularis>*: *творцемъ*.

Иными словами, изъ утвержденій Трелиаковскаго следуетъ, что знак *е* обозначаетъ гласный нейотированный, передъ которымъ согласный произносится твердо. Поэтому же онъ решительно отрицаетъ необходимость для русской азбуки знака *э*. А знак *ѣ* обозначаетъ *е* йотированное, передъ которымъ согласный произносится мягко.

Вопросъ о звукѣ *ѣ* въ русскомъ языкѣ XVII–XVIII вв., какъ известно, имеетъ большую литературу и толкуется разными исследователями различно. Большинство исследователей послѣдняго времени склонны признавать, что в это время *ѣ* еще не имелъ того же качества, что *е*. В. В. Виноградовъ, вслѣдъ за Шахматовымъ, считалъ возможнымъ думать, что *ѣ* въ это время звучалъ какъ *іе*. Между прочимъ, онъ ссылался при этомъ на встречающіеся у Трелиаковскаго написанія *новоманѣрныя*, *пѣса*; изъ нихъ большую силу, естественно, имеетъ второй изъ этихъ случаевъ. Здесь я не ставлю себѣ задачей подробно обсуждать этотъ вопросъ; онъ в сущности выходитъ за рамки моей темы.

Но замечу, что, с моей точки зрения, вполне достаточных оснований для признания дифтонгического произношения *ъ* у нас нет. Ведь если не считать таких единичных орфограмм, как *пъса*, то вывод о дифтонгическом произношении *ъ* основывается преимущественно на интерпретации исторических свидетельств, к числу которых принадлежит и книга Тредиаковского (она подробно разбирается у Виноградова). Однако все эти свидетельства таковы, что в них очень трудно различить указание на *ie* от указаний на *'e*.

Другой точки зрения, согласно которой *ъ* означал *'e*, а *e* — гласный, не смягчающий предшествующего согласного, держался Л. Васильев. Эта точка зрения мне представляется более правдоподобной, главным образом потому, что она связывает вопрос об *ъ* с вопросом об *e* и считается с показаниями, согласно которым (как это следует и из показания Тредиаковского) *e* не смягчает предшествующего согласного. Принятию мнения Васильева всегда мешало его явно необоснованное желание подкрепить свою гипотезу указаниями на будто бы очень поздний факт смягчения согласных перед *e* в средневеликорусских говорах. Несостоятельность доказательств, которые приводит Васильев в пользу этого последнего утверждения, совершенно справедливо отмечена Виноградовым. Однако, на мой взгляд, Васильев ошибался лишь в том смысле, что принимал устанавливаемое им развитие *ъ* и *e* за факт живой речи, тогда как перед нами, несомненно, факт произношения искусственного, книжного.

Надо сказать, что общий недостаток работ этого замечательного исследователя истории русских звуков заключается в том, что, оперируя очень богатым и цельным материалом, он никогда отчетливо не ставил перед собой вопроса о различии между книжным и живым произношениями. В пользу интерпретации Васильевым различия между *ъ* и *e*, как различия книжного и живого произношения, в особенности свидетельствует, мне кажется, его ссылка на наблюдавшееся им лично старообрядческое произношение.

Так или иначе, но для Тредиаковского, во всяком случае, знаки *e* и *ъ* находились в соотношении, равном соотношениям: $a = я$, $o = io$, $y = ю$, о чем он сам несколько раз говорит с полной ясностью. Но при этом у *ъ*, с его позиции, оказывался дублет в виде буквы *e*. Так как одно из основных требований Тредиаковского состоит в том, что лишних букв в алфавите быть не должно, то ему надлежало исключить из алфавита или *ъ*, или *e*. В первом случае это приводило бы к написаниям вроде *ехать*, *вера*; во втором — к написаниям вроде *мнѣнѣ*, *твоѣму* и т. п.

Однако Тредиаковский не пошел ни по одному из этих двух путей. Он сам признает, что ему следовало бы исключить из азбуки *ъ*, и именно потому, что *e* более соответствовала бы его XI постулату как буква, более похожая на латинскую по форме, чем *ъ*. Но так как *e* уже в существующей орфографии употреблялась то как знак *je*, то как *e*, Тредиаковский боял-

ся, что повсеместное ее употребление вместо *ѣ* будет сбивать читателей, которые часто будут выговаривать ее как *е*, и отсюда, как он выражался, «гібель учінітся въ премногіхъ словахъ чістому выговору...» (стр. 197).

Эта осторожность в практических выводах вообще очень характерна для Третьяковского. Он, однако, никогда не закрывает глаза на конфликты между требованиями отвлеченной разумности и живой общественной практикой, пытается в этих случаях находить тот или иной компромисс, как мы увидим не раз и в дальнейшем. В конце концов в данном пункте в орфографии Третьяковского остается непоследовательность, им самим признаваемая: в составе средств этой орфографии сохраняются дублетные буквы *ѣ* и *е*. Однако дублетность *е* и *ѣ* им рационально устраняется взаимной дифференциацией этих букв как гласных знаков, нейотированного и йотированного.

Что касается прочих дублетных букв, то основания для устранения этой дублетности и для выбора одного знака из числа двух или нескольких в каждом отдельном случае совершенно ясны и логичны; *ѵ* и *ѳ* Третьяковский отвергает потому, что эти буквы традиция велит употреблять лишь в признаваемых лексических заимствованиях. Это, с точки зрения Третьяковского, есть вторжение в русскую орфографию чужеродных орфографических принципов. *Ѥ* он предпочитает *з*, *і* — *и*, *о* — *ω* и *Ω*, *у* — *Ѹ* как знаки, сходные с латинскими. Отдаленное сходство с латинским он видит и в *Ѧ*, считая его перевернутым *R*, и это дает ему основание предпочесть букву *Ѧ* букве *а*. При этом Третьяковский в нужных случаях делает возражения против чисто грамматической или лексической дифференциации *е* — *ѣ*, *о* — *Ω* — *ω* и т. п., встречающейся в церковном письме, постоянно проводя свою точку зрения на орфографию как на средство исключительно звукоразличительное.

К тому же общему принципу, согласно которому в орфографии не должно быть ничего лишнего, восходят по существу те требования Третьяковского, которые касаются исключения из русской орфографии знаков придыхания, ударения и титлов. Эти требования излагаются им в «основаниях» VII, VIII и IX.

Здесь интерес для нас представляет лишь то, что касается знаков ударения. Третьяковский вооружается не столько против самого обычая ставить ударение на каждом слове — наоборот, в этом обычае он видит даже своеобразное достоинство церковной орфографии, — сколько против излишних различий в знаках ударения, скопированных с греческих $\acute{\ } \grave{\ } \tilde{\ }$. Ставить ударение в русском письме, по мнению Третьяковского, — вещь не излишняя в силу подвижного характера русского ударения, — а его он ясно различает, противопоставляя в данном отношении русский язык французскому и польскому языкам. Впрочем, Третьяковский настаивает на постановке знаков ударения только в случаях графического омонима, например, *снѣкомѣ* в отличие от *снѣкомѣ* и т. п. (стр. 237). Од-

нако знак ударения должен быть единый, притом все равно какой, лишь бы каждый пишущий всегда пользовался одним и тем же избранным им знаком. Сам ТрEDIAKовский употребляет ´, при этом только в графических омонимах.

Всем сказанным не затронут принцип ТрEDIAKовского, согласно которому строчные и прописные буквы не должны различаться рисунком. Ясно, что этот принцип в лингвистическом отношении гораздо менее существенный, чем прочие. К тому же ТрEDIAKовский его очень слабо придерживается в своем собственном письме. В конце концов его применение сказывается лишь в том, что в письме ТрEDIAKовского совпадают формы строчных и прописных букв для *e* и *E*, в то время как остаются нетронутыми различия *Aa*, *Bb* и др. Создается впечатление, что сам этот принцип понадобился ТрEDIAKовскому только для того, чтобы не помешать нужному для него различению *ee*.

Остающиеся два «основания» (IV и V) касаются знаков *й*, *ѣ* и *ь*. Первый из них ТрEDIAKовский толкует как знак гласного, произносимого короче гласного *i*. Так как для последнего избран знак *i*, а не *и*, то, по словам ТрEDIAKовского, следовало бы и вместо *й* ввести *ї* (стр. 93–149). Но, не желая создавать не вызываемых насущной необходимостью новшеств, ТрEDIAKовский оставляет в своей орфографии *й*, еще раз свидетельствуя этим, что для него существенна не столько графическая догма, сколько различительная способность знаков. Всем этим ТрEDIAKовский рекомендует себя как человек с подлинным лингвистическим чутьем.

Последнее превосходно отразилось и во всем том, что пишет ТрEDIAKовский о буквах *ѣ*, *ь*. Надо знать, что обе эти буквы, равно как и букву *й*, ТрEDIAKовский не считает в собственном смысле буквами. В отличие от букв он их называет з н а к а м и, так как буква для него всегда должна обладать собственным звуковым содержанием. Разумеется, *й* с одной стороны, и *ѣ*, *ь* — с другой, в этом отношении суть «знаки» в разном смысле этого понятия, и понимание этого сказывается у ТрEDIAKовского в том, что первый и вторые два знака он анализирует особо, в отдельных параграфах.

Во всяком случае, нельзя не считать примечательным для деятеля первой половины XVIII в., что он не только не принимает в данном случае, как и во всех остальных, букву за звук, но и прекрасно разбирается в объективном содержании корреляции «твердость — мягкость» согласных в русской фонетической системе (правда, только в применении к конечному положению). Так, ТрEDIAKовский вполне осознает, что *ѣ* для русского письма в сущности не нужен. Он хотя и называет его знаком «отолшчения», но при этом постоянно прибавляет: «существенного отолшчения», — что, по его собственному разъяснению, означает указание на природное, естественное свойство согласных во всех языках. ТрEDIAKовский хочет этим указать на то, что «отолшчение», о котором он говорит, не есть результат какой-

либо дополнительной артикуляции к основной артикуляции согласного звука, не предполагает какой-либо специальной работы органов речи.

Однако Третьяковский считает нужным оставить *ѣ* в русской азбуке и орфографии вследствие того, что эта буква играет также роль того, что мы сейчас называем «разделительным знаком». А уж если оставлять ее в середине слов, как например *объявить* и т. п., то лучше оставить ее в привычном месте и на конце слов. (Разумеется, отсюда никак не должно следовать, будто Третьяковский считает непременно твердыми все согласные перед *ѣ* в случаях типа *объявить*, — в этом он, по-видимому, не разбирался.) Правда, говорит Третьяковский, можно было бы заменить букву *ѣ* в таких случаях, как *объявить*, каким-нибудь другим знаком, например — или ' (!); но так как это было бы непривычно, то есть новшеством без особой нужды, то он этого не рекомендует.

Зато он решительно возражает против мнения, по-видимому высказанного кем-то из его собеседников, что можно было бы исключить букву *ѣ*, оставив только *ѣ*, и таким способом различать твердость и мягкость конечных согласных. Третьяковский возражает против этого именно потому, что «отолщченіе» есть нечто «существенное», тогда как «отонченіе» он так никогда не квалифицирует, то есть понимает его именно как следствие дополнительной артикуляции.

III

Во всем описанном до сих пор речь шла преимущественно о составе алфавита и значениях отдельных его знаков. Однако, как явствует уже из одной вышеприведенной цитаты, орфография состоит для Третьяковского не только из обозначения «звонков», но также из правил, по которым из букв образуются «склады» и «слова». Значительная часть труда Третьяковского посвящена также и этим, собственно орфографическим вопросам.

Характеристика церковной орфографии у Третьяковского не ограничивается указанием на имеющиеся в ней лишние и связанные буквы, излишние знаки придыхания и ударения, титлы и чужезычные приемы письма. Она включает в себя также указания на то, что мы сейчас назвали бы морфологическим, или — точнее — фонологическим, принципом правописания. Третьяковский выражает это в следующих словах: «Ісвѣсно вамъ, что есть слова, первобрасныя, і отъ нихъ производныя. Въ сіхъ послѣдніхъ, чтобъ хранитъ тѣмъ самыя характерістическіе (знаменательные) буквы, которые находились въ средніхъ складахъ, і въ другихъ прочихъ іногда у первобрасныхъ, писателі по сей ортографіі весьма тшчатся о семъ, і думаютъ, что оні погрѣшаютъ, ежели гдѣ, по случаю, сего не учинятъ» (стр. 93).

Например, поясняет дело Третьяковский, в слове *сладкій* пишут вопреки произношению *д*, а не *т*, так как первообразное слово *сладость*

«імѣть характеристическую букву въ срединѣ (д)». Этому правилу, продолжает Третьяковский, противоречат случаи вроде *пише* при *писаніи*, где *ш* сменяется на *с*, несмотря на то, что эти два слова также связаны словопроизводственными отношениями между собой. Третьяковский не понимает разницу между обоими случаями. Он берет своим лозунгом положение Квинтилиана: «sic scribendum quidque indico, quo modo sonat» — «так писать надлежитъ, какъ звонъ требуетъ» (стр. 190, 277), и указанное правило «старинной орфографіи» считает «не исправным».

«...Древняя наша орфографія, — говорит Третьяковский, — не можетъ всегда наблюдать характеристическихъ буквъ въ производныхъ словахъ. Можетъ ли она написать *возможность* отъ *возмогу*, не мѣняя (г) на (ж) *возможность*? Всякъ изъ насъ скажетъ, что не можно такъ написать, чего жъ ради? ибо звонъ требуетъ буквы (ж), а не (г). Что жъ больше? Такъ писать надлежитъ, какъ звонъ требуетъ» (стр. 277–278).

Нам сейчас совершенно ясна теоретическая ошибка, допущенная здесь Третьяковским. Она состоит, разумеется, не в том, что он в данном случае становится на платформу фонетического письма. Сам по себе этот принцип с чисто лингвистической точки зрения нельзя считать ошибочным: дело лишь в том, какую оценку мы даем этому принципу с точки зрения практической и культурно-исторической целесообразности; ведь существуют же орфографии, построенные на этом принципе (например, белорусская, сербская, испанская).

Однако ошибка Третьяковского состоит в отождествлении таких соотношений, как *сладость* — *сладкій*, с одной стороны, и *пишу* — *писание* — с другой. Иными словами, Третьяковский не отличает позиционных фонетических и з м е н е н и й (д > т перед глухими) от морфологизованных звуковых ч е р е д о в а н и й (ш/с, ж/г), представляющих собой застывший результат былых фонетических процессов. Именно это отождествление — по существу неправильное, но тем не менее очень любопытно характеризующее лингвистическую пытливость и наблюдательность Третьяковского, — и лежит в основе выдвигаемого им фонетического принципа в русской орфографии.

Развивая свое положение, Третьяковский высказывает попутно некоторые интересные мысли и делится с читателями наблюдениями, которые представляют несомненную ценность в историческом отношении. Так, например, он решительно восстает против этимологического принципа в правописании, в чем нельзя ему не сочувствовать.

«Что мнѣ нужны, — пишет Третьяковский, — что произведенья корень виденъ не будетъ». «Старается ли о корняхъ все общество пишущихъ» (стр. 270). Корни, по словам Третьяковского, нужны только ученым, и они их все равно сумеют найти, как ни написать слово.

Беда Третьяковского заключалась лишь в том, что морфологический, точнее — фонологический, принцип в русской орфографіи в большом

числе случаев совпадает с этимологическим и именно этим последним и удержан в русской правописной традиции. Таким образом, «органическая орфография» Третьяковского, как он ее называет, оказалась в противоречии с объединенными силами принципов этимологического и фонологического.

Очень важно проследить, как именно осуществляет свой принцип «письма по звонам» Третьяковский практически. При ближайшем рассмотрении выясняется следующее:

1) Требование «писать по звонам» имеет у Третьяковского далеко не безусловный характер. Третьяковский готов к очень большим уступкам установившемуся обыкновению и потому очень категоричен лишь в формулировании самого принципа, им отстаиваемого, но не в установлении соответствующих практических орфографических правил. Так, он готов считаться с теми возражениями против «органической» орфографии, которые основываются на неизбежном появлении графических омонимов в случае последовательного применения принципа, как например *ротъ* — *genus* и *os*, *плотъ* — *fructus* и *rabis* и т. п.

Правда, по мнению Третьяковского (по-видимому, справедливому), таких омонимов не может быть много. Но раз такие случаи все же есть, то Третьяковский готов изъять их из общего правила: «Того ради, — говорит он, — пускай они пишуться для раслічія, не по звону». По мнению Третьяковского, эта его уступка не имеет принципиального значения. «Я не весьма толь грубъ, — говорит он, — чтобъ всему обществу не хотѣлъ угождать; однако не такъ, чтобъ я сію [т. е. привычную] орфографію почиталъ праведною: я ея отдаю на волю каждому писателю, да і самъ себѣ подобныя жъ прошу вольности для того, что я і самъ многія ещче слова пишу не по звону, но по обыкновению».

Третьяковский считает это ограничение принципа временным. Он совершенно убежден, что рано или поздно его принцип все равно восторжествует, и хочет способствовать этому постепенным внедрением в практику фонетических написаний.

2) Из всего сказанного следует, что уже и в собственной своей орфографической практике Третьяковский непоследователен в отношении применения защищаемого им принципа «органической» орфографии. Действительно, даже и в области соотношения глухих и звонких согласных, которой он охотнее всего иллюстрирует свой принцип письма по звонам, в целом ряде случаев Третьяковский сохраняет в своей орфографии традиционные написания.

Во-первых, он никогда не отражает в своей орфографии оглушения конечных звонких. Во-вторых, он не отражает оглушения звонких в середине слов в ряде случаев, из которых некоторые оговаривает сам, например: *обичій*, *предпочитаю*, *средство*, *сродство* (стр. 282). Список таких исключений можно заметно расширить при помощи на-

блюдений непосредственно над текстом Тредиаковского, например: *обстоятельствахъ* (14), *обществу* (14), *предпріятымъ* (14), *подпорою* (18), *убавку* (27), *положивши* (45), *молодцы* (12), *подтверждаемо, здравствовать, бывши* (13) и др. В частности, обращает на себя внимание, что на протяжении всей книги Тредиаковский ни разу не пишет *ѣ* вместо в в положении перед глухими.

Нет надобности искать этому какого-либо специального объяснения — например, можно было бы думать, что это стоит в связи с южно-великорусским происхождением Тредиаковского, в говоре которого в в закрытом слоге звучало как *ш*. Нет, Тредиаковский прекрасно понимает, что в > *ѣ*, и даже говорит, что в строгом соответствии с принципом надо было бы писать *Петрофъ* (стр. 410).

Таким образом, отмеченные непоследовательности в написаниях Тредиаковского, который сам считал их непоследовательностями, объясняются исключительно его своеобразной орфографической политикой, то есть стремлением постепенно приучить публику к «органической» орфографии и не отпугивать ее массовым применением непривычных написаний.

3) Самое число тех фонетических положений, в отношении которых Тредиаковский применяет свою «органическую орфографию», очень невелико. Кроме отражения на письме оглушения звонких и озвончения глухих, Тредиаковский допускает еще следующие орфограммы фонетического характера:

а) он не пишет знака зубного взрывного согласного в положении между фрикативным и сонорным зубным, например: *шчаслівый, празнікъ, ізвьснѣе, бесхитросныхъ* и т. п. Сюда же он, по этимологической догадке и в противоречии с общей его антиэтимологической тенденцией, относит *срoгій* вместо *строгій*. Такие написания Тредиаковский считает своей индивидуальной привычкой и не настаивает на том, чтобы ему следовали в этом другие (стр. 283);

б) в ограниченном числе случаев Тредиаковский передает через *ц* сочетания *дс, тс* в положении перед согласной, например: *швецкій*. Ср., однако, *пріятельство, готского*;

в) в словах *лехкій* и *мяхкій* и производных Тредиаковский пишет *хк*. Но — *кто, что*;

г) нередко он передает в орфографии *чн > шн*, например: *нарошно, статошное, прошно* и т. д.

4) Наконец, обращает на себя внимание тот факт, что орфографические нововведения Тредиаковского ограничиваются исключительно областью консонантизма и ни в одном пункте не касаются вокализма (если не считать вышеизложенных его рассуждений по поводу *ть*). Это, разумеется, не случайно и находит себе объяснение в орфоэпических воззрениях Тредиаковского.

5) Неправильно было бы предполагать, будто Третьяковский не отдает себе отчета в несоответствии орфографии и звуков речи в области гласных звуков. Наоборот, в книге Третьяковского содержится большой и очень точный по-своему материал наблюдений по физиологии звуков русской речи, несомненно характеризующий автора как самого крупного знатока вопроса в его эпоху.

Ниже я остановлюсь более подробно на этом материале, а сейчас замечу, что далеко не все то, что замечал Третьяковский в живой речи, он считал принадлежащим к составу правильного, литературного русского языка. В связи с этим стоят его довольно пространственные рассуждения по вопросу об «употреблении», в котором он различает разные стороны и оттенки. Так, например, на странице 295 он говорит о необходимости различать простонародный, или «подлый», язык от такого, «которому надлежит быть благороднѣе и чѣще, для того, что сей послѣдній долженствует употребляемъ быть въ писменныхъ і ученыхъ сочиненіяхъ».

На странице 307 читаем: «Умѣющій человекъ нѣсколько чужіхъ языковъ, знаетъ, что въ каждомъ языкѣ живущемъ есть два способа, какъ имъ говорить. Первый употребляютъ люди знающіи силу въ своемъ языкѣ; а другой въ употребленіи у подлости і кресьянъ».

На странице 312 читаем: «Я вѣдаю, что есѣ знающіи і незнающіи нынѣ твердятъ Употребленіе, а въ чемъ оно состоитъ; і сколько власть его надъ языкомъ долженствуетъ почитаема быть законною, того никто у насъ не опредѣляетъ. Ежели твердятъ одно только употребленіе; то і блѣнново употребленіе долженствуетъ быть важно».

Далее, формулируя свое понимание употребления в ряде специальных параграфов, написанных от лица самого употребления, в одном из них (VI) Третьяковский пишет так:

«Понеже мужіцкій і гражданскій языкъ некоторые также мною однимъ употребленіемъ неправо насываютъ; то я объявляю, что то токмо употребленіе, которое у большія і искуснейшія часті людей, есть точно мною рожденное; а подлое, которое не только меня, но і имени моего не разумѣетъ, есть не употребленіе, но заблужденіе, которому родной отецъ есть незнаніе» (стр. 325).

Все это хорошо согласуется и с другими аналогичными заявлениями Третьяковского, например с его полемическим письмом против Сумарокова в 1750 г., в котором, между прочим, Третьяковский писал: «У Автора и сельское употребление, есть правильное и красное: его жерновы, по присловію, толь добры, что все мелютъ»³. Очевидно, мы имеем дело не со случайным заявлением, а с выношенным, установившимся мнением.

А вот и конкретный пример того, как эта теория употребления отражается на орфографической теории Третьяковского. Утверждая, что

---

³ «Сборник...» А. Куника, II, стр. 470 и сл.

дамы «больше наблюдают своны в составленіи словъ своихъ», ТрEDIAKовский продолжает: «хотя нѣкоторыя ісь нѣхъ і проісводять са надлежащїи предѣлы сїи своны тѣмъ, своны ставятъ точнаго подлинно своего выговора, какіи оні составляютъ нѣкоторыя слова, но составленіе сіе бываетъ иногда не исправное, напримѣръ, *міласлівая* вмѣсто *мілостівая*; і прочая» (стр. 283).

Это замечание ТрEDIAKовского с предельной ясностью показывает, что принцип письма «по свонамъ» не распространяется на такие явления фонетики, которые в его сознании представляются фактами языка не литературного, не принадлежащего к «лучшему употреблению».

Разумеется, не только явления вокализма изымаются ТрEDIAKовским из действия законов «органической орфографии», но также и известные явления консонантизма, не относящиеся к языку лучшего употребления. Но это еще не значит, что ТрEDIAKовский не замечает соответствующих явлений живой речи; он их лишь относит к дурному, не литературному, не ученому произведению.

«Многіи, — пишет он (стр. 329), — не токмо говорятъ, что простительнѣе но і пишутъ: *просітца, молітца* вмѣсто *просітся, молітся, ея* вмѣсто *ея*; *ево*, вмѣсто *его*» и т. д. Здесь несомненна ориентация на книжный, буквенный выговор, а потому здесь нет и никакого противоречия с принципами «органической орфографии», потому что если и можно мириться с уклонениями от книжного выговора в самом произношении, в устной речи, то письмо во всяком случае должно отражать произношение образцовое, лучшее, то есть книжное.

б) В книге ТрEDIAKовского содержится также немало указаний на отдельные орфографические проблемы, не связанные с звуковой стороной языка, например о написаниях со строчных или прописных букв, о правилах переноса, о слитных и раздельных написаниях адвербиализованных предложных конструкций (ТрEDIAKовский здесь высказывается за написания слитные) и т. д. На этих вопросах, имеющих второстепенное значение, я останавливаться здесь не буду (см. стр. 283–288), а прямо перейду к заключительным положениям книги ТрEDIAKовского.

IV

1. Все существенное в орфографической теории ТрEDIAKовского изложено в первых двух частях его книги. Как мы видели, здесь ТрEDIAKовский излагает свое орфографическое учение, отталкиваясь от церковнославянской орфографической традиции и подвергая ее критике с точки зрения некоторых исходных положений, основанных на критерии «разумности».

Однако в заключительной, третьей части своего труда ТрEDIAKовский ставит себе задачей формулировать законы русской орфографии

уже положительным образом, независимо от критики церковнославянской традиции. Оставляя здесь уже полностью в стороне вопрос о том, что неудовлетворительно в наличной орфографической традиции и как следовало бы ее изменить, Третьяковский в заключение говорит уже просто о том, что представляет собой, как известная система, постулируемая им орфография в ее отношениях к звуковой системе русского языка. Это заставляет его войти в подробности физиологии звуков русской речи и русской фонетики и представить соответствующие факты языка, которых до сих пор он касался лишь вскользь и попутно в систематическом изложении.

Эта заключительная часть книги Третьяковского хотя, собственно, и не содержит уже чего-либо нового в чисто орфографическом отношении, тем не менее представляет собой большой исторический интерес, и именно как один из самых ранних опытов по русской фонетике в применении к русскому литературному языку современного типа. Без преувеличения можно сказать, что в этой части своего труда Третьяковский предстает перед нами как пионер русской фонетики, стоящий намного выше всех своих современников.

Из их числа он, по-видимому, многим был обязан своему общению с Василием Овдѣимовичем Адогуровым, сначала студентом, а впоследствии — адъюнктом академии по математическим наукам и далее куратором Московского университета. Судя по скудным данным, которыми мы обладаем об Адогурове, его следует причислить к числу лучших представителей русской научной интеллигенции первой половины XVIII в. Будучи математиком, Адогуров в то же время занимался и языковедением. В частности, историки русского просвещения XVIII в. единогласно считают его автором известного сочинения «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache», приложенного к большому немецко-латинско-русскому словарю Вейсмана 1731 г.

Третьяковский познакомился с Адогуровым приблизительно за год до того, по возвращении своем из-за границы, и жил некоторое время у него на квартире. По некоторым признакам можно судить, что это было не просто знакомство, но своего рода интеллектуальная дружба, взаимно оплодотворявшая обоих.

2. В области физиологии звуков речи, естественно, находим у Третьяковского некоторые недоразумения, но наряду с этим также и много верно наблюденного и истолкованного. Третьяковский не разобрался как следует в вопросе о том, что обозначают, с чисто физиологической стороны, йотированные гласные знаки. Буквы *я, е, ѣ, ѱ, ю* он считает всегда знаками протых гласных, но только произносимых, как он выражается, с огущением, и ниже, чем гласные, обозначаемые буквами *а, е, о, у*.

Как бы ни понимать это «огущение»: как указание на наличие *j* перед гласным, — а этому противоречат настойчивые утверждения Третьяков-

ского о том, что это гласные простые, состоящие из одного звука, — или как указание на палатальный характер предшествующего согласного, — а это не в ладу с тем, что различия здесь ТрEDIAКОВСКИЙ всегда приписывает гласным, а не согласным, а также с тем, что в йотованных гласных ТрEDIAКОВСКИЙ отмечает наличие элемента *i*, ясно, во всяком случае, что двойного значения этих знаков ТрEDIAКОВСКИЙ не понимает.

Дело осложняется еще тем, что в эту же систему соотношений ТрEDIAКОВСКИЙ вдвигает и отношение *i* — *ы*, считая *ы* «огушченным» звуком *i*, то есть придавая ему функцию своеобразного *i* йотированного (*ы*, по его мнению, есть двойное *i*). Интересно, однако, что это неумение разбираться в физиологии звуков речи в сущности не помешало ТрEDIAКОВСКОМУ разбираться в функциональных отношениях между соответствующими парами букв и звуков, так что как ф о н е т и с т ТрEDIAКОВСКИЙ часто свободен от упреков там, где его можно упрекнуть как наблюдателя физиологии звуков речи.

Не понял ТрEDIAКОВСКИЙ некоторых деталей и в общей системе гласных звуков русского языка, хотя один из самых важных вопросов этого рода, именно — различаемость гласных по подъемам, для него в принципе, по-видимому, был ясен. ТрEDIAКОВСКИЙ различает гласные по степени открытия полости рта; он даже предлагает своему собеседнику по диалогу воспользоваться для проверки своих утверждений зеркалом: «Видіте, — пишет он, — что знакъ (а) самымъ большімъ отверстіемъ усть проісносится; а знакъ (у), почітай самымъ меньшимъ. Посему громогласнѣйшая всѣхъ буквъ есть (а), а всѣхъ гласныхъ глушае есть (у)» (стр. 367).

При этом ТрEDIAКОВСКИЙ превосходно определяет взаимные отношения гласных, устанавливая пропорцию, согласно которой а так относится к е, как о к у, однако так, что а и о находятся на разных ступенях. В этой пропорции ТрEDIAКОВСКИЙ, между прочим, видит причину того, что а во многих языках изменяется в е, тогда как о — в у. Однако ТрEDIAКОВСКИЙ не сумел понять, что е и о находятся на о д и н а к о в о й с т у п е н и, и отсюда его недоумения по поводу перехода е в о.

Отдавая себе отчет в аканьи, на которое указал ему Адодуров (стр. 148–149) и которое он считает чертой специально московского говора, произношение *іо* на месте *е* ТрEDIAКОВСКИЙ характеризует как «все-го народа ніскій, і почітай могу сказать самый простой выговоръ». И далее ТрEDIAКОВСКИЙ не сумел найти в своей системе надлежащего места для гласного *i*, который он помещает между *е* и *о*, так что вся гамма пяти гласных представляется ему последовательностью одного направления.

Своеобразно мнение ТрEDIAКОВСКОГО о физиологии согласных. Он их считает не самостоятельными звуками, а лишь способами, какими приводится в действие гласный звук. Соответствующее определение встречается в первый раз уже в самом начале книги (стр. 20), где гово-

рится, что буква может означать не только «свонъ», приходящий от голоса, но также быть знаком «растворенія», «какімъ въ нѣкоторый способъ пріводітся тотъ нашего голоса свонъ».

Сущность этого взгляда состоит в том, что согласные звуки считаются вообще безголосными и могли бы быть характеризованы, как шумы, добавляющиеся к голосу и этим его своеобразно каждый раз окрашивающие. Вот почему, превосходно различая звонкие и глухие согласные в их соотношениях, Тредиаковский, несомненно в соответствии с терминологией своего времени, называет их *м я г к и м и* (звонкие) и *т в е р д ы м и* (глухие).

Так как мягких и твердых согласных в нашем смысле Тредиаковский не различает, за исключением их положения в конце слова, относя различие между ними на счет соседних гласных, то у него получается 6 пар звонких и глухих, именно: *б — п*, *в — ф*, *з — х* (то есть *у — х*), *д — т*, *ж — ш*, *с — ш*, причем к остается звуком в данном отношении непарным (стр. 378).

В особый разряд «средних» он относит *л — р*, *м — н* и аффрикаты *ц — ч*. Замечательно, что сонорные *л — р*, *м — н* Тредиаковский противопоставляет попарно, но отдает себе полный отчет, что это противопоставление совсем не такое, как противопоставление звонких и глухих.

К «мягкости» и «твердости» эти противопоставления, по его словам, не имеют никакого отношения; противопоставляются же они потому, что «ісъ каждая пары въ простомъ поврежденномъ выговорѣ, одна за другую подмѣняется», то есть здесь имеются в виду *а к у с т и ч е с к и е* замены типа *секлетарь*, *Микита* и т. п.

Аффрикаты попали в «средние», разумеется, потому, что они не имеют противопоставлений по звонкости и глухости, а объединены в пару вследствие того, что Тредиаковскому известны их взаимные замены в диалектах (*цадно — чадно*, *цасто — часто*, *цепецъ — чепецъ*) (см. стр. 357–358).

В целом, как видим, у Тредиаковского получается строго выдержанная система согласных, которая для своего времени должна быть признана очень разумной. Добавляю, что отсутствие в этой системе парных звуков *щ — ж* объясняется тем, что *щ* Тредиаковский трактовал как сочетание *шч*; как он произносил соответствующий парный звонкий согласный, остается, к сожалению, неизвестным, так как орфографическая традиция не дала ему, вероятно, повода обратить внимание на эту сторону дела.

Толкование буквы *з* как знака звука фрикативного в руководствах по языку XVI–XVIII вв. — вещь обычная. В согласии с прочими филологами этого времени Тредиаковский замечает: «Сіе безъ всякого есть спѣра, что всѣ мы россияне нашъ (г) проіносимъ, как латинское (h)... Слѣдовательно, хоть у насъ ісъ согласныхъ такіа, которая бѣ сходствовала съ латинскимъ (g) передъ (а) (о) (і)» (стр. 380–381).

Из дальнейшего, однако, выясняется, что дело сложнее и что речь идет здесь не столько об отсутствии *з* в у к а, сколько об отсутствии *б у к* -

вы. Такую букву Тредиаковский считает для русского алфавита необходимой, и это потому, что, как признает Тредиаковский, в противовес только что сделанному заявлению о фрикативном произношении *z*: «впрочемъ въ нашемъ великороссійскомъ произношеніи давно, ілі ещче істарі уже она употребляется: ібо нікто у насъ сего слова гусь, і бесчисленно многіхъ другіхъ, не произноситъ такъ, как оно написано чрезъ (г), то есть, какъ чрезъ (h) латінское по нѣмецкому і польскому произношенію, но какъ чрезъ (g) латінское ж: такъ напрімѣръ, гусь. Однако все такіе слова пішемъ мы чрезъ (г) в противность произношенію. Можно сказать по французскому присловію, что подлїнникъ сея буквы находится у насъ безъ копїи» (стр. 381–382). На мой взгляд, все это имеет очень большое значение для понимания истории звука *y* в русском литературном языке.

К сожалению, единственный источник для изучения истории этого звука в литературном языке, сверх того, что мы можем находить в современном произношении, это только показания современников, так как на письме оба звука в гражданской печати не различались. (В церковной различались *z* для звука фрикативного, и *г* для звука взрывного, откуда заимствуют свою идею Адогуров и Тредиаковский.)

Именно, можно думать, что собственно в литературном русском произношении, если его не отождествлять полностью с церковным, — а это уже и для петровского времени, вероятно, было бы неверно, не говоря уже о середине XVIII в., — фрикативное *y* вместо взрывного *z* не было уже чисто фонетическим вариантом, но в известной мере представляло собой вариант только лексический, так как не всякое слово могло иметь двоякое произношение. На основании свидетельства Тредиаковского можно заключить, что известная часть лексики произносилась с *y*, а другая — с *г*.

Вопрос здесь заключается лишь в том, можно ли оба эти лексические круга считать элементами одной и той же системы языка, то есть можно ли считать *гусь* словом тогдашнего литературного языка, а например, слово *благо* — словом так называемого «просторечия». Но вряд ли могут быть сомнения, что хотя бы ограниченный круг слов мог слышаться в двояком произношении, в зависимости от условий речи.

Таким образом, схематически можно было бы наметить следующие стадии в истории звуков *z = y* в литературном языке:

I. Всякое слово произносится с *y*, если попадет в контекст литературной речи (*блауо — гусь*).

II. Литературное слово с *y*, просторечие с *г* (*блауо — гусь*).

III. Всякое литературное слово произносится двояко; просторечие с *г* [*блауо (благо)*], *гусь*.

IV. *Благо* сокращается до *боу* (бок!), *гусь*.

Думаю, что замечания Ломоносова в его «Российской грамматике» ведут к тому же выводу. Он, как известно, указывал на произношение *y* только для ограниченного круга лексики.

Вот все существенное, что можно извлечь из труда ТрEDIAKовского в отношении физиологии звуков речи. Гораздо точнее ТрEDIAKовский в том, что относится собственно к фонетике, то есть к действующим в языке живым фонетическим законам. Здесь несомненен его научный приоритет в истории русской фонетики по целому ряду пунктов. Последнее он, ревнивый к своим заслугам, отмечает и сам, оговаривая, однако, случаи, в которых он повторяет чужое наблюдение — именно наблюдение, относящееся к аканью.

Соответствующие правила, излагаемые ТрEDIAKовским, следующие:

1) В московском произношении неударяемое *о* произносится как *а*, например, *малакó*. Выше мы видели, что хотя ТрEDIAKовский и признает социально-культурное значение московского выговора, все же такое произношение он не склонен считать п р а в и л ь н ы м.

2) В некоторых случаях (ближе ТрEDIAKовский их не определяет) неударяемое *а* «в простом выговоре» произносится как *е*, например: *чесы*.

3) В «самом простом выговоре» *е* произносится как *о*. Стремясь понять физиологическую подкладку *е > ío*, ТрEDIAKовский догадывается, что такой переход предполагает мягкость согласного перед *е*, и потому приходит к заключению, что там, где этот переход имеет место, вероятно этимологически нужно предполагать *е*, то есть йотированный гласный, а не *е*. Так, на основании *совіотъ* вместо *советъ* ТрEDIAKовский приходит к мысли, что первоначально, вероятно, было *совѣтъ* (стр. 398–399). Нельзя не признать, что эти рассуждения ТрEDIAKовского характеризуют его как мыслителя-лингвиста с самой лучшей стороны.

4) Вместо *і* преимущественно неударяемого «часто в нашем выговоре» слышится *е*. Здесь имеется в виду просторечное произношение *пѣвчей, начинаней* вместо *пѣвчїи, начинанїи*. Как и предыдущий, этот пункт относится не к живым действующим законам, а к соотношению двух произносительных систем — книжной и живой.

5) *Я*, преимущественно неударяемое, в «нашем нынешнем выговоре» заменяется через *ть* (!), например, *льдунка, кнѣгїня*.

6) *Е > і* в «простонародном выговоре»: *повельвайтъ, сказывайтъ*.

7) Нет ни одного слова, начинающегося с *ы*.

ТрEDIAKовский заключает: «ісь сіхъ наблюдений втораго, третяго, четвертаго, пятаго, шестаго, седьмаго и осьмаго я могу назваться первымъ примѣчательемъ, для того я ні у кого ісь нашихъ понынь о семь не слыхаль» (стр. 399–400).

Что касается фонетики согласных, то ТрEDIAKовский сводит ее к следующим правилам:

а) звонкие (мягкие) сочетаются с звонкими, глухие — с глухими;

б) звонкие в конце слов становятся глухими, независимо от их мягкости или твердости;

Эти два правила ТрEDIAKовский называет главными и генеральными. Далее следует:

в) сонорные «лучше соединяются» с звонкими, а *ц, ч*, — с глухими, хотя это правило и не всеобщее. То есть ТрEDIAKовский понимает независимость звонких и глухих перед сонорными: *влага — флагъ, врагъ — прахъ*, но с аффрикатами он запутывается.

Так как в его системе аффрикаты объединены с сонорными в общий класс «средних», то он думает, что звонкие глухие ведут себя и в сочетании с аффрикатами так как в сочетании с сонорными, и для этого представляет порядок звуков. Например, словом *офца* иллюстрируется преимущественно склонность аффрикатов сочетаться с глухими, а словом *цвѣтъ* — обратное;

г) зубные сливаются с последующими шипящими в долгие шипящие: *воишествіе, пріежжій*. Сюда же относит ТрEDIAKовский сочетание зубных с аффрикатами: *молоца, прічча* (!);

д) *gs, gc, ms, mc* перед согласной «исчезают», а вмѣсто себя оставляют *ц*: *егіпецкій, персіцкій*;

е) *жч, сч, сч > шч*: *возмошчі, бесчїніе, шчастїе*; тут же о *шн*: *прошно, нарошно*;

ж) в предлогах *к* перед *к* и *г > х*: *хъ кому, хъ королю, хъ грамматамъ*!;

з) *ж, ч, ш* не соединяются с двугласным и *ь* (ТрEDIAKовский не различает *ж, ш* от мягкого *ч*), — а потому *е > о*, а не *іо* (сам так пишет иногда: *учоный, жонка, решоточка*).

Как видим, только в очень немногих пунктах ТрEDIAKовский не сумел разобраться в реальных звуковых отношениях, или в отношениях между буквами и звуками. Особенно ценно то, что ТрEDIAKовский, оставаясь сторонником розни между языком литературным и живым, тем не менее проявил подлинно научный интерес к явлениям н о в о й фонетики и сумел уловить целый ряд очень существенных ее явлений.

Описав эти явления, он, естественно, не мог в заключение не поставить еще раз вопрос о тех выводах, которые должны следовать из описанной фонетической системы для орфографии. Когда «чужестранец», выслушавший все фонетические объяснения автора, констатирует, что в таком случае современная орфографическая практика не «органична» и состоит в изображении не произношения, а «произведения», то автор торжествующим тоном заключает: «Но дѣйствительно пишуть інако, а говорять інако, вы предлагаєте. Пишуть, да не должно такъ писать, я отвѣтствую» (стр. 411).

Что касается непоследовательности своих требований в отношении органического характера правописания, то ТрEDIAKовский извиняет ее необходимостью «снисходительства» к установившимся обычаям: «с людми надо житъ по людскі» (стр. 414). Однако угождение обычаям не должно быть «льстивым»: «В моемъ случаѣ, — пишет ТрEDIAKовский, —

угожденію сему должно состоять въ попушченіи, писать нѣкоторыя слова по кореню, которыя ещче не пішутся по органу: ібо много ужé ихъ, но і у насъ нынѣ пішутся по органу. Однако всегда твердітъ, что способъ пісанія по произведенію есть, не толь ісправенъ, коль оный, который по органу».

Разумеется нужно считаться еще и с тем, что, как я не раз указывал, Трѣдиаковский не распространяет своего «органическаго» принципа на такие явленія произношенія, которые он считает местными (московскими), «низкими», «простыми», «поврежденными» и т. п.

V

1. Такова орфографическая теорія Трѣдиаковского. Какова же должна быть ее историческая оценка? Мне кажется, она должна быть сведена к следующимъ положеніямъ:

1) В своемъ орфографическомъ трактатѣ Трѣдиаковский засвидетельствовалъ свое подлинное лингвистическое чутье, в особенности — умение фиксировать свое вниманіе на р а з л и ч и т е л ь н ы хъ моментахъ в языковой системѣ. Большинство его положеній, касающихся фонетики, оказывается соответствующимъ действительности, причемъ надо непременно иметь в виду то, что в установленіи этихъ положеній Трѣдиаковский не имелъ предшественниковъ и былъ подлиннымъ пионеромъ науки. Естественно, что менее совершенными являются его положенія в области физиологии звуковъ речи, но иного было бы и трудно ожидать отъ русскаго деятеля первой половины XVIII в. Думаю, что не погрѣшу противъ истины, если скажу, что даже и при всехъ несовершенствахъ, которые ей объективно присущи, излагаемая Трѣдиаковскимъ физиология звуковъ речи для эпохи ее появленія — вне конкуренціи.

2) В собственно орфографической программѣ Трѣдиаковского есть рядъ положеній, совершенно разумныхъ и теоретически вполне допустимыхъ. Сюда относятся, например, его предложенія объ исключеніи лишнихъ буквъ изъ алфавита. Не совсемъ в той формѣ, какъ это хотелось бы Трѣдиаковскому, но многіе его положенія в концѣ концовъ были практически реализованы в последующемъ ходѣ исторіи русскаго орфографіи. Что касается самой формѣ, то предпочтеніе буквы *i* букву *и*, какъ известно, поддерживалось и многими позднейшими деятелями русскаго просвѣщенія. Ничего худого не было бы, если бы изъ двухъ конкурирующихъ буквъ *s* и *з* в нашей орфографіи сохранилась бы первая — своей побѣдой вторая обязана лишь тому, что она была более употребительна и в древности. Короче, в вопросахъ состава русскаго алфавита все предлагаемое Трѣдиаковскимъ с чисто лингвистической точки зренія неоспоримо, и если не все изъ его предложеній исторически осуществилось, то по основаніямъ не чисто лингвистическаго характера.

3) Что касается правил правописания в узком смысле понятия, то программа Третьяковского характеризуется двумя противоречиями, подрывающими ее в основе:

а) Третьяковский не сумел различить позиционно фонетических изменений от чередования звуков;

б) по условиям эпохи он не мог стать на точку зрения полного отождествления языка литературного, ученого, с языком общества, хотя бы только в пределах образованной, культурной его части.

Никаких упреков в этом втором отношении Третьяковский, разумеется, не заслуживает, и не только как сын своего времени, но прежде всего потому, что, как мы теперь хорошо знаем, такое отождествление стало возможно только после того, как живая речь общества сама прониклась известными элементами языка литературного и тем способствовала процессу слияния обеих разновидностей языка в нечто цельное.

Более того, Третьяковский отличается от других деятелей XVIII в. именно тем, что уже и в то время склоняется в известной мере к такому слиянию и его, так сказать, исторически предчувствует — отсюда и его острый интерес к явлениям живой фонетики. Однако в середине XVIII в. не было надлежащих условий для осуществления подобного слияния, и в этом — одно из важных объяснений противоречивости позиции Третьяковского.

4) Указанные противоречия в теории Третьяковского не во всем имели отрицательный и одинаковый результат. То, что он продолжал отличать книжную речь от живой, мешало ему идти к ясным и последовательным заключениям только в отношении букв *e* и *ъ*. Именно, мнение о различном характере звуков *e* и *ъ* и оценка звука *o* на месте *e* под ударением после мягких как выговора «низкого» и «...самого простого» позволили ему прийти к выводу, что если здесь и нужна дифференциация двух каких-либо знаков — все равно $e = \text{ъ}$ или $e = e$, — то для различения не простого гласного и двугласного, а звуков *e* и *o*. Именно такое различие установилось много позднее в форме $e = \ddot{e}$.

Справедливость, однако, требует отметить, что хотя в ряде случаев различие $e = e$ у Третьяковского и не совпадает с нашим различием $e = \ddot{e}$, например, *зоветь* — *мое*, или *пей* — *скорый*, то во многих других случаях оба различия оказываются совпадающими, например, *зоветь* — *моей*, *медь* — *въра* и т. п. С другой стороны, то, что Третьяковский удержался от внесения фонетических написаний безударного вокализма, исходя из того же принципа книжного выговора, что его фонетический принцип не распространен им поэтому на такие написания, как *-ться* в инфинитиве и многие другие положения, привело, безусловно, к положительному для него результату с точки зрения исторических судеб русской орфографии, то есть с точки зрения утвердившегося в ней как господствующего — фонетического принципа.

5) Этот фонологический принцип зато жестоко пострадал вследствие первого из отмеченных противоречий в системе Третьяковского. Здесь его орфография не выдерживает суда истории русского языка. Фонологическая основа русской орфографии есть в конце концов результат случайности, именно — результат глубокого воздействия на русский письменный язык церковнославянской орфографии.

Помимо всего того, что можно сказать и что говорилось уже не раз о громадном положительном значении церковнославянского влияния на русский литературный язык в области лексической и морфологической, с особой силой мне хотелось бы сейчас подчеркнуть значение этого влияния для судьбы русской орфографии. Ему мы обязаны тем, что русская орфография независимо от ряда частных ее несовершенств, сохранения в ней, например, ряда чисто исторических написаний вроде *-ого* и т. п., в основе своей фонологична, а потому очень удобна и покоится на прочном структурном фундаменте. Исторический урок, который можно извлечь из изучения орфографической жизни Третьяковского, заключается в том, что отход от этого фонологического принципа в русской орфографии есть неизбежно вместе с тем отход от церковнославянского предания, и обратно.

Под конец жизни Третьяковский испытывал значительные колебания в своих орфографических взглядах. Писать по своей «органической орфографии» он перестал довольно скоро, а в известном предисловии к «Телемахиде», между прочим, писал: «Преважная сія задача, правѣль орфографіи быть по кореню, или по произношенію, и понынѣ еще не рѣшена, а м. б., что и во вѣки разрѣшена не будетъ. Разумъ побораетъ по Выговору и доказательства его всѣ превесьма тверды: но мудрованіе Грамматиковъ стоитъ такъ — сякъ за корень».

Теоретик орфографии не умирал в Третьяковском, и — что бы мы ни думали о практическом значении его трудов в этой области, — долг историка русской культуры, мне кажется, состоит в том, чтобы с почтительной благодарностью помянуть старейшего русского лингвиста, пионера русской фонетики, который так мало знал радостей в своей неудачливой жизни и для которого справедливый суд потомства задержался так долго.

Н. А. Еськова

**ПЕРЕДАЧА ФОНЕМЫ <О>
ПОСЛЕ ПАРНО-МЯГКИХ СОГЛАСНЫХ
И В СОЧЕТАНИИ С ПРЕДШЕСТВУЮЩИМ <Ј>
(БУКВА Ё И ЕЕ ГРАФИЧЕСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ)**

Историческая справка

Как известно, в русском алфавите имеется двойной набор букв для обозначения гласных фонем. Среди них особую судьбу имеет буквенная пара для фонемы <о>.

Парные буквы для гласных фонем восходят к кирилловскому алфавиту. Но в русском языке древнейшей письменной эпохи фонема <о> не выступала после мягких согласных; поэтому в то время не нужна была буква, которая относилась бы к о так же, как относится я (а в кириллице — **ѧ**) к а, ю к у и т. д. Потребность в такой букве возникла после того, как в русском языке произошел так называемый переход [э] в [о]: звук [э] изменялся в [о] после мягких согласных (ими были в то время все шипящие — в том числе *ж, ш* — и *ц*) на конце слова и перед твердыми согласными, но оставался без изменения перед мягкими согласными (этим объясняются такие современные соотношения, как <с'ол>а — <с'эл'>ский, *п<чол>ы* — *п<чэл'>ник*, <жон>ы — <жэн'>ится и т. п.). В литературном языке результаты перехода [э] в [о] сохраняются только в ударном положении.

Печатается с разрешения Н. А. Есковой в отрывках по первой публикации: *Еськова Н. А. Передача фонемы <о> после парно-мягких согласных и в сочетании с предшествующим <ј> (буква ё и ее графические эквиваленты) // Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии: (XVIII–XX вв.) / отв. ред. В. В. Виноградов. М.: Наука, 1965. С. 117–131.*

Орфография несколько столетий не имела средств для передачи появившихся в результате этого изменения сочетания <jo> и <o> после мягких согласных, имеющих твердые пары. После букв, обозначающих шипящие и <ц>, т.е. согласные фонемы, не имеющие пар по твердости-мягкости, можно было употреблять букву о, прибегая, например, к написаниям *пчолы*, *плечо* вместо этимологически правильных, но не отражающих нового звукового состава этих слов *пчелы*, *плече*¹. После букв, передающих парно-мягкие согласные, а также для передачи фонемного сочетания <jo> буква о не могла использоваться, и поэтому такие слова, как *лед*, *мед*, *все*, *елка* и т.п., долгое время могли быть написаны только с е, хотя произносили их уже с [o]: [л'о]д, [м'о]д, в[с'о], [jo]лка.

Только в середине XVIII в. в практику вошло буквенное сочетание *і ѿ*: *лі ѿд*, *всі ѿ*, *і ѿж*. Оно просуществовало недолго: в 1797 г. Н.М. Карамзин ввел в употребление букву ё. Она использована им впервые в сборнике стихов «Аониды», где на стр. 176 при написании *слѣзы* имеется примечание: «Буква е с двумя точками заменяет *і ѿ*». Судьба изобретенной Карамзиным буквы своеобразна: она легко привилась и в течение более чем полутора столетий не выходит из употребления, но не стала настоящей буквенной парой для о, такой, как я для а, ю для у. Это значит, что она почти никогда не употреблялась последовательно, т.е. во всех словах, где имеется сочетание <jo> или <o> после мягких согласных под ударением. Я.К. Грот так формулировал правила употребления буквы ё: «Двоеточие над е ставится только в редких случаях, именно: а) для яснейшего обозначения выговора, особенно для различения слов, одинаково пишущихся, например *ведро́* и *вѣдро*, *признаѣт* и *признаѣт*; б) в стихах, для более наглядного изображения рифмы, например *забот* и *гнѣт*; в) в именах и вообще в словах иноязычных: *Лѣве*, *манѣвры*, *серьѣзный*» (1876)².

Если не считать индивидуальных попыток последовательно использовать букву ё (к числу первых относится опыт И.И. Лажечникова в издании 1838 г. романа «Басурман» — этом своеобразном «своде» орфографических новшеств), можно назвать лишь короткий период — с 1943 по 1947 г., когда эта буква считалась обязательной в школьной практике и в практике некоторых издательств (она была введена приказом Народного комиссара просвещения РСФСР от 24 декабря 1942 г.); в это время был выпущен справочник: «Употребление буквы ё» (1945 г.; сост. К.И. Былинский, С.Е. Крючков, М.В. Светлаев под ред. Н.Н. Никольского).

¹ О том, как эта возможность реализовалась, см. в исторической справке к разделу о передаче фонемы <o> после шипящих.

² Грот Я.К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого до ныне. 2-е изд., значительно пополненное // Грот Я.К. Филологические разыскания. Т.2. 2-е изд. СПб., 1876.

Между тем на протяжении последнего столетия при обсуждении орфографических проблем вопрос о букве *ѣ* или шире — о буквенной паре для *о* — занимал довольно большое место. Было (и есть до сих пор) немало защитников у буквы *ѣ* (к числу самых горячих относился Р. Ф. Брандт), не прекращаются и предложения о замене *ѣ* другими знаками.

До декрета о введении нового правописания справедливо связывались два вопроса: об отмене *ѣ* и о введении *ѣ*. Впервые об этом говорилось на орфографических совещаниях 1862 г., позднее это особенно подчеркивал Р. Ф. Брандт (1901)³. В «Постановлениях Орфографической подкомиссии» (1912)⁴ и в первой публикации декрета о введении нового правописания (1917)⁵ есть пункты о букве *ѣ*, употребление которой признается «желательным, но не обязательным»; при публикации декрета 1918 г. пункт о *ѣ* был снят.

Неоднократно говорилось о букве *ѣ* (или о другой букве в той же функции) как о необходимом члене русской графической системы. В 1862 г. В. Я. Стоюнин отмечал, что *ѣ* нужна «для представления полной системы русских гласных звуков»⁶. В 1874 г. М. А. Тулов писал: «Смотря на *я, ѣ, ю* как на слоги *ѣа, ѣэ, ѣу* и как на *ѣа, ѣэ, ѣу*, где *ѣ* относится к смягчению предыдущей согласной, нельзя не заметить, что ряд этих начертаний не полон: в нем нет аналогичного знака для *ѣо*... Соединение *о* с предыдущею мягкою согласною мы выражаем через

---

³ Брандт Р. Ф. 1) Открытое письмо экстраординарному профессору Московского университета князю Сергею Николаевичу Трубецкому по вопросу об упрощении орфографии // Русские ведомости. 1901. № 138; 2) Ответ г. учителю относительно упрощения русской грамоты // Московские ведомости. 1901. № 279; 3) О лженаучности нашего правописания: (Публичная лекция) // Филологические записки. 1901. Вып. 1–2. С. 1–58; 4) Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. 2-е изд., значительно пополненное // Грот Я. К. Филологические разыскания. Т. 2. 2-е изд. СПб., 1876. Второй и последний ответ г. учителю // Московские ведомости. 1901. № 289.

⁴ Постановления Орфографической подкомиссии. СПб., 1912. 10 с.

⁵ Декрет о введении нового правописания // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1917. 30 дек. № 12. Отдел 1. Ст. 176. С. 185–186. (Распубликован в № 40 газеты Временного Рабочего и Крестьянского правительства от 23 дек. 1917 г.)

⁶ Первое совещание по вопросу об упрощении русской орфографии // Учитель. 1862. Т. 2. № 6. С. 265–269; см. также: [Первое совещание по вопросу об упрощении русской орфографии] // Северная пчела. 1862. № 65; Пятое совещание по вопросу об упрощении орфографии // Учитель. 1862. Т. 2. № 9. С. 400–403; [Пятое совещание по вопросу об упрощении русской орфографии] // Северная пчела. 1862. № 124; Седьмое орфографическое совещание // Учитель. 1863. Т. 3, № 2. С. 95–98; Шестое совещание по вопросу об упрощении орфографии // Учитель. 1862. Т. 2. № 13–14. С. 607–610; [Шестое совещание по вопросу об упрощении русской орфографии] // Северная пчела. 1862. № 144.

ё (*лёд, мёд, нёс*). Это ё, непричисленное, однако, нашу грамматику к мягким гласным, хотя имеет на то такие же права, как и я, ъ, ю, пополняет ряд сих последних и удовлетворяет требованиям принятого у нас правописания»⁷. Можно упомянуть также дискуссию о ё при обсуждении «Проекта реформ орфографии по работам Ленинградского лингвистического общества» на основании доклада Л. В. Щербы, когда пришли к заключению, что «какая-то буква для ё требуется сутью нашего алфавита» (1931)⁸.

Но все это не имело успеха. При работе над единым орфографическим сводом о ё сначала совсем забыли (в первом проекте свода 1936 г. о ё ничего не говорится), потом отвели этой букве такое же место, какое ей отводил Я. К. Грот. В статье 1937 г. А. А. Реформатский разъяснял, какое место занимает ё в современном письме: «Есть ли в русском алфавите буква ё? Нет. Существует лишь диакритический значок «умлаут» или «трема» (две точки над буквой), который употребляется для избежания возможных недоразумений, например для различения *все* и *всё*, *узнаем* и *узнаём*, *ведро* и *вёдро*...; для указания точного произношения малоизвестных слов (преимущественно имен собственных, например в названиях рек *Олёкма*, *Оленёк*; в транскрипции иноязычных названий *Кёльн* (Köln), *Бёрд* (Bird), *Исык-Кёль* (Ысык-Көл) и т. п.» Такое положение существует и в настоящее время.

<...>

---

⁷ Тулов М. А. Об элементарных звуках человеческой речи и русской азбуке: пособие для обучающихся русской грамоте. Киев, 1874. 76 + 18 с.

⁸ Егоров П. Научно-педагогическая жизнь: (Реформа правописания. Отзывы с мест. Заключение Всесоюзной академии наук) // Русский язык в советской школе. 1931. № 1. С. 168–172 (излагаются: 1) отзыв АН о проекте 1930 г.; 2) предложения Яфетического института Академии наук СССР, выдвинутые в связи с оценкой этого проекта; 3) соображения Л. В. Щербы о транскрипции иностранных слов); Роде Н. Ленинградское общество изучения и преподавания языка и словесности: (Русская секция и 1929 в 1930 гг.) // Русский язык в советской школе. 1931. № 4. С. 190–194 (на с. 192–193 дается изложение доклада Л. В. Щербы «Проект реформ орфографии по работам Ленинградского лингвистического общества»).

**А. Графические знаки, предлагавшиеся
для употребления в функции буквенной пары к о**

а. Знаки, известные в реальном употреблении

I. В функции буквенной пары к о ввести букву ё (е с двумя точками): слёзы, ёлка (Н. М. Карамзин 1797)¹⁰.

□ **1.** По начертанию это не самостоятельная буква, а разновидность буквы: буква е с дополнительным значком. Она легко превращается в факкультативный буквенный вариант: употребляют, собственно, во всех случаях букву е, над которой ставят или не ставят две точки.

□ **2а.** Недостатком этой буквы является ее графическая связь с е. «... Во всем начертании нет ни малейшего сходства с буквою о, которую знак этот замещает» (И. И. Паульсон 1892)¹¹.

■ **2б.** Однако в этом есть и преимущество, определяемое фактами истории языка. Я. К. Грот, критикуя предложение М. А. Тулова заменить ё через ѓ, писал, что «переход е в ё чрезвычайно много говорит в пользу начертания ё: ибо в русском языке звук, соответствующий этому начертанию, иначе и не является, как вследствие обращения, по известным законам, е в ё. Пока в русской азбуке будет оставаться в силе система, по которой мы пишем в двояком значении я, е, ъ, ю (вместо ѓа, ѓэ, ѓу), до тех пор и для изображения звука ѓо, ѓо трудно придумать начертание лучше ё» (1876)¹². Р. Ф. Брандт писал, что М. А. Тулов «напрасно не ценит этимологический смысл начертания ё, т. е. заключающееся в нем указание на происхождение соответственного звука из е...» (1881)¹³.

И без ссылки на этимологию, а исходя лишь из живых соотношений литературного языка, можно заключить, что в графическом облике ё есть

⁹ «Аргументы, свидетельствующие в пользу выдвинутого предложения, помечены черным квадратом: ■. Если же они говорят о его отрицательных сторонах, то при них стоит светлый квадрат: □. Если на возражение против принятия нового предложения есть контрвозражение, то при нем стоит такой же знак ■, как при всех доводах за данное предложение» (Предисловие // Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии: (XVIII–XX вв.). С. 11). — *Примеч. сост.*

¹⁰ Аониды, или собрание разныхъ новыхъ стихотворений / сост. и изд. Н. М. Карамзин. Кн. 2. М., 1797. 380 с.

¹¹ Паульсон И. И. Письменное означение членораздельных звуков, буквы и их сочетания (графика). Орфография и орфоэпия и их взаимное отношение // Паульсон И. И. Методика грамоты по историческим и теоретическим данным. Ч. 2. СПб., 1892. С. 8–102.

¹² Грот Я. К. Спорные вопросы... 2-е изд.

¹³ Брандт Р. Ф. Мнение г. Тулова о русском правописании // Русский филологический вестник. 1881. Т. 5. С. 358–375.

преимущества: фонемы <э> и <о> после мягких согласных в современной системе обнаруживают явные морфонологические связи, выступающие в определенных соотношениях (Р.И. Аванесов 1963°). Употребление *e* — *ě* в формах одного слова (*село* — *сѣла*) позволяет, сохраняя частичное тождество графического облика морфемы, точно обозначать фонемный состав слов с <о> после мягких согласных (хотя только под ударением).

□ **За.** Буква *ě* неудобна для письма и печати. «...Частая постановка двух точек над *e* слишком задерживает письмо» (И.И. Паульсон 1892)¹⁴. «...Самая форма буквы *ě* (буква и две точки над ней) представляет собой несомненную сложность с точки зрения моторной деятельности пишущего: ведь написание этой часто употребляемой буквы требует трех отдельных приемов (буква, точка, точка), причем нужно каждый раз следить за тем, чтобы точки оказались симметрично поставленными над знаком буквы. Для прописной буквы постановка сверху двух точек связана с еще большим неудобством (*Ěж*, *Ěлка*), особенно в печатном тексте, где довольно часто приходится набирать слова сплошь прописным шрифтом. В общей системе русского письма, почти не знающего надстрочных знаков (у буквы *й* надстрочный знак проще, чем у *ě*), буква *ě* составляет весьма обременительное и, видимо, поэтому не вызывающее к себе симпатий исключение» (А.Б. Шапиро 1951)¹⁵.

■ **36.** Однако, как отмечал Л.А. Булаховский, необходимость отрывать руку при письме не мешает употреблять украинское *i*, которое встречается чаще, чем русское *ě*. «Дело идет о просто странном виде «экономности», к слову сказать, опровергаемой в ее значении культурной практикой большинства отнюдь не плохих систем графики, в частности такой богатой надстрочными знаками, как чешская» (1954)¹⁶.

II. В функции буквенной пары *к о* употреблять лигатуру *іѵ*: *всіѵ*, *Семіѵн*, *Аліѵна*, *іѵж* (В.Е. Адодуров 1737)¹⁷.

¹⁴ Паульсон И.И. Указ. соч.

¹⁵ Шапиро А.Б. 1) Вопросы русской графики и орфографии... // ИАН ОЛЯ. 1951. Т. 10. Вып. 3. С. 257–268; 2) [Выступление на Объединенной научной сессии ОЛЯ АН СССР и АПН РСФСР...] // Изв. АПН РСФСР. 1951. Вып. 39. С. 110–112 (о проекте единого орфографического свода); 3) Русское правописание. М., 1951. 200 стр. (Краткий очерк истории русского правописания (с. 160–198) написан Н.С. Рождественским).

¹⁶ Булаховский Л.А. 1) За целесообразное упрощение письма // Учительская газета. 195. 1 дек.; 2) Замечания по вопросу об усовершенствовании русского правописания // Русский язык в школе. 1954. № 6. С. 20–24.

¹⁷ Грот Я.К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне // Грот Я.К. Филология, разыскания. СПб., 1873. С. 459–668; То же. 2-е изд., значительно пополненное // Грот Я.К. Филология, разыскания. Т. 2. 2-е изд. СПб., 1876. 460 с.; То же. 3-е изд., с дополнениями и переменами // Грот Я.К. Филология, разыскания. Т. 2. 3-е изд. СПб., 1885. 520 стр. См. также: Грот Я.К. Филологические разыскания. 4-е изд. СПб., 1899.

□ 1. Это, собственно, не буква, а сочетание букв: употребление же буквенных сочетаний, функционально эквивалентных буквам, мало свойственно русскому письму.

■ 2а. Графически *іѡ* ассоциируется с *о*, что находится в соответствии со звуковым значением этого знака.

□ 2б. См. предложение I, п. 2б.

□ 3. Это очень неудобный при употреблении знак. «Форма *іѡ*, хотя, в сущности, совершенно правильная, была тем неудобна, что восставляла ту самую систему означения двугласных, от которой отступлено было для передачи двух остальных звуков этого рода (*я*, *е*); кроме того, *іѡ* слишком было похоже на *ю*» (Я. К. Грот 1876)¹⁸. Возможно, именно поэтому начертание *іѡ* «не принялось» (И. И. Паульсон 1892)¹⁹.

б. Знаки, предлагавшиеся вместо ё

I. В функции буквенной пары *к о* ввести букву *ѣ*: *ещѣ, всеѣ, перевѣл* (Н. М. Тимаев 1856)²⁰.

II. В функции буквенной пары *к о* ввести букву *ѳ*: *далѳк, убеждѳн* (М. А. Тулов 1874, 1881²¹; Дискуссия 1962*²²; Дискуссия 1964*²³).

III. В функции буквенной пары *к о* ввести букву *ѣ̇*: *тѣлка, идѣшь, несѣм, ѣлка, вѣт* (И. И. Паульсон 1892)²⁴.

IV. В функции буквенной пары *к о* ввести букву *ѳ* или *ѳ* («перечеркнутое о»): *сѳла, поѳт* (В. Кв. 1900²⁵; Дискуссия 1962*; Дискуссия 1964*²⁶).

V. В функции буквенной пары *к о* ввести букву *ε* (греческий эпсилон): *лѣд, все, ѣлка, полѣт* (А. Г. Герасимов 1901, 1903)²⁷.

¹⁸ Грот Я. К. Спорные вопросы... 2-е изд.

¹⁹ Паульсон И. И. Указ. соч.

²⁰ [Тимаев Н. М.] Філологічна трагедія Софокла / с греческова перевел і замечаніями об'ясніл Н. Т. СПб., 1856. 106 с.

²¹ Тулов М. А. Указ соч.; 2-е изд. Киев, 1881. 84 + 26 с.

²² Дискуссия 1962 — статьи, помещенные в журналах в 1962–1964 гг. (до опубликования проекта 1964 г.).

²³ См. в «Библиографии» источники, отмеченные знаком *.

²⁴ Паульсон И. И. Указ. соч.

²⁵ В. Кв. Новое русское правописание: Опыт рациональной орфографии. [Т.] 1: Введение. Орел, 1900. 20 с.

²⁶ Некоторые из предлагавших этот знак ориентировались на реально существующие буквы (скандинавских алфавитов, карачаевского алфавита и др.), а также на начертание упраздненной фиты.

²⁷ Герасимов А. Г. 1) Вступление // Герасимов А. Г. Подарок неизгнанного неба «рожек-сам-гудок», или новые песни, новые речи, новая грамота. М., 1901. С. 3–30; 2) Правописание как научно обоснованный образ праворечия: (Проект реформы отечественного правописания взамен ранее предложенной мной «новой грамоты») // Филологические записки. 1903. Вып. 3. С. 1–24.

VI. В функции буквенной пары к о ввести букву ё: лён, приёмши, звёзды, щётка, надёван (Дискуссия 1962*; Дискуссия 1964*).

VII. В функции буквенной пары к о ввести букву ё: ёлка, сёла, мёд (Дискуссия 1962*; Дискуссия 1964*).

■ 1. Предлагавшиеся буквы созданы на основе либо о, либо е — прибавлением к ним дополнительного элемента (кроме е, которая лишь ассоциируется графически с е); по начертанию почти все они удобнее ё.

□ 2. Но не настолько, чтобы заменять ими уже вошедшую в употребление букву. Р. Ф. Брандт писал по поводу предложения М. А. Тулова: «...К чему было общеизвестное е с двумя точками заменять таким же о (ö)? Я понял бы желание ввести для jo новое простое начертание, подобное уже существующим я, е, ю при а, э, у, но замена одного сложного знака другим не имеет никакой цели...» (1881)²⁸.

<...>

---

²⁸ Брандт Р. Ф. Мнение г. Тулова...

С. В. Власов

К ИСТОКАМ БУКВЫ Ё¹

Необходимость употребления буквы ё с двумя точками при написании и издании текстов на современном русском языке обусловлена, как известно, следующими основными причинами:

1) отражением на письме перехода е в о под ударением перед твёрдыми согласными;

2) давлением самой системы русского правописания (наличием йотированных букв е, ю, я);

3) потребностью смысловоразличения (например, различия форм *все* и *всё*; *вёсел* и *вёсел*, *сел* и *сёл* и т. д.);

4) графическим маркированием (образцово-)нормативного произношения некоторых имен нарицательных и собственных, в том числе и иностранного происхождения (*блэкнуть*, *жёлчь*, *Вёшенский район*, *шофёр*, *Бёрнс* и т. д.);

5) отображением на письме стилистического различия в произношении слов в высоком, книжно-славянском стиле, которому был чужд переход е в о после мягких перед твёрдыми согласными, с одной стороны,

---

Печатается с разрешения С. В. Власова по первой публикации: Власов С. В. К истокам буквы Ё // Русистика: прошлое и настоящее национального языка: сб. статей, посвящ. 70-летию проф. Б. И. Осипова / под ред. М. А. Харламовой. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2009. С. 32–46.

¹ См. здесь же статью Д. Г. Демидова (*Демидов Д. Г.* Се, сіе, *сіе, с[^]іо, сіо, с[^]іо, *с[^]е, ето, *ёто, это: орфография некоторых прецедентных форм указательных местоимений в XVIII в. // Русистика: прошлое и настоящее национального языка: сб. статей, посвящ. 70-летию проф. Б. И. Осипова / под ред. М. А. Харламовой. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2009. С. 64–84. — *Примеч. сост.*), давшую толчок к моим дальнейшим размышлениям на эту тему, за что я выражаю ему искреннюю признательность. Поскольку речь в дальнейшем пойдет о старой орфографии, считаю своим долгом сохранить в цитатах и библиографических ссылках орфографию (со всей её непоследовательностью) и пунктуацию XVIII–XIX вв.

и в современном русском языке, в котором отмечается данный переход, с другой стороны.

Ещё академиком Я. К. Гротом было установлено, что букву *ѣ* в русскую типографскую практику ввёл Н. М. Карамзин, в 1797 г., в издании второй “книжки” “Аонид”². Буква *ѣ* в этой книге употреблена только один раз в стихотворении “Опытная Соломонова мудрость, или мысли [,] выбранныя изъ Экклезіаста”, в слове *слѣзы*, рифмуящемся со словом *розы*:

Тамъ бѣдный проливаетъ слѣзы,
Въ судѣ невинный осуждень,
Глупецъ уважень и почтенъ;
Злодѣй находить въ жизни *розы*,
Для добрыхъ терніе растеть;
Для нихъ уныль, печалень свѣтъ³

Данное нововведение поэт сопроводил следующим примечанием: “Буква *е* съ двумя точками наверху замѣняетъ *ѣ*”⁴. Как видим, здесь постановка двух точек над *ѣ* вызвана желанием Н. М. Карамзина предупредить читателя о том, что для рифмы необходимо прочесть слово *слѣзы* с *о*, а не *е* (*слезы*), как произносились все слова с *е* под ударением в традиционном, книжно-славянском стиле (ср., например, рифму *небесѣ* — *слезѣ* в другом стихотворении этого сборника⁵). Мы не можем точно сказать, каким образом у Н. М. Карамзина (или у его “соавторов” — печатников Х. Ридигера и Х. А. Клаудия, возможно, даже виновников этого невольного изобретения, заменивших, вероятно, отсутствующую у них литеру *ѣ* литерой *ѣ* из иностранной наборной кассы) возникло это гениальное решение, которое указывало на особое произношение буквы *ѣ*, не нарушая при этом морфологического принципа традиционной орфографии (сохранение написания *е* независимо от его ударной или безударной позиции в слове и реального произношения). Это решение может быть под-сказано в первую очередь употреблением двух точек над гласными буквами для обозначения перегласовки — *умлаута* (*ä, ö*) в немецком языке. В функциональном плане в русском языке также происходит перегласовка, чередование *е* — *о* в зависимости от стиля речи — ориентированного на книжно-славянские или на народные образцы. Здесь также можно усмотреть чисто графическое, а не функциональное, влияние начертаний французских слов с надстрочным знаком *трема* (греческого происхождения), т. е. слов с двумя точками, над буквой *е*, хотя этот знак имеет во

² Грот Я. К. Филологическія разысканія. 4-е изд.. СПб., 1899. С. 658.

³ Карамзин Н. М. Аониды, или Собрание разных, новыхъ стихотвореній. Кн. 2. М.: В Университетской Типографіи, у Ридигера и Клаудія, 1797. С. 176.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 335.

французском языке другую функцию, нежели в русском или немецком языках, — он обозначает раздельное произношение двух гласных (например, *Noël, Israël*, etc.). “Переносъ сихъ двухъ точекъ съ иностранныхъ буквъ на нашу” отметил уже современник и антагонист Н. М. Карамзина — вице-адмирал А. С. Шишков, резко выступивший в 1811 г. против буквы ѣ, изображающей, по его словам, “простонародный” и “безобразный звукъ” *iò*⁶.

Все эти параллели вполне очевидны. Но возможны также иные сближения, идущие из церковно-славянской рукописной традиции использования “просодий” (диакритических знаков), в частности использования двух точек (или двух косых черточек, или двух запятых сверху) не только над *ї* десятеричным, но и над другими гласными⁷. В некоторых средневековых грамматических сочинениях две косые черточки слева направо вверх над буквой (”) назывались славянским термином “оковавы”, возводимым И. В. Ягичем к слову *око*, “что выражало бы обозначение, похожее на “оба ока”⁸. Можно предположить, что Н. М. Карамзин, не только писатель-сентименталист, но и известный в будущем историк и выдающийся палеограф⁹, знал название “оковавы” для обозначения двух косых черточек (в дальнейшем — двух точек) над гласными в славянских рукописях и, ставя две точки над *e* именно в слове *слезы*, ассоциировал графически этот знак со слезами, текущими из обоих очей. Даже если он и не знал термина “оковавы”, зрительное сходство двух точек с двумя глазами могло у него возникнуть и вполне естественно (см. статью Демидова Д. Г. в настоящем сборнике¹⁰), как оно возникло у безымянных создателей термина “оковавы”.

---

⁶ Шишков А. С. Разговоры о словесности. СПб., 1811. С. 24–37. Ср. также осуждение употребления *ѣ* в рецензии на “Разговоры о словесности” А. С. Шишкова в “Вестнике Европы” М. Каченовского (ч. 57. № 12. М., 1811. С. 301: “надобно писать *царемъ, твое, мое*, незаботясь [sic!], какъ слова *си* произносятся въ просторѣчїи”).

⁷ Ягич И. В. Разсужденія южно-славянской и русской старины о церковно-славянскомъ языкѣ // Исследования по русскому языку. СПб., 1885–1895. С. 693.

⁸ Ягич И. В. Указ. соч. С. 795. Согласно Е. Ф. Карскому, “кендима” писалась в виде удвоенного грависа (вариант) ‘‘, а диакритический знак “оковавы” (или “смычец”; по Карскому, это один и тот же знак) писался как удвоенный акут (оксия) ‘’ (см.: Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. М., 1979 (1-е изд. — Л., 1928). С. 230. Ср.: Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956. С. 376. Однако материал, исследованный И. В. Ягичем, показывает, что две косые черточки знака “оковавы” могли писаться и слева направо вверх (как оксия), и слева направо вниз (как гравис) (Ягич И. В. Указ. соч. С. 642, 645).

⁹ Высокую оценку Н. М. Карамзина как палеографа см. в следующем сочинении: Срезневский И. И. Славяно-русская палеография XI–XIV вв. СПб., 1885. С. 10–11. Ср.: Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 40.

¹⁰ Демидов Д. Г. Указ. соч. — Примеч. сост.

В 2000 г., в научно-популярной книге “Два века русской буквы Ё. История и словарь”, историки Е. В. Пчелов и В. Т. Чумаков впервые указали на употребление буквы ё в некоторых стихотворных сборниках, с их точки зрения ещё более ранних, чем вторая книжка “Аонид” 1797 г. Следует сказать, что эти более ранние, по их мнению, публикации были выпущены также под наблюдением Н. М. Карамзина в качестве издателя и также в типографии Московского университета, у Ридигера и Клаудия. Речь идет о втором, исправленном, издании сборника И. И. Дмитриева “И мои безделки”, датированном на титульном листе, как и первое издание, 1795-м годом, и о перепечатке, с некоторыми изменениями, 1-ой книжки “Аонид”, как и первое издание этой книжки, датированной на титульном листе 1796-м годом¹¹. При этом вне поля зрения Е. В. Пчелова и В. Т. Чумакова осталось оригинальное издание 1-ой книжки “Аонид”, так называемый “1-й вариант”, сохранившийся, судя по “Сводному каталогу русской книги гражданской печати XVIII века”, лишь в одной из крупнейших библиотек России — Российской Национальной Библиотеке в Санкт-Петербурге¹².

Внимательно изучив оригинальное первоиздание сборника “И мои безделки” 1795 г., а также первый вариант 1-ой книжки “Аонид” 1796 г., мы обратили внимание на **отсутствие буквы ё и в том, и в другом** “настоящем”, подлинном **первоиздании** (а не только в первоиздании сборника “И мои безделки”, как о том пишут Е. В. Пчелов и В. Т. Чумаков). Это объясняет тот факт, что такой педантичный и серьёзный ученый, как Я. К. Грот, не нашел буквы ё ни в хорошо известном ему сборнике “И мои безделки” 1795 г., ни в первой книжке “Аонид” 1796 г.¹³ Поскольку лишь во второй книжке “Аонид” 1797 г. Карамзин разъясняет в примечании значение вводимой им новой буквы ё, а в перепечатках упомянутых нами изданий употребление новой буквы вообще уже никак не оговаривается, то можно предположить, что, несмотря на даты титульных листов, и ту, и другую перепечатку, в которые, помимо буквы ё, внесены и другие изменения, следует, видимо, датировать не ранее, а позднее выхода в свет второй книжки “Аонид” 1797 г. Известно, что некоторые переиздания произведений Н. М. Карамзина, несмотря на более ранние даты на титульных листах, вышли в 1801 г., в Москве, также в Университетской типографии, у Ридигера и Клаудия, как и интересующие нас издания¹⁴.

---

¹¹ Пчелов Е. В., Чумаков В. Т. Два века русской буквы Ё: История и словарь. М., 2000. С. 40, 46–49.

¹² Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века: 1725–1800. Т. 4: Периодические и продолжающиеся издания. М., 1966. № 129. С. 118–119 (В источнике в библиографической ссылке указана с. 10. — *Примеч. сост.*).

¹³ Факт перепечатки “Аонид” не учёл и Б. И. Осипов, указывавший как дату появления ё 1796 г. См.: Осипов Б. И. История русского письма. Омск, 1990. С. 24.

¹⁴ Сводный каталог русской книги... Т. 4. № 124. С. 116; Т. 2. М., 1964. № 2818. С. 19; № 2822. С. 19–20.

Красивую легенду об изобретении буквы ё княгиней Е. Р. Дашковой во время обсуждения проекта “Словаря Академии Российской” 18 ноября 1783 г., с неполной ссылкой на протоколы заседаний Российской Академии, в которых речь идёт на самом деле не о новой букве ё, а уже об известной с 30-х гг. XVIII в. букве $\hat{i}o$ ¹⁵, можно найти в другой научно-популярной книге — “Российская Академия” С. М. Некрасова¹⁶. Предложение Е. Р. Дашковой было “принято академію; совершенное же оных [новых букв $\hat{z}$ и $\hat{i}o$. — С. В.] утверждѣніе предоставлено будущему собранію въ ожиданіи о буквахъ мнѣнія отъ Высокопреосвященства [Гавриила митрополита Новгородского и Санктпетербургского. — С. В.]”¹⁷. По С. М. Некрасову, сославшемуся на это место протокола заседания Российской Академии, но опустившему причину переноса окончательного решения вопроса о новых буквах на следующее заседание, “будущее собрание” также высказалось за нововведение, предложенное президентом Российской академии¹⁸. На самом деле ни “будущее”, ни все последующие собрания так и не утвердили новые буквы $\hat{z}$ и $\hat{i}o$ (не ё!) Более того, что касается новых московских “выговоров”, то в конце концов “о московском нарѣчїи оставлено прежнее положеніе академіи; то есть чтобы не правильной оныхъ выговоръ исправлять правописаніемъ Священнаго Писанія [sic!]”¹⁹.

Легенда об изобретении буквы ё княгиней Дашковой легла в основу ещё более красивой легенды, предложенной Е. В. Пчеловым и В. Т. Чумаковым в их книге “Два века русской буквы Ё. История и словарь”. Согласно московским историкам, об изобретении буквы ё княгиней Е. Р. Дашковой стало известно через Г. Р. Державина, якобы присутствовавшего на заседании Российской Академии 18 ноября (29 ноября по новому стилю) 1783 г. (на самом деле Г. Р. Державин присутствовал только на первом, торжественном заседании 21 октября 1783 г.), сначала И. И. Дмитриеву, а потом Н. М. Карамзину, которые и ввели эту букву в типографскую практику в некоторых изданиях Ридигера и Клаудия²⁰.

¹⁵ ПФА РАН. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. № 1. Л. 22 об.-23: “Ея Сїятельство Княгиня Екатерина Романовна предлага [sic!] собранію въ рассужденїи буквъ что не токмо не надлежитъ сокращать азбуки; но еще не премоно нужно ввѣсти двѣ новыя буквы 1.^е $\hat{z}$ соответствующей немецкому или латинскому g [...] 2.^е $\hat{i}o$ или $\hat{i}o$ ту для выраженїя словъ и выговоровъ съ сего согласїя начинающихся; какъ *матѳорый*; *ѳолка*, [...] и пр. ибо выговоры сїи уже введены обычаемъ [...]”.

¹⁶ Некрасов С. М. Российская Академия. М.: Современник, 1984. С. 74; ср. ещё: Коверина В. В., Бондарева О. С. Происхождение и употребление буквы ё: проблемы орфографии и орфоэпии // Фонетика и письмо как непрерывно развивающиеся явления. Омск, 2007.

¹⁷ ПФА РАН. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. № 1. Л. 23.]

¹⁸ Некрасов С. М. Указ. соч. С. 74.

¹⁹ ПФА РАН. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. № 1. Л. 43.

²⁰ Пчелов Е. В., Чумаков В. Т. Указ. соч. С. 55–56.

В данных легендах, как и во всяких легендах, есть известная доля правды. Это sporadическое употребление благодаря княгине Е. Р. Дашковой диграфа *io* (а не буквы *ё!*) в ряде просторечных форм в “Словаре Академии Российской” (см. ниже), а также использование буквы *ё*, помимо некоторых изданий Н. М. Карамзина и И. И. Дмитриева, о которых речь шла выше, в “Сочинениях” Г. Р. Державина, изданных в 1798 г. в Москве, в Университетской типографии, также у Ридигера и Клаудия и также под наблюдением Н. М. Карамзина²¹ (последнее важное обстоятельство Е. В. Пчелов и В. Т. Чумаков даже не упоминают)²². По мнению Я. К. Грота, сличавшего это издание “Сочинений Державина” с рукописью, издание 1798 г. “много обязано” Карамзину “в отношеніи къ орфографіи и къ пунктуаціи, которыя въ рукописи были очень неудовлетворительны”²³. Именно влиянием Карамзина мы склонны объяснять sporadическое употребление буквы *ё* в петербургском издании “Сочинений Державина” 1808 г.²⁴. И совсем невероятным нам представляется предположение Е. В. Пчелова и В. Т. Чумакова об употреблении Г. Р. Державиным буквы *ё* уже в марте 1786 г., в единичном письме поэта, посланном им из Тамбова В. В. Капнисту²⁵. Тем более, что эта гипотеза московских историков основана не на изучении автогра-

²¹ См. письмо Г. Р. Державина “№ 878. Къ И. И. Шувалову” (июнь 1797 г.) // Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. Т. 6. СПб., 1876. С. 62: “Примѣчане всякаго рода ошибокъ и при тисненіи произойти могущихъ препоручилъ я хорошему моему пріятелю, Николаю Михайловичу г. Карамзину, живущему въ Москвѣ”.

²² Державин Г. Р. Сочинения. Ч. 1. М.: ВЪ Университетской Типографіи у Ридигера и Клаудія, 1798. С. 97 (в рифмах *чешуёй — корой*), 102 (*вътеркомъ — кораблёмъ*), 109 (*облаковъ — краёвъ*), 129 (*шестернёй — зимой*), 138 (*тобою — струёю*), 327 (*потомки — Потёмкинъ*; но на с. 124: “Российский только Марсь, Потемкинъ”), 365 (*возлѣгъ — могъ*), 343 (“*Всѣ вкругъ летая*”, но на с. 395: “Какой восторг! — какъ все играетъ // Все скачетъ, пляшетъ и поетъ // Все въ улицѣ твоей гуляетъ // кричить, смѣется, ѣсть и пьетъ” — без *ё!*), и т. д.

²³ Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. Т. 8. СПб., 1880. С. 719; “Биографія поэта”: Т. 1. СПб., 1864. С. XVI–XX.

²⁴ Следует заметить, что в I-ой части “Сочинений Державина” 1808 г. (Въ Санкт-Петербургѣ, въ типографіи Шнора, 1808 года) буква *ё* вообще не употребляется и лишь один раз встречается диграф *io* в стихотворении “Соловей” (с. 305, в рифмах *возлѣгъ — могъ*). Наряду с диграфом *io* (во II-ой части, в стихотворении “Фонарь”, с. 172: *тіѳмный — міліоны, клубкомъ — огніѳмъ*), буква *ё* sporadически встречается лишь во II–IV частях петербургского издания “Сочинений Державина” 1808 г. (часть II, с. 124: *стеѳей — судьбой*; в послании “Евгенію, жизнь Званская”, с. 303: *зовъ — соловьѳвъ*; с. 308: *домъ — дождѳмъ*; с. 309: *тотъ — ведѳтъ*; часть III, с. 17: *днѳмъ — холмъ*; с. 31: *цветовъ — ручьѳвъ*; с. 164: *провѳль — символъ*; часть IV, в комедии “Кутерьма отъ Кондратьѳвъ”, с. 310: “Тише, тише! не разбудите тѳтиньку”).

²⁵ Пчелов Е. В., Чумаков В. Т. Указ. соч. С. 53–54.

фов Державина, а на издании данного письма Державина Я. К. Гротом в орфографии публикатора.

Мы обнаружили, что ещё до Карамзина буква *ѐ* и *е̑* с двумя ударениями использовалась сербским и русским педагогом Янковичем де Мириево во втором издании “Сравнительного словаря всех языков и наречий”²⁵ в русской транскрипции венгерских и французских слов: “Вѣрѣшь Красно — По-венгерски”. “Дѣ Два — По-Ново-Французски”. “ѐ Поясъ. Она. Онъ — По-венгерски”²⁶. Здесь также имеется, на наш взгляд, не только функциональная аналогия с надстрочным обозначением немецкого умлаута, но и чисто графическое влияние написаний слов с надстрочным знаком “оковавы” в сербских рукописях. Так, в сербских рукописях знак ставился на кратких, односложных словах для указания, что этим слогом слово кончается (*сѣ̑, тѣ̑* и т. д.)²⁷.

Нововведение Карамзина и печатников Ридигера и Клаудия — это компромиссное решение, так и оставшееся факультативным, что, как известно, приводит на практике к игнорированию на письме важной особенности современного русского произношения — чередованию гласных в зависимости от ударения. Введение буквы *ѐ* в типографскую практику отражает борьбу между архаистами и новаторами, между сторонниками книжного “славенороссійскаго языка” и “живого великорусскаго языка”, в дворянском варианте ориентированного также на западные, “неправославные” образцы. Рефлексы этого стилистического размежевания произношения слов с *е* или с *о* под ударением после мягких согласных перед твёрдыми встречаются на протяжении всего XIX в. и даже нередко в XX в. (вспомним знаменитое сталинское обращение “Братья и сестры!” с ударным *е* в слове *сестры*).

Непосредственной предшественницей современной буквы *ѐ* была в XVIII в., как известно, лигатура *і̑о* с покрытием (каморой) над *і* (как правило, без точки) и *о* (а сначала просто диграф *іо*). Употребление буквы *і̑о*, отсутствовавшей в церковнославянской азбуке и отражавшей живой процесс перехода ударного *е* в *о* перед твёрдыми согласными в русском просторечии, свидетельствовало о “модернистском”, “светском” подходе к русскому правописанию. Этот подход был уже характерен в 30-е — 40-е гг. для круга ученых Петербургской Академии наук, в частности для авторов академического проекта 1742 г. “Атласа Россійскаго”, опубли-

---

²⁶ Сравнительный Словарь всѣхъ языковъ и нарѣчій, по азбучному порядку расположенный: в 4 ч. СПб.: Тип. Брейткопфа, 1790–1791. Ч. 1. С. 280; Ч. 2. С. 16, 87. Ср. также: Часть 1, “Примечания” перед словником: “Буквы *ѐ* и *е̑*, надъ которыми находятся два ударенія, произносятся какъ Нѣмецкое *ö*, или Французское *eu*”. В первом издании словаря под названием “Сравнительные Словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные десницею Всевысочайшей Особы” (В 2 ч. Ч. 1. СПб.: Тип. Шнора, 1787; Ч. 2. 1789) эта буква еще отсутствует.

²⁷ Ягич И. В. Указ. соч. С. 428, 502.

кованного в 1745 г. (см. хранящееся в Архиве Академии Наук анонимное приложение к записке В. Е. Адодурова “О разности и употребленіи литеръ Ъ и Б” от 11 марта 1737 г., в котором прибавлена в самом конце буква ъ в недатированной инструкции по транскрипции русских букв средствами латинского алфавита при переводе “Атласа Российского” на немецкий и французский языки²⁸). Вопреки высказываемому иногда мнению²⁹, лигатура ъо отсутствует в приписываемых В. Е. Адодурову “Начальных основаниях русского языка”, которые приложены к немецко-латинско-русскому словарю 1731 г. — к так называемому Вейсманову Лексикону³⁰. Хотя нет её и в рукописном конспекте лекций В. Е. Адодурова по русской грамматике, составленном в 1738–1739 гг. учеником Академической гимназии И. М. Сердюковым, для этого диграфа там, однако, оставлено место, соответствующее § 97 “Российской грамматики” М. Грёнинга (1750 г.)³¹ об использовании циркумфлекса (надстрочного знака ^) в русских словах типа *бы^отъ* (*бьетъ*), *лы^отъ* (*летъ*), *вс^о* (*все*) и в именах собственных вроде *Ма^орка* и *Іовіанъ*³². Имеется и более раннее датированное свидетельство необходимости введения в русскую азбуку буквы *jo*. Это письмо В. Н. Татищева к В. К. Тредиаковскому от 18 февраля 1736 г. из Екатеринбурга, содержащее среди многих других предложений по реформированию русской азбуки следующее замечание: “сверхъ сего не токмо для иноязычныхъ но и по теченію нашего языка нуждны буквы яко, *h* и *jo*, о которыхъ весьма помыслить надобно”³³. Необходимо

²⁸ ПФА РАН. Разр. I. Оп. 76. Ед. хр. 7. Л. 3. Сравни: Атласъ Россійской [...] для исправнейшаго изданія генеральной карты Великія сея Имперіи [...]. СПб., 1742. С. 15–16. Atlas ruscicus [...] = Atlas russien. СПб., 1745. Р. 9. Я. К. Грот приписывает без достаточных на то оснований это, вероятно, более позднее приложение самому Адодурову и датирует его, как и саму записку Адодурова “О разности и употребленіи литеръ Ъ и Б”, 11 марта 1737 г. (*Прот Я. К. Указ. соч. С. 603. Примеч. 1* (с ссылкой на Архив Академии наук: Связка 76. Лит. G). Неверная интерпретация этого приложения как латинизации русского алфавита содержится в работе: *Макеева В. Н. История создания “Российской грамматики”* М. В. Ломоносова. М.; Л., 1961. С. 21. См. также: *Успенский Б. А. Первая русская грамматика на родном языке: (Доломоносковский период отечественной русистики)*. М., 1975. С. 34–35, где указано на ошибку В. Н. Макеевой и где впервые это приложение под условным названием “Заметка о транскрипции” верно, на наш взгляд, связывается с изданием “Атласа Российского” 1742–1745 гг.

²⁹ *Пчелов Е. В., Чумаков В. Т. Указ. соч. С. 22.*

³⁰ [*Адодуров В. Е.*]. *Anfangs-Gründe der Russischen Sprache // Нѣмецко-латинскій и рускій Лѣхиконъ купно съ первыми началами рускаго языка къ общей пользѣ при Императорской Академіи наукъ печатію изданъ*. СПб., 1731.

³¹ *Успенский Б. А. Указ. соч. С. 40.*

³² *Grœning M. Российская Грамматика = Thet är Grammatica Russica [...]. Stockholm, 1750. С. 57.*

³³ ПФА РАН. Разр. II. Оп. 1. № 206. Л. 94 об. (первоначально фигурировавшие в рукописи буквы *z* (?) и *io* исправлены рукой Татищева на *h* и *jo*). Данное письмо

заметить, что буква $\hat{i}o$ отсутствует в известном, но часто неполно и неточно цитируемом распоряжении Шумахера от 26 января 1736 г. господом корректору Шредеру и Тауберту обязать академическую типографию сообразовываться с принятой Российским собранием азбукой. В данном распоряжении из гражданской азбуки исключаются буквы *зело* и *кси*, но оставляются *фита* и *ижица* (так!), закрепляется буква *i* (с двумя точками, а не с одной, как у П. П. Пекарского³⁴), а также вводятся странные начертания $\hat{o}$ (как часть $\hat{i}o$?) и $\hat{e}$ ³⁵.

В “Разговоре между Чужестранным человеком и Российским об Орфографии старинной и новой” 1748 г. В. К. ТрEDIAковский отказывается, следуя почти во всем предложениям В. Н. Татищева, от букв *и, э, щ, ѳ, з*, употребляя вместо них буквы *i, e, шч, ф, s*, и сохраняет новую “двугласную” букву $\hat{i}o$, свойственную “самому простому выговору”³⁶.

Лигатура $\hat{i}o$ фигурирует также в рукописной грамматике А. А. Барсова в ряду других йотированных букв — *я, ъ, е, ю: љолка, подѡѡмь, семьѡю*³⁷. Однако А. А. Барсов использует эту лигатуру лишь в разъяснениях по поводу русского произношения, не включая её в русскую азбуку. Более того, А. А. Барсов формулирует уже в 1768 г. известное правило, согласно которому, “когда въ простонародномъ произношеніи выговаривается ($\hat{i}o$), то сіе вѣрной знакъ, что тутъ должно писать (*e*) [а не *ъ*. С. В.], на пр. *ведеть, привель, пришель, ледъ, медъ, орель, веселой, далеко [...]*”³⁸. Только при объяснении произношения букв гражданской азбуки диграф $\hat{i}o$ используется также в любопытном пособии по орфоэпии и орфографии, опубликованном Московским университетом в 1772 г., — в “Правилах о произношении российских букв”³⁹. Компромиссное решение пред-

---

В. Н. Татищева опубликовано полностью в книге: *Татищев В. Н.* Записки. Письма 1717–1750 гг. М., 1990 (Научное наследство. Т. 14). С. 221–230 (о буквах *h* и *jo* см. с. 223). Об этом письме см. также: *Успенский Б. А.* Указ. соч. С. 76–87, 211.

³⁴ *Пекарский П.* [П]. Исторія Императорской Академіи наукъ въ Петербургѣ: в 2 т. Т. 1. СПб.: Отделение русского языка и словесности Имп. акад. наук, 1870. С. 639.

³⁵ ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 436. Л. 8.

³⁶ *ТрEDIAковский В. К.* Разговоръ между Чужестраннымъ челоѡкомъ і Россійскимъ объ Орфографіи старинной і новой і о всемъ что принадлежитъ къ сей матеріи. СПб.: При Имп. Акад. наукъ, 1748. С. 369.

³⁷ [Барсов А. А.] Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова / Подгот. текста, текстол. коммент. М. П. Тоболовой; под ред. с предисл. Б. А. Успенского. М., 1981. С. 45–46.

³⁸ [Барсов А. А.] Азбука церковная и гражданская, съ краткими примѣчаниями о правописаніи. М.: При Имп. Моск. Ун-тѣ, 1768. С. 43.

³⁹ Правила о произношеніи российскихъ буквъ, и о исправномъ тѣхъ же въ новѣйшемъ гражданскомъ письмѣ употребленіи, или о Правописаніи, собранныя изъ российскихъ грамматикъ. М.: При Имп. Моск. Ун-тѣ, 1772. С. 8.

лагает в 1794 г. и Аполлос Байбаков: по его мнению, “*Ю* хотя въ письмѣ употребляется; но въ азбуку не пріемлется”⁴⁰.

В конце 80-х годов XVIII в., по свидетельству Ф. В. Каржавина, изданного по-французски в 1789–1791 гг. в дополненном и исправленном виде чрезвычайно интересные “Заметки о русском языке и его алфавите” своего дяди Е. Н. Каржавина, которые были написаны еще в 1755 г., употребление этой буквы “в настоящее время запрещено и заменено буквой *e*”⁴¹. Действительно, в “Опыте нового российского правописания” В. С. Светова, опубликованном Императорской Академией наук в 1773 г., дается следующее предписание: “Буквы $\hat{i}$ $\hat{o}$, произносимой какъ тонкое *o*, не писать ни въ одномъ Россійскомъ реченіи, а употреблять *e*, на пр. *пріемъ*, *ежъ*, *Петръ*, *овесъ*, *елка*, вм. *пріомъ*, *южъ*, *Піотръ*, *овіосъ*, *іолка*”⁴². В этом вопросе В. С. Светов следует, хотя и менее решительно, за М. В. Ломоносовым, сохранявшим в русской азбуке только 30 “общеупотребительных” букв и считавшим “лишними” буквы *i*, *ш*, *э*, $\hat{i}$ $\hat{o}$, θ , ν ⁴³.

Несмотря на авторитетные мнения М. В. Ломоносова и В. С. Светова, Е. и Ф. Каржавины полагали, что буква $\hat{i}$ $\hat{o}$ необходима как для отображения произношения некоторых русских слов (например, произношения слова *все* как *вс $\hat{i}$ o*), так и для изображения в русской транскрипции французского дифтонга *ei*, например, в словах *Dieu* и *deux* — *дй $\hat{i}$ o* и *д $\hat{i}$ o*⁴⁴.

Диграф $\hat{i}$ $\hat{o}$ используется Ф. В. Каржавиным в переводе “Сокращенного Витрувия” К. Перро и в “Словаре архитектурных терминов”, а также в некоторых других сочинениях 90-х гг. XVIII в.⁴⁵ Е. и Ф. Каржавины,

⁴⁰ [Аполлос (Байбаков)]. Грамматика руководствующая къ познанію славено-россійскаго языка. Кіевъ: Тип. Киевопечерскія Лавры, 1794.

⁴¹ *Karjavine Ph. Remarques sur la langue russe et sur son alphabet*. Saint-Petersbourg, 1789 (1791). P. 102.

⁴² [Светов В. С.] Опытъ новаго російскаго правописанія утвержденных на правилахъ Россійской Грамматики, и наилучшихъ примѣрахъ російскихъ писателей. СПб.: При Имп. Ака. Наукъ, 1773. С. 10.

⁴³ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 7. М.; Л., 1952. С. 401, 421–424. Ср.: [Барсов А. А. (по другим источникам — Романов В. Ф.)]. Краткія правила російской грамматики, собранныя изъ разныхъ російскихъ грамматикъ въ пользу обучающагося юношества въ Гимназіяхъ Императорскаго Московскаго Университета. М., 1773. С. 2, где речь также идет о тридцати “общеупотребительных” буквах российской азбуки. Согласно В. С. Светову, не включившему в российскую азбуку букву *э* оборотное и *ν* (ижицу), “новороссійскій языкъ долженъ имѣть по необходимости тридцать три буквы обще употребительныя” ([Светов В. С.] Указ. соч. С. 3).

⁴⁴ *Karjavine Ph. Op. cit.* P. 101–102.

⁴⁵ См., например: Сокращенный Витрувій, или Совершенный Архитекторъ / пер. Ф. Каржавина. М., 1789. С. III: “Виніоль” (имя собственное). Там же, в Словаре архитектурных терминов, датированном 1791 г.: “Клѣонъ” (клѣн), “изъ Клѣоновицы” (с. 185) и т. д. Написание $\hat{i}$ $\hat{o}$ используется также Ф. Каржавиным в примечаниях к следующему сочинению: [Плейстед Б., Элиот Дж.]. Описание хода купеческихъ и другихъ каравановъ въ степной Аравіи. СПб.: И. К. Шнор, 1790. С. 36

вслед за другими грамматистами, не предлагают ещё никаких собственных написаний, следуя, однако, “самому простому выговору” и отвергая церковнославянское правописание и произношение ударного *e* как *э*, а не как *о*, в исконных словах после мягких согласных перед твёрдыми.

Спорадически, наряду с *e*, диграф *ѣо* встречается также как просторечный вариант в первом издании “Словаря Академии Российской” (1789–1794). Например: “Ежѣ, простожѣ *ѣожѣ*, жа, умал[ительное]. *ѣожикѣ*, ка” (часть II, столб. 947); “Мѣдѣ или *Мѣодѣ*, да” (часть IV, столб. 78); “умал. *Огонѣокѣ*, нѣка” (часть IV, столб. 613) и т. д.; но при этом: “умал. *Елка*, или *ѣлочка*” (часть II, столб. 953); “*Ледѣ*, *льда*” (часть III, столб. 1159); “*Орелѣ*, *рла*” (часть IV, столб. 639); “*Осель*, *сла*” (часть IV, столб. 646); “*Песѣ*, *пса*” и “умал. *Пѣсикѣ*, ка” (часть IV, столб. 783); “умал. *Пенѣкѣ*, нѣка” (часть IV, столб. 760), и т. д.⁴⁶ Либеральную позицию по отношению к просторечному диграфу занимает и М. Семигиновский в “Правописании российском” (1795 г.): “Слова въ просторѣчїи произносимыя какъ тонкое *ѣо* по большей части должно писать чрезъ *E*; н. п. *медѣ*, *несѣ*, *везѣ*, *овесѣ*, *верстѣ*, *елка*, *кулекѣ*, и проч. [...] Некоторыяжѣ, слѣдѣя общему употребленію, надлежитъ писать чрезъ *ѣо*; н. п. *Псѣоль*, *Маѣорѣ*, *Марѣона*, *клеѣонка* и проч.”⁴⁷ Как видим, в 90-е годы XVIII в. наблюдается довольно терпимое отношение к букве *ѣо* в некоторых иностранных заимствованиях (именах собственных и нарицательных), а также в некоторых просторечных именах уменьшительных.

Интересную замену букве *ѣо* предлагал, как известно, А. П. Сумароков. Считая просторечным произношение *йо* вместо *e* в ряде слов, А. П. Сумароков, однако, выступал за сохранение двугласной *ѣо* (вместо *ѣо*) “для изображения чужова слова” (например, *Майорѣ*, *Йокаста*) и в начале русских слов типа *йожѣ* (*ежѣ*), а русские имена *Алена*, *Семень* Сумароков предлагал писать через *ѣо*: *Альѣона*, *Семьѣонѣ*⁴⁸.

Помимо своих просторечных или чужеземных корней, буква *йо* имела еще другие, существенные недостатки. Как уже указывал Я. К. Грот⁴⁹, она не вписывалась в систему йотированных “потаенных двоегласных” *e*, *ю*, *я*, к тому же напоминая графически букву *ю*.

“эспанѣольскую ... монету”, “восемь эспанѣольскихъ реялей”); С. 127 (“я всегда имѣлъ при себѣ пузырѣокѣ съ купороснымъ эликсиромъ”).

⁴⁶ Словарь Академіи Россійской: в 4 ч. СПб., 1789–1794.

⁴⁷ [Семигиновский М.] Правописаніе російское, съ предварительнымъ наставленіемъ о произношеніи буквѣ, о складахъ, и о чтеніи, изъ разныхъ Грамматикъ и новѣйшихъ о правописаніи правилъ, Кіевской Академіи Учителемъ Максимомъ Семигиновскимъ собранное. 2-е изд. М., 1795. С. 30.

⁴⁸ Сумароков А. П. Полн. собр. всѣхъ соч., въ стихахъ и прозѣ. Ч. 10. М., 1782. С. 7.

⁴⁹ Грот Я. К. Указ. соч. С. 603. Примеч. 1.

Введенное в типографскую практику поэтами круга Карамзина и осуждаемое архаистами во главе с А. С. Шишковым, тем не менее употребление новой буквы *ѣ* было довольно быстро (но ненадолго) кодифицировано в развернутом примечании о букве *е*, которое составил в 1808 г. молодой А. Х. Востоков для “Краткого руководства к российской словесности” И. М. Борна⁵⁰ и воспроизвел в 1827 г. с небольшими изменениями в своей “Практической русской грамматике” Н. И. Греч. Последний, однако, уже пишет, что две точки над буквой *е*, произносимой “как *йо*”, ставятся лишь иногда, “напримѣръ: *слѣзы, берѣза*”⁵¹. В дальнейшем, под давлением ломоносовской традиции и сторонников А. С. Шишкова, отношение А. Х. Востокова к употреблению буквы *ѣ* стало общепринятым, то есть отрицательным: “Для изображенія звука *йо*, слышимаго въ просторѣчїи вмѣсто *е*, введено начертаніе *ѣ*; но употребленіе сего начертанія не одобряется просвѣщеннѣйшими судїями языка, будучи признаваемо излишнимъ тамъ, гдѣ можно писать *е*, напр. *ежѣ, ледѣ*, хотя бы и произносили *йожѣ, лёдѣ* [...]”⁵².

Отрицательное отношение к букве *ѣ* привело к тому, что в обычной орфографической и типографской практике вплоть до наших дней возобладали буквы *е*. Уже М. В. Ломоносовым буква *е*, как известно, рассматривалась в качестве многозначной буквы, которая может “выговариваться” и как “тонкое *о*. Сие бывает, когда какая самогласная буква переменится чрез склонение или спряжение на *е* с ударением. Например: *три, трехъ; везу, везешь; огонь, огнемъ* выговаривают в просторечии *трѣохъ, везѣошь, огнѣомъ*”⁵³.

Несмотря на все свои недостатки, отказ М. В. Ломоносова от буквы *ѣ*, функциональной предшественницы современного *ѣ*, и удержание в правописании только буквы *е* имели важные преимущества перед альтернативными вариантами. Тем самым не только упрощалась орфография и снимался вопрос о колебаниях в произношении и написании буквы *ѣ*, но и становился более легким, экономичным и единообразным типографский набор текстов. Эти прагматические моменты определяют до сих пор нежелание признать букву *ѣ* не только *de jure*, но и *de facto* в общепринятой книгоиздательской практике, оказывающей решающее влияние и на отношение к букве *ѣ* большинства пишущих по-русски как к факультативной.

⁵⁰ [Борн И. М.] Краткое руководство къ российской словесности. СПб., 1808. С. 3–6; Греч Н. [И]. Практическая русская грамматика. СПб., 1827. С. 458–460.

⁵¹ Греч Н. [И]. Указ. соч. С. 458–459.

⁵² Востоков А. Х. Русская грамматика. СПб., 1831. С. 345. Ср.: С. 8, 355–356.

⁵³ Ломоносов М. В. Указ. соч. С. 425.

Н. А. Еськова

ЧТО ОЗНАЧАЕТ СЛОВО «МИР» В НАЗВАНИИ РОМАНА ЛЬВА ТОЛСТОГО?

Этот вопрос не должен даже возникать, если считаться с бесспорными фактами.

Я вынуждена напомнить общеизвестные вещи. В дореволюционной русской орфографии различались написания слов *миръ* — “отсутствие войны” и *миръ* — “вселенная, земной шар, общество”. Название романа Толстого печаталось в изданиях, вышедших до реформы орфографии 1917–1918 годов, как “Война и миръ”, из чего однозначно следует, какой “мир” имел в виду его автор. Маяковский написал поэму “Война и миръ”, имея возможность противопоставить орфографически ее название названию эпопеи Толстого. В новой орфографии эти названия совпали, и в комментариях к поэме Маяковского об этом сообщается.

Тем не менее возникла и имеет широкое хождение версия, что “на самом деле” Толстой имел в виду вовсе не “отсутствие войны”, что произведение его гораздо глубже, чем думают те, кто простодушно признается, что охотнее перечитывают “мир”.

Как же авторы этой “версии” поступают с неопровержимым “орфографическим свидетельством”, исключая сомнения в том, какой “мир” фигурирует в названии романа Толстого? Есть разные способы.

Более двадцати лет назад в телепередаче “Что? Где? Когда?” на экране телевизора была показана первая страница первого тома “Войны и мира”, в верхней части которой название романа было передано с *i* десятиричным: “ВОЙНА И МИРЪ”. Этому написанию соответствовало разъяснение, что Толстой имел в виду не “отсутствие войны”, что “содержание рома-

---

Печатается с разрешения Н. А. Есковой по электронной версии, опубликованной на сайте «Журнальный зал»: Еськова Н. А. Что означает слово «мир» в названии романа Льва Толстого? // Новый мир. 2006. № 7. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2006/7/es19.html (дата обращения: 01.03.2019).

на гораздо глубже” и т. д. Все это прозвучало в той же передаче еще раз в 2000 году в ответе на вопрос, обозначенный как “ретро”.

Объясняется этот загадочный случай довольно просто: на экране была показана первая страница романа в издании 1913 года под редакцией П. И. Бирюкова. В этом издании название напечатано в каждом томе — кроме титульного листа — в верхней части первой страницы; и оказывается, что семь раз напечатано “ВОЙНА И МИРЪ” и лишь в верхней части первой страницы первого тома — “ВОЙНА И МИРЪ”. “Поверив” этому единственному написанию, “знатоки” обманулись сами и дважды ввели в заблуждение телезрителей.

Но можно действовать проще: не выискивая какое-то раритетное издание с единственной опечаткой, просто исходить из того, что существует роман Толстого “Война и миръ”. Именно так поступает Леонид Медведко, рассуждающий о некоей “соэнергетике”: “Недавно исполнилось всего лишь 30 лет этой „самой молодой науке“. Но еще в XIX веке Лев Толстой в романе „Война и миръ“ идею духовной соэнергетики выразил в емком русском слове „сопряжение“...” (Литературная газета. 2005. № 43).

Так же по-хозяйски распорядился названием романа Толстого Игорь Клев: “...это промежуток между жизнеутверждением „Войны и мира“ (именно так: мир — как белый свет) и жизнеотрицанием „Крейцеровой сонаты“” (Новый мир. 2005. № 12. С. 147).

Это не единственный “вклад” журнала “Новый мир” (так и хочется написать “по старой орфографии”: “Новый миръ”!) в популяризацию современной версии о “более глубоком” смысле толстовского романа. Несколько лет назад своим важным открытием поделился на страницах журнала Сергей Боровиков: “Когда узнал (вероятно) студентом о смысле, вложенном Толстым в название „Война и миръ“ и утраченном из-за новой орфографии, был как бы уязвлен, настолько привычным было воспринимать его именно как чередование войны и не войны” (Новый мир. 1999. № 9. С. 177). Видно, ни в студенческие годы, ни позже его автору не довелось подержать в руках дореволюционное издание толстовского романа!

Обращали ли внимание сторонники “модной” версии на переводы названия романа Толстого на другие языки: “La guerre et la paix”, “War and Peace”, “Krieg und Frieden”, “Guerre e pace” и т. д.?

От некоторых эта сторона дела не ускользнула. Уже цитировавший Леонид Медведко считает: “Со временем при переводе романа „Война и миръ“ эта идея [вселенскости] оказалась утерянной”.

Переводов названий романа касается и Виктор Чумаков, знающий, что роман печатался по старой орфографии как “ВОЙНА И МИРЪ”. Но более существенным он считает то, что в проекте договора об издании романа один раз рукой Толстого написано “Война и миръ”. Знает В. Чумаков и то, что в том же документе рукой Софьи Андреевны название романа было написано с буквой и... И “читающая Россия увидела роман

великого графа” под названием “ВОЙНА И МИРЪ”. “Именно с этого названия со всей глубиной его формального смысла (но не семантики!) последовали переводы романа (приводится ряд переводов названия романа, в том числе на сербско-хорватский и польский. — Н. Е.), что вполне адекватным русскому не смотрятся” (Литературная газета., 2005. № 29).

Написанное рукой Толстого “міръ” задолго до Виктора Чумакова смутило автора комментария к роману в 90-томном Собрании сочинений, где допускается предположение, что Толстой вводил в название “слово „міръ“ как понятие — все люди, весь народ”. Несостоятельность такого вывода давно показал Б.Эйхенбаум, обнаруживший, что рукой Толстого много раз было написано в заглавии романа “мир”. “Так что же убедительнее: единственная описка в деловом документе или 15 раз верно написанное слово в письмах, где речь идет именно о сочинениях?” (Русская литература. 1959. № 4. С. 222).

Итак, — по пословице “слышал звон, да не знает, где он” — туманные сведения об одной опечатке и об одной описке питают и “подогревают” модную “версию”, популярности которой способствует современное стремление пересматривать всё и вся. Как же воспрепятствовать распространению этой “версии”?

Хочу в заключение коснуться некоторых предположений о том, как возникло у Толстого название его романа, высказывавшихся теми, кто понимает значение слова “мир” “по-старому”.

В книге С. Г. Бочарова “Роман Толстого „Война и мир“” (М., 1987) на странице 146 есть такая сноска: “Заглавие будущей книги Толстого было как будто предугадано в словах пушкинского летописца:

Описывай, не мудрствуя лукаво,
Всё то, чему свидетель в жизни будешь:
Войну и мир, управу государей,
Угодников святые чудеса”...

Интересное предположение высказал Исайя Берлин, сообщая в эссе “Ёж и лисица. Об исторических взглядах Л. Н. Толстого” о посещении Толстым Прудона в 1861 году: “Более чем вероятно, что он заимствовал название своего романа у Прудона, „Война и мир“ которого была опубликована в том же году” (Вопросы литературы. 2001. № 4. С. 176–177). И еще одно упоминание о том же: “Толстой посетил Прудона в Брюсселе в 1861 году, когда последний опубликовал свою книгу „La guerre et la paix“ [„Война и мир“], которая три года спустя была переведена на русский язык” (Вопросы литературы. 2001. № 5. С. 81, сноска). Не соглашаясь с мнением Б.Эйхенбаума о влиянии Прудона на роман Толстого, автор эссе говорит, что “найти что-то сугубо прудонистское в „Войне и мире“ Толстого, за исключением названия, весьма затруднительно” (Там же).

Н. Б. Мечковская

ЗАЧЕМ ОДНОМУ НАРОДУ ДВЕ АЗБУКИ? (КИРИЛЛИЦА И ЛАТИНКА В КОЛЛИЗИЯХ БЕЛОРУССКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ)

Орфография, сия геральдика языка...

Пушкин

3.1. Письмо как элемент культурно-религиозной геральдики народа

В письме люди долго видели чудо, поэтому многие народы верили, что письмо создали боги или божественные первопредки (культурные герои). Нередко происходила сакрализация самих букв Писания. Это заставляло видеть в графике и орфографии проблемы вероисповедной важности и относиться к ошибке в письме как к ереси. Но и после того, как орфографию перестали отождествлять с ортодоксией, в традициях, связанных с религиями Писания, столетиями сохранялись представления об особой важности графики и орфографии. В письме народ видит корни своей культуры и вероисповедной традиции. Ни один спор о “правильности” в языке, о диалектных или стилистических предпочтениях словарей и грамматик не бывал таким острым и пристрастным, как графико-орфографические дебаты, легко перераставшие в “азбучные войны”, нередко с анафемствованием и физическими репрессиями.

В славянском мире ареалы кириллического и латинского, а также глаголического письма соответствуют границам вероисповеданий: пра-

---

Печатается с разрешения Н. Б. Мечковской по изданию: *Мечковская Н. Б. Зачем одному народу две азбуки?: (Кириллица и латинка в коллизиях белорусского возрождения)* // Мечковская Н. Б. *Белорусский язык: Социолингвистические очерки.* [Статья] 3. München: Verlag Otto Sagner, 2003. С. 47–62. Впервые (в более полном виде) опубликовано в журнале: *Slavia orientalis.* 1998. Т. 47. С. 277–292.

вославные и униаты пишут на кириллице, католики — на латинице, в то время как глаголица всегда сопутствовала некоторому профессиональному обособлению (например, хорват-глаголитов от православия). К глаголице обращались и предреформационно настроенные чехи (в частности, имеются глаголические версии проповедей Яна Гуса) и под их влиянием поляки (есть свидетельства о глаголических мессах в Кракове в начале XV в.¹). Сосуществование кириллицы и латинки в белорусском письме, практически постоянное в XIX в. и первые десятилетия XX в., предстает более интенсивным и парадоксальным, чем алфавитная тройственность хорватской печати XVI в. Хорватская конкуренция алфавитов обусловлена профессиональными факторами и не связана с процессами этнического самоопределения. Иначе в истории белорусского народа (во времена Российской Империи): оппозиция кириллицы и латинки, по-прежнему сохраняя связь с разными вероисповеданиями, оказалась включенной также и в ряд других национально-политических и культурных коллизий.

3.2. Алфавитная раздвоенность в ряду факторов, затруднявших национальную консолидацию белорусов

Начиная со второй половины XVI в. в истории белорусского народа наступают трудные времена. Ослабевает его политическая самостоятельность. Согласно Люблинской унии 1596 г., Великое княжество Литовское и Польское Королевство объединяются в конфедеративном государстве — Речи Посполитой. Вся цепь неблагоприятных обстоятельств (гео- и военно-политических, профессиональных, социолингвистических), ослаблявших независимость Княжества и мешавших белорусам поспевать за “исторически более счастливыми народами” (выражение Л. А. Булаховского), рассмотрена в следующей статье сборника (4-й по оглавлению²). Данная статья сосредоточена на одном из таких неблагоприятных обстоятельств — на более чем двухсотлетнем сосуществовании в белорусской культуре кириллического и латинского письма.

Соседство кириллицы и латинки в белорусском и западноукраинском ареалах, т. е. на пограничье православия и католичества, — вполне естественно. Исконная для восточных славян кириллица дополняется польской латинкой у украинцев в XVII в., у белорусов — в XVIII. Однако в украинской культуре латинка не получила значительного распространения (в силу преобладания православия в Надднепровской Украине и влияния москвофилов и униатов в Австрийской Украине). Существен-

---

¹ См.: *Picchio R. Church Slavonic // The Slavic literary languages. New Haven, 1980. P. 26–27.*

² *Мечковская Н. Б. Национальное возрождение в Беларуси и Украине: социальные и лингвистические факторы сходств и различий // Мечковская Н. Б. Белорусский язык: Социолингвистические очерки. С. 63–106. — Примеч. сост.*

но также, что применительно к украинской письменности не приходится говорить о параллелизме кириллицы и латинки: в Галиции, в отличие от белорусского возрождения 1906–1918 гг., разная графика не использовалась для печати одних и тех же книг, газет и журналов. Шрифтовое дублирование основных белорусских текстов расточало силы возрождения и не могло не задержать сплочение народа.

3.3. Время появления кириллицы, гражданки и латинки в белорусском письме

Кирилловская графика, традиционная для православных славян, была изначальной в белорусской рукописной традиции и в первопечатных белорусских книгах Франтишка Скорины. При этом Скорина изменил начертание кириллических букв: под влиянием антиквы и некоторых западнорусских почерков XIV–XV вв. в его изданиях буквы становятся более округлыми и легкими, что делало набранный текст более светлым и прозрачным. К тому же Скорина меняет состав кириллицы: некоторые архаические дублетные буквы у него не встречаются, другие дублеты он использует реже, чем в предшествующем церковнославянском письме. По сути Скорина предугадал облик будущей гражданской азбуки, почти на два века опередив реформу графики при Петре I 1708–1710 гг.³

Латиница была издавна известна белорусам благодаря контактам с польской письменной культурой, благодаря белорусским традициям латинской образованности, а позже также и знакомству с письменностью соседей-литовцев (книгопечатание на литовском языке началось с 1547 г.). Польское влияние на белорусскую культуру, в том числе белорусско-польское двуязычие образованных и/или социально мобильных белорусов, привело к использованию латинской графики в белорусском письме. Сохранившиеся ранние примеры такой записи относятся к середине XVIII в.

3.4. Графика и языки белорусских изданий 1801–1917 гг.

В белорусском письме количественные соотношения написанного (и тиражированного) на кириллице и на латинице существенно различались в зависимости от времени и отчасти места изданий. По своему языку издания, содержащие тексты на белорусском языке, образуют три

---

³ См. подробнее: *Мечковская Н. Б.* Русскими словами а словенским языком: (О языковом сознании Франциска Скорины) // *Russian Linguistics*. 1989. Vol. 13. No. 2. P. 249–250.

Табл. 3.а. Языки и графика белорусских изданий в 1801–1905 и 1906–1917 гг.

Годы	Белорусскоязычные издания Всего названий — 262		Двуязычные издания Всего названий — 174	
	На латинке	На кириллице	Польско-белорусские (на латинке)	Русско-белорусские (на кириллице)
1801–1905	027	022	30	112
1906–1917	084	129	02	030
Всего:	111	151	32	141

группы: 1) одноязычные издания на белорусском языке (в латинице или кириллице); 2) двуязычные издания на русском и белорусском языках (в кириллице); 3) двуязычные издания на польском и белорусском языках (в латинице). Количественные соотношения указанных видов изданий меняются после 1905 г., т. е. с началом Первого национального возрождения (см. Табл. 3.а)⁴.

После 1905 г. не только возрастает число изданий на белорусском языке, но и кириллица начинает преобладать над латинкой, несмотря на то, что в XIX в. белорусскоязычные издания (книги и периодика) латинским шрифтом и польско-белорусские книги (также на латинке) появились в Беларуси раньше, чем кириллические белорусские и русско-белорусские издания (хронологически первые издания каждой группы представлены в Табл. 3.б).

Приведенные данные об употребительности кириллицы и латиницы релевантны только для публикаций на белорусском языке, иначе говоря, это факты к характеристике маленького белорусскоязычного книжного островка, омываемого, с одной стороны, безбрежным морем кириллической продукции на русском языке, а с другой, — течениями польской книги на латинке, т. е. потоком не столь широким, но для пробуждающегося белорусского национального сознания притягательным.

⁴ Таблица составлена на основе сведений, приведенных в библиографии: Книга Беларусі 1517–1917: Зводны каталог. Мінск, 1986. Вместе с тем следует принять во внимание неполноту справочника — как по недосмотру (например, не указаны публикации *Энеіды навыварат*), так и по цензурно-идеологическим причинам (ср. неупоминание *Кароткай гісторыі Беларусі* Вацлава Ластовского, напечатанной в 1910 г. в Вильне в двух графических версиях).

Табл. 3.в. Языки и графика белорусских книг и периодических изданий в 1801–1917 гг.; параллельные издания на двух алфавитах 1906–1917 гг.

Издания на белорусском языке 1801–1917			Двуязычные издания 1801–1917	
Латинка	Кириллица (гражданка)	Параллельные издания в двух алфавитах 1906–1917	Польско-белорусские	Русско-белорусские
Общее количество названий — 81, в том числе книг — 73; газет и журналов — 8	Общее количество названий — 121, в том числе книг — 109; газет и журналов — 12	Общее количество названий — 60, в том числе книг — 56; газет и журналов — 4	Количество названий книг — 32	Количество названий книг — 142
<i>Krótkie zbranie nauki Chrześcijańskiej. Dla wień niaków mówiących ję zikiem polsko-ruskim wyznania Rzymskokatolickiego. Wilno 1835. 24 s.</i>	<i>Бяседа старога вольніка з новымі праixня дзела.</i> Б. м., б. г. 31 с. [Могилев 1861]	[Каганец Карусь], <i>Bielarúski lementár.</i> Piecieiarburh 1906. 23 s.; [Каганец Карусь], <i>Беларуски лемэнтár.</i> Пецяярбург 1906. 30 с.	Bojan, <i>Chęść pierwsza.</i> Wydawca Adam Pińkiwicz. Wilno 1838. 252 s.	<i>Опыты в русской словесности воспитанников гимназий Белорусского учебного округа.</i> Вильна 1839. VIII, 525 с.
<i>Hutarka dwóch susiedou.</i> №№ 1–4 [Bielastok 1861–1862]	<i>Свабода.</i> Орган Беларускай рэвалюцыйнай грамады. Лідский повет 1903	<i>Nasza Dola.</i> Pieraszaja bielaruskaja hazeta. Wilnia 1906, №№ 1–6; <i>Наша Доля.</i> Першая беларуская газета. Вильня 1906, №№ 1–6	—	—

3.5. В XIX в. белорусское свободолобие предпочитало латинку

В белорусском письме первой половины XIX в. латинка преобладает почти безальтернативно. Особенно это ясно по составу списков произведений, распространявшихся в рукописи (поскольку переписчик, в отличие от издателя, не зависит от наличия желаемого шрифта в конкретной типографии). До середины века латинка — это естественное письмо част-

ного человека, в том числе православного (отставного офицера-помещика или чиновника). Характерно, что на латинке был написан самый ранний из известных списков *Энеиды навыварат* (около 1837 г.), как, впрочем, и список, присланный в петербургский журнал *Маяк* (где в 1845 г. поэма была впервые напечатана, но уже гражданкой).

3.5.1. Ян Чачот

Когда Ян Чачот (*Czczot*) включил в один из сборников белорусских народных песен в своем переводе на польский (*Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny, z dołączeniem pierwotwornych w mowie Sławiano-Krewickiej, Wilno 1844*) подборку из 28 “уласных сялянскіх песень” (определение Чачота), а в 6-м сборнике (1846) сохранил отдельные белорусские песни на языке оригинала, то мысль о кириллической печати для белорусских текстов, по-видимому, просто не возникла. Он адресовал свои издания польскому читателю — как фольклорист-романтик, как диалектолог и литератор, чувствующий выразительность провинциальной и архаичной речи в качестве дополнительных экзотических красок к польскому языку: “а некаторыя прыгожыя словы, уведзеныя ў польскую мову [...] павялічылі б без шкоды яе багацце [...]”. Однако в целом “кывіцкі дыялект” для Чачота — это скорее архаика: “[...] мова, на якой на нашай памяці любілі размаўляць паміж сабою старыя паны, што яшчэ жывуць, на якой дагэтуль гавораць паны і аканомы з сялянамі, на якой пісалі ў нас некалі афіцыйныя акты [...]”⁵.

Факт издания Яном Чачотом в Вильне в 1837–1846 гг. шести сборников народных песен имеет свою параллель или, так сказать, “аналог” в предыстории украинского национального возрождения. В 1827 г. в типографии Московского университета Михаил Максимович публикует *Малороссийские песни* (2-е издание под заглавием *Украинские народные песни* — Киев 1834; 3-е — 1849 г.). В отмеченном сходстве нет неожиданности: интерес к фольклору вообще характерен для славянского возрождения первой половины XIX в. Однако на общем фоне различия между сборниками Чачота и Максимовича кардинальные. Чачот почти все переводит на польский язык. Максимович издает песни без перевода, печатая их гражданкой, но добавляя диакритику (*дашки*, т. е. ‘крышечки’) над буквами о и е для передачи нового украинского [і]. Изданный Максимовичем сборник сыграл выдающуюся роль в возрождении украинского языка. С этой книгой, как с Библией, не расставались Тарас Шевченко и Пантелеймон Кулиш; предисловие к нему стало манифестом зарождавшегося украинского национализма. Что касается сборников Чачота, то они остались памятником фольклорно-этнографических увлечений “крэсцоваго” польского предромантизма.

⁵ Чачот Я. Выбраныя творы. Мінск, 1996. С. 216.

3.5.2. Винцент Дунин-Марцинкевич

Когда Винцент Дунин-Марцинкевич перевел на белорусский две главы из *Пана Тадеуша*, произведения отнюдь не фольклорного и простонародного, но книжно-поэтического и дворянского, и тем сделал самый решительный в XIX в. шаг для выявления культурных возможностей белорусского языка, то все же Дунин-Марцинкевич не подумал печатать свой труд в кириллице, хотя это было не только вполне доступно, но и проще, легче и, вполне вероятно, спасло бы публикацию, и перевод из *Пана Тадеуша* стал бы доступным белорусскому читателю уже в 1859 г. Выбор кириллицы явился бы шагом навстречу более широкой аудитории, но для Марцинкевича важнее были польская и антиимперская семиотика латинки, может быть, потому, что белорусский язык оставался другой условностью — театрально-литературной. Писатель Ядвигин Ш. [псевдоним Антона Лявицкого] так вспоминал об атмосфере в имени Марцинкевича, где он в 1875–76 гг. жил и учился в частной школе для «невяліччай грамадкі дзяцей» (шести учеников), открытой дочерью писателя без разрешения властей:

“Учылі нас там па расейску, па польску, па французку, вучылі розных навук, але ані гісторыі Беларусі, ані нават беларускай мовы мы ня чулі [...] Мы нават яго твороў ня ўмелі. Калі-ж, бывало, прыезджалі суседзі-госьці, то чулі мы, як толькі зрэдка перакідваліся яны з гаспадаром, бытцам жартам, беларускімі слоўцамі, як гэта і цяпер вядзецца паміж дробных памешчыкоў (да каторых прыналежаў і Марцінкевіч), калі хочучь паказаць сваю дружбу, сваё «запанбрацтва». Умеў нябошчык заахвочычаць нас да навукі, умеў строіць жарты, быў для нас вельмі добрым [...] але с пісаньнем сваім, з думкамі сваімі — ад усіх запіраўся ў каморку! [...] у штодзённым сваім жыцці ня меў адвагі заявіць сябе шчырым беларусам, ня меў адвагі беларускую ідэю прыпасаваць да жыцця”⁶.

3.5.3. Кастусь Калиноўскі

Латинская печать была единственно приемлемой для *Muzyckaj praudi* и писем *z pad zzybienicy maskouskoj* католика Винцента Константина (Кастуся) Калиновского, обращенных *do ludu białoruskiego, do muzykou ziemi Polskiej*⁷. Кириллица для него — это буквы врага, насаждающего свои *maskojskie szkoły* и церкви вместе со своей властью, против которой он ведет вооруженную борьбу; латиница в листовках Калиновского была

⁶ Ядвігін Ш. В. Марцінкевіч у практычным жыцці // Наша Ніва. 1910. № 48, 25 нояб.; по факсимильному изданию: Наша Ніва: Першая беларуская газета з рысункамі. Вып. 3. Мінск, 1999. С. 734–735.

⁷ Цит. по публикации документов в издании: Giller A. Historja powstania narodu Polskiego w 1861–1864 г. Т. 1. 2-е wyd. Paryż, 1867. S. 326–327, 335.

естественным письмом униата *Jaški haspadara z pad Wilni* (так он подписывал свои обращения к крестьянам) в защиту *Rzqdu*, враждебного русскому царю.

3.5.4. Францишак Багушевич

Латинка прижизненных книг Францишка Багушевича может казаться вынужденной — они выходили за границами Империи (Краков, Познань), где кириллического шрифта просто могло не быть в конкретной типографии. Однако сохранились свидетельства о том, что Богушевич хотел видеть свои книги исключительно в латинке. В 1918 г. в петроградском журнале *Чырвоны шлях* Павел Любецкий писал: «Относительно этой *Скрыпачкі* [не сохранившийся рукописный сборник стихов Богушевича *Скрыпка беларуская*. — Н. М.] поэт завещал жене отдать ее в печать только при том условии, если она будет печататься латинскими буквами»⁸.

Сейчас Багушевич видится как беззаветный защитник белорусского языка, однако, по-видимому, сам Багушевич не был полностью уверен в возрождении и функциональной полноте белорусского языка. Ежи Туронек со ссылкой на публикацию 1933 г. пишет о том, что в 1891 г. Багушевич предпринимал практические шаги для открытия в Вильне тайных польских школ⁹. Стоит помнить также, что литературное творчество Багушевича развивалось на двух языках, при этом его публицистика написана на польском языке; его сохранившиеся письма также на польском. По-видимому, Багушевич был человеком двух культур, при этом, однако, не вполне «своим» в каждой из них: его белорусские стихи, написанные крестьянскими псевдонимами (*Мацей Бурачок*, *Сымон Рэўка з-над Барысава*), были стилизацией народной речи, своего рода «хождением в народ» совестливого белорусского шляхтича-интеллигента. Но даже такая условная белорусскость Багушевича, как и реальный демократизм его адвокатской практики, были радикальным отклонением от нравов современной ему Вильны. Близкие люди в конце 30-х гг. вспоминали факты, говорящие о «варожасці віленскага грамадзянства да «chłopomaństwa» Багушэвічавага»¹⁰.

В конце XIX в., в условиях нарастающей русификации Беларуси, многократного преобладания православного населения, подавляющего господства русскоязычной школы и книги, выбор латинского шрифта для печати белорусского произведения становится семиотически более

---

⁸ Любецкий П. О белорусском литературном языке // *Чырвоны шлях*. 1918. № 7–8, 30 нояб. С. 13.

⁹ Turonek J. Geneza i autorstwo pierwszego elementarza białoruskiego // *Slavia orientalis*. 1986. Т. 35. № 3. Р. 348.

¹⁰ Пачынальнікі: 3 гісторыка-літаратурных матэрыялаў XIX ст. / уклад. Г. В. Кісялёў; рэд. В. В. Барысенка, А. І. Мальдзіс. Мінск, 1977. С. 437.

маркированным, чем в 60-х гг. Латинский шрифт означал романтический выбор более узкого канала коммуникации, и пишущий латинкой знал, что обращается к избранному меньшинству, оппозиционному по отношению к режиму. Предпочтение латинки, при всех индивидуальных различиях, становится знаком оппозиционности (иногда прямого вызова) режиму Российской Империи, знаком католической, пропольской и “западной” (“европейской”) ориентации пишущего.

3.6. Для царской цензуры белорусская латинка была страшнее, чем белорусский язык

Строго говоря, в XIX в. не было правительственных запретов публиковать вообще что-либо на украинском и белорусском языках. Запреты касались, во-первых, содержания публикаций; во-вторых, их шрифта. На языке оригинала публиковались исторические источники, фольклорные тексты и произведения изящной словесности, однако как бы в “русской рамке” (введения, предисловия, исследования, комментарии и т. п. должны были быть на русском языке). Запрещались учебные книги, а с 1892 г. и переводы, поскольку для такого рода текстов полагался литературный язык (не диалект), между тем белорусский и украинский языки трактовались именно в качестве диалектов русского языка. Понятно, что указанные жанрово-тематические ограничения все же оставляли возможность для публикаций на белорусском и украинском языках.

Значительно более жесткими были требования к шрифту украинских и белорусских публикаций: латинка запрещалась. В апреле 1859 г. цензура запретила печатание “азбук, содержащих в себе применение польского алфавита к русскому языку” и обязывала, “чтобы сочинения на малороссийском наречии, писанные собственно для распространения их между простым народом, печатались не иначе, как русскими буквами, и чтобы подобные народные книги, напечатанные за границею польским шрифтом, не были допускаемы к ввозу в Россию”¹¹. Через несколько месяцев, в связи с печатанием *Пана Тадеуша* польским шрифтом, Главное управление цензуры распространило “запрещение применять польский шрифт к малороссийскому языку и на наречие белорусское” и определило “книгу “Pan Tadeusz” Мицкевича, в белорусском переводе Дунина-Марцинкевича, отпечатанную польским шрифтом, не выпускать в свет”¹². Таким образом, латинка вызвала большие репрессии, чем мог бы вызвать язык: к конфискации и уничтожению тиража привел не белорусский язык издания, и даже не факт перевода на белорусский, а поль-

---

¹¹ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862. С. 473–474, 480.

¹² Цит. по изданию: Пачынальнікі... С. 135–136.

ский шрифт книги. Между тем в это же время (конец 50-х гг.), едва ли не самое либеральное в российском XIX в., украинские азбуки на гражданке (в частности, *Граматка* Пантелеймона Кулиша, 1857 г.) беспрепятственно печатались и распространялись в Надднепровской Украине.

И позже, в начале XX в., белорусская латинка вызывала бóльшую враждебность великодержавных шовинистов, чем сам язык. В латинке по-прежнему усматривали сепаратизм и “польскую угрозу”. Выходившая в Вильне черносотенная газета *Крестьянин* в 1909 г. писала о *Нашей Ниве* (имея в виду ее версию в латинке): это “самоучитель польского языка, издаваемый по особому польскому методу”¹³. В силу повышенной семиотичности алфавита, белорусская латинка вызывала бóльшие имперско-шовинистические препоны для возрождения, чем белорусские тексты на кириллице.

3.7. Шрифты “Нашаніўскага адраджэння”: латинка зачинателей, параллельные издания, кириллический выбор подписчиков

По традиции белорусского свободолюбия XIX в. возрождение 1906–1918 гг. не хотело расставаться с латинским шрифтом. Латинка была азбукой меньшинства белорусов¹⁴, но она обладала особой социально-культурной семиотикой: это был знак “европейскости”, “культурности” белорусского возрождения, символ солидарности с польским свободолюбием и ориентации на польские авторитеты. Кроме того доля белорусов-католиков была выше в западных губерниях, чем по всей белорусской территории (в Виленской 32,8 %, в Гродненской — 13,3 %), а белорусское возрождение начиналось именно в западнобелорусских городах, а его зачинателями были в своем большинстве белорусы-католики, для которых первой азбукой была латинка.

До 1906 г. одни произведения на белорусском языке печатались польской латинкой, другие — гражданкой. На волне национального возрождения в Петербурге и в Вильне появляются параллельные издания одних и тех же произведений (в виде книг, брошюр, газет, журналов), которые различались шрифтом, — латинским или кириллическим. Библиография *Кнігі Беларусі. 1517–1917* называет 60 таких изданий (т. е. 30 кириллических и 30 латинских), в том числе две еженедельные газеты (в двух алфавитных версиях каждая). Самым значительным из параллельных изда-

---

¹³ Цит. по изданию: *Александровіч С. Х.* Пуцявіны роднага слова: Праблемы развіцця беларускай літаратуры і друку другой паловы XIX — пачатку XX стагоддзя. Мінск, 1971. С. 213.

¹⁴ По данным I Всероссийской переписи 1897 г., белорусы-католики составляли 12,4 % населения Беларуси, включая Виленскую губернию (Беларусы: Атлас: Этнагеаграфія, дэмаграфія, дыяспара, канфесіі. Мінск, 1996. С. 28).

ний была *Наша Ніва* — в белорусских губерниях хронологически вторая газета на белорусском (после *Нашай Долі*), длительное время остававшаяся единственной белорусскоязычной газетой (при относительной многочисленности русскоязычных газет¹⁵).

В использовании двух алфавитов заключается одна из драматических коллизий “Нашаніўскага адраджэння”. Культурная весомость латинки была несопоставима с процентом белорусов-католиков. Разумеется, издатели и редакторы видели эти диспропорции. Осенью 1912 г. *Наша Ніва*, вынужденная из-за экономических трудностей перейти на печатание газеты одним шрифтом, открыла читательскую дискуссию о том, какой шрифт выбрать. Газета констатировала следующие количественные соотношения: “беларусоў праслаўных, што знаюць толькі рускія літэры, у пяць разоў больш, як каталікоў”, пры гэтым “«Наша Ніва», друкаваная рускімі літэрамі, расходзіцца ў два разы болей, як друкаваная лацінскімі літэрамі”¹⁶. Иными словами, процент читающих *Нашу Ніву* среди католиков был в 2,5 раза выше, чем доля читателей газеты среди православного населения.

И все же *Наша Ніва* перешла на кириллицу. Белорусская латинка тоннула в море кириллической книжно-газетной продукции (прежде всего на русском языке). В такой ситуации латинку выбирал слишком узкий круг читателей. Массе белорусского населения латинка оставалась недоступной и поэтому чужой, что облегчало ее третирование шовинистами (как инструмента “сепаратизма”, “польской интриги” и т. п.). Е. Туронек считает, что идеологи национального возрождения начала XX в. надеялись с помощью параллельных изданий на двух алфавитах уменьшить графическую разобщенность католиков и православных и тем способствовать объединению народа¹⁷. Но еще вопрос, можно ли в придавленном русификацией крае, где процент грамотных не достигал и четверти населения, объединять народ, предлагая его разным группам разные алфавиты.

Двойной набор букв тормозил сложение единых общенациональных норм белорусского языка. Одно из свидетельств затянувшейся нестабильности: еще в 1926 г. в Белорусской академии обсуждали проекты реформ графики (не орфографии!): например, Язэп Лёсик предлагал ввести букву **J** — в других славянских странах время столь крутых проектов уже было позади.

---

¹⁵ По данным С. Х. Александровича, в Беларуси в 1904 г. на русском языке выходило 11 газет, в 1917 г. — 17 (*Александровіч С. Х. Указ. соч. С. 186*). Кроме местных изданий, в Беларуси распространялись столичные газеты Империи.

¹⁶ *Наша Ніва*. 1912. № 19–20; цит. по изданию: Хрэстаматыя па гісторыі беларускай мовы. Ч. 2. Мінск, 1962. С. 205–206.

¹⁷ *Turonek J. Op. cit. S. 351.*

3.8. Как уменьшали “русскость” белорусской гражданки и “польскость” белорусской латинки

Оба алфавита претерпели на белорусской почве определенные изменения. Некоторые из них были связаны с фонетико-фонологическим своеобразием белорусского языка. Это такие изменения: 1) отказ от польских носовых букв, вполне обычных не только у Калиновского (*Miżuskaja prauđa*, 186–63 гг.), но еще и у Багушевича (*Dudka białoruskaja*, Kraków 1891); 2) поиски латинских и кириллических знаков для [ÿ]; 3) неупотребление буквы **Щ**. Другие изменения в графике были связаны с преодолением нефункциональной вариантности русских аллографов И и І; Е и Ё (“ять”); Ъ и Ь (при передаче звука [j]). Известен факт использования одного из украинских вариантов кириллицы (так называемой *драгомановки* — без букв Я, Ю, зато с буквой Ј, без Ъ, зато с буквой И после твердых согласных и с І после мягких) в переводной (с украинского) брошюре *Про багацтво да бѣдносць*, изданной в Женеве в 1881 г.¹⁸

Для семиотики культуры особенно интересны те принципиальные изменения, которые с началом белорусского возрождения были внесены в латинку. В ряде изданий, начиная с букваря 1906 г. *Bełaruski lementar*¹⁹, шипящие звуки стали обозначаться не на польский манер ([ш] — диграфом SZ, [ж] — буквой Ż, [ч] — диграфом CZ), а так, как в чешском, словацком, словенском, лужицком, литовском, латышском, эстонском письме, а также в латинском (преимущественно хорватском) варианте хорватскосербского письма, — с помощью надстрочных знаков (так называемых “гачеков”, найденных еще Яном Гусом²⁰) над той буквой, которая передает системно ближайшую соответствующую нешипящую фонему: Š для [ш], Ž для [ж], Č для [ч]. И хотя белорусская латинка 1906 г. еще удерживала целый ряд польских графических приемов (передача мягкости большинства согласных перед гласным с помощью буквы i, однако при сохранении пары L и Ł; передача мягкости свистящих с помощью надстрочного значка акута — Ś, Ż, Ć), все же после введения гачеков белорусская латинка перестала быть “чисто польской”.

¹⁸ См. фрагмент текста в: Хрэстаматыя... С. 178–181.

¹⁹ См.: [Каганец К.] *Bełaruski lementár abo Piérszaja nawúka czytańnia*. Piécjarburh, 1906. *Bełaruski lementar* был первой книжкой белорусской издательской “суполки” в Петербурге “Загляне сонцэ і ў нашэ ваконцэ”. Об основаниях для атрибуции обеих версий «лементара» (латинской и кириллической) Карусю Каганцу см.: *Германовіч І. К.* Карусь Каганец // Германовіч І. К. *Беларускія мовазнаўцы: Нарысы жыцця і навуковай творчасці*. Мінск, 1985. С. 69–82; *Turonek J.* *Op. cit.*

²⁰ Чешск. *háček* — ‘крючок’. Белорусский букварь, по-видимому, калькируя литовское обозначение данного знака (*paukštukas*, от *paukitelis* ‘птичка’), называет его *ptušačka* (см.: [Каганец К.] *Bełaruski lementár... S. 21*).

Гусова передача шипящих, конечно, проще и логичнее, чем польская (поскольку с использованием гачеков переход от обозначений соответствующих свистящих описывается одним правилом, а не двумя; к тому же буквы с диакритикой усваиваются и опознаются в тексте быстрее, чем диграфы), и, по-видимому, это видели белорусские авторы и издатели “нашенинской поры”, когда стали вводить в латинскую графику белорусских букварей, хрестоматий, газет буквы с гачеками. Однако главный смысл введения гачеков состоял не в поисках простых и “экономических” решений, а в этно-социальной семиотике. В 1906–1918 гг. для деятелей белорусского возрождения становится важным обозначить свою “не-польскость”²¹. Во-первых, это отвечало задачам национальной самоидентификации белорусов (как народа, который не является территориально-этнографической ветвью ни польского, ни русского народов). Во-вторых, не вполне польская латинка отчасти ослабляла упреки со стороны охранителей великодержавности в “пропольскости” белорусского возрождения. В предисловии к букварю 1906 г. говорится: “...каталики больш да лацинских литэр — што йих нясправядлива «польскімі» называюць, прывыкли; праваслаўныя — да славянских — ці, як кажуць да «рускіх» прывыкли. Гэтыя рускія гэтаж нашы спрадвечныя беларускія, а лацинскімі цяпер увесь сьвет пішэ”²². Впрочем, в духе общей терпимости к имеющимся различиям *Belaruski lementar* допускает и польский способ обозначения шипящих: “Dalej zamiasto ś, ź, ź, piśuć jak po polsku sz, ż, cz”²³. Эта графическая двойственность присутствует как в самом букваре (на его обложке и титульном листе — польские диграфы: *Pierszaja nawuka czytańnia*), так и в ряде других белорусских изданий 1906–1918 гг.

В целом в белорусских изданиях начала XX в. были выработаны “опознавательные знаки”, создающие вполне определенный облик белорусского печатного текста. Этого своеобразия достаточно, чтобы быстро отличить белорусский текст в гражданке от русского и украинского, а страницу печати в белорусской латинке — от страницы на польском языке. Во всяком случае, в кириллице различия между белорусским и русским письмом сильнее, чем между болгарским и русским. Если же

---

²¹ Мотив, неизвестный белорусскому XIX в., но энергично развиваемый в *Нашай Ніве*: борьба за белорусскую самобытность требует отталкивания и от “польскости”, и от “русскости”. Ср.: “Богдановіч павінен пазбавіцца русіцызмаў, а Власт [Ластоўскі. — Н. М.] польскіх зваротоў, бо і гэта, і гэта адбірае ад твораў паэтычную вартасць, робіць іх ціхімі” (*Ясенювіч С. [Палуян]*. *Беларуская літэратура у 1909 гаду // Наша Ніва*. 1910. № 7, 11 февр.; по факсимильному изданию: *Наша Ніва: Першая беларуская газета з рысункамі*. Вып. 3. Мінск, 1999. С. 110).

²² [*Каганец К.*]. *Беларускі лемэнтэр або Пёршая навука чытаńня*. Пецярбург, 1906. С. 6.

²³ [*Каганец К.*] *Bielański lementár...* S. 22.

говорить о различиях между польским письмом и белорусской латинкой с гачеками, то эти различия также более выразительны, чем графические различия между, например, словенским и хорватским языками.

3.9. Уроки двух азбук и новые споры о буквах

Вопросы, связанные с двумя алфавитами белорусского письма, — это локальное, но концентрированное выражение основной проблемы в истории белорусского народа — проблемы национально-культурного и политического самосохранения в условиях “жизни в тени” России и Польши. Это неблагоприятная геополитическая судьба — быть объектом российской и польской ассимиляции, двух мощных и противоборствующих экспансий. Но так исторически сложилось, это белорусская реальность. И два алфавита в обескровленной культуре — это часть реальности... Белорусское возрождение 1906–1918 гг. стремилось возродить или выработать третье (не польское и не русское) начало, объединяющее белорусов. Такое начало виделось в идеалах культурного крестьянствования, в жизни “своим домом”. Однако консолидации противоречил параллелизм двух белорусских алфавитов. Два алфавита могут сосуществовать долго, но это ведет не к консолидации, а к разъединению народа. В условиях Беларуси начала XX в. продублировать более 30 изданий книг, газет, журналов, в том числе шесть лет печатать в двух версиях еженедельно *Нашу ніву* было распылением национальных сил и тормозом на пути консолидации белорусского народа.

Однако, по-видимому, такое утверждение не может быть распространено на в корне новую ситуацию: Империя пала, в марте 1918 г. в оккупированном немцами Минске провозглашена Белорусская Народная Республика, летом 1918 г. в Вильне Бранислаў Тарашкевич издает *Bielaruskuju hramatyku dla škol* (вначале на латинке, через несколько недель — на кириллице). Но и эта ситуация вскоре переменялась кардинально. Все последующие издания грамматики Тарашкевича, включая 7-е, вышедшее в 1943 г. в Минске, напечатаны кириллицей. Впрочем, во всех изданиях грамматики Тарашкевича, как и в пособии Язэпа Лёсика *Граматыка беларускае мовы: Фонэтыка* (Менск 1926), белорусская латинка (*абэцэда*) называется в качестве второго белорусского алфавита²⁴. Латинская графика для белорусов, разумеется, более близкий алфавит, чем для украинцев и русских. В довоенной Западной Беларуси на латинке печатались многие белорусские издания, в особенности клерикальные. Латинский шрифт почти всегда присутствует на страницах возобновлен-

---

²⁴ “Побач з кірыліцай, хоць радзей, ужываецца ў беларускай мове лацініца” (*Тарашкевіч Б.* Беларуская граматыка для школ. 5-е выд., перароб. і пашыр. Вільня, 1929. С. 49).

ной в 1991 г. *Нашай нівы*, а ее № 18 (1993) набран латинкой полностью — как художнический поиск горстки виленских белорусских интеллектуалов, могущих себе позволить на какое-то время забыть о читателе, рынке, подписке и другой подобной прозе.

Похоже, история повторяется. В конце XIX в. невозможно было не видеть, что перспективы белорусской латинки утрачены. Уже во времена “нашаніўскага адраджэння” алфавитный параллелизм был не столько просчетом, сколько сознательным выбором более узкого канала коммуникации, более оппозиционного и потому более трудного пути возрождения. Этот романтический анахронизм в выборе графики говорит о камерности и кабинетности белорусского движения начала века. Но, кажется, в Беларуси по-прежнему весом кабинетный романтизм. Правда, теперь уже ситуацию выбора создают не две азбуки, но две орфографии — 1918 г. и 1933 г. (*тарашкевічыца* и *наркомаўка*). По своей семиотико-прагматической природе конфликтам орфографий присуща меньшая острота, чем конкуренции двух графических систем. И все же по способности волновать и ссорить говорящих из всех языковых феноменов орфография занимает второе место — непосредственно после графики. При этом горячности и нетерпимости к оппонентам у защитников тарашкевицы больше, чем это прочитывается у приверженцев латинки в начале XX в. О новом витке орфографических распрей приходится сожалеть, потому что в спорах о буквах люди легко впадают в преувеличения, чреватые новым расколом пишущих по-белорусски и, в конечном счете, ослаблением белорусского возрождения.

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ

Л. В. Щерба

ТРАНСКРИПЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ И СОБСТВЕННЫХ ИМЕН И ФАМИЛИЙ

Вопрос о способе написания иностранных слов, входящих в состав русского языка, в том числе прежде всего имен собственных, с давних пор является одним из актуальных вопросов.

Я. К. Грот еще в 1873 г. посвятил ему во второй части своих «Филологических разысканий» около тридцати интереснейших страниц. Географическое общество уже давно работает над созданием русской транскрипции для географических названий. Время от времени появляются отдельные более или менее интересные статьи по тем или иным частным вопросам из этой области — сошлюсь для примера на ряд работ Е. Д. Поливанова; однако на практике дело в целом не сдвинулось с места ни на шаг со времен Грота. А жизнь не ждет. Усиление интернациональных связей обуславливает приток все новых и новых иностранных слов, которые приходится как-то писать и которые действительно как-то пишутся; газеты ежедневно регистрируют ряд фамилий новых иностранных деятелей, а отчасти и ряд географических названий, впервые вступающих в поле зрения общественной мысли, и регистрируют их в какой-то русской транскрипции; переводная литература, особенно техническая, растет с каждым днем, и фамилии иностранных авторов в той или иной русской форме все более и более наводняют русскую библиографию. Приходится таким образом констатировать отставание русской лингвистической мысли от практических задач в этой области, а поскольку жизнь все же как-то справляется с этими задачами, постольку можно было бы, пожалуй, даже воскликнуть: тем хуже для лингвистики, что она

Печатается по изданию: *Щерба Л. В.* Транскрипция иностранных слов и собственных имен и фамилий // Щерба Л. В. Избр. работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. С. 153–161. Впервые опубликовано в журнале: *Известия комиссии по русскому языку АН СССР.* 1931. Т. 1.

недостаточно чутко прислушивается к запросам жизни и не умеет заставить себя слушать. Однако при более внимательном отношении к тому, что происходит на практике, дело представится в несколько ином свете. Как и в других областях, «самотек» ведет к анархии, а анархия нетерпима и в области транскрипции иностранных фамилий и названий, так как мешает языку правильно выполнять свою функцию, состоящую, как известно, во взаимопонимании.

В самом деле, можно ли догадаться, что *Солсбери* и даже *Солзбери* и *Салисбюри* одно и то же лицо, что *валлийский* и *уэльский* являются лишь разными русскими написаниями одного и того же слова. Кто знает, как правильно писать (и говорить) — *Манкс* или *Мэнкс* (а может быть и *Менкс*). Сколько времени должен потратить библиограф или библиотечный работник, чтобы найти в русском каталоге фамилию *Lanman*: он должен искать и под *Ланман*, и под *Лэнман*, и под *Ленман*, и под *Ленмэн*, и под *Лэнмэн*, а в конце концов и под *Ленмен*, и под *Лэнмен*. Фамилию *Meillet* он должен искать и под *Мелье*, и под *Мейе*, а пожалуй, и под *Мейэ*, и под *Мэйэ*. Фамилию *Schrijnen* он должен искать и под *Схрэйэнэн*, и под *Схрэйнен*, и под *Схрейнен*, и под *Шрейнен*, и под *Шрийнен*, а пожалуй, и под *Шрейэнэн*, и под *Шрийэнэн*. Примеры можно множить без конца, и нельзя не прийти к заключению, что состояние транскрипции собственных имен в русском языке является хоть и маленьким, но все же общественным бедствием.

Цель настоящей заметки состоит в том, чтобы привлечь внимание как русских лингвистов, так и широкой общественности к этому скромному участку нашего строительства и высказать несколько общих соображений, которые могли бы лечь в основу дальнейших суждений.

Вопрос о транскрипции иностранных слов и собственных имен и фамилий должен быть для своего правильного решения сразу же дифференцирован, ибо в разных своих частях он может и решаться по-разному. Прежде всего надо выделить слова нарицательные, которые в сущности зачастую или вовсе не являются больше иностранными словами, или являются ими лишь временно, впредь до полного обрусения (или до исчезновения из обихода), ср. *штиблеты*, *шоколад*, *фельдъегерь* (ср. Фельдъегерский отдел ГПУ), с одной стороны, и *дэмпинг*, *допинг* — с другой.¹

Слова эти, возникающие в живой речи, имеют то или иное русское произношение, которое является результатом взаимодействия целого ряда факторов, а именно: иностранного произношения, иностранного написания, русских традиций освоения иностранных слов и, наконец,

---

¹ Не касаюсь здесь сложного вопроса о том, что такое иностранные слова: ведь для человека, а б с о л ю т н о не знающего иностранных языков, нет и иностранных слов в прямом смысле этого термина.

русских произносительных возможностей. Все это весьма любопытно с научной точки зрения; но русского практического деятеля должен интересовать лишь самый факт русского произношения, который только и может лежать в основе русского написания, ибо морфологический принцип здесь не применим: написание *агрегат* (несмотря даже на французское *agrégat*) объясняется восхождением к латинской этимологии и решительно не может быть поддерживаемо. Таким образом, самым естественным является здесь чисто фонетический принцип на основе живого русского литературного произношения. Так, следует писать *абат*, *акорд*, *акуратно*, *артиллерия*, *асистент*, *атестат*, *афект*, *эфект* и под. (ср. установившиеся написания: *арест*, *адрес*, *атака*, *атрибут*); далее, следует писать *дьявол*, *дьякон* (*диавол*, *диакон* могли бы быть лишь стилистическими вариантами), *дьяк*, *матерьяльный*, *миньятурный*, *пье-са*, *фортепьяно* и т. д. (ср. установившиеся: *курьер*, *арьергард*); также следует писать *бугалтер* (хотя *Buchhalter*), *галстук* (хотя *Halstuch*), *бушприт* (хотя *boeghsprit*) и т. п. Однако, конечно, надо писать *касса*, *ванна*, *группа*, *геенна*, *вилла* и т. д., потому что так говорят по-русски. Точно так же следует писать *материя*, *кампания*, *компания* и т. п. по тем же причинам. Далее, конечно, надо писать *метил*, *ларингит*, *целулоид*, но *алюминий*, *эль* и т. п.; надо писать *виски*, *ватэр* и т. д., но *уэльсский*, все по тем же причинам. Наконец, надо писать *адэпт*, *адэкватный*, *тэрор* и под., но *тема*, *термометр*, *десант*, потому что так говорят по-русски.

Впрочем, по поводу предложенных написаний должно сказать, что, может быть, не все так произносят, как здесь указано. И действительно, чтобы решать в данном случае орфографический вопрос, надо сперва решить вопрос орфоэпический, к чему, насколько мне известно, до сих пор не было сделано почти что никаких попыток: русская орфоэпия почти что не имеет литературы.

Однако к решению вопроса о написании нарицательных иностранных слов можно подойти и совершенно иначе: можно защищать сохранение их традиционного вида, имея в виду, что они представляют из себя интернациональный багаж русского языка и облегчают изучение иностранных языков. Эта точка зрения важна с принципиальной стороны, и вопрос должен быть обсужден в этой плоскости нашей общественностью. Ничего подобного до сих пор не было сделано, а потому и весь вопрос о написании нарицательных слов иностранного происхождения следует признать незрелым и подлежащим доработке в указанных направлениях.

Вторую группу иностранных слов, которую надо выделить, составят географические названия. Она в свою очередь распадается на две подгруппы: 1) названия, часто употребляющиеся, имеющие вековую традицию и в языке, и на письме, а потому в сущности не являющиеся иностранными словами, их, конечно, не следует трогать,

и нужно писать *Вена, Париж, Лондон, Рим, Копенгаген, Брюссель, Кассель, Геттинген, Гольфштрот, Дувр* и под., 2) названия малоизвестные и употребляющиеся главным образом в специальных трудах. Их написания крайне важны при картографировании, и Географическое общество, как было сказано уже выше, давно занято этим вопросом. В принципе вопрос этот решается на первый взгляд довольно просто: эти названия должны быть по возможности точно транслитерированы.² Однако на практике это все гораздо сложнее, ибо как транслитерировать, например, китайские названия? Далее, как быть с языками бесписьменных народов? Наконец, как быть с разными транскрипциями, которые уже утвердились у разных европейских народов и с которыми поэтому нельзя не считаться? Вопрос принимает, таким образом, международный масштаб. К тому же надо признать, что он и не так актуален, ибо в нем заинтересованы главным образом специалисты. Их решения не могут, конечно, пройти вне контроля общественности и без консультации лингвистов, фонетиков и знатоков отдельных языков; однако специалистам не могут быть навязаны решения людей, стоящих далеко от их дела и не охватывающих всей совокупности относящегося сюда материала.

Наконец, третью группу составят иностранные фамилии. Вопрос об их написании, может быть, является самым актуальным. Единственным рациональным способом его решения явилось бы принятие западноевропейского принципа: сохранение оригинального написания латинскими буквами.

Этот иероглифический способ являлся бы также единственным истинно интернациональным способом, если бы не так называемые «восточные» алфавиты и языки. Однако и по отношению к языкам, употребляющим латинский алфавит, он прост лишь в тех случаях, когда этот алфавит употребляется в беспримесном виде: уже чешский язык, турецкие языки со своим новым алфавитом, отчасти скандинавские вызовут некоторые затруднения, ибо не всякая типография располагает нужными знаками. Но пока это все же единственный практический выход из положения, так как он вполне обеспечивал бы четкость библиографической и библиотечной работы.

Латинское написание можно было бы сопровождать в тех случаях, когда это нужно и желательно, русскими параллелями, которые должны попросту и бескомпромиссно отражать русское произношение, не прибегая ни к каким условностям. Само собой разумеется, что установление русского произношения иностранных фамилий должно быть обсуждено особо, в порядке вопроса о русской орфоэпии вообще.

---

² Впрочем, самые принципы транслитерации могут быть различными: французское *Vaud*, произносящееся «во» (с кратким закрытым о), можно транслитерировать как *Бод*, а можно и как *Бауд*.

Таково положение вещей в общем, и таков ряд практических шагов, которые следовало бы предпринять для улучшения дела. Но все же остается еще вопрос о регулировании восприятия в живую русскую речь, устную и письменную, всей той массы новых иностранных слов, названий и фамилий, которые ежедневно наполняют наши газеты. Если лингвистика хочет быть жизненной наукой, то она должна помочь жизни канализировать этот поток.

Здесь трудно высказать какие-либо совершенно общие положения, а скорее придется заняться выяснением соотношений между русским языком и его графикой, с одной стороны, и каждым отдельным иностранным языком с его графикой — с другой. Однако все же можно попытаться выбрать для примера ряд наиболее существенных общих вопросов.

Самый общий вопрос можно формулировать так: что брать у иностранцев — написание или произношение, т. е. говорить ли *Схакэспэарэ* (Shakespeare), *Мэйллэт* (Meillet), *Схав* (Show), *Эйнстэйн* (Einstein), *Либкнехт* (Liebknecht) или *Шекспир*, *Мэйе*, *Шоу*, *Айнштайн*, *Липкнехт*? Жизнь уже давно и, как мне кажется, бесповоротно решила вопрос в пользу произношения, правда, как видно из примеров, не без некоторых небольших реверансов в сторону написания. Это последнее и придется обсуждать: нужны ли компромиссы, а если нужны, то в какой мере и где именно.

Если принято будет мое предложение об обязательном сохранении в библиографии латинского оригинала фамилий, то очевидно, что компромиссов может быть меньше, так как они все объясняются инстинктивным стремлением все же не чересчур отойти от буквенного оригинала, и вопрос должен идти, по-моему, лишь о компромиссах, упрощающих произношение с русской точки зрения. Например, можно спорить о том, следует ли говорить и писать *стрит* или *стрийт* в названиях английских улиц и т. п.

Другой общий вопрос, который тоже решается довольно легко, но который надо обязательно осознать, — это вопрос о том, какое произношение надо заимствовать — произношение языка оригинала или произношение языка посредника. Ясно, что в принципе надо обращаться всегда к произношению первоисточника и не читать, например, голландские фамилии на немецкий или английский лад. Таким образом, надо говорить и писать *Версхюр* (Verschur), а не *Фершур*, *Звардемакер* (Zvardemaker), а не *Цвардемакер*. Впрочем, иногда, может быть, все же и придется поступиться этим принципом, например, при получивших широкое распространение слова какого-либо очень малоизвестного языка; но это придется решать особо в каждом отдельном случае.

Третий общий вопрос, который тоже решается сам собой, сводится к тому, обозначать ли как-нибудь свойства произношения, не имеющие се-

бе аналогии в русском языке. Очевидно, что этого не нужно делать и что, например, долгота гласных, играющая такую важную роль в немецком языке, останется в большинстве случаев неучтенной в русской передаче. То же, конечно, относится и к финскому языку, двойные гласные которого должны передаваться простыми в русском, тем более, что в русском языке двойной гласный произносится двусложно и, не передавая таким образом финской особенности, вносит нечто совершенно искажающее финское слово: так, конечно, надо писать и говорить *иварит*, а не *иваарит*.

Наконец, четвертый общий вопрос, какие элементы иностранного произношения должны быть передаваемы в русском, в принципе решается также просто: только те, которые имеют фонематическое значение. Поэтому такие тонкости, как произношение интервокального *b* в испанском или твердость конечносложного английского *l* (см. ниже) и т. п., могут не приниматься в расчет.

Из более частных вопросов остановлюсь на вопросе об употреблении *e* и *э*, на вопросе о передаче иностранного *l*, на вопросе о передаче иностранных *ö*, *ï*, на вопросе о передаче звука *йот*, на вопросе о двойных согласных и на вопросе о передаче иностранного *h*.

Относительно употребления *e* и *э* прежде всего надо рассеять легенду, будто русскому языку не свойственно сочетание твердого согласного с гласным *e* (э). Прежде всего слоги *ше*, *же*, *це* в словах *шесть*, *жест*, *цел* и т. п. несомненно тверды и в сущности должны бы писаться *шэ*, *жэ*, *цэ*. Раз так и раз в русском языке существуют твердые *т*, *д*, *с* и т. д., то возможны и *тэ*, *дэ*, *сэ* и т. д. Но они не только возможны, но и существуют в литературном произношении: *от этого*, *под этим*, *с этим* и т. д. Следовательно, мы имеем все данные в русском языке, чтобы не произносить *Доде*, т. е. «*doð'e*», *Мюссе*, т. е. «*m'us'e*», а говорить *Додэ*, *Мюссэ*. То обстоятельство, что до сих пор в таких случаях не писалось *э*, объясняется преимущественным бытованием подобных слов в языке образованной верхушки общества, которая, владея иностранными языками, выучивалась этим словам не из русской книги и скорее предпочитала видеть в них *e*, одинаковое с латинским *e*, а не *э*. Теперь, когда новый общественный слой в массе не обладает пока этими ресурсами, по-моему, прямо преступно не пользоваться всеми возможными в русской графике средствами для указания правильного произношения. Поэтому, безусловно, необходимо писать в иностранных словах *тэ*, *дэ*, *нэ*, *сэ*, *зэ*, *рэ*. Можно спорить, как лучше говорить и писать: *кэ*, *гэ*, *хэ* или *ке*, *ге*, *хе*, ибо в большинстве иностранных языков заднеязычные согласные произносятся довольно мягко в соответственных сочетаниях, и *кэ*, *гэ*, например, для французского языка звучат очень плохо и во всяком случае хуже *ке*, *ге*. Можно также спорить о том, как лучше говорить и писать: *пэ*, *бэ*, *мэ*, *фэ*, *вэ* или *пе*, *бе*, *ме*, *фе*, *ве*, так как, с одной стороны, в большинстве иностранных языков губные в этих сочетаниях произносятся не абсолютно твердо, а с другой

стороны, в русском литературном произношении они произносятся далеко не так мягко, как *те, де, се, зе* и т. д. (в губных сочетаниях с *e* отсутствуют или почти что отсутствуют переходные палатальные элементы, что особенно справедливо для неударенных слогов).

Безусловно, надо воздерживаться от написания *лэ*, которое довольно распространено в иностранных словах, особенно заимствованных из английского (э этих слов объясняется часто стремлением символически передать английское *a* = «æ»). Звука *л* твердого («л») нет в громадном большинстве иностранных языков и совершенно нелепо заменять им русское *л* мягкое (*ль* = «л»), довольно близкое к среднему европейскому *l*. В связи с этим и вообще, конечно, нецелесообразно заменять иностранное *l* русским *л* твердым и в других случаях, т. е. писать *Зола, Ларусс, Макс Кол* и т. п. вместо *Золя, Лярусс, Макс Коль* и т. п. Многие из традиционных написаний в этой области объясняются так же, как и написания *те, де, не* и т. п. (см. выше). Особенно здесь действовал зрительный момент: было неприятно видеть вместо ожидаемого *a, y, o* — какие-то «варварские» *я, ю, ё*,³ особенно в начальной части слова. Поэтому и писали *Ларусс, Лотце, Локк, Лувр* и т. п., но *Золя, Коль, Мильтон, Уэльс* и т. п.

Единственный случай, когда русское *л* твердое довольно близко подходит к иностранному произношению, — это в английских словах при конечносложном *l*. Так, *Милтон, Вилсон, Уэлз*, может быть, ближе к соответственным английским словам, чем традиционные русские написания. Однако более твердый оттенок английского конечносложного *l* не играет никакой семантической роли в английском языке (не является самостоятельной «фонемой»), а потому нам смешно гоняться за какими-то нюансами, несущественными для самих англичан, и создавать различие там, где его нет в языке оригинала, и поскольку начальносложное английское *l* несомненно должно передаваться через *л* мягкое, т. е. надо говорить и писать *Ляскер*, постольку надо говорить и писать *Мильтон*.

Перехожу к вопросу о передаче немецких *ö* и *ü* и им аналогичных звуков. Первый из них с успехом и лучше всего заменяется русским *э* в начале слов и после *т, д, н, с, з, р* и через *е* — во всех прочих случаях (см. выше). В самом деле, существующая тенденция передавать *ö* через русское *ё* основана, конечно, на зрительной аналогии двух точек. Никак нельзя утверждать, что произношение *Гёте* — «göt'e» лучше, чем *Гетэ* =

---

³ Буква *ё*, столь мало популярная у наших типографов, должна обязательно фигурировать в иностранных словах, ибо если можно позволить себе роскошь писать *ребра, плел* и т. п. вместо *рёбра, плёл* и т. п., то никак нельзя писать *Лекк* вместо *Лёкк, Ллейд* вместо *Ллёйд*, ибо никто правильно не прочтет этих слов, если их не будет знать раньше. Нам, привыкшим писать и говорить *Локк, Ллойд*, написания *Лёкк, Ллёйд* кажутся абсолютно дикими; но я и не особенно настаиваю на переименовании «русского» *Локка* в *Лёкка*, хотя и утверждаю, что этот последний гораздо ближе к своему английскому прототипу, чем традиционный *Локк*.

«g'ete». Первое является просто чудищем, тогда как второе в конце концов может быть сочтено за немецкий диалектизм.

Гораздо хуже обстоит дело с передачей *й*. После согласных в конце концов возможно сохранить традиционное *ю*; но в начале слов и после гласных *ю* дает лишний звук *йота* и таким образом искажает уже состав звукового слова. Поэтому я рискнул бы предложить говорить и писать вместо него *и*. К этому ведут и немецкие диалекты и живое произносительное заимствование: *Ибервег* является вполне утвердившейся передачей известной фамилии *Überweg*, и я безусловно предпочел бы *Иманитэ* вместо начинающего утверждаться *Юманите* (я не говорю о возможности его передавать через *Юманитэ* или *Хюманитэ*, за которые, впрочем, вовсе не стою, однако только если будет введен обязательный латинский дублет).

Перехожу к вопросу о передаче звука *йот*. Хотя я и считаю, что вполне можно по-русски писать *Ёрдан* (но конечно не *Ердан*), *Есперсээн*, но думаю, что ничто в русской графике не противоречит написаниям *Йордан* (ср. *Нью-Йорк*), *Йесперсээн*. Они подчеркивают все же русскому человеку наличие в начале особого согласного элемента (а на начале слова в русском языке все же лежит какой-то семантический акцент). В соответствии с этим я не считал бы невозможным писать *Йум* вместо *Юм*, *Йакобсээн* вместо *Якобсээн*, хотя это в общем и не очень существенно. Внутри слова традиционные способы *ья, ёю, вё, ве, би* после согласных (а в случае надобности и *ъя, ёю, вё, ве, йи*), после гласных просто *я, ю, ё, е, йи* кажутся мне вполне удовлетворительными. Не касаюсь здесь вопроса о колебаниях между «*j*» и «*i*», т. е. между *ь* и *и*: его надо было бы разобрать применительно к отдельным языкам, причем едва ли возможно тут установить полное единообразие. Нельзя также не считаться здесь и с некоторой орфоэпической традицией: мы говорим *Юлиан*, но *Касьян*, *кианти*, но *пьянино*.

Перехожу к трудному вопросу о двойных согласных. Прежде всего надо решительно восстать против мнения, будто русскому языку они не свойственны: в отличие от большинства (если не всех) славянских языков русский развил категорию двойных согласных (ср., например, слова *поддеть*, *ссаживать*, *ранний*, *непреклонный* и т. д.). Мало того, различие простого и двойного (долгого) *н* использовано в русском языке для выражения смысловых нюансов: *мороженое мясо* (прилагательное) и *замороженное мясо* (причастие). Не может быть поэтому сомнения в том, что категория двойных согласных совершенно живая категория в русском языке, а то обстоятельство, что в слогах, удаленных от ударенного, долгие согласные склонны к сокращению, не является показательным, ибо вообще эти слоги в русском слове представляют собою *locus minoris resistentiae* со всех точек зрения (ср. доходящую почти что до нуля редукцию неударенного гласного, например, в слове *копоть* или некоторую редукцию в в слове *наволока* и т. д.).

Раз так, то мы смело можем и должны употреблять двойные согласные везде, где это нужно. Безусловно, это было бы нужно в словах, взятых из итальянского, как, например, *Бенно*, *Липпи* и т. д.; безусловно, не нужно — в словах, взятых из французского, где категория старых двойных согласных совершенно отмерла (двойное *s* между гласными является там лишь знаком для звука «*s*» в отличие от звука «*z*», обозначаемого в этом положении одним *s*; в других случаях двойные согласные обозначают открытое произношение *e = è*, а в большинстве случаев они имеют лишь этимологическое значение). Поэтому надо говорить и писать *Колет* (*Colette*), *Вили* (*Willy*), *Коле* (*Collé*) (как и *алея*, *алюр*, *адрес* и т. д.). Труднее обстоит дело с немецким, где двойные согласные на письме являются символами краткого гласного и закрытого слога. Хотя в русской графике они и не имеют соответственных функций, однако все же *Кассэль*, *Брюссэль* ближе к немецким *Kassel*, *Brüssel*, чем *Касэль*, *Брюсэль*. Дело в том, что русские долгие согласные, будучи более сильными и во всяком случае более отчетливыми, чем краткие, имеют с этой точки зрения нечто общее с немецкими сильноначальными согласными, произносящимися в закрытых слогах (т. е. там, где и пишутся по-немецки двойные согласные). Поэтому немецкие двойные согласные должны безусловно сохраняться в русском.

В английском, где согласные и в закрытых слогах не являются такими сильноначальными, как в немецком, двойные согласные не играют особой роли и имеют лишь этимологическое значение. Поэтому в словах, взятых из английского, нет смысла сохранять в русском двойные согласные, следует писать и говорить *Бель* (*Bell*), *Бенит* (*Bennett*), *Бесимер* (*Bessemer*) и т. п.

Затруднительным часто является определение источника заимствования того или другого русского слова: в самом деле, откуда наше слово *класс* — из французского или из немецкого? Однако это трудно определить лишь для старых слов. Новые слова, а особенно собственные имена, обыкновенно не оставляют места для сомнений.

В заключение несколько слов о передаче иностранного *h*. Не подлежит сомнению, что его лучше всего передавать через русское *х*, как это и начинает уже прививаться. Против может быть лишь одно соображение: в украинском и белорусском они передаются еще лучше через *г*, которое, как известно, имеет в этих языках значение звонкого *h*, и там нет оснований переходить к новому способу передачи: стоит ли поэтому нам ломать нашу традицию (которая к нам и пришла с юга) и создавать графический разнотып с соседними языками, имеющими одинаковый с нами алфавит, чтобы приблизиться к ним акустически. *Хамбург* на слух было бы несомненно ближе к украинскому *Гамбург* (так же как и к немецкому *Hamburg*), чем обычное русское *Гамбург* в литературном произношении, но зато стояло бы совсем на другом месте алфавита.

Л. В. Щерба

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ ЛАТИНСКИМИ БУКВАМИ РУССКИХ ФАМИЛИЙ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Развитие мировой торговли и прочих экономических отношений, а также связанный с этим рост культуры вызывают деятельный международный обмен культурными ценностями разного рода. Многие вещи и их названия, множество научных и технических понятий и выражающих их терминов стали более или менее международными: рис, автомобиль, самовар; физика, энергия, философия и т. п. дают об этом процессе вполне ясное представление. Однако все эти вещи и слова, будучи международными, вошли и в различные национальные системы вещей и слов и стали там претерпевать самостоятельные изменения: так, *рис* по-французски будет *ris* (с немым *s*), по-немецки — *Reis*, по-итальянски — *riso* и т. д.

Даже в собственных именах это часто дает себя чувствовать: франц. *Paris* (с немым *s*), нем. *Paris* (с произносимым *s*), итал. *Parigi*, русск. *Париж*; нем. *Wien*, франц. *Vienne*, чеш. *Viden*, русск. *Вена* и т. п.; русск. *Иван*, нем. *Johann*, франц. *Jean*, англ. *John*, польск. *Jan* и т. п. Зачастую переводы терминов затушевывают их единство: *dativus* — дательный, *accusativus* — винительный и т. п. Националистские тенденции даже сознательно иногда выкорчевывают всякие следы единства понятий: русск. *телефон*, франц. *téléphone*, но нем. *Fernsprecher*; русск. *билет*, франц. *billet*, но нем. *Fahrkarte* и т. п.

Тот или другой национальный разноречив в единых в сущности по происхождению терминах не представляет, однако, пока особого бедствия; он неудобен только в науке и технике, где и сказываемся несколько

Печатается по изданию: Щерба Л. В. Транслитерация латинскими буквами русских фамилий и географических названий // Щерба Л. В. Избр. работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. С. 171–181. Впервые опубликовано в журнале: Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1940. [Т. 1.] № 3. С. 118–126.

меньше. Зато он совершенно нетерпим в фамилиях и в географических названиях, где он решительно мешает международному общению.

Народы, пользующиеся для своей письменности латиницей, выходят из этого затруднения очень просто: они в фамилиях и географических названиях сохраняют во всех языках правописание оригинала, совершенно не заботясь о том, как он будет произноситься на том или ином языке. Идентификация на глаз, а не на слух в громадном большинстве случаев удовлетворяет практически потребностям, являясь недостаточной лишь при телефонных сношениях и при радиопередачах.

Народы, пользующиеся не латинским алфавитом, поставлены в таких случаях в крайне затруднительное положение: как в самом деле писать фамилию *Шубин* в международном масштабе — *Schubin* (по-немецки), или *Choubine* (по-французски), или *Shoobin* (по-английски), или *Šubin* (по-чешски), или *Szubin* (по-польски), или *Sciubin* (по-итальянски)? Совершенно очевидно, что нельзя пользоваться разными орфографиями в зависимости от народа, с которым общаешься: иначе при переезде из страны в страну рискуешь не получить денег по аккредитиву, не получить в срок нужного письма и т. д. Приходится выбирать ту или иную орфографию и ее всегда строго придерживаться. Так и поступает на практике большинство русских, имеющих заграничные сношения. Но какую орфографию выбрать? Очевидно, что здесь всякий выбор будет демонстрацией некоторых политических симпатий. В конце концов это довольно безразлично для отдельных лиц, но перестает быть таковым при коллективных выступлениях — в торговом деле, в мореплавании, при почтово-телеграфных сношениях, в иностранной картографии, в международной библиографии. Таким образом, вырастает целая проблема передачи русских фамилий и русских географических названий латинским алфавитом, проблема, имеющая не только чисто технический аспект, но и общекультурный, как увидим ниже, и даже отчасти политический.

Прежде всего встает вопрос, что передавать, звук ли русских слов или их написание? Поскольку русское произношение нельзя считать абсолютно единым (говорят и *ичука* и *шьююка*, говорят и *несу* и *нису*, говорят и *памитник* и *паметник*, говорят и *возилса* и *возилса* и т. д.), постольку, конечно, приходится держаться орфографии, а не произношения. К тому же даже при современной технике написанное имеет несомненно более документальный характер, чем сказанное, и пока что, несмотря на всю важность возможности записывания речи на пленках или дисках, старинная поговорка *verba volant, scripta manent* сохраняет свою силу. Поэтому-то вопрос ставится не о транскрипции (записи звуков) фамилий и географических названий, а об их транслитерации, как теперь говорится в языковедении, т. е. о передаче букв соответственных слов.

Вопрос этот уже давно был поставлен жизнью перед русской культурой,¹ но решался по-разному: Академией наук в 1906 г. — в духе славянского единства, Географическим обществом в 1911 г. — в англофильском духе и с давних пор почтово-телеграфным ведомством — в духе французского языка как традиционного международного языка. К этим трем транслитерациям прибавились в новейшее время еще две — Внешторга и Всесоюзного комитета стандартизации (ОСТ 8483, 16 X 1935 г.), обе, в основном, в плане транслитерации Географического общества, т. е. в англофильском духе.

Академия наук, подтвердившая в 1925 г. свою систему транслитерации 1906 г. (с адаптацией ее к новой орфографии), оказалась таким образом теперь лицом к лицу перед пятью разными системами передачи латинскими буквами русских фамилий и географических названий (см. прилагаемую сравнительную таблицу существующих в настоящее время русских транслитераций) и поэтому решила заново пересмотреть весь вопрос, тем более, что на этом настаивали и некоторые отдельные лица (как, например, заслуженный деятель науки и техники инж. Л. С. Бобровский и мн. др.), предлагая разнообразные его решения.

**Сравнительная таблица существовавших
до последнего времени русских транслитераций**

Русский алфавит	Академическая 1906–1925 гг.	Географического о-ва 1911 г.	Наркомата связи	Внешторга	ОСТ 8483 ВКС 1935 г.
а	а	а	а	а	а
б	б	б	б	б	б
в	в	в	в	в	в
г	g	g	g	g	g
д	d	d	d	d	d

¹ Пользуюсь данным контекстом, чтобы подчеркнуть все те случаи, когда единство транслитерации становится делом исключительной важности: 1) при идентификации личности (на суде, в банке, в торговле, на почте и т. п.); 2) при идентификации судов дальнего плавания; 3) на географических картах и в разного рода международных списках населенных местностей, а по связи с этим в международных почтово-телеграфных сношениях; 4) в международных библиографиях, где при отсутствии единства транслитерации часто совершенно невозможно найти того или иного автора. Наша Академия вынуждена была в свое время заняться вопросами транслитерации именно в плане работ по международной библиографии

Русский алфавит	Академическая 1906–1925 гг.	Географического о-ва 1911 г.	Наркомага связи	Внешторга	ОСТ ВКС 8483 1935 г.
е	е је (после ь и ъ)	е	е	е	е је (после гласных и в начале слова)
ж	ž	zh	j	zh	zh
з	z	z	z	z	z
и	и ji (после ь)	и	и	и	и
й	j	j	j	j	j
к	k	k	k	k	k
л	l	l	l	l	l
м	m	m	m	m	m
н	n	n	n	n	n
о	o	o	o	o	o
п	p	p	p	p	p
р	r	r	r	r	r
с	s	s	s	s	s
т	t	t	t	t	t
у	u	u	ou	u	u
ф	f	f	f	f	f
х	ch	ch	kh	kh	kh
ц	c	ts	ts, tz	z	c (ts)
ч	č	tsh	tch	ch	ch
ш	š	sh	ch	sh	sh
щ	šč	stsh	stch	sch	sch
ъ	пропускается	,	—	пропускается	j

Русский алфавит	Академическая 1906–1925 гг.	Географического о-ва 1911 г.	Наркомата связи	Внешторга	ОСТ ВКС 8483 1935 г.
ы	у	у	у	у	у
ь	ĭ пропускается (перед е, и, ю, я, ё)	j j' (перед е, и, ю, я)	пропускается i (только в середине слова)	j	j может пропускается (в конце слова и между двумя согласными)
э	е	é	е	е	е
ю	ju iu (после согласных)	ju	iou	ju	ju
я	ja ia (после согласных)	ja	ia	ja	ja
ё	jo io (после согласных)	—	—	—	jo

Не желая находиться в плену у тех или иных тенденций или чисто деляческих соображений, тем более, что все они имеют более или менее преходящий характер, Академия наук постаралась встать на принципиальные позиции. При более внимательном рассмотрении всего вопроса в целом оказалось прежде всего, что сквозь национальные модусы латинского алфавита можно увидеть намечающиеся контуры интернационального латинского алфавита (само собой разумеется, что дело идет не о форме букв, а об их основных функциях). Хотя несомненно, как это было указано выше, что при транслитерации произношение играет второстепенную роль и что буквы в ней приобретают несколько иероглифический характер, однако они не становятся до конца иероглифами, и нежелательно придавать им функции, противоречащие тем, которые они имеют в международном сознании. Конечно, неважно, что мы говорим *Дон Жуан*, *Жорж Занд*, хотя на самом деле они *Дон Хуан*, *Жорж Санд* и т. д.; однако едва ли правильно заниматься систематическим извращением произношения фамилий и географических названий в европейском масштабе, придавая латинским буквам те или иные произвольные значения: нельзя транслитерировать *Хватова* через *Xvatov*, так как для

всего света это будет *Ксватов*, и нельзя *Шатова* транслитерировать через *Shatov*, так как для людей, родной язык которых не английский, это будет *Схатов*.

Из всего этого вытекает, что вопрос о транслитерации русских фамилий и географических названий перерастает в вопрос о строительстве интернационального латинского алфавита для международных сношений, и наша Академия не может подойти к подобному вопросу с узко практической точки зрения.

Рассмотрим, что в латинском алфавите уже несомненно интернационально по функции. Сюда относятся следующие буквы: *ä, b, d, e, é, è, ê* (все три последние буквы более или менее как синонимы), *f, h, k, l, m, n, ò, p, q* (как синоним *k*), *r, t, ù, x* (в смысле *ks*).

Далее, буквы *a, e, i, o, u, v*, хотя в национальных алфавитах и употребляются в разных смыслах, однако несомненно имеют рядом и общепризнанное интернациональное значение (то, которое они имеют хотя бы в итальянском). Сюда же, пожалуй, относится и буква *g* в смысле русского *г*, хотя в некоторых языках она имеет разные функции перед гласными *e, i, y*. Буква *w* имеет две функции в национальных алфавитах — русского в и неслогового у (например, в английском); последнюю, конечно, надо считать интернациональной, поскольку в смысле русского в безусловно фигурирует буква *v*.

Хуже всего обстоит дело с буквами *c, j, y, s, z*. Если буквам *s* и *z* и может быть с большей или меньшей уверенностью приписано в качестве интернационального значение русских *с* и *з*, то для букв *c, j, y* это значение совершенно нельзя установить, а потому кажется, что можно поддерживать любое. Однако мы должны осознать, что всякое наше решение в этой области имеет какое-то значение в деле создания интернационального латинского алфавита в подлинном смысле этого слова (т. е. не как единой графической системы, а как единой функциональной системы знаков). Не может быть сомнения в том, что это вопрос первостепенной важности как для настоящего, так особенно для будущего, и недопустимо, чтобы такие вопросы и в наше время решались стихийно.

Академия наук поддерживала до сих пор употребление букв *c, j, y* в смысле русских *ц, й, ы*. Я думаю, что с международной точки зрения это безусловно справедливо по отношению к букве *j*. Эта буква в одних национальных алфавитах обозначает русское *ж* (во французском), в других аффрикату *дж* (в итальянском и в английском), в третьих — русское *х* (в испанском). Вся эта пестрота так убивает друг друга, что более первоначальное значение *j*, которое вытекает из позднего латинского и которое сохраняется в целом ряде языков (славянских, германских и мн. др.), естественно становится интернациональным.

Иначе обстоит с буквой *c*, которая собственно в латинском обозначала *k* и которая обозначает его и до сих пор во многих языках в тех случаях, когда она не стоит перед гласными *e*, *i*, *y*. В связи с этим на первый взгляд было бы естественно оставить за буквой *c* это ее основное значение (параллельно букве *g*). Однако, с одной стороны, это была бы уже третья буква для звука *k* (ср. *k* и *q*), а с другой — буква *c* имеет очень разные значения в национальных алфавитах перед гласными *e*, *i*, *y*. Все это ослабляет ее интернациональное значение как знака для звука *k* и лишает ее вообще какого-либо ясного интернационального значения.

Точно так же неясно интернациональное значение и для буквы *y*: в некоторых национальных алфавитах она обозначает просто русское *u*, но чаще обозначает *yot*, т.е. русское *й*, конкурируя таким образом с буквой *j*. В очень многих языках она обозначает то же, что немецкое *ii* (в немецком, в скандинавских, в суоми). Так как для *yota* наиболее интернациональной буквой следует признать, как об этом говорилось выше, *j* и так как, с другой стороны, буква *ii* несомненно является интернациональной, то *y* пока приходится считать лишней буквой.

Пересмотрев таким образом весь латинский алфавит с точки зрения степени интернациональности тех или иных функций отдельных его букв, перейдем теперь к подысканию наиболее подходящих знаков для тех русских букв, для которых в латинице нет очевидных эквивалентов. В области согласных это будут *ц*, *ч*, *ш*, *ж*, *щ* и *х*. Оставляя в стороне пока букву *х*, относительно буквы *щ* сразу скажем, что она теоретически (если не всегда в произношении, ср. выше, стр. 171) отвечает комбинации звуков *ш* + *ч*, а потому не требует особого латинского эквивалента. Далее, обратим внимание на то, что звуки, обозначаемые буквами *ч*, *ш*, *ж*, являются «шипящими» видоизменениями «свистящих» *ц*, *с*, *з* и могут быть обозначены каким-либо дополнительным значком при буквах для этих последних. Готовая система подобных знаков имеется в чешском, где *ц* обозначается через *c*, а *ч* — через *č*, *ш* — через *š* (при *c* = *s*), а *ж* — через *ž* (при *z* = *z*). Хотя несомненно, что аффриката *ц* могла бы быть обозначена через *ts*, а аффриката *ч* — через *t* + тот или другой знак для *ш*, однако готовая система знаков для аффрикат, с одной стороны, и для шипящих — с другой, в высшей степени удачно восполняет явный пробел латинского алфавита в этом отношении (особенно это важно по отношению к шипящим).

Знаки *c*, *č*, *š*, *ž* в указанных функциях свойственны следующим национальным алфавитам: хорватскому, словинскому, чешскому, словацкому, обоим лужицким, литовскому и латышскому. На современных английских и американских картах они уже употребляются в географических названиях соответственных стран, и если они не получили

окончательного международного признания, то только потому, что их международная применимость крайне ограничена. Как только мы систематически будем применять их при транслитерировании наших фамилий и географических названий (на наших вывозных изделиях, в международных библиографиях, в почтовых сношениях и т. п.), они должны будут немедленно появиться в широком масштабе на географических картах и завоюют себе право гражданства в интернациональном латинском алфавите, ибо удобно восполняют его пробел. Таким образом, это практическое решение в области транслитерации русских фамилий и географических названий окажется и крупным шагом в деле создания интернационального латинского алфавита. Соображения типографского характера против букв с надстрочными знаками опровергаются реальным опытом целого ряда стран, где эти знаки употребляются (ср. также буквы *i, ä, ö, ï, è, é, ê* и т. п.). Соображения же о затрудненности письма этих букв, требующего отрыва руки, отстраняются прежде всего тем, что машинка рано или поздно почти окончательно вытеснит рукопись, а также и тем, что на практике и многие другие буквы не пишутся одним почерком (вообще все эти технические вопросы представляются всегда так или иначе разрешимыми на практике, причем никоим образом не следует забывать, что техника должна служить обществу, а не общество технике: узкое делечество и отсутствие более широких перспектив испортили «новый латинский алфавит», который мог бы быть очень интересным предприятием международного значения, и мы не должны повторять его ошибок).

Предлагаемые Географическим обществом, Комитетом стандартизации, Внешторгом и некоторыми отдельными лицами английские диграфы *ch, sh, zh* в качестве знаков для шипящих совершенно не понятны в международном масштабе, т. е. без предварительного условия, что пишется по-английски, *ch* просто многозначно (во французском = русскому *ш*, в немецком и западнославянских языках = *х*, в итальянском = *к* и т. д.); *sh* вне специально английского ключа, а тем более *zh* должны в международном масштабе читаться как русские *сх, зх*, как об этом говорилось выше. Принятие этих диграфов Академией наук было бы явным шагом назад в деле строительства интернационального латинского алфавита.

Кроме того, надо ясно себе представить, что отказ Академии от своей традиционной системы изображения шипящих явился бы отказом от национальной линии, что едва ли было бы целесообразно на данном этапе.

Перехожу теперь к транслитерации русской буквы *х*. Некоторые предлагают оставить русский знак, т. е., говоря в аспекте латинского алфавита, предлагают передавать ее через латинскую букву *х*. Это, ко-

нечно, совершенно невозможно, так как эта последняя буква имеет несомненное интернациональное значение звуков *k + c*, как об этом было сказано выше.

Традиционная передача буквы *x* через *ch*, по примеру немецкого и западнославянских языков, так же плоха и по тем же причинам, что и передача буквы *ч* через английское *ch*. Несомненно довольно удачна англо-французская манера изображения русского звука *x* через *kh*: этот диграф, читаемый буквально, т. е. как два звука, напоминает акустическое впечатление от нашего *x*. Однако всякий диграф для одной буквы и одного соответственного звука противоречит основным принципам транслитерации, и поэтому следует искать другого способа транслитерации для *x*. Такой способ находим в латинском *h*, которое давно применяется в этих целях в хорватском и словинском алфавитах. На слух соответственные звуки очень близки, а поскольку звук *h* в русском отсутствует, постольку никаких недоразумений не может быть. Единственным возражением является тот факт, что украинское и белорусское *г* естественно транскрибируется через *h*. Однако, так как дело идет о транслитерации, а не о транскрипции, то буква *г* в украинском и белорусском, как тождественная с соответственной русской буквой, правильнее всего должна транслитерироваться через *g*, согласно ее первоначальному значению, что нисколько не мешает в транскрипциях передавать ее иначе.

Вопрос о передаче твердости и мягкости согласных будет трактоваться ниже, в связи с передачей букв *ѣ* и *ь* как отделительных знаков, а сейчас перейдем к гласным. Насколько вопрос прост по отношению к буквам *a, o, y, э* и по отношению к букве *и* не после *ь*, настолько он не ясен по отношению к букве *ы*. В основе транслитерации этой буквы через латинское *u* лежит лишь польский, чешско-словацкий и лужицкий узус (причем надо иметь в виду, что в настоящее время этого звука собственно нет ни в чешском, ни в словацком). Было бы правильнее думать о сохранении русской буквы *ы*, но она состоит из двух знаков, а потому неприемлема. Если бы «новый латинский алфавит» принял в свое время *ѣ*, а не *ь* в смысле русского *ы*, то этот знак при поддержке русского и болгарского имел бы шансы понемногу стать интернациональным. Поэтому пока приходится поддерживать традиционное славянское *u* в смысле русского *ы*, имея в виду, что буква *u* не имеет в сущности никакого установившегося международного значения, как это было показано выше. В защиту этой транслитерации можно было бы привести то обстоятельство, что скандинавское значение буквы *u* — звук *й* — на слух для иностранцев сближается с русским звуком *ы*. Однако само собой разумеется, что этот аргумент порочен ввиду малой интернациональности скандинавского значения *u* и мог бы в конце концов скорее говорить о необходимости транслитерировать *ы* через *й*, на чем тоже едва ли

можно настаивать ввиду интернационально известной специфичности русского звука.

Что касается передачи букв *ѣ, ь, е, ю, я* и отчасти *и*, то надо признать академическую транслитерацию во всем безусловно правильной и последовательной (см. таблицу), кроме передачи русской буквы *е*: ее тоже следовало бы передавать через *ie* после согласных и через *je* в остальных случаях (при желании этот принцип можно было бы распространить и на букву *ѣ* — *io* и *jo*).

Однако нельзя не принять в расчет того обстоятельства, что знак *ı* абсолютно отсутствует и в международной и в какой-либо национальной традиции, а потому в практике всегда будет заменяться через *i*, что будет вызывать некоторые смещения, например *liju* (*Лию* и *люю*), *kuriju* (римскую *курую* и *курую* ножку) и т. п. Поэтому проще всего было бы принять как единый способ транслитерации для *ю* — *ju*, для *я* — *ja*, для *е* — *je* (при желании для *ѣ* — *jo*).

Создавая единство транслитерации букв *ѣ, ю, я* (о транслитерации букв *е* и *и* предстоит говорить особо), необходимо подумать о букве *ѣ* с ее отделительной функцией (об отделительной функции буквы *ь* будет сказано ниже), которую действующая академическая транслитерация могла игнорировать. Эту функцию можно передать в латинице только апострофом, который, символизируя пропуск буквы, косвенно намекает и на раздельность произношения. Таким образом, предлагаемое новшество состоит в том, чтобы сочетания, например, *бѣя/бѣя*, которые до сих пор транслитерировались соответственно через *bja/bja*, теперь передавать через *b'ja/b'ja* (то же относится и к сочетаниям с другими согласными, а также к сочетаниям с буквами *ѣ, ю*). С точки зрения принципов транслитерации это точнее, так как ни одна буква не пропускается, а одинаковые буквы передаются во всех случаях одинаково. С точки зрения произношения и то и другое одинаково плохо, так как никакая латиница не в состоянии общепонятно выразить русские сочетания *бѣ, бѣ, бю; дя, дѣ, дю* и т. д.

Что касается передачи *ь*, выражающего в русском мягкость согласных, через *ı*, что, как выше было сказано, является весьма остроумным и гармонирующим в традиционной академической транслитерации с передачей *я, ю* после согласных через *ıa, ıu*, то отсутствие международного знака *ı* тоже поведет на практике к разного рода смещениям (*solı* будет означать и *соль* и *соли*). Поэтому более целесообразным является передавать *ь* через *j*, как это предлагают Географическое общество и Комитет стандартизации и как это делают хорватский и словинский алфавиты, изображающие мягкие (палатальные) *л* и *н* через *lj* и *nj*.

Об отделительной функции *ь* можно бы специально и не думать: написания вроде *солю́* — *soljju*, *копья́* — *korjja* четко отличались бы от *солу́* — *solji*, *копья́* — *korja*. Однако надо признать, что написания с двумя

йотами имеют маловразумительный, с интернациональной точки зрения, вид, а потому едва ли не лучше, пренебрегши в этих случаях смягчающей функцией *ь*, транслитерировать через апостроф только его отделительную функцию, т. е. писать *солю* — *sol'ju*, *копя* — *kor'ja*. Таким образом, перед йотом, т. е. перед русскими буквами *е, ё, ю, я*, в транслитерации соотрется различие твердости и мягкости согласных, т. е. слогов *дъя* и *дья*, *дью* и *дью* и т. п., что, однако, едва ли поведет к каким-либо смещениям; недаром при реформе русской орфографии в 1917 г. собирались даже совсем уничтожить букву *ъ* и ввести букву *ь* во всех этих случаях, т. е. писать *обьявить*, *адьютант*, *подъезд* и т. д.

Наконец, обращаемся к транслитерации буквы *е* в разных положениях и буквы *и* после *ь*.

Идя по пути всяческого упрощения и желания зрительного сближения с иностранными начертаниями, а также с укоренившейся практикой иностранных транскрипций русских собственных имен (*Ленин* — *Lenin*, а не *Ljenin*), можно решиться пренебречь на практике различием между *е* и *э* после согласных, которое все более и более утрачивается даже в русской орфографии, и передавать согласно академической традиции обе буквы через латинское *e* в этих случаях.

Передавать, однако, согласно академической традиции через *e* обе русские буквы в начале слов и после гласных является все же неправильным, так как это вызывает смещения вроде *ель* и *эль*, *ехать* и *эхать*, *поэт* и *поет* и т. д. Едва ли также правильно *Егорова* делать *Эгоровым*, *Енисей* (по-французски *Jenisséi*) — *Энисеем*, *Ейск* (по-французски *léisk* или *Yéisk*) — *Эйском*, *Елец* (по-французски *léletz* и *Életz*) — *Эльцом* и т. д.

После *ъ* и *ь* букву *е* и букву *и* после *ь* в согласии с академической традицией следует транслитерировать соответственно через *je* и *ji*, причем отделительные *ъ* и *ь* могли бы оставаться без передачи, так как написания *козье* — *kozje*, *подъезд* — *podjezd*, *Аркадьин* — *Arkadjin* не вызывали бы никаких недоразумений. Однако, чтобы не усложнять правил, лучше и в этих случаях писать *koz'je*, *pod'jezd*, *Arkad'jin*, т. е. всегда передавать отделительные *ъ* и *ь* (иначе говоря, *ъ* и *ь* перед буквами *е, ё, и, ю, я*) через апостроф.

Таким образом, единственная неточность предлагаемых здесь правил транслитерации (она была свойственна и старым академическим правилам) состоит в неразличении твердости и мягкости согласных: а) перед гласным звуком *е* (т. е. в неразличении букв *е* и *э* после согласных) и б) перед согласным звуком *ј* (т. е. в неразличении букв *ъ* и *ь* перед буквами *е, ё, и, ю, я*). Эта неточность, однако, не может быть признана недостатком, так как отвечает тенденциям русской орфографии, как об этом было сказано выше.

На основании всего вышеизложенного Отделение литературы и языка АН СССР на заседании 27 X 1939 г. подтвердило в основном

транслитерацию, принятую Академией наук в 1906 г. и 1925 г., со следующими, однако, изменениями:

Русская буква	Транслитерация 1925 г.	Транслитерация 1939 г.
е	$\left\{ \begin{array}{l} е \\ је \text{ (после ь, ъ)} \end{array} \right.$	е (после согласных)
		је (в начале слов, после согласных и после ь, ъ)
ё	$\left\{ \begin{array}{l} јо \\ јо \text{ (после согласных)} \end{array} \right.$	јо
х	ch	h
ъ	пропускается	' (апостроф)
ь	$\left\{ \begin{array}{l} і \\ пропускается \text{ (перед е, ё, и, ю, я)} \end{array} \right.$	ј
		' (апостроф перед е, ё, и, ю, я)
ю	$\left\{ \begin{array}{l} ју \\ ју \text{ (после согласных)} \end{array} \right.$	ју
я	$\left\{ \begin{array}{l} ја \text{ (после согласных)} \\ ја \text{ (после согласных)} \end{array} \right.$	ја

а — a

б — b

в — v

г — g

д — d

е $\left\{ \begin{array}{l} е \text{ (после согласных)} \\ је \text{ (в остальных случаях)} \end{array} \right.$

ё $\left\{ \begin{array}{l} о \text{ (после ж, ч, ш, щ)} \\ јо \text{ (в остальных случаях)} \end{array} \right.$

ж — ž

з — z

и $\left\{ \begin{array}{l} јі \text{ (после ь)} \\ і \text{ (в остальных случаях)} \end{array} \right.$

й — j

к — k

л — l

м — m

н — n

о — o

п — p

р — r

с — s

т — t
у — u
ф — f
х — h
ц — c
ч — č
ш — š
щ — šč

ъ — ' (апостроф)
ы — y
ь — { ' (апостроф перед е, ё, и, ю, я)
          j (в остальных случаях)
э — e
ю — ju
я — ja

В результате правила академической транслитерации русских фамилий и географических названий приобрели следующий окончательный вид:

Примечание 1.² Фамилии и названия, в основе которых лежат иностранные написания, сохраняют их и при транслитерации: *Гамбург* транслитерируется как *Hamburg*, *Шмидт* как *Schmidt* и т. д.

Примечание 2. В библиографии транслитерации фамилий, которых издавна придерживаются сами авторы, могут быть даваемы в скобках.

Уже после того как вышеизложенные правила транслитерации были приняты в Москве, был получен проект транслитерации кириллицы, составленный в Международной ассоциации по стандартизации (ISA). Этот проект, как оказалось, во всем существенном совпадает с вышеизложенными правилами: *ж — ž, й — j, х — h, ц — c, ч — č, ш — š, щ — šč, ы — y, ь —* или *j* или апостроф, *э — é* или *e, ю — ju, я — ja*. Только *e* всегда транслитерируется через *e*, а русское отделительное *ъ*, по-видимому, не предусмотрено.

---

² Внесено Президиумом Академии наук СССР.

А. [М.] Сухотин

О ПЕРЕДАЧЕ ИНОСТРАННЫХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

1. Основные принципы

При установлении системы передачи иностранных географических названий в Большом советском атласе мира определяющим моментом является факт отличия русского алфавита от алфавитов, построенных на латинский основе. Это препятствует нам следовать принципу, которого в большей или меньшей степени придерживаются большие иностранные атласы и который наиболее последовательно проведен в «интернациональном» атласе итальянского Туринг-клуба, — именно давать оригинальное национальное название каждого географического объекта в его подлинном написании (в отношении латинизируемых языков) или в транслитерации латинскими буквами (в отношении некоторых других языков). В атласе, составленном на русском языке, все названия могут быть только русскими, подчиненными обычной норме чтения русского текста. Все их грамматическое оформление должно быть русским, и все входящие в них элементы характера имен нарицательных должны быть словами русского языка. А это значит, что всякий раз когда будет сочтено нужным транскрибировать иноязычное грамматическое оформление или иноязычное имя нарицательное, тем самым — грамматическое оформление в русской передаче войдет в основу слова, а имя нарицательное станет восприниматься по-русски как имя собственное. Таким образом все иностранные географические названия и их элементы должны передаваться по-русски частью путем перевода (лексическая передача

Печатается по первой публикации: Сухотин А. [М.] О передаче иностранных географических названий // Вопросы географии и картографии. Сб. 1. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. С. 136–146.

ча), частью путем замены иноязычных грамматических форм русскими грамматическими формами (морфологическая передача), частью путем транскрипции (фонетическая передача). Передача следовательно должна быть не только графической, но и лингвистической.

При решении вопроса, какой передаче в каждом конкретном случае следует отдавать предпочтение — лексической, морфологической или фонетической, — руководящим должно быть стремление дать русское название, наиболее соответствующее названию данного географического объекта в других языках, иначе говоря, наиболее интернациональное. Этим принципом интернациональности должна в основном определяться мера «перевода» и «транскрипции» в русских географических названиях.

В подавляющем большинстве случаев «интернациональным» будет как раз «национальное» название на языке того народа, на территории которого расположен данный географический объект, в том виде, как оно звучит на этом языке. Но есть немало случаев, когда интернациональным является не звучание, а смысл. Если бы мы вздумали писать «Кейп-ов-Гуд-Хоп» на том основании, что это название звучит так на языке, господствующем в данном географическом объекте, или даже «мыс Гуд-Хоп», то мы тем самым отступили бы от принципа придерживаться интернационального названия, ибо английскому Cape of Good Hope соответствует французское Cap de Bonne Espérance, немецкое Kap der guten Hoffnung и т. д., иначе говоря, налицо название интернациональное «по смыслу», а не «по звучанию». Таким образом, сохраняя название «мыс Доброй Надежды», мы не просто уступаем русской географической традиции, а следуем определенному принципу — принципу передачи интернациональных названий, иначе говоря, международной традиции. С другой стороны, название города в Гренландии Godthaab нелепо было бы передавать «Добрая Надежда» именно потому, что в данном случае «перевод» не оправдан интернациональной практикой: интернациональным здесь является звучание.

Международная практика показывает, что метод перевода применяется более в отношении физико-географических объектов, нежели в отношении политико-географических, и более — в отношении сравнительно крупных, нежели сравнительно мелких. Таким образом можно формулировать правило, что названия населенных пунктов все подлежат транскрипции.

Есть много непоследовательностей в международной передаче географических названий, но благоразумнее следовать ей, нежели стремиться устранить эти непоследовательности. Озеро, именуемое по-английски Lake Superior, называется по-французски Lac Supérieur, по-немецки — Oberer See, а потому должно по-русски называться «Верхнее озеро». Итальянское же Lago Maggiore следует транскрибировать, потому что на дру-

гие языки оно не переводится (французское *Las Majeur* оправдано своей фонетико-этимологической близостью с итальянским названием). Сюда же относятся такие примеры, как «Гран-Сассо» (буквально — большая скала), «Монблан» (буквально — белая гора), «Рио-Гранде-до-Сул» (буквально — большая южная река), «Сиах-Кух» (буквально — черные горы), «Чанбо-Шань» (буквально — длинные белые горы).

В случае отсутствия установившейся международной традиции (или колебаний в ней), предпочтительнее транскрибировать национальное название, в особенности, если данный географический объект находится в сфере одного определенного языка. Поэтому — «Шварцвальд» (хотя по-французски — *Forêt Noire*, по-английски *Black Forest*).

Наряду с географическими названиями, полностью переводимыми с одного языка на другой, а следовательно подлежащими переводу и на русский язык, имеются и такие названия, в которых обычно переводится и подлечит переводу только один из элементов — например «Новая Зеландия», «Северная Ирландия», «Нижняя Австрия», «Голубой Нил». Решает здесь опять интернациональная практика.

С другой стороны, безусловно требуют исправления принятые у нас географические названия, если они, не являясь ни правильным переводом, ни транскрипцией оригинала, явно его искажают, как например *Golfe du Lion* — «Лионский залив» (надо «Львиный залив»).

2. С какого языка?

Как уже было сказано выше, в подавляющем большинстве случаев интернациональным названием географического объекта является его национальное название. В особенности это относится к населенным пунктам и к горам, рекам, озерам и пр., находящимся в пределах одной национальной территории. Но ввиду наличия многих территорий со смешанным населением возникают затруднения при решении вопроса, какое из ряда национальных названий брать за основу для передачи по-русски.

Как правило, основным надо считать название на государственном языке в его принятом в данном государстве литературном произношении. В государствах с двумя или несколькими государственными языками (Швейцария, Бельгия, Канада, Южная Африка) за основу принимается название на языке, господствующем в данной местности.

Наряду с названием, принимаемым за основное, желательно давать в атласе параллельные названия (выделяя их скобками или иным образом) на других языках, имеющих распространение в данной местности. При этом надо иметь в виду два крайних случая: 1) название на другом языке является лишь незначительным видоизменением названия, принимаемого за основное; в таком случае его не следует давать (поэтому при «Торунь» не нужно «Торн»); 2) один и тот же географический объект

имеет особое название на каждом языке; в таком случае его следует давать (например «Братислава» — «Пожонь» — «Пресбург»).

Параллельные названия на языках, не имеющих распространения в данной местности (например немецкое «Аграм» при хорватском «Загреб»), едва ли следует помещать на карте; их нужно рассматривать, если они имели широкое распространение, наряду с названиями отменными (типа «Христиания»), но вести учет им нужно, поскольку возможно, что признано будет желательным поместить их в указателе с соответствующими отсылками.

В некоторых случаях придется давать параллельные названия, исходя из соображений исторических и международного распространения, так например в Греции названия древнегреческие, иногда значительно отличающиеся по произношению от новогреческих, и левантинские («Эвбея» — «Эввия» — «Негропонт»).

Названия географических объектов, захватывающих территорию нескольких национальностей (государств), как-то рек, подчиняются вышеизложенным правилам, т. е. параллельное название дается при основном лишь в том случае, если оно значительно от него отличается, например «Лаба» при «Эльба». Но «Эч» при «Адидже» давать на карте не следует, поскольку все течение этой реки находится ныне на итальянской территории.

3. Грамматическое оформление

Географические названия, в состав которых входит имя нарицательное (родовое понятие для данного географического объекта), могут в русской передаче либо полностью транскрибироваться, либо полностью переводиться, либо переводиться только в отношении того своего элемента, который является именем нарицательным.

В отношении названий, полностью транскрибируемых, вопроса о грамматическом оформлении не возникает. Такие названия будут по-русски целиком восприниматься как имена собственные, и это несмотря на то, что в оригинальном названии один из его элементов является именем нарицательным. С грамматической точки зрения такая полная транскрипция может допускаться только: 1) если оригинальное название оформлено как неизменяемая основа плюс имя нарицательное (Barnstaple Bay — «Барнстепл-Бей»), 2) если оригинальное название оформлено как имя нарицательное плюс прилагательное, не являющееся производным от имени собственного (Lago Maggiore — «Лаго Маджоре»).

Вопрос о грамматическом оформлении встает лишь в отношении случаев полного или частичного перевода. Сочетания с именем нарицательным могут в русской передаче выступать только в следующих трех видах:

1) Имя нарицательное в переводе плюс транскрипция основной части названия (по-русски именительный падеж). Это оформление служит для передачи следующих иноязычных грамматических форм: а) имя нарицательное плюс неизменяемая основа (Lac Léman — «озеро Леман»), б) имя нарицательное плюс прилагательное, не являющееся производным от имени собственного, или наоборот (jeziro Czarne — «озеро Чарне»), в) имя нарицательное плюс предлог плюс неизменяемая основа, если эта последняя не является названием другого, обозначенного в атласе, географического объекта, изменяемого по-русски по падежам, или именем исторического деятеля, и не подлежит переводу; иноязычный предлог при этом вовсе опускается (Lago di Como — «озеро Комо»).

2) Имя нарицательное в переводе плюс родительный падеж. Это оформление служит для передачи географических названий «в честь» исторических деятелей (в том числе «святых») и праздников, а также тех названий, основным в которых является подлежащее переводу имя нарицательное, независимо от того, какова их оригинальная грамматическая форма (Prince Edward Island — «остров принца Эдуарда», Feste Franz Joseph — «крепость Франца-Иосифа», River St. Lawrence — «река св. Лаврентия», Gulf of St. Lawrence — «залив св. Лаврентия», Isla de Pascua, Easter Island — «остров Пасхи», Cape of Good Hope — «мыс Доброй Надежды»).

3) Оформленное по-русски прилагательное плюс имя нарицательное в переводе. Это оформление служит для передачи: а) всех подлежащих полному переводу географических названий, основным в которых является прилагательное, не являющееся производным от имени собственного (Lake Superior — «Верхнее озеро»), б) тех географических названий, которые в оригинале оформлены как имя нарицательное плюс прилагательное, являющееся производным от имени собственного, или наоборот (Korinthiakos Kolpos — «Коринфский залив»), в) названий, которые в оригинале оформлены как имя нарицательное плюс родительный падеж от существительного, являющегося названием другого, обозначенного в атласе, географического объекта, или наоборот (Kolpos Volou — «Волосский залив»), г) названий, которые в оригинале оформлены как имя нарицательное плюс предлог плюс неизменяемая основа, являющаяся названием другого, обозначенного в атласе, географического объекта, по-русски изменяемым по падежам (Lac de Genève — «Женевское озеро»), д) не подлежащих полной транскрипции названий, оформленных в оригинале как неизменяемая основа плюс имя нарицательное (Boden See — «Боденское озеро»), е) в исключение из правила, сформулированного в п. 2, для передачи тех названий «в честь» исторических деятелей, которые укоренились по-русски в форме притяжательного прилагательного на «ов» («Магелланов пролив»).

При передаче названий с языков, имеющих с русским языком прозрачные морфологические соответствия (в особенности славянские

языки, а также греческий, румынский и др.), надлежит отражать такие категории как число, в меньшей степени — род. Поэтому польское *Kielce* — «Кельцы», румынское *Ploesti* — «Плоешты», греческое *Saloniki* — «Салоника». Последний пример характерен в том отношении, что принятая у нас точная транскрипция «Салоники» переводит это название по-русски во множественное число, что является большим искажением оригинала, чем изменение «и» на «а» (в английском языке нет столь прозрачных морфологических соответствий с греческим, как в русском, и все же англичане пишут *Salonica*). В отношении языков, не имеющих с русским столь прозрачных морфологических соответствий, как вышеупомянутые, отражать множественное число желательно в названиях горных цепей (*die Alpen, les Alpes* — «Альпы», *les Cevennes* — «Севенны»), отражать же род нет особой надобности. Но в тех случаях, когда такое отражение рода укоренилось в русской традиции (например в названиях рек «Эльба», «Сена» и др.), его следует сохранить, в особенности если оно служит единственным по-русски способом различения одинаково звучащих оригинальных названий (*la Loire* — «Луара», *le Loir* — «Луар»).

При передаче названий с языков, в которых форма именительно-го падежа не совпадает с основой, следует, если это освящено русской и международной традицией, исходить из основы, а не из формы именительного падежа, например в отношении греческих названий (в особенности в многосложных словах). Но, например, в литовских названиях не следует отбрасывать окончания, поскольку здесь нет такой традиции.

4. Традиционные названия

В число «традиционных» в широком смысле входят все укоренившиеся в русской научной и иной литературе географические названия. Сюда прежде всего относится значительное количество переводных и частично переводных названий, являющихся таковыми и в других языках, а потому подлежащих сохранению. Далее, имеется ряд названий не переводного типа, но в основном традиционных не только для русского, но и для других языков. Это раньше всего названия стран, имеющие международное хождение, но не совпадающие с теми названиями, которые эти страны носят на своем государственном языке. Таковы «Греция», «Албания», «Египет», «Финляндия», «Германия». Сюда же относятся и те названия, которые этимологически родственны названиям на государственном языке, но усвоены по-русски в их новолатинской форме, как-то: «Англия», «Испания», «Франция», «Австрия», «Бавария», «Силезия». Все эти названия безусловно должны быть сохранены. Кстати отметим, что окончание «ия», являющееся в русском языке продуктивным суффиксом для образования названий стран, ни в коем случае нельзя считать искажающим подлинное название.

Иную группу, весьма немногочисленную, составляют те названия, которые не могут претендовать ни на какую широкую интернациональность, но настолько вошли в русский язык, что не может быть и речи об их изменении. В большинстве они — устные видоизменения, иногда многовековой давности, подлинных названий. Всего их едва ли более дюжины. Таковы «Рим», «Париж», «Венгрия», «Китай».

Особо следует рассматривать те названия, которые приняты у нас в более или менее правильно транскрибированной форме, но не с того языка, который в данном случае должен был бы быть положен в основу. В некоторых случаях дело объясняется тем, что название было взято с языка, который был прежде государственным на данной территории, но ныне перестал быть таковым («Аграм» вместо «Загреб», «Брюнн» вместо «Брно»). Другие случаи не имеют и этого оправдания, как например «Дюнкирхен» и «Дувр». Ничем нельзя оправдать немецкое название города, никогда не принадлежавшего немцам, находящегося во Франции на границе французской и фламандской языковых зон, или французское название города, находящегося в Англии в сплошной английской языковой зоне. Если мы теперь уже предпочитаем названия «Загреб» и «Брно», то зачем нам продолжать держаться таких ничем не оправданных названий, как «Дюнкирхен» и «Дувр» и им подобные? Названия этой группы, в особенности если они относятся к сравнительно незначительным географическим объектам, должны быть выправлены.

Из всей массы «традиционных» названий, расходящихся с теми названиями, которые отвечали бы ныне принятым правилам, наибольшие затруднения вызывают те, которые получились из-за неправильной (вернее сказать, теперь признаваемой неправильной) транскрипции. Название английского города Hull принято у нас в форме «Гулль». Эта форма взята с английского языка и транскрибирована вполне последовательно, но не так, как теперь транскрибируем мы: все три звука этого английского слова переданы не теми знаками русского алфавита, которые мы считали бы нужными в данном случае применить. Единственный довод за сохранение прежнего названия — это «традиция». Но раз мы не считаемся с традицией, когда пишем «Таллин», «Каунас», «Брно», «Братислава», «Анкара», «Измир», то почему она должна нас стеснять в отношении названия английского города, встречающегося не чаще в русском тексте (скажем, в газете), чем только что поименованные? Никаких принципиальных соображений за сохранение подобных традиционных названий (вернее, традиционных транскрипций) привести нельзя. Соображения могут быть только практического порядка. Конечно нельзя ограничиться исправлением традиционных транскрипций только в атласе; нужно в обязательном порядке провести его, и не дожидаясь выхода атласа, в учебниках, издательствах и в особенности в газетах. В самом атласе наряду с общим указателем должен быть дан

особый список отвергнутых традиционных транскрипций с указанием новых.

Одним из аргументов против сохранения традиционных транскрипций может служить и то, что сплошь и рядом имеется омонимичность названий, в особенности городов. Если сохранить традиционную транскрипцию «Ньюкестль» в отношении весьма известного города в Англии (только потому, что он известен), то как быть со множеством других Newcastle и в Ирландии, и в Америке, и в Австралии? За их названиями в русской литературе никакой традиции нет, и следует их транскрибировать «Ньюкасл», но в таком случае получится по-русски две формы передачи одного и того же слова.

Безусловно заслуживают исправления явные ошибки, проникшие у нас в некоторые названия, например «Лос-Анжелос», где «о» последнего слога ничем оправдано быть не может.

Настаивать на полной замене всех признаваемых ныне неправильными традиционных транскрипций конечно ее приходится. Нужно стремиться только к тому, чтобы их количество по возможности сократить. Критерий здесь должен быть тройкий: 1) степень известности данного географического объекта (Гамбург конечно известнее, чем Гульль); 2) возможность защищать укоренившееся название, исходя не только из соображений традиционности (так например, «Мец» вместо «Мес», «Пенджаб» вместо «Панджаб»); 3) степень традиционной незыблемости данного названия. Нельзя например считать безусловно традиционным «Геджас» только потому, что так теперь обычно пишут в газетах, тогда как в ряде русских изданий, и совершенно недавнего времени, можно встретить более правильное «Хиджаз». При этом, если русская традиция дает два варианта, это не мешает транскриптору предпочесть третий, если только он отвечает принятым ныне правилам. Так например, город в Индии, пишущийся по-английски Lucknow, передается у нас то «Лукнов», то «Люкнау»; следовательно здесь нет незыблемой традиции, и можно отвергнуть обе эти неправильные передачи и предпочесть более правильное «Лакнау».

5. Использование русского алфавита и орфографические правила

Все географические названия, не подлежащие переводу и не сохраняемые в их традиционном написании, транскрибируются знаками русского алфавита без каких-либо добавочных букв или диакритических значков. Никаким русским буквам или их сочетаниям не должна приписываться функция, отличная от той, которую они выполняют при фиксации русской речи, но использовать их можно и в таких сочетаниях, которые не встречаются в русских словах.

Особым знаком русского алфавита считается буква «ё», и трема на ней должна стоять на всех картах и в указателе. Не допускается только использование ее в начале слова и в середине слова после гласных. Ударения нигде не проставляются.

Буквы «е», «ё», «ю», «я», имеющие у нас две функции — одну после согласных, другую в начале слова и после гласных, после «ь» (и «ъ») — используются: «е», «ю» и «я» — в обеих функциях, «ё» — только в первой функции.

Таким образом сочетание звуков «йот» плюс «а» передается в начале слова и после гласных через «я», после согласных — через «ья»; сочетание звуков «йот» плюс «у» передается в начале слова и после гласных через «ю», после согласных — через «ью»; сочетание звуков «йот» плюс «э» передается в начале слова и после гласных через «е», после согласных — через «ье»; сочетание звуков «йот» плюс «о» передается в начале слова и после гласных через «йо», после согласных через «ьо». Сочетание звуков «йот» плюс «и» передается в начале слова и после гласных через «йи», после согласных через «ьи».

В укоренившихся названиях, в которых начальное сочетание звуков «йот» плюс «э» транскрибировано по-русски через «ие», если их сочетание будет нужным сохранить, над первой буквой должен ставиться знак краткости (поэтому Яена — «Йена», а не «Иена»).

Буква «э» допускается только в начале слова и в середине слова после гласных. В последнем случае она является обязательной (иначе говоря, сочетания букв «ае», «ое» и т. д. возможны лишь при звукоочетании «а» плюс «йот» плюс «э», «о» плюс «йот» плюс «э» и т. д.).

Употребление буквы «ъ» следует правилам русской орфографии, согласно которым она пишется только после русских приставок и после латинских приставок ад-, кон-, об-, суб- и др. Следовательно в передаче географических названий она едва ли понадобится.

В отступление от правил написания русских слов, после «ж» и «ш» допускаются буквы «ю» и «я»; после буквы «ц» допускаются буквы «ю», «я» и «ь», после «г», «к» и «х» допускаются буквы «ё», «ю», «я», «ы» и «ь».

В конце слова не допускается «иа» (если на конечном «а» нет ударения), а только «ия».

Удвоение той же согласной допускается во всех позициях в слове, кроме начальной, как для выражения долготы звука, так и при встрече двух разных звуков, передаваемых по-русски одной и той же буквой, а также и в тех случаях, когда признается желательным передать оригинальное написание, хотя бы оно фонетически и не было значимым. Допускаются также такие сочетания, как «дт», «тц» и подобные.

Ограничения в этом отношении проводятся в специальных инструкциях.

Удвоение той же гласной для выражения долготы звука не допускается.

Если транскрибируемое название состоит из двух или нескольких слов, то все они в русской передаче должны соединяться между собою дефисом, и все иностранные знаменательные слова должны писаться с прописной буквы (таким образом со строчной буквы могут писаться только служебные слова — артикли, предлоги, союзы, а из знаменательных те, которые вошли в русский язык, например «фьорд»). Пример: «Рио-Гранде-до-Суль». В названиях, начинающихся с артикля, артикль в русской передаче должен писаться с прописной буквы и, как явствует из предыдущего, сопровождается дефисом («Ла-Рошель»). Иноязычный предлог может допускаться только внутри иноязычного словосочетания, выделяясь в русской передаче с обеих сторон дефисами («Па-де-Кале»), а в начальной позиции не допускается (таким образом озеро «Комо», а не «ди-Комо»).

6. Принципы транскрипции

Передачу иноязычных слов нормальными средствами своего алфавита мы называем практической транскрипцией. Отличием транскрипции от транслитерации является то, что она служит для передачи звучаний, а не написаний. Но утверждать, как некоторые, что в основу практической транскрипции кладется принцип фонетический, неверно. Если бы мы действительно исходили из фонетического принципа, мы должны были бы все аналогичные звуки в различных языках передавать одинаково. А между тем мы транскрибируем английские (а также греческие, исландские) межзубные согласные через «т» и «д», а испанский межзубный глухой через «с». Внутри одного и того же языка мы так называемое «среднее» *l* передаем в зависимости от позиции то нашим твердым, то нашим мягким «л». Не произносимое как согласный звук английское орфографическое *r* мы транскрибируем нашей буквой «р», и т. д. И для всего этого есть весьма разумные основания, но только не чисто фонетического порядка.

В основу практической транскрипции должен быть положен принцип отражения средствами нормального русского алфавита не изолированных звуков, а фонетических систем конкретных языков, с учетом принятой в каждом языке графики, а также междуязыковых соответствий.

При составлении транскрипционной схемы для звуков какого-либо языка надо не только подыскивать наиболее близкие им русские звуковые соответствия, но и стремиться возможно экономнее использовать средства русского алфавита. Нужно систему звуковых противопоставлений транскрибируемого языка по возможности отразить системой звуковых противопоставлений русского языка и русскими буквами. В фо-

нетической системе китайского языка (и некоторых других языков) ряду полувзвонких согласных противопоставлен ряд придыхательных согласных. Полувзвонкие звучат настолько отлично от европейских звонких, что французы и англичане транскрибируют их своими глухими. Но русские синологи поступили правильнее, использовав для передачи полувзвонких русские звонкие («б», «д» и т. д.) и освободив тем самым русские глухие («п», «т» и т. д.) для передачи китайских придыхательных. Фонетические противопоставления китайского языка оказались отраженными нормальными средствами русского алфавита.

Другой пример (касающийся не ряда звуков, а одного звука): в литовском языке есть звуки «о» и «ў», и они соответственно должны передаваться в русской транскрипции, но в латышском языке есть только дифтонг «ў», изображаемый буквой о, звук «о» ему в латышских словах не противопоставлен, и поэтому для передачи его средствами русского алфавита достаточно одной буквы «о». Таким образом аналогичный звук в двух родственных языках должен передаваться по-русски различно.

Нужно стремиться к тому, чтобы на одну русскую букву по возможности не возлагалась обязанность выражать слишком много звуков транскрибируемого языка. Если три английские гласные, гласные слов *man*, *but*, *last*, из коих ни одна не совпадает ни с одной из русских гласных, передавать, исходя из соображения только близости (весьма относительной) звучания, русской буквой «а», то (принимая в особенности во внимание, что первые два звука в английском языке чрезвычайно часто встречаются) в русской передаче английских слов получится значительное количество омонимов — явление явно нежелательное. Если же для одного из этих английских звуков подыскать в русской фонетике и графике какой-нибудь другой эквивалент, то количество омонимов в русской передаче значительно сократится.

Решение одного какого-нибудь транскрипционного вопроса весьма часто влечет за собою решение другого транскрипционного вопроса (именно потому, что дело идет о передаче не отдельных звуков, а системы звуков). Противопоставление французских звуков *ou* — *u*, *o* — *eu* (немецких *u* — *ü*, *o* — *ö*) мы выражаем (после согласных) русскими буквами «у» — «ю», «о» — «ё». Но тем самым решается, что французское и немецкое *l* мы передаем нашим твердым «л» перед «о» и «у», а следовательно и перед «а».

Задача практической транскрипции — отразить звучание, а не написание. Но в отношении ряда языков, именно тех языков, фонетическая система которых не слишком отличается от русской и в которых применяется последовательная система орфографии (немецкий, итальянский), русская транскрипция может служить средством установить, в большинстве случаев совершенно безошибочно, оригинальное написание, что представляется чрезвычайно ценным с практической точки зрения.

Даже и в отношении языков с более далекой от нашей фонетической системой и со сложной орфографией надо стремиться к тому, чтобы транскрибированное название вызывало в представлении потребителя, хоть сколько-нибудь знакомого с данным иностранным языком и его системой письма, по возможности наименьшее количество возможных вариантов оригинального написания. Этим и аргументируется желательность отражения в русской транскрипции тех особенностей написания, которые, не препятствуя правильному чтению, помогают воспроизвести оригинал, как-то двойных согласных, тех «немых» букв, которые все равно и по-русски произноситься не будут, например «д» перед «т» и т. п. Из этого же следует, что если в каком-нибудь языке действуют не отражаемые на письме фонетические законы, аналогичные не отражаемым на письме русским фонетическим законам (например оглушение звонких в конце слова или перед глухими), то нужно в транскрипции воспроизводить букву, а не звук.

В. Ф. Иванова

УПОТРЕБЛЕНИЕ БУКВ Е (Ё) И О ПОСЛЕ ШИПЯЩИХ ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ УДАРНОГО [О]

Вопрос о правописании *e/o* после шипящих труден и теоретически и практически¹.

Одна из теоретических трудностей этого вопроса заключается в определении того, какому орфографическому принципу отвечают принятые сейчас написания. В зависимости от ответа на этот вопрос решается в известной степени и судьба этих написаний: если они отвечают морфологическому принципу, то их целесообразно сохранить (ибо они в этом случае отвечают системе русского правописания), если — нет, то с большей легкостью можно их заменить (а вопрос об их изменении ставился неоднократно).

Несмотря на то что в рассматриваемых написаниях речь идет об обозначении звуков сильных позиций, эти написания можно считать отвечающими общей идее морфологического принципа. Поскольку целью такого способа обозначения фонем, которое отвечает морфологическому принципу орфографии, является графическое единообразие морфем, написания типа *желтеть* — *желть* — *желтый*, *чернеть* — *чернь* — *черный* (ср. *темнеть* — *темь* — *темный*), *бережет*, *течет* (ср. *несет*), *напряженный*, *смягченный* (ср. *угнетенный*) в большей степени отвечают общей идее морфологического принципа, чем отвечали бы написания *желтеть* — *желть* — «*жолтый*», *чернеть* — *чернь* — «*чорный*», «*бережот*», «*течот*» (хотя *несет*), «*напряжонный*», «*смягчонный*» (хотя *угнетенный*), которые неоднократно предлагались.

Глава из книги печатается по первому изданию: *Иванова В. Ф. Употребление букв е (ё) и о после шипящих для обозначения ударного [о] // Иванова В. Ф. Трудные вопросы орфографии. М.: Просвещение, 1982. С. 40–49.*

¹ О практических трудностях при обозначении ударного [о] после шипящих см. в кн.: *Алгазина Н. Н. Предупреждение орфографических ошибок учащихся V–VIII классов. М., 1965.*

Написания типа *ножом, мечом, душой, пращой*, а также написания типа *хорошо, горячо*, хотя они и противопоставлены написаниям типа *сторожем, плачем, чащей, зряче*, не нарушают морфологического принципа. Написания типа *ножом, душой, хорошо* и под. «подравнялись» на написания типа *столом, сосной, смешно*, т. е. на сильные графические модели (с о после нешипящих согласных)², и можно считать эти написания отвечающими морфологическому принципу. Написания же типа «течот, напряжонный» (если их ввести в наше правописание) не могут отвечать морфологическому принципу, поскольку для них нет образцов с о после нешипящих согласных в глагольных окончаниях и суффиксах причастий.

Итак, морфологическому принципу иногда может отвечать и обозначение фонем, находящихся в сильных позициях. Это оказалось возможным потому, что графика предоставила здесь для обозначения ударного [о] выбор букв (*е* или *о*). Буква *е* в этом случае — эквивалент буквы *ё*.

Для того чтобы хорошо представлять себе, чем же объясняются и теоретические и практические трудности в правописании *е/о* после шипящих, необходимо знать и особенность отражаемого написанием *е/о* чередования гласных фонем, и отношение написания *е/о* после шипящих к орфографическим принципам русского правописания, и фактический материал в большом объеме. Освещение всех особенностей и трудностей в написании *е/о* после шипящих поможет учителю в работе по предупреждению ошибок и, что еще важнее, даст в руки учителя материал для объяснения общих закономерностей русского правописания.

Обратимся сначала к отражаемому написанием *е/о* чередованию и покажем его специфику.

В современном русском литературном языке представлены чередования ударного [э] с безударным [и] и с безударным [ы].

Чередование [э] || [и] происходит тогда, когда эти гласные следуют после мягких согласных, а чередование [э] || [ы] — в тех случаях, когда они следуют после твердых:

- [э] || [и] — *петь* — *певец* ([п'э]ть — [п'и]в'ец)³
 — *темь* — *темнеть* ([т'э]мь — [т'и]мн'еть)
 — *чернь* — *чернеть* ([ч'э]рнь — [ч'и]рн'еть)
- [э] || [ы] — *патетика* — *патетический* (па[тэ]тика — па[ты]ти'ческий)
 — *желть*⁴ — *желтеть* ([жэ]лть — [жы]лт'еть).

² Подробно этот процесс подравнивания описан в кн.: Иванова В. Ф. Современный русский язык: Графика и орфография. М., 1976. С. 153–161.

³ Здесь и ниже чередования описываются на фонемном уровне (без показа редукции).

⁴ Приведем пример употребления этого слова: [Купец] *желтью* *груш*, *толпой* *томатов*, *холмами* *дынь* *не увлечен* (Г и х о н о в).

В связи с тем что под ударением в одной и той же морфеме возможны и [э] и [о] (в связи с «переходом» [э] в [о] в древнерусский период), над каждым из показанных двух чередований как бы «надстраиваются» такие чередования:

[’о́] || [и] — *темный — темнет* ([т’о́]мный — [т’и]мне́ть)
 — *черный — чернет* (ч[о́]рный — ч[и]рне́ть)
 [о́] || [ы] — *желтый — желтет* (ж[о́]лтый — ж[ы]лте́ть).

Последние два чередования можно считать надстроенными, поскольку ударное [о] появилось на месте ударного [э]:

$\frac{\text{[’о́]}}{\text{[’э́]}} \Bigg \Bigg \text{[и]}$	$\frac{\text{[о́]}}{\text{[э́]}} \Bigg \Bigg \text{[ы]}$
$\frac{\text{ч[о́]рный}}{\text{ч[э́]рнь}} \Bigg \Bigg \text{ч[и]рне́ть}$	$\frac{\text{ж[о́]лтый}}{\text{ж[э́]лть}} \Bigg \Bigg \text{ж[ы]лте́ть}$

Показанные «трехчленные» чередования могут сокращаться, усекаются до «двухчленных» чередований:

$\frac{\text{[о́]}}{\text{([’э́])}} \Bigg \Bigg \text{[и]}$	$\frac{\text{[о́]}}{\text{([э́])}} \Bigg \Bigg \text{[ы]}$
$\frac{\text{ч[о́]рствый}}{\text{.....}} \Bigg \Bigg \text{ч[и]рстве́ть}$	$\frac{\text{ш[о́]лк}}{\text{.....}} \Bigg \Bigg \text{ш[ы]лка́}$

Сокращением рассмотренных трехчленных чередований называем исчезновение (точнее — отсутствие) алломорфа⁵ с исконным ударным [э] (на отсутствие исконного [э] показывают круглые скобки, в которые оно заключено) и отсутствие каких-либо слов, участвующих в чередовании (это показано многоточием).

Написание буквы *e* для обозначения безударных [и] и [ы] после шипящих находится в рамках морфологического принципа. Пишем *чернеть*, так как *чернь*; пишем *желтеть*, так как *желть*: фонема слабой позиции, находящаяся в отношениях позиционного чередования с фонемой сильной позиции, обозначается той же буквой, какой обозначается фонема сильной позиции. Но может быть задан вопрос: а почему безударные [и] и [ы] никогда не обозначаются в современном письме бук-

⁵ Алломорф — это один из звуковых вариантов одной и той же морфемы (ср. алломорфы [друк], [друг] в словоформах *друг, друга*).

вой ё («чёрнѣть», «жѣлтѣть»), ведь безударные [и] и [ы] находятся в отношении позиционного чередования и с ударной фонемой [о] (ч[о]рный, ж[о]лтый), которая при последовательном употреблении буквы ё всегда могла бы быть обозначена этой буквой (чѣрный, жѣлтый) (а в учебных пособиях и обозначается)?

Ответ на этот вопрос дает характер рассмотренных чередований, а именно надстроенность чередований [ó] || [и] и [ó] || [ы] над чередованиями [ʹэ] || [и] и [э] || [ы]. Фонемные чередования [ó] || [и] и [ó] || [ы] можно считать чередованиями, имеющими [э]-фонемную основу (для [о])⁶; [э]-фонемность основы есть у этого чередования не только в случае их несокращенности, трехчленности:

$$\frac{[ʹо]}{[ʹэ]} \left\| \begin{array}{l} [и], \\ [ы], \end{array} \right.$$

но и при сокращенности, двучленности:

$$\frac{[ʹо]}{([ʹэ])} \left\| [и], \right. \qquad \frac{[о]}{([э])} \left\| [ы]. \right.$$

Это очень важное обстоятельство: только [э]-фонемностью основы данных чередований можно объяснить обозначение безударных [и] и [ы] буквой е, а не ё. Даже те, кто предлагал писать *чорствый, шолк, жолудь, щоки* (с буквой о для обозначения ударного [о]), в своих проектах сохраняли написания *черствовать, шелка, желудей, щека* с буквой е для обозначения безударных [и] и [ы]. Так, пункт 3 «Предложений по усовершенствованию русской орфографии» (М., 1964) гласил: «После шипящих (ж, ч, ш, щ) и ц под ударением пишется о, без ударения — е: *жолтый, жолудь, шов, щоки, чорный, цоколь; плечом, пращой, медвежонок, ручонка, смешон, течот, окружонный, жжот, свежо, горячо, но: желтеть, желудей, щека, чернеть, плачем, рощей, плачет, выжженный, ярче*».

На каком же теоретическом основании предлагается оставить е для обозначения безударного [ы] в таких словах, как *желудей* (ж[ы]лудей)⁷ и [и] в таких словах, как *щека* (щ[и]ка)? Ведь проверочных слов, где в той же корневой морфеме безударным [и] и [ы] соответствовало бы ударное [э], обозначаемое буквой е, не было бы! В словах *черствовать, шелка, щека, желудей* (даже если бы было принято писать «чорствый», «шолк», «що-

⁶ [э]-фонемностью основы чередования [ó] || [и] называем существование исконного ударного [э́], к которому восходит позднее появившееся ударное [ó] (в результате перехода [э] в [ó]).

⁷ Напоминаем, что фонетически здесь редуцированное [ы], но редукция при показе фонемных чередований не обозначается.

ки», «жолудь») писалось бы *e* именно потому, что ударное [о] «восходит» к [э], т. е. имеет [э]-фонемную основу. Исконны чередования [э] || [и] и [э] || [ы], поэтому безударные [и] и [ы], с которыми чередуется ударное [о], и следует обозначать буквой *e*, независимо от того, пишется ли в этих корнях для обозначения ударного [о] *e/ë* или будет принято написание *o*.

Прием проверки, которым долгое время пользовались в школьной практике, сводился фактически к буквенной проверке на основе рассматриваемого чередования:

«После шипящих в ударном слоге корня вместо *o* пишется *ë(e)*, е сли (выделено нами. — В. И.) при изменении слова или образовании нового слова в этом слоге появляется *e*, например: *шёл* — *шедший*, *жёлтый* — *желтеть*, *щётка* — *щетина*, *чёлка* — *чело*.

После шипящих в ударном слоге корня пишется *o*, е сли (выделено нами. — В. И.) оно в родственных словах не заменяется *e*, например: *шов*, *шорох*, *обжора*»⁸.

Этот прием проверки построен по типу проверки безударных гласных ударными (пишу *вода* с *o*, хотя слышу [а], так как есть словоформа *воды*), но с той существенной разницей, что здесь, во-первых, проверяется обозначение ударного гласного, а во-вторых, проверка здесь часто лишь буквенная. Так, в случаях типа: *шёл* — *шедший* — проверка не буквенная, ибо буква *e* в слове *шедший* и обозначает звук [э], но в случаях типа: *жёлтый* — *желтеть*, *щётка* — *щетина* — проверка буквенная, ибо буква *e* в словах *желтеть* и *щетина* обозначает не фонему [э], а соответственно фонемы [ы] и [и].

Но все же тип проверки, используемый при написании *e/o* после шипящих, в целом отвечает морфологическому типу проверки и морфологическому принципу правописания: в центре внимания находится графическое единообразие морфемы.

Вернемся к освещению правописания *e/o* после шипящих в школьных учебниках. Напоминаем, что в первых изданиях школьного учебника С. Г. Бархударова и С. Е. Крючкова правописание *e/o* после шипящих для обозначения ударного [о] в корне слова осуществлялось на основе графической проверки: предлагалось найти однозначную морфему с написанной буквой *e*. Но в дальнейшем авторы учебника от этого правила отказались: чередование с *e* как условие написания *ë* в корне (для обозначения ударного [о]) они уже не используют. Правило формулируется так: «В корне после шипящих под ударением пишется *ë(e)*, например: *жёлудь*, *шёпот*, *чёлка*. Только в нескольких словах пишется *o*, например: *шов*, *шорох*, *обжора*, *крыжовник*, *трущоба*. При изменении слова *ë* заменяется *e*, например: *жёлудь* — *желудёвый*, *шёпот* — *шептать*, *чёлка* —

---

⁸ Бархударов С. Г., Крючков С. Е. Учебник русского языка. Ч. 1: Фонетика и морфология: Для 5–6 классов средней школы. М., 1956. С. 30, § 23.

чело. В корнях с о этой замены не происходит, например: *шов, обжора*» (13-е изд., 1966, ч. I, § 21).

В школьном учебнике под редакцией Н. М. Шанского правило о написании *e/o* после шипящих в корнях слов построено так же, как оно было сформулировано в последних изданиях учебника С. Г. Бархударова и С. Е. Крючкова. Различие лишь в некоторых деталях: «Если в корне после шипящего слышится под ударением [o], то писать надо ё. В нескольких словах-исключениях пишется буква о: *крыжовник, шорох, шов, капюшон*»⁹.

Хорошо ли построено это правило?

Представляется, что характеристика написания о для обозначения ударного [o] в русских словах как известного рода исключения неплоха (ибо таких слов, действительно, не очень много), но для заимствованных слов она вряд ли удачна, ибо слов заимствованных с о после шипящих довольно много, а главное — они частотны. Образец же заимствованных слов (а именно слово *капюшон*) в учебнике дан.

Учитель должен знать материал о корневом [o] после шипящих, включая и заимствованные слова. Материал о заимствованных словах недостаточно полно отражен даже в «Правилах русской орфографии и пунктуации» 1956 г. В «Правилах...» есть только примечание: «Иноязычные слова пишутся согласно произношению, например: *крюшон, мажор, шомпол* — *шомпола, Чосер* (фамилия), но: *жест, планшет*» (стр. 8).

Буква ё(е) для обозначения ударного [o] пишется в корнях таких русских слов, которые имеют активно употребляющиеся родственные слова или формы слов с чередующимся е¹⁰: *бечёвка* (ср. *бечева́*), *дешёвка* (ср. *дешеве́ть*), *жёны* (ср. *женский, женится, жена́*), *жёрнов* (ср. *жернова́*), *жёлоб* (ср. *желоба́*), *жёлудь* (ср. *желуде́й*), *жёрдочка* (ср. *жердь*), *жёлтый* (ср. *желть, желтизна́*), *жёсткий* (ср. *жесть* — народн.: мерзлая почва; *жестка́*), *жёлчь* (ср. *желчевиќ*), *жэг* (ср. *жечь*), *жёванный* (ср. *жевать*), *зачёркивать* (ср. *черк* — междометие, *черка́ть*), *пищённый* (ср. *пишено́*), *печёночный* (ср. *печень*), *пчёлы* (ср. *пчела, пчельник*), *причёска, расчёска* (ср. *чеса́ть, чишет*), *решётка* (ср. *решето́, решётник*), *учёба* (ср. *уче́бный*), *чёлн* (ср. *челны́*), *чёрт* (ср. *черти*), *чёрточка* (ср. *черта́, чертит*), *чёрный* (ср. *чернь, чернота*), *чёткий* (ср. *четка́*), *чёрствый* (ср. *черства́*), *чётный, недочёт, счёт, счёл* (ср. *нечет, счесть, расчесть*), *шёлк* (ср. *шелка́*), *шёrstка* (ср. *шерсть*), *шёпот* (ср. *шептание, шепта́ть, шепчет*), *шёл* (ср. *вышел, шедший, шество́вие*), *щёки* (ср. *щека́*), *щёлочь* (ср. *щелочей́*), *щёлочка* (ср. *щель*), *щётка* (ср. *щетина, щетковидный*), *щёголь* (ср.

⁹ Русский язык: учебник для 4 класса. М., 1980. С. 169.

¹⁰ Учитывается не только фонемное чередование [o] и [э] типа *шёrstка* — *шерсть*, но и буквенное типа *шёлк* — *шелка́*, так как не всегда есть родственное слово или форма слова с ударным звуком [э] в корне.

щеголи́ха), *щё́кот* (ср. *щекота́ние*, *щекота́ть*), *щё́лк*, *щё́лкать* (ср. *щелчо́к*, *щелкунчи́к*) и др.

Несомненно, трудными для учащихся являются слова, в которых для обозначения ударного [о] пишется *e(ě)*, но современные родственные связи между словами, оправдывающие написание *e(ě)*, уже нарушены. Ср., например, *чёлка* (*чело*), *чёботы* (*чеботарь*), *чечётка* в значении «та-нец» (ср. *чечет*). В названных словах написание *e(ě)* традиционно.

В школьном учебнике приведено лишь три русских слова с *o*, пишущихся «по исключению» (*крыжовник*, *шорох*, *шов*). В «Правилах...» 1956 г. указаны слова (имеются в виду и производные от них) *обжора*, *крыжовник*, *жом*, *трещотка*, *трущоба*, *чащоба*, *чокаться*, *чопорный*, *Печора*, *шов*, *шорох*, *шоры*, существительные *изжога*, *ожог*, *поджог* (глаголы пишутся с *e*: *изжег*, *ожег*, *поджег*), а также некоторые областные и просторечные слова: *зажора* (талая вода под снегом), *жох*, *ужо* (в значении «потом», «после»), *вечор* (в значении «вчера вечером»), *чох* (например, в выражении *не верит ни в сон, ни в чох*), наречие *чохом*. Наряду с такими словами, где буквой *o* обозначено ударное корневое [о] после шипящих, в «Правилах...» указаны слова, где [о] входит в суффикс (например, в словах *чащоба*, *трещотка*. Ср. *чаща*, *треск*).

В слогах неударяемых в русских словах после шипящих буква *o* не пишется; исключение — слово *жоховатый* (ср. *жох* — «пройдоха»). В «Правилах...» 1956 г. написание этого слова не оговорено, но в орфографическом словаре оно зафиксировано.

В заимствованных словах и в именах собственных ударное [о] после шипящих обозначается буквой *o*:

а) *анчоус*, *артишоки*, *амикошонство*, *боржоми*, *джоуль*, *джонка*, *джеркер*, *крюшон*, *капюшон*, *мажор*, *пижон*, *тамбурмажорский*, *харчо*, *шоры*, *шорник*, *шорты*, *шок*, *шомпол*;

б) *Джонсон*, *Жора*.

В заимствованных словах и в именах собственных *o* пишется после шипящих и в неударяемых слогах, например:

а) *жокей*, *шоссе*, *шофёр*, *шотландка*, *жонглёр*, *шовинизм*, *шоколад*;

б) *Шопен*, *Жорес*, *Шостакович*. Так же пишутся и производные: *шопениана*.

У учащихся могут возникать вопросы, почему столь по-разному пишутся *e* и *o* после шипящих в корнях русских слов и слов заимствованных.

Все объясняется произношением. Специфику фонемного чередования в корнях русских слов (и вытекающие отсюда особенности буквенного их обозначения) мы рассмотрели. Рассмотрим теперь произношение гласных после шипящих в заимствованных словах.

Орфографическое *o* после шипящих в заимствованных словах может обозначать звуки, находящиеся в разных позициях (по отношению к месту ударения):

под ударением: *шок, шоры, шорник, шомпол, шорты*;
 в первом предударном слоге: *шоссе, шофёр, шотландка*;
 во втором предударном слоге: *шовинизм, шоколад*.

Произношение заимствованных слов может быть специфично.

В заимствованных словах и в безударном положении может произноситься звук [o]. Ср. слова *поэт, поэзия*, где произносится безударное [o]¹¹, а также слова с [o] после шипящих, например: *шоссе* (хотя в слове *шоссе* допустимо и произношение оттенка фонемы [a]). Если же [o] произносятся в безударном положении в русских словах, то налицо факт диалектного, нелитературного произношения (с[o]бака, с[o]лёный и т. п.).

В заимствованных словах на месте орфографического о после шипящих (так же, как в русских и заимствованных словах на месте орфографического о не после шипящих) в безударных позициях произносятся оттенки фонемы [a]: в первом предударном слоге звук [л], а во втором — звук [ъ]. Ср. *голова* — з[ъ]л[л]ва́, *монополия* — м[ъ]н[л]но́лия; *шофер* — ш[л]фё́р; *шомпола* — ш[ъ]мп[л]ла́.

Напомним, что в русских словах после шипящих в безударных позициях произносится либо редуцированное [ы], либо редуцированное [и] (но не оттенки фонемы [a]).

Обобщим сказанное о произношении в таблице.

Ударное положение

Русские слова с гласным не после шипящих	Орфографически	Фонемно
		<i>голови</i>
Заимствованные слова с гласным после шипящих	<i>шок</i> <i>шомпол</i>	ш[ó]к ш[ó]мпол
Русские слова с гласным после шипящих	<i>желтый</i> <i>черный</i>	ж[ó]лтый ч[ó]рный

1-й предударный слог

Русские слова с гласным не после шипящих	Орфографически	Фонемно
		<i>голо́вка</i>
Заимствованные слова с гласным после шипящих	<i>шоки́ровать</i>	ш[a]ки́ровать
Русские слова с гласным после шипящих	<i>желте́ть</i> <i>черне́ть</i>	ж[ы]лте́ть ч[и]рне́ть

¹¹ Списки заимствованных слов, где в безударном положении обычно произносятся [o], см. в кн.: *Аванесов Р. И. Русское литературное произношение*, М., 1972, с. 167–168.

2-й предударный слог

Русские слова с гласным не после шипящих	Орфографически	Фонемно
	<i>голови́</i>	ɣ[a]лови́
Заемствованные слова с гласным после шипящих	<i>шомпола́</i>	ш[a]мпола́
Русские слова с гласным после шипящих	<i>желтизна́ черно́та</i>	ж[ы]лтизна́ ч[и]рно́та

Из этой сопоставительной таблицы видно, что

1) русским словам чередование ударной фонемы [o] с безударной фонемой [a] после шипящих не присуще, хотя в русских словах, где ударный гласный [ó] следует не после твердых шипящих, а после твердых нешипящих согласных, такое чередование обычно. Между тем слова заимствованные с ударным гласным [ó] после твердых шипящих подчиняются этой общей фонетике русских слов (без различия шипящий/нешипящий твердый согласный): [o] чередуется с [a];

2) написание *o* для обозначения безударного гласного после шипящих в заимствованных словах вполне приемлемо, оно находится в соответствии с общими звуко-буквенными соотношениями, сложившимися в русском письме, написание же *o* для обозначения безударных гласных после шипящих в русских словах (имеются в виду слова литературные, не диалектные) противоречит русской фонетике.

В русских словах после шипящих в безударном положении может быть представлена фонема [a] (ср. *жара*), но она может быть представлена в безударном положении только в тех случаях, когда с этой безударной фонемой [a] соотносится ударенная фонема [a] (ср. *жар*), и, кроме того, даже в первом предударном слоге фонема [a] представлена не во всех словах подобной фонетической структуры, а лишь в некоторых (ср. *жаль*, но ж[ы]леть).

Произношение после шипящих в первом предударном слоге гласного [a] — факт новой фонетики русского литературного языка. Второй предударный слог может быть даже еще не задет этим новым влиянием, здесь по-прежнему (как и на месте орфографического *e* после шипящих) может произноситься оттенок фонемы [ы] (с соответствующей редукцией). Ср.:

Слог	Орфографически	Фонемно
Ударный	<i>ша́лость</i>	ш[a]лость
1-й предударный	<i>шалун</i>	ш[a]лун
2-й предударный	<i>шалуны́</i>	ш[ы]луны́

Итак, обозначение ударного [о] в корне буквой *ё(e)* или буквой *о* объясняется законами произношения, с одной стороны, и морфологическими связями — с другой. Зная эти законы, а также фактический языковой материал, учитель всегда сможет объяснить учащимся систему принятых написаний.

Обозначение ударного [о] после шипящих не в корневых морфемах является более простым. Обобщенно можно сказать, что ударное [о] в именных суффиксах и окончаниях обозначается, как правило, буквой *о*, а в глагольных суффиксах и окончаниях — буквой *ё(e)*.

Вне этой «барьерной линии» (*о* — в именных, *ё(e)* — в глагольных суффиксах и окончаниях) стоит именной суффикс *-ер*, например: *дирижер*, *ретушер*, *стажер*. Но этот суффикс нерусский по происхождению. Ср. суффикс *-ер* не после шипящих согласных: *режиссер*, *гравер*, *боксер*, *суфлер*.

Некоторые сдвиги в этой системе и заметные трудности при письме создаются тогда, когда именная и глагольная линии перекрещиваются. Так, слово *тушенка* внешне похоже на словообразовательный тип *книжонка*, однако оно соотносительно с причастием *тушенный*.

Созвучные *ножовка* и *ночевка* соотносительны: первое слово — с именным типом (*ножовый*), и в нем пишется после шипящей *о*, а второе — с глагольным (*ночевать*), и в нем после шипящей пишется *е*. Чтобы не ошибиться, в подобных случаях необходимо обращать особое внимание учащихся на словообразовательный анализ.

Существующее сейчас распределение в написании *е* и *о* после шипящих сложилось в основном стихийно на основе подравнивания написания одной морфемы к другой: морфемы с шипящими «равнялись» на морфемы с нешипящими согласными.

Н. А. Еськова

О КОВАРНОЙ БУКВЕ Ё

По действующим правилам буква ё употребляется выборочно — в тех случаях, где отсутствие «точек над е» приводит к неправильному пониманию текста. К таким случаям относятся, например, слова **нёбо** (чтобы отличить от **небо**), **всё** (чтобы отличить от **все**). Действующие правила узаконивают последовательное употребление ё только для текстов особого назначения — предназначенных читателям, еще плохо владеющим навыками чтения, — детям, а также тем, для кого русский язык не родной.

Хорошо известно, что есть много сторонников последовательного употребления буквы ё во всех без исключения текстах. Они называют себя «ёфикаторами». К ним пять с лишним лет назад примкнула «Литературная газета». В первом номере за 2004 год было торжественно объявлено о «возвращении» буквы ё (хотя «возвращать» ее не требовалось, она никуда не исчезала).

Мне уже приходилось писать о том, что дело обстоит вовсе не так просто, как это представляется «ёфикаторам». Так, «обязательное» ё ни в коем случае нельзя распространять на тексты XVIII–XIX веков. А в первом же номере «Литературки» («вернувшем» ё) был напечатан текст Державина со словом *рѣв*, хотя в то время, как явствует из стихов, был возможен только *рев*; об этом свидетельствуют, в частности, пушкинские рифмы *рев — присмирив, напевом — ревом, гнева — рева*.

Сейчас я хочу обратить внимание на другую «опасность», подстерегающую тех, кто последовательно использует начертание ё. Оказывается, «точки над е», как своего рода лакмусовая бумажка, могут обнаружить у пишущих недостаточное владение нормами русского литературного ударения! И материал для этого дает пятилетний опыт последовательного употребления ё на страницах «Литературной газеты». Приведу ряд

Печатается с разрешения Н. А. Есковой по первой публикации: Еськова Н. А. О коварной букве ё // Русская речь. 2010. № 2. С. 43–44.

примеров (в скобках указывается год и номер газеты; при сокращении читат применяется знак .. — две точки, набранные полужирным):

«Он отпёр дверь и увидел на пороге взлохмаченного троюродного брата с истрёпанным глянцевым журналом в руках» (2004. № 30). Норма — **отпер**. «Принятые в мире расценки не дешёвы..» (2004. № 50); «А она [рабочая сила] дешёва не только из-за картельных сговоров работодателей..» (2009. № 39–40). Норма — дешёвы, дешёва́. «..Лица в слёзах счастья, объятия, поцелуи..» (2005. № 12–13). Норма — в слеза́х. «..Начисто освободившись от пут цензуры и недрёманого “государева ока”..» (2005. № 54). Норма — недрема́нного (здесь еще и орфографическая ошибка!). «..Рыбо-приёмник, куда заходят только те осётры..» (2006. № 20); «..Двухаршинные осётры..» (2007. № 31). Норма — осетры́.

Существует поговорка «всем сестра́м по серья́м»; ударение сестра́м было нормативным в XIX веке, а теперь сохраняется только в фразеологическом сочетании. Но на страницах «Литературной газеты» упорно печатается «всем сёстрам по серьям»: «Но полагаю, что в современном литпроцессе всем сёстрам роздано по серьям..» (2004. № 2); «..Выполняют восьмимартовскую роль очередной раздачи всем сёстрам по серьям» (2004. № 14); «..Вынуждена осуществляться по принципу всем сёстрам по серьям..» (2007. № 30–31); «Принцип “всем сёстрам по серьям” в известном смысле нивелирует соревновательный дух» (2008. № 22); «..Конкретный автор должен .. получить трудно представить какие деньги.. С следующим разделом “всем сёстрам по серьям”» (2008. № 24).

Вывод: употреблять последовательно начертание ё нужно осторожно! Надо сверяться с нормативными источниками, чтобы не обнаружить недостаточное владение литературной нормой.

Н. А. Еськова

О БУКВЕ Ё И ЗНАКЕ УДАРЕНИЯ

В 2006 году вышла книга: “Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник. Одобрено Орфографической комиссией РАН” (в последующие годы выходят дополнительные тиражи). В этом справочнике оставлено без изменения правило о букве ё, утвержденное в 1956 г. По этому правилу в обычных текстах (т. е. не в текстах специального назначения) эта буква употребляется выборочно.

В последние годы “ширится” движение за последовательное употребление буквы ё во всех видах русского письма. Доводы сторонников этой точки зрения могут показаться неотразимо убедительными. Но это поверхностный взгляд. На основании более углубленного подхода лингвисты — специалисты по русской орфографии приходят к выводу о необходимости сохранить действующее правило.

Анализ показывает, что последовательное употребление буквы ё практически не нужно тем, для кого русский язык родной. В то же время введение такого употребления для всех без исключения текстов породило бы трудности, определяемые фактами истории русского языка.

Давно установлено, что овладевший механизмом чтения читает не “по буквам”, а воспринимает слова целиком. Иногда “прочтение” отдельных букв определяется восприятием целых слов. Мы без всякого затруднения “читаем” *г* как [в] в окончании *-ого, -его* любой формы родительного падежа прилагательного или причастия (*доброго, хорошего, сказанного, сидящего*). Так происходит и с большинством слов, в которых есть начертание *е*: мы читаем *мед* как [м^бо]д, а *мех* как [м^бэ]х, потому что узнаём эти слова (а слов [м^бэ]д и [м^бо]х не существует).

Печатается с разрешения Н. А. Есковой по первой полной публикации: *Еськова Н. А. О букве Ё и знаке ударения // Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН: [сайт]. Дата публикации: 2012. http://www.ruslang.ru/doc/article_eskova2012.pdf (дата обращения: 08.04.2019). Впервые опубликовано (в переработанной и сокращенной редакции) в газете: Учительская газета. 2008. № 44. С. 11.*

Вот интересный пример, показывающий, что в определенном буквенном окружении буква *е* читается так, как если бы было написано *ё*.

“Вошли две девушки, одна покрупней, другая мелкая...”

— Алеша здесь? — спросила которая покрупней, переврав, конечно, фамилию. — Алеша здесь?” (Ю. Олеша. Ни дня без строчки).

Для того, чтобы показать, как пришедшая исказила его фамилию, писатель не воспользовался написанием *Олёша*, а придумал более остроумный способ: написание *Алеша* однозначно читается как *Алёша*; одновременно показана причина ошибки: смешение диковинной фамилии с привычным именем.

Буква *ё* нужна тогда, когда без нее нельзя различить два разных слова, например, *все* и *всё*, *небо* и *нёбо*, *лет* и *лёт*. Для таких случаев и нужно правило “выборочного” употребления буквы *ё*.

Предвижу возражение: зачем же “экономить”, ведь маслом каши не испортишь, не лучше ли, не мудрствуя лукаво, писать всегда все слова с буквой *ё*? Постараюсь показать, что введение строго обязательного употребления *ё* для всех текстов таит в себе опасность... для русской культуры.

В процессе исторического развития русского языка произошел так называемый “переход *е* в *о*”, после чего появился звук [о] в положении после мягких согласных вместо прежнего [э]. Но в стихотворных текстах XVIII–XX веков широко представлен звук [э] в соответствии современному [о], о чем можно судить на основании рифм. Массовый случай — формы страдательных причастий на [э]нный (“на слуху” пушкинская рифма *раскаленной* — *вселенной*). У Пушкина же не раз фигурирует *рев* (а не *рёв*, о чем свидетельствуют рифмы *рев* — *присмирев* (“Полтава”), *напевом* — *ревом* (“Послание к Галичу”), *присмирев* — *рев* — *гнев* (“Обвал”), *гнева* — *рева* (“Езерский”). В стихах разных поэтов на основании рифм устанавливаются варианты произношения *веселый*, *слезы*, *мертвый*, *полет*, *утес* и др. Распространять на тексты старых авторов последовательное употребление *ё* значит “навязывать” современные нормы русскому языку более чем двухвековой давности. Приведу два примера.

В передовых рядах “борцов” за букву *ё* оказалась “Литературная газета”. И в первом же номере за 2004 год, в котором было объявлено, что отныне газета печатается с *ё*, она продемонстрировала, в чем заключается “опасность” последовательного использования этого начертания. Дается такая цитата из Державина: “...Проходят годы, дни, **рёв** морь и бурей шум...” Из только что приведенных примеров рифм Пушкина видно, что старые авторы употребляли **рев**, а не **рёв**!

Показателен и следующий пример из книги о русском языке учебного назначения (серия “Я познаю мир” М., 1999; автор С. В. Волков), в которой (как и полагается в такой книге по современным правилам) последовательно употребляется буква *ё*. Вот как выглядит строфа из произведения Жуковского.

...И к утру видит сон Вадим:
Одеян ризой белой
Предстал чудесный муж пред ним —
Во взоре луч весёлый...

Даже рифма “не помешала” редактору употребить букву *ѣ*!

В недавно напечатанной статье доктор филологических наук А. В. Суперанская вспоминает, что академик В. В. Виноградов при обсуждении правила об обязательном написании буквы *ѣ* “очень осторожно подходил к введению этого правила, обращаясь к поэзии XIX века”. Приведены его слова: “Мы не знаем, как поэты прошлого слышали свои стихи, имели ли они в виду формы с *ѣ* или с *е*” (Наука и жизнь. 2008. № 1).

Во многих случаях мы это знаем на основании рифм, например: *совершенно—непринужденно, окровавленный—нетленный, утомленный—блаженной, возвращенный—смиранный, слезным—любезным, смущенный—отменной, усиленный—блаженный, милненным—бесценным* (все примеры из “Евгения Онегина”). Можно привести еще очень много таких примеров не только из Пушкина, но и из других авторов XVIII–XIX вв.

Если бы новым орфографическим сводом было утверждено последовательное употребление *ѣ*, несомненно, потребовалось бы отдельное правило для текстов старых авторов. Но реально ли было бы его точное соблюдение? Можно представить себе, какой масштаб приобрело бы искажение текстов авторов прошлых веков! Нет, введя “обязательное” *ѣ* как общее правило, мы не уберем наших классиков от варварской модернизации.

* * *

Полный академический справочник, следуя в основном параграфу 10 “Правил русской орфографии и пунктуации” 1956 г., посвященному букве *ѣ*, вносит важные уточнения и дополнения. В нем разграничиваются выборочное употребление буквы *ѣ* и ее последовательное употребление в текстах специального назначения. К последним относятся заголовочные слова большинства словарей, тексты для изучающих русский язык как неродной, в которых *ѣ* употребляется наряду со знаком ударения, и тексты (учебные и художественные) только с буквой *ѣ*, предназначенные для детей младших возрастов, еще не до конца овладевших навыками чтения. Пункты, относящиеся к выборочному употреблению *ѣ*, изложены в новом справочнике более детально, и особо выделены имена собственные.

Важным дополнением к правилу 1956 г. является специальное примечание, предоставляющее любому автору или редактору право печатать текст с последовательным употреблением буквы *ѣ*.

Если внимательно соблюдать уточненное правило выборочного употребления буквы *ѣ*, снимаются те трудности, которые, по мнению

“борцов” за эту букву, разрешаются только введением ее обязательного употребления для всех видов текстов.

* * *

В правилах 1956 г. ничего не говорится о знаке ударения. В академическом справочнике этому знаку посвящен специальный параграф. Этот надстрочный знак ´ над буквой, соответствующей ударному звуку, тоже может употребляться и последовательно, и выборочно.

Последовательно знак ударения наряду с буквой *ѐ* употребляется в неодносложных заголовочных словах большинства словарей и в текстах, адресованных особой категории читателей, — тем, кто изучает русский язык как неродной.

Выборочно знак ударения может использоваться в любом тексте для разграничения слов на письме (например, таких, как *отрѐзать*—*отрезáть*, *дѐроги*—*дорóги*, *ужѐ*—*ужé*) и для указания правильного ударения недостаточно хорошо известного слова, в том числе собственного имени (например, *Ю́кола*, *Га́рсія*, *Ферми́*).

В одном из примечаний к этому правилу сообщается об особом использовании знака ударения... не для обозначения ударения. Приведу пример такого его употребления.

Орел, любимец гордый грома,
Свой к небу правит быстр полѐт;
Он, кажется, достигнет дома,
Отколь исходит солнца свет.
Я. Б. Княжнин, Утро (1779 г.)

Знак над буквой *е* поставлен для того, чтобы современный читатель этого старого текста произнес слово *полет* так, как нужно для рифмы со словом *свет*. Можно сказать, что знак ´ употреблен здесь как знак “не-ѐ”.

Знак ударения в функции “не-ѐ” использовала Марина Цветаева. Она писала *всѐ*, не надеясь на отсутствие “точек над *е*”. По действующему правилу следует писать *всѐ*, чтобы отличить от *все*, но если правило строго не соблюдается, при недостаточно ясном контексте написание *все* может быть принято за передающее слово *всѐ*.

Цветаева много раз использовала знак “не-ѐ”. У нее встречается: *звѐзд* (при рифмах с *мест*, *крест*, *отѐезд*), *слѐзный* (рифма *железный*), *чѐрт* (от *черта*). Особенно интересны следующие примеры:

“Рокот моря — что *рѐв* львиный!” с примечанием: “Слово **рев** прошу читать через простое “*е*”. “И — ложа скалистого Одр — *твѐрже* нам взбит.” с примечанием: “Слово **тверже** прошу читать через простое “*е*”.

Возможность использовать в неясных случаях знак “не-ѐ” — ценное добавление к правилу выборочного употребления буквы *ѐ*.

М. [Н.] Эпштейн

ОТРИЦАНИЕ КАК УТВЕРЖДЕНИЕ ИНТЕГРАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ НАПИСАНИЯ «НЕ» С ГЛАГОЛАМИ И ДРУГИМИ ЧАСТЯМИ РЕЧИ

В этой статье мне хотелось бы предложить интегральную модель написания, которая позволила бы упростить и систематизировать написание отрицательной частицы **не** со знаменательными частями речи, включая глаголы.

Слитное написание *не* с глаголами

Согласно действующим правилам, **не** с глаголами пишется всегда раздельно (кроме тех редких случаев, когда без **не** они не употребляются, например: *негодовать*, *ненавидеть*). Но порой необходимо выделить положительный смысл отрицательного глагола — в этом случае целесообразно писать **не** слитно с глаголом. В зависимости от намерений автора, допустимо писать *не дружить* и *недружить*, различая эти написания по смыслу примерно так же, как различаются написания существительных: *не друг* и *недруг* (враг). «Он мне не друг» — значит, между нами просто нет дружбы. «Он мне недруг» — значит, между нами отношения неприязненные, близкие к вражде. Точно так же написание *не дружить* указывает на отсутствие дружбы и сопутствующих эмоций. Я *не дружу* с подавляющим большинством людей на земле, со всеми, кроме моих немногочисленных друзей. Напротив, слитное написание *недружить* указывает на отношения очень избирательные, эмоционально напряженные, на такое отталкивание, которое возникает между «раздружившимися» дру-

---

Печатается с разрешения М.Н.Эпштейна по электронной публикации: *Эпштейн М. [Н]*. Отрицание как утверждение: Интегральная модель написания «не» с глаголами и другими частями речи // Культура письменной речи: [сайт]. Дата публикации: [2013]. <http://gamma.ru/RUS/?id=1.90> (дата обращения: 08.04.2019).

зьями или между теми, кто хотел, но не смог подружиться. *Ваня и Петя недружат* — значит, между ними взаимное неприятие, такая *недружба*, которая сродни вражде.

В предлагаемой модели слитного написания **не** с глаголами, по сути, нет ничего революционного, поскольку именно таковы действующие правила правописания **не** с существительными, прилагательными и наречиями: слитность или раздельность зависят от выражаемого смысла. **Не** пишется раздельно с прилагательными, если имеется или подразумевается противопоставление, например: *проблема не простая, а сложная; человек он совсем не веселый, а скорее угрюмый*. **Не** пишется слитно с прилагательными, которые имеют утвердительный смысл, что подтверждается наличием у них синонимов без **не**: *невеселый (грустный), неглубокий (мелкий), неплохой (хороший)*.

С наречиями **не** тоже пишется раздельно или слитно в зависимости от подразумеваемого смысла: *до остановки недалеко* (утверждение признака ‘близко’) — *до остановки не далеко* (отрицание признака ‘далеко’, т. е. ‘не далеко и не близко’). *Нелегко рассказать* (‘трудно’) — *не легко рассказать* (‘и не трудно и не легко’).

Точно так же глагол *не спешить* пишется раздельно, если действие *спешить* просто отрицается или у него есть прямое или подразумеваемое противопоставление: *Я не спешу, мне некуда торопиться, меня никто не ждет* или *Я не спешу, а напротив, тяну время*. Но если действие носит утвердительный смысл, то выразить его целесообразно в слитном написании **не** с глаголом: *Я неспешу, вдыхаю лесной воздух, наслаждаюсь каждой минутой свободы*. Здесь неспешность выступает как положительное состояние, приятная беззаботность относительно времени. При этом *неспешить* можно заменить синонимом без частицы **не** — глаголом *медлить*.

Конечно, *неспешить* отличается от *медлить*, как *невысокий* отличается от *низкий* или *нетрудно* от *легко* — здесь предполагается градация качеств. *Невысокий* человек — не обязательно низкого роста, а *неспешить* — не обязательно *медлить*, это именно *неспешить*, двигаться *неспешно*, не как отрицание спешки, а как утверждение *неспешности*. Язык различает смыслы и их оттенки, и чем тоньше различает, тем он выразительнее. Возможность слитного правописания **не** с глаголами вводит еще одну различительную способность в язык и увеличивает его информационную точность и творческий потенциал.

Недавно, наблюдая за студентами в университете, я вдруг осознал, что *незавидую* им. Именно *незавидую*, в отличие от *не завидую*. Речь не об отсутствии зависти, а о сочувствии к их уязвимости, зависимости от мнений и взглядов друг друга. Нелегко быть молодым. Вот почему я им *незавидую*.

Точно такая же разница — между *не любить* (отрицание) и *нелюбить* (утверждение). *Я тебя не люблю* — это значит, что у меня нет к тебе любви. *Я тебя нелюблю* — это значит, что я испытываю к тебе *нелюбовь*

(неприязнь, нерасположение). Это уже не отрицание чувства, а утверждение отрицательного чувства. Почему по действующим правилам можно писать *нелюбовь*, но нельзя писать *нелюбить*? Ведь это одно и то же значение, только выраженное в формах существительного и глагола. *Нелюбовь* — это особое отрицательное чувство, которое отличается по степени и окраске от ненависти или вражды. Точно так же и глагол *нелюбить* отличается по значению, с одной стороны, от *не любить*, с другой — от *ненавидеть* или *враждовать*. Отсутствие любви — нечто совсем иное, чем наличие *нелюбви*, чувства, которое может быть весьма острым, сильным, активным, но при этом отличаться от ненависти.

Слитное правописание **не** с глаголами позволяет выразить множество чувств, состояний, действий, которые иначе требуют долгого описания или вообще остаются невыразимы. Например, *я тебя не вижу* — это вовсе не отсутствие действия *видеть*, а особое действие *невидеть*, которое указывает на сознательное или бессознательное намерение обходить взглядом, уклоняться от зрительной фиксации. Смысл приблизительно такой: «я тебя в упор не вижу», «ты для меня не существуешь», «мне не хочется тебя видеть», «мне хорошо тебя не видеть», «не видеть тебя — это мой способ быть». Как сказали бы феноменологи, слитное написание **не** с глаголом придает интенциональность не-действию, как если бы оно было положительным действием.

Неслышать — совсем не то же самое, что *не слышать*: подразумевается не отсутствие слышания, а намеренное *неслышание*, нежелание слышать.

Слегка перефразирую пассаж из рассказа Т. Толстой «Соня»:

- Письма?
- Письма, письма, отдайте мне Сонины письма.
- Не слышу!
- Слово «отдайте» она всегда *неслышит* — раздраженно шипит жена внука...

«Всегда плохо слышит» (в оригинале рассказа) можно передать одним словом *неслышит*.

Еще один микро-диалог:

- На спектакли этого режиссера ходить не надо!
- Я бы сказал резко: на спектакли этого режиссера надо *неходить*!

Антонимы и апонимы

Сколько в нашей жизни таких «не», содержащих намеренные *недействия* и притом охватывающих самую обширную смысловую зону между двумя глаголами-антонимами! *Спешить* и *медлить* — это антони-

мы, а смысловое пространство между ними заполняется действиями *неспешишь* (которое ближе к *медлить*) и *немедлить* (которое ближе к *спешишь*).

Такие слова, которые пишутся слитно с **не**, можно, в отличие от антонимов, назвать *апонимами* (от греческой приставки *апо-*, означающей удаление, отрицание, прекращение, утрату)¹. Апоним по своему значению находится в «апогее» (на максимальном удалении) от слова, апонимом которого он является, но при этом не превращается в антоним, полную его противоположность. Если антоним слова *близкий* — *далекий*, то его апоним — *неблизкий*. Антоним глагола *любить* — *ненавидеть*, а апоним — *нелюбить*. Апонимы заполняют континуум смысла между антонимами и позволяют выразить промежуточные степени качества. Так, между антонимами *добрый* и *злой* помещаются апонимы *недобрый* и *незлой*, которые обозначают ступени перехода от доброго к злему:

добрый — незлой — недобрый — злой

Иногда такие промежутки между антонимами заполняются морфологически самостоятельными словами, например:

хороший — посредственный — плохой
белый — серый — черный
высокий — средний — низкий (о росте)
веселый — ровный — грустный (о настроении)

Но такие «промежуточные звенья» редко и нерегулярно выражаются морфологически непроеизводными словами. Регулярный же способ их выражения — именно образования с «апофатической» частицей **не**. Она несет постоянную службу в таких градуированных рядах, позволяя обозначить оттенок одного качества через отрицание другого. Если антонимы выражают сильные, «крайние» степени качества, то апонимы — слабые, промежуточные. В лексических рядах апонимы располагаются между антонимами по следующей схеме:

антоним 1 — апоним 2 — апоним 1 — антоним 2
хороший — неплохой — нехороший — плохой

Апоним первого из антонимов находится по смыслу ближе ко второму антониму, а апоним второго — к первому. Такова градация: от полной степени хорошего — через уменьшенные степени хорошего (неплохой) и плохого (нехороший) — к полной степени плохого.

Вот еще примеры одинаково построенных лексических рядов с апонимами между антонимами:

---

¹ Ср. *апогей* (самая удаленная от Земли (ге) точка орбиты); *апокалипсис* (буквально: 'снятие покрова'); *апофатика* (отрицательное богословие, представление Бога через то, что Он не есть).

умный — неглупый — неумный — глупый
красивый — неуродливый — некрасивый — уродливый
толстый — нехудой — нетолстый — худой
трудный — нелегкий — нетрудный — легкий
работать — неотдыхать — неработать — отдыхать
говорить — немолчать — неговорить — молчать
спешить — немедлить — неспешить — медлить
уважать — непрезирать — неуважать — презирать
жить — неумирать — нежить — умирать

Как видим, глаголы выстраиваются в такие же четырехчленные ряды, как и прилагательные: два апонима между двумя антонимами обозначают переход от одной противоположности к другой через промежуточные **не**-действия.

Интегральное правило

Глаголы обижены. Почему им не позволено то, что позволено другим частям речи: существительным, прилагательным, наречиям — сливаться с отрицательной частицей, а тем самым выражать через отрицание утвердительный смысл? Почему возможны *неспешность*, *неспешный*, *неспешно* — но нельзя писать *неспешить*? Устранить эту грамматическую несправедливость и призвана новая орфограмма.

Утвердительный смысл отрицательных глаголов легко воспринимается на письме благодаря их слитному написанию с **не** — а как быть с устной речью? Здесь тоже можно опереться на традицию. Пользуясь логическим ударением и интонационной паузой, мы различаем на слух такие предложения, как *путь не далек* (отрицание дальности) и *путь недалек* (т.е. сравнительно близок). Точно так же можно различать интонацию раздельного или совместного написания **не** с глаголами. Когда мы с друзьями употребляем их в устной речи, то иногда добавляем для ясности слово «слитно» или подчеркиваем то же самое жестом сближения указательного и среднего пальцев. «Как тебе нравятся такие особы?» — «Я их *невижу* (слитно)».

Теперь можно сформулировать общее, **интегральное** правило слитного или раздельного написания **не** со всеми знаменательными частями речи (существительными, прилагательными, глаголами и наречиями)².

1. Слитно пишется **не** со знаменательными словами, которые не употребляются без **не**: *неверие*, *нелепый*, *негодовать*, *неизбежно*.

2. Раздельно пишется **не** со знаменательными словами, при которых имеется или подразумевается противопоставление: «Есть ситуации, когда лучше *не видеть*, а слышать и осознать».

² Из разряда собственно знаменательных слов исключаются служебные (предлоги, союзы, частицы), междометия, а также счетные и указательные слова (числительные и местоимения).

3. Раздельно пишется **не** со знаменательными словами, если логически подчеркивается отрицание: «На его признание она ответила тем, что *не любит* его».

4. Слитно пишется **не** со знаменательными словами, которые в сочетании с **не** образуют слова с противоположным, утвердительным значением (эти слова обычно можно заменить синонимами без **не**): *несчастье* (беда, горе), *неплохой* (хороший), *неспешишь* (медлить), *неспать* (бодрствовать), *немало* (много).

Например: Он сказал *неправду* (ложь). Характер у него *непостоянный* (изменчивый). Они давно уже *недружат* (враждуют). Сделано было *немало* (много).

Итак, согласно интегральному правилу написания **не** со знаменательными частями речи, **не** пишется слитно с глаголами, если они выражают утвердительный смысл и могут заменяться синонимами без **не**.

Л. В. Зубова

ПОЭТИЧЕСКАЯ ОРФОГРАФИЯ В КОНЦЕ XX ВЕКА

Акация, хочу писать окация...

(Андрей Поляков)

Слово «орфография» в этом докладе употребляется расширительно, поскольку речь идет не о правописании, а о написаниях с отступлениями от современной нормы¹, об отстаивании поэтами своего права на выбор в самой регламентированной сфере функционирования языка. Орфографические установки неизбежно консервативны, во многих случаях расходятся с живым языком и по необходимости игнорируют оттенки смысла. А поэтом становится человек по своей природе свободолюбивый и чуткий к языковым тонкостям.

Те орфографические вольности, а также разночтения, которые мы наблюдаем в современных изданиях стихов, в большинстве случаев (если это не опечатки)² можно рассматривать как своеобразную разведку ло-

---

Печатается с разрешения Л. В. Зубовой по тексту первой публикации, предоставленному автором: Зубова Л. В. Поэтическая орфография в конце XX века // Текст. Интертекст. Культура: сб. докладов междунар. науч. конф. (Москва, 4–7 апреля 2001 г.). М.: Азбуковник, 2001. С. 367–381. Сокращенная версия статьи опубликована в сборнике: Текст. Интертекст. Культура: материалы междунар. науч. конф. (Москва, 4–7 апреля 2001 г.) / отв. ред. В. П. Григорьев, Н. А. Фатеева. М.: Азбуковник, 2001. С. 50–52.

¹ Ср. пояснение Г. О. Винокура: «Надо оговориться, что здесь [в статье «Орфография как проблема истории языка». — Л. З.] речь идет об орфографии не непременно нормализованной. Этимологическое значение самого слова „орфография“, к сожалению, таково, что мешает мыслить орфографию в отвлечении от принципа упорядоченности языкового употребления» (Винокур Г. О. Орфография как проблема истории языка // Винокур Г. О. Избр. работы по русскому языку / сост., ред. С. Г. Бархударов. М.: Учпедгиз, 1959. С. 63).

² С другой стороны, орфографически нормативные написания некоторых слов могут быть результатом корректорской правки вопреки воле автора, особенно

гических оснований и смыслового потенциала разных написаний — принятых и не принятых современной орфографией. Сейчас, когда готовится новая редакция правил правописания, внимание к орфографическим вольностям поэтов становится особенно актуальным.

Во многих случаях такие вольности связаны с постмодернистским мироощущением авторов и постмодернистской философией нашего времени. Свобода поведения, основанная на непризнании иерархий и регламентаций, внимание к периферийным и маргинальным явлениям охватывают все сферы, включая орфографию³. Принципиальный анахронизм и панхронизм текстов, установка на интертекстуальность произведений приводят к активизации и расширению репертуара орфографических архаизмов: в *изумлени, щастье, чорный, черезчур, мятель, язычек*. В большой степени это связано с тем, что классические тексты XVIII–XIX века были созданы и опубликованы в период неупорядоченной орфографии⁴, но теперь многие написания, находящиеся за пределами современной нормы (и даже относительной нормы XIX века), нередко воспринимаются как знаки ушедшей высокой культуры.

Поэтические тексты показывают, что в проекте нового свода правил совершенно закономерно учитывается право на вариантное написание окончания *-и* в предложном падеже⁵. Очень многие поэты это право отстаивали явочным порядком. Так, например, в последнем издании собрания сочинений Иосифа Бродского⁶ встречаем немало таких написаний. При этом обращает на себя внимание комбинаторная зависимость: большинство таких написаний приходится на предложный падеж с предлогом в (38 случаев из зафиксированных 50-ти): в *смешеньи не-*

в посмертных изданиях (см. полемику по поводу академического издания произведений А. С. Пушкина: *Чернышев В. И.* Замечания о языке и правописании Пушкина // *Временник Пушкинской комиссии*. М., 1941; *Винокур Г. О.* Орфография и язык Пушкина в академическом издании его сочинений // Там же; *Лефельдт В.* Модернизация текстов Пушкина и ее последствия: Критические замечания по пробному тому запланированного нового издания произведений А. С. Пушкина // *Новое литературное обозрение*. 1988. № 33 — или результатом компромисса между редактором и автором. Эти ситуации приводят к значительным проблемам текстологии.

³ Конечно, сознательные орфографические девиации — не изобретения нашего времени. В XX веке в творчестве поэтов-авангардистов, особенно футуристов и обериутов, антиорфографические написания становятся одним из главных приемов поэтики.

⁴ См.: *Григорьева Т. М.* Русское письмо: от реформы графики к реформе орфографии. Красноярск, 1996. С. 22–23; *Пономарева С. В.* Орфографическая практика XIX века (на материале сказки А. С. Пушкина «Золотой петушок») // *Фонетика — орфография — письмо в теории и практике*. Вып. 1. Красноярск, 1997.

⁵ См.: *Лопатин В. В.* Орфография: саморазвитие и упорядочение // *Вестник РАН*. М., 1997. Т. 67. № 8. С. 683.

⁶ [*Бродский И.*] Сочинения Иосифа Бродского: в 6 т. СПб., 1998.

значительных наитий; в каком-то странном **изумленьи**; приезжать на Родину в **несчастьи**; не в **состояньи** узнавать и т. д. Характерно, что -и встречается и под ударением, где оно оказывается необходимым: *Бился льдинкой в стакане мой мозг в **забытьи***. Обнаруживается и лексическая зависимость. Так, несколько более экзотическими, а значит, и более выразительными выглядят написания с -ьи слов, находящихся вне устойчивой поэтической традиции: *Я — круг в **сеченьи**; Наполовину красавица, наполовину софа, в **просторечьи** — Софа; В их **опереньи** что-то есть от суммы комнат*.

В сочетаниях с предлогом *на* отмечено 8 написаний из 50-ти с буквой «и»: *словно тысячи рек **на свиданьи** у вечных времен; и снег **на расстояньи** километра; Когда ты стоишь один **на пустом плоскогорьи**; ни слова **на местном наречьи** и мн<огие> др<ругие>*. С предлогом *о* зафиксировано 4 написания: *мы знали о его **существованьи**; не в силах размышлять о **наказаньи**; Но даже мысль о — как его! — **бессмертьи**; кто мог подумать о **расстояньи***. Реже всего (2 раза из 50-ти) встречаются написания в сочетаниях с предлогом *при*: ***при пеньи**, полагаю я; **при ощущеньи** в горле болевом*. Понятно, что чем непривычнее написание, тем больше проявляется интенция автора включить его в поэтическую традицию, т. е. расширить сферу традиционно-поэтического.

Именно принадлежность окончания -и в предложном падеже к высокому стилю определяет возможность иронического модуса высказывания: *Они сидят в обнимку **на собраньи**, / они в обнимку тесную читают* (Кибиров); *Килограмм салата **рыбного** / В **кулинарьи** приобрел* (Пригов).

Если такие написания, как в *изумленьи*, находятся в русле устойчивой поэтической традиции, то многие другие орфографические архаизмы являются способом резкой анахронизации текста, утверждается высокий статус культуры прошлых веков и знаковый характер ее утраченных формальных элементов. В ряде случаев орфографические вольности имеют выраженный цитатный характер: написание в *(на) постеле* — всегда отсылка к Пушкину — и тогда, когда она подкрепляется лексически (первый пример), и в том случае, когда форма употреблена без сопровождения другими элементами цитаты (второй пример): *Орлов с Истоминой в **постеле**, — / и рядом с ними Иванов* (Эрль и др.); *В спальню кинулась к **постеле**. / Посмотрела — в самом деле / На **постеле** Альма спит!* (Эзрохи).

Такие написания, как *желтый, черный, чорт* во многих случаях отсылают к классической традиции и к традиции Серебряного века, в частности к Блоку, Цветаевой, для которых графический облик слова имел изобразительный характер. Интересно, что у Бродского, который пишет букву «ё (е)» при фразеологическом инвективном употреблении слова *чёрт*, написание *чорт* встречается именно в тех текстах, в которых черт предстает персонажем, и особенно там, где явно присутствуют интер-

текстуальные связи, например в «Шествии» — связь с Цветаевой, в «Лагуне» — связь с Гоголем: *Так зарисуем пару новых морд: / вот Крысолов из Гаммельна и Чорт* (Бродский); *Скрестим же с левой, вобравшей когти, / правую лапу, согнувши в локте; / жест получим, похожий на / молот в серпе, — и, как чорт Солохе, / храбро покажем его эпохе, / принявшей образ дурного сна* (Бродский).

Написания *чорный, жолтый* тоже вписываются в контекст письменной культуры: *В месте этом по весне / снова станет как во сне / Хлебопашец — чорный Вий, / Глаз откроет ему змий* (Ковадеев); *Вот и есенинская цветь / Столетний юбилей справляет. / Как пену жолтую воспеть / Главы? — Ее он подставляет // Всем сострадательным рукам, / Не только Мариенгофу Толе* (Машевский). Написаниями *чорный, жолтый*, проявляющими тенденцию к лексикализации именно в таком графическом образе, а также написанием *жолудь*, находящимся вне устойчивой поэтической традиции, изображается нечто потустороннее, колдовское, страшное, имеющее отношение к злу: *Мне б разрыв-травой разжиться / И напиться чорна сока / Ах, как стала бы я птица / Улетела б я далеко* (Шварц); *ты загулял по лютне — / пальцы по венам — лодки. / В лодках гребцы, кафтаны / жолты, а на корме-то / сам подбочась хозяин, / ал камзол как на смерти* (Иконников-Галицкий); *когда жизнь — это седьмой круг дантова ада, / пусть нет сил, а стадо свиней жрет свой жолудь, — / зови зло, не забывай мой мир молний!* (Соснора). Эта тенденция к установлению новых дифференцирующих написаний (ср. совр«ременное» *компания* и *кампания*) находится в русле давних традиций культуры. Так, например, «Мелетий Смотрицкий учил различать *язык* в значении „народ“ и *азык* в значении „уд тѣлесный“»⁷, а «А. Блок сознательно использовал в своих стихотворениях оба возможных варианта написания слова *желтый*, стремясь придать одному из них (*жолтый*) дополнительное значение чуждой народу, темной, таинственной силы»⁸.

По мнению Б. В. Томашевского, переход [е] в [о] легче осуществлялся именно после шипящих, так как «наличие таких непарных согласных давало возможность изображать гласную не буквой ё (или ее старым вариантом), а буквой о, что до известной степени затушевывало стилистический характер этого изменения гласной»⁹. У Томашевского речь идет о сниженном стиле слов со звуком [о] на месте бывшего [е], но важно, что именно буквенное обозначение этого изменения оказывалось особенно вызывающим. Сейчас ситуация изменилась на противоположную: сти-

⁷ Винокур Г. О. Орфография как проблема истории языка. С. 464.

⁸ Григорьев В. П. Язык, орфография и писатель // Орфография и русский язык. М., 1966. С. 105.

⁹ Томашевский Б. В. Стих и язык. М.; Л., 1959. С. 86.

листический характер приобрело именно написание «о» после шипящих, противопоставленное нормативному.

Буква «ё» на месте буквы «о», требуемой правилами орфографии, тоже не редкость в современной поэзии. Приведем только один пример того, как написание «ё» выполняет изобразительную функцию в сочетании *остёр на язычок: Но я-то знал, / что он со Скользко- / го полуострова, остёр / на язычок, скатился, сколько / бы ни расхваливал сестёр* (Лён).

Разнообразные орфографические архаизмы вносят в текст тоску по утраченной культуре, по романтическому мироощущению. Слово в старой орфографии приобретает иконический характер, становится знаком эпохи, в нем появляется оттенок сентиментальной иронии: *Щасливой Швеции, Швейцарии сонливой, / беззлойной Франции вершителный исход* (Корецкий); *эх воскликнул подпоручик / подари мне пару брючин / пребывая в женском платье / он подумал это скатерть / тут рука летит в пучину / ищет женщина мущину*¹⁰ (Новиков); *я засмеялся в страхе за этого старца: / «Ты **черезчур** беспечен, старательный старец»* (Шельвах). Обратим внимание на то, что в последнем примере слова *черезчур* и *беспечен* пишутся в соответствии с правилами разных орфографических систем, и сочетание *черезчур беспечен* представляет собой орфографический анахронизм.

Самым незаметным орфографическим архаизмом, обычно принимаемым за ошибку, является традиционное для поэзии XVIII–XIX века написание глагольной формы 3-го лица единственного числа *дышет* от *дыхать* ‘дуть, веять’, ‘дышать’, ‘испускать что-либо’¹¹. У Г. Сапгира поэтизм включается в контекст прозаизмов, где форма глагола, принадлежавшая высокому стилю классической литературы, может быть прочитана и как поэтизм, и как неловкость письменной речи, изображающая затрудненность или ущербность дыхания: — *Не хочу // Суетливо... / Оде-яло // — Не могу // Ему / Какое дело // **Дышет** / Устало* (Сапгир).

В нарочито анахронических текстах воспроизводятся и древнейшие написания: *В эти годы ни волк, ни варан, ни гиббон, / но **ходжя** подступал к Сталинграду* (Сид); *И молится (язык да не прильпне к гортани): <...>*

---

¹⁰ По мнению Я. К. Грота, буква «щ» вполне этимологична в этом слове: «От имени муж-ской правильно образованная форма была бы муж-щина» (Грот Я. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого донныне. СПб., 1876. С. 272). В таком случае написание *мущина* словообразовательно сближает слова *мужчина* и *женщина*, что соответствует исторически общей деривационной модели этих слов, но препятствует написанию корня по морфологическому принципу. См. полемику о написаниях *мужчина* и *мущина*: Там же. С. 273.

¹¹ См. об этом: Булаховский Л. А. Исторический комментарий к литературному русскому языку. Киев, 1958. С. 218, 274; а также примеры употребления: Словарь русского языка XI–XVII веков. Вып. 4. М., 1977. С. 397; Словарь русского языка XVIII века. Вып. 7. СПб., 1992. С. 52.

Прости же, Чюдная, на этот брак — Покров... (Бобышев). Непринадлежность таких написаний к поэтической традиции еще больше усиливает их эмблематичность.

Эмблемой ушедшего времени являются и написания с твердым знаком на конце слов, с буквами «ѣ», «і». Характерно, что в большинстве случаев авторы не пытаются последовательно воспроизвести старую орфографию, а выделяют написание некоторых слов на фоне современной нормы: *да только нынче некого спросить: / Пётръ лёгъ въ основу, Савву взял Господь, / а Савл Морозов вскоре поменял / фамилию: был Власов, стал Корчагин (Строчков); Алѣксѣя¹² звать с «ятью» надо бы, / по старинке Новый год повстречав (Ахмадулина); сюда сойдясь, — цари, чудовища и птицы, / намусорили — чем? — своими же костями... / И Хартию таких, как подписи, петиций / шлет кверху, ветхие ночами и денми (Бобышев).*

В текстах встречаются элементы фонетического письма, иногда весьма сгущенно. Однако в следующем тексте с таким сгущением оказывается важной не фонетическая запись, а именно антиорфографичность письма, его принципиальная безграмотность, характеризующая изображаемого персонажа. Обратим внимание на написания, противоречащие произношению, *ис Запрудни, удевленье, спросеш: Сичас я раскажу пичаль / Прастова парня ис Запрудни / И пачиму он хмур как сталь / Бухаит в празники и будни // Фсѣ дела ф том што у ниво / Сафсем плахое настраенье / И патаму он пѣт вино / Так многа всем на удевленье. // И спросеш ты: так ф чѣм сикрет / Такова патрибленья яда? / А я скажу: сикрета нет, / А пѣт он патамушта надо (Мэо).*

Разумеется, изображение неискренности в грамоте, простодушия, наивности персонажа здесь, как и в других случаях, возможно только на фоне орфографической нормы, находящейся за пределами текста. Следующий пример фонетического написания согласных в окончаниях прилагательных изображает измененное состояние сознания (*как без памяти*) в религиозном экстазе и, кроме того, отсылает к неупорядоченности нормы в прошлом: *Петр Буслаев — диакон / Был величав и заплакан / Но когда дошел до «вечной памяти», / Стал ты весь как не здесь — как без памяти / Ты имел умозрительство душевное / Храм наполнило воинство волшебное / Восходили ввысь и сходили с купола / На богатова на темно-*

---

¹² Р. Ф. Брандт приводит имя *Алексей* в списке слов, которые «наделяются ятем лишь по недоразумению, вследствие узаконенной безграмотности» (Брандт Р. Ф. О лженаучности нашего правописания: (Публичная лекция): Оттиск из I–II вып. «Филологических записок». Воронеж: Тип. В. И. Исаева, 1901. С. 22). По старой орфографии «ѣ» писался (неэтимологически) только в последнем слоге этого имени. Ср. также: «Решительно я не сочувствую Гроту, когда он в иных случаях, боясь, что голос разума окажется бессильным перед привычкою, освящает своим научным авторитетом явные нелепости (напр. написание имени *А л е к с ѣ й* через *ѣ*)» (Там же. С. 27).

ва на глупова / Херувимами серафимами / Лицами белея нестерпимыми (Сапгир).

Элементы транскрипции появляются при попытках авторов передать редуцированные слова. Сейчас уже можно считать лексикализованными такие варианты слов, как *здасьте*, *тыща* (слово отражено уже в словаре Д. Н. Ушакова). Но и многие другие слова стремятся к лексикализации редуцированных вариантов¹³, при этом нередко в разных текстах отражается разная степень редукции слова (второй и третий примеры): *Который час? Докладывай: Прости, / Сам без понятия. Наверно, без десяти* (Коваль); *Бьется в витрине курица с синими и кривыми ногтями, / Выползет **счас**, закричит, но никто ее тут не услышит* (Кучерявкин); *Как к концу недели съезжает крыша, / Кто бы знал, тот понял... О чём я, бишь? / **Щас** писать не будем, потом напишем, / Как проходит время, свистя в камыш* (Куляхтин). В последнем примере фонетическое написание *щас*, свойственное разговорной речи, поддерживается звуковым образом свистящего времени. Новая редакция орфографических правил учитывает наличие таких вариантов.

Среди фонетических написаний обращают на себя внимание попытки писать сочетания [жы], [шы] с буквой «ы». С одной стороны, такими написаниями демонстрируется неподчинение простейшему правилу, никак не мотивированному системой языка, противоречащему и современному произношению, и написаниям типа *шар, жар, чудо* — написаниям, в которых игнорируется бывшая или актуальная мягкость шипящих. Бродский философствует на эту тему, метафоризируя образ орфографической ошибки как ошибки в жизни: *Полицейский на перекрестке / машет руками, как буква «ж», ни вниз, ни / вверх; репродукторы лают о дороговизне. / **О, неизбежность «ы» в правописании «жизни»!*** (Бродский)¹⁴.

Кроме того, именно при написании «ы» после «ж» и «ш» обнаруживается звукоподражательная сущность термина *шипящие согласные* — благодаря остранию¹⁵ облика слова: *Всё — зеркало, всё — свет, всё —*

¹³ См.: Кодзасов С. В. О редуцированных словах в русском языке // Проблемы фонетики. [Т.] 2. М.: Прометей, 1995. С. 157–171.

¹⁴ См. анализ этого текста: Ахапкин Д. «Филологическая метафора» в поэтике Иосифа Бродского // Русская филология: сб. науч. работ молодых филологов. Вып. 9. Тарту, 1998.

¹⁵ Устойчивое в современном литературоведении употребление термина остранение представляет собой узаконенную ошибку: «В беседе с В. Б. Шкловским весной 1981 г. я обратил его внимание на, как мне казалось, более предпочтительный вариант написания термина „остранение“ с двумя „н“, встречающийся у А. Белого (см.: А. Б е л ы й. На рубеже двух столетий. М.-Л., „Земля и фабрика“, 1930. С. 43). Позднее В. Б. Шкловский в книге „О теории прозы“ (М., „Советский писатель“, 1983. С. 73), возвращаясь к теоретическим размышлениям 20-х годов, написал: „И я тогда создал термин ‘остранение’; и так как уже могу сегодня признаваться в том, что де-

отраженье. / Я — цель, И — путь, Т — средство, Ы — движенье. / В кругу **шыпящих** просыпаться спящим / Без страха И, без И, без выраженье (Тягунов). Вместе с тем написания «жы», «шы» создают и образ дикости, и образ страха: Ты / Подвесил / Плод лукавый, / Плод, любезный / **Жылво-зверю** <...> Зазывать **Жылво-зверя**. / Завывая подобно: / Хырр-ву, хырр-ву, хырр-ву (Булатовский).

Неправильное написание «ы» после «ц» по замыслу автора создает образ смешного — в примитивистском контексте о детском восприятии: В **цырке** все смешно / Клоуны смеются / Звери тоже смешно / Смешные звери (Рябинов).

В таких примерах с ненормативными «жы», «шы», «цы» оказывается значимой и по существу метафоризируется именно простейшая ошибка, связанная с первыми впечатлениями человека в процессе его обучения грамоте. Можно понимать эти образы как отражение детской психологической травмы, связанной именно с письмом — с тем, что становится судьбой поэта. Возможно, в подобных случаях имеет значение особое положение звука [ы] в системе фонем русского языка, «русскость» звука, образ этого звука как неопределенного, психологически связанного с косноязычием и немотой (ср. сюжетную мотивацию названия фильма «Операция Ы» иканием персонажа).

В текстах современных авторов встречается много написаний, имитирующих особый характер произнесения звуков: Когда командуют: «По коням!», / Я как-то остаюсь спокойным. / Но сразу как-то беспокойно, / Когда командуют: «**Спокойна!**.. » (Вишневский); Вечером, вот ее звон, / церкви поблизости мерное, / к богу, упорное, **он-н-н, Он** (Денисенко).

Звукоподражательный повтор — вполне традиционный прием и в поэзии, и в прозе. Повторение гласных, как отмечает А. Б. Пеньковский, восходит к текстам древнерусских кондакарей и имеет аналогии в письме на других европейских языках¹⁶. В следующем тексте можно видеть не только возможную имитацию распева, но и, кроме того, изображение длительности, дальности: Голубь счастья, галка горя / полетели вдоль моря, / **вдооль** моря, **вдооль** моря / полетели — и за море / **Заа** море южное, / общесоюзное, / **заа** полуденное, / **веечнозеленое**, / **заа** море теплое, / **вечноперелетное** (Харитонов).

Думаю, что такие написания не следует регламентировать, устанавливая слитные или дефисные начертания букв, как предлагает А. Б. Пень-

---

лал грамматические ошибки, то я написал одно 'н'. Надо 'странный' было написать. Так оно и пошло с одним 'н' и, как собака с отрезанным ухом, бегаем по миру» (Новиков Л. А. Структура эстетического знака и остраннение // Русистика сегодня. М., 1994. № 2. С. 3).

¹⁶ См.: Пеньковский А. Б. О некоторых некодифицированных явлениях современной русской орфографии: (О написаниях типа *ид-уу, оч-чень*) // Нерешенные вопросы русского правописания. М., 1974. С. 98–99.

ковский¹⁷. Различное оформление повторов передает разные образы и разную тональность текстов.

Если в середине XX века при появлении дополнительного слога в словах типа *сентябрь, вихрь, смысл*, обусловленного стиховым ритмом или рифмой, обнаруживалась «определенная произносительная воляность, скрытая под орфографически нейтральным написанием»¹⁸, то в наше время авторы не только не скрывают, но, напротив, вызываясь демонстрируют появление вставных гласных: *И в тот же час спускался вниз / За ланью тигор смелый* (Пригов); *Сядь, родной, на мотоцикел, / Заведи свой быстрый газ* (Воронежский).

Фонетические написания, обнаруживающие омофонию разных слов, нередко обозначают каламбурное переосмысление слова: *Болото, косогор, канава, / сосняк, знакомый наизусть... / «О моховик! — твержу. — О слава! / О мухомор! — шепчу, — о грусть!..»* (Яснов); *Будь ты проклят, птиц-заика, Nevermore есть слово знака <...> В этом доме на соломе, в этом томе на слаломе / мифов, грифов, — веселее / нам, ви-сельчакам, «всегда»* (Соснора)¹⁹. Вообще каламбурные написания в современных текстах многочисленны. Часто встречается и каламбурная деформация слова, противоречащая произношению: *плеск поцелуев, беседы о Боге, шипенье бокалов, / хохот, хотьба* (о чем ты задумался все же, детина?) (Соснора); *пороховая бочка — / этим запахом движется весь пароход, / в смысле пороха — весь он и есть пароход, / славная будет ночка* (Мориц); *Изщейка* хозяйничает в борще. / Шут накануне смастерил для нее / две бирки на кастрюли. / На одной написано «Боржч». / На другой «Счи» (Галкина). Каламбурная деформация слова, как показывают эти примеры, представляет собой словообразовательный эксперимент, а иногда создает производящую основу для целого ряда окказионализмов: *Какой там у Кафки — Кафказ?.. / Кафказ — это наши кафказмы, / кафказменной жизни оргазмы, / кафказней кафказменных спазмы / где кафкает казней показ* (Мориц). Языковая игра подобного свойства очень популярна и в других сферах функционирования языка — в разговорной речи, в публицистике.

В некоторых случаях ненормативные написания являются этимологизирующими: (Сатуновский); *Надо всем стоит Исакий, / Тусклым золотом облитый. / Где ангелов метет мятель, / Мятель метет — туда, туда, / Где демоны, как воробьи / Сидят на проводах* (Шварц); а рядом — / попал в перетяжку — / трепал *деревяжку* / Карп Рябов... А с бардака на работу. / Благолепствовать. / *Рабеть* (Ширали). Написания *мятель, дере-*

¹⁷ Там же. С. 20.

¹⁸ Григорьев В. П. Указ. соч. С. 115.

¹⁹ В сборнике: *Соснора В. Избранное*. Ann Arbor, 1987 — напечатано «весельчакам» (с. 45).

вяжка были ранее приняты орфографией и могут считаться орфографическими архаизмами²⁰. В тексте В. Ширали не представлен первичный корень слова, но автор показывает общий корень слов *работа, робеть и раб*.

Любопытный пример ненормативного написания *окаём* находим у С. Лёна: «*Забудь и спи!*» — / *божественная Муза / Пролетела брэнность лет у края / Квадратного могилы **окаёма** // Прощального советского Союза / Писателей, забористо играя / Сберкнижкой запрещенного приёма // В действительные члены профсоюза / Счастливых пионеров самиздата (Лён)*. В словаре В. И. Даля зафиксированы образованные от глагола *окаймлять* прилагательное *окаемный* — «опричный, крошечный, находящийся вне чего» и существительное *окаем* — сев(еро)-вост(очное) «негодный, изверженный, лентяй, тунеядец, обманщик, плут, мошенник, неслух, околотень»; бран(ное) «раскольник»²¹. В тексте Лёна, в котором речь идет о крае могилы, написание слова с буквой *а* вполне этимологично и отличает это написание от широко распространенного в поэзии XX века псевдоархаизма *окоём* 'горизонт'²².

Во многих случаях поэзия активно реагирует на непоследовательность и на огрубленность орфографических правил, жертвующих стилистическими и смысловыми тонкостями высказывания. Это очень отчетливо проявляется в области слитных и раздельных написаний слов с приставкой или частицей *не*, наречий, восходящих к предложно-падежным сочетаниям, составных прилагательных, фразеологизированных сочетаний. Так, например, написание *не много* в стихах И. Иртеньева явно противостоит возможному *немного*, которое имело бы противоположный смысл: *Я всю Америку проехал / Буквально вдоль и поперек, / Но, хоть убей меня, не въехал, / Кому там нужен Игорек. <...> Я заработал там **не много**, / Хотя **немало** повидал, / Была оправдана дорога, / Чего никто не ожидал* (Иртеньев). От слитного или раздельного написания [немного] в данном случае зависит тема-рематическая структура высказывания. Читательский анализ содержательной стороны образований с *не-* в данном случае неизбежен, так как в следующей строке имеется слитное написание слова *немало*, которое тоже может быть потенциально расчленено с внесением иного смыслового оттенка.

Любопытным испытанием на осмысленность нормативного раздельного написания наречия в сочетании *ставит (кого-л., что-л) на попа* является нарушение правописания: *Какая была! — / Какие люди! — / перформанс ставит **напопа** / Бутылку, / устрицы на блюде / Во льду,*

²⁰ См.: Львов А. С. Бахвал. Дача. Метель // Русская речь. 1969. № 2; Букчина Б. З. Орфографические варианты // Литературная норма и вариантность. М., 1981. С. 222.

²¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. М., 1979. С. 661.

²² См.: Леонтьев А. А. Окоём // Вопросы культуры речи. Вып. 5. М., 1964. С. 164–171.

/ на ложке — два гриба (Лён). Такое демонстративное неподчинение правилу заставляет увидеть нелепость нормативной установки в отношении этого наречия, в котором существительное *поп* давно уже не имеет прямого значения. У того же автора имеются слитные написания наречий *наубыль, наглазок, налету, напоруки, напобегушках, отвеча*. И каждое из них побуждает задуматься о степени и об условиях адвербиализации сочетания. Очевидное условие превращения сочетания в наречие — именно метафоричность существительного. Ее подчеркивают и другие авторы, отказываясь от нормативного раздельного написания бывших предлогов: *пока щетиною слезы / ресницы станут навесу / вращаться на манер слезы* (Кальпиди); *У меня в стиле ретро жена, / нахрена мне она? нахрена?* (Воркунов).

Во многих случаях можно видеть противоположно направленный процесс — обратное словообразование с расчленением осмысленных частей слова, возвращением предметной образности составляющих: *Я весь / Сверху донизу / И снизу доверху / И с боку на бок / И с лева на право / Из стороны в сторону / Пальцами параллельно ребрам / Глазами сияясь / И пять и пять / Я весь ПРУ!* (Рябинов); *И настанет тот год и поход, / где ни кто ни куда не придет, / и посмотрят, скользя, на чело, / и не будет уже ни чего* (Соснора); *Я выключил семь сот свечей. / Погасло семь светил* (Соснора). Иконическое расчленение слова очевидно в следующем тексте с поэтикой полуслов: *белый берег на колот как сах на кам / ое лице — их сер бокам — щербакам // каж кам испещр трещ / рас колота дая вещь* (Сапгир).

Своеобразный протест против нелогичного раздельного написания наречия, не подтверждаемого самостоятельным функционированием существительного, можно видеть у Т.Кибирова: *Они сидят в обнимку на собраньи, / они в обнимку тесную читают*. Автор, принимая раздельное написание, делает его логичным: он реконструирует существительное *обнимка*. По существу, лексический окказионализм в этом тексте вызван неудачным, но узаконенным способом написания наречия.

Поэзия предоставляет обширный материал для анализа логических оснований при установлении правил слитного, раздельного и дефисного написания составных прилагательных и сложных слов, образованных объединением причастия с наречием. Польза поэтического эксперимента определяется тем, что такие слова часто окказиональны, их нет и не может быть в нормативном словаре, а логическая связь между компонентами окказиональных сложений предстает вполне осязаемой. Так, например, в следующих случаях желателен признание допустимости и слитного, и раздельного написания в зависимости от воли автора. Слитное и раздельное написания в сложениях причастия с наречием имеют различное образное содержание: *Принципиальная родня / Твой даже след перезарыла. / Тебя им нет. На лоне дня / Ты наслаждаешься природой, / Зеркально-*

выбритые рыла / Улыбочкой седобородой / Неукротимо леденя (Лейкин); Удивляет лишь выбор его — / тридцатипятилетняя **душнозамшелая** тварь. / Замуж хочется вот ведь! Трoих по котельным детей / нагуляла ушастых. Остыть не хватает ума (Пурин); Дорогой наш Всемуголова! / Уменьшаются в росте слова / Из числа **специальнонайденных**. / Против вас — я один из едва / разувидимых и наблюденных (Тюрин). В языке есть немало фразеологизированных узуальных сложений типа: *долгоиграющая пластинка, быстродействующее лекарство*, но этот способ словообразования продуктивен, и в потенциальных или окказиональных словах такого типа отчетливее выявляется их положение на границе между словосочетаниями и словами. В подобных случаях проблема слитного и раздельного написания может решаться только автором.

В написании составных прилагательных актуализируется модель «гомеровских» эпитетов с их принадлежностью к высокому стилю поэтической традиции. Это обнаруживается независимо от того, есть ли суффиксы в первой части составного прилагательного (значимый признак для новой редакции правил), есть ли отношения подчинения в производящем словосочетании (важно для правил, действующих до принятия новой редакции): *И дрогнула бывалая толпа. / И многие в свои сокрылись дома. / И многие покаялись, ведомы / На царский суд. И многие со лба / Срезали кудри **чёрносмоляные*** (Охаккин); *В парке под сводами грабов и буков, / копятся горы награбленных звуков: / черного вагнера, красного листа, / желтого с **медленносонных** деревьев* (Лосев); *но три матроса из **душевноздоровых** не натощак — / на излёте, в прыжке, / накрыли телами / трёх подвернувшихся под руку санитаров* (Лён); *Приближаются кошачие / **Рыжесеры**, незрячие / — Будешь помнить или как?* (Сапгир); *В твоём гербе изображен изюбр, / о, осень **крупно-золотая!** и облака и тишина / в нём разместились, блистая. / но птица говорит / на долгом языке / прилетных сентябрей / **отрывисто-прелестных*** (Казаков); *а лошади в мыле / скачут по географической карте, но мимо / будок **рябо-полосых*** (Лён).

Понятно, что когда автор составляет сложное прилагательное из нескольких частей, представляющих собой не только прилагательные, но и префиксоиды, для восприятия текста, в какой-то степени адекватного авторскому замыслу, важно сохранить длинное трудночитаемое слово, не разбиваемое на составные части: *Еще стволы морозцем лачило / в **лжебелокаменнoдвуликой**, / а уж капель грачей дурачила / и отливала голубикой* (Кублановский).

Вполне понятно, что подобные словообразовательные эксперименты создают проблему для редакторов и корректоров. Поэтому очень важно, чтобы новые правила максимально бережно относились к художественному тексту. И очень хорошо, что в проекте такое бережное отношение заложено для большинства переходных случаев.

Отражение лексикализованных фразеологизмов междометного характера можно видеть в таких текстах: *Дайбог, чтобы тебе не повезло* (Кальпиди); *Да божежмой, как все они чисты* (Кальпиди).

Самой трудной проблемой действующих правил орфографии является написание «н» и «нн» в прилагательных и причастиях. Сложность состоит прежде всего в том, что граница между причастиями и прилагательными не может быть определена однозначно, хотя по действующим правилам именно это различие должно определять выбор пишущего. С одной стороны, реально происходит адъективация причастий и с приставками, когда эти причастия становятся языковой метафорой: *потрепанная физиономия, заброшенный ребенок*, с другой стороны, вполне возможны бесприставочные причастия, которые, будучи употреблены в прямом смысле, сохраняют значение действия: *брошенная палка, жареная картошка, вязаный шарф*. Кроме того, действующее правило нарушает историческую перспективу: при адъективации страдательных причастий прошедшего времени с суффиксом *-н-* к ним добавлялся омонимичный суффикс прилагательного, следовательно, логика преобразования требует писать одно «н» в причастиях и два «н» в прилагательных. В следующем примере вопреки правилу актуализирована процессуальность бесприставочного причастия: *А из Елабуги привез я сувенир / Гвоздь **кованный** и синий на котором / Цветаева повесилась... В Саранске / На улицах я видел дохлых крыс* (Сапгир).

Орфография становится элементом поэтики не только в случаях разнообразных орфографических вольностей, но также и на сюжетном, на тематическом, на образном уровнях. Так, например, метафоризируются современные правила, в частности написание мягкого знака после шипящих в существительных 3-го склонения. В целом, когда речь идет о склоняемых и спрягаемых словах, а не о наречиях, правила, регламентирующие написание мягкого знака после шипящих, довольно логичны, хотя и могут быть признаны избыточными и для буквенно-звуковых соответствий, и для морфологического принципа орфографии. Поэзия показывает, что грамматические сигналы, принятые действующей орфографией, создают такой образ слова и грамматической категории, который может быть очень существенным в картине мира носителя русского языка: *Куриный суп, бывает, варишь / А в супе курица лежит / И сердце у тебя дрожит / И ты ей говоришь: **Товарищ!** — / Тамбовский волк тебе **товарищ!** — / И губы у нее дрожат / Мне имя есть Анавелах / И жаркий аравийский прах — / Мне **товарищ** (Пригов)²³; **Ночи без мягких знаков, / Глухие мужские ночи. / Как хочется быть, / Как хочется быть / Кем-нибудь, кроме себя!** (Арбенин); **Никто не **вещ** в отечестве своем***

---

²³ Анализ написаний *товарищ* и *товарищ* в этом стихотворении см.: Зубова Л. В. Современная русская поэзия в контексте истории языка. М., 2000. С. 78–279.

/ авось когда-нибудь потом / никто не **вещь** — **мы мягкий знак припишем** / и взгляд смягчит потомок над прудом / уже иные кроны отразившем (Авалиани).

Значение письменной формы представления и функционирования текста становится особенно заметным в тех случаях, когда структура и образная система текста строится на особенностях орфографии. Например, необязательность регулярного обозначения буквы «ё» диакритическим знаком делает возможными такие уподобления *нёба* *небу*, которые обходятся употреблением только одного слова: *коклюшное небо*, *синюшное **небо*** (Сатуновский); *Медленно-медленно море ведёт языком / по краю **неба*** (Строчков). Орфографическая непоследовательность употребления буквы «ё» позволяет отказаться от выбора, который был бы необходим при устном воспроизведении подобных текстов.

В современной поэзии есть немало экспериментов с графикой и алфавитом. Авторы изобретают разные способы сопротивления установленному порядку звуко-буквенных соответствий, пытаются вносить в текст знаки других алфавитов и других графических систем: *Сани едут. Ночь горланит. / Конь, как бешеный, бежит. / А в мешочном **цел²офане** / Дичь (**ка**) ²я-то визжит* (Мэо); *меха, говорят, у всех, / усы усе отрастили / лапы, сты-хво у всех <...> зеркало **пуши 100е*** (Левин); *В программе БАЛА **ПРЕС\$Ы*** (Вишневский); *Обожа-уои* (Вишневский); *мостовую пересекаешь с риском / быть **зап/клеваным насмерть*** (Бродский); *Должен быть парад победы, / но мышам пора обедать, / так что, видимо, не **буде,т**, / на войне как на войне* (Левин); *Мы будем петь и **вор(к)овать**, как дети* (Лён). Эти примеры, рассчитанные на зрительное, а не слуховое восприятие, демонстрируют стремление к компрессии высказывания.

Особый, практически значимый аспект темы — редакторское отношение к ненормативным написаниям при издании текстов. Разночтения в изданиях показывают, что иногда тщательная, но формальная редакция приводит к значительным смысловым потерям. Так, например, а американском сборнике В. Сосноры «Избранное»²⁴ воспроизведены древние формы — двойственное число: *И бивня **была** два — как двойня смерти*, им «енительный» падеж ед. «инственного» числа слова *пустыни*: *Уж если есть **пустыни**, / то почему бы в ней не быть столбу?* В сборнике «Верховный час»²⁵ эти фрагменты подверглись правке: *напечатано было, пустыня*.

В этой статье отражены далеко не все аспекты темы «поэтическая орфография». Но и представленный материал показывает, что поэзия, постоянно семантизирующая формальные элементы языка, занимает весьма активную позицию по отношению к орфографии. Если человек,

²⁴ Соснора В. Избранное.

²⁵ Соснора В. Верховный час. СПб., 1998.

строго следующий правилам правописания, нередко вынужден жертвовать многообразием стилистических оттенков высказывания и тонкостями семантических модификаций слова, то поэт старается в стихах не приносить смысл в жертву правилу. Поэзия испытывает потребность в широкой вариантности языковых средств для выражения различных стилистических и смысловых оттенков слова. Поэты не только используют вариантность, допускаемую правилами правописания, но и выходят за рамки этих правил, расширяя поле вариативности. Во многих случаях поэтический эксперимент указывает на несовершенство правил, но, даже если эти правила будут когда-нибудь идеальными, поэты все равно будут испытывать потребность и найдут способ их нарушить.

Орфографические эксперименты в большинстве случаев тесно связаны с историей языка и с историей культуры, они существенно затрагивают содержание, образную систему и стилистику текстов.

ПУНКТУАЦИЯ

И. А. Бодуэн де Куртенэ

ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ

Знаки препинания, элементы письма или писанно-зрительного языка, ассоциируемые не с отдельными элементами языка произносительно-слухового и их сочетаниями, а только с расчленением текущей речи на отдельные части: периоды, предложения, отдельные выражения, слова. Имеются две главные категории знаков препинания. 1) Одни из них относятся только к морфологии писанной речи, т. е. к ее расчленению на все более мелкие части. Таковы: точка (.), отделяющая периоды или же обособленные предложения одни от других; кроме того, она служит знаком сокращения слов (б. ч. вместо «большую частью», так как вместо «так как» и т. п.); двоеточие (:), употребляемое главным образом перед исчислением отдельных частей сказанного перед двоеточием или же, когда приводится цитата, т. е. дословный текст раньше высказанного другим лицом или же самим автором (см. «Двоеточие»); точка с запятой (;) отделяет сочетания неполных [? — *нрзб.*] предложений или же исчисляемые части расчленяемого целого; запятая (,) служит для отделения друг от друга дальше не разделяемых предложений или же обособленных, вставочных выражений, вроде звательного падежа, сочетаний слов или даже отдельных слов, сообщающих известный оттенок данному предложению и т. п. (например, *таким образом, однако ж* и т. п.). Сюда же относятся: разделение книги на отделы, на главы, на параграфы (§§), статьи...; абзацы (с красной строки); отделительные черты; коротенькие черточки, тире́ (tiret), соединяющие две части сложного слова; пробелы, как более крупные, между строками, так и самые мелкие, между отдельными писанными словами; скобки (), вмещаю-

---

Печатается по первой публикации: *Бодуэн де Куртенэ И. А. Знаки препинания // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2 / сост. В. П. Григорьев, А. А. Леонтьев; отв. ред. С. Г. Бархударов. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 238–239, где напечатано по рукописи 1913 г.: Архив АН СССР. Ф. 770. Оп. 3. Ед. хр. 7.*

щие слова, выражения и фразы вводные, объяснительные и т.п.; выноски (*, *, ¹, ²...), внизу страниц или в конце книги, со ссылками или же с объяснениями отдельных слов главного текста. 2) Другая категория знаков препинания, имея тоже отношение к морфологии или расчлененности писанной речи, подчеркивает главным образом семасиологию и на его отношении к содержанию письменно обнаруживаемого. С помощью кавычек («») отличается чужое или предполагаемое с оговоркою «будто бы», «так сказать», «дескать», «мол» от своего без оговорок. Сюда же относятся: вопросительный знак (см.), восклицательный знак (см.). Предполагался тоже особый знак иронии, но пока безуспешно. Эти последние знаки связаны с различным тоном речи, т.е. отражаются в общем психическом оттенении произносимого. Конечно, и морфологические знаки препинания (точки, пробелы...) отражаются до известной степени в произношении, особенно при медленном темпе: паузы, остановки, передышки. Особого рода знаки препинания: многоточие (...), когда что-то не доканчивается или подразумевается; заменяющая многоточие черта (—), которая, особенно в беллетристических сочинениях, заменяет то запятую или же скобки, то кавычки; апостроф (см.). Кавычки и скобки ставятся с обеих сторон приводимого — и перед, и после; восклицательный знак и вопросительный знак ставятся только в конце. Испанцы однако ж отмечают не только конец, но тоже начало восклицания (!) или же вопроса (?). Принятая в Европе система знаков препинания восходит к греческим Александрийским грамматикам; она была окончательно установлена с конца XV столетия особенно венецианской семьей типографщиков Мануциус (Manutius). У разных народов имеются разные способы расставлять знаки препинания, особенно запятую. В древнеиндийской письменности (санскрит) нет вовсе наших знаков препинания; там слова пишутся слитно, а знаками / и // отделяются или отдельные стихи, или же отдельные фразы. Раньше и в европейских письменностях, между прочим в церковнославянской, слова писались слитно и без знаков препинания.

А. М. Пешковский

ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ И НАУЧНАЯ ГРАММАТИКА

В нижеследующих таблицах мы обходим основные „проклятые“ вопросы методики грамматики и правописания, как-то: необходима ли грамматика при обучении правописанию (в частности, синтаксис при обучении пунктуации), или нет, должна ли она преподаваться в связи с правописанием, или как самостоятельный предмет, или не должна преподаваться вовсе; если должна, то в средней школе или низшей, в младших классах или в старших и т. д. Мы хотим только, исходя из данного положения вещей, при котором грамматика признается насущно необходимой при самом начальном обучении, как „служанка правописания“, и предполагая, что основные положения нашего „Русского синтаксиса“ могут в отдельных случаях тем или иным путем, при помощи посредствующих учебников или устных разъяснений учителя, дойти до школьника, выяснить, как сложились бы правила о знаках препинания на почве наших грамматических принципов. К сожалению, общепризнанной пунктуации у нас еще нет. Соответствующий отдел в „Русском правописании“ Грота, единственного общепризнанного орфографического авторитета нашего, так неполон, так неточен и так расходится в иных случаях с общеустановившеюся за последнее время практикой, что исходить из него одного нет возможности. Современные школьные грамматики, больше всего на свете стремящиеся быть верными Гроту, в этом отде-

---

Печатается по изданию: *Пешковский А. М.* Знаки препинания и научная грамматика // Пешковский А. М. Школьная и научная грамматика: опыт применения научно-грамматических принципов к школьной практике. 2-е изд., испр. и доп., с приложением доклада: «Роль выразительного чтения в обучении знакам препинания», читанного на Первом Всероссийском Съезде преподавателей русского языка средней школы в Москве. [Пл.] 3. М.: Литературно-издательский отдел Народного комиссариата по просвещению, 1918. С. 81–106. Впервые опубликовано в 1-м изд. книги: *Пешковский А. М.* Школьная и научная грамматика: опыт применения научно-грамматических принципов к школьной практике. М.: Тип. В. М. Саблина, 1914.

ле по необходимости изменяют и дополняют его каждая по-своему. Нижеследующее основано частью на Гроте, частью на некоторых наиболее распространенных школьных учебниках, частью (минимально) на собственных наблюдениях и пожеланиях.

І. Знаки препинания в отдельном предложении.

1) Однородные члены слитного предложения отделяются друг от друга запятой; если они соединены союзом, то запятая ставится перед ним¹).

Исключ^ения». — а) Перед не повторяющимися в данной группе однородных членов союзами **и**, **да**²), **или** запятой не ставится; при повторяющихся только один раз союзах **и** и **ни** запятая то ставится, то не ставится (употребление колеблется).

б) Однородные члены, не соединенные союзами и распространенные другими зависящими от них членами настолько, что внутри однородных групп имеются свои ритмические раздельные пункты, а паузы между отдельными группами приобретают в связи с этим характер физиологически-необходимых моментов передышки, — отделяются друг от друга точкой с запятой („за ним душистая черемуха, целые ряды низеньких фруктовых деревьев, потопленных багрянцем вишен и яхонтовым морем слив, покрытых свинцовым матом; развесистый клен, в тени которого разостлан для отдыха ковер; перед домом просторный двор с низенькою свежеею травкою, с протоптанною дорожкой от амбара до кухни и от кухни до барских покоев; длинношейный гусь, пьющий воду с молодыми и нежными, как пух, гусятами; частокол, обвешанный связками сушеных груш...“ Гог(оль)). Впрочем, в огромном большинстве случаев группы эти могут быть приняты и за отдельные неполные предложения, и тогда случай этот подойдет под исключ^ение» 3 таблицы» II.

2) Обособленные члены и группы отделяются от других членов того же предложения запятыми; если при таком члене есть союз (из подчинительных — сравнительные и пояснительные, из сочинительных — „или“, см. „Русск(ий) синтаксис“ стр. 420), то запятая ставится перед союзом.

Прим^ечание» 1. Обособленный член (или группа), стоя в самом начале предложения, тотчас после союза, соединяющего в се данное предложение с предыдущим, отделяется от этого союза запятой, хотя обособляется в произношении вместе с союзом („он подошел **и**, беря меня за руку, сказал...“, „я знаю, **что**, сделав это, вы расклетесь“).

¹ Так как изложение рассчитано на специалистов-учителей, то примеры приводятся лишь в необходимейших случаях.

² „Да“ с противительным оттенком, по нашему определению, в слитных предложениях не употребляется: в таких случаях, как: „мал золотник, да дорог“ или „велика Федора, да дура“ мы видим 2 предложения (полное и неполное).

Примечание 2. Подлежащее от сказуемого или сказуемого сочетания, сказуемый член от связки и управляемое дополнение от управляющего им слова никогда запятой не отделяются, как бы они ни произносились.

3) Вводные слова и сочетания, независимо от их произношения, ставятся почти всегда в запятых.

4) Обращение (с подчиненными ему членами), стоя в середине предложения, ставится в запятых; стоя в начале предложения, отделяется или запятой, или восклицательным знаком (с последующей малой буквой), в зависимости от силы ударения на нем и длительности последующей паузы; стоя в конце предложения, отделяется от предыдущего запятой; если слова, составляющие всю звательную группу, разделены друг от друга другими членами предложения, то каждая изолированная часть группы ставится в запятых („отколе, умная, бредешь ты, голова?“ Крыл(ов)).

5) Междометие, стоящее в середине предложения, отделяется от предыдущего запятой, а от последующего запятой или восклицательным знаком (с последующей малой буквой), в зависимости от силы ударения и длительности последующей паузы („а ныне, ах, её зовут уж на бостон!“, „да, чу! и ворон прокричал...“ Крыл(ов)); междометие, стоящее в начале предложения, — запятой или восклицательным знаком, в зависимости от тех же причин.

Исключение. — Междометие, стоящее в начале предложения, лишается иногда всякого ударения, всецело примыкая ритмически к последующему слову („о ты, чьей памятью кровавой...“, „о страшное, невиданное горе!“ Пушкин); „ну то-то-ж, говорит им слон: смотрите!..“ Крыл(ов)), или, наоборот, несет на себе главное ударение, притягивая к себе всецело ближайшее слово, делающееся от этого безударным („ах ты, бедность горемычная...“ Никитин); „эй вы, навывы, навывы! шевелись живей!“ Некрасов); в обоих случаях запятой лучше не ставить.

6) Встречающиеся внутри отдельного предложения паузы³), если они не совпадают с пунктами, отмечаемыми, согласно предыдущему, за-

---

³ Употребляем здесь, как и везде, этот термин в строго физиологическо-акустическом смысле, понимая под ним полную приостановку работы органов речи и полное прекращение звуковых колебаний, хотя бы на ничтожный промежуток времени. В просторечии, в школьных учебниках и в декламационной литературе под паузами нередко понимают те ритмические разделы, которые получаются между двумя сильнейшими ударениями и обуславливаются минимальным выдыханием и минимальной силой звуков. В сочетании, напр., „я работаю, а ты ничего не делаешь“, произносимом с усиленным противопоставлением и с усиленными ударениями на „я“ и на „ты“, многие готовы были бы уловить паузы между „я“ и „работаю“, „ты“ и „ничего“. На самом деле, точные наблюдения показывают, что течение речи здесь ни на миг не прерывается. Наблюдая над движениями своих органов речи, читатель заметит, что, как бы он ни ударял на „я“, как бы ни старался выделить его, кончик его языка непременно заблаговременно приподымается еще до окончания звука я (вернее а), чтобы в должное мгновение начать производить звук р, так

пятой, можно разделить на следующие разряды: а) паузы отвлеченно-логические, производимые с целью расчлнить мысль на понятия, пользуясь разделением речи на слова (раздельное втолковывание кому-либо чего-либо, лекция, проповедь); сюда же можно отнести и паузы, искусственно производимые для расчленения речи (напр., у актера, боящегося, что при плавном произношении фраза выйдет слишком длинна и книжна); б) паузы, связанные с данной языковой формой мысли, как синтаксической, так и ритмическо-мелодической (опущение, слабая синтаксическая связь, резкая и внезапная перемена тона, резкое последующее ударение и т. д.), а отчасти и с эмоциональной стороной ее (желание удивить, поразить последующим, сильнее запечатлеть его); в) паузы чисто-эмоциональные, связанные с испытываемыми человеком в момент речи чувствами, волнением, стеснением и т. д.; г) паузы случайные, возникающие вследствие внезапного, непредвиденного перерыва речи. Первого рода паузы ничем не отмечаются на письме, второго рода — отмечаются чертой, о которой мы еще будем говорить ниже, третьего и четвертого рода многоточием (*„Братцы... отпустите меня... за что вы меня тащите... это вон он съ своим братом... мужик тот... седой-то... обобрали купца...“* Григ<орович>; последнее предложение эмоциональными паузами разбито на 4 части. Хорошие примеры на случайные паузы внутри предложения дает разговор городничего, Анны Андреевны и Марьи Антоновны с Осипом в „Ревизоре“, действие 3-е, явление 10-е, где действующие лица все время перебивают друг друга, см „Практический курс синтаксиса русского языка“ Д. Н. Овсяннико-Куликовского и П. Н. Сакулина, стр. 261).

Примечание. — Рядом со всеми перечисленными знаками от деления существует внутри предложения и особый знак слияния, не подходящий, собственно, под понятие „знака препинания“. Это — черточка в таких случаях, как: „поэт-художник“, „механик-самоучка“, „тянут-потянут“, „ходил-ходил“, „раза два-три“, „раз-другой“ и т. д. Во всех этих случаях знак этот означает особую ритмическую цельность соединяемых элементов.

что голос переходит со звука а на р, как при пении legato, без малейшего перерыва (сравн.: „Яра хор мне нравится, а Стрельны нет“, где произношение то же). Точно так же в словах: „а ты ничего не делаешь“, как бы мы ни ударили на „ты“, мы все-таки произносим слитно: „тыни“ или „тыничи“ (чем сильнее читатель будет ударять, тем яснее услышит это, если только не захочет искусственно прервать голос). Спрашивается, чем же объясняется впечатление пауз? Тем, что здесь находятся слабейшие в выдыхательном и акустическом отношении места, которые сами по себе никакого отношения к делению речи на слова не имеют и могут приходиться и по середине слов (напр., между „ра“ и „ботаю“, между „ни“ и „чего“), но которые мы, по нашей привычке расчлнять мысленно речь на слова, всегда локализуем на ближайших словесных границах. Так вот от таких-то „пауз“, называющихся в физиологии звуков речи границами между речевыми „тактами“, и надо отличать те настоящие паузы, о которых мы говорим здесь и в дальнейшем.

II. Знаки препинания в сложном предложении.

Общее правило. Отдельные предложения, составляющие одно сложное предложение, отделяются друг от друга запятой; если одно предложение попадает в середину другого, то оно с обеих сторон выделяется запятыми.

Исключения: 1) Неполное бесподлежащее предложение, заимствующее подлежащее из предыдущего предложения или не нуждающееся в подлежащем вследствие формы лица сказуемого (см. „Русский» синтаксис“; стр. 336) и соединенное с предыдущим предложением неповторяющей и м с я в данной группе предложений союзом и при соответствующей союзу однотонной „перечисляющей“ интонации, не отделяется от предыдущего никаким знаком препинания (*„он посмотрел на меня, подумал и сказал“*; *„прийди и возьми!“*; но если интонация в противоречии с союзом резко подчинительная (повышение голоса для выражения причинной, временной и т. д. связи), то запятая, по общему правилу, ставится (*„не знаю скуки с зевотой, и благодарю Бога“*. Вяземский»). Если заимствование происходит из последующего предложения, то запятая при тех же условиях может отсутствовать и перед **или** (*„глядишь и не знаешь, идет или не идет его величавая ширина...“* Гоголь»).

2) Те же бесподлежащие предложения, если они не соединены союзами, произносятся с перечисляющей интонацией и при этом настолько распространены, что внутри всех или некоторых из них имеются свои ритмические раздельные пункты, а паузы между отдельными предложениями приобретают в связи с этим характер физиологически необходимых моментов передышки, — отделяются друг от друга точкой с запятой (*„осаждающие слабели духом и телом, терпя ненастье, иногда голод; роптали; не смея винить короля, винили главного воеводу Замойского; говорили, что он...“* Карамзин»).

3) При тех же условиях и все другие неполные предложения могут отделяться друг от друга точкой с запятой, особенно если в последующем подводится им итог или в предыдущем имеется указание на ожидаемое перечисление (*„опаленные сосны, исторгнутые из утробы земной с глубокими корнями; обожженные скалы; дым, восходящий густым, черным облаком от сего огнища: всё это образует картину столь дикую...“* Батюшков»; *„... вдруг так и запахнет деревнею: низенькой комнаткой, озаренной свечкой в старинном подсвечнике; ужином, уже стоящим на столе; майскою темною ночью, глядящею из сада, сквозь растворенное окно, на стол, уставленный приборами; соловьем, который обдаёт сад, дом и дальнюю реку своими раскатами; страхом и шорохом ветвей...“* Гоголь»).

4) При тех же условиях и полные соподчиненные придаточные предложения могут отделяться друг от друга точкой с запятой

(„темные предания гласят, что никогда Горохино было село богатое и обширное; что все жители оного били зажиточны; что оброк собирали единожды в год и отсылали неведомо кому на нескольких возах...“ Пушк^{ин})

5) Полные независимые предложения, не соединенные союзом и произносящиеся с той же перечисляющей интонацией, тоже могут отделяться точкой с запятой („уж небо осенью дышало, уж реже солнышко блистало, короче становился день; лесов таинственная сень с печальным шумом обнажалась; ложился на поля туман; гусей крикливых караван тянулся к югу...“ Пушк^{ин}). С внутренней стороны предложения эти являются обычно частями одной общей картины (природы или душевной жизни, безразлично), почему автор и сливает их в одно целое, хотя это слияние и не так тесно, как при запятой. С внешней стороны они отличаются тем, что на границах их производятся ясно различные небольшие паузы, тогда как при запятой между такими же предложениями пауз или совсем нет, или они еле уловимы; интонация же их совершенно та же, что и при запятой (рекомендуем вслушаться в чтение примера). Особенно распространена эта точка с запятой в тех случаях, когда в начале сложного предложения имеется вступительное предложение, предупреждающее, что далее последует цельная картина („начали собираться к чаю: у кого лицо измято и глаза заплаыли слезами; тот налегал себе красное пятно на щеке и висках; третий говорит со сна не своим голосом...“ Гонч^{аров}; о двоеточии см. следующий пункт) и при повторении наречий с разделительным оттенком значения („где на батарее сидит куча матросов; где посредине площади, до половины потонув в грязи, лежит разбитая пушка; гдѣ пехотный солдатик, с ружьем переходящий через батареи и с трудом вытаскивающий ноги из липкой грязи...“ Л. Толст^{ой}). Так как цельность картины здесь полная и несомненная, то точка с запятой объясняется здесь, как и в предыдущих пунктах, только распространенностью предложений и присутствием внутри их своих, более мелких, разделительных моментов (срвн. запятую при тех же условиях: „помощник столоначальника жил на большую ногу: на лестнице светил фонарь, квартира была во втором этаже...“ Гог^{оль}; „кто молча отворачивался за недосугом, кто равнодушно отсылал его дальше...“ Григ^{орович}). В тех же случаях, где цельность картины ничем в языке не отмечена (срвн. первый пример), распространенность уже не играет заметной роли, а на первый план выдвигается внутреннее соотношение между мыслями и выражающее их произношение. Нужно еще заметить, что точка с запятой служит во многих случаях (даже гораздо чаще) и для отделения сложных предложений друг от друга (см. табл. III). Поэтому точного правила об употреблении точки с запятой, конечно, дать нельзя. Можно только сказать, становясь на объективную почву, что знак этот служит в настоящее время для двух ритмическо-мелодических типов границ между предложе-

ниями: 1) ровный или восходящий тон с последующей паузой (усиленная запятая) и 2) слегка нисходящий тон с паузой или без нее (неполная точка).

б) Существует в сложном предложении еще одна характерная интонация, которую можно кратко определить, как *неспокойное понижение голоса*. В то время, как понижение вообще имеет в языке заключительное значение (срвн. „Русский» синт«аксис“; стр. 390), это понижение, напротив, ясно говорит слушателю, что дальше что-то ожидается, без чего речь будет неполной. Достигается это тем, что понижение соединяется здесь с особой ритмической формой предложения, которая заключается в следующем: 1) темп речи несколько ускоряется, 2) все ударения приобретают какой-то беспокойный, предупредительный характер (говоря научно, такты речи из трохаических и дактилических делаются ямбическими и анапестическими), 3) на *понижаемом* слове (которое может стоять и не на границе предложений, а гораздо ранее) делается резкое и сильное ударение, резкость которого стоит в прямом отношении к степени понижения: чем ниже, тем резче, 4) после предложения *обязательно* выдерживается, каков бы ни был темп речи, значительная пауза (пауза ожидания). Вот это ритмически-мелодическая фигура и отмечается на письме двоеточием. Мы здесь не имеем возможности, конечно, вдаваться в подробности ритма и мелодии речи. Но мы просим читателя проделать следующий опыт со всеми приведенными ниже примерами: сначала, прикрыв рукой двоеточие и все, что за ним в примере следует, читать оставшееся предложение обычным повествовательным тоном, как если бы ожидалась точка и полный конец речи, а затем тут же читать все сочетание с двоеточием:

Всех мальчиков было пять: Федя, Павлуша, Илюша, Костя и Ваня (Тург«енев»).

Они сдержали слово: в глубокую полночь зажгли костры свои (Карамз«ин»).

Птиц не было слышно: они не поют в часы зноя (Тург«енев»).

По-немецки он знал лучше меня: ему пришлось толковать смысл некоторых стихов (Тург«енев»)

Помощник столоначальника жил на большую ногу: на лестнице светил фонарь, квартира была во втором этаже (Гог«оль»).

„Имею честь представиться: попечитель богоугодных заведений, надворный советник Земляника“ (Гог«оль»).

Зреет рожь — тебе заботушка:

Как бы градом не побилася...

Хлеб поспел — тебе кручинушка:

Убирать ты не управишься... (Никит«ин»)

Думаем, что читатель, как бы плохо он ни читал, уловит при этом разницу между обоими понижениями и заметит, на сколько характерны оба они. Что касается логических отношений между соединяемыми этим путем мыслями, то они подробно описаны у Грота, куда мы и отсылаем читателя. Может быть, они и могут иметь известное ориентирующее значение (особенно для начинающего), но в сущности они настолько разнообразны и разнородны (напр., перечисление и причинность), что не могут объяснить употребления во всех этих случаях одного знака; декламационное же толкование и связанное с ним психологическое (психология ожидания и предупреждения) вполне объясняют дело. Нужно еще добавить, что произношение это употребительно только при бессоюзии. Исключение составляют союзы: „как-то“ и „именно“ (также союзное вводное слово „например“), употребляющиеся перед перечислением, при чем именно на них-то и падает главное понижение и ударение, почему двоеточие и ставится после них, а перед ними запятая („он принял все меры, **как-то**: послал телеграмму, выехал навстречу...“; „я видел там кое-кого из наших, а **именно**: Петрова, Иванова...“).

7) Двоеточие ставится также перед прямой речью и всеми разновидностями её, т.-е. дословно приводимыми мыслями, цитатами, заглавиями, названиями и т.д. По существу, двоеточие имеет здесь тот же смысл, что и в предыдущем пункте (срвн. чтение двоеточия в сочетаниях: „швейцар поразил его словами: „не приказано принимать!“ Гог^оль); „сам думает: „Молчи, уж я тебя, воструху!“ Крыл^ов, „вместо ответа она показала свое кольцо с надписью: „Ничто кроме смерти“ Карамз^ин). Но так как этого рода двоеточие в некоторых случаях не читается, а употребляется с чисто зрительными целями, то мы и выделяем его в особый пункт. Таких случаев два: 1) когда неполное предложение, дополняемое прямой речью („сказал“, „воскликнул“ и т.д.), стоит не перед ней и не после неё, а в середине её („сторона мне знакомая“, — отвечал дорожный: — „слава Богу, исхожена вдоль и поперек...“ Пушк^ин); здесь в настоящее время двоеточие и в практике и в учебниках борется с запятой; различие того и другой слегка намечено Гротом и довольно точно, обстоятельно и целесообразно проведено в школьном учебнике С. Бородин („Краткий учебник“, стр. 140–141, изд. 6-е), куда мы и отсылаем читателя (заметим только, что сложные логико-синтаксические построения автора ясно дают следующий простой ритмический результат: если неполное предложение произносится быстро и без паузы или с едва заметной паузой на конце, то ставится запятая, а если оно произносится медленнее и с ясной паузой на конце — двоеточие); 2) перед названиями книг, журналов, литературных и художественных произведений, учреждений, обществ, частных владений, пароходов и т.д., если они образуют отдельное неполное предложение или, приближаясь к школьному языку, неграмматическое приложение („мы гово-

рили о романе Мережковского: „Воскресшие боги“; „я приехал на пароходе: „Великая княгиня Ольга“). Впрочем, это последнее двоеточие, если оно не оправдывается произношением, все больше и больше выходит из употребления. С другой стороны, на каждом шагу встречаются случаи, в которых двоеточие перед прямой речью не нужно („...хотя эти деревца были не выше тростника, о них было сказано в газетах..., что „город наш украсился, благодаря попечению гражданского правителя, садом...“ и что при этом „было очень умилительно глядеть, как сердца граждан трепетали в избытке благодарности...“ Гог^оль); „вот если вы не согласитесь с этим последним тезисом и ответите: „Не так“ или „не всегда так“, то я, пожалуй, и ободрюсь духом... Ибо не только чудак „не всегда“ частность и обособление, а напротив...“ Дост^оевский); „вышли в свет „Записки об уженьи рыбы“... Акс^аков) и которые проще всего отличать от случаев с двоеточием на почве произношения. На той же почве следует в некоторых случаях отличать и самую прямую речь от заместительных слов и сочетаний (срвн. по произношению: „далече грянуло „ура“ и: „далече грянуло: „ура!“ „авось“ да „живет“ до добра не доводят“ и: „...и не обскобливши, пустила на свет, сказавши: „живет!“ Гог^оль).

8) Внутри прямой речи, которая, даже когда она занимает всю книгу, составляет вместе с начальным дополняемым ею неполным предложением своего рода „сложное предложение“ (распадающееся, конечно, на ряд других сложных предложений), знаки препинания ставятся по общим правилам.

9) После заключительных кавычек прямой речи с предшествующим восклицательным знаком, вопросительным, вопросительно-восклицательным (?) и многоточием никакого знака не ставится, хотя вышеуказанные знаки относятся только к прямой речи, а не ко всему предыдущему („в первую минуту разговора с ним не можешь не сказать: „какой приятный и добрый человек!“ В следующую затем минуту...“ Гог^оль), после „человек!“ сразу большая буква без знака).

10) Наоборот, если прямая речь требует после себя точки, то перед заключительными кавычками знака совсем не ставится, а ставится один знак после кавычек, именно тот, какого требует всё данное целое, или даже не ставится никакого знака, если оно его не требует („Швейцар поразил его словами: „не приказали принимать““ Гог^оль); „вот если вы не согласитесь с этим последним тезисом и ответите: „Не так“ или „не всегда так“, то я пожалуй...“ Дост^оевский), в первом случае после кавычек точка, во 2-м случае никакого знака, в 3-м случае запятая, сама же прямая речь во всех трех случаях одинаково требует после себя своей отдельной точки, всюду выпускаемой). Оба последние правила представляют яркий (хотя и не замечаемый обычно) пример неграмматичности и нелогичности знаков препинания и в то же время полного их соответствия произносительным намерениям пишущего.

11) Два придаточные предложения, соподчиненные и в то же время сочиненные союзом „и“ (*„иногда, когда пламя горело слабее и кружок света суживался, из надвинувшейся тьмы внезапно выставлялась лошадиная голова...“* Тург^енев), то разделяются, то не разделяются запятой (употребление колеблется). По нашему мнению, нет никакой необходимости создавать здесь исключение из общего правила об отделении отдельных предложений, составляющих одно сложное предложение, запятыми.

12) При столкновении двух союзов, происходящем от того, что одно предложение вставляется в другое тотчас после его союза (*„знаю, **что, когда ты занят, тебя нельзя беспокоить“**; „я зашел к нему, **и, так как погода была хороша, мы отправились гулять“**“*), между союзами, вопреки произношению, ставится запятая (срвн. табл. 1, п. 2, примеч. 1).

13) Но если второй из союзов — двойной („если — то“, „если — так“, „так как — то“ и т.д.), то запятой не ставится (*„он смотрел редко, да метко, как говорят русские люди, и **если** замечал что дурное, **то** уж не спускал никому“* Акс^аков).

14) При условиях, указанных в рубрике с., п. 6, табл. 1, между отдельными предложениями сложного предложения возможно и многоточие.

15) Иногда вопросительная, восклицательная и повелительная интонации, соответственно с логико-психологическими взаимоотношениями предложений, комбинируются, в большей или меньшей степени, с сочинительной или подчинительной интонациями. В первом случае ряд таких предложений приобретает характер перечисления, выражаемого полным совпадением в ритме, тоне и тембре всего ряда (*„зачем же здесь? и в этот час?“* Гриб^оедов); *„где цвел? когда? какой весной? и долго ль цвел? и сорван кем?“* Пушк^ин); *„где мы? в какой благословенный уголок земли перенес нас сон Обломова?“* Гонч^аров); *„благодарю покорно: я скоро к ним вбежал! я помешал! я испугал!“* Гриб^оед^ов); во втором случае вопросительная интонация, сбиваясь на подчинительную, слегка понижается (*„Готова записка! — сказал Собакевич, оборотившись. — Готова? Пожалуйте ее сюда!“* „Готова“ произносится не чисто-вопросительно, а как бы комбинируясь с условной интонацией, т.е. отчасти „если готова“), а восклицательная и повелительная приобретают чрезвычайно разнообразные и с трудом уловимые оттенки, указывающие на отношение к дальнейшему (*„ **послушайте-с! извольте-ка проснуться...“**; „ **скорее в обморок! — теперь оно в порядке...“**“* Гриб^оедов). Во всех этих случаях весь ряд таких предложений приходится признать одним сложным предложением и, следовательно, внутри сложного предложения оказываются вопросительный и восклицательный знаки (большею частью с последующей малой буквой).

III. Знаки препинания между крупнейшими синтаксическими целыми (сложными предложениями и соотносительными с ними отдельными предложениями).

Примечание. — Предложениями, соотносительными со сложными предложениями, мы называем такие отдельные предложения, которые отделены и от предыдущей, и от последующей речи разделительными синтаксическими паузами (см. „Русский синтаксис“, стрр. 388–391).

1) Крупнейшие синтаксические целые отделяются друг от друга точкой или точкой с запятой; при этом точка обозначает полное отделение автором одной мысли от другой и соответственно с этим полное, постепенное и заблаговременное заключительное понижение голоса; точка же с запятой обозначает неполное отделение мыслей и соответственно с этим неполное и часто запоздалое понижение, проявляющееся иногда даже только на последнем слове предложения. Срвн., напр., чтение точки с запятой в следующих примерах: 1) *„Пьер хотел сначала сесть на другое место, чтобы не стеснять даму, хотел сам поднять перчатку и обойти докторов, которые вовсе и не стояли на дороге; но он вдруг почувствовал, что это было бы неприлично...“* Л. Толстой. 2) *„Характера он был больше молчаливого, чем разговорчивого; имел даже благородное побуждение к просвещению...“* Гоголь. 3) *„Но в жизни все меняется быстро и живо; и в один день, с первым весенним солнцем и разлившимися потоками, отец, взявши сына, выехал с ним на тележке...“* Гоголь. — В первом примере понижение хотя и может нарастать в течение всего последнего предложения („которые вовсе и не стояли на дороге“), но далеко не достигает той степени, как понижение после точки. Во втором примере понижение уже не только слабее, но и позже наступает (предположив точку, мы понизим на „молчаливого“, при точке же с запятой только на „разговорчивого“). Наконец, в третьем примере понижение может иной раз обнаружиться только на последнем слове („жи-“ может быть еще высоко, а „-во“ уже низко, то же, впрочем, при ином чтении, и в первом примере). Но во всяком случае во всех 3-х примерах то чтение точки с запятой, которое указано в п. 5 табл. II, совершенно невозможно (рекомендуем прочитать под ряд оба ряда примеров и сравнить).

Примечание. — Нечто в роде знака препинания составляет так наз. красная строка. Значение ее преимущественно логическое: она разделяет крупнейшие логические целые вне всякой связи с языковой формой их. К тому же она в живой речи, как ритмическо-мелодический тип, и невозможна, так как всецело связана с литературной работой. В чтении она отличается от точки обязательностью и особой продолжительностью паузы.

2) Вопросительные крупнейшие синтаксические целые, т.е. те сложные предложения, в которых главное предложение — вопросительное, а также отдельные вопросительные предложения, соотносительные с ними, отделяются от последующей речи вопросительным знаком.

Примечание. — Если в сложном предложении вопросительным является придаточное предложение, то получается так наз. „косвенный“ вопрос, никаким знаком не отмечаемый. Но в некоторых случаях, когда вопросительная интонация решительно преобладает над подчинительной, т.е. когда „косвенность“ вопроса совершенно ничтожна (см. „Русский синтаксис“, стр. 424), возможен и здесь вопросительный знак („мы думаю, скажи, проникнуты ль одной, и видится ль тебе туманный образ брата, с улыбкой грустною склоненный надъ тобой?“ А. Толстой; „скажи мне, ветка Палестины: где ты росла, где ты цвела?“ Лермонтов). В первом примере оба вопросительных придаточных предложения так распространены и так логически-важны, а главное („скажи“) так коротко, так далеко от конца и носит, при данном словорасположении, такой вставочный характер, что декламационная победа придаточных, а с ней и вопросительный знак неизбежны. Другого рода второй пример: в нем возможно двоякое произношение, с вопросом и без вопроса, и в связи с этим двоякая пунктуация, двоеточие с вопросительным знаком в конце или запятая без вопросительного знака. При этом вопросительное произношение неразрывно связано с произношением предшествующего двоеточия, т.е. с ритмическо-мелодической фигурой табл. II, п. 6, так что здесь получается особый сложный тип произношения и пунктуации (: + ?).

3) Восклицательные и повелительные крупнейшие синтаксические целые (в том же смысле, как в предыдущем пункте) отделяются от последующей речи восклицательным знаком.

4) Комбинация вопросительного и восклицательного произношения крупнейшего синтаксического целого изображается комбинацией соответствующих знаков (?!).

5) Есть в языке еще одна характерная ритмическо-мелодическая форма крупнейшего синтаксического целого, заключающаяся в соединении неполного и запоздалого понижения голоса, как при разделительной точке с запятой, с обязательной и длительной паузой на конце и особым тембром всего целого, зависящим от той или иной эмоциональной окраски его. Форма эта изображается многоточием („Как дымные очерки туч на алом разливе заката, плывут и плывут предо мной далекие тени былого... И вспомнил я детство мое, — мое одинокое детство...“ Надсон; второе многоточие тоже авторское). Так как тут в дело замешивается тембр, то описать точно этот тип произношения крайне затруднительно, но мы уверены, что читатель, попробовав произнести для опыта весь пример спокойно-повествовательно, сразу схватит

путем сравнения особый характер необходимого здесь произношения. Психологически тип этот, как и тип разделительной точки с запятой, объясняется неполным отделением данной мысли, но не от следующей, и не от предыдущей, а от внеязыковых переживаний данного момента. Отсюда и его эмоциональная окраска. Типом этим произносящий хочет намекнуть на что-то недосказанное, показать, что сказанное, несмотря на синтаксическую полноту его, есть лишь слабое, бледное, частичное выражение переживаемого.

6) Комбинация этого произношения с вопросительным или восклицательным выражается комбинацией соответствующих знаков (?.. и !..).

7) С этим многоточием не следует смешивать многоточия после прерванных крупнейших синтаксических целых (срвн. табл. I, п. 6), которое является, собственно, внутренним знаком и оказывается на границе крупнейших синтаксических целых только из-за того, что данное синтаксическое целое не закончено.

IV. Употребление скобок, кавычек и черты.

Примечание. — Так как употребление скобок и кавычек, а в большинстве случаев и черты совершенно не связано с дроблением речи на предложения и группы предложений, то мы и выделяем эти знаки в особую рубрику, чтобы не повторять про них одного и того же в каждой из предыдущих рубрик.

1) В скобках ставится все, носящее и внешне и внутренне вставочный характер, будь то отдельный член предложения, или даже отдельное крупнейшее синтаксическое целое [*„Ну что, брат, как-во делишки, Клим, идут? (В ком нужда, уж того мы знаем, как зовут)“* Крыл'ов]. Характерными особенностями произношения являются здесь ускорение темпа речи и ослабление выдыханий и силы звука (более тихая речь), что и создает впечатление чего-то добавочного, неважного для основной речи, мимолетного. При этом тут важно именно соединение этих двух признаков: в отдельности быстрый темп совсем не обозначает незаинтересованности говорящего, а скорее, напротив, возбужденность его; тихое произношение тоже способно передавать возбуждение (трагический шопот). Но именно то, что мы здесь производим известные слова и быстрее, и тише, чем все окружающее, выражает ослабление интереса в данном пункте. Что касается знаков перед скобками и после них, то тут надо различать 2 случая: а) если в скобки попадает какая-либо часть крупнейшего синтаксического целого, то перед ними не ставится тот знак, который должен бы был стоять перед ними [*„И с обществами та ж судьба (сказать меж нами), что с деревянными домами“* Крыл'ов]; б) если в скобки попадает крупнейшее синтаксическое целое (более редкий случай), то перед ними и после них

ставятся те знаки, какие были бы и при отсутствии скобок (прим^{ер}ы см. выше).

2) В кавычках ставится все, что автор хочет выделить, как чужую речь, хотя бы он и не приписывал её определенному лицу или даже определенному народу, или определенной эпохе, а предполагал только, что кто-либо где-либо когда-либо мог бы так выразиться (напр., несмело вводимые новообразования). Другими словами, в кавычки ставим мы все, что не решаемся категорически признать своей речью, будь то отдельное слово или предложение, или сочетание предложений. В произношении такая речь, если она синтаксически сливается с окружающей речью, отличается от нее или подражанием тому лицу, которому приписывается (передразнивание), или просто выделительными признаками: паузами по обеим сторонам, более сильными ударениями, более медленным темпом, иногда ироническим тембром и т. д.

3) Черта употребляется для обозначения обязательной фактической паузы в таком пункте, где по всем предыдущим правилам или не должно бы быть никакого знака („Кому нет места и причины, кого мы называем — Бог“. Державин); „И щуку бросили — в реку“ Крылов) или должна бы быть только запятая („В журналах новость он найдет — все перероет, пересадит...“ Крылов); „Беленькая ручка боязливо высовывает на балкон предметы нежных забот — цветы“. Тургенев; логико-психологическое объяснение подобных пауз см. у Грота, стр. 116, изд. 12-е). Так как запятая сама по себе не обозначает паузы, то черта во втором случае выражает ритмическо-мелодическую запятую плюс пауза, почему и ставится нередко рядом с запятой (прим^{ер}ы см. там же, стр. 117). Под это толкование вполне подходит, как частный случай, употребление черты после перечисления перед словом, подводящим ему итог („И лес, и дальние деревни, и трава — все облеклось в безразличный, какой-то злоеущий цвет“. Гончаров)⁴, потому что и здесь черта нужна только при паузе, при отсутствии же паузы ставится запятая („и радость, и печаль, все было пополам“. Крылов). Напротив, не подходит под него чисто-зрительная, не читающая черта, употребляющаяся в двух случаях: а) для обозначения отрицательной связки („ты — раб, ты — трус, ты — армянин!“ Пушкин); „бедность — не порок“, „старость — не радость“); б) для отделения в чужой речи слов одного лица от слов другого („... , но ведать я желаю: вы сколько пользы принесли? — Да наши предки Рим спасли! — Все так, да вы что сделали такое? — Мы ничего!“ Крылов) или самой чужой речи от слов автора („Поздравляю вас, — сказала она ему, указывая глазами на ленту“. Л. Толстой). Черта первого рода, в связи с общим

---

⁴ Раньше здесь употреблялось преимущественно двоеточие (см. „Русское правописание“, стр. 102, 104 и 117), но в настоящее время окончательно утвердилось, в согласии с произношением, черта.

приближением знаков препинания к произношению, все более и более выводится из употребления. Черта второго рода, представляя удобную замену кавычек и в то же время не искажая произношения, так как оно всецело определяется обязательным сопутствующим знаком, напротив, все более и более входит в употребление.

Читатель, конечно, давно уже заметил, что наше рассмотрение знаков препинания устанавливает определенное соотношение между пунктуацией и основными ритмическо-мелодическими формами языка. И если принять во внимание, что самое понятие предложения берется в наших правилах (как и во всяких других) в его логико-психологическом, а не в грамматическом смысле, потому что под предложением понимается и любой обренок фразы, если он выражает отдельную мысль и произносится с соответствующей интонацией и ритмом, если, далее, принять во внимание, что понятие однородных членов, обособленных членов, вопросительного, восклицательного и повелительного предложений, сложного предложения, в том объеме, в каком они нужны для пунктуации, могут быть установлены только на ритмическо-мелодической почве, что обращение отличается в русском языке от подлежащего почти всегда только ритмом и мелодией, что в сложном предложении границы между отдельными предложениями нормально отмечаются повышениями голоса и ритмическими разделами (см. „Русский синтаксис“, стр. 256), — если все это принять во внимание, то окажется, что чисто-грамматических правил, требующих от учащегося специальной грамматической подготовки, в наших таблицах найдется только четыре (на общее число 39); примеч. 1 и 2, п. 2-го табл. I, п. 3 табл. I и п. 12 табл. II. Все остальные правила и исключения могли бы быть свободно оторваны от синтаксиса и преподаны на почве выразительного чтения и декламационных терминов. Спрашивается, как же примирить этот результат с общеустановленным мнением, что наши знаки препинания в основе своей — синтаксические, что они отражают синтаксическую сторону речи? Признаемся, что мнение это кажется нам в значительной степени пережитком смешения синтаксиса с логикой и психологией. В самом деле, почему такие знаки, как точка, точка с запятой, запятая, двоеточие считаются синтаксическими? Потому что они выражают взаимоотношения между мыслями. Но между какими мыслями, языковыми или вне-языковыми? Там, где те и другие совпадают, где мысли выражаются грамматическими предложениями, и число предложений соответствует числу мыслей, как отдельных психологических моментов, различить этого, конечно, невозможно. Но там, где такого совпадения нет, где мысли выражаются частями предложений или совершенно бесформенными элементами, где логико-психологическое и связанное с ним ритмическо-мелодическое дробление речи совершенно не соответствует синтаксическому, за чем следует там пунктуация: за синтаксисом или за психологией? Относи-

тельно в всех знаков, кроме запятой (о которой ниже), двух ответов на этот вопрос быть не может. Ведь этим только и можно объяснить общепризнанную субъективность знаков препинания. Синтаксис есть по преимуществу сфера общепринятого, объективного. Если бы знаки препинания были по существу синтаксическими, то поставить точку между именительным падежом имени и согласованным с ним глаголом было бы так же невозможно, как не согласовать самого глагола. Однако точку мы имеем право ставить где угодно (см. правило о точке в „Русск^ом правопис^ании“), а не согласовать не можем. По этой же причине нельзя считать знаков препинания и чисто-логическими. Логика тоже общеобязательна. А всякий знает, как пришлось бы перетасовать все точки, точки с запятой и двоеточия любого автора, если бы подвергнуть их отвлеченно-логической критике. С другой стороны, такие явления, как запятые при отдельных грамматически ничем не отличающихся второстепенных членах (обособление), как двоеточие после всякого предупредительного ударения, хотя бы ударяемым словом был союз или предлог, наконец, такие начертания, как: *“Но конец наступил. Самый обыкновенный. Какого и следовало ждать”*. (Ф. Солог^уб), где на месте точек можно было бы поставить любой знак, а отчасти не ставить и совсем знаков, прекрасно объясняются психологической стороной дела и только ею и могут быть объяснены. Конечный наш вывод: знаки препинания выражают по своей основной природе, а в огромном большинстве случаев и в современной практике, взаимоотношения между вне-языковыми, и притом по преимуществу до-языковыми, индивидуальными мыслями, и этим объясняется их субъективная сторона, их зависимость от пишущего; но в то же время, в виду определенного отражения этих взаимоотношений в ритме и интонации речи и в виду существования в языке соответствующих ритмическо-мелодических типов произношения, они неизбежно, хотя и бессознательно, прикрепляются к этим типам, и в этом их объективная сторона, их общеобязательное значение для читающего.

К этому следует присоединить две существенных оговорки:

1) Мы не отрицаем связи между знаками препинания и синтаксической стороной речи, но считаем эту связь косвенной, а не прямой. Так, в табл. I п. 1, исключение b и в табл. II пп. 2, 3 и 4 мы установили, что распространенность сочетания обуславливает точку с запятой, а ведь распространенность есть синтаксический признак. Но там же мы видели, что распространенность вызывает в этих случаях физиологически необходимую паузу, которая и отмечается большим знаком препинания. Значит, знак препинания здесь хотя и связан с синтаксической стороной речи, но косвенно, через физиологию. Точно так же понятия

обособленного члена, слитного предложения, вопросительного, восклицательного и повелительного предложений сложного предложения мы, несмотря на их ритмическо-мелодическую сущность, ввели в свое время в синтаксис и считаем синтаксическими; следовательно, и знаки препинания, с ними связанные, связаны с синтаксисом. Но дело все в том, что все это явления пограничные между синтаксисом и психологией, что в синтаксисе все эти понятия приходится расширять только в силу неразрывности связи между психологической и синтаксической стороной явления, что с чисто-синтаксической точки зрения обособленным членом является только член с измененной конструкцией (срвн. „Русск<ий> синт<аксис>“, стр. 277), слитным предложением — только предложение с союзами, сложном предложением — только предложение с союзами и союзными словами, вопросительным предложением — только предложение с вопросительными частицами, и т. д. А так как знаки препинания именно с этими-то собственно-синтаксическими признаками как раз ни на иоту не связаны, то ясно, что связь их с синтаксисом и здесь косвенная — через психологию.

2) Мы не скрываем от себя и того, что в употреблении одного знака препинания — запятой, современная практика приводит пунктуацию в прямую связь с синтаксисом. Но мы задаемся вопросом, нужна ли эта связь и соответствует ли она основным задачам пунктуации. Это зависит от того, как определять эти задачи. Мы определяем их, как чисто-фонетические — передавать на письме важнейшие (с логико-психологической точки зрения) ритмическо-мелодические оттенки речи. Отдавая в полной мере должное идеографическому принципу в области изображения слов, мы считаем его в области ритма и мелодии по существу неприменимым, ненужным и вредным; неприменимым, потому что самые и де и, которые могли бы быть оторваны от своей звуковой формы и которые действительно заключены в словах, здесь отсутствуют, а изображению подлежат лишь взаимоотношения между идеями, вряд ли могущие по своей отвлеченности и психологической сложности систематически символизироваться обычной, житейской, не какой-нибудь философской орфографией; ненужным — потому что серьезного „зрительного“ значения в смысле сокращения попутных воспроизводительных-слуховых процессов при чтении грамматический знак препинания не может иметь, в чем легко убедиться на нашей искусственной запятой после союза, которой мы никогда не замечаем; вредным — потому что искусственно-грамматическая пунктуация не только лишает письменную речь важных, основных средств выражения (до некоторой степени это вообще для письменной речи неизбежно), но и искажает ее, подставляя, так сказать, под неё несуществующие ритмическо-мелодические формы. В то время, как традиционная этимологическая или лже-этимологическая орфография слова не мешает (или почти не мешает) нам прочитать его естествен-

но, в том самом, приблизительно, звуковом виде, какой имел в виду современный нам автор, искусственный знак препинания всегда может быть произнесен, и тем самым автору будет приписана такая деталь его речи, какой у него не было. Правда, по отношению к отдаленным от нас исторически авторам такую же роль играет и традиционная орфография; она скрывает и искажает для нас звуки их речи. Но тут важно то, что в звуках у нас похищается только материальная сторона их творений, в ритме же и интонации предложений — внутренняя, духовная сторона. Особенно это прискорбно в области изящной литературы. Нет сомнения, что ритм и мелодия художественной речи суть неотъемлемые, органические части общей её художественной формы и связанного с ней содержания. С другой стороны, несомненно, что основные ритмическо-мелодические контуры предложений намечаются для читателя знаками препинания. И совершенно непонятно, почему нужно непременно в этой важной стороне художественного общения автора с читателем посредничество корректора, издателя и декламатора, почему подлинное авторское произношение должно похищаться у нас навек традиционным грамматическим пониманием знаков препинания? И вообще, если в языке есть действительно твердые, общеупотребительные и легко различимые ритмическо-мелодические типы предложений и границ между ними, могущие составить объективную основу для пунктуации (а к такому именно результату приводят не только наши наблюдения, но и специальные труды по теории декламации, срвн. Озаровский „Музыка живого слова“, Спб., 1914), то зачем искать эту основу там, где её так трудно найти, в синтаксисе, как это до сих пор делалось? В частности, возвращаясь к нашему единственному более или менее синтаксическому знаку препинания, запятой, мы считаем: 1) что запятая примеч. 1 п. 2 табл. I и параллельная ей запятая п. 12 табл. II свободно могли бы быть упразднены; 2) что запятые п. 3 табл. I там, где они не оправдываются чтением, должны быть упразднены, так как они служат сейчас специально для затемнения смысла (в предложении, напр., „он сделает это, конечно, с вашей помощью“, только обязательность двух запятых не позволяет различить, к чему относится „конечно“, — к предыдущему, к последующему или ко всему предложению); 3) что безусловная недопустимость запятой в случаях, указанных в примеч. 2 п. 2 табл. I, могла бы быть обоснована на почве логического анализа фразы гораздо лучше, чем на почве синтаксического⁵; 4) что во всех случаях, кроме ука-

---

⁵ Возможно, впрочем, что дальнейшее изучение ритмико-мелодической стороны предложения делает вообще это примечание ненужным, а с ним и данную оговорку. С другой стороны возможно и введение в некоторые из этих случаев запятой или черты, напр., в такие, как: „и пращ, и стрела, и лукавый кинжал — щадят победителя годы“, тем более, что черта и сейчас допускается между логическим подлежащим и сказуемым (при отрицательной связке).

занного в п. 1, теперешняя графическая расчлененность сложного предложения, достигаемая механически-синтаксическим применением запятой и имеющая, быть может, действительно некоторое ориентирующее значение для зрительной стороны процесса чтения, сохранится в общих чертах и при чисто-декламационном применении этой запятой, так как именно в сложном предложении психологическое и синтаксическое дробление речи почти всегда совпадают, а границы между предложениями при нормально-выразительном произнесении почти всегда отмечаются теми или иными ритмическо-мелодическими признаками.

Мы прекрасно понимаем, конечно, что все эти беглые замечания содержат в себе зерно совершенно новой теории знаков препинания и методов обучения им, быть может, преждевременной при данном состоянии вопроса о ритме и мелодии предложения в лингвистической литературе и во всяком случае нуждающейся в более обстоятельном и солидном обосновании. Но, рассчитывая впоследствии вернуться к этому вопросу, мы считали небесполезным уже теперь намекнуть на те неизмеримо-важные практические и в частности педагогические перспективы, которые, может быть, сулит нам научное изучение ритмическо-мелодической стороны речи. Ведь в настоящее время как раз пересматриваются основы методики, грамматики и орфографии. И в области буквенно-орфографической даже поднят вопрос, нужна ли подлинно грамматика для орфографии. Наши наблюдения над языком привели нас к более частному, но совершенно параллельному и практически не менее важному вопросу: нужен ли синтаксис для пунктуации? И какое бы решение ни ожидало этот вопрос в будущем, самую постановку его мы считаем чрезвычайно важной и своевременной.

Л. В. Щерба

ТЕОРИЯ НЕБУКВЕННЫХ ЗНАКОВ РУССКОГО ПИСЬМА

§ 137. Сделать теорию небуквенных знаков русского, как впрочем и любого другого, письма представляется делом крайне трудным, ибо система этих знаков возникла стихийно и, строго говоря, никакой единой теории не лежит в ее основании. Поэтому мне представляются, между прочим, совершенно бесплодными все споры о том, на чем построена система русской пунктуации, на грамматике или на интонации.

§ 138. Дело осложняется еще и тем, что большинство небуквенных знаков письма, как мы это видели, действительно так или иначе связано с ритмикой и интонацией в самом широком смысле этих терминов.

Между тем эта сторона русского языка до сих пор почти что не изучена. Кое-что по этому вопросу, впрочем совершенно кустарное, имеется в литературе по декламации и выразительному чтению. Пешковский пытался, используя эти данные, создать некоторую, основанную на интонации, теорию русской пунктуации в своей статье «Знаки препинания и научная грамматика», напечатанной в его книжке «Школьная и научная грамматика», которая вышла вторым изданием в 1918 г. Но, конечно, это еще только начало дела.

§ 139. Изучение же ритмики и интонации, в свою очередь, сильно затруднено тем, что они не имеют систематического отражения на письме. Действительно, наше письмо далеко не выражает всего того, что вполне четко выражается живым языком. Фраза *Наша бригада вчера отличилась*, будучи написанной, может соответствовать разным фактам живого языка, которые будут иметь разное значение в зависимости от места логического

Печатается по первой публикации: *Щерба Л. В.* Теория небуквенных знаков русского письма // *Щерба Л. В.* Теория русского письма / отв. ред. Л. Р. Зиндер. Ч. 2. Л.: Наука, 1983. С. 123–132. Работа «Теория русского письма» написана в 1942–1943 гг. Впервые опубликована посмертно в книге: *Щерба Л. В.* Избр. работы по русскому языку / подбор текстов, ред., сост. примеч. М. И. Матусевич. М.: Учпедгиз, 1957. С. 144–179, но без части II «Теория небуквенных знаков русского письма».

ударения: она может обозначать, что *Наша бригада вчера действительно отличилась*; может обозначать, что именно *Вчера отличилась наша бригада*; может обозначать, что именно *Наша бригада вчера отличилась*, и т. д. Повелительное наклонение *Принесите* в написанном виде может выражать и приказание, и просьбу, и мольбу. В живом языке это будет совершенно четко выражено соответствующей интонацией. Обращение (звательный падеж), например, *Иван Иванович!* может выражать в зависимости от интонации и тембра голоса и ласку, и порицание, и угрозу, и просьбу, и многое другое. Подобных примеров можно привести очень много.

§ 140. Типология этих интонаций, этих тембров голоса и ритмических фигур в связи с их функцией, как это уже сказано, не только не выяснена, но в сущности не поставлен даже вопрос о самой возможности такой типологии. В самом деле, возможно ли создать своего рода [список] интонаций (понимая это слово в самом широком смысле) русского языка? Или это предприятие принципиально невозможно в виду отсутствия четких противоположений в этой области. Я полагаю, что эта задача не невозможная, хотя и трудная.

§ 141. Трудность задачи, я думаю, зависит от того, что интонационные единицы (фонемы своего рода), с которыми приходится в данном случае оперировать, оставаясь самими собой с фонологической точки зрения, в речи оказываются еще более изменяемыми в зависимости от конкретных условий их проявления, чем это видим у фонем. Так, например, если конец фразы характеризуется понижением тона, а вопросительная интонация — повышением тона, то вопросительная интонация в конце фразы может оказаться фактически понижающейся, но не так, как это имело бы место при повествовательной интонации (таково положение вещей, по-видимому, во французском языке, ср. мою фонетику французского языка, § 198¹), и мы можем таким образом утверждать, что «вопросительной фонемой» является все же повышение тона.

§ 142. Кроме того, возможно, что некоторые «интонационные фонемы» окажутся, если можно так выразиться, «скользящими», в том смысле, что каждая из них будет единой цепью количественных оттенков между двумя противоположностями как в области семантики, так и в области соответственных выразительных средств. Так, возможно, что такой «скользящей» фонемой является, например, нежная интонация, нежный тембр голоса и что какое-либо имя может быть произнесено с различными степенями нежности в голосе, начиная от неподчеркнутого безразличия (подчеркнутое безразличие, по-видимому, имеет свою выразительную интонацию), переходя через разные степени ласковости и кончая максимальной нежностью.

---

¹ Щерба Л. В. Фонетика французского языка. 2-е изд., испр. и расшир. Л.: Гос. учеб.-пед. изд-во Наркомпроса РСФСР, Ленингр. отделение, 1939. — *Примеч. ред. М. И. Матусевич.*

§ 143. Тот факт, что человечество весьма медленно приходило к фонетическому письму, в основе которого лежит ведь типология звуков нашего языка, говорит о том, что выяснение этой типологии, иначе говоря, фонетический анализ языка, — дело очень трудное. Это вполне подтверждается той лингвистической работой, которая проводится у нас в Союзе по созданию алфавитов для бесписьменных народов и по их реформе у народов со старой письменностью. Несмотря на сравнительно высокий уровень наших лингвистических знаний, дело подвигается весьма медленно и не может еще считаться вполне законченным. В первой части книги мы видели, что и для русского языка могут быть затруднения в этой, казалось бы, достаточно обследованной области. Но тогда как для фонетического письма инвентаризация фонем хотя бы в самой грубой форме была совершенно необходима, этого никак нельзя сказать про инвентаризацию интонаций (понимая под этим все, что не является отдельной фонемой): абсолютно необходимой является лишь точка или ее разнообразнейшие эквиваленты. Если некоторые языки, как например семитские, обходятся без обозначения гласных,² то тем более можно обходиться почти без всякой пунктуации, как это и имеет место в целом ряде письменностей: контекст оказывается в той или другой степени достаточным для понимания смысла написанного.

§ 144. Кроме того, у многих культурных народов письменный язык, не переставая, конечно, быть функцией устного, тем не менее в той или другой мере разошелся с этим последним, как бы отдифференцировался от него. В частности, он не использует многих его выразительных средств, в связи с чем не имеет и способов их обозначать. Так, расчет на логическое ударение обнаруживает неопытного или небрежного стилиста.

В вышеприведенной фразе *Наша бригада вчера отличилась* логическое ударение на первом слове (*наша*) должно быть выражено в письменном языке особым словечком — *это*: *Это наша бригада вчера отличилась*. Логическое ударение на слове *вчера* в письменном языке выражается порядком слов: *Наша бригада отличилась вчера*. Так, приказания, просьбы, мольбы в письменном языке выражаются специальными ремарками: *принесите, приказал он (просил он или умолял он)*. Разные интонации при обращении тоже будут выражаться специальными ремарками, вроде *ласково окликнул он, укоризненно промолвил он, сказал он, и в тоне его слышалась угроза* и т. п. Разделение предложения на две части, из которых первая является психологическим подлежащим, а вторая — психологическим сказуемым, очень удобно выражается в устном языке специфической интонацией, которая на письме изображается посредством тире. Однако,

---

² Возможность этого принципа обуславливается, — отнюдь, однако, не оправдывается, — исключительно грамматической, а не семантической функцией гласных в этих языках.

в строгом стиле письменного языка подобное тире считается неуместным, и разделение обыкновенно выражается другими средствами.

Так, фразу Чехова *Я вас спрашиваю: рабочим — нужно платить?* можно переделать следующим образом, сохраняя даже разговорный стиль: *Я вас спрашиваю: рабочим-то платить ведь нужно?* Фразу *Мне — ничего не надо* — с такой именно интонацией в строгом стиле следует переделать так: *Что касается меня, то мне ничего не надо.*

§ 145. Резюмируя все вышесказанное, вполне можно утверждать, что отсутствие инвентаря значащих интонаций в русском языке вполне объясняется, с одной стороны, трудностями самого дела, а с другой — отсутствием достаточно сильных практических стимулов для этого предприятия.

Что какая-то типология интонаций все же возможна, умозаключаю, между прочим, из того, что их отдельные типы понемногу выясняются в разных языках. Так, во французском языке различили теперь три типа «ударения» с различными функциями: ритмическое, эмоциональное и «логическое», не совпадающее, однако, с русским логическим (подробнее об этом см. мою «Фонетику французского языка»).

В русском языке, как мне кажется, я сумел различить следующие типы «ударения», тоже, конечно, с разными функциями: словесное, фразовое (на конце синтагм), логическое и эмфатическое, характеризующееся приближением к полному стилю произношения, и т. д.

Пока, однако, нет полной типологии таких интонаций, до тех пор нельзя до конца понять существующую систему нашей пунктуации, ни тем менее пытаться построить рациональную теорию небуквенных знаков вообще.

§ 146. Чтобы хоть немного все же разобраться в путанице всяческих правил нашей пунктуации, следует стать на практическую точку зрения и спросить себя, что нужно добавить к более или менее длинному тексту, записанному, в основном, фонетическом письмом, для того, чтобы облегчить его чтение и понимание, если он написан сплошь без всяких делений, как это несомненно имело место в начале письменности и как это мы имеем, до некоторой степени, и сейчас, например, в арабском письме.

Совершенно очевидно, что для этого самым необходимым было отмечать смысловое членение данного текста. Но с какой стороны подходили к этому членению — непосредственно со смысловой или через посредство его звукового выражения? Несомненно, что в разных условиях это было по-разному. Как и сейчас, при чтении про себя звуковая сторона у вполне грамотного человека, вероятно, играла минимальную роль и знаки делимости текста воспринимались непосредственно в их смысловом значении. Совсем другое дело было при чтении вслух, например, церковных книг во время богослужения или различного рода официальных документов при судоговорении и т. п.

Наш современный опыт подсказывает, что в этих случаях читающий редко до конца осмысливает текст и знаки делимости текста воспринима-

ет как фонетические сигналы способа его произношения. При переписке текстов, которая до изобретения книгопечатания играла громадную роль в деле развития письма, очевидно, тоже было два сорта переписчиков: одни списывали букву за буквой, а потому знаки делимости текста не воспринимали ни как фонетические, ни как смысловые; другие же переписывали, читая переписываемое вслух или шепотом и, конечно, по смысловым частям — синтагмам. Как происходило дело при творческом письме, сейчас это трудно себе представить с достаточной уверенностью, но подобное письмо, конечно, далеко не играло той роли, которую оно играет сейчас.

§ 147. Как бы то ни было, но совершенно очевидно, что все наши так называемые знаки препинания в своей основной функции возникли из потребности обозначить членение речи. В настоящее время знаками членения по преимуществу являются, кроме скобок, имеющих своеобразную функцию, красная строка, точка, точка с запятой и запятая, причем прописная буква, как знак исторически связанный с красной строкой, является в настоящее время вспомогательным знаком точки, ставящимся не в конце отделяемого члена, а в его начале. Знаки вопросительный и восклицательный, а также многоточие имеют ту же основную функцию, что и точка. Двоеточие — ту же, что точка с запятой, а тире — ту же, что и запятая. Отличием всех этих знаков от точки, точки с запятой и запятой являются разные дополнительные функции, о которых будет сказано ниже.

§ 148. Русская пунктуация, как и русское правописание, развивалась совершенно стихийно, и в настоящее время в конце концов остается неясным, что собственно она призвана выражать — непосредственно идеи или те или другие средства выражения этих идей. Трудность вопроса усугубляется еще тем, что разные средства выражения на практике нередко противоречат друг другу: союз *что* сигнализирует нормально новую мысль, однако во фразе *Зная, что брат уехал, я отправился на хутор* *зная, что брат уехал* представляет собою интонационно единое целое, выражающее одну мысль. Другой пример: во фразе *Я приехал в Киев вчера* порядок слов указывает на слово *вчера*, как на психологическое сказуемое; однако если сделать логическое ударение на *Киев*, то психологическим сказуемым будет это последнее. Подобных примеров можно приводить множество, они всем известны.

§ 149. Посмотрим, прежде всего, какие идеи могут выражаться так называемыми знаками препинания в русском языке.

Во-первых, они могут выразить семантическое единство, т. е. единство слова. Для этого служат, с одной стороны, пропуски между словами, а с другой стороны, так называемая черточка, или дефис, соединяющая два слова в одно: *женщина-врач*, *красавица-зорька*, *какой-нибудь* и т. д.

Во-вторых, знаки препинания могут выражать синтаксические единства разных порядков — более мелкие и более крупные. Первые вы-

ражаются запятой, чертой. Вторые выражаются точкой, абзацем. И те и другие могут выражаться скобками, точкой с запятой, двоеточием, знаками вопросительным и восклицательным. Примеры излишни, так как все это общеизвестно. Иначе говоря, указанные знаки служат для выражения расчлененности более сложных мыслительных единств.

В-третьих, знаки препинания могут выражать общий характер синтаксических единиц, так называемый повествовательный (точка), вопросительный (знак вопроса), эмоциональный (разного содержания — знак восклицательный, многоточие).

В-четвертых, знаки препинания могут выражать отношения между синтаксическими единствами. Таковы двоеточие, черта, скобки, запятая, точка с запятой.

В-пятых, знаки препинания могут выражать и некоторые другие идеи, как например обозначать те или другие слова. Далее, надо подчеркнуть, что большинство этих идей так или иначе выражаются в языке и притом не обязательно интонационными средствами, а и служебными словами или грамматическими формами и, наконец, порядком слов. Так, вопрос может, между прочим, выражаться вопросительными словами с фразовым ударением на них: *Какую гадость вам устроили? Как ты пишешь?* Удивление (восхищающее или порицающее) может выражаться теми же вопросительными словами с ударением на одном из других слов предложения: *Какую гадость вам устроили! Как ты пишешь!* Во фразе *Мы еще не можем сказать, состоится ли завтра общее собрание* косвенный вопрос выражен словечком *ли* в соединении с отсутствием заключительной интонации перед словом *ли*. Однако во фразе *Я очень хотел бы узнать, куда они ходят* косвенный вопрос выражен не только вопросительным словом *куда* в соединении с отсутствием заключительной интонации перед ним, но и словесным ударением на этом самом вопросительном слове. Четкое противоположение двух идей во фразе *Все это конечно очень неприятно, но это совершенно необходимо* выражается словом *но* в соединении с отсутствием заключительной интонации перед ним. Во фразе *Уйди он, мне было бы легче* отношение условия и следствия выражается формой повелительного наклонения в первой синтагме в соединении со своеобразной интонацией.

§ 150. Только по интонации, не нашедшей себе отражение на письме, мы отличаем точки, разделяющие самостоятельные предложения, которые входят в состав единого целого, от точки, стоящей в конце этого целого. Такой случай мы видим, например, в следующей фразе из «Капитанской дочки» Пушкина: «Ямщик поскакал; но все поглядывал на восток».

Только по интонации можно отличить слова в роли модальных определителей при психологическом сказуемом от тех же слов в роли модальных определителей при всем высказывании, когда они легко образуют отдельную синтагму: во фразе *По-видимому, все деньги потрачены* с логическим ударением на слове *все* слово *по-видимому* относится толь-

ко к этому последнему, а не составляет особой синтагмы, причем смысл всей фразы будет состоять в том, что часть денег несомненно потрачена, а вопрос только в том, все ли они потрачены или не все. Точно так же *по-видимому* не составляет особой синтагмы и во фразе *Все деньги, по-видимому, истрачены*, относясь к слову *истрачены*. Однако если в первой фразе вовсе не будет логического ударения, то *по-видимому* будет относиться ко всему целому и окажется особой синтагмой.

При этом и во втором, и в третьем случае смысл фразы будет состоять в том, что либо все деньги потрачены, что вероятнее, либо ничего не потрачено (возможность, что истрачена лишь часть, не отрицается, но на нее и не указывается). Таким образом, на практике если во втором случае ставить запятую, то ее отсутствие в первом будет равносильно логическому ударению на *все*.

§ 151. На основании всего сказанного, а также на основании приведенных примеров, можно сформулировать следующие общие положения:

1. Так называемые знаки препинания нужны на письме везде там, где сообщаемое выражено в языке хотя и точно, однако не словами, и не грамматическими формами, и не порядком слов.

2. Особенно нужны знаки препинания в тех случаях, когда интонационные (в широком смысле) средства выражения идут вразрез с лексическими и грамматическими.

3. Знаки препинания не нужны для всех тех категорий случаев, когда подлежащее может быть выражено лексическими и грамматическими средствами, в результате стилистической переработки соответствующего текста (примеры см. выше в § 144).

4. Знаки препинания не нужны в тех случаях, когда они чересчур конкретизируют мысль и, таким образом, мешают письменному языку выразить ее в более обобщенной форме, чем это возможно в устном языке. Примеры из «Капитанской дочки».³

5. Знаки препинания менее нужны в тех конкретных случаях, когда сообщаемое не имеет специального выражения, легко может быть дополнено из контекста.

§ 152. Несомненно, что в письменном языке, который допускает очень длинную связную «речь» (иногда в несколько томов), самыми важными знаками являются знаки членения этой речи. Несомненно, что и исторически пунктуация в большинстве случаев начиналась со знаков членения. Русское название — знаки препинания — указывает тоже на членение речи как на основную функцию пунктуации.

В этом плане наши тома, части, главы, разделы, отмечаемые иногда двумя-тремя звездочками или горизонтальной чертой на середине страницы, — все это своего рода знаки препинания. Далее идут красная стро-

---

³ Что имел в виду Л. В. Щерба, неясно. — *Примеч. ред. М. И. Матусевич.*

ка и точка, соединенная с большой буквой в начале продолжения речи. При этом точки разделяют друг от друга вполне самостоятельные мысли, а красные строки — связанные по смыслу ряды таких мыслей⁴.

Противоположение этих знаков не имеет четкого выражения в языке. Однако, по-видимому, в большинстве случаев красная строка сопровождается переменной тона или ритма, свидетельствующих о начале нового ряда мыслей.

«Хотя я и предвидел скорую и несомненную перемену в обстоятельствах, но все же не мог не трепетать, воображая опасность её положения.

Размышления мои были прерваны приходом одного из казаков, который прибежал с объявлением, что-де великий государь требует тебя к себе» («Капитанская дочка», гл. VII).

«Вражду и плен старинный свой
Пусть волны финские забудут
И тщетной злобою не будут
Тревожить вечный сон Петра!

Была ужасная пора,
Об ней свежо воспоминанье...
Об ней, друзья мои, для вас
Начну свое повествованье».
(«Медный всадник»)⁵

В роли точки могут выступать знаки вопросительный и восклицательный и многоточие, имеющие каждый еще и свои добавочные значения.

В роли точки может, кроме того, выступать точка с запятой; она заменяет первую в тех случаях, когда несколько отдельных самостоятельных мыслей образует не просто последовательный ряд, а более тесное единство. Вместо точки с запятой может употребляться двоеточие, имеющее еще свои добавочные значения.

Далее, специально знаками членения являются скобки со строго определенным значением и тире — с довольно расплывчатым.

Что касается запятой, то хотя она в русской пунктуации играет роль знака членения речи (какой по преимуществу она является во французской пунктуации), однако у нас она так многозначна и употребление ее является таким путанным и непоследовательным, что о ней надо говорить совершенно особо. Между тем на заре нашей письменности, по-видимому, был знак (материально это по большей части были точки), который обозначал самое мелкое членение нашей речи на синтагмы.

---

⁴ Интересно отметить, что и семантически и материально красная строка и точка с традиционной большой буквой, по-видимому, дифференцировались из одного знака.

⁵ Примеры в рукописи отсутствуют. — *Примеч. ред. М. И. Матусевич.*

Л. В. Щерба

ПУНКТУАЦИЯ

Пунктуация — правила употребления дополнительных письменных знаков (знаков препинания), служащих для обозначения ритмики и мелодики фразы, иначе фразовой интонации. При этом надо отметить, что паузы, которые мы считаем основным средством ритмического членения речи, фактически могут и отсутствовать и впечатление пауз может обуславливаться лишь соответствующей интонацией. Поскольку, однако, ритмика и мелодика речи выражают членение потока нашей мысли, а иногда ту или другую связь отдельных ее моментов и, наконец, некоторые смысловые оттенки, постольку можно сказать, что знаки препинания служат собственно для обозначения всего этого на письме. Этим определяется двойственный характер всякой пунктуации: фонетический, поскольку она выражает некоторые звуковые явления, и идеографический, поскольку она непосредственно связана со смыслом. Членение речи-мысли, а в еще большей мере связь между отдельными ее частями и разные смысловые их оттенки выражаются в речи не только интонационно, но и отдельными словами, формами слов и порядком слов, и если справедливо, что членение и аффективные оттенки всегда находят себе выражение в интонации (хотя далеко не всегда это обозначается на письме), то связь между отдельными частями речи только очень суммарно выражается интонационно, а логические их оттенки — и очень редко. Во фразе *я спросил моих друзей довольны ли они своим пребыванием в Москве*, написанной даже без знаков препинания, частица *ли* ясно показывает, что членение фразы приходится перед словом, к которому эта частица относится, и соответственная интонация, передаваемая на письме

Печатается по изданию: *Щерба Л. В. Пунктуация* // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность / ред. Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1974. С. 241–245. Впервые опубликовано в книге: Литературная энциклопедия: в 11 т. Т. 9 / гл. ред. А. В. Луначарский. М.: ОГИЗ РСФСР; Советская энциклопедия, 1935. С. 366–370.

запятой, выражает членение, выраженное уже этим *ли*. Такой же случай мы имеем и во фразе *мы не топили вчера плиты потому что было слишком жарко*, где слово *потому что* и соответственная интонация выражают аналогичное членение. Наконец во фразе *были ли вы вчера в театре* вопрос выражен частицей *ли* и вопросительной интонацией, нашедшей себе отражение на письме в виде вопросительного знака. Однако в последней фразе вопросительная интонация может быть сильно ослаблена, а в некоторых языках и вовсе аннулирована. Во второй фразе характер связи между двумя ее членами выражен исключительно словом *потому что*, а не интонацией и т. п. С другой стороны, часто бывает и так, что интонация является единственным средством выражения как членения, так и характера связи между отдельными частями. Так, вторую из вышеприведенных фраз можно перестроить следующим образом: *мы не топили вчера плиты: было слишком жарко*, — где и членение и причинная связь выражены единственно интонацией. Благодаря этому совершенно естественно, что известную депешу исторического анекдота — *казнить нельзя помиловать* — абсолютно нельзя понять без знаков препинания, которые бы отражали интонацию и ее членение.

Но дело дальше осложняется еще тем, что разные средства выражения членения речи могут иногда друг другу противоречить: *я знаю что он придет, дом где я живу* произносятся чаще всего как интонационные целые, несмотря на словечки *что, где*, которые несомненно выражают членение. При таких обстоятельствах естественно, что пунктуация, которая должна отражать все эти явления на письме, находится зачастую в затруднительном положении. В силу своей фонетической природы пунктуация должна была бы обращаться к интонации, которая в естественном потоке устной речи всегда налицо и не оставляет места ни для каких сомнений; но когда нам надо искусственно воспроизвести эту интонацию, для того чтобы записать ее на бумаге в виде знаков препинания, дело оказывается очень трудным. Поэтому пунктуация охотно обнаруживает другую свою природу — идеографическую — и обращается к смысловому анализу каждого данного контекста. Но и смысловой анализ зачастую представляет значительные затруднения, а потому пунктуация часто обращается к тем средствам выражения смысла, которые легко схватываются, — к словам, их формам, их порядку и т. д. — и зачастую ставит знаки вопреки смыслу и интонации, руководствуясь лишь формальными признаками. Мы уже видели, что там, где по-русски ставится формальная запятая (перед относительными словами), сплошь и рядом нет никакого — ни интонационного, ни смыслового — членения: в самом деле, синтагма *дом где я живу* по смыслу абсолютно равна синтагме *наш дом* (с переносным значением слова *наш*), имея лишь отличную от нее внутреннюю форму. Далее, мы обязательно выделяем запятыми такие слова, как *кажется, вероятно, может быть* и т. д., исходя из формального отне-

сения этих слов к категории «вводных слов». Между тем это в большинстве случаев не оправдывается ни интонационно, ни по смыслу, так как по большей части эти слова не являются самостоятельными предметами мысли. Благодаря этому в общепринятой пунктуации скрадывается глубокое различие между *кажется, мы приехали* и *мы кажется приехали*. С другой стороны, мы никак не отмечаем совершенно очевидного членения в таких фразах, как *мой дядя / был старый революционер, мои родственники с отцовской стороны / приехали наконец в Москву* (школьные учебники вынуждены даже специально утверждать, что сказуемое никогда не может быть отделяемо запятой от своего подлежащего). Благодаря всему сказанному правила пунктуации носят в большинстве случаев компромиссный характер и являются отчасти фонетическими, отчасти смысловыми, отчасти формальными.

Большинство древних письменностей из всех знаков препинания знало только «абзац» или «точку». Графически они выражались по-разному, хотя, по-видимому, точка и была самой распространенной формой и первоначальная дифференциация этого знака у греков состояла лишь в постановке точки сверху строки, посреди строки и внизу строки. Значительное развитие пунктуация получила лишь у поздних александрийцев. В древнерусской письменности самым распространенным знаком тоже была точка, употреблявшаяся более или менее в смысле нашей запятой и в основном разделявшая, по-видимому, текст на синтагмы. Те или другие знаки более сложной формы, которые более или менее отвечали бы по смыслу нашей точке, встречаются реже и являются чем-то средним между нашим «абзацем» и «точкой». В этой же функции фигурировало, по-видимому, то, что мы назвали бы большой, или прописной, буквой, т. е. так или иначе увеличенная и изукрашенная буква.

Современная европейская пунктуация, в том числе и русская, восходит к началу книгопечатания, когда типографчики братья Мануции увеличили число знаков препинания и установили правила их употребления.

Однако правила эти установились не сразу и в разных языках значительно разнятся друг от друга, причем можно наметить два их типа: французский (английский, итальянский и т. д.) и немецкий (чешский, польский, русский и т. д.). Первый реже, чем второй, ставит тире, употребляет гораздо меньше запятых и стремится выражать ими смысловые нюансы (зачастую чисто идеографически, т. е. вне всякой связи с интонацией); второй широко признает тире и злоупотребляет запятыми, ставя их более или менее по формальным признакам. В первом типе, например во французском, относительные придаточные предложения только тогда выделяются запятыми, когда пропуск их искажает общий смысл фразы; напротив, во втором, например в русском, запятые ставятся в этих случаях всегда. Например, русской фразе *она знала человека, который*

ей поклонился во французском языке соответствует фраза *elle connaissait l'homme qui l'avait saluée*, где запятой никак нельзя поставить, так как *который ей поклонился* является для слова *человек* необходимейшим определением, без которого вся фраза теряет свой смысл. Ж. Санд, имевшая свою систему пунктуации, стояла между прочим за систематическое употребление запятых при кратких относительных предложениях (независимо от их функции), ссылаясь, по-видимому, на интонационные тенденции живой речи, объединяющей в таких случаях определяемое и определяющее в одно целое понятие. Так, во фразе *elle s'approcha de la lampe, qui finissait de brûler* ('она подошла к лампе, которая догорала') она предлагала не ставить запятой. Но ее предложение не прошло, так как именно на этой фразе было показано, что без запятой она означала бы, что *она подошла к той лампе* (из многих), *которая догорала*; по-русски, при существующих правилах пунктуации, отсутствие запятой было бы просто безграмотностью и указанное смысловое различие никак не может быть выражено знаками препинания.

Независимо от того или иного типа пунктуации, употребляемые в европейских письменностях знаки препинания имеют следующие общие смысловые функции: 1) *запятая*, с одной стороны, разделяет единое целое на отдельные части, члены, поскольку эти части не являются вполне самостоятельными единицами речи (легкое повышение тона); с другой стороны, она ставится между так называемыми однородными членами, вернее однородными элементами одного и того же члена единого целого (интонация перечисления); 2) *точка с запятой* разделяет вполне самостоятельные части единого целого (небольшое понижение тона); 3) *двоеточие* также разделяет две вполне самостоятельные части единого целого, но кроме того указывает, что во второй части даются какие-либо разъяснения к первой; таким образом интонация, выраженная двоеточием (повышение тона), имеет приблизительно то же значение, что союзы *а, именно, потому что, так что*; 4) *тире*, или *черта*, имеет самое неопределенное значение, в связи с чем сфера его употребления очень колеблется в разных письменностях — от единственной функции разделения слов разных действующих лиц в диалоге (во французском) до крайне разнообразного его применения (в русском); по-видимому, можно сказать, что основной смысл тире — это более или менее резкое противопоставление, выражаемое повышением, а затем резким падением тона, а иногда и реальной паузой, противопоставление вопроса и ответа, подлежащего и сказуемого, протезиса и аподозиса, действия и неожиданного следствия, действия и его причины и т. п.; последнее обстоятельство ведет к некоторому смешению тире с двоеточием; кроме того, тире употребляется иногда в смысле скобок; 5) *точка* в связи с большой буквой следующего слова обозначает полную законченность высказывания, выражаемую сильным понижением тона; 6) *абзац*, или

«красная строка», которую тоже надо считать своего рода знаком препинания, углубляет предшествующую точку и открывает совершенно новый ход мыслей; 7) многоточие выражает недоконченность, недоговоренность, оборванность мысли (отсутствие и повышения и понижения тона); 8) вопросительный знак (специфическая интонация) выражает вопрос; 9) восклицательный знак со специфической интонацией выражает сильный аффект (удивление, ужас и т. п.) и особенно энергичное приказание (здесь полезно будет указать, что в испанском вопросительные и восклицательные знаки остроумным образом ставятся не только в конце предложения, а и перед ним, но в перевернутом виде: *¿sabe ud. el castellano?*); 10) кавычки (лапочки) употребляются для текстуального приведения чужой речи, чужих фраз и даже отдельных слов, которые пишущий не считает своими (специфическая интонация); 11) скобки обозначают, что мысль, в них приведенная, совершенно выпадает из общего хода речи, что выражается иной высотой тона того, что произносится в скобках.

Черточка (иначе дефис), пробел между словами, апостроф хотя и являются дополнительными письменными знаками, но собственно не относятся к знакам препинания, так как не имеют отношения к фразовой интонации. Из них пробел не требует объяснений; черточка, или дефис, присоединяет частицы, не могущие быть употребленными отдельно, а также слова, потерявшие свою самостоятельность; апостроф выражает пропуск буквы, нормально пишущейся в данном слове.

Анна А. Зализняк

СЕМАНТИКА КАВЫЧЕК¹

Орфографический знак кавычек многозначен. Он используется в русском письменном языке для выражения широкого спектра значений, в том числе таких, которые на первый взгляд являются строго противоположными — ср. примеры (1), где кавычки означают, приблизительно: ‘это **не я** так говорю, это **другие так говорят**’ и пример (2), означающий ‘это только **я** так говорю, **другие так не говорят**’.

(1) а. *Вчера длинный разговор с А. Б. Два человека — девочка, которую он любил, и еще кто-то — порвали с ним, потому что он не верит «по-православному». Объяснял свое отталкивание от церкви, невозможность верить «по-церковному», «непромокаемость» к «учению»².*

Печатается с разрешения Анны А. Зализняк по первой публикации: Зализняк Анна А. Семантика кавычек // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2007» (Бекасово, 30 мая — 3 июня 2007 г.) / под ред. Л. Л. Иомдина, Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея. М.: Изд-во РГГУ, 2007. С. 188–193. Электронная публикация: Phylology.ru: Русский филологический портал. http://www.philology.ru/linguistics2/zaliznyak_anna-07.htm (дата обращения: 01.03.2019).

¹ Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных исследований отделения историко-филологических наук РАН «Русская культура в мировой истории» (проект «Эволюция русской языковой картины мира в аспекте культуры речи»).

² Шмеман А., *прот.* Дневники. М., 2005. С. 83. Надо сказать, что «Дневники» А. Шмемана — текст, выдающийся, в частности, в отношении употребления факкультативных кавычек. В значительной степени именно этот текст позволяет обнаружить инвариантное значение кавычек: этот знак используется данным автором во всех случаях, когда он ощущает хотя бы малейшую «семиотическую преграду» между собой и употребляемым им знаком (в том числе, даже минимальный отзвук «чужого слова», постороннему уху едва уловимый), и является маркером этой преграды (см. тип 5.2.3 ниже).

б. Читал до двух утра, как говорится, «с неослабевающим интересом»³.

в. «Проблема» М., «проблема» С., «проблема» А., [...]: как им дать понять, что никаких «рецептов» и «решений» у меня нет, что это мучительное искание помощи есть вид бегства от себя, от жизни, от совести, от решения⁴.

(2) Сегодня сижу на бобах, или, *plus exactement*, на двух «плохейших» обедах из детстоловой и Союза писателей^{5,6}.

При видимой противоположности указанных двух значений, между ними просматривается и не менее очевидное сходство. В данной статье делается попытка составить перечень всех возможных случаев употребления кавычек и выявить инвариантное значение этого орфографического знака.

В целом проблема семантики знаков препинания относительно мало изучена⁷. Знаки препинания — традиционный объект описания для нормативных грамматик и пособий по орфографии и пунктуации. Вопрос о семантике кавычек затрагивает Б. С. Шварцкопф, который рассматривает кавычки в ряду других (прежде всего, лексических) средств выражения «оценки речи» — категории, относящейся к сфере культуры речи⁸. Между тем семантика кавычек непосредственно связана еще с целым рядом важных и имеющих богатую традицию изучения проблем. Это, по крайней мере, проблема «чужой речи» с точки зрения структуры нарратива⁹, проблема цитации и ее роли в номинации и референции¹⁰, семиотические аспекты семантики глаголов речи и их производных, в том

---

³ Там же. С. 86.

⁴ Там же. С. 219.

⁵ Эфрон Г. Дневники: в 2 т. Т. 2. М., 2004. С. 229.

⁶ В источнике нет точки. — *Примеч. сост.*

⁷ Единственная известная мне статья, посвященная именно семантике знака препинания: Шмелев А. Д. Скобки у Солженицына // Язык и мы. Мы и язык: сборник статей памяти Бориса Самойловича Шварцкопфа. М., 2006.

⁸ См.: Шварцкопф Б. С. 1) Внимание: кавычки! // Русская речь. 1967. № 4; 2) Проблема индивидуальных и общественно-групповых оценок речи // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970. С. 277–304.

⁹ См., в частности: Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972; Успенский Б. А. Поэтика композиции. М., 1970; Падучева Е. В. Семантические исследования. М., 1996; Шмид В. Нарратология. М., 2003.

¹⁰ Шварцкопф Б. С. О некоторых лингвистических проблемах, связанных с цитацией // Sign, Language, Culture. The Hague; Paris, 1970. P. 658–673; Вежбицкая А. Дескрипция или цитация? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. М., 1982; Падучева Е. В. Указ. соч.

числе «ксенопоказателей»¹¹, система показателей приблизительности номинации, к числу которых относятся, наряду с графическим знаком кавычек, также лексические (*как бы, так сказать, так называемый* и др.), а кроме того, просодические и жестовые.

В статье «Б. С. Шварцкопфа»¹², где вопрос о семантике кавычек рассматривается наиболее подробно, случаи факультативного употребления кавычек сводятся в 4 группы: (I) кульминативная: кавычки служат для привлечения внимания читающего к данному слову или выражению; (II) переносная группа: выделяется слово или выражение, имеющее метафорическое, метонимическое значение, передающее сравнение; (III) модальная группа: кавычки передают иронию или отрицательное отношение говорящего к данному понятию; передают ощущение неточности или условности номинации; (IV) метаязыковая группа: кавычки выступают как способ оценки употребляемых языковых средств, обозначения чуждости средства стилистическому контексту или лексикону пишущего. Эта классификация является на сегодня наиболее полной, однако она требует уточнений. Список функций кавычек, предлагаемый в настоящей работе, с одной стороны, несколько уточняет и детализирует классификацию Б. С. Шварцкопфа, с другой — в нее включаются также и случаи обязательных кавычек; именно сведение воедино всех случаев употребления кавычек позволяет реконструировать инвариантное значение этого знака.

В книге «Р. И. Розиной»¹³ в разделе «Выражение оценки сленга говорящими» выделяются следующие функции кавычек (имеются в виду лишь случаи факультативного употребления кавычек):

1. Сленговая лексема используется впервые (по крайней мере, так считает автор текста) или она малоизвестна. Если слово продолжает употребляться, то кавычки исчезают (например, слово *ужастик* в значении 'страшный фильм').

2. Автор текста хочет выделить сленговую лексему как принадлежащую чужой речи (например, *прессовать* в значении 'избивать').

3. Функция сигнала, что слово употреблено в сленговом, а не в литературном значении (например, *командироваться* <у кого-то> в значении 'временно жить'). В устной речи в этом случае используется эквивалент кавычек — выражение *брать в кавычки* (например: *Слово семья я беру в кавычки и под семьей имею в виду некоторых чиновников*).

---

¹¹ Арутюнова Н. Д. Речеповеденческие акты в зеркале чужой речи // Человеческий фактор в языке: Коммуникация. Модальность. Дейксис. М., 1992; Зализняк Анна А. Глагол *говорить*: три этюда к словесному портрету // Язык о языке. М., 2000.

¹² Шварцкопф Б. С. «Я поставил кавычки потому, что...» // Облик слова: сб. статей памяти Дмитрия Николаевича Шмелева. М., 1997. С. 374–375.

¹³ Розина Р. И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге. М., 2005. С. 21–24.

Ниже предлагается список всех возможных функций кавычек (при этом некоторые из них могут совмещаться). Первые три случая представляют меньший интерес (поскольку здесь употребление кавычек менее семантически нагружено), они в данной статье подробно рассматриваться не будут¹⁴.

Итак, кавычки могут выполнять следующие функции:

1. Передача прямой речи.
2. Слово или словосочетание является названием литературных произведений, газет, журналов, предприятий, пароходов и т. п.¹⁵.
3. Слово или выражение употреблено в метаязыковой функции, т. е. для указания именно на это слово или выражение, а не на обозначаемый им предмет или понятие.
4. Отсылка к предтексту (т. е. к предшествующему употреблению данного слова или выражения в том же тексте тем же автором). Например:

(3) *Живет она неплохо, но это «неплохо», по всей видимости, покупается путем утомительной беготни и унижительной чепухи*¹⁶.

В примере (4) употребление кавычек при слове *отодвигание* обусловлено отсылкой к предтексту (ср. глагол *отодвигает* в первом предложении). Заметим, что кавычки здесь одновременно выполняют функцию 6.3 (маркируют созданное ad hoc слово).

(4) *У него есть своя линия. И то, что не его линия, он отодвигает от себя. Это как бы его не касается. [...]*

И всегда уходит, отгораживается от такого человека. Он полагает его несуществующим. Это его форма нелюбви. Папа умеет не любить, не

---

¹⁴ Заметим, что употребление кавычек является обязательным только в случае 1 (передача прямой речи); в современной прозе и это может нарушаться (см.: Потапова Т. Ю. Способы пунктуационного оформления чужой речи в произведениях Татьяны Толстой // *Язык и мы. Мы и язык...*), но такое нарушение лишь подтверждает правило, так как оно само по себе используется как прием. Для передачи названий/имен (литературных произведений, предприятий, пароходов и т. д.) может также применяться курсив или написание с большой буквы. При референции к слову вместо кавычек может использоваться (а в лингвистической литературе обычно именно так и делается) курсив, но само по себе выделение является обязательным. В случаях 4–7 употребление кавычек является факультативным в том смысле, что кавычки могут не ставиться, и никакого альтернативного способа маркирования выражаемых кавычками значений также не применяется.

¹⁵ Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956.

¹⁶ Эфрон Г. Указ. соч. Т. 2. С. 320.

принимать, и «отодвигание» для него не механический, а, скорей, болезненный процесс¹⁷.

5. Показатель «чужого слова».

5.1. Нейтральная отсылка (цитирование). Цитируемое выражение или высказывание может иметь определенного автора или трактоваться как принадлежащее какой-то категории людей; отсылка к автору может быть эксплицитной (ср. *как говорит моя бабушка; как сейчас говорят*) или имплицитной. Говорящий употребляет заключенное в кавычки выражение, потому что оно передает нужный ему смысл, но одновременно в содержание его сообщения входит отсылка к факту его прецедентного использования. Говорящий в той или иной мере дистанцируется от цитируемого выражения («это не я так говорю, это другие так говорят»), однако не отвергает данную номинацию. Ср.:

(5) *На ее фоне Люся осознала, что живет хорошо. У нее, правда, умер муж. Но, как говорят в народе, она «хорошо осталась». При всех удобствах. Квартира, машина, дача, гараж. Плюс к тому подруга Нина и друг Фернандо. Фернандо, конечно, звезд с неба не хватает. Это не то, что муж. Но ведь и Люся не та, что была. Как любила говорить домработница Маня: «Надо понизить критерий»* (В. Токарева. Полосатый надувной матрас).

(6) *Сегодня виделся с Бендерским — «человеком, который достает билеты»*¹⁸.

(7) *У меня — «глаза завидующие». Я просто заболеваю, от зависти и голода, когда вижу людей, тащащих «авоськи», полные бубликов, булочек и прочих благ»*¹⁹.

Иногда пишущий как бы «переводит» это чужое выражение на свой язык, ср.:

(8) *Остается одно — ждать. Лежать сейчас, «работать» (учиться), когда выздоровлю, и надеяться всегда»*²⁰.

Сюда же можно отнести случаи, когда говорящий при помощи кавычек отмежевывается от употребленного им выражения, в том числе фразеологизма (ср. *выйти в люди; встать на ноги*), как бы желая сказать: «Я сам такого выражения не употребляю, это чужое выражение».

¹⁷ Самойлов Д. Перебирая наши даты. М., 2000. С. 47.

¹⁸ Эфрон Г. Указ. соч. Т. 2. С. 323.

¹⁹ Там же. С. 232.

²⁰ Там же. Т. 1. С. 15.

В примере (9) (из работы «А. В. Санникова»²¹) кавычки служат для маркирования не столько «чужого слова», сколько «чужого смысла»:

(9) *Поэтическая традиция — его надежная крепость. Гордый ее неприступностью, он, кажется, глубоко презирает все окружающее и не «унижается» до вылазок* (В. Ходасевич. О новых стихах).

Как справедливо отмечает А. В. Санников, фраза *X не унижается до Y-а* предполагает, что или говорящий, или субъект X считает, что Y ниже его (X-а) достоинства. «То, что глагол *унижаться* может предполагать интерпретацию со стороны субъекта, а не говорящего, выходит на первый план, когда эти две интерпретации не совпадают [что и имеет место в данном примере. — А. З.]. Такая разница может фиксироваться интонационно (с помощью специальной «интонации цитирования») или, на письме, графически, с помощью кавычек»²². Иными словами, кавычки в (9) указывают на то, что говорящий сам не считает, что описанное действие является унижением: кавычки при слове *унижаться* указывают на «чужой смысл».

5.2. Оценочная отсылка. Сюда относится широкий спектр случаев; обозначим лишь некоторые наиболее важные точки в этой сфере.

5.2.1. Ирония, т. е. употребление слова в противоположном смысле (ср. *Хорошенькое дело! Ну ты молодец!*). Этому употреблению кавычек приблизительно соответствует значение выражения в *кавычках*; иногда оба средства используются одновременно, ср.:

(10) *А такая «гуманная» в кавычках система подготовки бойцов дзю-дзюцу, к сожалению, принята почти во всем мире* (www.ruscotpora.ru).

5.2.2. Близкий случай — «полемиические» кавычки, указывающие на то, что заключенное в них утверждение является, по мнению говорящего, ложным. Употребляя некоторое слово и при этом заключая его в кавычки, человек одновременно выражает свое несогласие с утверждением, заключенным в цитируемом выражении, имплицитно, что на самом деле это не так, ср.:

(10) *«В 1953 почти никто не признавал реальности» (Совсем уж глупенькими народ представляют. Признавали — десятки миллионов, да уже полегли, или языки закусали. «Не признавали» — кто был на элитарном содержании)* (А. Солженицын. «Наши плюралисты»)²³.

---

²¹ Санников А. В. Понятия достоинства и смирения // Языковая картина мира и системная лексикография / ред. Ю. Д. Апресян. М., 2006. С. 428.

²² Там же. С. 427.

²³ Данный пример приводится в статье «А. Д. Шмелева» (Шмелев А. Д. Указ. соч.) в качестве иллюстрации использования скобок как маркера комментария ци-

Обратим внимание на то, что в авторском комментарии Солженицына слово *сознавали* написано без кавычек, потому что оно выражает собственное утверждение (и убеждение) автора, а слово *не сознавали* — в кавычках, хотя оно тоже составляет часть собственного утверждения автора. Кавычки здесь — не только показатель цитирования, но также и средство «разоблачения»: они передают (явно не выраженный) смысл: не то, чтобы совсем не сознавали; не сознавали, потому что не хотели сознавать или делали вид, что не сознают (ср. *Я вчера столкнулся с Иваном на улице, но он меня «не заметил»* — т. е. 'сделал вид, что не заметил').

Другой пример:

(11) *Мы не разделяли распространенного заблуждения, что Сталин «не знает» об истинном положении и об излишнем усердии исполнителей*²⁴.

Кавычки при *не знает* — это не только знак цитаты, но также и знак неприятия выражаемого данным словом утверждения.

5.2.3. Наконец, кавычки могут употребляться для указания на то, что данное выражение принадлежит чужой — и чуждой говорящему — идеологии. Источником цитирования может быть определенный тип дискурса — то, что в работе Б. С. Шварцкопфа²⁵ называется «цитатой из чужого стиля» (например, советский идеологический язык; жаргон определенной научной школы и т. п.); в этом случае кавычки являются знаком отсылки к этому типу дискурса, сигналом того, что слово употребляется как цитата из этого дискурса и одновременно знак дистанцирования от него говорящего. Например:

(12) *В борьбе за чистоту идеологии начальство всячески поощряло «мужественных разоблачителей», которые, «невзирая на лица», обнаруживали «пережитки» и остатки старой психологии у своих сослуживцев* (Н. Мандельштам. Воспоминания, с. 110).

6. Показатель «своего смысла».

6.1. Существующее слово употреблено в конвенциональном значении, но говорящий как бы снимает с себя ответственность за данное слово (его точность и правомерность употребления в данном контексте). Функция таких кавычек состоит в том, чтобы создавать эффект, аналогичный эффекту слова *как бы*²⁶. Например:

тируемого чужого высказывания. (Текст примечания приведен по электронной публикации. — Примеч. сост.)

²⁴ Самойлов Д. Указ. соч. С. 147.

²⁵ Шварцкопф Б. С. Внимание: кавычки!

²⁶ См. об этом слове: Арутюнова Н. Д. Модальные и семантические операторы // Облик слова...; Лаптева О. А. Самоорганизация движения языка: внутренние источники преобразований. (Статья вторая) // Вопросы языкознания. 2004. № 5.

(13) Эти комментарии могут носить поясняющий, полемический или «разоблачающий» характер. Наличие таких комментариев в скобках создает эффект «диалогичности», когда наряду с голосом цитируемого автора звучит голос самого Солженицына (А. Д. Шмелев).

Кавычки при слове *разоблачающий* указывают на то, что это слово выражает несколько более «сильный» смысл, чем вкладывает в него автор в данном высказывании; кавычки при слове *диалогичность* означают, что данный термин употреблен несколько расширительно.

6.2. Пишущий употребляет существующее слово или выражение в неконвенциональном значении, и поэтому не может рассчитывать на то, что слушающий (читающий) его поймет; кавычки указывают читателю на то, что он должен искать нужный неконвенциональный смысл. Ср. (14а, в):

(14) Не без (а) «**помощи**» М. Бахтина Кристева создает свою концепцию (б) семанализа как модели (в) «**текстуального производства**» и разрабатывает теорию интертекстуальности (Энциклопедия постмодернизма).

Слово *помощь* взято в кавычки, потому что оно употреблено в неконвенциональном сдвинутом значении (*помощь* в словарном значении предполагает какие-то адресованные действия помогающего, а здесь имеется в виду эффект написанных им текстов); словосочетание *текстуальное производство* взято в кавычки, так как это термин, введенный одним автором и не ставший общепринятым; заметим, что слово *семанализ* (также термин, введенный Ю. Кристевой) употреблен без кавычек, так как его распространенность, по мнению автора, перешла необходимый для употребления кавычек порог.

В следующих примерах кавычки указывают на то, что пишущему представляется неконвенциональным переносное метафорическое значение глаголов *расцветать* и *чахнуть*, существительного *косяк*.

(15) И там, в Москве, все мои знакомства, мне кажется, будут «**расцветать**», так как они сейчас «**чахнут**» из-за отдаления и расстояния с Москвой²⁷.

(15) Основной «**косяк**» завтрашнего дня составляет вопрос о прописке²⁸.

Хотя слово *косяк* имеет в литературном языке переносное значение ‘основа; то, на чем нечто держится, строится’, но в сочетании *косяк дня* не употребляется. Это расширение обычной сочетаемости маркируется кавычками.

²⁷ Эфрон Г. Указ. соч. Т. 1. С. 16.

²⁸ Там же. С. 2.

Другой тип употребления кавычек для выражения неконвенционального «своего смысла» — приблизительная анафорическая номинация ситуации, описанной в предтексте, ср.:

(16) *Человек пристал на Монпарнасском бульваре, идет с Алиной стороны. Я его отшиваю, не отстаю, обращаюсь к другому, тот, естественно, становится на сторону «обидчика»* (М. Цветаева. Записные книжки. 26 сентября 1933).

6.3. Кавычками маркируется новое слово, созданное говорящим *ad hoc* в данном речевом (письменном) акте. Для бытовой письменной речи характерно употребление слов, не существующих в русском словаре, но потенциально возможных. Такого рода слова могут возникать по разным причинам — использоваться для заполнения синтаксической лакуны (ср. (17)) или порождаться в целях языковой игры, ср. (18):

(17) *Конечно, я боюсь «забрития», но надеюсь, что оно не настанет* (Г. Эфрон. Дневники).

(18) *На ваше рождественское поздравление отвечаю пожеланием **сбычи мечт*** (из частного письма).

В последнем примере пишущий достигает дополнительного эффекта тем, что кавычек не ставит. Вообще опущение кавычек при созданных *ad hoc* неологизмах довольно типично (и создает дополнительный эффект).

7. Пишущий хочет выделить данное слово или выражение (по разным причинам), сделать так, чтобы внимание читающего на нем задержалось. В этой функции используются также: в рукописном тексте — подчеркивание, в печатном — курсив, полужирный, разрядка или написание прописными буквами (т. е. любое средство выделения).

Итак, кавычки имеют две основные функции: показатель **чужого слова** (говорящий по тем или иным причинам использует в своей речи слово, которое он не считает «своим»; это может быть, в том числе, «чужое» значение обычного слова литературного языка, например, сленговое *рассекать* или *зажигать*) и показатель **своего смысла** (говорящий вкладывает в употребляемое слово в каком-то отношении нестандартный смысл; кавычки являются сигналом о том, что слушающий должен произвести некоторую операцию коррекции, чтобы правильно декодировать смысловое задание говорящего).

Инвариантное значение состоит в том, что употребление кавычек разрушает стандартное семиотическое отношение, которое по умолчанию реализуется говорящим (пишущим). Употребляя языковой знак (или построенное из знаков высказывание), человек нечто *говорит*, т. е.

‘произнося некоторый текст хочет сделать доступным <для адресата> его смысл’²⁹. Здесь имеется еще несколько важных смысловых компонентов, составляющих пресуппозицию. А именно, во-первых, что человек говорит то, что он сам думает или хочет сказать слушающему; во-вторых, что каждое употребленное им слово выражает нужный смысл (т. е. содержит все необходимые смысловые компоненты и не содержит никаких лишних). Наконец, в третьих, что говорящий употребляет все слова в тех значениях, которые ожидает в них найти слушающий. Соблюдение всех этих условий означает стандартный семиотический акт, осуществляемый путем говорения.

Наоборот, несоблюдение хотя бы какого-то одного из этих условий означает разрушение стандартного семиотического акта. Это разрушение — с той или иной стороны — и маркируют кавычки. Итак, кавычки являются показателем *разрушения стандартного семиотического акта* в письменной речи. При передаче чужой речи это разрушение происходит за счет невыполнения первого условия: говорящий говорит не то, что хочет сказать он сам, а то, что хочет сказать другое лицо. При употреблении названий («Новая газета») — за счет того, что говорящий не имеет в виду выразить смысл, соответствующий значению употребленного им словосочетания в русском языке. Метаязыковые кавычки указывают на то, что имеется в виду не значение, выражаемое данным словом (как в стандартном семиотическом акте), а само это слово, т. е. сочетание означающего с означаемым или даже только одно означающее. При употреблении в своей речи слов «чужого языка», а также при использовании кавычек для «снятия с себя ответственности» за употребляемый термин нарушается второе условие: используемое выражение содержит «лишние» смысловые компоненты. При употреблении слова в нестандартном (и при этом не выводимом из контекста) значении — третье. Кавычки, маркирующие авторский неологизм, являются знаком нарушения принципа, что употребленные в высказывании слова известны слушающему и т. д.

То обстоятельство, что «подрыв» стандартного семиотического акта, маркируемый кавычками, может происходить с разных сторон, и объясняет тот парадокс, с которого мы начали.

В связи с семантикой кавычек возникает целый ряд лингвистически интересных проблем, которые мы здесь только назовем.

1. Выявление закономерностей употребления разного типа кавычек в разных жанрах текстов. А именно, следует различать как минимум следующие четыре: 1) художественная проза (разные жанры и эпохи); 2) научные тексты (разных наук); 3) публицистика; 4) «бытовые» тексты: днев-

---

²⁹ Зализняк Анна А. Указ. соч.

ники и письма (писателей и не писателей; среди последних: людей пишущих и не пишущих по роду своей профессиональной деятельности). Сразу можно сказать, что употребление факультативных кавычек вовсе нехарактерно для художественной литературы (за исключением типа 4.2, ср. пример (5)); что касается остальных трех жанров, то очевидно, что употребление кавычек очень различается у разных авторов и является одной из составляющих индивидуального стиля.

2. Как соотносятся функции кавычек и метаязыковых выражений в кавычках, *брать в кавычки* и т.п.³⁰ Каково соотношение семантики кавычек и таких выражений как *так называемый*, *так сказать*, *как говорится*, *что называется*, ср.: *...и цветом лица что называется геморроидальным* (Гоголь. Шинель). Особого внимания заслуживает вопрос о соотношении семантики кавычек и слова *как бы*.

3. Интересен также вопрос о том, что соответствует орфографическому знаку кавычек в устной речи (очевидно, вышеупомянутые лексические средства, а также интонация и появившийся в последние годы замимствованный из «западной» культуры специальный жест), и насколько это соответствие точно.

---

³⁰ Ср.: Шварцкопф Б.С. «Я поставил кавычки потому, что...»; Розина Р.И. Указ. соч.

А. Д. Шмелев

СКОБКИ У СОЛЖЕНИЦЫНА

При чтении произведений Солженицына — как публицистических сочинений, так и художественной прозы — обращает на себя внимание обилие скобок. На протяжении недлинного абзаца скобки могут использоваться три или четыре раза (а в длинных абзацах скобок может быть более десятка).

Можно предположить, что это не случайно, и скобки несут у Солженицына важную смысловую нагрузку. Известно, как внимательно относится Солженицын к орфографическому и пунктуационному оформлению своих произведений, настаивая на том, чтобы они издавались с соблюдением авторской орфографии и пунктуации. При этом выбор как орфографического оформления текста, так и знаков препинания осуществляется сознательно. Авторская рефлексия нашла отражение в «Некоторых грамматических соображениях (1977–1982)»¹. Однако в них нет ни слова о скобках, поэтому для выявления функций скобок у Солженицына необходимо подвергнуть анализу все многочисленные случаи их употребления.

Уже самое беглое рассмотрение позволяет заключить, что к использованию скобок Солженицыным нельзя применить общую характеристику, данную Л. В. Щербой в статье «Пунктуация», опубликованной в 1935 г. в IX т. «Литературной энциклопедии». В статье говорится: «... скобки обозначают, что мысль, в них приведенная, совершенно выпадает из общего хода речи, что выражается иной высотой тона того, что про-

---

Печатается с разрешения А. Д. Шмелева по первой публикации: Шмелев А. Д. Скобки у Солженицына // Язык и мы. Мы и язык: сб. статей памяти Бориса Самойловича Шварцкопфа / отв. ред. Р. И. Розина. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2006. С. 516–529.

¹ Солженицын А. И. Некоторые грамматические соображения (1977–1982) // Русская речь. 1996. № 2.

износится в скобках»². Но в произведениях Солженицына мысли, приведенные в скобках, далеко не всегда «выпадают из общего хода речи». Наоборот, часто именно такая мысль и является центральной в соответствующем фрагменте текста.

Ниже дается самый схематичный и тезисный обзор разнообразных функций, которые обнаруживаются при таком анализе.

1. Публицистика

1.1. Скобки в авторской речи

В публицистике Солженицына скобки могут включаться в авторскую речь или же использоваться при комментарии к словам цитируемых авторов.

В первом случае в скобки чаще всего заключается некоторое уточнение или пояснение к тому, о чем идет речь в высказывании. Здесь использование скобок ближе всего к общелитературному стандарту: сказанное в скобках имеет характер различных добавочных предложений, попутных указаний, разъясняющих предложение в целом или отдельные слова в нем и иногда резко выпадающих из синтаксической структуры целого³. Приведем ряд примеров из «Размышлений над Февральской революцией»:

Но, сильно раздробленные после неудач 1906 года, затем сбитые восстановлением российской жизни при Столыпине, затем взлетом патриотизма в 1914 году, — они к 1917 оказались ни в чем не готовы и почти не сыграли роли даже в подготовке революционного настроения (только будоражили забастовки)...

Чхеидзе, Скобелев и Керенский возглавили Совет не как лидеры своих партий (они были даже случайны в них), но как левые депутаты Думы.

Николай Николаевич действует в давнем династическом комплексе и с обычной недалёковидностью (показав себя таким же дутым глупцом, как и Родзянко).

Разрушительный толчок от слухов может произойти при всяком правительстве, во всяком месте страны. Но только слабое правительство от него падает. (Много слухов возникало и в советско-германскую войну, но при неуклонности власти ничто не сотряслось.)

Кроме полковника Кутепова, нескольких офицеров-москвичей, самокатного батальона и кроме невольных жертв мятежа — никто в Петрограде не отличился защитой трона, а тем более не имел успеха. (А в Москве еще хуже.)

---

² Щерба Л. В. Пунктуация // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М., 1974. С. 245.

³ Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке. М., 1997. С. 137.

В Николаевском — было движение, но не развилось (в Павловском — еще слабей).

И достоин уважения, безупречен серьезностью и трудолюбием один только Шингарев (не случайно именно его поразит удар ленинского убийцы)...

Иногда замечание в скобках содержит гипотезу, которая может служить объяснением описываемой ситуации:

Мы видели, как Алексей через Родзянку втянулся в прямые переговоры с мятежной столицей и дал убедить себя и сделать себя орудием свержения с трона (вероятно, в ложной надежде, что так государственная перетряска пройдет всего быстрее и безболезненней для Действующей Армии)...

Нередко в скобках имеет место конкретизация референции (*а именно...*):

И по другим местам империи были не лучше того командующие округами (Сандецкий, Куропаткин) и губернаторы.

Кадеты (Милюков на первых дипломатических приемах) признавались иностранцам, что сами ошеломлены внезапностью и легкостью успеха.

Иногда, напротив, в скобках заключается не конкретизация, а обобщение — в связи с описанной ситуацией формулируется некая общая закономерность:

Деятели Февраля были упоены пробившим часом победы. И хотя они спешили вырвать отречение царя, не надеясь на то после войны, но еще более спешили углубить отречение бесповоротным разрывом со старым порядком, отказом принять свое назначение от старой власти, реставрации которой только и боялись одной. (Во всякой революции повторяется эта ошибка: не продолжения бояться, а реставрации.)

Отдельный интерес представляют случаи, когда в скобках содержится уточнение к тому, что, возможно, было сказано чересчур категорично. Автор как бы спорит сам с собою, смягчая излишне категоричное утверждение. Приведем примеры:

Одномоментно была разогнана вся наружная полиция, вся секретная полиция, перестала существовать вся система министерства внутренних дел — и уже по-настоящему никогда не восстановилась. (До большевиков.)

Не было никакой связи между семейным решением об этой поездке в Ставку и хлебными беспорядками в Петрограде, начавшимися точно на следующий день. (Разве только малая та, что, не слишком бы погружаясь в скорбь императрицы и больше внимания уделяя государственным занятиям, например работе с Риттихом, монарх мог бы за два месяца предупредить эти хлебные перебои.)

Этот прием «самоуточнения» очень типичен для Солженицына. Можно привести аналогичные типы употребления из самых разных произведений — ср. пример из очерка «Диалогия Василия Гроссмана» (из серии «Литературная коллекция»):

И уже не читаем тех пафосных фраз о великом народном единстве. (Нет, кое-что осталось.)

Однако в целом для очерков Солженицына из цикла «Литературная коллекция» характерно несколько иное использование скобок, которые часто содержат неуверенное предположение о причинах того или иного явления, отмечаемого им в произведениях писателя, ставшего героем очерка, о его мотивах или художественном замысле; замечание в скобках может также выражать неуверенность в том, что чужое произведение интерпретировано правильно. Закрывающей скобке в этом случае обычно предшествует вопросительный знак:

А слов исконных, корневых, ярких русских — у Чехова почти не бывает (от южного детства?).

Или это — нацело искусственная приставка, или бы это отзвывалось на душе Якова и во многих случаях его жизни. Но второго нет — значит, придуманность (или как символ упущенных возможностей?).

...стал читать эту книгу всего лишь потому, что ждал: тут узнаю много о Грибоедове (1927 — не к столетию ли смерти Грибоедова писал?).

И только под конец узнаем, что Сашка — его единокровный брат, внебрачный. (Но странно, что Сашка о том не знает; или все же знает?)

Но тут вносится важная и неисследованная тема: о дезертирстве обиженных или жаждущих воли русских солдат — в другие страны, вот — в Персию. (Да судьба ли этих несчастных солдат волнует автора, или возможность желчного укора императорской России?)

А в «Элегии», — «До сих пор, вспоминая твой голос, я прихожу / в возбужденье», — если эта начальная строка верна, то всем остальным грузным стихом (защитной рефлексией?) чувство засушено (в прикрытие ли раны?).

Да еще маячит к концу тома, как монумент, несокрушимый меньшевик (венок автора памяти своего отца?) Дрелинг, вечный зэк.

Он пытается развязаться в разговоре с Чепыжиным (старуха-прислуга Чепыжина при том целует Штрума в плечо: напутствует на казнь?).

1.2. Скобки как комментарий к чужим словам

Когда в публицистических произведениях Солженицыну приходится цитировать чужие слова, он постоянно дополняет их собственными комментариями в скобках. Эти комментарии могут носить поясняющий, полемический или «разоблачающий» характер. Наличие таких комментариев в скобках создает эффект «диалогичности», когда наряду с голосом цитируемого автора звучит голос самого Солженицына, подтвержда-

ющего сказанное, поправляющего какую-то неточность, иронизирующего, недоумевающего, возмущенного.

Один из самых характерных примеров — эссе «Наши плюралисты», в котором Солженицын обильно цитирует своих оппонентов, условно названных им «плюралистами» (впрочем, он замечает: «...я не настаиваю, что правильно выбрал термин. Будем пользоваться им как рабочим»):

...«крестьяне сами увлеклись собственным раскулачиванием». (Ах-нешь! И это нашлепал уважаемый диссидент.)

«В 1953 почти никто не сознавал реальности.» (Совсем уж глупенькими народ представляют. Сознавали — десятки миллионов, да уже полегли, или языки закусил. «Не сознавали» — кто был на элитарном содержании.)

...видит лучшим выходом — «как предложил Ленин!» — избрать в нынешний ЦК «сто простых рабочих» — (непонятно почему Ленин при власти сам же их и не избрал)...

«Такое важное явление, как еврокоммунизм.» (А меж тем — он уже и испарился.)

...«не будет даже полутора лет и ни для одного народа спокойной жизни, посвященной только внутренним задачам». (Упаси нас Бог от такого будущего! и жить не надо.)

Иногда Солженицын ограничивается кратким замечанием, указывающим на сходство мнений, высказываемых «нашими плюралистами», с лозунгами советской пропаганды или с позицией революционных демократов:

«Жандарм Европы Суворов, реакционер Кутузов» (протереть глаза: воскрес Покровский? так же учили в 20-е годы).

«Как революция, так и ее последствия — национальны.» (Да, товарищи-господа, зачем же вы из Советского Союза уезжали? — это можно все и там открыто печатать.)

«Религиозность русского народа и в прошлом была сомнительной» (вернулись к Белинскому).

Ср. тот же прием, когда Солженицын цитирует высказывания в эмигрантской прессе о нем самом:

Легко жлет... Пытается содействовать распространению своих монархических взглядов, играя на религиозных и патриотических чувствах народа (ну, буквально из «Правды»)...

Часто, приводя особенно возмутившее его высказывание, Солженицын сопровождает его риторическим вопросом в скобках, выражающим удивление, возмущение, негодование. Такой вопрос может иронически заострять высказанную мысль, доводя ее до абсурда:

...«духовная структура» русских унаследована от монголов, «она застойна, не способна к развитию и прогрессу» (понимать: унтерменши? безнадёжная раса?).

И размышляет философ: «Октябрьская революция последовательно, не минуя ни одного пункта, опровергла все утверждения марксизма.» (Например — марксизму «науку восстания», захват банков, телеграфа, власти? диктатуру «авангарда», классовую борьбу? атеизм как стержень идеологии, сокрушение «жандарма Европы»? — да многое...)

И опять тот же прием используется, когда Солженицын цитирует высказывания в эмигрантской прессе о нем самом:

По его мнению, коммунистическая система не подходит России только из-за того, что она нерусская (не из-за того же, что атеистична и кровава?)...

В других случаях риторический вопрос в скобках заключает в себе возражение — Солженицын выступает в качестве оппонента в споре:

Победа «Новой Правой» будет — «конец детанта и усиление гонки вооружений» (да куда ж еще усиление?)

И, наконец, отступая, отступая по ступенькам, все ж упинаясь, что советское правительство — не «самое гнусное» на планете (Копелев. А отчего бы тогда не назвать, какое же гнусней?)

Всем сказанным далеко не исчерпываются функции, которые несут комментарии в скобках к чужим словам в «Наших плюралистах», не говоря о публицистике Солженицына в целом. Приведем еще несколько примеров, указывая на функции замечаний в скобках в каждом отдельном случае. Непосредственное обращение к оппоненту, к его личному опыту (чаще отсутствию такового):

«У внутреннего строя СССР ничего общего с социализмом нет», «когда-то начали строить совсем другое общество» (пожить бы тебе в том военном коммунизме, когда баржами топили, да расстреливали крымских жителей через одного).

Кажущееся согласие, иронически заостряющее высказанную мысль, в результате чего она доводится до абсурда:

«Колхозы — чисто русская форма.» (Смотри ее во всех веках: план посева из города, палочки трудодней, ночная стрижка колосков.)

Ироническое переосмысление слов оппонента, когда под видом согласия автор осуществляет «переполюсовку» оценок:

«Семена социализма погибли в русской почве.» (Тут соглашусь: почва оказалась для социализма крепенькая, пришлось киркой добавлять.)

Сходное с этим переосмысление констатации как прогноза на будущее:

«В России коммунизм в прошлом» (да сбудется это как пророчество!)...

Все названные (и многие другие) функции обнаруживаются у заключенных в скобки комментариев к чужим словам при обращении к другим публицистическим произведениям Солженицына. Приведем еще два примера риторических вопросов в скобках из «Размышлений над Февральской революцией»:

Михаил, «забыв все прошлое», то есть судьбу своей женитьбы, просил брата «пойти по пути, указанному народом». (Где он увидел народ?)

Образованные юридические советники, звезды кадетской партии, Набоков и Нольде, выводили ему красивым почерком: «впредь до того, как Учредительное Собрание своим решением об образе правления...» — а он доверчиво, послушно подписал. (И какое такое Учредительное Собрание он мыслил во время войны?)

2. Художественная проза

Функции скобок в художественной прозе Солженицына еще более разнообразны по сравнению с их функциями в публицистике. Это и не удивительно. Солженицын называет свой художественный метод «полифоническим» (впрочем, вкладывая в этот термин несколько иной смысл, чем Бахтин). Соответственно замечания в скобках могут принадлежать не автору, а кому-то из персонажей. При этом высказывание, заключенное в скобки, может выражать точку зрения иного персонажа, нежели текст вне скобок, что иногда создает эффект «полифонии» даже в рамках одного эпизода.

В рамках настоящей заметки нет никакой возможности не только провести сколько-нибудь полную систематизацию встреченных в художественной прозе Солженицына различных типов замечаний в скобках, но и хотя бы перечислить основные типы. Ограничимся лишь некоторыми характерными примерами из «Ракового корпуса».

Многие эпизоды в «Раковом корпусе» описываются как бы с точки зрения Русанова. Часто именно его точку зрения (как правило, поданную сатирически) выражает замечание в скобках:

Но Зоя уже не слушала и, постукивая пальчиком по пустой кровати Оглоеда, спросила: — А где Костоглолов? (Ну надо же! — как Павел Николаевич верно схватил! Костоглод — Оглоед — точно!)

Однако, и войдя в палату, врачи не поспешили к койке Русанова! Людмила Афанасьевна — крупная женщина с простыми крупными чертами лица, с уже пепелистыми, но стриженными и подвитыми волосами, сказала общее негромкое «здравствуйте», и у первой же койки, около Дёмы, остановилась, изучающе глядя на него. — Что читаешь, Дёма? (Не могла найти вопроса поумней! В служебное время!)

В следующих двух примерах в скобках содержится мысленный комментарий Русанова к диалогу Дёмки и Костоглотова:

Даже Дёмка не ложился спать, а пришел и сел на койку Костоглотова, и тут, над самым ухом Павла Николаевича, они бубнили. — Побольше стараюсь читать, — говорил Дёмка, — пока время есть. В университет поступить охота. — Это хорошо. Только учти: образование ума не прибавляет. (Чему учит ребенка, Оглоед!)

— ...Если плоскость проходит через прямую, параллельную другой плоскости, и пересекает эту плоскость, то линия пересечения... Слушай, Демка! Давай я с тобой каждый день буду стереометрией заниматься? Ох, двинем! Хочешь? — Хочу. (Этого еще не хватало, над ухом.)

Интерес представляют случаи, когда замечание в скобках содержит комментарии Русанова к его же собственным мыслям. Получается своего рода внутренний диалог. Приведем пример:

И когда только научится наше население ездить с чистыми аккуратными чемоданами! (Впрочем, теперь, при опухоли, это уже было все равно.)

Существенно, что мысленные комментарии Русанова — это, как правило, его реакция на происходящее вокруг. Иногда в целом повествование в эпизоде ведется «с точки зрения» Русанова, но замечание в скобках отражает позицию внешнего наблюдателя, следящего за поведением Русанова:

— Слышь, браток, у тебя рак — чего? — спросил он нечистым голосом. Павла Николаевича, уже дошедшего до своей койки, как заскобило от этого вопроса. Он поднял глаза на нахала, стараясь не выйти из себя (но все-таки плечи его дернулись)...

Впрочем, можно интерпретировать этот эпизод и по-другому: все описывается «с точки зрения» Русанова, который сам ощущает, как «держатся» его плечи.

Совсем по-другому функционируют скобки в эпизодах, рассказанных «с точки зрения» Костоглотова, который приучен к тому, что надо таить свои мысли от окружающих. Именно эти тщательно скрываемые мысли и открываются читателю в замечаниях в скобках. Приведем два примера (в рамках одного и того же эпизода — диалога Костоглотова с заведующей лучевым отделением Донцовой). В первом из них в скобках содержится спонтанно мелькнувшая во время разговора скрытая мысль Костоглотова; во втором — пространный комментарий в скобках раскрывает читателю то, что знает, но скрывает Костоглотов, и это сопровождается дополнительным пояснением «от автора»:

Донцова смотрела на его бесцветный извилистый шрам и молчала. Костоглов развивал: — Вы сразу исходите из неверного положения: раз большой к вам поступил, дальше за него думаете вы. Дальше за него думают ваши

инструкции, ваши пятиминутки, программа, план и честь вашего лечебного учреждения. И опять я — песчинка, как в лагере, опять от меня ничего не зависит. — Клиника берет с больных письменное согласие перед операцией, — напомнила Донцова. (К чему это она об операции?.. Вот уж на операцию он ни за что!) — Спасибо! За это — спасибо, хотя она так делает для собственной безопасности. Но кроме операции — ведь вы ни о чем не спрашиваете больного, ничего ему не поясняете! Ведь чего стоит один рентген!

— О рентгене — где это вы набрались слухов? — догадывалась Донцова. — Не от Рабиновича ли? — Никакого Рабиновича я не знаю! — уверенно мотнул головой Костоготов. — Я говорю о принципе. (Да, именно от Рабиновича он слышал эти мрачные рассказы о последствиях рентгена, но обещал его не выдавать. Рабинович был амбулаторный больной, уже получивший двести с чем-то сеансов, тяжело переносивший их и с каждым десятком приближавшийся, как он ощущал, не к выздоровлению, а к смерти. Там, где жил он — в квартире, в доме, в городе, никто его не понимал: здоровые люди, они с утра до вечера бегали и думали о каких-то удачах и неудачах, казавшихся им очень значительными. Даже своя семья уже устала от него. Только тут, на крылечке противоракового диспансера, больные часами слушали его и сочувствовали. Они понимали, что это значит, когда окостенел подвижный треугольник «дужки» и сгустились рентгеновские рубцы по всем местам облучения.)

Сходные функции могут нести скобки, когда эпизод описывается «с точки зрения» каких-то других персонажей. Ср. внутренний диалог, когда Донцова отвечает и частично возражает собственным мыслям:

Нет, готовиться к сообщению сегодня она уже не сможет, да и день к концу. (Разве взять папку домой? Наверняка провозишь зря, хоть сотни раз она так брала и возила.)

Столкновение разных точек зрения (Дёмы и Донцовой):

Он так понимал, что это — вместо операции. И ему казалось, что Донцова тоже так понимает. (А Донцова-то понимала, что, прежде чем оперировать саркому кости, надо подавить ее активность рентгеном и тем предотвратить метастазы.)

Вера Гангарт не готова признаться Костоготову в последствиях проводимого лечения, а Зоя — в том, что целых четыре раза смотрела фильм «Бродяга»:

— Вы не бойтесь, объясните, — успокаивал ее. — Я как тот сознательный боец, который должен понимать боевую задачу, иначе он не воюет. Как это может быть, чтобы рентген разрушал опухоль, а остальных тканей не трогал? Все чувства Веры Корнильевны еще прежде глаз выражались в ее отзывчивых легких губах. И колебание выразилось в них же. (Что она могла ему рассказать об этой слепой артиллерии, с тем же удовольствием дупящей по своим, как и по чужим?)

— Замечательный фильм! Я два раза была! — (Она была четыре раза, но постеснялась почему-то выговорить.)

В диалоге Ефрема Поддубова и хирурга Евгении Устиновны собеседники говорят одно, а думают другое — то, что не решаются или считают невозможным сказать:

— Ведь опять же по тому месту? — даже не спросил, а сам сказал Ефрем. (Он хотел выразить: как же вы раньше резали? Что ж вы думали? Но никогда не щадивший никаких начальников, всем лепивший в лицо, Евгению Устиновну он поберег. Пусть сама догадается.) — Рядышком, — отличила она. (Что ж говорить тебе, горемыка, что рак языка — это не рак нижней губы? Подчелюстные узлы уберешь, а вдруг оказывается, что затронуты глубинные лимфопути. Этого нельзя было резать раньше.)

В некоторых случаях в скобках содержится информация, необходимая для правильного понимания ситуации. Эта информация подается как своего рода «комментарий от автора»:

В это воскресенье Людмила Афанасьевна непременно должна была совершить большую стирку, уж набралось. Значит, обед на первую половину недели (она готовила его дважды в неделю) надо было во что бы то ни стало варить в субботу вечером.

Наконец, и Зоя все раздала и кончила, и Нэлла дотерла пол, потушили свет у женщин, потушили и в вестибюле верхний, был уже двенадцатый час, когда Нэлла развела теплый раствор на первом этаже и оттуда принесла Сибгатову в его постоянном тазике. — О-о-ой, уморилась, — громко зевнула она. — Закачусь я минуток на триста. Слушай, больной, ты ведь целый час будешь сидеть, тебя не дождешься. Ты потом сам снеси тазик вниз, вылей, а? (В этом крепком старом здании с просторными вестибюлями не было наверху слива.)

В произведениях Солженицына содержится множество примеров разных типов использования скобок, иногда еще более ярких. Отметим два эпизода из романа «В круге первом». В одном из этих эпизодов Нержина обязывают выдвинуть «добавочно к плану» «встречное научное социалистическое обязательство» (замечание в скобках показывает истинную цену такого обязательства):

— И соревнование надо оживить, верно, это поможет, — убежденно заключил он. — Социалистические обязательства мы тоже дадим, к первому января. Я считаю, что наш долг работать в наступающем году больше и лучше, чем в истекшем. — (А в истекшем он ничего не делал.)

В другом эпизоде описываются мысли Сталина при чтении пропагандистской книги «Сталин. Краткая биография», написанной под его руководством и при его непосредственном участии:

Незамысловатые честные слова этой книги ложились на человеческое сердце покойно и неотвратимо. Стратегический гений. Его мудрая прозор-

ливость. Его мощная воля. Его железная воля. С 1918 года стал фактическим заместителем Ленина. (Да, да, так и было.) Полководец революции застал на фронте толчею, растерянность. Сталинские указания лежали в основе оперативного плана Фрунзе. (Верно. Верно.) Это наше счастье, что в трудные годы Отечественной войны нас вел мудрый и испытанный Вождь — Великий Сталин. (Да, народу повезло.) Все знают сокрушительную силу сталинской логики, кристальную ясность его ума. (Без ложной скромности — все это правда.) Его любовь к народу. Его чуткость к людям. Его нетерпимость к парадной шумихе. Его удивительную скромность. (Скромность — это очень верно.)

Проф. Л. Суханек так комментирует этот эпизод: «Сталинские замечания должны показать, что идеологические приемы воздействовали также на него самого, что благодаря незамысловатой технике манипуляции пропагандистская ложь превращается в правду»⁴.

И наконец, в данной заметке, говоря об использовании скобок в художественной прозе Солженицына, нельзя миновать эпизод из «Августа Четырнадцатого», в котором говорится о 1-й Государственной думе, возглавляемой проф. С. А. Муромцевым. Дело в том, что В. С. Шварцкопф испытывал к Сергею Андреевичу Муромцеву глубокое уважение и, по его словам, когда оказывался у Донского монастыря, всегда посещал могилу Муромцева. Солженицын относится к Муромцеву (и к деятельности 1-й Думы в целом) иронично, обращая внимание на то, что субъективно честные намерения многих членов 1-й Думы бороться против неэффективного правительства и за процветание России объективно могли рассматриваться как революционные настроения (тем более что таковые были действительно присущи иным членам Думы). Именно этот «объективный» план и отражен в «разоблачающих» замечаниях в скобках (заметьте, что никакого непочтения к памяти С. А. Муромцева они не содержат):

1-я Дума собралась — уверенная в себе, резкая, громкая, с неостывшими голосами от едва выхваченной победы. Дума собралась — бороться против любого законопроекта, какой бы ни был предложен этим правительством. Когда этой Думе прочитывали с трибуны, сколько террористических убийств совершено в разных местах, — иные депутаты кричали с кресел: «Мало!» Дума собралась непримиримее и резче, чем сама Россия, собралась — не копаться в скучной законодательной работе да по комиссиям, не утверждать да исправлять какие-то законы или бюджеты, а — соединенным криком сдунуть с мест, сорвать и это правительство, и эту монархию — и открыть России путь блистательного республиканства из лучших университетских и митинговых умов под благородной, среброволосой копной профессора Муромцева. В первой же резолюции эта Дума потребовала: отнятия

---

⁴ Суханек Л. Литературные приемы воскрешения из мертвых: три Сталина у трех авторов // Лебедь. 2004. № 389.

и раздела помещичьих земель! упразднения второй палаты — Государственного Совета (чтобы быть свободнее самой)! да и — отставки правительства, чего уж! Собранная Дума публично требовала начать законодательную жизнь с изменения конституции (что вне Думы считалось уголовным преступлением) и так обещала обществу новую форму революции! В Думе сидели (чаще вскакивали) почти открытые эсеры, почти открытые террористы, легальные представители нелегальных партий, но более всего — кадеты, цвет интеллигенции двух столиц и десятка самых разговорчивых городов, — и они торжествовали свое умственное превосходство над бездарным дряхлым правительством, никогда, кажется, не давшим ни оратора, ни ума, ни государственного мужа.

Таким образом, рассмотрев лишь небольшое количество характерных примеров использования скобок в художественной прозе Солженицына, мы видим, что и здесь скобки часто маркируют важные фрагменты текста. Это вовсе не те побочные замечания, которые можно выпустить без ущерба для содержания.

В работах по теории пунктуации (и, в частности, в фундаментальном труде «Б. С. Шварцкопфа»⁵) функцию скобок принято описывать как «выделение» (и соответственно скобки относить к «выделительным» знакам). Речь при этом идет о чисто формальном признаке (скобки как парный знак). Но у Солженицына скобки часто оказываются «выделительным» знаком и в другом плане: они выделяют те фрагменты текста, на которые читатель должен обратить особое внимание. Содержательная функция скобок, отмеченная в упомянутой книге, — «перебой основной линии изложения»⁶, остается неизменной; просто у Солженицына этот перебой играет важную, иногда центральную роль в выражении нужного смысла и позволяет произвести на читателя желаемое впечатление.

---

⁵ Шварцкопф Б. С. Современная русская пунктуация: система и ее функционирование. М., 1988.

⁶ Там же. С. 27.

Н. Л. Шубина

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПУНКТУАЦИОННО-ГРАФИЧЕСКОМ ОФОРМЛЕНИИ РУССКОГО ТЕКСТА

В современном русском тексте можно наблюдать результаты поиска наиболее эффективных каналов для передачи информации. В новых условиях функционирования языка, чутко реагирующего на изменение социо-культурного пространства, социально-экономических условий и духовно-нравственных установок, формируется тенденция относительно свободного выбора вербальных единиц и различных параграфических средств, что в известной степени снимает жесткие ограничения системы и нормы. В результате сложилась ситуация, при которой далеко не все явления поддаются в настоящее время объяснению и регламентации¹. Все это, несомненно, затрудняет возможность использования текста как источника информации, как способа передачи любой когнитивной деятельности и как предмета обучения языку.

Наблюдаемое резкое увеличение общего объема различного рода знаков в русском языке — следствие появления новых функций параграфических знаков и графических средств. Об этом свидетельствует анализ текстов как художественной, так и публицистической литературы. Формирование актуализирующей прозы в русской художественной культуре сопровождалось использованием разного рода знаков и способов оформления текста. Обращение к репринтным изданиям произведений А. Белого, В. Розанова, И. Шмелева, А. Ремизова, Е. Замятина, Ф. Сологуба,

---

Печатается с разрешения Н. Л. Шубиной по первой публикации: *Шубина Н. Л. Новые тенденции в пунктуационно-графическом оформлении русского текста // Русский язык за рубежом. 1997. № 3–4. С. 67–74.*

¹ Существенный вклад в описание функциональных особенностей русской пунктуации внесли Н. С. Валгина и Б. С. Шварцкопф: *Валгина Н. С. Трудные случаи пунктуации. М., 1983; Шварцкопф Б. С. Современная русская пунктуация: система и ее функционирование. М., 1988.*

В. Набокова и др. свидетельствует о весьма плодотворных поисках в создании особого «рисунка текста».

Кровля свинцом покрыта, галереи расписаны, фонтаны бьют и каскады — русский Версаль готов.

Петр построил русский Версаль —
не ударить в грязь перед Европой!

Петр — «орлова полку», ни в каких столчках, зеленым сукном убитых, не нуждался, любил море, механику — фонтаны — резь и строил, все отделивал так, чтобы как там, в Европе —

Россия, как Европа!

И это «по пунктам» —

нет, еще больше, «сверх» —

Россия удивит Европу! (А. Ремизов. *Взвихренная Русь*)

В марте месяце все восприятия — свежи, легки, музыкальны; и мамочка — тоже: легка, музыкальна; весенняя —

— склонится вздохом над клавишами —

— за-

думается; улыбнется; и —

— дон-

-дон-

-дон-

-дон-

-дон! —

— раз-

дается на клавишах. (А. Белый. *Крещеный китаец*)

Если принять широкое понимание пунктуации как автономной системы знаков оптико-графической информации, основное назначение которой — организация графического (печатного) текста², то все употребляющиеся в тексте знаки (кроме букв и цифр) следует рассматривать как пунктуационные, включая шрифтовые выделения, разного рода пробы, демаркаторы и т. п.

Выявление специфики современных пунктуационных норм должно предусматривать наличие следующих сфер функционирования современной пунктуации, которые могут быть описаны в соответствующих разделах.

1. Пунктуация предложения (если признать, что предложение — это типизированная грамматическая единица и потенциальная коммуникативная единица). Вероятно, в этом разделе должны быть описаны знаки, участвующие в дополнительном маркировании сложности структуры (речь идет о сложносочиненном и сложноподчиненном предложе-

---

² *Реформатский А. А.* О перекодировании и трансформации коммуникативных систем // Исследования по структурной типологии. М., 1963.

ниях; структура простого предложения не поддерживается пунктуацией). Условно они могут быть названы конструктивными пунктуационными знаками.

2. **Пунктуация высказывания** (если признать, что высказывание является собственно функциональной единицей реального речепорождения и речевосприятия, структура и смысл которой детерминированы контекстом). В этом разделе должны рассматриваться типовые ситуации организации высказывания как коммуникативно-смысловой единицы, а также участие пунктуационных знаков и средств в оформлении высказывания. При этом выделяются четыре функции пунктуационных знаков: в уровневой смысловой организации высказывания, в коммуникативной и динамической организации высказывания, а также в актуально-просодической организации.

3. **Пунктуация текста (дискурса)**. В этом разделе могут быть описаны пунктуационные комплексы, участвующие в информативно-смысловой организации текстового пространства. При этом пунктуация понимается как своеобразный вспомогательный смысловой код для передачи информации и ее извлечения из текста. Кодирование и декодирование знаков составляет основу любого речемыслительного процесса. Пунктуационные знаки могут быть интерпретированы как элементы внутренней речи.

4. Особый раздел должен быть посвящен **пунктуации как средству создания стилистических эффектов**. Речь идет о так называемых экспрессивных пунктуационных приемах. Например, участие пунктуации в имитации устной речи, в способах передачи прямой и чужой речи³.

Можно предположить, что изменение пунктуации обусловлено вмешательством языковой личности в ее систему с целью определенной корректировки в соответствии с изменениями условий функционирования языка. Пишущий (адресант) подчиняет актуальным коммуникативным задачам разнообразные языковые средства (вербальные и невербальные), меняя при этом их функции и назначение, т. е. он реализует все возможные адаптивные потенции языка. Таким образом сохраняется равновесие между состоянием системы и задачами, которые она должна выполнять в определенных условиях функционирования.

Черная ночь... которая! Тихо, не громыхнет ветром. Устали ветры. Или весна подходит? Но какой же месяц? Все перепуталось, как во сне...

Ветер гремит воротами?.. Не ветер — они, ночные! Где же топор?.. Куда я его засунул?.. Выменял?! Что же теперь... пойти?.. Все стучат. Сами войдут... (И. Шмелев. *Солнце мертвых*)

---

³ Дзякович Е. В. Стилистический аспект современной пунктуации: Экспрессивные пунктуационные приемы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1994.

Елена, которой не дали опомниться после отъезда Тальберга... от белого вина не пропадает боль совсем, а только тупеет. Елена на председательском месте, на узком конце стола, в кресле. На противоположном — Мышлаевский, мохнат, бел, в халате и лицо в пятнах от водки и бешеной усталости. Глаза его в красных кольцах

— стужа, пережитый страх, водка, злоба. (*Булгаков. Белая гвардия*)

Это согласуется с концепцией Т.М.Николаевой, которая полагает, что систему языка можно представить в виде шкалы с двумя полюсами — максимально коммуникативным и максимально системным⁴. Пунктуационная подсистема на указанной шкале занимает место в «непосредственной близости» с максимально коммуникативным полюсом.

Таким образом, описание тенденций в изменении пунктуационно-графического оформления русского текста следует вести в двух направлениях: от речевой деятельности и от языковой системы. Выделение этих ракурсов в описании пунктуации как функционально-адаптивной системы, на наш взгляд, весьма плодотворно и своевременно.

Особенность современной пунктуации заключается в том, что она в равной степени ориентирована как на письменную, так и на устную речь.

Русская устная спонтанная речь реагирует на изменения условий функционирования, на появление новой, зарождающейся коммуникативной среды. Весьма существенно и то, что «все языковые правила, явные или скрытые, преследуют фактически одну цель: обеспечить коммуникативную эффективность передаваемого текста и соответственно создать оптимальные условия для сохранения и развития данного социума»⁵.

В устной речи, обладающей многоканальной системой передачи информации, действуют специальные адаптивные процессы⁶. К наиболее продуктивным следует в первую очередь отнести высокую степень активности просодических характеристик, обусловленную изменениями в актуально-просодической организации речи, а также увеличение коммуникативной значимости невербализованных средств (мимики, жестов).

В письменной речи находят отражение эти же процессы, но специфическим образом. Любопытно, например, использование пунктуаци-

---

⁴ Николаева Т.М. Коммуникативно-дискурсивный подход и интерпретация языковой эволюции // Вопросы языкознания. 1984. № 3. С. 118.

⁵ Норман Б.Ю. Грамматика говорящего. СПб., 1994.

⁶ Шубина Н.Л. Об адаптивных процессах в современной устной спонтанной речи // Аспекты речевой конфликтологии: сб. статей / под ред. С.Г.Ильенко. СПб., 1996.

онно-графических средств в романе А. Солженицына «Октябрь Шестнадцатого»:

Ударило алым по лицу Веры. (Андозерская не видела ее, а — видела.)

Ободовский взметнулся туда. Никому не интересно, но услышался его взволнованный голос:

— ...Да, но простите, здесь уже поздно, теперь ни к че... Тогда завт... Что?... Что?!.. Что-о???

Дамы высунулись опять, а за ними возвысился и приват-доцент.

— ...На Большом Сампсо..? А где вы сейчас?..

Ободовский отнял трубку и с бровями смятенными, голосом недоуменным? или горестным? или радостным? — спросил вдоль коридора:

— Вы знаете, господа... Как бы не... Кажется... Началось!

Н а ч а л о с ь?!? Ну мало ли что может начаться: отливка орудийного ствола, хирургическая операция, тяжелые роды, наводнение Невы, война со Швецией, нет!! Все до единого одноминутно однозначно безошибочно уверенно поняли это безличное слово как удар басового колокола: НАЧАЛОСЬ!!!

Что еще другое могло н а ч а т ь с я?!

И кто же теперь в силах уйти? Как же теперь по домам разойтись, не узнав, не поняв?

— Он — далеко?

— За Гренадерским мостом.

— Так зовите! Зовите его сюда!!

Все — оставались.

НАЧАЛОСЬ!!!

Ориентация на разговорную речь потребовала создания своеобразного механизма адаптации устной речи к письменной сфере.

Важничанье письмами — необыкновенное. Избави Бог дотронутся до открытки. Глаза так и сверкают, губы трясутся, и, брызгая слюной, Пучик кричит, отцу ли, матери ли:

— Это бессовестно *читать чужие письма!*

— Милая, да *открытки* на то и пишутся, чтобы их все читали.

— Вовсе нет!!!! Это — письмо!!!! Ведь **не к тебе** оно написано!!!! (*В. Розанов. Опавшие листья*)

— К черту! Ухожу! На пенсию! Ищите! Себе! Другого! Учителя!

Тут оба завуча хватают ее за кофту, за юбку, за весь трикотаж:

— Валентитрия Мутиновна! Никогда, ни за что не уходите на пенсию!

Где мы найдем учителя в середине года? Для десятых классов? Где?! Ведь сегодня никто не знает, как преподавать этот страшный предмет — обществоведение! — грум-вжжик-ййй-ййй! Лучше мы выгоним этих детей из школы — бум-бум! — с их проклятыми вопросами! Пусть катятся, отщепенцы, чи-та-а-те-ли! (*И. Мориц. Под лезвием звуков*)

Пишущий (автор) обладает широким диапазоном параграфических средств для имитации устной речи. Однако при отсутствии механизма

декодирования функционального назначения используемых средств они становятся «невысказанными».

Анализ русских текстов свидетельствует также, что использование ненормативных знаков как бы разрушает синтаксическую организацию предложения: нарушаются действующие правила оформления однородных членов предложения, главных членов предложения, обособленных членов и т. д. Вместе с тем формируется новое функциональное назначение знаков.

Известно, что границы сегментов, входящих в высказывание, могут быть обозначены точкой, вопросительным и восклицательным знаками, многоточием. Указанные знаки традиционно признавались знаками конца предложения. Однако следует отметить, что перечисленные знаки отмечают не только границы высказывания или его сегментов, но и участвуют в маркировании коммуникативной задачи отправителя. Немаловажным обстоятельством является и то, что высказывание детерминировано на всех своих уровнях текстом, а поэтому смысловое квантование высказывания и его коммуникативная организация оформляются и при помощи текстовых знаков, к которым мы относим и красную строку. В качестве иллюстраций своеобразной комбинации знаков, составляющих комплексное образование, участвующее в оформлении высказывания и его сегментов, можно рассматривать следующие текстовые фрагменты.

Чем я более всего поражен в жизни? и за всю жизнь?
Неблагодарством.
И — благодарством.
И тем, что благодарное всегда в унижении.

Свинство почти всегда торжествует. Оскорбляющее свинство. (В. Розанов. *Опавшие листья*)

Теперь расскажу о злющей нежити.
О банном черте. (*Тэффи. Банный черт*)

Убийственно!! Жбан с квашней, а не генерал!
И что ж оставалось?
Воевать... (*А. Солженицын. Октябрь Шестнадцатого*)

Я многого не понимаю.
И прежде всего его — моего хозяина. (*А. Соболев. Княжна*)

Знак перед прописной буквой (или красной строкой) следует рассматривать не только как знак заверщенного высказывания, а как знак предупреждения («ожидания») о наличии некой коммуникативной перспективы в развертывании высказывания. Безусловно, сама перспектива определяется структурной и смысловой организацией высказывания,

однако роль пунктуационного знака заключается в дополнительной репрезентации намерения отправителя. Наблюдается активизация имплицитных смысловых отношений, поэтому такого рода знаки мотивированы. В приведенных ниже фрагментах одного и того же текста, но в разной редакторской правке можно обнаружить, что замена знака трансформирует коммуникативно-смысловую структуру высказываний, входящих в текст⁷.

(1) Да, он счастлив и доволен! — подумала она, — а я?.. И эта доброта противна, за которую все так любят его и хвалят. Я ненавижу эту его доброту.

(2) Да, он счастлив и доволен! — подумала она, — а я?! И эта доброта противна, за которую все так любят его и хвалят. Я ненавижу эту его доброту.

(Л. Толстой. *Анна Каренина*)

(1) Болит душа, болит душа, болит душа...

И что делать с этой болью — я не знаю.

Но только при боли я согласен жить... Это и есть самое дорогое мне и во мне.

(2) Болит душа, болит душа, болит душа...

И что делать с этой болью — я не знаю.

Но только при боли я согласен жить. Это и есть самое дорогое мне и во мне.

(В. Розанов. *Опавшие листья*)

В разных редакциях одного и того же текста довольно распространенным явлением становится сегментация высказывания разными пунктуационными средствами. За этим, казалось бы, формальным вмешательством в текст скрывается один из наиболее распространенных способов трансформации смысловой и концептуальной информации, заключенной в тексте. Ср., например:

(1) Все вошло в обыкновенный порядок. Но Ибрагим чувствовал, что судьба его должна была перемениться и что связь его рано или поздно могла прийти до сведения графа D.

---

⁷ В статье использованы примеры редакторской правки из следующих изданий: (1) *Пушкин А. С. Романы. Повести. Драматические произведения*. Фрунзе: Кыргызстан, 1975 (по изданию: *Пушкин А. С. Собр. соч.*: в 10 т. М.: Гослитиздат, 1960); (2) *Пушкин А. С. Соч.*: в 3 т. М.: Художественная литература, 1986. (1) *Толстой Л. Н. Анна Каренина: роман* в 8 ч. Л.: Художественная литература, 1988 (текст печатается по изданию: *Толстой Л. Н. Собр. соч.*: в 20 т. М.: Гослитиздат, 1963); (2) *Толстой Л. Н. Собр. соч.*: в 12 т. М.: Правда, 1987. (1) *Платонов А. П. Ювенильное море: повести*, роман. М.: Современник, 1988; (2) *Платонов А. П. Чевенгур: роман*. М.: Художественная литература, 1988. (1) *Розанов В. В. Сумерки просвещения*. М.: Педагогика, 1990; (2) *Розанов В. В. Сочинения*. Л.: Всесоюз. молодежн. кн. центр, филиал «Васильевский остров», 1990.

(2) Все вошло в обыкновенный порядок, но Ибрагим чувствовал, что судьба его должна была перемениться и что связь его рано или поздно могла дойти до сведения графа D. (А. С. Пушкин. *Арап Петра Великого*)

(1) Ибрагим отличался умом точным и наблюдательным. Петр был очень доволен его ответами.

(2) Ибрагим отличался умом точным и наблюдательным; Петр был очень доволен его ответами. (А. Пушкин. *Арап Петра Великого*)

(1) Ты видишь: я с тобой болтлива по обыкновенному — не будь же и ты скупа на заочные разговоры. Пиши ко мне как можно чаще и как можно более — ты не можешь вообразить, что значит ожидание почтового дня в деревне.

(2) Ты видишь: я с тобой болтлива по обыкновенному. Не будь же и ты скупа на заочные разговоры. Пиши ко мне как можно чаще и как можно более: ты не можешь вообразить, что значит ожидание почтового дня в деревне. (А. Пушкин. *Роман в письмах*)

(1) Захар Павлович приходил на похороны и вел мальчишку за руку — ласковый и разумный такой мальчик, не то в мать, не то в отца; где сейчас этот мальчик? Наверно, умер первым в эти голодные годы, как круглый сирота. За гробом отца мальчик шел без горя и пристойно.

(2) Захар Павлович приходил на похороны и вел мальчишку за руку — ласковый и разумный такой мальчик, не то в мать, не то в отца; где сейчас этот мальчик? — наверно, умер первым в эти голодные годы, как круглый сирота. За гробом отца мальчик шел без горя и пристойно. (А. Платонов. *Чевенгур*)

(1) Наставник отлично знал, что машины живут и движутся скорее по своему желанию, чем от ума и умения людей: люди здесь ни при чем — наоборот, доброта природы, энергии и металла портят людей.

(2) Наставник отлично знал, что машины живут и движутся скорее по своему желанию, чем от ума и умения людей: люди здесь ни при чем. Наоборот, доброта природы, энергии и металла портят людей. (А. Платонов. *Чевенгур*)

Анализ современных текстов свидетельствует о продуктивности парцеллированных конструкций в организации текстового пространства. «Сегментирующая» точка является в большей степени функциональным знаком, чем точка, маркирующая конец высказывания. Мы разделяем точку зрения тех исследователей, которые рассматривают парцеллированные конструкции прежде всего как средство актуального членения. Не случайно, что парцелляты отмечаются не только устойчивыми маркерами предложения (прописная буква и точка), но и текстовыми знаками, а именно — красной строкой.

Корнилов вышел из прохинского кабинета. Корнилов едва не падал с ног, едва не стонал.

От стыда. (С. Залыгин. *После бури*)

Немцы не скрывали своего оживления. Но лишь в одном месте били. И вот реже, реже.

И замолчали (А. Солженицын. *Август Четырнадцатого*)

Все мы жили рядом с ней и не поняли, что есть тот самый праведник, без которого, по пословице, не стоит село.

Ни город.

Ни вся земля наша. (А. Солженицын. *Матренин двор*)

Пунктуационно-графическое оформление текста подчиняется стратегии смыслового развертывания текста как на поверхностном, так и глубинном уровнях. Наибольшую трудность в декодировании представляют так называемые текстовые знаки, которые обладают широким диапазоном функционально-системных свойств. Особый интерес вызывают знаки, используемые в структурно-семантической и коммуникативной организации текста. Текст как источник «мерцающих смыслов» является носителем различной информации. Невербальные знаки используются как своего рода сигналы свертывания или развертывания текста на информационном уровне. Принято различать два информационных плана текста: содержательный (та информация, которую отправитель предполагает передать адресату в эксплицитном и имплицитном виде) и формальный (та информация, которая получена адресатом вне зависимости от коммуникативного намерения отправителя, имплицитно заложенная в способе актуализации информации, в самих единицах языка). Под информативностью текста мы понимаем лишь ту смысловую информацию, которая может стать достоянием адресата (гипотетический коэффициент информативности). Особенность письменного текста заключается в том, что мысли отправителя кодируются как средствами естественного языка, так и самой системой письменности. Получатель должен владеть различными кодами, чтобы адекватно понимать коммуникативные и прагматические задачи текста и отправителя. Функции параграфических знаков и графических средств в формировании информативности текста весьма существенны. Они участвуют в рематизации высказывания, т. е. в выделении компонентов, несущих новую информацию и имеющих коммуникативную перспективу. То, что перестало быть актуальным (потеряло свою информативную значимость), свертывается. Вероятно, этим можно объяснить активное использование в современных текстах разных видов парцелляции, маркируемых параграфическими знаками. Свертывание и развертывание информационной структуры текста поддерживается действием компрессии (сокращение синтагматической цепи при сохранении передаваемой информации) и контаминации (снятие лишних,

с точки зрения отправителя, смысловых акцентов в линейном ряду)⁸. Использование параграфических знаков в этой функции становится все более активным, особенно если учесть то стремление зафиксировать устную речь в письменной форме, которое наблюдается в настоящее время в художественной литературе.

Информативность параграфических знаков ситуативна, поскольку любой знак является носителем так называемой отраженной информации. Обращаясь к пунктуационно-графическому оформлению текста, многие интерпретаторы (составители, редакторы, текстологи и др.) ставят вопрос о механизме указанного оформления. В учебно-методической литературе выделяются «авторские знаки». Не отрицая субъективности в процессе использования пунктуационно-графических средств, следует отметить специфику этого механизма.

Анализ текстов показывает, что ненормативное с точки зрения действующих рекомендаций употребление знаков является отражением специфического отношения автора (отправителя) к языковым структурам в аспекте их правильности. Это явление получило название чувство языка⁹. Речь идет прежде всего об особой разновидности интеллектуальных эмоций, своеобразными сигналами проявления которых является и пунктуационно-графическое оформление текста. Следует отметить и участие параграфических знаков в выражении прагматической информации, если под прагматикой понимать закрепленное в языковой единице отношение говорящего к действительности, к содержанию сообщения, к адресату¹⁰.

Да, молодость отлетела, — я мыслил. Но велика ли печаль? То есть разве не этого — потихоньку от самого себя — ты ждал вожделенно все истекшие годы? Не так ли благовоспитанный джентльмен ждет своего пристойного повода для разрыва с капризной и требовательной содержанкой? О молодость, сколько с тобой мороки! Сколько энергии, времени, сил уходит впустую на удовлетворение твоих вздорных прихотей, на чаяния твои и мечтания. Совсем иное — добротная — габардиновая и байковая — на ватной подкладке и меховом ходу — старость. (С. Соколов. Палисандрия)

Обращение к анализу функционального назначения параграфических знаков в текстах художественной прозы свидетельствует, что употребление знаков или целого комплекса знаков является не произволом пишущего (автора), а отражает закономерные тенденции в коммуникативно-прагматической организации конкретного текста.

---

⁸ Мурзин Л. Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие. Свердловск, 1991.

⁹ Ейгер Г. В. Механизмы контроля языковой правильной высказывания. Харьков, 1990.

¹⁰ Апресян Ю. Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.

При восприятии или интерпретации текста следует учитывать, с одной стороны, его свойства как динамической системы, а с другой — свойства, отражающие современную стратегию создания текстов с учетом тех изменений, которые наметились под влиянием устной речи.

Желание подчинить «стихийно возникшую и развивающуюся» пунктуацию жестким законам правописания (договор между пишущим и читающим) создавало и создает целый ряд проблем, обусловленных не отсутствием того или иного правила, а тем несоответствием, которое наблюдается между «знанием пунктуации и знанием о пунктуации».

Таким образом, можно предположить, что те употребления пунктуационных знаков, которые в настоящее время воспринимаются как ненормативные, являются следствием зарождающихся функций русской пунктуации в формировании смыслового и информативного текстового пространства, с одной стороны, и новых системных свойствах пунктуации, появившихся в связи с необходимостью автоматизации различных форм языковой коммуникации, с другой.

ПРОБЛЕМЫ КОДИФИКАЦИИ И РЕФОРМИРОВАНИЯ ПИСЬМА

[К. Су-въ]

ИЗЪ СТАТЬИ: «ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ РАСПРЯ»¹

Президентъ. Мы уклонились бы отъ порядка, въ какомъ должны происходить наши совѣщанія, еслибъ прямо начали съ алфавита. Въ прошлое засѣданіе вопросъ объ общихъ основаніяхъ нашего правописанія остался нерѣшоннымъ, и потому неуютно ли будетъ собранію приступить теперь къ обсужденію вопроса: слѣдуетъ ли произвести *коренное* преобразование въ нашей орфографіи, или ограничиться только *второстепенными* вопросами?

Г. К-въ положительно объявляетъ, что коренное преобразование въ нашей орфографіи уже потому невозможно, что языкъ нашъ еще не установился. (Странно!)

Г. С-ій. Прежде всего слѣдовало бы кажется обсудить: что надобно разуметь подъ *кореннымъ* преобразованиемъ и что подъ *второстепеннымъ*?

Кто-то. Очень просто: коренная реформа будетъ та, которая заставитъ насъ учиться писать сызнова. Напримѣръ когда правописаніе будетъ сближено съ выговоромъ.

Другой кто-то. Мнѣ кажется напротивъ, грамматика должна устанавливать выговоръ.

Г. М-нъ, которому тоже ужасно нехочется коренной реформы, принимается доказывать, что во всемъ на свѣтѣ, то-есть рѣшительно во всемъ,

---

Печатается по сокращенной публикации: [Су-въ К.] Из статьи: «Орфографическая распря» // Гротъ Я. К. Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго доннынъ: Филологическое разысканіе. Приложение 2. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1873. С. 152–159. Впервые опубликовано в журнале: Су-въ К. Орфографическая распря // Время. 1862. Т. 8. № 3. С. 57–74.

¹ *Время* 1862, № 3 (т. VIII). Чтобы отнять у этого отрывка всякій оттѣнокъ личнаго характера, считаемъ нужнымъ означать имена участвовавшихъ въ преніяхъ сокращенно. Сохраняемъ правописаніе и пунктуацию автора статьи, который подписался: К. Су—въ.

даже въ установлении правописанія, *должна быть постепенность*. Онъ начинается издалека, рѣчь его тянется, тянется... Присутствующіе переглядываются, являются улыбки; споръ, начатый шопотомъ, становится громче, громче. Звонокъ.

Г. С-въ. Ужь если дѣлать въ нашей ортографіи измѣненія, такъ ужъ лучше бы всего по-моему преобразовать ее вполнѣ: полумѣры ни къ чему не поведутъ.

Кто-то замѣтилъ, что выраженіе «полумѣры» употребляется говоря только о важныхъ реформахъ, а не о такихъ пустякахъ, какъ наше правописаніе.

Г. К-ий. Мы живемъ въ эпоху коренныхъ преобразованій; крестьянскій вопросъ напимѣрь совершенно долженъ преобразовать наше общество. Поэтому мнѣ кажется и реформа въ правописаніи должна быть коренная.

— Но ежели эта реформа не дастъ никакихъ результатовъ, всѣми принята небудетъ?

— Поддержку мы всегда найдемъ, поддержка будетъ!

Кто-то. К чему ломать все? Всего ломать ненужно. К чему непременно *коренная* реформа? Лучше начать со второстепенныхъ вопросовъ, а потомъ отъ мелочей мы доберемся и до главнаго, до полной реформы.

Г. М-нъ. Да, да, совершенно справедливо, во всемъ нужна постепенность. Нынче будутъ сдѣланы одни измѣненія, черезъ десять лѣтъ другія, а ужъ тамъ и пойдетъ.

Кто-то (кажется г. Кл.). Ежели предпринято будетъ коренное преобразование нашей ортографіи, то оно необходимо коснется или историческаго хода нашего правописанія, или же будетъ направлено къ полному сближенію съ выговоромъ, то-есть будетъ имѣть дѣло съ мѣстными говорами. Стало-быть для того чтобы рѣшить, какую именно реформу намъ слѣдуетъ предпринять, коренную или только второстепенную, мы предварительно должны отвѣтить на вопросъ: что для насъ важнѣе — исторія ли языка, или сближеніе ортографіи съ произношеніемъ? Если мы примемъ второе, то для того чтобы выразить въ письмѣ всѣ звуки, существующіе въ русскомъ народномъ говорѣ, во всѣхъ нашихъ мѣстныхъ нарѣчіяхъ, намъ придется *покрайней-мѣрѣ утратить* нашъ алфавитъ. А ежели мы примемъ историческое начало, въ такомъ случаѣ путаница въ правилахъ правописанія у насъ останется попрежнему, хоть бы напимѣрь относительно употребленія буквы Ъ, про которую Миклошичъ совершенно справедливо говоритъ, что русскіе до тѣхъ поръ будутъ биться съ буквой Ъ, пока совсѣмъ не изгонять ее изъ своего алфавита.

Президентъ устанавливаетъ поднятые вопросы въ такомъ порядке: мы должны опредѣлить 1) что должны разуметь подъ кореннымъ

преобразованием нашей орфографии и что под второстепенным; 2) как следует смотреть на историческую основу нашего правописания и 3) что принять за норму, когда дело коснется сближения нашей орфографии с произношением?

Г.К. Все прежние реформы нашего правописания касались одних только мелочей и потому не имели успеха; стало-быть и теперь нам незачем гоняться за мелочами, и толковать о том, какое преобразование лучше — коренное или второстепенное, значит вступать в совершенно бесполезные споры. К чему все давным-давно уже пережитое переживать снова? По-моему уж если делать преобразование, так делать радикальное. Будет ли оно всеми принято, нет ли — какая нам нужда толковать об этом? На нашей стороне истина — чего же еще больше? Ручательство за успех самое верное.

Г.С-ий. Но что же такое мы должны разуметь под именем мелочей? Писать например *лекарь* через *е* или через *ѣ*, *матерьялизм* или *матерьялизмъ*?

Г.К. Всего лучше будет начать с крупного, а там дойдем и до мелочей.

Г.С-ий. Но все главным образом существующая разногласия в нашем правописании заключаются именно в мелочах: так не лучше ли поэтому начать с мелочей?

Г.К. Позвольте мне отклониться от этого вопроса. Я хотел только заявить собранию, что что бы ни называли коренным преобразованием, во всяком случае я объявляю себя в пользу такого преобразования.

Г.М-въ. Мы приглашены сюда затем, чтобы условиться в установлении правил нашего правописания и чрез то облегчить самое преподавание этой части грамматики. Но кажется нам нечего бояться, что всякий будет писать по-своему...

Г.С-нъ. С этим нельзя согласиться: установление однообразия в правописании нам необходимо для установления самого говора. Но опять если мы будем сближать письмо с говором, мы впадём в крайность; чрез это мы просто уничтожим всякое правописание.

Г.К-ий. Лет двадцать тому назад я издал «Упрощение русской грамматики». В этом сочинении... вероятно кто-нибудь из общества читал его?

Слышатся смешанные голоса: «как же, читали, читали!.. Что это, К—скаго? еще бы!.. все читали!».

Г.К-ий. В этом сочинении я предлагал сделать коренное преобразование в нашей грамматике, и приняв предложенную мной реформу, все бы легко и скоро научились писать по-русски без ошибки; средство самое простое: принять вместо нынешнего русского шрифта латинский. Я нахожу, что наш алфавит неудовлетворителен. Возьмем например такую фразу: «он ее еще и гонит». Как прочтеть ее

тотъ, кто только-что еще учится читать? А вотъ какъ: «онъ ээ эщэ и гонить». Все это греки. Самаго звука этого (то-есть Э) нѣтъ въ русскомъ языкѣ, онъ изобрѣтенъ у насъ греками. А у меня бы этого небыло.

Подымается крикъ со всѣхъ сторонъ:

— Въ такомъ случаѣ надо завести школы для всѣхъ насъ! мы должны будемъ учиться грамотѣ снова!

— Русскій шрифтъ не умретъ! Онъ будетъ жить, пока Россія не умретъ!

— Вы обрекаете всю нашу литературу на сожженіе!

Г. К-ий. Но какъ же вы различите въ письмѣ выговоръ буквы г напริมѣръ въ словахъ «господину Головину»? Или напрімѣръ *вещь* и *плащъ* — какая тутъ разница въ выговорѣ буквы щ? Да вотъ вамъ, чегожъ еще лучше: неудобство русскаго шрифта доказывается тѣмъ уже, что въ прошедшее совѣщаніе кто-то изъ господъ читавшихъ прочель *умѣли* вмѣсто *успѣли*.

Шумъ. Звонокъ.

Кто-то изъ сидящихъ за столомъ. Вотъ я сейчасъ написалъ по вашей граматикѣ слово *еще*: кажется чуть ли не десять буквъ выходитъ. Позвольте сейчасъ сосчитаю. Разъ, двѣ, три...

Г. К-ий (горько). Ну вотъ, сейчасъ и видно, что вы совсѣмъ и не читали моей грамматики.

Смѣхъ и опять звонокъ.

Президентъ. Намъ кажется пора покончить съ вопросомъ о шрифтѣ, тѣмъ болѣе, что съ мнѣніемъ г. К—скаго никто изъ общества не согласенъ. Г. С—ий, кажется вамъ угодно было что-то возразить г. К—скому.

Г. С-ий распространяется о богатствѣ русскаго языка, о прелести нашего алфавита, вполне удовлетворяющаго всѣмъ русскимъ звукамъ, о недостаточности латинской азбуки для передачи нѣкоторыхъ русскихъ звуковъ и проч.

Г. К-ий. А у меня всѣ грамматическія правила умѣщаются на одномъ листѣ.

Легкій смѣхъ.

Г. Кл. Преобразование, предлагаемое г. Кскимъ, есть больше чѣмъ коренное преобразование. Кромѣ того мы видимъ, что всѣ славянскіе народы, принявшіе латинскій шрифтъ, должны были придумать множество новыхъ знаковъ для передачи тѣхъ звуковъ, которыхъ латинскій алфавитъ не выражаетъ. Это...

Г. К-ий. Да они писать неумѣютъ. (Смѣхъ).

Г. Кл. Это крайнее неудобство. А между тѣмъ Кирилъ придумалъ начертанія, именно вызванныя нашими звуками. Для выраженія напрімѣръ звуковъ щ, ѣ и другихъ, вамъ придется употреблять или какіе нибудь надстрочные знаки, или хвостикъ внизу, какъ напрімѣръ въ польскомъ носовые звуки *ą* и *ę*.

Г.К-ш (съ увлеченіемъ). Я буду безъ хвостиковъ писать.

Страшный хохотъ укрощается смирительнымъ колокольчикомъ. Когда шумъ стихъ, г. К—скій беретъ лежащую передъ нимъ афишу и говоритъ:

— Въ русскомъ языкѣ чрезвычайно много иностранныхъ словъ. Вотъ напримѣръ я вамъ прочту начало этой афиши: «Концертъ въ пользу бѣдныхъ студентовъ императорской медико-хирургической академіи.» Много ли въ этой фразѣ русскихъ словъ? Прочестъ ее, такъ всякій иностранецъ пойметъ, о чемъ тутъ говорится...

Улыбки, легкой смѣхъ, шумъ, звонокъ.

Кто-то. А неужто ли вамъ выразить латинскимъ алфавитомъ звукъ Ъ, неприбегая къ комбинаціи буквъ?

Г.К-ий. Да я совсѣмъ не о томъ говорю. Я говорю, что если мы перемѣнимъ нашъ шрифтъ на латинскій, то хоть намъ и не легче будетъ послѣ этого учиться граматикѣ, зато иностранцамъ будетъ легче. Вотъ я объ чемъ говорю. Ктому же наборщикамъ при вставке иностранныхъ фразъ въ русскій текстъ не придется лазить изъ одной кассы въ другую...

Шумъ и смѣхъ. «Это будетъ измѣненіе, а не преобразование!» слышится съ одной стороны. «Да мы о себѣ хлопочемъ, а не объ иностранцахъ! Чтѣ намъ до нихъ за дѣло!» раздается съ другой. Звонокъ, разумѣется. Президентъ предлагаетъ обществу рассмотреть вопросъ: что должно разумѣть подъ *кореннымъ преобразованиемъ* нашего правописанія?

Г.Р-въ. Въ числѣ нашихъ орфографическихъ правилъ есть такія, которыя принимаются всѣми пишущими и печатающими безусловно, на которыя всѣ согласны; но съ другой стороны встрѣчаются и случаи разногласія въ способѣ писанья — одни пишутъ такъ, другіе иначе, — случаи, которые легко устранить. Отсюда кажется можно прямо заключить, что подъ *коренными преобразованиями* надобно понимать такія измѣненія въ правописаніи, которыя касаются общепринятыхъ правилъ; соглашеніе же разностей въ правописаніи я считаю второстепенной реформой. Но теперь вопросъ: какихъ оснований держаться при *коренномъ преобразованіи*? Мнѣ кажется всего справедливѣе — тѣхъ, на которыя въ прошлый разъ указалъ г. С., именно этимологическаго начала и фонетическаго.

Г.Н-ий. Такъ какъ дѣло идетъ о томъ, какое преобразование совершить будетъ лучше, то позвольте мнѣ сдѣлать одно замѣчаніе въ пользу радикальнаго преобразования. Кругъ читающей Россіи въ настоящее время можно-сказать довольно еще ограниченъ; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что по мѣрѣ успѣховъ распространенія грамотности будетъ возрастать и число читающихъ. Если теперь читающихъ у насъ найдется положимъ три мильона, то лѣтъ черезъ десять ихъ будетъ можетъ быть десять мильоновъ. Имѣя это въ виду, мы кажется недолжны допускать многого преобразования въ нашей ортографіи, какъ только радикальное. Чѣмъ

дальше мы будем откладывать реформу, тѣмъ больше она будетъ становиться невозможною. Если нами будетъ произведена коренная реформа (иной мы и не допускаемъ), то послѣдующее за нами поколѣніе будетъ избавлено отъ всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ затрудненій въ правописаніи, которыя теперь поминутно сбиваютъ насъ съ толку. Настоящій моментъ какъ нельзя больше удобенъ для радикальной реформы. Если наше предпріятіе — произвести въ нашемъ правописаніи коренную реформу — имѣетъ въ себе внутреннюю силу и за него говорить сама истина, то оно примется; непременно примется. Итакъ вотъ въ чемъ заключается мое предложение: *въ виду распространенія грамотности необходимо произвести радикальное преобразование въ нашемъ правописаніи.*

— Но въ такомъ случаѣ вы затронете и общепринятые правила...

— Чтожъ такое, если они и будутъ затронуты?

— Тогда намъ всѣмъ придется переучиваться.

— Переучиваться легче, чѣмъ учиться.

Сильный говоръ. Сквозь шумъ слышится вопросъ г. К—скаго: «а какъ вы напишете на примѣръ *что-жъ?*» и чей-то отвѣтъ: «вотъ это-то мы и рѣшимъ тогда, когда будетъ предпринято коренное преобразование.» Звонокъ.

Президентъ. Сдѣлаемъ же теперь résumé изъ всего сказаннаго. Въ виду распространенія грамотности, въ настоящій благоприятный моментъ всего лучше будетъ совершить въ нашемъ правописаніи радикальное преобразование, хотя бы оно касалось и общепринятыхъ правилъ, — принимая при этомъ то опредѣленіе радикальнаго преобразования, какое сдѣлалъ г. Р—въ. Итакъ большинство стоитъ за коренное преобразование. Послѣ этого мнѣ кажется лучше будетъ перейти прямо къ рассмотрѣнію нашей рѣчи, оставя алфавитъ всторонѣ.

Новый шумъ. Между прочимъ слышатся голоса:

— Да, да! А то мы никогда не кончимъ.

— Помилуйте, какже это можно! надо же вѣдь чѣмъ-нибудь кончить съ алфавитомъ.

— Непременно. Покрайней-мѣрѣ при дальнѣйшихъ обсужденіяхъ у насъ nebude вопросовъ, отклоняющихъ отъ дѣла. (Звонокъ).

Президентъ предлагаетъ обществу рѣшить большинствомъ голосовъ вопросъ: съ чего начать обсужденіе — съ алфавита ли, или съ частей рѣчи? Кто за части рѣчи, тотъ пусть встанетъ. Большинство оказалось на сторонѣ сидящихъ, и потому опять потянулся споръ о буквахъ...

Я. К. Грот

ПО ПОВОДУ ТОЛКОВЪ О ПРАВОПИСАНИИ¹

Было время, когда у насъ не существовало гражданской азбуки: ее ввелъ и отчасти самъ составилъ Петръ Великій. Составленіе ея было слѣдствіемъ новой потребности и первымъ шагомъ къ созданію новаго, то-есть *русскаго* письменнаго языка, который долженъ былъ мало по малу вытѣснить изъ литературы языкъ церковно-славянскій; вмѣстѣ съ тѣмъ это было первымъ отступленіемъ отъ преданій кирилловскаго письма.

Гражданская наша грамота установилась не вдругъ. Нѣкоторыя буквы славянской азбуки, не тронутыя Петромъ I, были исключены изъ нея впоследствии. Нѣсколько разъ составъ гражданской азбуки измѣнялся: однѣ буквы были изгоняемы, другія прибавлялись. Такимъ образомъ теперешняя наша азбука составлялась постепенно, и кое-что вошло въ нее послѣ первоначальнаго преобразованія, по мѣрѣ потребности и успѣховъ времени. Теперь вопросъ въ томъ: считать ли сдѣланное доселѣ совершенно законченнымъ, вполне удовлетворительнымъ, или требующимъ нѣкоторыхъ усовершенствованій, — измѣненій, а можетъ-быть и дополненій?

Попытки нововведеній въ нашемъ правописаніи, повторяющіяся отъ времени до времени, доказываютъ, что есть дѣйствительная потребность въ нѣкоторыхъ измѣненіяхъ.

Но затѣмъ спрашивается: должны ли эти измѣненія коснуться цѣлой системы нашего правописанія, или ограничиться нѣкоторыми частностями?

Печатается по изданію: *Гротъ Я. К. По поводу толковъ о правописаніи* // Гротъ Я. К. Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго доннынѣ: Филологическое разысканіе. Приложеніе I. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1873. С. 141–151. Впервые опубликовано: *Современная летопись*. 1862. № 28.

¹ *Современная Лѣтопись* 1862, № 28. Для избѣжанія повтореній, печатается здѣсь съ нѣкоторыми сокращеніями.

Господствующій характеръ системы русскаго правописанія состоитъ въ соблюденіи словопроизводства: въ этомъ отношеніи наше правописаніе отличается большою правильностію и послѣдовательностію, такъ что можно указать только на частныя отступленія отъ этого начала (напримѣръ: *здѣсь* вместо *сдѣсь*, *гдѣ* вместо *кдѣ*). Въ самомъ дѣлѣ, съ этой стороны языка образованнѣйшихъ націй Европы далеко уступаютъ нашему, и нѣтъ ни основанія, ни надобности изменять коренныя начала нашей орѳографіи. Притомъ, опытъ другихъ литературъ уже показалъ, что крутыя преобразованія орѳографіи никогда не удаются, даже и тогда, когда предлагаются людьми, пользующимися большимъ авторитетомъ. Поэтому Яковъ Гриммъ въ своемъ *Словарѣ* не рѣшился принять всѣхъ нужныхъ по его мнѣнію орѳографическихъ нововведеній, чтобы не отбить читателей. Такъ и профессоръ Лео, который долго печаталъ свою очень известную *Исторію* съ особеннымъ правописаніемъ, долженъ былъ напослѣдокъ отказаться отъ него по просьбѣ книгопродавцевъ, находившихъ, что эти особенности вредятъ сбыту книги.

Совсѣмъ другое — немногія частныя измѣненія въ письмѣ, польза которыхъ можетъ быть всѣми понята и почувствована.

Тѣ, которые въ этомъ дѣлѣ придаютъ безусловный вѣсъ историческому началу, ссылаясь на происхожденіе кириллицы, забываютъ, что мы уже более полутора вѣка тому назадъ измѣнили ей, и что теперь дѣло идетъ только о довершеніи реформы, начавшейся еще въ 1704 году.

Дѣйствительно, если уже въ первое время гражданскаго письма исключены были изъ азбуки некоторыя лишнія буквы, почему то же самое не можетъ быть сдѣлано и теперь, ежели окажется, что первые преобразователи исключили еще не всѣ лишнія буквы кириллицы?

Лишними *могутъ* казаться слѣдующія буквы: Ѣ, э, и, ө, ѣ: которыя же изъ нихъ въ самомъ дѣлѣ лишнія?

Буква Ѣ въ нынѣшнемъ великороссійскомъ говорѣ ничѣмъ не отличается отъ е. Если бѣ было иначе, то всякій Русскій по слуху узнавалъ бы безошибочно, гдѣ должно писаться Ѣ. Нѣкоторые думаютъ, что разница есть, но только самая утонченная, неуловимая. Если бѣ и было такъ, то разница этого рода, при бесчисленныхъ видоизмѣненіяхъ въ говорѣ людей одной и той же націи, равнялась бы совершенному безразличію. Сравните, для примѣра, слова: *лѣнь* и *олень*, *ѣли* и *ели*, *ѣсть* и *есть*. Слѣдовательно неоспоримо, что у насъ для одного и того же звука употребляются двѣ разныя буквы. Но здѣсь является вопросъ: какаѣ же тому причина? Если случайная, основанная на произволѣ, то такая двойственность не должна быть терпима; но если причина разумная, то и явленіе, въ слѣдствіе ея происшедшее, должно быть уважено, особенно если оно и теперь имѣетъ свой смыслъ и свою пользу. Нѣкогда буква Ѣ конечно отличалась особеннымъ произношеніемъ; какъ именно она выговаривалась, объ этомъ мненія различны; но у нѣкоторыхъ

славянскихъ племень нашей буквѣ Ѣ въ большей части словъ, гдѣ она встрѣчается, соотвѣтствуетъ особенный звукъ, напримѣръ въ польскомъ языкѣ *ia* (*bialy, wiara, бѣлый, вѣра*²), въ чешскомъ долгое *î* или звукъ *ie*, а въ малороссійскомъ нарѣчїи нашего русскаго языка — и (напримѣръ вм. *снѣгъ* — *снигъ*). Такимъ образомъ Ѣ составляетъ исконную принадлежность многихъ корней языка и служить отличіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ подобоозвучныхъ съ буквою е, напримѣръ *вѣд* (*вѣдатъ*) отъ *вед* (*веду*), *мѣт* (*мѣтитъ*) отъ *мет* (*метать*). Такъ же точно Ѣ помогаетъ болѣе ясному различенію производныхъ словъ и формъ, каковы напримѣръ слова: *свѣдѣніе* и *сведеніе*, *вѣсть* и *весть*. Но, возражаютъ многіе, цѣль уяснять правописаніемъ значеніе словъ не оправдываетъ существованія двухъ буквъ для одного и того же звука; значеніе слова каждый разъ видно изъ смысла всей рѣчи. Нельзя однакожь не согласиться, что чѣмъ менѣе будетъ случаевъ возможнаго смѣшенія понятій въ письменномъ изображеніи словъ, тѣмъ письмо будетъ совершеннѣе. Для избѣжанія такого смѣшенія служитъ часто и употребленіе буквы Ѣ въ окончаніяхъ словъ. Такъ отличаются напримѣръ формы: *искреннее* и *искреннѣе*, *свѣжее* и *свѣжѣе*, *синее* и *синѣе*, въ *поле* и въ *польѣ*. Словомъ, каждая изъ обѣихъ буквъ имѣетъ свое назначеніе и свои законы. Здѣсь не место входить въ подробное разсмотрѣніе ихъ.

---

² Г. Кеневичъ въ своемъ возраженіи приводитъ множество польскихъ словъ, въ которыхъ нашей буквѣ Ѣ соотвѣтствуютъ не *ia*, а другіе звуки; показываетъ, что иногда и русское *e* переходитъ въ *ia* (*dziarzi, ziarno, wiadro*), что наконецъ и польскій звукъ *ie* не соотвѣтствуетъ русскому Ѣ. «Изъ преведенныхъ фактовъ, заключаетъ онъ, видно, что въ настоящее время одинъ и тотъ же польскій звукъ передается въ русскомъ языкѣ двумя начертаніями одного и того же звука, и на оборотъ русской буквѣ Ѣ соотвѣтствуетъ въ польскомъ не одинъ, а нѣсколько различныхъ звуковъ» (*Кеневич В. Ф. Несколько замечаний по поводу статьи г. Грота в № 28 Современной летописи «Русского вестника» // Северная пчела. 1862. № 314. С. 1260–1261. — Примеч. сост.*). Такимъ образомъ г. Кеневичъ не признаетъ, чтобы Ѣ служило постояннымъ отличіемъ извѣстныхъ корней. Далѣе онъ выражаетъ мысль, что какъ скоро первоначальное произношеніе буквы Ѣ было забыто, то писцы стали сбиваться въ употребленіи ея и впали въ непоследовательность. Совершившееся давно уничтоженіе *юсовъ* даетъ ему новое оружіе противъ Ѣ и служить поводомъ утверждать, что желающіе сохраненія этой буквы, должны стараться и о восстановленіи *юсовъ*. Объ этомъ было говорено и въ орфографическихъ собраніяхъ; но дѣло въ томъ, что *юсы* были оставлены прежде нежели грамматика могла вступить за нихъ, и что восстановить потерянное гораздо труднѣе, чѣмъ сберечь то, что еще имѣется. Авторъ, какъ и многіе другіе, отвергаетъ надобность отличать на письме слова разныхъ значеній, утверждая, что для различенія ихъ достаточно положенія въ фразе. Однакожь понятно, что чѣмъ чаще будетъ встрѣчаться такое смѣшеніе словъ на письмѣ, тѣмъ грамота будетъ мѣнее ясна и удовлетворительна. Что было бы напримѣръ съ французскимъ письмомъ, еслибъ, при изобиліи въ языкѣ омонимовъ, они писались одинаково, еслибъ напр. *sap* означало и *сто*, и *чувство*, и *кровь*, и предлогъ *безъ*?

Припомним только, что ѣ рѣдко подвергается измѣненію при переходахъ слова изъ одной формы въ другую³, тогда какъ е есть по большей части вставочная, бѣглая, легко выпадающая или измѣняющаяся буква. Въ окончаніяхъ именъ е служитъ для прямой формы единствѣннаго числа (*море, здоровье, доброе*) именъ срѣдняго рода; ѣ для косвенныхъ падежей единствѣннаго числа (*води, въ морь*) и для прямой формы множественнаго въ мѣстоименіяхъ (*тъ, всѣ*). Для нашей цѣли достаточно вывода, что ѣ имѣетъ въ языкѣ не только историческое значеніе, но и свой смыслъ, свою разумную цель. Эта буква всякій разъ обозначаетъ, такъ сказать, особенную натуру слога. Хотѣтъ изгнать ее значить посягать вообще на начало словопроизводства въ русской орѳографіи и вводить систему правописанія, основывающуюся на одномъ выговорѣ. Но эта система вовсе не примѣнима къ русскому языку по причинамъ, которыхъ объясненіе здѣсь повело бы насъ слишкомъ далеко; введеніе ея у насъ никогда не могло бы имѣть успѣха. Главный доводъ противъ буквы ѣ заключается въ томъ, что она затрудняетъ изученіе письма, тѣмъ болѣе что въ нѣкоторыя слова она вошла неправильно, и наоборотъ, иногда мы ея не пишемъ тамъ, гдѣ бы ей слѣдовало быть. Но подобныя затрудненія и частныя непослѣдовательности правописанія встречаются во всѣхъ языкахъ. Первые побѣждаются навыкомъ, а изъ-за послѣднихъ нѣтъ причины касаться несравненно бѣльшаго числа случаевъ, гдѣ особенность правописанія рациональна.

Буква э (къ названію которой вовсе не нужно прибавлять эпитета *оборотное*, если другую называть какъ слѣдуетъ, то-есть йе), буква э не можетъ считаться излишнею, ибо выражаетъ отдельный звукъ, действительно существующій въ языкѣ. Нужды нѣтъ, что число собственныхъ нашихъ словъ, гдѣ она встрѣчается, не велико: надобность буквы не можетъ измеряться количествомъ случаевъ, въ которыхъ она слышится. Та же буква э находится въ множествѣ перешедшихъ къ намъ иностранныхъ словъ, совершенно уже слившихся съ нашимъ языкомъ (напр. *эпоха, эхо, элементъ* и проч.). У насъ есть другая буква, которая не попадаетъ ни въ одномъ чисто-русскомъ словѣ: это ф; ужели же мы за то изгонимъ ее?

Для звука і мы опять находимъ у себя двѣ буквы. Различное употребленіе ихъ совершенно условно, и безъ одной изъ нихъ можно бы очень хорошо обойтись. Разумѣется, мы предпочтительно сохранили бы ту, которая принадлежитъ намъ обще съ другими европейскими народами. Такъ въ началѣ поступилъ и Петръ Великій. По какимъ соображеніямъ

---

³ Есть нѣсколько случаевъ перехода буквы ѣ въ и, съ которою она въ явномъ родствѣ, и наоборотъ: *дитя, дѣти; липить, липнуть; тѣснить, тискать; вѣсить, вистѣть; сѣверь, сиверко*. Такимъ же образомъ ѣ въ родствѣ и съ я (*ѣсть — яство, състь — сяду*).

онъ опять ввелъ и рядомъ съ і, мы не знаемъ положительно; вѣроятно, однакожь, онъ при этомъ руководствовался мыслию, что такъ какъ звукъ і беспрестанно встрѣчается въ нашемъ языкѣ, то слишкомъ часто повторяющаяся надстрочная точка придавала бы печати несовсѣмъ пріятную пестроту, а въ скорописи задерживала бы письмо. Особенно два і сряду въ окончаніи словъ должны были казаться неудобными. Красота письма очень принималась въ расчетъ преобразователями нашей азбуки. Не даромъ и Тредіаковскій, восхищаясь круглыми, четкими буквами первопечатныхъ русскихъ книгъ, отказывался отъ э и з потому только, что находилъ ихъ некрасивыми. Но вкусы различны, и онъ же, вопреки Петру Великому, опять исключилъ и, удерживая только й. Такъ мнѣніе нашихъ стариковъ колебалось относительно и, да и теперь нельзя не согласиться, что ежели есть причины выбросить эту лишнюю букву, то есть съ другой стороны и доводы къ сохраненію ея. Скоропись тѣмъ удобнѣе, чѣмъ менѣе въ ней надстрочныхъ знаковъ: едва ли не легче и не скорѣе можно начертить двѣ палочки, чѣмъ одну съ точкою надъ ней⁴. Да и печать, кажется, выигрываетъ въ ясности и благообразіи (послѣдняго начала и теперь нельзя же вполнѣ выпускать изъ виду), если по крайней мѣрѣ подъ *краткой* сохранить старинное и. Другихъ основаній для удержанія его нѣтъ. Могутъ замѣтить, что во многихъ словахъ, взятыхъ съ греческаго, оно играетъ роль буквы *эты* (η), изъ которой и составлено, и въ такихъ словахъ должно быть сохранено. Однакожь, какая въ томъ бѣда, что мы будемъ изображать звукъ другою соответствующею ему буквою въ словахъ, не принадлежащихъ нашему языку? Тутъ нѣтъ разницы въ выговорѣ и нѣтъ надобности отмечать происхождение чуждаго намъ слова. Это не то, что буква Ѣ, которая важна именно потому что отличаетъ наши собственные корни и окончанія. Вѣдь ужъ мы замѣнили *ижицу* буквою и, напримѣръ въ именахъ: *лира, тинъ, ритмъ*; такъ точно и вмѣсто и можно ввести і даже и въ такихъ греческихъ словахъ, какъ *риторъ, скипетръ* и проч.

Еще менѣе можно стоять за *виту*, которая служитъ только для передачи греческой џ. Добро бы еще, если бъ этотъ чуждый звукъ всегда переходилъ къ намъ одинакимъ образомъ. Мы говоримъ и пишемъ: *театръ, математика*, вмѣсто *ѳеатръ, маѳематика*, и ничѣмъ не отличаемъ первое фальшивое т отъ втораго настоящаго. За что же фальшивый звукъ ф будетъ въ одинаковыхъ случаяхъ пользоваться привилегіей особаго знака? Пора изгнать этого монополиста русской азбуки и начать писать: *Мефодій*, точно такъ, какъ давно уже пишемъ: *Кирилль* вмѣсто *Кирилль*; *Федоръ, Федотъ* и *Агафья* ничѣмъ не хуже

---

⁴ Можно бы писать і безъ точки, какъ дѣлали древніе Греки; но въ скорописи такое і слишкомъ мало выдавалось бы между другими буквами, въ составъ которыхъ входитъ похожее начертаніе.

Кипріана, Акиндина и Олимпіады. Греческую *υ* мы изображаемъ то какъ и (напримѣръ въ приведенныхъ сейчасъ словахъ), то какъ в (напримѣръ въ словѣ *евангеліе*), смотря по произношенію; почему же не можемъ изображать и греческую *ϑ* то какъ т, то какъ ф, по требованію выговора?

Остается разсмотрѣть букву *ъ*. Говорятъ, что она не буква, потому что сама по себѣ не выражаетъ никакого звука. Положимъ, что *ъ* и *ь* не буквы, а только знаки, принятые въ азбуку, но и знаки законны, если они нужны.

Нужны ли *ъ* и *ь*?

Въ древнемъ языкѣ, который перешелъ въ нашу церковную литературу, согласныя буквы не могли сами собою заканчивать слова и требовали поддержки гласной, которая могла быть твердою или мягкою и выражалась начертаніемъ *ера* или *еря*. Это видно въ древнѣйшихъ крюковыхъ нотахъ, где *ъ* и *ь* въ концѣ слова всегда составляютъ особый слогъ. Эти гласныя не совсѣмъ опредѣленнаго для насъ звука и очень короткаго протяженія (почему онѣ и названы были полугласными) долго употреблялись и въ серединѣ многихъ словъ тамъ, гдѣ мы теперь ставимъ *о* и *е*, напримѣръ въ словахъ *плѣть* (плоть), *вѣртѣнь* (вертепъ). Между тѣмъ онѣ и въ концѣ словъ давно утратили свое первоначальное значеніе, и начертанія ихъ остались только знаками дебелаго или тонкаго произношенія согласныхъ. При такомъ положеніи дела нельзя ли обойтись безъ того изъ нихъ, который и въ серединѣ словъ безпрестанно опускается? Такъ мы пишемъ: *полка*, *долго* безъ *ъ* после *л*, и только умягченіе этой согласной отмечаемъ особеннымъ знакомъ, напримѣръ въ словахъ *польза*, *только*. Очень легко было бы согласиться принять за правило, что когда и на концѣ слова нѣтъ знака после согласной, то она произносится твердо. При сліяніи двухъ словъ въ одно, и теперь уже *ъ* выпускается послѣ перваго, не только передъ согласными, но и передъ гласными, когда правильность выговора отъ этого не страдаетъ, всѣ пишутъ: *радуемся*, а не радуемъся, *разумъ*, а не разумъ. Напротивъ *ь*, при соединеніи словъ, почти всегда сохраняется; напримѣръ въ словахъ: *радоваться*, ты *гордишься*. Въ этомъ различіи уже выразилось сознаніе въ необходимости ограничивать употребленіе обоихъ знаковъ дѣйствительною потребностью. Лѣтъ 25 тому назадъ сдѣланъ новый шагъ къ сокращенію *ера* въ предлогахъ, составляющихъ съ существительнымъ или мѣстоименіемъ какъ бы нарѣчіе. *Отечественныя Записки* стали писать, напримѣръ, *оттого*, *вслѣдствіе*, *впослѣдствіи*; тотъ же журналъ принялъ орѳографію: *пол-листа*, *генерал-маіоръ* и т. п. Эти нововведенія, сначала казавшіяся странными, скоро нашли однакожъ множество послѣдователей. Да уже и прежде писали: *кстати*, *вверху*, *слишкомъ* и т. п. Точно такъ не было бы и теперь невозможнымъ пойти еще далее и исключить *ъ* въ концѣ словъ. Этимъ мы сберегли бы много времени, мѣста, а при печатаніи — и денегъ, безъ всякаго ущерба полнотѣ и ясности изображенія словъ на письме. Отсюда однакожъ не слѣдуетъ, чтобы

должно было совсѣмъ исключить ѣ изъ азбуки. Онъ удержалъ бы свое мѣсто въ предложныхъ словахъ передъ буквами е, ѣ, я, ю, на примѣръ: *съемка, отъездъ, объятіе*. Въмѣсто пріисканія другого раздѣлительнаго знака для подобныхъ случаевъ, не лучше ли удержать старый, который переданъ намъ исторіей и будетъ жить въ тысячахъ уже напечатанныхъ книгъ? Во всѣхъ прочихъ случаяхъ сложенія предлоговъ съ другими словами ѣ совершенно излишень, и непонятно, почему многіе считаютъ нужнымъ писать: *сѣумѣть, сѣузить, отѣучить*, когда они же пишутъ: *сумасшедшій* (не сѣумасшедшій), *обучать* и т. д. Когда въ такомъ случаѣ ѣ встречается съ и, то слѣдуетъ писать просто *и*, такъ какъ самое названіе этой буквы показываетъ ея составъ изъ ѣ и *и*. Зачѣмъ же употреблять два знака, когда есть замѣняющій ихъ одинъ? Всѣ уже пишутъ *взыскать, обыскъ*: почему же не писать такимъ же образомъ *сыграть, безыменный, предыдущій*? Встрѣча ѣ съ *и* наводитъ меня на другой случай, который въ глазахъ многихъ можетъ помѣшать безусловному опущенію *е* и въ концѣ словъ. Случай этотъ представляется намъ въ одномъ изъ слѣдующихъ стиховъ басни Крылова «Стрекоза и Муравей»:

Какъ подъ каждымъ ей листкомъ
Быль готовъ и столъ и домъ?

Не потерпитъ ли правильность произношенія послѣдняго стиха отъ опущенія *е* передъ *и*? Отсутствіе ѣ послѣ согласной позволяетъ сліяніе ея съ слѣдующимъ и въ мягкій звукъ: *готов-и стол-и домъ*. То же можетъ случиться и при отдѣльностоящихъ предлогахъ; на примѣръ, когда *въ* и *съ* находятся передъ именемъ, начинающимся съ *и*, то образуется слогъ, который не есть ни *ви*, ни *си*: *въ иномъ* случаѣ, *съ иломъ*. Итакъ можно ли писать: *в иномъ, с иломъ*, или при подобныхъ встрѣчахъ должно удерживать ѣ въ предлогахъ и въ концѣ словъ? Кажется, приведенный случай не долженъ служить препятствіемъ къ опущенію ѣ въ концѣ словъ и въ предлогахъ, если принять за правило, что каждое слово составляетъ отдѣльное цѣлое и тѣмъ самымъ уже ограждено отъ сліянія съ слѣдующимъ.

Съ исключеніемъ *виты* не полезно ли было бы дополнить нашу азбуку какою-нибудь другою буквой? Много разъ, и еще недавно⁵, было говорено о недостаткѣ у насъ особаго знака для одного изъ звуковъ нынѣшней буквы *г*, именно для звука, слышимаго въ словахъ: *благо, Господь, Богу, богатый*. Такой знакъ, говорятъ, былъ бы намъ особенно нуженъ для передачи *h* въ иностранныхъ именахъ, на примѣръ въ *Halle, Heine, Hegel*. При нынѣшнемъ употребленіи въ такихъ случаяхъ буквы *г*, никогда нельзя узнать настоящаго имени, если оно уже напередъ не извѣстно, или если не стоитъ въ скобкахъ подлинное иностранное начертаніе его. Писать въ такихъ именахъ, какъ недавно предлагалось, *Хамбургъ,*

⁵ См.: Санкт-петербургскія Вѣдомости. 1862, № 89.

Хорацій, Бетховенъ, было бы также не совсѣмъ вѣрно, потому что х соотвѣтствуетъ германскому ch, совершенно отличному отъ придыханія h. Тредіаковскій предлагалъ, для означенія этого звука, нѣсколько изменить очертаніе г. Палласъ, при изданіи «Сравнительныхъ словарей» Екатерины II, ввелъ для той же цели Г съ подстрочнымъ хвостикомъ (cédille Испанцевъ и Французовъ). Но на введеніи этого или подобнаго знака все-таки нельзя слишкомъ настаивать⁶, потому что есть и другіе чужезычные звуки, для передачи которыхъ мы не имѣемъ способовъ. Таково напримеръ германское Ö или французское eu, особливо въ начале словъ (Öhmann, Eugène). Конечно, мы не можемъ не соболѣзновать, что такимъ образомъ на примѣръ присваиваемъ жителямъ острова Эзеля (Ösel) имя, которое носить никому не лестно (Esel, осель), но подобное неудобство въ передачѣ именъ другихъ націй раздѣляютъ съ нами многіе и даже вѣроятно всѣ языки. Такъ Нѣмцы превращаютъ наше Ж въ Ш (Schukoffski), а Французы Щ въ Ш или въ Ч (Cherbatoff, Tcherbatoff) и т. п.

Для образца здѣсь помѣщаются первыя строки *Капитанской Дочки*, напечатанныя безъ Ъ въ концѣ словъ. «Отец мой Андрей Петрович Гринев в молодости своей служил при графѣ Минихѣ и вышел в отставку премьермаіором в 17* году, с тѣх пор жил он в своей симбирской деревнѣ, гдѣ и женился на дѣвицѣ Авдотѣ Васильевнѣ Ю., дочери бѣднаго тамошняго дворянина».

Такое письмо на первыхъ порахъ конечно показалось бы дикимъ. Но сознаемся, что противъ него можно замѣтить только одно: мы не видимъ въ немъ того, къ чему нашъ глазъ привыкъ, но что мы сами находимъ лишнимъ. Отбросивъ Ъ въ концѣ словъ, мы бы освободили и себя отъ лишняго труда, и самое письмо отъ обремененія бесполезными знаками.

Кто не допускаетъ въ письмѣ сокращеній для скорости? Какъ же не хотѣть допустить такого, которое нисколько не затемняетъ смысла и вообще не влечетъ за собою никакихъ неудобствъ? Сербы, усвоивъ себѣ нашу гражданскую азбуку, не приняли однакожъ *еровъ* и читаютъ на примѣръ *под владом турском* безъ всякаго затрудненія. Прибавлю, что А. Х. Востоковъ и И. И. Срезневскій, которымъ я сообщалъ эти замечанія, вполнѣ согласны со мною во взглядѣ на излишество буквы Ъ въ концѣ словъ.

---

⁶ Кажется, дѣло звука h неозвратно проиграно въ русскомъ языкѣ: ибо съ давнихъ поръ уже онъ въ однихъ словахъ отвердѣлъ въ наше обыкновенное г (Голландія, госпиталь, гусаръ); въ другихъ совсѣмъ выпалъ (*исторія, Иракль*), въ третьихъ составилъ съ послѣдующею гласною звукъ е (*Елена*).

Н. [К.] Кульман

О РУССКОМЪ ПРАВОПИСАНИИ

«Ну, а у насъ, вѣрно, другое
образованіе, и съ предковскими
преданіями связь разсыпана, дабы все
казалось обновленнѣе, какъ будто и весь
родъ русскій только вчера насѣдка подъ
крапивою вывела».

Л ѣ с к о в ъ. «Запечатлѣнный ангелъ».

«Да неужели такъ и въ другихъ
странахъ?»

Б у н и н ъ. «Деревня».

За послѣдній годъ въ зарубежной русской печати появился рядъ статей, посвященныхъ вопросу о русскомъ правописаніи. Послѣ пражскаго съѣзда педагоговъ русской средней школы толки о правописаніи стали еще оживленнѣе, причемъ въ нѣкоторой части эмиграціи новое правописаніе попало въ разрядъ «завоеваній революціи». Такъ, напримѣръ, въ редакціонной статьѣ парижской газеты «Послѣднія Новости» (№ 916) читаемъ: «Вопросъ о правописаніи, въ самомъ дѣлѣ, не чисто педагогическій вопросъ... Наши симпатіи въ данномъ случаѣ всецѣло на сторонѣ тѣхъ, кто понимаетъ связь новаго правописанія съ новой Россіей»¹.

Печатается по репринтному изданію: *Кульман Н. [К.] О русскомъ правописаніи: Отдельный оттискъ изъ «Русской Мысли», кн. VI–VIII, 1923 г. Jordanville: Типографія преп. Иова Почаевского. Holy Trinity Monastery, 1964.* Впервые опубликовано в журнале: *Кульман Н. [К.] О русскомъ правописаніи // Русская мысль. 1923. Кн. 6–8.*

¹ Надо, впрочемъ, замѣтить, что, хотя симпатіи газеты и «всецѣло» на сторонѣ новаго правописанія, однако, она продолжаетъ печататься по старому.

Новое правописание называют то «большевицким», то «академическим». Хотя ни тот, ни другой термин не определяют сущности нового правописания, однако, если выбирать, то термин «большевицкий» и исторически, и психологически имѣетъ большее право на существованіе. И въ то время, какъ одни съ извѣстной долей наивности только теоретически признаютъ новое правописание «завоеваніемъ революціи», другіе энергично его пропагандируютъ; послѣдніе не безъ основанія полагаютъ, что тѣмъ меньше различій будетъ между «нами» и «ими» даже въ мелочахъ, тѣмъ скорѣе устранился взаимная непримиримость. Есть, конечно, и такіе защитники новаго правописанія, которые совершенно чужды политической точкѣ зрѣнія, но ихъ, повидимому, немного.

Въ спорахъ о новомъ правописаніи и защитники, и противники его обнаруживаютъ порою большую неосвѣдомленность. Для защиты буквы «ѣ», наприимѣръ, ссылаются на то, что многіе (въ томъ числѣ Бальмонтъ и Вяч. Ивановъ) прекрасно отличаютъ въ литературномъ произношеніи «ѣ» и «е». Конечно, ничего подобнаго нѣтъ: произношеніе «ели» (ель) и «ѣли», «ѣсть» и «есть», «нѣкогда» и «некогда» — совершенно одинаково. Люди, утверждающіе, что они ясно слышатъ «ѣ», на самомъ дѣлѣ только различаютъ два рода звука «е», въ зависимости отъ характера слѣдующаго звука: въ словахъ «ѣль» и «ѣли», «мѣдникъ» и «мѣдь» мы произносимъ «ѣ» не одинаково, совершенно такъ же, какъ не одинаково произносимъ «е» въ словахъ «мелкій» и «мель», «грекъ» и «греки», но «ѣ» и «е» тутъ непричемъ. Врядъ ли вѣрно утвержденіе, будто бы буква «ѣ» еще въ 18-мъ вѣкѣ обозначала дифтонгъ «іе»². Стоитъ повнимательнѣе прочесть «Россійскую Грамматику» Ломоносова, чтобы убѣдиться въ необоснованности этого утвержденія. А въ «Лиро-дидактическомъ посланіи княгини Е. Р. Дашковой» Ник. Николева можно найти и прямое указаніе, что «ѣ» произносилось въ литературномъ языкѣ 18-го вѣка, какъ «е»:

«Межъ тѣмъ, гдѣ «ѣ» писать и «е»,
На то законъ, примѣта есть;
Труда де зрить писатель въ этомъ.
Привыкши Россъ вѣщати *свѣтъ*,
Не скажетъ вѣчно онъ *свѣтъ*.
За чтожъ за *ѣ* браниться съ свѣтомъ?»

Самое появленіе новаго правописанія объясняется иной разъ необычайно упрощенно: «Академія слиберальничала», — говоритъ одинъ изъ защитниковъ стараго правописанія: «Веселовскій и Соболевскій не явились на засѣданіе, провель реформу мягкій и добрый А. А. Шахматовъ»³.

² Статя» Ю. А. Никольскаго въ «Общемъ Дѣлѣ», № 422.

³ Г.-нѣ» Ю. <А.> Никольскій, въ той же статѣ. Отмѣчу, на всякій случай, что А. И. Соболевскій не только былъ на засѣданіи комиссіи, но даже былъ избранъ въ подкомиссію и присутствовалъ на нѣсколькихъ ея засѣданіяхъ.

Не подлежит сомнѣнію, что рано или поздно наступитъ время, когда вопросъ о правописаніи придется поставить ребромъ, и я, какъ членъ орфографической комиссіи и подкомиссіи, созданныхъ въ 1904 году Академіей Наукъ и выработавшихъ основы упрощенія правописанія, считаю себя обязаннымъ освѣтить его съ возможной полнотой и общедоступностью. Быть можетъ, это позволитъ читателю, особенно читателю, мало освѣдомленному въ исторіи правописанія и вообще въ наукѣ о языкѣ, составить болѣе или менѣе опредѣленное мнѣніе о томъ, слѣдуетъ ли примириться съ новымъ правописаніемъ, или въ будущемъ возвратиться къ старому, а сейчасъ это старое правописание всячески охранять.

Наше письмо, какъ извѣстно, въ основѣ своей звуковое. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что звуковой составъ нашей рѣчи совершенно совпадаетъ съ письменнымъ. Это значитъ только, что мы для письменной передачи нашей рѣчи пользуемся извѣстными знаками (буквами), условно обозначающими звуковую сторону рѣчи. Поэтому одна и та же буква можетъ изображать два, три, а иногда и большее число звуковъ: въ словѣ «молоко» каждое изъ трехъ «о» имѣетъ особый оттѣнокъ; буква «а» въ словахъ «часть», «часовщикъ», «часы» обозначаетъ различные звуки. Часто одна и та же буква въ одномъ и томъ же словѣ произносится различно, въ зависимости отъ того, какой звукъ за нимъ слѣдуетъ: *изъ* дома (въ предлогѣ *изъ* слышится «з»), *изъ* сада (въ предлогѣ *изъ* слышится «с»).

Этотъ, на первый взглядъ, недостатокъ нашего письма на самомъ дѣлѣ представляетъ большія выгоды, такъ какъ, если бы мы захотѣли обозначить *всѣ* оттѣнки нашей рѣчи, то письмо получилось бы исключительно сложное и мало устойчивое.

Конечно, въ моментъ изобрѣтенія буквъ старались писать такъ, какъ произносили. Правописанія въ нашемъ смыслѣ слова еще не было: господствовалъ принципъ *фонетическій*, было естественное стремленіе передать на письмѣ рѣчь возможно ближе къ произношенію.

Но языкъ живетъ, и жизнь его, какъ и всякая жизнь, проявляется въ разнообразныхъ измѣненіяхъ:

1) измѣняется *звуковой составъ* словъ. Напримѣръ, слово *стаканъ* звучало *стоканъ*, *ястребъ* — *ястрябъ*; буквы «ъ» и «ь» не были твердымъ и мягкимъ знаками, а имѣли свое особое звуковое значеніе; частица *съ* («извольте-съ») образовалась изъ «су» отъ слова *сударь* (раньше *государь*), и т. п.;

2) измѣняется *значеніе словъ*. Напримѣръ, слово *верста* изъ первоначальнаго значенія «борозда» получило слѣдующія значенія: мѣра длины; верзило; верстовой столбъ («только версты полосаты попадаютъ однѣ»); рядъ предметовъ по прямой линіи («класть кирпичи въ одну версту»); пара, ровня («божественная и свѣтозарная версто, Борисе и Глѣбе...»); возрастъ («отъ молодой версты», «юнъ верстою» — отсюда слово *сверстникъ*);

3) измѣняются *флексіи*. Напримѣръ, слово *господа* склонялось когда-то, какъ *вода* («кланяемся вамъ, господѣ своей», «цѣлуемъ крестъ ко своей господѣ», «бѣжитъ отъ господы»); слова *медвѣдь*, *голубь* склонялись, какъ *путь*, и т. д.;

4) измѣняются *синтактическіе обороты*. Напримѣръ, въ лѣтописи читаемъ: «выгнаша осень (= осенью) князя»; «Куряне придоша коньми» (= на коняхъ); «Всеволодъ жени сына своего Святослава Васильковною» (= женилъ на Васильковнѣ).

Въ теченіе долгихъ вѣковъ своей жизни русскій языкъ претерпѣлъ много и другихъ измѣненій, но намъ важно только отмѣтить здѣсь, что языкъ не остается неподвижнымъ, а имѣетъ очень сложную и интересную исторію. *Измѣненія въ произношеніи словъ, однако, не всегда измѣняли ихъ написаніе*, потому что время, литература и школа успѣвали вырабатывать извѣстную привычку, традицію писать соотвѣтственно прежнему произношенію словъ. Въ правописаніе, такимъ образомъ, мало-по-малу вторгался *историческій* принципъ: писали такъ, какъ писали раньше. Поэтому мы сохранили «ъ» въ концѣ словъ, по старинѣ употребляемъ «ѣ» и т. п.

Наконецъ, въ цѣломъ рядѣ случаевъ мы пишемъ, руководствуясь не произношеніемъ словъ и не историческимъ преданіемъ, а сопоставленіемъ даннаго слова съ другими, ему родственными. Такой принципъ правописанія называется *этимологическимъ*.

Есть языки, въ орѳографіи которыхъ одинъ изъ этихъ принциповъ выраженъ болѣе ярко, чѣмъ другіе: такъ, французская орѳографія построена преимущественно на историческомъ принципѣ, въ нѣмецкой сильнѣе выражена фонетическая основа. Что касается нашей орѳографіи, то въ ней слиты всѣ принципы и притомъ не всегда послѣдовательно. Такъ, въ силу *историческаго* преданія мы, какъ только что отмѣчено, сохраняемъ «ѣ» и «ъ». По *фонетическимъ* соображеніямъ пишемъ *вос, ис, нис, рас (рос)* перед буквами *к, п, т, ф, х, ц, ч, ш, щ* и въ то же время по *этимологическимъ* соображеніямъ пишемъ *воз, из, низ, раз (роз)* передъ буквой *с*, а въ приставкахъ *без* и *чрез* никогда не мѣняемъ *з* на *с*. По *этимологическому* принципу мы пишемъ *лѣтъ* черезъ *з*, а по *фонетическому* — *лѣтница* черезъ *с*.

Какъ уже сказано, литература и школа охраняютъ историческій принципъ, но охрана эта не всегда бдительна. Даже съ буквой *ѣ* не все въ этомъ отношеніи благополучно, хотя ее издавна охраняли особенно ревниво, и древніе русскіе книжники говорили: «вельми зазорно и укорно *ятъ* съ *естемъ* мѣшати, понеже отъ сего великое несмыслество ученію бываетъ». Напримѣръ, мы пишемъ *е* въ словахъ *ведро, семья, темя*⁴

---

⁴ Учебники русской грамматики начала 19-го столѣтія требовали еще написанія этихъ словъ черезъ *ѣ*.

и нѣкоторыхъ другихъ, гдѣ нужно бы писать *ъ*; съ другой стороны, мы пишемъ: *съкира, змѣй, Алексѣй* и др., вмѣсто правильного въ этихъ словахъ съ исторической точки зрѣнія *е*.

Помимо этого, литература и школа выработали рядъ искусственныхъ орфографемъ. Таковы, напримѣръ, правила объ *е* и *я* въ именительномъ-винительномъ падежахъ множественнаго числа именъ прилагательныхъ, различіе *они* и *одни* въ мужескомъ и среднемъ родахъ и *онѣ* и *однѣ* въ женскомъ. «Е и Я», — говорилъ въ «Россійской Грамматикѣ» Ломоносовъ, — «нерѣдко за едино употребляются, особливо во множественномъ числѣ прилагательныхъ пишутъ, *святые* и *святыя*. Сіе различіе буквъ Е и Я въ родахъ именъ прилагательныхъ никакова раздѣленія чувствительно не производитъ: слѣдовательно, обоихъ буквъ Е и Я во всѣхъ родахъ, употребленіе позволено; хотя мнѣ и кажется, что Е приличнѣе въ мужскихъ, а Я въ женскихъ и среднихъ». Или: «Различіе рода во множественномъ числѣ не весьма чувствительно, такъ что безъ разбору одинъ вмѣсто другого употребляется: однако, лучше въ среднемъ и женскомъ *онѣ*, а въ мужескомъ *они*»⁵.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ орфографическія правила идутъ даже вразрѣзъ съ особенностями древне-русскаго языка: такъ, формы «ея» русскій языкъ не зналъ, а исконная форма была «еѣ»⁶.

Хотя русское правописаніе неизмѣримо легче французскаго и англійскаго, однако, на усвоеніе тонкостей его тратилось очень много времени, особенно въ низшей школѣ. Это было, конечно, ненужно ни съ общеобразовательной, ни съ узко-педагогической точки зрѣнія, но правописанію, въ силу цѣлаго ряда причинъ, стали у насъ придавать, начиная со второй половины 19-го вѣка, какое-то исключительное значеніе въ школѣ; правильные же методы обученія правописанію были извѣстны только меньшинству учителей. Вотъ почему за послѣднія 35 лѣтъ и въ педагогическихъ обществахъ, и на страницахъ спеціальной и общей повременной печати не разъ говорилось о необходимости упрощенія официальнаго Гротовскаго правописанія, въ цѣляхъ облегченія его усвоенія, а въ 1903 году Педагогическое Общество при Казанскомъ Университетѣ обратилось въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности Академіи Наукъ, съ просьбой отвѣтить на слѣдующіе вопросы:

1) признаетъ ли Академія Наукъ правописаніе, рекомендованное академикомъ Я. К. Гротомъ, *своимъ*?

---

⁵ Впослѣдствіи *онѣ* стали писать только въ женскомъ родѣ.

⁶ У Тургенева въ разсказѣ «Стучить» мужикъ Филовей на вопросъ, знаетъ ли онъ дорогу, даетъ отвѣтъ: «Да какъ *еѣ* не знать-то!» Это и есть настоящая русская форма, а *ея* — книжное заимствованіе изъ древнеболгарскаго. Ломоносовъ очень хорошо зналъ, что русскій языкъ не имѣетъ формы *ея*, но ввелъ эту форму, слѣдуя своему ученію о штиляхъ: «*Ее* въ просторѣчій, *ея* въ штиль употребляють пристойнѣе», — писалъ онъ въ «Россійской Грамматикѣ».

2) признает ли Академія это правописание *научнымъ*?

3) не усматривает ли сама Академія въ этомъ правописаніи внутреннихъ противорѣчій и притомъ такого рода, что они наводятъ на мысль о необходимости его систематизаціи въ томъ или другомъ смыслѣ?

Менѣ чѣмъ черезъ годъ Отдѣленіе получило и другой запросъ — отъ Главнаго Управленія военно-учебныхъ заведеній, которое, ссылаясь на постановленія бывшаго въ декабрѣ 1903 года съѣзда преподавателей русскаго языка и словесности, просило Академію:

1) увѣдомить, признает ли она руководство академика Грота своимъ официальнымъ изданіемъ, безусловно обязательнымъ для школъ;

2) поставить на обсужденіе вопросъ объ упрощеніи русскаго правописанія въ тѣхъ предѣлахъ, какіе сама Академія признаетъ цѣлесообразными.

Академія обстоятельно отвѣтила на эти вопросы, причемъ заявила, что Отдѣленіе русскаго языка и словесности, «признавая достоинства за трудомъ Я. К. Грота «Русское Правописание», не можетъ, однако, считать безспорными, не подлежащими критикѣ, представленныя здѣсь рѣшенія различныхъ вопросовъ русскаго правописанія... На руководство академика Грота ошибочно было бы смотрѣть какъ на изложеніе требованій по правописанію, исходящихъ отъ Отдѣленія». Одновременно Отдѣленіе сообщало, что оно «не могло бы представить принципиальныя возраженія противъ мысли о желательности замѣнить правописание академика Грота другимъ, болѣе простымъ и болѣе систематичнымъ».

Отвѣтила Академія и на вопросъ о *научности* правописанія, и этотъ отвѣтъ не мѣшаетъ помнить тѣмъ, кто, несмотря на малую освѣдомленность въ исторіи русскаго языка и его правописанія, особенно настойчиво заявляетъ о научности новаго правописанія: «Въ примѣненіи къ литературному языку, имѣющему за собою болѣе или менѣе длинное прошлое, *правописание должно представлять условный компромиссъ двухъ принциповъ — фонетическаго и историческаго*. Требования правописанія, основывающіяся на каждомъ изъ двухъ этихъ принциповъ въ отдѣльности, *подлежатъ вѣдѣнію науки, которая опредѣляетъ, соотвѣтствуютъ ли эти требования дѣйствительности, какъ по отношенію къ написаніямъ, передающимъ звуковыя различія, наблюдаемыя въ современномъ языкѣ, такъ и по отношенію къ случаямъ, въ которыхъ имѣется въ виду исторія звуковой стороны данныхъ словъ*; но самое соглашеніе этихъ разнородныхъ принциповъ, основывающееся на тѣхъ или другихъ практическихъ удобствахъ, находится внѣ контроля какой-либо иной науки, кромѣ логики, хотя логичность, послѣдовательность въ построеніи правилъ правописанія, конечно, не дѣлаетъ научнымъ самое правописание».

Какъ видимъ, соображенія Академіи Наукъ — единственно правильныя — ограничивали, казалось бы, кругъ упрощеній и ни въ коемъ

случаѣ не могли бы привести къ той системѣ, которая теперь называется новымъ правописаніемъ. Съ точки зрѣнія Академіи, ничего нельзя было возразить противъ устраненія изъ Гротовскаго правописанія всего излишняго, искусственно сложнаго, случайнаго, противорѣчиваго. Въмѣстѣ съ тѣмъ, Академія Наукъ, какъ ученое учрежденіе, обязанное хранить культурныя цѣнности литературы и языка, не допускала мысли, чтобы разрушена была *вся* существующая система «компромисса фонетическаго и историческаго принциповъ» и чтобы создалась какая-то новая, въ которой была бы стерта не только исторія *звуковой* стороны отдѣльныхъ словъ, но и многовѣковая исторія *флексивной* стороны языка. Однако, случилось нѣчто иное и для большинства академикомъ неожиданное.

Чтобы ясно представить обстановку, въ которой происходили первыя обсуждения вопроса объ упрощеніи правописанія, нужно вспомнить, что это было въ 1904 году. Оппозиціонныя и революціонныя настроенія нарастали, воздухъ былъ пропитанъ протестами всякаго рода и по всякому поводу. Въ старой орѳографіи многіе стали видѣть одинъ изъ способовъ, которымъ правительство держало народъ въ темнотѣ. Эта мысль находила особенно много приверженцевъ среди сельскихъ учителей, которые дѣйствительно страдали отъ слишкомъ строгихъ для начальной школы требованій по орѳографіи. И психологически совершенно естественно, что мысль о пересмотрѣ Гротовскаго правописанія превратилась мало-по-малу въ мысль о рѣшительномъ разрушеніи всей системы русскаго правописанія, во имя, якобы, блага и просвѣщенія народа. Этимъ настроеніямъ, подкладка которыхъ была, въ сущности, только революціонно-политическая, поддались и нѣкоторые ученые.

Такова была общая обстановка, когда былъ поставленъ вопросъ объ упрощеніи правописанія. Всѣ ждали инициативы со стороны Академіи Наукъ. Наконецъ, по постановленію Отдѣленія русскаго языка и словесности образовалась комиссія изъ 50 лицъ. Въ нее вошли, кромѣ представителей науки о языкѣ и другихъ соприкасающихся отраслей гуманитарныхъ наукъ, еще представители школы, литературы и повременной печати.

Въ исторіи образованія этой комиссіи наиболѣе видную роль играли два покойныхъ академика, А. А. Шахматовъ и Ф. Ф. Фортунатовъ. Фортунатовъ принадлежалъ къ крайнему теченію въ вопросѣ объ упрощеніи правописанія и слышать не хотѣлъ о скромныхъ размѣрахъ упрощенія, намѣчавшихся въ отвѣтѣ Академіи Наукъ по поводу Гротовскаго правописанія. По мнѣнію Фортунатова, ни въ какихъ проектахъ частичнаго упрощенія не слѣдовало принимать участія, если не будетъ поставленъ вопросъ объ уничтоженіи нѣкоторыхъ буквъ алфавита, главнымъ образомъ, *ѣ*.

Шахматовъ придерживался болѣе умѣренныхъ взглядовъ и находилъ, что надо упорядочить наше правописаніе въ области тѣхъ

ореографемъ, установленныхъ Гротомъ, которыя не оправдывались ни фонетикой, ни исторіей языка и которыя, вмѣстѣ съ тѣмъ, создавали значительныя и ненужныя трудности при обученіи правописанію.

Многіе изъ участниковъ комиссіи думали, что въ итогѣ ихъ работы получится, благодаря неизбежности контроля и окончательной санкціи со стороны Академіи Наукъ, практически-цѣлесообразное и научно-оправдываемое упрощеніе, не противорѣчащее исторіи нашего литературнаго языка. Поэтому, уступка Фортунатову представлялась извѣстнымъ тактическимъ приѣмомъ.

Первое засѣданіе комиссіи, опредѣленнымъ образомъ подобранной, состоялось 12 апрѣля 1904 года въ залѣ Академіи Наукъ подъ предсѣдательствомъ покойнаго Великаго Князя Константина Константиновича. На этомъ засѣданіи, послѣ рѣчей академиковъ, делегатовъ педагогическихъ обществъ и другихъ, было *единогласно* признано желательнымъ *упростить* русское правописаніе. Но по вопросу объ упрощеніи правописанія въ связи съ измѣненіемъ алфавита мнѣнія раздѣлились: меньшинство находило, что надо упростить *безъ исключенія какихъ-либо буквъ изъ алфавита*, большинство высказалось за исключеніе *ѳ, ѵ*, одного изъ начертаній и (т. е., и или *i*) и *ѵ*.

Голосованіе было по каждой изъ указанныхъ буквъ отдѣльное и притомъ закрытое, что въ свое время дало обильную пищу для насмѣшливыхъ остротъ. Результаты этого голосованія не лишены психологическаго интереса: *ѳ* привлекла только 3 голоса изъ 50, оба и — 11, *ѵ* — 14, *ѵ* — 15. Эти цифры свидѣтельствовали о нѣкоторой неустойчивости голосовавшихъ, но, какъ бы то ни было, принципиальное рѣшеніе было вынесено. Послѣ этого засѣданія и враги, и защитники старой ореографіи обнаружили много страстности, что дало поводъ академику Коршу, во время одной изъ схватокъ по какому-то ореографическому вопросу, сочинить слѣдующій экспромтъ:

Старинѣ я буду вѣренъ:
Съ дѣтства чтить ее привыкъ,
Обезѡичень, обезѣренъ,
Обезъяченъ нашъ языкъ!

Для разработки проекта упрощенія, основаннаго на исключеніи изъ алфавита четырехъ поименованныхъ буквъ, была избрана небольшая подкомиссія, въ которую вошли академики Коршъ, Соболевскій, Фортунатовъ и Шахматовъ и профессора и приватъ-доценты Бодуэнъ-де-Куртенэ, Р.Брандтъ, Буличъ, Н.Каринскій, Сакулинъ и авторъ настоящей статьи. Уже на первыхъ засѣданіяхъ подкомиссіи было высказано мнѣніе, что надо пересматривать правила правописанія, не считаясь съ постановленіемъ комиссіи объ исключеніи нѣкоторыхъ

буквъ⁷. Но это мнѣніе, естественно, встрѣтило отпоръ по формальнымъ соображеніямъ: подкомиссія дано было опредѣленное заданіе, и, каковы бы ни были взгляды отдѣльныхъ ея членовъ, она обязана была представить въ комиссію предварительный проектъ, который послѣ утверженія въ комиссіи, долженъ былъ поступить на окончательное разсмотрѣніе въ Академію Наукъ. Отъ Академіи зависѣло, принять его, или отвергнуть — цѣликомъ или частично.

Въ *май 1904 года* подкомиссія опубликовала «Предварительное сообщеніе», вызвавшее очень много замѣчаній, возраженій и пожеланій буквально со всѣхъ концовъ Россіи. Полученный матеріалъ былъ тщательно разсмотрѣнъ орфографической подкомиссіей, затѣмъ былъ составленъ докладъ для представленія въ комиссію, а самыя постановленія подкомиссіи были въ 1912 году напечатаны. Сущность ихъ сводится къ слѣдующему:

- 1) буква *ѣ* замѣняется буквою *е*;
- 2) буква *Ѹ* замѣняется буквою *ѳ*;
- 3) буква *і* замѣняется буквою *и*;
- 4) буква *Ѷ* въ концѣ словъ и въ серединѣ сложныхъ словъ уничтожается, но сохраняется, какъ знакъ раздѣлительный, напримѣръ, въ словѣ *сѣмка* и подобныхъ;
- 5) желательно, но не обязательно, различеніе на письмѣ *е* и *ѣ*;
- 6) въ прилагательныхъ, мѣстоименіяхъ и причастіяхъ, гдѣ въ старомъ правописаніи окончаніемъ женскаго и средняго рода множественнаго числа было *я*, родъ не различается и всюду пишется *е*;
- 7) родительный падежъ единственнаго числа мужскаго и средняго рода прилагательныхъ, мѣстоименій, числительныхъ и причастій оканчивается на *ого* и *его*;
- 8) именительный падежъ множественнаго числа мѣстоименія *онѣ*, *она*, *оно*, для всѣхъ родовъ — *они*, числительнаго *одинѣ*, *одна*, *одно* — *одни* (*однихъ*, *однимъ* и т. д.);
- 9) родительный падежъ мѣстоименія *она* — *ее*;
- 10) приставки *воз*, *из*, *низ*, *раз* (*роз*), *без* и *чрез* передъ согласными *к*, *п*, *т*, *ѳ*, *х*, *ц*, *ч*, *ш*, *щ* и *с* пишутся черезъ *с*.

Кромѣ того проектъ упрощенія коснулся правилъ переноса и правописанія нѣкоторыхъ нарѣчій⁸.

Когда «Предварительное сообщеніе», а затѣмъ «Постановленія орфографической подкомиссіи» были опубликованы, по вопросу о реформѣ правописанія очень быстро создалась обширная литература. Она

---

⁷ Это мнѣніе было высказано академикомъ Соболевскимъ, не желавшимъ исключенія «ятя», академикомъ Коршемъ, находившимъ полезнымъ ввести въ нашъ алфавитъ йоть, и проф. Брандтомъ, стремившимся создать систему фонетическаго письма.

⁸ Подкомиссія рѣшительно высказалась противъ употребленія паерка (апографы) вмѣсто раздѣлительнаго «Ѷ», но Мануйловъ его ввелъ.

свидѣтельствовала не только о возникшей распрѣ, но и о томъ, что *громадное большинство русскаго культурнаго общества подобной реформѣ не сочувствовало*. Этимъ объясняется, что проектъ былъ сданъ въ архивъ, и комиссія не созывалась вплоть до весны (11 мая) 1917 года, когда, по инициативѣ тов«арища» министра народнаго просвѣщенія Герасимова, Шахматовъ ее созвалъ. Но въ этой комиссіи было немало новыхъ лицъ; изъ членовъ комиссіи 1904 года многихъ уже не было въ живыхъ, а нѣкоторые не пришли на засѣданіе.

Никакого обсужденія «Постановленій» не было: тов«арищ» министра народнаго просвѣщенія, повидимому, даже не допускалъ мысли о необходимости что-либо обсуждать, настойчиво требуя только голосованія en bloc. Общее настроеніе въ это время было таково, что торопливыя и легкомысленныя рѣшенія брали верхъ надъ стремленіемъ къ серьезному обсужденію. На этомъ засѣданіи я выступилъ противникомъ предложенія Герасимова и въ своей рѣчи указалъ на всю недопустимость подобнаго отношенія къ одному изъ важныхъ вопросовъ нашей духовной культуры, но меня поддержали только немногіе, и циркулярами министра народнаго просвѣщенія проф. Мануйлова отъ 17 мая и 22 іюля 1917 года новое правописаніе было предложено къ введенію въ школы.

Академія Наукъ, къ счастью, своей руки къ этому акту не приложила, и мы такъ и не узнали, какъ не знаемъ и до сихъ поръ, ея мнѣнія. Реформа была принята въ атмосферѣ революціоннаго кипѣнія и при помощи революціонныхъ методовъ. Хотя я былъ всегда убѣжденъ въ необходимости упростить и упорядочить Гротовское правописаніе, однако, такая расправа съ общей системой русскаго орѳографіи заставила меня выступить въ печати противъ Мануйловскаго циркуляра со статьей, которую я озаглавилъ «Приказъ № 1 въ области русскаго правописанія». Было несомнѣнно внутреннее родство между циркуляромъ Мануйлова и тѣмъ приказомъ № 1, которымъ было положено начало разложенію нашей арміи.

Впрочемъ, наша духовная культура оказалась сильнѣе воинской дисциплины: *несмотря на общую «революціонность», и очень многія школы, и рѣшительно вся печать, частью инстинктивно, а частью сознательно, дали отпоръ попыткѣ ввести новое правописаніе революціоннымъ способомъ*. Въ массѣ учебныхъ заведеній, по постановленію педагогическихъ совѣтовъ и родительскихъ комитетовъ, съ осени 1917 года продолжало примѣняться *исключительно* старое правописаніе, что же касается печати, то она, съ повседневной прессой во главѣ, упорно придерживалась стараго правописанія. Понадобились большевики съ ихъ «методами прививки новыхъ навыковъ», понадобились угрозы и насиліе, чтобы изгнать употребленіе стараго правописанія. Такимъ образомъ, *новая орѳографія, совершенно не будучи академической, стала большевицкой*.

Въ настоящее время насъ стараются увѣрить, что новому правописанію надо подчиниться потому, что оно «стало фактомъ». Аргументъ

ходячий, но сомнительный: вѣдь, фактомъ стала и совѣтская власть со всѣми ея пріемами, фактомъ стало и многое другое.

Защитники новаго правописанія любятъ ссылаться на Шахматова, какъ на авторитетнаго проповѣдника реформы правописанія. Дѣйствительно, 11 мая 1917 года онъ предсѣдательствовалъ въ засѣданіи комиссіи, на которомъ, по настойчивому требованію революціоннаго министерства народнаго просвѣщенія, проектъ былъ принятъ. Но, какъ уже было замѣчено выше, Шахматовъ никогда не являлся слѣпымъ защитникомъ реформы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, никогда не принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые боятся осудить себя за сдѣланную ошибку. Въ печати появились указанія близкихъ Шахматову лицъ на то, что реформа правописанія была «предметомъ раскаянія» его «въ послѣдніе годы». Не знаю, въ чемъ выражалось это раскаяніе, но что мысль о зловредности реформы преслѣдовала его, для меня несомнѣнно. Мнѣ пришлось видѣться съ Шахматовымъ въ послѣдній разъ въ іюнѣ 1918 года. Результаты большевицкой работы уже сказывались: въ Петроградѣ появилось не только недоѣданіе, но и голоданіе, атмосфера рабства стучалась все болѣе и болѣе, печать была задушена, тюрьмы переполнены. Впечатлительный Шахматовъ чувствовалъ себя морально придавленнымъ, и на всей его фигурѣ лежала печать какого-то безысходнаго ужаса. При встрѣчѣ онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, который я слышалъ отъ него уже не разъ и съ которымъ онъ въ это время обращался ко всѣмъ своимъ друзьямъ и знакомымъ: «Какъ вы смотрите на то, что происходитъ? Чѣмъ все это кончится?» Мы обмѣнялись мыслями, и вдругъ Шахматовъ торопливо, словно боясь, чтобы я его не прервал, началъ говорить: «А знаете, въ томъ, что происходитъ, отчасти и мы виноваты. Засѣданіе, въ которомъ мы приняли новую орфографію, было по настроенію большевицкимъ. Вы были правы, назвавши циркуляръ Мануйлова приказомъ № 1. Мы тоже разрушители». Очевидно, Шахматова, какъ и многихъ другихъ, мучилъ вопросъ, нѣтъ ли и его доли участія въ разложеніи культурныхъ основъ русской жизни. По существу, Шахматовъ, конечно, былъ правъ въ своихъ самообличеніяхъ: *реформа правописанія прошла по тому пути, на которомъ было много психологически родственнаго большевизму.*

Такимъ образомъ, ссылка на Шахматова при добросовѣстной защитѣ новаго правописанія можетъ быть сдѣлана только съ оговорками. Да если бы даже Шахматовъ и не усумнился въ цѣлесообразности реформы, то его авторитету можно было бы противопоставить не менѣе сильный авторитетъ академика Соболевскаго, опредѣленнаго противника искаженія нашего правописанія, и многихъ другихъ, болѣе или менѣе крупныхъ, ученыхъ.

Что касается возраженій противъ реформы въ ея крайнемъ видѣ, то въ свое время ихъ сдѣлано было много. Главныя изъ нихъ можно свести къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) *никто не имѣетъ права насильственно производить измѣненія въ систему установившейся орѳографіи*, такъ какъ орѳографія всякаго живого языка, имѣющаго за собой продолжительную исторію, «насквозь пропитана исторіей народа, отражаетъ все его прошлое и въ замѣтной степени опредѣляетъ его будущее». Допустимы только такія измѣненія, которыя происходятъ исподволь, незамѣтно;

2) *въ реформу нѣтъ никакой настоящей надобности*. Если усвоеніе нашего правописанія сопряжено со сравнительно большой ученической работой, то это объясняется не столько трудностью правописанія, сколько плохими методами обученія;

3) *реформа совершенно неразумна безъ перепечатанія всѣхъ учебниковъ и всѣхъ классическихъ авторовъ*.

Не всѣ возраженія были одинаковой силы и убедительности, но несомнѣнно было одно: крутая и насильственная ломка правописанія въ странѣ съ богатымъ литературнымъ наслѣдіемъ — недопустима. Система нашего новаго литературнаго языка и его правописанія началась съ гениальной «Россійской Грамматики» Ломоносова, появившейся въ одинъ годъ съ открытіемъ нашего перваго университета, и съ тѣхъ поръ эта система развивалась и упорядочивалась безъ насильственныхъ потрясеній. Культурныя силы Россіи, за ничтожными исключениями, дорожили полученнымъ богатствомъ, и *безъ помощи большевиковъ новая орѳографія не смогла бы, конечно, войти въ жизнь*.

Многихъ интересуеетъ вопросъ, что представляютъ собою постановленія орѳографической подкомиссіи съ *научной точки зрѣнія*. Съ научной точки зрѣнія одинаково допустимо писать и «е» и «ея», и «они» и «онѣ», и «добраго» и «доброга», и «хорошіе» и «хорошія». Съ «ятемъ», правда, дѣло обстоитъ болѣе сложно. Хотя онъ въ литературномъ произношеніи звучитъ одинаково съ «е», однако, во многихъ русскихъ (мало-, велико-, и бѣло-русскихъ) говорахъ замѣны «ѣ» черезъ «е» не произошло; то же надо сказать и о Галиціи, и объ Угорской Руси. Въ виду этого, научная точка зрѣнія требуетъ къ «ятю» особо внимательнаго и бережнаго отношенія. Въ общемъ, противъ такъ называемой «научности» орѳографическая подкомиссія, несомнѣнно, не погрѣшила. Но въ этомъ отношеніи нужно помнить приведенныя уже мудрѣйшія слова нашей Академіи Наукъ: *«Въ примѣненіи къ литературному языку, имѣющему за собою болѣе или менѣе длинное прошлое, правописаніе должно представлять условный компромиссъ двухъ принципозъ — фонетическаго и историческаго. Требования правописанія, основывающіяся на каждомъ изъ двухъ этихъ принципозъ въ отдѣльности, подлежатъ вѣдѣнію науки, которая опредѣляетъ, соотвѣтствуютъ ли эти требованія дѣйствительности...»*, но самое соглашеніе этихъ разнородныхъ принципозъ, основывающееся на тѣхъ или другихъ практическихъ удобствахъ, находится внѣ контроля ка-

кой-либо иной науки, кроме логики, хотя логичность, последовательность въ построении правилъ правописанія, конечно, не дѣлаетъ научнымъ самое правописаніе». Никто не станетъ отрицать, что нашъ литературный языкъ имѣетъ за собой скорѣе *больше*, чѣмъ *меньше* «длинное прошлое», и потому установившіеся въ его правописаніи компромиссы двухъ принциповъ, историческаго и фонетическаго, безнаказанно ломаться не могутъ. Правописаніе — часть нашей культуры, неотъемлемая часть нашей литературной исторіи. Нѣкоторыя измѣненія въ кругу этихъ компромиссовъ были и будутъ, но *разрушеніе всей системы* компромиссовъ, послѣ вѣковой блестящей исторіи нашей литературы, оправдано быть не можетъ: *это знаменовало бы собою участіе въ «нагроможденіи развалинъ», а не творческую работу по усовершенствованію полученнаго отъ предковъ культурнаго наслѣдства.*

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что *свободная* Академія Наукъ такъ и оцѣнила бы большевицко-Мануйловскую реформу, но мнѣнія свободной Академіи не спросили: или имъ не интересовались, или его боялись. Вся обстановка, въ которой была проведена реформа, насильственный характеръ ея внѣдренія, вопреки ясно въ свое время выраженному несочувственному отношенію къ ней всей нашей печати и большей части школы, несовершенство многихъ новыхъ орфографемъ, — *все это должно заставлять насъ оберегать старую орфографію и донести ее до новой Россіи.* Въ новой Россіи она будетъ въ нѣкоторыхъ мелочахъ упорядочена, въ школахъ ей не будутъ отдавать исключительнаго вниманія, но прекрасная система ея, выработывавшаяся въ теченіе полутора вѣковъ, должна быть въ основѣ своей сохранена.

Ссылка на то, что старую орфографію нельзя вернуть, такъ какъ Россія пишетъ *уже 5 лѣтъ* по новой, мало убѣдительна и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наивна: по старой орфографіи писали, подвергая ее ничтожнымъ измѣненіямъ, *больше 150 лѣтъ.*

Возвращеніе къ старой орфографіи будетъ тѣмъ легче, что большевики совершенно уничтожили народное образованіе, и отъ успѣховъ, которые были достигнуты въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія до-революціонной Россіей, ничего не осталось. Если еще кое-что сохранилось въ высшей и средней школѣ, то народная представляетъ собою одни обломки. Пособій же и книгъ, напечатанныхъ по новой орфографіи для школъ, почти не существуетъ.

Для кого «новая» Россія начинается съ большевиковъ, тотъ, само собой, долженъ защищать и новое правописаніе, одинъ изъ ихъ атрибутовъ, но, кто не съ большевиками, тотъ долженъ старую орфографію оберегать. Она одна изъ нашихъ большихъ культурныхъ цѣнностей, вѣрный спутникъ блестящаго періода нашей литературы.

У насъ любятъ искать примѣровъ въ другихъ странахъ, но, разъ уже ихъ искать, то лучше всего обратиться къ тѣмъ языкамъ, орфографія ко-

торыхъ неизмѣримо болѣе сложна и трудна, чѣмъ наша. Такими языками являются французскій и англійскій. Однако, всѣмъ извѣстно, какъ ревниво французы и англичане оберегаютъ «аристократическія» системы своихъ орѳографій отъ попытокъ ихъ коренного измѣненія. Во Франціи и Англїи ясно понимаютъ, что усвоеніе нѣкоторыхъ культурныхъ цѣнностей вообще трудно, что эти цѣнности по самой своей природѣ въ полномъ объемѣ доступны не всѣмъ. Но здѣсь одновременно такъ же ясно понимаютъ, что *упрощеніе* и *облегченіе* во что бы то ни стало могутъ привести не къ распространенію культуры, а къ оскотченію ея.

Правда, есть страна, которая рискнула провести реформу правописанія въ рѣзкомъ видѣ; это — Норвегія. Однако, не слѣдуетъ забывать, что все населеніе Норвегіи равняется населенію до-революціоннаго Петрограда, и, кромѣ того, даже въ этой маленькой странѣ реформа вызвала большую смуту: тамъ сейчасъ существуетъ три орѳографическихъ системы. Чѣмъ кончится эта смута, предугадать, конечно, трудно, но ущербъ культурѣ уже наносится.

Новое русское правописаніе русскими дѣтьми нѣкоторой части Россїи можетъ быть усвоено легче, чѣмъ старое. Но пусть не увлекаются мыслью объ этомъ. Облегченіе ученія само по себѣ еще не идеаль, и *упрощеніе* ученія только понижаетъ общій уровень тѣхъ, которые способны къ высшей духовной культурѣ. Съ орѳографической же неграмотностью нѣкоторой части населенія нужно мириться такъ же, какъ съ недоступностью для массъ цѣлага ряда дисциплинъ, научныхъ идей и фактовъ. Прошедшій французскую или англійскую начальную школу пишетъ, *mutatis mutandis*, гораздо безграмотнѣе, чѣмъ кончавшіе нашу прежнюю, далекую отъ совершенства, начальную школу, но упрощеніе правописанія только во имя облегченія его усвоенія показалось бы французамъ и англичанамъ варварствомъ.

При сравнительной оцѣнкѣ нашего новаго и стараго правописанія надо, кромѣ того, отмѣтить, что, какъ показаль опытъ, иностранцы усваиваютъ нашъ языкъ по старой орѳографіи съ большей легкостью. Психологически это понятно: при новой орѳографіи образы словъ стираются, слова теряютъ свою индивидуальность, формы сливаются, однообразіе утомляетъ и не даетъ почвы для отчетливаго различенія явленій языка.

Въ заключеніе нельзя не сказать, что намъ, подобно французамъ и англичанамъ съ ихъ высокой культурой, лучше не разсыпать связи «съ предковскими преданіями», не стремиться къ тому, чтобы «все казалось обновленнѣе», и не видѣть особаго почета въ положеніи тѣхъ, кого «только вчера насѣдка подъ крапивою вывела».

* * *

РЕЗОЛЮЦІЯ СЕКЦІИ ГРАФИЧЕСКИХЪ ИСКУССТВЪ ПО ПОВОДУ НОВАГО ПРАВОПИСАНІЯ

Общее Собрание Секціи Графическихъ Искусствъ, заслушавъ докладъ члена спеціальной комиссіи при Обществѣ архитекторовъ-художниковъ художника-архитектора Б. Н. Николаева на тему: «Новое правописание и его вліяніе на внѣшній видъ печатнаго текста» и ознакомившись съ резолюціей по поводу новаго правописанія Общества архитекторовъ-художниковъ, вынесло слѣдующее постановленіе:

«Секція Графическихъ Искусствъ, имѣя въ числѣ своихъ членовъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ исторіей алфавитовъ, образованныхъ типографовъ, художниковъ-графиковъ, граверовъ-пунсонистовъ и опытныхъ корректоровъ и будучи болѣе, чѣмъ какая-нибудь другая организація, близка ко всему тому, что касается практическаго осуществленія задачъ графической русской рѣчи, то-есть печати и письменности, присоединяясь къ мнѣнію, вынесенному Обществомъ архитекторовъ-художниковъ, устанавливающему, что

1) цѣлью правописанія служить возможно быстрое, легкое и точное усвоеніе смысла написаннаго или напечатаннаго;

2) что полная грамотность опредѣляется не чтеніемъ отдѣльныхъ буквъ, а умѣніемъ усваивать всю совокупность буквъ, составляющихъ слово, какъ цѣльный графический образъ, и

3) что уничтоженіе рѣзко индивидуальныхъ буквъ: Ё, І, и Ъ, а также уничтоженіе графическаго различія нѣкоторыхъ грамматическихъ формъ, создастъ однообразный, неразборчивый и утомляющій зрѣніе текстъ;

Печатается по первой публикаціи: Резолюція Секціи Графическихъ Искусствъ по поводу новаго правописанія, вынесенная общимъ собраніемъ 14-го января 1918 года. Пг.: Всерос. союзъ мастеровъ, завѣдующихъ мастерскими и техникумъ фабрично-заводскихъ предпріятій, 1918. 7 с.

а также принимая во внимание,

1) что количество текста, прочитываемого каждымъ человекомъ, во много разъ превышаетъ количество текста, воспроизводимого имъ самимъ;

2) что совокупность буквъ, составляющихъ алфавитъ, есть нѣчто цѣлое, выработавшееся вѣками и усиліями многихъ людей, и изъ этой совокупности нельзя выбрасывать произвольно отдѣльныя, особенно рѣзко своеобразнаго рисунка, какъ Ъ, І, и Ь, буквы, не нарушая при этомъ гармоніи всего русскаго текста и не нанося такимъ образомъ ущерба органамъ зрѣнія, согласно требованій которыхъ эта гармонія выработывалась;

3) что русскій текстъ, сравнительно съ текстами тѣхъ языковъ, которые пользуются латинскимъ алфавитомъ, обладаетъ значительно меньшимъ количествомъ буквъ, выступающихъ своими элементами за линію строки, значительнымъ количествомъ симметричныхъ буквъ, какъ на примѣръ: Н, П и другія, значительнымъ количествомъ буквъ обратнаго направленія, какъ на примѣръ: Я, Ч, Э и другія, уменьшающихъ скорость пробѣганія взгляда по строкѣ, большимъ количествомъ словъ, заканчивающихся прямымъ элементомъ буквы (на примѣръ: **оны**, **они** и тому подобныя) и большимъ количествомъ одинаково пишущихся словъ (**пары** и **пары** и тому подобныя), что, вмѣстѣ взятое, придаетъ русскому тексту, сравнительно съ текстами латинскаго алфавита, болѣе монотонный и угловатый характеръ и затрудняетъ быстроту чтенія, а при уничтоженіи І, Ъ и Ь эти недостатки въ значительной мѣрѣ увеличатся;

4) что въ отношеніи вліянія новаго правописанія на органы зрѣнія и на быстроту чтенія никакихъ научно поставленныхъ опытовъ не было произведено, и реформа проводится лишь на основаніи теоретическихъ соображеній филологовъ, то-есть лицъ, не являющихся авторитетными ни въ области графики, ни въ области физиологіи, между тѣмъ письменность обращается къ органамъ зрѣнія, а не слуха;

5) что жалобы на трудность обычнаго правописанія исходятъ, главнымъ образомъ, отъ однихъ преподавателей русскаго языка, то-есть лицъ, лично заинтересованныхъ, между тѣмъ совершенно естественно, что болѣе совершенныя орудія, выработываемыя культурой для сохраненія времени при пользованіи ими, требуютъ болѣе долгаго обученія умѣнію ими владѣть, и графическая обособленность словъ есть естественное развитіе графической рѣчи, подобно тому, какъ новыя слова и ихъ формы есть развитіе устной рѣчи;

6) что затруднительность чтенія текста, напечатаннаго по новой системѣ правописанія, происходитъ не отъ «непривычки», какъ совершенно голословно утверждается, а по причинѣ графической нецѣлесообразности этой системы, то-есть несогласованности ея съ законами зрѣнія.

Секція Графіческихъ Искусствъ полагаетъ, что реформа 1917 года произведена неправильно и насильственное проведеніе ее въ жизнь не только не послужитъ распространенію и углубленію полной грамотности, то-есть умѣнію быстро и точно усвоивать смыслъ прочитаннаго, но затруднитъ ее, что особенно вредно отразится на грамотности рабочихъ классовъ, неимѣющихъ возможности посвящать чтенію много времени, и поэтому считаетъ необходимымъ немедленное принятіе мѣръ къ восстановленію прежней системы правописанія.

Что же касается до дальнѣйшей судьбы русскаго алфавита и правописанія, то Секція полагаетъ, что русскій алфавитъ, уже и безъ того перенесшій при Петрѣ Великомъ коренную ломку, произведенную слишкомъ поспѣшно и, главнымъ образомъ, недостаточно обоснованно, благодаря чему мы имѣемъ неправильныя начертанія буквъ: Н, И, Э и другихъ, требуетъ къ себѣ особо бережнаго отношенія, и всякія перемѣны въ русской графической рѣчи должны быть производимы весьма осторожно и постоянно провѣряться практикою жизни, такъ какъ творцомъ письменной рѣчи долженъ быть весь народъ въ той же мѣрѣ, въ какой онъ является творцомъ устной рѣчи.

А такъ какъ даже и на Западѣ, при болѣе совершенныхъ формахъ графики, только въ послѣднее время обратили серьезное вниманіе на графику языка, и создалось движеніе, начатое въ этомъ направленіи Вильямомъ Моррисомъ, пропагандировавшимъ въ Англійи словами и примѣрами крѣпкія и жизненныя формы шрифтовъ, и быстро нашедшее себѣ откликъ на континентѣ въ лицѣ Рудольфа Деларишъ, основавшаго школу въ Лейпцигѣ, и, наконецъ, Экмана, создавшаго совершенно особенный типъ шрифта, пользовавшагося въ свое время большимъ успѣхомъ, между тѣмъ у насъ въ этомъ направленіи ничего не сдѣлано, то

Секція Графіческихъ Искусствъ полагаетъ, что дальнѣйшее усовершенствованіе русскаго алфавита и правописанія, въ связи съ планомѣрнымъ исправленіемъ дефектовъ, внесенныхъ Петровской реформой, можетъ быть достигнуто лишь совокупными и, главное, свободными отъ всякаго давленія сверху, усиліями какъ спеціалистовъ: художниковъ-графиковъ, образованныхъ типографовъ, каллиграфовъ, граверовъ-пунсонистовъ, словолитцевъ, корректоровъ, такъ и лицъ, пользующихся въ широкомъ масштабѣ письменностью и печатью на практикѣ.

Эта работа могла бы быть осуществлена съ одной стороны путемъ популяризаціи графики въ широкихъ слояхъ общества: чтеніемъ лекцій, спеціальными изданиями, болѣе серьезнымъ преподаваніемъ каллиграфіи и писанія шрифтовъ, что особенно необходимо для лицъ, посвящающихъ себя въ дальнѣйшемъ инженерной профессіи, и другими мѣрами, а съ другой стороны, путемъ основанія спеціальныхъ школъ и спеціального института съ высшимъ образованіемъ, который, выпу-

ская палеографовъ-графиковъ, ученыхъ каллиграфовъ и типографовъ, могъ бы дать средней школѣ преподавателей, могущихъ поставить русскую письменность на должную высоту. Этотъ институтъ и могъ бы служить центромъ, объединяющимъ всю работу по вопросамъ русской письменности.

Въ заключение Секція Графическихъ Искусствъ считаетъ своимъ долгомъ обратить особенное вниманіе общества и правительства на то, что графическая рѣчь или письменность играетъ въ народной жизни роль не меньшую, нежели устная рѣчь; и, хотя письменная рѣчь развивается параллельно съ устной, но обладаетъ своими собственными, только ей присущими, законами, и поэтому не только заслуживаетъ не меньшаго вниманія, чѣмъ устная рѣчь, но и требуетъ для своего изученія специальныхъ знаній и навыковъ, весьма отличныхъ отъ тѣхъ знаній и навыковъ, которые требуются для изученія устной рѣчи».

Л. В. Щерба

МНЕНИЕ Л. В. ЩЕРБЫ О ПРОЕКТЕ КАБАРДИНСКОГО АЛФАВИТА НА ОСНОВЕ РУССКОЙ ГРАФИКИ

1. В основном надо признать, что авторы проекта так или иначе решили стоявшую перед ними проблему, хотя самая редакция проекта и нуждается в коренной переработке, а иногда и в доработке с разных точек зрения.

2. В частности, можно целиком одобрить принцип обозначения смычногортанных посредством соответственных несмычногортанных + знак гамзы¹. Точно так же можно одобрить мысль авторов проекта изображать увулярные (иначе велярные, или глубокозадненебные) посредством соответственных заднеязычных + ъ. Наконец, вполне можно принять мысль авторов и об изображении лабиализованных посредством соответственных нелабиализованных + у.

Надо указать, однако, что то же самое можно применить и к латинскому алфавиту и тем сократить его на соответственное число знаков.

Печатается по первой публикации: *Щерба Л. В.* Мнение Л. В. Щербы о проекте кабардинского алфавита на основе русской графики // *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность / ред. Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1974. С. 234–240. В примечании к публикации редакторы Л. Р. Зиндер и М. И. Матусевич отмечают: «Проект составлен Т. Борукаевым, Х. Сруховым, А. Пшеноковым и М. Афауновым под руководством Т. Борукаева. Статья публикуется впервые. Она была написана в 1936 г. и явилась результатом обсуждения этого проекта в Институте языка и мышления АН СССР. Ряд предложений Л. В. Щербы был принят и осуществлен в кабардинском алфавите» (*Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. С. 423).

¹ *Гамза*, или *хámза*, — диакритический знак (◌◌) арабского письма, который используется для обозначения гортанной (глоттальной) смычки (у Щербы далее — *h*, в МФА — *ʔ*). — *Примеч. сост.*

3. Если принять следующие два положения, — а не принять их невозможно, — то надо будет все-таки внести серьезные изменения в проект алфавита.

4. Первое основное положение. Всякий проект перехода с латинского алфавита на русский должен считаться с возможностью подобного же перехода и некоторых других народов Союза, а следовательно, с необходимостью известного единства в адаптации русских букв к иноязычным звукам.

5. Второе основное положение. Переход на русский алфавит одной из главных своих целей ставит максимальное облегчение одновременного усвоения грамоты на двух языках — национальном и русском. Для этого недостаточно принять начертания русских букв и их основные значения. Необходимо осознать и усвоить некоторые основные принципы русского алфавита. Только тогда у обучающихся не будет коллизий между двумя письменностями и только тогда переход на русский алфавит будет иметь полностью то благодетельное влияние, которое он имеет в виду.

6. Исходя из этих двух основных положений, надо отвергнуть изображение гамзы русским э, так как благодаря этому буква э приобретает два совершенно разных смысла (гласного и согласного), что не может не являться лишней трудностью в и без того трудном деле одновременного изучения двух грамотностей. Возможность сближения русского э с гамзой у авторов проекта объясняется школьным произношением изолированной гамзы, которую не так легко произнести изолированно, не сопровождая ее последующим гласным.

7. Апостроф является тем знаком, который как бы специально создан для изображения гамзы: в русском он является «отделительным знаком», а гамза на слух во многих случаях будет именно отделять предшествующий согласный от следующего гласного. Хотя природа «отделения» в русском и кабардинском и не одинаковая, однако лучшего способа для обозначения гамзы нельзя найти, если не взять соответственного арабского знака.

8. Как сказано было выше, употребление твердого знака (ъ) в качестве диакритики для обозначения увулярных (иначе велярных, иначе глубокозадненебных) согласных надо признать в высшей степени остроумным, так как велярность является максимальной противоположностью мягкости, а следовательно очень хорошо символизируется твердым знаком.

Этот принцип следует положить в основу приспособления русского алфавита и для многих других языков.

Поэтому *q* очень удачно изображается через *къ*; *q^x* — через *кхъ*; *χ* — через *хъ* и *g* — через *гъ*.

Примечание 1. Такова обязательно должна быть теория кабардинского алфавита в процессе обучения. Так, может быть, придется писать в будущем при

унификации алфавитов близких языков, где будет важна легкость взаимного понимания. Пока же на практике можно упростить дело и писать *kx* вместо *kxъ*. Это упрощение допустимо в том же порядке (но еще с большим правом), что и русский обычай писать *e* вместо *ě* (*внес* вместо *внёс*).

Примечание 2. Нельзя не отметить, что перспективно начертание *гъ* для *g* недопустимо, так как при этом русская буква *г* для смычного (взрывного) звука применяется для щелевого (спиранта). Не говоря уже о противоречии с русским, которое будет путать кабардинских ребят, могут оказаться близкие языки, где надо будет отличать смычный от щелевого, а поэтому следует придумать особый знак для заднеязычного и велярного щелевых (эта надобность уже и сейчас имеется в кабардинском, где русские слова со взрывным *г* изображаются через спирантное *g*; с улучшением знания русского языка эта надобность обострится). Такой знак имеется в украинском, но так как украинские знаки противоречат русскому (*г* — щелевой, а *г* — смычный), то они будут тоже путать кабардинских детей при обучении грамоте.

Поэтому можно предложить или диграфы — *gx* для щелевого заднеязычного и *gxъ* для щелевого велярного, или ту или другую диакритику, например *г* и *гъ* (если диграфы могут повести к каким-либо смещениям). Другого выхода нет, а потому это должно быть или принято сейчас, или иметься в виду для будущего. Так как я понимаю, что в каких-либо языках диграфы, наверное, поведут к смещениям, то, вероятно, придется прибегнуть к диакритике. Однако ввиду того, что вопрос о диакритике спорный и типографски не может быть решен немедленно, то временно можно согласиться на изображение *γ* через *gx* и даже через *g*, а *gъ* — через *gxъ* или даже через *гъ*.

9. Тут уместно сказать несколько слов против узкого делячества в вопросе алфавитного строительства. Не алфавит должен строиться, приспособляясь к техническим затруднениям сегодняшнего дня, а техника приспособиться к рациональной политике в области алфавитного строительства. Этого повелительно требуют руководящие идеи социалистического строительства вообще: не человек для техники, а техника для человека, — этот принцип перспективно всегда оставался руководящим.

Переходя к практическому приложению этого общего положения, надо выставить следующий принцип.

10. Третье основное положение. Легкость чтения, быстрота понимания и легкость обучения, отсутствие в нем внутренних противоречий (однако легкость обучения лишь постольку, поскольку она не противоречит легкости чтения) гораздо важнее легкости писания или печатания, ибо читают миллионы, а пишут десятки,² которые могут и потру-

---

² «Это замечание Щербы сохраняет свое значение и в наши дни, так как здесь имеются в виду не просто умеющие писать, а пишущие для многих читателей» (*Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. С. 423*). — *Примеч. Л. Р. Зиндера, М. А. Матусевич.*

даться для миллионов, печатание же является техникой, которая должна приспособиться к удобствам человека.

11. Поэтому, во-первых, всякие разговоры о том, что так выходит дешевле или так выходит технически проще, при всей своей важности не могут иметь решающего значения, когда дело идет о легкости чтения и наглядности, простоте обучения. Можно придумать очень «дешевую» орфографию, которая, однако, будет ненавистой по своей трудности, и Союз не так беден, чтобы идти по этому пути.

12. Во-вторых, признавая принципиальную желательность ограничиться существующей русской кассой, надо, однако, признать, что в ней не больше знаков, чем сколько есть, а потому может наступить момент, когда этот правильный принцип обратится в свою противоположность. Поэтому надо предвидеть, что, кроме обычной русской кассы, придется создать специальную русскую кассу для национальных языков Союза с некоторыми дополнениями.

13. В-третьих, целиком признавая желательность в принципе обходиться без диакритических знаков, нельзя, однако, из этого принципа делать фетиш, так как иногда диакритика является единственным удобным и в процессе обучения очень наглядным (ибо аналитичным) способом обозначения звуков, не имеющих в русском языке. Типографские выражения несомненно преувеличены (ср. французскую фразу *l'été avait été très sec*, где имеем шесть диакритических знаков) и во всяком случае не могут иметь, как сказано выше, решающего значения. Что касается отрыва руки при писании, то перспективно надо иметь в виду, что пишущая машинка в Западной Европе уже вытесняет писание от руки: есть люди, которые перо употребляют лишь для подписи. Во всяком случае, удобства чтения и обучения важнее удобства письма, как было разъяснено выше.

14. Безусловно неудачным в проекте надо признать обозначение *l'* через *ль* и *fi* через *хъ*, особенно при одновременном обозначении *z* через *жь*. Русский мягкий знак таким образом употребляется в трех разных смыслах, из которых два не совпадают с русским. Это нетерпимо согласно второму основному положению, тем более что кабардинское *l'* обозначается не через *ль*, которому оно соответствует, а через *л*, т. е. через *л* твердое.

Между тем есть весьма простой способ (вытекающий из кабардинского языка и из основных принципов русского алфавита) не только не вносить смуты в детские умы, но, исходя из кабардинского языка, помочь детям разобраться в трудностях русского алфавита.

15. В кабардинском языке *š'* и *ž'* можно признать мягкими по отношению к *š* и *ž* (как это и делают авторы проекта, предлагая для первого *ш*, а для второго *жь*). Из этого надо сделать естественные выводы и обозначить их так, как обозначаются мягкие согласные в русском языке, т. е.

шь, жь, шя, жя, шю, жү, ше, же, шё, жё, ши, жи, шьы, жьы в отличие от *ш, ж, ша, жа, шу, жу, шэ, жэ, шо, жо, шьи, жьи*,³ *шы, жы*, передающих кабардинские твердые *š* и *ž*.

Так как кабардинские *l'*, *ḷ'* по мягкости отождествляются с русским *ль*, то во избежание совершенно невыносимой путаницы в головах детей необходимо принять написание *ль* для кабардинского *l'* (о написаниях для *ḷ'* см. ниже, п. 16) и в полном соответствии с *шь, жь* и с русскими алфавитными принципами писать также *ля, лю, ле, лё, ли, лы*. Благодаря этому на четырех мягких звуках кабардинского языка будут целиком усвоены очень сложные правила изображения мягкости в русском алфавите. Это громадное педагогическое достижение стоит того, чтобы на конце слов и перед согласными писать *ь*, которое с точки зрения узкого делячества можно было бы в кабардинском и пропускать, приняв русское твердое *л* для обозначения кабардинского мягкого *l'*.

Что касается слов, заимствованных из русского или через русский, то они будут писаться по-русски, т. е. *канцелярия, иллюстрация, Энгельс, Ленин* и т. п., т. е. совершенно одинаково с исконными кабардинскими словами. Там, где по-русски имеется твердое *л*, правописание будет сохраняться русское, а в произношении на первых порах будет колебание; но во всяком случае дети будут знать уже из графики, что в словах *флора, лампа* и т. п. на самом деле произносится не *ль*, а что-то другое, — и педагогически это тоже будет важным достижением.

16. По всем указанным причинам приходится забраковать *ль*, как обозначение кабардинского *ḷ'*. Соглашаясь с авторами проекта, что ди-граф *тл* может вызвать смешение, я предлагаю сочетание *хль* и в сочетаниях с гласными *хля, хлю, хле, хлё, хли, хлы*, а для *ḷ''* следовательно *хль'* (но *хль'а, хль'у, хль'э, хль'о, хль'и, хль'ы*).

Такова обязательно должна быть теория кабардинского алфавита при обучении грамоте. На практике же можно условно выкидывать *ѣ* (см. выше примечание 1 к п. 8), поскольку не может быть смешений, и писать *хл', хл'а, хл'у, хл'э, хл'о, хл'и, хл'ы* (но не *хл* вм. *хль*).

---

³ Твердый знак в сочетаниях *шьи* и *жьи* употреблен несколько в другом смысле, чем это принято в проекте (см. п. 8), но однако все-таки в близком смысле, так что затруднений никаких не возникает. Но перспективно надо иметь в виду, что русский алфавит совершенно не умеет обозначать твердые согласные перед и и мягкие перед *ь*, особенно первые, и что, может быть, придется в дальнейшем найти какой-либо иной принципиальный выход, чем мною предложенный. Этот выход может идти или по украинской линии, т. е. состоять во введении двух знаков для и (ср. украинское *i* и *і*) — один для обозначения твердости, а другой для обозначения мягкости, — или по линии принятия особой диакритики. Все это придется сделать в будущем лишь в том случае, если окажется настоящая нужда различать твердые и мягкие перед и в широком масштабе, когда *ѣ* может оказаться резко двусмысленным. Пока же для кабардинского мои предложения являются вполне приемлемыми.

Так как и в других кавказских языках встречается глухое *л* и предлагаемый мною способ обозначения, наверное, где-нибудь будет неприемлем ввиду возможных смешений, то его следует считать временным, а перспективно необходимо иметь в виду создание для него особого знака, например, *лъ* или *ль* (я считаю, что диакритика лучше специальных выдуманных знаков, которые, как показал опыт между прочим и кабардинского алфавита, в большинстве случаев оказываются неудобными в употреблении).

17. По тем же причинам, что и *ль* для *l*, приходится забраковывать и *хь* для *h*. Звук этот имеет большое распространение во всех кавказских языках, и совершенно очевидно, что для него придется в конце концов принять латинский знак *h* или в простом виде, или в удвоенном — *hh* или с диакритикой — *ĥ* (ввиду того что придется, вероятно, отличать несколько гортанных спирантов). Не надо пугаться смешения двух алфавитов (ср. п. 12), так как практика сербского языка нам показала, что введение Караджичем *j* и *h* в состав сербского алфавита, в основном состоящего из русских букв, не привело ни к чему плохому («вуковица» считается даже одним из образцовых алфавитов).

Однако пока, ввиду временных технических затруднений, можно предложить для кабардинского *h* (арабского *ح*) удвоенное *xx*, что находит себе некоторое акустическое оправдание в том, что оно представляется как бы усиленным придыханием.

18. Став до конца на позиции второго основного положения (см. п. 5), приходится одобрить изображение *ja, ju, je* через *я, ю, е* и даже предложить ввести *ё* для обозначения *jo*. Для обозначения *ju* и *ji* (если в последнем есть надобность) приходится все-таки принять *йы* и *йи* (для *йи* можно было бы предложить украинское *i*, но это без надобности усложнило бы дело), поскольку *й* употребляется уже после гласных (*бэй, бий* и т. п.), отличаясь от и в этом положении.

Правило правописания о написании *иы* вместо *йы* надо решительно отвергнуть, как образец подчинения сути языкового дела внешним типографским требованиям (уменьшение числа случаев применения диакритики) и усложнения таким образом дела обучения, см. выше пп. 10 и 13.

19. Хотя на первых порах для кабардинского, по-видимому, и можно принять неразличение на письме у слогового от *ў* неслогового, однако перспективно надо иметь в виду, что это различие очень распространено в других языках и что в дальнейшем привлечение *ў* из белорусской кассы совершенно необходимо для обозначения у неслогового. Это значительно облегчит чтение и понимание и в кабардинском.

20. Обозначение лабиализованных через прибавление *у* (а в будущем обязательно через *ў*) следует признать вполне целесообразным.

21. Обозначение *d^z* через *дз* более чем естественно. Точно так же и обозначение *d^ž* через *дж*.

Что касается q^x , то так как его аффрикатный характер является четко выраженным, его тоже вполне целесообразно изображать через $kx(\text{ъ})$ (см. п. 8).

22. Наличие в исконных кабардинских словах — а следовательно, и различие — трех гласных, кроме *ы*, несомненно, и хотя усилия авторов проекта обойтись только двумя знаками и надо признать в высшей степени остроумными (учет ударения), однако они решительно вредны, так как затемняют простую сущность дела сложными и трудными в процессе обучения орфографическими правилами.

Между тем основа всех этих ухищрений все та же: подчинение языковых потребностей внешним типографским требованиям. Различие *а* и *ă* забраковывается из-за предрассудка против диакритики, а различие *а* и *аа* сокращается за счет уменьшения употребления *аа* в целях удешевления (ср. п. 11).

Мне кажется, что безусловно надо откинуть все мудреные правила орфографии, только затрудняющие процесс обучения, и принять *э*, *ă*, *а* (*а* не двойное *аа*, являющееся двусмысленным), которые после *l* будут изображаться через *е*, *я*, *я*.

Русские заимствованные слова с *э* не представляют затруднений. Такие русские слова, как *Ленин*, *электрон*, тоже с легкостью укладываются в рамки кабардинского алфавита. Такое слово, как *тема*, будет, однако, не совсем понятно в принципе своего написания: применительно к естественному кабардинскому произношению этого слова оно должно бы писаться *тэма*. Я нахожу во всяком случае, что сочетание *те*, *де*, *се*, *зе* и т. п. в русских заимствованных словах явятся хорошим сигналом для того, чтобы обратить внимание учащихся на их особое произношение в русском языке. Если же по-кабардински они будут произноситься как *tje*, *dje*, *sje*, *zje*, подобно тому, как они наверное произносят какое-либо *бюро* как *bjuro* и т. п., то в этом не только не будет ничего плохого, но эти произношения явятся совершенно правильной адаптацией русской фонетики к кабардинской и будут вполне аналогичны тому, что делают русские, произнося *ню* вместо французского *ни*.

В. М. Алпатов

РУССКАЯ ЛАТИНИЦА Н. Ф. ЯКОВЛЕВА

1. «Ликвидировать клин»

Все мы знаем, что русский язык уже много веков неразрывно связан с кириллическим письмом, которое многими народами воспринимается как «русское письмо». Латинскими буквами русские слова если иногда и записываются, то лишь во вспомогательных целях: при дублировании надписей в помощь иностранцам, иногда в сети Интернет и пр. Но был исторический момент, когда в нашей стране всерьез ставился вопрос о переходе на латинское письмо.

В начале 1930 года видный советский языковед Николай Феофанович Яковлев (1892–1974) опубликовал статью «За латинизацию русского алфавита». Он писал: «Территория, занятая русским языком в пределах Союза, остается пережитком русификаторской деятельности царских миссионеров — распространителей православия <...> Территория русского алфавита представляет собою в настоящее время род клина, забитого между странами, где принят латинский алфавит Октябрьской революции, и странами Западной Европы, где мы имеем национально-буржуазные алфавиты на той же основе. Таким образом, на этапе строительства социализма существующий в СССР русский алфавит представляет собой безусловный анахронизм, — род графического барьера, разобщающий наиболее численную группу народов Союза как от революционного Востока, так и от трудовых масс и пролетариата Запада <...> Неизбежно должен наступить момент, когда содержание перерастает форму, трансформировавшийся базис опрокидывает устаревшую надстройку. В этот момент никакие частичные изменения графической формы алфавита уже не помогут, никакая форма орфографии уже не спасает <...> Сейчас

Печатается с разрешения В. М. Алпатова по первому изданию: *Алпатов В. М. Русская латиница Н. Ф. Яковлева // Научный диалог. 2015. № 3 (39). С. 8–28.*

должен быть создан новый алфавит — алфавит социализма¹. К статье прилагался проект «алфавита социализма» для русского языка², разработанный на латинской основе научным коллективом под руководством Яковлева.

Современный читатель может не во всем понять смысл приведенной цитаты; например, что такое «латинский алфавит Октябрьской революции»? Поэтому нужно кратко рассмотреть принципы языковой политики в СССР в то время.

После революции в стране в противовес царской национально-языковой политике, в основном сводившейся к русификации, был взят курс на развитие всех наций и всех их языков, включая самые малые. Считалось, что каждый гражданин страны должен на своем родном языке овладеть вершинами мировой культуры, литературы, науки. Однако явным препятствием для этого было недостаточное развитие многих языков: из них одни вообще не имели письменности, другие использовали письмо, которое, как тогда считалось, не соответствовало новым условиям (в частности, арабское). Тогда в СССР полагали, что достаточно для каждого языка в стране создать хорошую письменность и установить литературную норму и все будут на родном языке читать Шекспира и Ленина. Работа по созданию алфавитов и норм получила название языкового строительства. Ученые-лингвисты высокой квалификации, среди которых одно из ведущих мест с самого начала занимал Н. Ф. Яковлев, конструировали письменности для десятков языков.

Языковым строительством в СССР руководил Всесоюзный центральный комитет нового алфавита (ВЦКНА), существовавший в 1925–1937 гг. в Баку, затем — в Москве. Комитет возглавляли видные азербайджанские коммунисты: сначала С. А. Агамали оглы, а после его смерти в 1930 году Г. М. Мусабеков (роль Азербайджана определялась тем, что эта республика первой в государстве взяла курс на латинизацию). Непосредственно конструированием алфавитов занималась входившая в состав комитета Технографическая комиссия во главе с Яковлевым. В издании ВЦКНА «Культура и письменность Востока» и появилась в 1930 году его статья.

Одной из проблем, стоявших перед комитетом, был выбор системы письма. Арабский или старый монгольский алфавиты были неприемлемы политически. Однако в те годы не пользовалась популярностью и кириллица, ассоциировавшаяся с национальным угнетением царского времени. Другой крупнейший лингвист, также активный участник языкового строительства Евгений Дмитриевич Поливанов (1891–1938) пи-

---

¹ Яковлев Н. Ф. За латинизацию русского алфавита // Культура и письменность Востока. Кн. 6. Баку; М., 1930. С. 35–36.

² Там же. С. 216–218.

сал в 1923 году: «Эпоха — недоброй памяти — русского колонизаторства оставила такую ненависть в турецких (тюркских. — В. А.) народах (сужу по туркестанским) к русификации и ее орудию — миссионерским русским транскрипциям, что само напоминание о русском шрифте болезненно, как тревожащее недавние раны от национального гнета; и потому попытки отстаивать (для каких-либо теоретических соображений) возможность пользоваться русской транскрипцией отнюдь нельзя рекомендовать. На II съезде узбекских работников просвещения, который главное внимание уделял вопросу узбекской графики, ни одного голоса не было слышно в пользу русского шрифта»³.

Оставался латинский алфавит, который тогда часто называли «алфавитом революции». Это был самый распространенный в мире алфавит и единственный алфавит, не имевший тогда ассоциаций ни с одним конкретным языком (привычка связывать его с английским языком появится позднее), он был политически наиболее нейтрален. А тогда многие еще ждали мировой революции, и предлагалось даже создать всемирный язык, на котором можно было бы в будущем говорить с рабочими всего мира; об этом, в частности, мечтал академик Н. Я. Марр. Первым этапом на пути к созиданию такого языка казалось внедрение единого мирового алфавита, которым, разумеется, мог быть только латинский. Н. Ф. Яковлев, принявший революцию, несмотря на дворянское происхождение, ставил вопрос о латинизации, исходя из этого. Был и дополнительный аргумент, который часто использовали: в те же годы в Турции, для которой годы правления Кемала Ататюрка (1923–1938) характеризовались интенсивной европеизацией культуры, перешли от арабского алфавита к латинскому.

В результате в 20-е гг. и в первой половине 30-х гг. велась очень активная работа по созданию новых алфавитов, исключительно на латинской основе. Большая их часть конструировалась Технографической комиссией ВЦКНА (лишь для языков народов Севера существовал отдельный центр в Ленинграде). Всего, как будет перечислять Н. Ф. Яковлев в самом конце этой деятельности, был создан 71 такой алфавит⁴. А председатель ВЦКНА в том же году писал, что алфавиты, созданные после революции, используют 68 народов численностью более 25 млн человек⁵. Итог впечатлял. Но среди этих языков не было русского, а также украинского и белорусского. Для Яковлева, и в 1930 году сохранявшего прежние

---

³ Поливанов Е. Д. Проблема латинского алфавита в турецких письменностях: по поводу нового якутского алфавита, азербайджанской азбуки jeni jol и узбекского алфавита, санкционированного 2-м Съездом Узб. раб. просвещения. М.: Нар. Ком. Нац. ин-т востоковедения в Москве, 1923. С. 4. (Серия турецких языков. Вып. 3).

⁴ Яковлев Н. Ф. О развитии и очередных проблемах латинизации алфавитов // Революция и национальности. 1936. № 2. С. 29.

⁵ Мусабеков Г. Победы нового алфавита // Литературная газета. 1936. 26 янв.

представления, казалось необходимым ликвидировать образовавшийся «клин»⁶.

К моменту публикации статьи, процитированной выше, уже несколько месяцев работала специальная подкомиссия по латинизации русского письма во главе с Яковлевым. Она была образована в ноябре 1929 года при Главнауке Наркомата просвещения (Наркомпроса). Создание комиссии произошло при активном содействии наркома А. В. Луначарского, что стало одним из последних его мероприятий: в том же месяце он (к тому времени последний остававшийся на своем месте член первого советского правительства) был снят. Подкомиссия, тем не менее, продолжала работу и в январе следующего года представила свой результат — три варианта русской латиницы, сразу же опубликованные в виде приложения к статье Яковлева.

В комиссию, помимо ее председателя, входили видные специалисты разного профиля. Это были, в частности, хорошо образованные лингвисты нового поколения, постоянные сотрудники Яковлева Л. И. Жирков, А. М. Сухотин, работавший в ВЦКНА просветитель народа коми В. И. Лыткин, известный специалист по книгопечатанию и оформлению книги М. И. Щелкунов, инженер-полиграфист, три профессора-русиста. Правда, самый видный из этих профессоров А. М. Пешковский стал единственным из членов подкомиссии, кто не подписал итоговый документ (в отличие от его коллег Н. М. Каринского и С. И. Абакумова). Комиссия учитывала не только идеологические, но и научно-практические аргументы; выясняли, например, какое пространство на бумаге экономит латинский шрифт сравнительно с кириллицей и насколько лучше он читается. Члены подкомиссии, безусловно, были высококлассными в своих областях специалистами, и проект, если его рассматривать с чисто научной точки зрения, совсем не плох. Разберем его содержание.

2. Как была устроена латиница Яковлева

Три варианта латиницы различались начертанием некоторых знаков (в основном различия обуславливались практическими причинами: разными возможностями наборных касс и др.), но основывались на одних

---

⁶ О латинизации 20–30-х гг. говорилось в телепередаче по каналу «Культура» 3 апреля 2013 года, в которой участвовал и автор данной статьи. Не могу согласиться с точкой зрения ведущего передачи, согласно которой латинизация русского языка планировалась сверху. Русская латиница была собственной инициативой ученых, занимавшихся языковым строительством, а позиция большинства представителей власти к тому времени стала иной (см. ниже). Еще в более крайнем виде идея о навязывании латиницы для русского языка властью «большевиков» проведена в передаче «Код Кирилла» («Россия-1», 24 мая 2013 г.).

и тех же научных принципах (далее примеры будут приводиться в варианте, наиболее близком по начертанию букв к алфавитам западных языков).

Можно отметить два важных принципа, положенных в основу проекта. Во-первых, в проекте последовательно учитываются только те звуковые различия, которые необходимы для смысловоразличения и осознаются носителями языка (в лингвистике такие различия именуются фонологическими). Н.Ф. Яковлев был наряду с Н. Трубецким и Р. Якобсоном основателем структурной фонологии и постоянно применял свои теоретические положения на практике (трое ученых дружили со студенческих лет и имели сходные научные взгляды, но затем Трубецкой и Якобсон эмигрировали, а принявший революцию Яковлев остался на родине). Во-вторых, проект комиссии стремился, насколько возможно, сохранять написания, привычные для людей, использующих русскую кириллицу. Так, например, необходимая для русского письма передача мягкости согласных производилась так же, как в кириллице: через различия букв для гласных; в связи с этим надо было включить в алфавит и аналог мягкого знака. Сохранялась и привычная для русского письма «окающая» орфография.

В следующей таблице даны соответствия между кириллическими буквами и знаками латиницы Яковлева.

Таблица

Русская кириллица	Латиница Яковлева
а	a
б	b
в	v
г	g
д	d
е	je — в начале слова и после гласных, e — после согласных
ё	jo — в начале слова и после гласных, ö — после согласных
ж	z
з	z
и	i
й	j
к	k

Русская кириллица	Латиница Яковлева
л	l
м	m
н	n
о	o
п	p
р	r
с	s
т	t
у	u
ф	f
х	x
ц	ç
ч	c
ш	ş
щ	sc
ъ	j
ы	y
ь	j
э	e
ю	jü — в начале слов и после гласных, ÿ — после согласных
я	ja — в начале слова и после гласных, ä — после согласных

Можно специально не обсуждать очевидные решения (*a* — *a*, *b* — *b* и др.). Рассмотрим лишь более сложные случаи. Проект последовательно исходит из положения: «один звук — одна буква». Не допускаются ни диграфы вроде *sh*, *ch* для передачи одного звука, ни буквы, соответствующие двум звукам, вроде излишнего латинского *x* (эта буква соответствует в проекте единому звуку, обозначаемому в кириллице буквой *x*); напри-

мер, английская фамилия *Хаксли* будет, по Яковлеву, писаться *Haksli*. По этой же причине кириллическим буквам *ё, ю, я* там, где они обозначают два звука (в начале слова и после гласных), соответствуют у Яковлева две буквы — *j* + гласная буква; так, слово *яма* предлагалось записывать как *jama*. Спорный случай — *ш*: Яковлев считал (хотя существует и иная точка зрения), что здесь два звука (две фонемы), поэтому этой кириллической букве соответствовали две латинские.

Диакритики в отличие от диграфов в проекте допускались. Авторы в данном его варианте учитывали наличие соответствующих литер в типографских наборах для известных иностранных языков, включая новый турецкий алфавит. Диакритические буквы предпочли и в качестве соответствий буквам *ё, ю, я* там, где они передают мягкость предшествующего согласного. То, что эти буквы в тех латинских алфавитах, где они есть (например, *ä* в немецком), могут иметь иные значения, авторам проекта казалось некоторым недостатком, поэтому в двух других вариантах латиницы Яковлева соответствующие звуки писались иначе, но и вышеприведенный вариант допускался как приемлемый и не требовавший отливать новые литеры.

Особые проблемы составляют обозначения звука *ы* и йота (*й*): они всегда представляют сложность при использовании латиницы для русского языка. Для большинства языков, пользующихся латиницей, буква *y* оказывается лишней, совпадая по значению с буквой *i*, но для некоторых языков она используется иначе, в том числе и для обозначения йота. Однако в данном проекте она используется только как соответствие *ы*. А йоту соответствует буква *j*. И в то же время эта же самая латинская буква соответствует и другой русской букве — мягкому знаку в случае, когда он обозначает мягкость предшествующего согласного. Но два предложенных значения этой буквы никогда не смешиваются: в кириллице буква *й* бывает только после гласных и (редко) в начале слова, а *ь* после согласных. Здесь проявился общий подход Н. Ф. Яковлева и его сотрудников, всегда стремившихся к минимизации количества букв. Чуть раньше Яковлев опубликовал известную статью «Математическая формула построения алфавита»⁷, в которой новаторская фонологическая теория служила обоснованием арифметической формулы, позволявшей сократить количество букв.

Что касается других «лишних» латинских букв, то буква *s* соответствует кириллическому *ч*, а три буквы *h, q, w* в проекте вообще не используются.

---

⁷ Яковлев Н. Ф. Математическая формула построения алфавита: (Опыт практического приложения лингвистической теории) // Культура и письменность Востока: Сб. Всесоюзного Центрального Комитета Нового Тюркского Алфавита. Кн. 1. М.: Всесоюзный Центральный Комитет Нового Тюркского Алфавита, 1928. С. 41–64.

Некоторым отступлением от общих принципов выглядит у авторов проекта передача звука *e*. Как известно, в русской кириллице буква *e* после согласной буквы в большинстве случаев одновременно указывает и на мягкость предшествующего согласного подобно буквам *ё, ю, я*; для передачи того же звука после твердых согласных употребляется особая буква *э*. Однако в заимствованных словах (*дельта, теннис* и пр.) нередко *e* пишут и там, где предшествующий согласный произносят твердо. К тому же буква *e* в русской кириллице встречается много чаще, чем *э*. Поэтому авторы проекта сочли возможным не вводить особую латинскую букву *ě* (которая к тому же ассоциировалась бы с иной по значению кириллической буквой *ё*) и писать *e* во всех случаях. Это решение уменьшало число букв и больше соответствовало русским привычкам ценой некоторого увеличения омонимии: *мер* (от *мера*) и *мэр* одинаково предлагалось писать как *mer*. Другой пример роста омонимии, более расходящийся с орфографическими привычками, составляло упразднение не связанного с произношением мягкого знака после шипящих на конце слова: *рож* и *рожь* предлагалось писать одинаково (*roz*). Наконец, согласно проекту твердый знак объединялся с мягким в соответствующей функции и не допускался какой-либо аналог замены *ě* на *e*: слово *лёд* писалось как *löd*, но не как *led*, а *поёт* как *pojot*, а не как *pojet* или *poet*.

В качестве примера того, как применяется латиница Яковлева, запишем ею два предложения: *Программа развития малых языков СССР обычно не встречала прямого противодействия. Однако для её реализации имелось два препятствия.* «По Яковлеву» они будут выглядеть так: *Programma razvitija malyh jazykov SSSR obycno ne vstrecala protivodejstvija. Odnako dlä jejo realizacii imelosj dva prepätstvija.*

Какие-то решения здесь спорны, но в целом проект научно проработан и разумен. Любопытно было бы сопоставить его с другими вариантами латинизации русского языка, однако для времени, близкого к появлению данного проекта, мне неизвестны какие-либо другие развернутые системы. Разве что до нас дошла всего одна фраза, записанная в книге виднейшего советского китаиста тех лет академика В. М. Алексеева, посвященной предполагавшейся тогда, но тоже не осуществившейся латинизации китайского языка⁸. Алексеев предполагал, что в будущем вслед за китайским языком по этому же пути пойдет и русский, и сочинил такую запись известного предложения из басни И. А. Крылова (воспроизведя его не совсем точно): *Lisicy gdeta box paslal kusochy syra*⁹.

Очевидно, что В. М. Алексеев исходил из иных соображений, чем комиссия Яковлева. Он полностью отвлекся от кириллической

---

⁸ Алексеев В. М. Китайская иероглифическая письменность и ее латинизация. Л.: Изд-во АН СССР, 1932.

⁹ Там же. С. 159.

орфографии и не думал о фонологии, пытаясь не всегда точно произвести фонетическую запись (некто вроде сильно упрощенной фонетической транскрипции). Отмечу и иные отличия от проекта Яковлева: принятие им диграфов (*ch* для передачи *ч*, как в английском языке) и использование в некоторых случаях кириллических букв (*bi*)¹⁰.

3. Гибель проекта

Латиница Яковлева, безусловно, была научно продуманной в отличие от любительских идей В.М. Алексеева (который, впрочем, не высказывал их всерьез и не предлагал к внедрению). Она лучше и тех способов записи русских слов латинскими буквами, которые сейчас используются, например, в Интернете, обычно более ориентированных на звукопредставления носителей английского, а не русского языка. Но политически проект в обстановке 1930 года был не ко времени.

Впрочем, у него были сторонники, прежде всего все тот же А.В. Луначарский. Уже перестав быть наркомом, он выступил со статьей в двух газетных номерах, где восторженно отозвался о проекте¹¹. Луначарский при этом рассказал о своих разговорах с В.И. Лениным в первые годы после революции. По его словам, Владимир Ильич говорил о необходимости перевода русского языка на латинский алфавит, но не сейчас, а «в более спокойное время, когда мы окрепнем».

Не знаем, что на самом деле говорил Ленин (нигде более это высказывание не зафиксировано), однако все было скорее обратно тому, о чем говорил А.В. Луначарский. Если бы латинизацию русского письма провели сразу после революции, эта мера могла бы иметь шансы на успех: осуществилась же в те же годы латинизация в Турции. В период всеобщей коренной ломки, отказа от всех прежних ценностей, вероятно, мог бы осуществиться отказ и от кириллицы. Но тогда разработанных проектов русской латиницы не было, и ограничились реформой русской орфографии, проект которой был составлен еще в 1904 году, но так и не осуществлен в царское время.

Теперь же время было другое сразу в двух отношениях. Во-первых, новый общественный строй к 1930 году уже сложился, а в такой обстановке ломать традиционные представления и привычки бывает трудно. Вопрос смены системы письма, кроме политических и культурных аспектов, имеет и психологические: людям никогда не хочется без крайней необходимости или очень сильной мотивации снова фактически садиться за парту. Как отмечали сотрудники ВЦКНА, «когда меняется

---

¹⁰ В.М. Алексеев считал, что кириллица, не имея по внеязыковым причинам шансов для китайского языка, чисто лингвистически для него лучше латиницы, поскольку имеет буквы *ш* и *ы* (Там же. С. 68).

¹¹ Красная газета. Л., 1930. 6 янв.; 7 янв.

алфавит, огромное количество населения на определенное время становится неграмотным»¹². И перейти на новую письменность тем труднее, чем больше на языке имеется литературы и чем более развита письменная традиция на соответствующем языке. Легче было перевести с одного письма на другое языки малых народов СССР с невысоким тогда процентом грамотных, а с русским языком все было сложнее. Недаром не удалась уже в 60-е гг. реформа русской орфографии, с чисто научной точки зрения также вполне обоснованная. Там, кстати, имелись некоторые общи с латиницей Яковлева решения (например, предлагалось не писать мягкий знак после шипящих). Но носителям русского языка в спокойное время очень уж не хотелось изменять привычки. А в наши дни вовсе не радикальные предложения академического Института русского языка по уточнению русской орфографии (например, писать *парашут*) были восприняты массовым сознанием как «покушение на русский язык».

Но, во-вторых, в 1930 году еще существеннее была политическая составляющая. Идеалистические априорные рассуждения о том, что в СССР «гражданином мира можно стать и без посредства русского языка»¹³, свойственные 20-м гг. и иногда звучавшие даже в начале 30-х гг., не соответствовали реальным процессам в государстве. Курс на построение социализма в одной стране, провозглашенный в 1925 году, отказ от идеи скорой мировой революции, разгром троцкизма вели к укреплению государства, в котором преобладающим языком был русский. Это в области языковой политики способствовало повышению роли русского языка и его атрибутов, главнейшим из которых была кириллица. Н. Ф. Яковлев и его сотрудники (как и А. В. Луначарский) не были троцкистами, но жили еще старыми представлениями. Иначе на это смотрел И. В. Сталин, который когда-то (в 1917–1922 гг.), возглавляя Наркомат по делам национальностей, проводил прежнюю национально-языковую политику в стране. Теперь же на первый план в языковой политике постепенно выходило всеобщее распространение русского языка. Мог влиять и еще один фактор: смена письменности для столь крупного языка была бы очень затратным мероприятием (замена надписей, вывесок, документов и пр.), а деньги были нужны на индустриализацию.

Новое руководство Наркомпроса передало вопрос на рассмотрение Политбюро. На его заседании 1 марта 1930 года под председательством И. В. Сталина было принято постановление, о котором долго ничего не было известно, оно лишь недавно опубликовано в 17-м, дополнительном томе собрания сочинений Сталина¹⁴. Постановление прекращало любую

---

¹² Революция и национальности. 1937. № 3. С. 66.

¹³ Алексеев В. М. Указ. соч. С. 54.

¹⁴ Сталин И. В. Соч. Т. 17. М.: Научно-консультативный совет ЦК, 1997. С. 510–511.

дальнейшую деятельность по реализации проекта и по латинизации русского языка вообще.

После этого уже нельзя было и обсуждать проект подкомиссии Яковлева, о котором потом много лет умалчивали. В РГБ (б. Библиотека им. Ленина) из всех выпусков издания «Культура и письменность Востока» штампы, свидетельствующие о передаче книги в спецхран, имеет только № 6, где печатался этот проект (к 1983 году, правда, номер уже не был в спецхране). Никаких репрессивных мер по отношению к разработчикам проекта, впрочем, не последовало; те из них, кто работал в ВЦКНА, продолжали там свою деятельность.

Однако идея реформы русского письма не была еще оставлена, хотя ее сторонники, потерпев неудачу с радикальной латинизацией, согласились в качестве первого этапа на «частичные изменения графической формы алфавита», которые Яковлев раньше отвергал. Только на этот раз в роли разработчика выступал не сам Наркомпрос (новый нарком А. С. Бубнов выполнял решение Политбюро), а образованный при нем Научно-исследовательский институт языкознания (НИЯЗ). Туда из ВЦКНА перешел ученик и сотрудник Яковлева А. М. Сухотин, вместе с ним в разработке нового проекта участвовали молодые сотрудники института, впоследствии известные лингвисты П. С. Кузнецов, В. Н. Сидоров, Р. И. Аванесов, а также А. А. Реформатский (сам Яковлев участия в новой разработке не принимал). П. С. Кузнецов впоследствии писал в воспоминаниях: «В 1931–1932 гг. Институтом совместно с рядом других организаций была осуществлена подготовка проекта реформы русской орфографии <...> В ней последовательно был проведен фонематический принцип, опирающийся на фонологические отношения <...> В целях устранения букв, обозначающих сочетание двух фонем, был введён *j*»¹⁵. Под буквами, обозначающими сочетание двух фонем, имеются в виду *я*, *ю*, *ё* в словах вроде *яма*. Это слово предлагалось писать не *јама*, как в предыдущем проекте, а *јама*. Как позже вспоминал А. А. Реформатский, среди московских лингвистов «даже существовал анекдот, где говорилось: «Какой идиот придумал йот? Это — кретин Сухотин!»»¹⁶. Но П. С. Кузнецов раскрывает главную цель подобных нововведений, о которых в те годы уже прямо не писали: «Проект предполагался лишь как временная мера, но имеющая в виду дальний прицел — переход в дальнейшем на письмо на латинской основе»¹⁷.

---

¹⁵ Кузнецов П. С. Автобиография // Московский лингвистический журнал. 2003. Т 7. № 1. С. 208.

¹⁶ Реформатский А. А. Воспоминания о Володе Сидорове // Отцы и дети Московской лингвистической школы: памяти Владимира Николаевича Сидорова: сб. статей. М.: Ин-т рус. языка РАН, 2004. С. 22–23.

¹⁷ Кузнецов П. С. Указ. соч. С. 208.

Летом 1932 года появилась статья о проекте в «Вечерней Москве». В его окончательном виде предлагалось, в частности, заменить букву и на взятую из латинского алфавита (или из кириллического украинского?) букву *i* и вообще упразднить букву *э* (никакого специального эквивалента для нее не предполагалось и в латинице Яковлева). П. С. Кузнецов пишет: «Проект был слишком радикален и в конце концов не прошел»¹⁸. Автор воспоминаний не мог знать, что не прошел он также по решению Политбюро от 1 июля 1932 года, принимавшемуся под председательством Сталина по докладу начальника Главнауки И. К. Луппола¹⁹. Теперь всякая работа, которая могла рассматриваться как направленная в сторону латинизации русской письменности, становилась окончательно невозможной.

И в 1930, и в 1932 году создание новых алфавитов на латинской основе еще продолжалось, а цели и задачи советской языковой политики, казалось, оставались прежними. Но наложенный И. В. Сталиным запрет на латинизацию русского языка обозначил предел всей языковой политики 20-х гг. — начала 30-х гг., направленной на разрыв с дореволюционными традициями и развитие максимально большого числа языков. Ни русский, ни украинский, ни белорусский язык не перешли на латинскую письменность, а через несколько лет начнется всеобщий переход с латиницы на кириллицу и многих других языков. Сначала — в Кабарде в 1935 году, затем пришла очередь языков народов Севера, а с 1937 года провозгласили перевод на кириллицу каждого языка, получившего ранее латинский алфавит. В основном процесс завершился перед самой войной. Латинский алфавит в СССР использовался после этого лишь для литовского, латышского, эстонского и финского языков, однако он для них употреблялся уже давно. «Алфавиты революции», конструировавшиеся Н. Ф. Яковлевым и его сотрудниками, вышли из употребления, а идея стать «гражданином мира», не зная русский язык, к которой благосклонно относился академик В. М. Алексеев, уже не высказывалась. Сейчас в образовавшихся после распада СССР независимых государствах возврат к латинскому письму осуществлен (Азербайджан, Узбекистан, Туркмения, Молдавия) или планируется (Казахстан, Киргизия), но без учета материала языкового строительства в 1920–1930-е гг. (для тюркских языков ориентируются, прежде всего, на турецкую орфографию).

Нелегко сложилась и судьба главного автора «алфавитов революции» Н. Ф. Яковлева (кстати, деда ныне широко известной писательницы Л. С. Петрушевской). Он (в отличие от Е. Д. Поливанова) избежал репрессий и прожил долгую жизнь, но уже с конца 30-х гг. его место в советской науке становилось периферийным, а после выступления И. В. Сталина

---

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Сталин И. С.* Указ. соч. С. 515–516.

против Н. Я. Марра он в 1951 году был уволен со всех мест работы. Его объявили «не разоружившимся марристом», хотя, идя на компромисс с марризмом по некоторым вопросам, он в алфавитной деятельности был независим от Марра и выступал против некомпетентных вмешательств академика в языковое строительство. В итоге Н. Ф. Яковлев психически заболел. Его научные идеи жили, конкретный материал использовался, в печати его работы оценивались высоко, но многие ссылавшиеся на него языковеды не знали, жив ли Яковлев или нет²⁰.

4. Заключение

После неудачи двух вышеописанных проектов более полувека вопрос о латинизации русского языка никем не поднимался и вряд ли кому-либо приходил в голову. При новой смене общественного строя в стране и развале СССР, когда вновь стали считать, что «гражданином мира можно стать и без посредства русского языка», латинизация превратилась в актуальную проблему для многих языков распавшейся страны. Однако в отличие от Узбекистана или Молдавии в России «процесс не пошел», а русский язык не перешел от кириллицы к латинице, официальные решения на этот счет не принимались, и даже существенной реформы орфографии не случилось.

Однако призывы перейти на латиницу (как и призывы отменить «большевистскую» орфографию) время от времени раздаются. Отмечу здесь позицию члена-корреспондента РАН этнографа С. А. Арутюнова. В начале 90-х гг. он писал: «Думается, что постановка вопроса об общем возвращении неславянских языков России к латинице была бы сегодня уместна и желательна»²¹, но к 2001 году он уже приравнял славянские языки ко всем остальным: «Всеобщий переход на латиницу — непременное цивилизационное требование общемировых процессов глобализации. И если Россия хочет идти в ногу с прогрессивным миром, хочет быть частью Европы, Россия должна полностью перейти на латинский алфавит, и рано или поздно она к этому придёт»; если же какой-то народ России осуществит латинизацию раньше русских, то «будет опережать русский народ в своём цивилизационном развитии»²². Аргументация С. А. Арутюнова похожа на аргументацию Н. Ф. Яковлева, только вместо классов и революции — цивилизация и глобализация.

---

²⁰ О судьбе Н. Ф. Яковлева см.: *Алпатов В. М. Дважды умерший* // Алпатов В. М. Языковеды. Востоковеды. Историки. М.: Языки славянской культуры, 2012.

²¹ *Арутюнов С. А. Малочисленные народы России: оптимизация межнациональных отношений* // *Этнополис*. 1992. № 1. С. 112.

²² *Арутюнов С. А. Всеобщий переход на латиницу неизбежен* // *Независимая газета*. 2001. № 143 (2453), 7 авг.

Такие идеи имеют хождение, о желательности смены системы письма говорят не только специалисты. Автор этой статьи в начале 2000-х гг. после своего выступления на конференции на данную тему был атакован молодой журналисткой, которая заявила: «У нас же все будут рады латинизации!». Потом она поняла, что сказала слишком категорично, и слегка поправилась: «Ну, старшее поколение, может быть, и не всё, а молодежь, конечно, вся!». В ответ на мои слова о том, что если на латиницу не перешли в 1991 году, то тем более не смогут перейти сейчас, она ответила: «А если бы тогда перешли, мы бы, может быть, сейчас жили совсем иначе!». Вся такая проблематика, как можно видеть, легко мифологизируется.

С. А. Арутюнов считает, что переходу русского письма на латиницу мешает лишь «идея русской великодержавности», которую именует «вредной идеей, реакционной»²³. Но с такой оценкой великодержавности не согласятся очень многие, а против латинизации, кроме того, действуют и многовековые привычки и традиции десятков миллионов грамотных носителей русского языка. По сравнению с временами Н. Ф. Яковлева современная политическая ситуация стала совсем иной, однако психологические факторы, и тогда не способствовавшие латинизации, не только полностью сохранились, но усилились в связи со значительно выросшим уровнем образования.

Упомянувшийся выше лингвист В. Н. Сидоров говорил о реформе орфографии: «Я в этом отношении более двойственный. Я — внутренне — я не хочу, чтобы мне ничего этого не ломали. Но я просто знаю, что я как лингвист не имею права занимать такую позицию»²⁴. Ученый стремится рационализировать орфографию, но ему же как «нормальному» носителю языка хочется, «чтобы ничего не ломали».

Даже при нынешней власти латинизация вряд ли реальна. Однако это не означает, что латиница Яковлева может иметь лишь исторический интерес. Упомянутые в начале статьи вспомогательные функции латинского алфавита достаточно существенны, а определить здесь строгие правила необходимо. Сейчас нет, например, даже общепринятой передачи средствами латинского алфавита мягкого знака (нередко его вообще опускают). Так что вспомнить наиболее научно разработанный из всех существующих способ записи русского языка латинским алфавитом²⁵, может быть, стоит.

---

²³ Там же.

²⁴ Отцы и дети Московской лингвистической школы. С. 127.

²⁵ Подробнее о латинице Яковлева см.: *Алпатов В. М. О латинизации русского языка // Микроязыки. Языки. Интеръязыки: сб. в честь ординарного профессора Александра Дмитриевича Дуличенко / ред. А. Кюннап [и др.]; Тартуск. ун-т, кафедра славянской филологии. Tartu: Tartu Ülikool, 2006. С. 271–279.*

Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова

ОРФОГРАФИЯ ДЕСКРИПТИВНАЯ И ОРТОЛОГИЧЕСКАЯ

В современном языкознании под термином *орфография* понимают две разные науки: дескриптивную¹ (описательную, объективную) и прескриптивную (ортологическую, предписывающую).

Орфография как дескриптивная наука — наука, которая исследует законы функционирования и развития письменной речи. Ее естественно-научным объектом является реальное письмо² (узус). Методы дескриптивной орфографии не отличаются от методов других дескриптивных наук о языке: определение единиц системы письма и их отношений, выявление внутренних конфликтов, их взаимодействия

Печатается с разрешения Е. В. Бешенковой, О. Е. Ивановой по первому изданию: Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Орфография дескриптивная и ортологическая // Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Теория и практика нормирования русского письма. [Гл.] 1.1. М.: ЛЕКСПУС, 2016. С. 10–43.

¹ Термины *дескриптивная* и *прескриптивная наука, модель описания* употреблены в соответствии с их общенаучным значением: «Дескриптивная модель — модель, предназначенная для объяснения наблюдаемых фактов или прогнозирования поведения объектов (в отличие от нормативных моделей, предназначенных для нахождения желательного, например, оптимального состояния объекта)» и «Нормативная (или прескриптивная) модель — модель, предназначенная для нахождения желательного состояния объекта» (Лопатников В. И. Экономико-математический словарь: Словарь современной математической науки. М., 2003). Термин *ортология* в лингвистике был предложен в статье: Ахманова О. С., Бельчиков Ю. А., Веселитский В. В. К вопросу о правильности речи // Вопросы языкознания. 1960. № 2.

² Под письмом часто понимается и просто совокупность написанных текстов (узус), и сам способ коммуникации с помощью графических знаков, и система письма, т. е. «знаковая система фиксации речи, позволяющая с помощью начертательных (графических) элементов передавать речевую информацию на расстоянии и закреплять ее во времени» (Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 375). Ср. определение речи: «Речь — конкретное говорение, протекающее во времени и облеченное в звуковую <...> или письменную форму» (Там же. С. 414).

и разрешения, построение той или иной модели устройства и функционирования письма, анализ внешних воздействий как других языков, так и социальных изменений и т. д.

В дескриптивной орфографии есть свои единицы описания (например, финаль, орфографически значимый слогораздел); трактовка многих морфологических единиц (корней, суффиксов, приставок) оказывается более историчной, чем в синхронной морфологии³. Дескриптивная орфография описывает письмо и с исторической точки зрения, и с синхронной. В синхронной орфографии есть специфический способ описания — правила. Орфографические правила являются как одним из способов описания законов и закономерностей современного письма, так и дидактическим руководством, т. е. средством ортологической науки. К правилу как общенаучному способу описания применяются те же критерии, что и к любому другому способу объективного описания языка: непротиворечивость, адекватность, полнота. Ортология добавляет к этим критериям еще и требования отсутствия избыточности критериев, полноты списка исключений, понятности рядовому пишущему и др. (см. подробнее «Правила орфографии как лингвистический инструмент», с. 133–143⁴).

В дескриптивной орфографии существуют два основных подхода к описанию объекта: фонематический и морфологический⁵. Эти подходы реализуются в разных справочниках по орфографии: при фонематическом подходе раздел выбора букв построен по принципу от произношения к написанию⁶, при морфологическом подходе (все справочники под ред. Д. Э. Розенталя и многие другие) — построение воспроизводит репертуар типов морфем: правописание корней, правописание приставок, правописание окончаний.

Дескриптивная орфография строит модель письменной речи, «которая позволяет рассматривать данную сферу языка как полноценный (объективный, естественный, многосторонний, самонастраивающийся

---

³ См. подробнее: *Бешенкова Е. В., Иванова О. Е.* Русское письмо в правилах с комментариями. М.: Азбуковник, 2011.

⁴ Здесь и далее в тексте указываются страницы издания: *Бешенкова Е. В., Иванова О. Е.* Теория и практика нормирования русского письма. — *Примеч. сост.*

⁵ О некоторых достоинствах и недостатках этих подходов см. подробнее: *Бешенкова Е. В.* Об издержках морфологического подхода к описанию орфографии // Тезисы докладов IV Междунар. конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность», Москва, МГУ, 20–23 марта 2010. М.: Изд-во МГУ, 2010.

⁶ *Правила русской орфографии и пунктуации.* М.: Учпедгиз, 1956; *Полный справочник по орфографии и пунктуации* / под ред. О. Л. Соболевой. М., 1999; *Русский язык: Экспериментальные учебные материалы для средней школы* / под ред. И. С. Ильинской, М. В. Панова. М., 1979.

и саморазвивающийся) объект лингвистической теории в ее фундаментальном статусе»⁷.

Орфография как ортологическая наука — наука, которая «изучает функционирование и историческую изменчивость орфографической **нормы** в её соотношении с системой языка и узусом»⁸ или «раздел языкознания, изучающий и **разрабатывающий** систему правил, обеспечивающих единообразие написаний»⁹ [выделено мной. — Е.Б.]. Эти два определения соответствуют теоретической и практической составляющим ортологической орфографии.

В теоретической ортологической орфографии естественно-научным объектом является не все письмо, письменный узус, а только его устоявшаяся часть (норма, обычай). Основные понятия орфографии-ортологии: норма, узус¹⁰ (стихийное письмо) и система письма (в соотношении с которой рассматривается норма), динамика нормы. Методы орфографии как ортологической науки также не отличаются от методов других ортологических наук: выявляются критерии нормы, ее соотношение с системой и узусом, механизм динамики нормы, методы прогнозирования нормы¹¹.

---

⁷ Голев Н.Д. Русская орфография как «вещь в себе» // Коммуникация. Текст. Вып. 2. Ч. 1 / под ред. А.А. Чувакина. Барнаул, 1998. С. 83.

⁸ Ефремова Т.Ф. Толковый словарь русского языка. М., 2000.

⁹ Лингвистический энциклопедический словарь. С. 350.

¹⁰ В 1993 г. Н.Д. Голев писал: «В традиционной теоретической модели орфографии фактически отсутствует узус, она ориентирована на прямое воздействие на систему; линия детерминации от функционирования к системе в ней, по сути, не замечается, реальные обыденные тексты не исследуются» (Голев Н.Д. Орфография и лингвистическая культура. Барнаул, 1993). Это справедливо по отношению к большинству работ, но никак не ко всей теоретической орфографии. Ср. хотя бы приведенные в эпиграфе к книге формулировки задач теоретической орфографии Р.И. Аванесова («...любая попытка кодификации орфографии должна иметь свой стратегический план, на почве которого только и могут решаться частные тактические задачи. Стратегический план предполагает предварительную глубокую проработку теории русской орфографии на исчерпывающем лексическом материале, учет направлений развития устной речи и стихийных изменений, колебаний, наблюдающихся в орфографической практике на протяжении, скажем, последнего столетия. При этом надо смотреть вперед на десятилетия, а то и на 100 лет» (Аванесов Р.И. Заметки по теории русской орфографии // Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978. С. 223, цит. по: Бешенкова Е.В., Иванова О.Е. Теория и практика нормирования русского письма. С. 5). — Примеч. сост.). А взгляд на норму как на устоявшуюся часть узуса безусловно предполагает изучение практики письма.

¹¹ См., например, обзор разных точек зрения на понятия и методы ортологии в работах: Жукова А.Г. Ортология в теоретическом и прикладном аспекте: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2002; Хакимова Е.М. Ортологическая система современного русского языка: онтологические основания лингводеонтического:

В практической ортологической орфографии на основе анализа системных возможностей, степени устойчивости системы, характера внешних вызовов вырабатывается политика кодификаторов, выбираются конкретные словарные нормы, разрабатываются правила правописания и способы лексикографической фиксации нормы.

Орфография дескриптивная и орфография ортологическая, безусловно, связаны между собой, и их строгое разделение — лишь условность научного описания. Также связаны между собой фонетика и орфоэпия, описательные и ортологические аспекты морфологии, синтаксиса. Однако орфография действительно отличается от остальных наук о языке наибольшим удельным весом своей практической ортологической составляющей. В современной синхронной орфографии, к сожалению, абсолютное большинство работ последних десятилетий посвящено определению и фиксации нормы, а вопросы «детерминированности нормы», «соотношения детерминант», выявление точек роста, прогнозирования нормы и т. д. не находятся в фокусе внимания орфографистов. Н. Д. Голев объясняет эту «вопиющую несправедливость» наличием общей установки, согласно которой «заинтересовавшие нас вопросы имеют само собой разумеющиеся ответы, и их постановка неправомерна, неуместна, некорректна; орфография — прикладная наука, и общезыковые категории и подходы к ней неприложимы»¹². Это, конечно, неверная установка: любая прикладная наука зиждется на тех или иных решениях теоретических вопросов, которые авторы прикладных работ не эксплицируют. В любой практической работе по орфографии проявляются теоретические позиции авторов, и часто непоследовательность принятых решений связана именно с нечеткостью теоретических установок.

Экскурс. В формировании общераспространенного взгляда на орфографию как на чисто договорной феномен большую роль сыграли идеи Пражского лингвистического кружка. В тезисах, подготовленных к съезду славистов в 1929 г., говорится об орфографии как о «продукте чистой условности и практики»¹³. Развитие этих идей и привело лингвистов к убеждению, что в письме «норма и кодификация тождественны», что «при наличии орфографических правил они и представляют собой норму правописания»¹⁴. Часто орфография воспринимается настолько условной, договорной и оторванной от языка, что, как пишет Н. Д. Голев, «само собой разумеющейся начинает выглядеть оппозиция (!) «язык — орфография, языковая норма — орфографическая норма»¹⁵.

дис. ... д-ра филол. наук. Нижний Новгород, 2015. <https://diss.unn.ru/files/2015/466/diss-Khaksimova-466.pdf> (дата обращения: 01.02.2019).

¹² Голев Н. Д. Антиномии русской орфографии. Барнаул, 1997. С. 5.

¹³ Тезисы Пражского лингвистического кружка // Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С. 49.

¹⁴ Ицкович В. А. Норма и ее кодификация // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970. С. 34.

¹⁵ Голев Н. Д. Антиномии русской орфографии. 2-е изд. М., 2004. С. 11.

Естественно, в орфографии всегда существовал и другой подход, рассматривающий письмо как объективную данность, вне зависимости от действия нормализаторов, составляющих правила. Такой подход является единственно возможным при описании орфографии исторических памятников¹⁶. И синхронная орфография тоже часто описывается именно с таких позиций. Еще в 1959 г. Г.О. Винокур так писал о необходимости именно объективного описания орфографии: «Этимологическое значение самого слова орфография, к сожалению, таково, что мешает мыслить орфографию в отвлечении от принципа упорядочения языкового употребления <...> И тем не менее можно и должно изучать орфографические факты в их объективной данности, независимо от того, какими правилами употребления они продиктованы и в какой степени они вообще отвечают тем или иным правилам»¹⁷. В современной лингвистике существует достаточно большое число теоретических работ по орфографии, в которых обосновывается необходимость полного детерминологического описания орфографии как языкового феномена. Такой подход реализован, например, в работах Б.И. Осипова, Н.Д. Голева, Т.А. Амировой. С этих позиций Б.С. Шварцкопф описывал пунктуационные нормы. Признавая «договорную» «рукотворную» отправную точку возникновения системы пунктуации, он говорит о дальнейшем этапе «спонтанного развития тенденций и норм употребления, отклоняющихся от “установленных” правил, нуждающихся, в свою очередь в <...> кодификации, в процессе которой лингвист выступает уже не как нормализатор (“установитель” в XVIII в.), а именно как кодификатор»¹⁸. Актуальность теоретических вопросов письма как способа функционирования языка возрастает в пору активных социальных изменений. В эти периоды испытывается на прочность сама система письма, ее адаптационные возможности. А выбранная стратегия нормирования проверяется на фундаментальность основополагающих принципов и их адекватность в новых условиях.

Рассмотрим подробнее основные положения дескриптивной и ортологической орфографии и следствия из них, которые и определяют выбор стратегии кодификаторов сегодня.

---

¹⁶ См., напр.: *Зализняк А. А.* Наблюдения над берестяными грамотами // Вопросы русского языкознания. Вып. 5. М., 1984; *Осипов Б. И.* История русской орфографии и пунктуации. Новосибирск, 1992; *Успенский Б. А.* История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М., 2002.

¹⁷ *Винокур Г. О.* Орфография как проблема истории языка // Винокур Г. О. Избр. труды по языкознанию и культуре речи. М., 2010. С. 111.

¹⁸ *Шварцкопф Б. С.* Норма в письменном кодифицированном языке // Культура русской речи и эффективность общения / отв. ред. Л. К. Граудина, Е. Н. Ширяев. М., 1996. С. 202.

Дескриптивная орфография

В теории орфографии споры вызывают самые базисные ее положения: вопрос о самостоятельности письма, о самом наличии естественно-научного объекта науки. Часто, ссылаясь на историческую «вторичность» письма, на его рукотворный характер, орфографию лишают ее естественнонаучного объекта и общезыковых методов описания. Однако, как писал Й. Вахек про алфавитное письмо, «на первых порах письменная норма представляет лишь транспозицию устной нормы» и «отражает не системы реалий, а первичную знаковую систему», далее «из вторичной знаковой системы она превращается в первичную, так что основные элементы письменной нормы представляют собой не знаки знаков, а знаки вещей»¹⁹. Мы будем исходить из относительной автономии русского письма (согласуясь, например, с высказыванием Р.И. Аванесова: «Генетически письмо и, следовательно, письменный знак появляются на определенном этапе развития общества на базе устной речи, т. е. являются производным от него. С точки зрения синхронной устный язык и письменный язык — это две формы реализации языка, идеальная модель которого заложена в сознании пишущих и читающих. Письменный язык в современном обществе обладает определенными признаками автономии, независимости от устной речи»²⁰). Именно это позволяет приравнивать его к естественным лингвистическим объектам и применять общезыковые подходы. (Как если бы биологи запустили в биосферу новый вид животных, который далее сам бы развивался, мутировал, выживал или погибал, а спустя тысячелетия посчитали бы, что этот вид развивался по каким-то особым законам, предписанным человеком.)

Из всех существующих на сегодняшний день моделей письма наиболее адекватной нам представляется модель русского письма как саморазвивающейся системы^{21,22}. Приведем те положения этой модели орфографии, которые представляются нам важными при выборе стратегии кодификации.

---

¹⁹ Вахек Й. К проблеме письменного языка // Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С. 533.

²⁰ Аванесов Р.И. Указ. соч. С. 220.

²¹ Слово *система* далее употребляется в двух смыслах: все письмо, рассматриваемое как саморазвивающаяся система, и только собственно системная, т. е. структурно-системная его часть.

²² См. об этом: Пиотровский Р.Г. О лингвистической синергетике // Научно-техническая информация. Серия 2. М., 1966. № 12; Некупелова И.М. Организация, самоорганизация и дезорганизация языковой системы: механизмы оптимизации языка и речи (синергетический аспект). М.; Ижевск, 2014; Köhler R. Synergetic Linguistics // Theoretical Linguistics. 1987. Vol. 14. No. 2–3; Wildgen W. Basic Principles of Self-Organization in Language // Synergetics Cognition. London; Paris; Tokyo; Hong Kong, 1990.

1. Письмо включает в себя как собственно системные (структурно-системные) компоненты (набор единиц с детерминированными связями), так и асистемные элементы, которые могут вступать во взаимодействие с системными элементами. Русское письмо состоит из структурно-системной и асистемной части. Структурно-системная часть письма — область, в которой действуют строго детерминированные правила (т.е. правила-предписания), асистемная часть письма — область, для которой или нет правил, или есть вероятностные правила (правила-руководства, правила-закономерности), или есть правила, но они бездействуют. В структурно-системной части тоже есть области, в которых строго детерминированные отношения ограничены. Во-первых, это области, в которых написание слова зависит от выбора одной из двух возможных трактовок орфографически значимой единицы. Во-вторых, это области, в которых системное противопоставление орфографически значимых единиц нейтрализуется.

2. Система письма распадается на относительно автономные подсистемы, в которых могут быть как устойчивые связи, так и случайные взаимодействия элементов. В систему русского письма входят:

— подсистема графики со своими единицами (алфавитными и неалфавитными),

— подсистема выбора буквы, т.е. собственно буквенная орфография²³,

---

²³ Приведем определение графико-орфографической системы современного русского языка, данное А.А.Зализняком, концепцию которого авторы настоящей работы полностью разделяют: «Графическая система включает: а) инвентарь графем; б) основные правила их употребления при передаче фонем. Под графемами понимаются абстрактные письменные знаки, из которых любые два в силу культурно-исторической традиции в данную эпоху в данном социуме признаются различными (и, соответственно, имеют разные наименования). <...> Основные правила употребления букв — это то же, что основные правила чтения. Их главная составная часть — указание основного чтения для каждой буквы алфавита и для всех диграфов и триграфов. <...> Более сложный особый случай состоит в том, что в роли основного чтения выступает не фонема, а только внесение определенного изменения в чтение соседней буквы; таково положение с русскими ь и ъ. Назовем графически правильной запись некоторого отрезка звучащей речи (например, словоформы), если, будучи прочитана по основным правилам чтения (в случае русского языка — с правильным ударением), она дает именно ту фонетическую последовательность, которая записывалась. Например, для словоформы [слпок] графически правильны записи сапог, сапок, сопог, сопок.

Орфография — это совокупность правил, предписывающих выбор одной из графически правильных записей для всех случаев, когда такая запись не единственна. В качестве исключения орфография может также предписывать для отдельных слов или словоформ запись, которая не входит в число графически правильных, как, например, сегодня. <...> Структура орфографических правил может быть весьма различной. На одном полюсе здесь находятся самые общие

- подсистема отражения статуса номинации — единицами подсистемы являются регистр букв (прописные — строчные) и кавычки,
- подсистема оформления целостности нефразовой языковой единицы — единицами являются пробел, дефис, контакт,
- подсистема оформления фразовых единиц — единицами являются пунктуационные знаки и кавычки.

3. Система письма является неустойчивой, неравновесной. Степень неравновесности ее структурно-системной части существенно отличается от степени неравновесности асистемной части. Неравновесность структурно-системной части обуславливается и ее асимметричностью (т. е. возможностью одной и той же единицы выполнять несколько функций и возможностью одной и той же функции быть выполненной разными единицами), и наличием в системе маркированных и немаркированных членов оппозиции (как в случае с противопоставлением букв э — е), и наличием в языке переходных явлений, возможности двойкой трактовки орфографически значимых сущностей, нейтрализации орфографически значимого системного противопоставления. Неравновесность системы проявляется, например, в постоянном взаимодействии области действия правил и области исключений из них: исключения могут либо подравняться под систему, либо притягивать к себе новые единицы, усиливая полюс неравновесия. Точки неравновесности в структурно-системной части предсказуемы и поддаются регулированию. В асистемной части письма степень неравновесности и точки неравновесности далеко не всегда предсказуемы и плохо поддаются регулированию со стороны нормализатора.

4. Связи компонентов системы, причины их изменений могут иметь как строго детерминированный характер, так и вероятностный²⁴. В письме это проявляется в наличии правил-тенденций, правил-закономерно-

---

принципы, например, принцип (основной для современной русской орфографии), согласно которому в позициях нейтрализации фонем выбор записи определяется тем, какая представлена морфема (а именно, морфема записывается так же, как в позиции, где нейтрализации нет). На другом полюсе находятся точечные правила, определяющие написание единичного слова (или даже словоформы). В иерархическом отношении точечные правила стоят выше принципов» (*Зализняк А. А. Древнерусская графика со смещением ъ — о и ь — е // Отцы и дети Московской лингвистической школы: Памяти Владимира Николаевича Сидорова. М., 2004. С. 171–172.*

²⁴ Как пишет М. М. Маковский, «можно полагать, что если бы все звенья языкового континуума строго подчинялись только системным закономерностям, не теряющим никаких исключений, то этого было бы достаточно для того, чтобы такая система сама разрушила себя изнутри» (*Маковский М. М. Системность и асистемность в языке: Опыт исследования антиномий в лексике и семантике. 3-е изд. М., 2014. С. 8.*

стей, охватывающих лишь «большую половину» материала (см. подробнее разделы I.4–I.6²⁵).

5. Письмо является открытой системой: как коммуникативное средство оно связано с социальной средой и реагирует на изменения социальных запросов, как специфическое графическое средство оно может взаимодействовать с другими алфавитными системами письма. Как любая открытая система письмо под воздействием внешних факторов может сохранять важнейшие системные характеристики, а может их менять, перестраиваясь, достигая другого стационарного состояния, стремясь к достижению состояния, определяющегося лишь собственной структурой. Система письма способна воспроизводить себя, восстанавливать утраченное равновесие, преодолевать сопротивление внешней среды. Об этом свойстве языка Ф. де Соссюр писал так: «язык есть механизм, продолжающий функционировать, несмотря на все повреждения, которым его подвергают»²⁶. То же самое можно сказать и о письме.

Ортологическая орфография и политика орфографистов сегодня

Как уже было сказано, ортологическая орфография включает в себя теоретическую часть (выработку критериев определения норм) и практическую часть (выработку способов фиксации норм и саму фиксацию норм).

Ортология как теоретическая наука имеет своей целью разностороннее описание не всего языка, а его «устойчивой» части, т. е. к методологии, касающейся общелингвистического описания языковых фактов, добавляются следующие аспекты: а) способы определения нормы (что именно из всего письма признать устоявшимся, общепризнанным, типичным); б) описание нормы, трактовка этого описания с точки зрения на норму как на реализацию одной из возможностей системы: ее принципы, антинормы, значимые для нее внешние факторы, условия, позволившие сформироваться данной норме, степень ее устойчивости, ее место среди других потенциальных сценариев; в) описание динамики нормы; г) прогнозирование возможных сценариев изменения нормы.

В ортологии ключевым понятием является понятие нормы, которое неразрывно связано с понятием узуса (письменной речи, стихийного письма). При всем многообразии вводимых в ортологию вообще и в ортологию письма в частности терминов²⁷ и различий в их понимании

---

²⁵ Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Теория и практика нормирования русского письма. С. 98–156. — *Примеч. сост.*

²⁶ Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М., 2003. С. 93.

²⁷ Как писал Ю. М. Скребнев, «число концепций нормы, вероятно, приближается к числу языковедов, специально занимавшихся этим вопросом» (*Скреб-*

важно, что исследователи выделяют три разные сущности²⁸: письмо как оно есть (письменный узус), устоявшаяся часть этого письма и письмо как оно представлено в словарях, правилах и грамматиках. Хотя сами сущности различались и в основополагающих работах Э. Косериу, и в работах Б. Гавранека, А. Едлички, термины, которые соотносятся с этими сущностями, настолько различаются, что при цитировании работ того или иного лингвиста приходится уточнять его понимание приводимых терминов²⁹.

Мы придерживаемся следующего понимания основных терминов.

Под письменным **узусом** мы понимаем совокупность всех написанных текстов³⁰. Конечно, для исследовательских целей необходимо различать типы имеющихся письменных текстов: учебные тексты говорят о сложностях при обучении, о совершенстве методики, тексты пишущих, освоивших грамоту, свидетельствуют о «горячих» точках системы, о новых испытаниях ее. Под письменным грамотным узусом мы понимаем совокупность текстов, прошедших корректуру (грамотными могут быть и тексты, не прошедшие корректуру, но для удобства дальнейшего использования термина мы сужаем понятие).

Под **нормой письма** понимается совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций единиц письма, отобранных и закрепленных общественной письменной практикой. Ср. общее определение языковой нормы у Н. Н. Семенюк: «совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций элементов языковой структуры, отобран-

---

нев Ю. М. Языковая и субязыковая норма // *Нормы реализации: Варьирование языковых средств*. Горький, 1984. С. 162). Обзор определений этих понятий см. в: *Крысин Л. П. Языковая норма в проекции на современную речевую практику // Русский язык сегодня*. Вып. 4: Проблемы языковой нормы. М., 2006.

²⁸ Иногда лингвисты отрицают существование стихийной нормы, это приводит к отрицанию самостоятельности письма, полному подчинению его воле кодификатора, ср., например, высказывание Л. Б. Селезневой: «Но, в отличие от нормы устной речи, в сфере письма необходимость принимать во внимание языковое сознание личности не представляется ее творцам столь же очевидной, поскольку правила орфографии и пунктуации обретают статус закона» (*Селезнева Л. Б. Современное русское письмо: категории и единицы*. М., 2004. С. 7).

²⁹ Ср., например, высказывание Т. П. Ломтева: «Норма устанавливается учреждениями или авторитетными лицами и предписывается обществу» *Ломтев Т. П. Язык и речь // Вестник МГУ. Серия 7. 1961. № 4. С. 65.* и высказывание Р. И. Аванесова: «Ее нормы [орфографии. — Е. Б.] приняты данным обществом, привычны и уже потому «правильны». Нередко они бываю́т приняты и в законодательном порядке» (*Аванесов Р. И. Указ*. соч. С. 222).

³⁰ Иногда понятие узус сильно сужают: «общепринятая современная речевая практика» (*Москвин В. П. Правильность современной русской речи: Норма и варианты: Теоретический курс для филологов*. Ростов н/Д., 2006. С. 174). Введение критерия «общепринятая» сближает это понимание узуса с нашим пониманием нормы.

ных и закреплённых общественной языковой практикой»³¹. Иногда эту сущность называют «стихийной, узуальной нормой» (О. Б. Сиротинина), «общепринятым узусом» или «воплощённой нормой» (Л. И. Скворцов), «эксплицитно не сформулированной, реальной нормой» (Б. И. Осипов), «нормой в широком понимании» (Л. П. Крысин). Одним из фундаментальных свойств этой стихийной нормы является противоречие: с одной стороны, её стабильность, а с другой стороны, её изменчивость. Это определяет и отмеченную историками особенность её изменения: в отличие от узуса она меняется скачкообразно³².

Кодифицированная норма (кодификация) — закреплённая лингвистами некоторая единица письма как нормативная. Иногда вместо термина кодифицированная норма употребляют термины «норма в узком смысле» (Л. П. Крысин), просто «норма» (напр., Т. П. Ломтев), «регламентированная норма» (И. М. Некипелова).

Соотношение кодифицированной нормы и стихийной, узуальной нормы неоднозначно. С одной стороны, кодификация может включать в себя элементы, не входящие в узуальную норму, не входящие в круг «устойчивых традиционных реализаций», не являющиеся общепринятыми в данный момент времени. Это могут быть элементы, ещё не вошедшие или так и не вошедшие в обиход, не устоявшиеся в своём значении, фонетическом или орфографическом облике. Например, в РОС³³ было включено слово *блютус*, которое так и не прижилось, так как сам гаджет быстро сменился другим. В узусе написание и произношение его не было устойчивым: встречалось написание *блютуз* и *блютус*. Естественно, что в орфографические словари входят большое количество устаревших слов, а не только слова сегодняшнего языка, т. е. языка последнего полувека, напр. *аглицкий*, *агрикультура*, *Алкоран* (устаревшее к *Коран*), *аристарх* (строгий критик, педант), *бакан* (устаревшее к *бакен*), *бемский* (устаревшее к *богемский*). В современных текстах эти слова могут быть употреблены для стилизации, но многие из них современными носителями не опознаются. Говорить о том, что современные словари отражают устоявшуюся норму прошлых веков, тоже нельзя, так как написание в XIX в. имело большое количество

---

³¹ Лингвистический энциклопедический словарь; Семенюк Н. Н. Норма // Общее языкознание. М., 1970. С. 555.

³² Живов В. М. 1) Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М.: Языки славянской культуры, 2004; 2) Восточнославянское правописание: XI–XVIII века. М.: Языки славянской культуры, 2006.

³³ РОС — Русский орфографический словарь: около 160 000 слов / под ред. В. В. Лопатина. М., 1999; 2-е изд., испр. и доп.: около 180 000 слов (также: 2005; 4-е изд., испр. и доп.: около 200 000 слов / под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой. 2012) (Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Теория и практика нормирования русского письма. С. 420). — Примеч. сост..

вариантов, словарь же предлагает один, который должен использоваться в переизданиях старых текстов. Реально издатели часто не заглядывают в современные словари и воспроизводят старые написания. Например, в РОС есть слово *чепан*, восходящее к тюрк. *çarap* «долгополый кафтан». Однако в XIX в. встречалось и написание *чапан*, которое часто сохраняется и в современных переизданиях текстов XIX в. Можно ли сказать, что написание *чепан* входит в круг «устойчивых традиционных реализаций»? Вряд ли. Но оно входит в кодифицированную норму.

С другой стороны, в кодификацию могут не входить элементы узальной нормы. Так, в орфографическую кодификацию письма практически не включаются варианты, реально существующие в норме. Кодифицированная норма является результатом работы ученых и призвана не только отражать стихийно сложившуюся норму, зависящую от коллективного мышления и стихийных процессов стандартизации, но и корректировать ее в соответствии с выбранной целью. Поскольку норма как устоявшаяся, общепринятая часть узуса существует объективно, независимо от того, закрепил ли ее кодификатор или нет, она может включать в себя элементы, не получившие отражения в кодифицированной норме, она может даже противоречить рекомендациям кодификаторов, но при этом остается нормой для всех пишущих.

Кодификация может отставать от изменений в норме, а может и опережать складывание нормы. Про орфографическую кодификацию нельзя сказать, что она всегда фиксирует уже устоявшееся в узусе, т. е. всегда несколько отстает от стихийной нормы, как, скажем, лексическая кодификация. В некоторых случаях кодификаторы пытаются предвосхитить возможное появление и закрепление колебаний для только появляющихся слов и рекомендуют один вариант, еще не установившийся в стихийной норме. Так было, например, с рекомендацией писать слово *шопинг* с одной буквой *n*, хотя в то время абсолютно преобладающим был вариант с двумя буквами *nn*, аналогично и слово *легинсы* было рекомендовано писать с одной согласной *г*, хотя первоначально удвоенная согласная преобладала в узусе. А вот для некоторых слов с первой частью *эконом* было предложено закрепить первоначально более распространенный дефисный вариант написания *эконом-панель*, *эконом-сервис*, *эконом-такси*, *эконом-уровень*, хотя они имеют однозначную трактовку и должны писаться слитно как сложносокращенные слова. Сегодня многие такие слова в узусе чаще встречаются в слитном написании и встает вопрос о перекодификации. В данный момент мы не обсуждаем целесообразность такой политики орфографистов, а просто констатируем факт.

Таким образом, орфографическая кодифицированная норма, как и всякая другая кодифицированная норма, принципиально не может во всем совпадать с современной ей стихийной, узальной нормой. Ср. высказывание Б. И. Осипова: «Кодифицированная норма и реальная норма (то,

что мы уже не раз называли выше литературным узусом) — неизбежно расходятся. Сначала потому, что носители языка еще не могут полностью следовать кодифицированной норме, а позднее, т. е. в современных ситуациях, видимо, еще и потому, что они уже не хотят этого делать»³⁴. Говоря о соотношении кодификации и грамотного узуса, В. И. Беликов развенчивает три стереотипа представлений о кодифицированной норме: 1) существует единая кодифицированная норма, фиксируемая авторитетными словарями и грамматиками (верно только для ядра языка); 2) кодифицированная норма отражает узус высокообразованных слоев населения; 3) кодифицированная норма отражает узус, современный кодификации³⁵.

В ортологии также важно понимание соотношения системы и нормы. Исходя из определения нормы как реализации возможностей системы, в норме часто не учитывают асистемные элементы. Ср., например, определение Б. Н. Головина: «Норма — исторически принятый в данном коллективе (предпочтенный) выбор одного из функциональных парадигматических и синтагматических вариантов языкового знака»³⁶. Мы будем исходить из того, что норма включает в себя и реализованную возможность системы, и асистемные элементы.

Норма рассматривается как исторически изменчивая сущность. Вопрос об изменчивости нормы, как и вопрос о норме как способе реализации системы, затрагивает понятие варианта.

Мы принимаем следующую трактовку термина орфографические варианты. **Орфографические варианты** — варианты написания одного и того же слова в его определенном фонетическом облике и с определенным значением и другими признаками, характерными для этого слова³⁷. Другими словами, любые графически правильные записи данного слова, получившие распространение в узусе, ставшие типичными, т. е. вошедшие в норму или даже зафиксированные словарями, являются орфографическими вариантами. Так, написания *дистрибьютор* и *дистрибьютер*, *джерид* и *джирит* (копьё, историческое), *ритейл* и *ретейл*, *апплике* и *аплике*, *неоправданно* и *неоправдано*, *оббить* и *обить* (обобью), *диерема* и *диэрема*, *рубайат* и *рубаят*, *изразчатый* и *израцатый*, *неизвестно* и *не известно* являются орфографическими вариантами, так как отражают одинаковое произношение и передают одинаковое лексическое, грамма-

---

³⁴ Осипов Б. И. Указ. соч. С. 4.

³⁵ Беликов В. И. Стереотипы в понимании литературной нормы // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре. М.: РГГУ, 2009.

³⁶ Головин Б. Н. Основы культуры речи. М., 1980. С. 40.

³⁷ Ср. определение Н. Н. Семенюк: «две (или более) относительно устойчивые модификации орфограммы одного и того же слова, возникающие благодаря использованию в ее составе материально различных, но совпадающих по своей функции графем» (Семенюк Н. Н. Некоторые вопросы изучения вариантности // Вопросы языкознания. 1965. № 1. С. 72).

тическое, синтаксическое, стилистическое значение слова (см. подробнее «Орфографическая вариативность и политика нормирования», с. 63–98).

Ортология как практическая наука имеет своей целью управление процессом формирования и функционирования нормы. Этот аспект науки включает в себя как предварительное изучение нормы, так и выработку стратегии нормирования (кодификации).

Для языка и письма — как для саморазвивающихся систем — до определенных пор не требуется какой-либо регулятор их функционирования. Вопрос о необходимости кодификации норм русского письма, т. е. об авторитетном, официальном и обязательном для всех закреплении норм, встал в XVIII в. с изменением социальных условий функционирования письма: расширением социальной базы, когда письмо становится полифункциональным и всеобщим, с очередным влиянием других систем письма, ростом роли печатных книг и норм типографии³⁸. Если в предыдущие эпохи роль регулятора письма осуществляли образцовые тексты, разные для разных школ переписчиков, то теперь эта роль переходит к словарям и грамматикам, справочникам. Современное письмо представляется кодификаторам как результат действия объективного, естественного и субъективного, искусственного факторов³⁹.

В общей методологии описания саморазвивающихся систем роль «искусственного» фактора, т. е. роль сознательного вмешательства человека, рассматривается как один из множества компонентов процесса функционирования системы. Кодификатор не может превратить ни саму непрерывно развивающуюся систему письма, ни ее устойчивую зону (т. е. стихийную норму) в коллективный договор, который можно менять по своей прихоти. Он не является ни простым описателем стихийно сложившейся нормы, ни диктатором⁴⁰. Он является одним из факторов, определяющих вероятность сценария дальнейших изменений. Кодификатор

---

³⁸ См. подробнее: Живов В. М. 1) Восточнославянское правописание...; 2) Очерки исторической морфологии...; Русановский В. М. Вопросы нормы на разных этапах истории литературного языка // Вопросы языкознания. 1970. № 4.

³⁹ Ср. высказывание В. В. Лопатина: «Правописание — это отнюдь не только результат нормализаторских усилий и не совокупность раз навсегда установленных общеобязательных правил. Это еще и саморазвивающаяся система, требующая регулярной и постоянной корректировки, упорядочения с учетом и развития самого языка, и существующей практики письма, в котором тоже происходят спонтанные изменения» (Лопатин В. В. Упорядочение орфографических правил: итоги и перспективы // Вопросы культуры речи. Вып. 10 / отв. ред. А. Д. Шмелев. М., 2011. С. 162).

⁴⁰ Как писал еще Я. К. Грот, письмо «нельзя свести с его исторической почвы и двинуть по новой искусственной колее» (Грот Я. К. Несколько разъяснений по поводу замечаний о книге «Русское правописание»: Записка акад. Я. К. Грота, читанная во II отд. Имп. Академии наук // Сборник Отделения русского языка и словесности Имп. Акад. наук. 1886. Т. 40. № 1. С. 7, цит. по: Григорьева Т. М. Три века русской орфографии (XVIII–XX вв.). М.: Элпис, 2004. С. 63)

актуализирует те или иные сценарии, «русла» развития системы и становится участником естественного процесса эволюции, одним из его компонентов. Реализация одного из возможных сценариев предстает и как искусственно созданная (результат сознательной деятельности авторитета) и как результат естественного развития. Однако в состояниях неустойчивости система становится особо чувствительной к внешним воздействиям, в том числе к деятельности кодификатора, поэтому благодаря деятельности кодификатора могут реализоваться даже маловероятные сценарии развития. Это повышает роль и ответственность кодификатора, хотя состояние неустойчивости языковой системы обычно возникает в периоды активных социальных изменений, а именно в эти периоды падают любые авторитеты, в том числе авторитет кодификатора. Именно в такие периоды кодификатору необходимо сознательно формировать свою стратегию, его деятельность должна основываться на четко осознанных целях, а не на аморфном следовании за стихийными процессами. При этом основополагающими вопросами выбора стратегии являются вопросы о цели управления и характере протекания процесса.

Основная цель кодификации всегда одна — обеспечить письменную коммуникацию. Эта цель может достигаться разными способами: кодификаторы определяют для себя, какой из способов, какой из сценариев развития письма им видится предпочтительным, и ищут способы воплощения этого сценария в жизнь.

Глобальных сценариев может быть три.

1. Первый сценарий — сохранение сложившейся системы письма. В таком случае на этапе формирования узальной нормы целесообразно попытаться повлиять на узус и рекомендовать системно обусловленный вариант написания (например, рекомендовать одну согласную в *шопинг*, поскольку уже есть однокоренные *шоп*, *шоп-тур*, *шопоголик*, *шопингомания*).

2. Второй сценарий — изменение самой системы (вернее реализованного варианта системы). В этом случае кодификатор должен знать, к какому варианту системы он хочет привести письмо, и выбрать именно тот узальный вариант, который этому соответствует, или идти путем реформ, если сложилась благоприятная социолингвистическая ситуация. Например, кодификаторы хотят унифицировать написания типа *предынфарктный*, *постинфарктный*, т. е. изменить действующее соотношение фонетического и морфологического принципов. Реальная ситуация в письме столь неустойчива, что введение даже минимального числа исключений (хотя бы *безинвестиционный*, *безипотечный*) активизирует не соответствующие правилу написания с начальной и корня для массы слов. Поэтому сегодня кодификаторы не вводят исключений, а ждут реформ.

3. Третий сценарий — приведение к несистемному, чисто традиционному способу письма. В этом случае кодификатор волен принимать

любые решения, но при этом должен существовать единственный нормативный словарь.

Характер протекания процесса тоже может выбираться кодификатором разный: адаптационный или скачкообразный. Выбор способа и характера управления, его эффективность зависит от тех социальных условий, в которых он осуществляется.

О разработке стратегии нормирования Р.И. Аванесов писал так: «... любая попытка кодификации орфографии должна иметь свой стратегический план, на почве которого только и могут решаться частные тактические задачи. Стратегический план предполагает предварительную глубокую проработку теории русской орфографии на исчерпывающем лексическом материале, учет направлений развития устной речи и стилистических изменений, колебаний, наблюдающихся в орфографической практике на протяжении, скажем, последнего столетия»⁴¹ (выделено мною. — Е. Б.).

Целью кодификаторов сегодня остается сохранение существующей системы и ее укрепление (хотя анализ орфографической кодификации последних десятилетий показал, что нормализаторы часто шли за узусом, закрепляя противоречащие системе варианты), а характер управления выбирается адаптационный, поскольку социолингвистическая ситуация, как показали попытки введения изменений в конце XX в., неблагоприятна для реформ.

Определив сценарий, кодификаторы решают, какие факторы они должны учитывать, выбирая ту или иную кодификацию, чтобы реализовать выбранный сценарий. Репертуар этих факторов не сильно менялся с развитием теории письма и нормотворческой практикой, хотя расхождения, безусловно, есть⁴². Все теоретики и практики ортологии учитывают как внешние по отношению к конкретной системе письма, так и внутренние факторы ее структурно-системной и асистемной части, которые влияют на функционирование письма, но с разной степенью детализации.

Мы выделили несколько ключевых факторов.

1. Функциональный: письмо как средство коммуникации должно обеспечивать письменную коммуникацию всех современников и отчасти предшественников, но может ли оно быть средством коммуникации и обособления какой-то группы пишущих или самовыражения пишущего?

2. Коммуникационный: кто приоритетный участник коммуникации: пишущий или читающий (записывающий)?

---

⁴¹ Аванесов Р.И. Указ. соч. С. 223.

⁴² Последний обзор точек зрения на нормативные критерии и их иерархию см. в: Хакимова Е.М. Указ. соч.

3. Узуальный: существуют ли узуальные предпочтения, узуальная норма?

4. Системный 1: какие есть системные возможности в данной области письма?

5. Системный 2: какова степень упорядоченности данной части саморазвивающейся системы?

6. Исторический: существует ли историческая тенденция изменения письма в данной области?

7. Межъязыковой: какова степень активности влияния других языковых и орфографических систем в данной области?

Кроме приведенных факторов-критериев кодификаторы рассматривают еще и критерий соответствия выразительным свойствам устной формы. Он широко дискутировался в ходе обсуждения предлагавшейся реформы 60-х годов. Вопрос обсуждался и глобально и в конкретных частностях, так, обсуждали целесообразность различения на письме причастий (*раненный в бою солдат*) и отглагольных прилагательных (*раненый солдат*), сочетания *никто иной* и *не кто иной*, *а*, частицы *не* и *ни*, слитное или раздельное написание *не* (*нежаркий* и *не жаркий*), приставки *пре-* и *при-*, существительные с предлогами и наречия⁴³. Нам кажется, на данном этапе (нереформенном, нереволуционном) целесообразно отнести этот вопрос к тактическим, а не стратегическим и решать его в каждом конкретном случае в зависимости от остальных факторов. Так, различение на письме приставок *пре-* и *при-* в практике письма не вызывает больших сложностей, поэтому вопрос об изменении кодификации не встает. Анализ написания *н* или *nn* в кратких отглагольных прилагательных в грамотном узусе, а также анализ словарных рекомендаций (см. подробнее с. 89–95) показал, что грамотные пишущие в абсолютном большинстве лексем не выражают на письме системное различие, поэтому этот вопрос становится актуальным для сегодняшнего кодификатора. Как и слитное или раздельное написание *не*. Изменения в выборе частицы *не* или *ни* отражаются в современном произношении, поэтому для кодификаторов письма этот вопрос остро возникнет в будущем, если тенденция смешения *не* и *ни* победит.

В истории нормотворческой деятельности и ее теоретического осмысления не раз осуществлялись попытки построить факторы нормативности в строгой иерархии, но они никогда не приводили к улучшению работы. Это стремление обречено на неуспех, так как система письма, построенная на живых дихотомиях, принципиально разновекторна.

---

⁴³ См.: Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.). М., 1965; Бреусова Е. И. Работа над усовершенствованием русского правописания в послеоктябрьский период и вопросы общей теории орфографических реформ: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2000. Рукопись.

Релевантность факторов нормативности для разных конкретных орфограмм может быть разной, они могут обуславливать одинаковые или противоположные результаты, указывая на разновекторность динамики системы, но при принятии конкретных решений все они должны учитываться кодификатором. В современном русском письме есть области, которые почти целиком подчинены одному принципу, в других отступления от единого принципа более или менее существенны⁴⁴. Наличие отступлений является тем фактором, который затрудняет прогноз при кодификации слова, входящего в язык, уменьшает вероятность принятия обществом рекомендаций кодификатора, но это не превращает деятельность кодификатора в «гадание на кофейной гуще»⁴⁵. Цель кодификатора — создавать условия для реализации нужной ему потенции системы письма, находить точки бифуркации и в конечном итоге «властвовать над хаосом». Конечно, выбрав сценарий, кодификаторы задают некоторый вектор. Так, выбрав целью сохранение системы, кодификаторы тем самым первостепенным должны считать системный фактор.

Экскурс. Приведенные факторы и их роли обсуждались в орфографии, начиная с первых теоретических работ. В работе В.К. Тредиаковского «Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой» (1748) автор отстаивает фонетический принцип письма. М.В. Ломоносов в «Российской грамматике» предпочитает принцип написания «по кореню», «чтобы не закрылись следы произвождения слов» (1755), хотя в то время письмо было в значительной степени традиционным. С развитием исторического и сравнительного языкознания предпочтение стало отдаваться этимологически верному письму (так, Я.К. Грот считал, что на письме должны быть видны «следы происхождения и состава слова»⁴⁶). Начало XX в. вернуло внимание лингвистов к синхронным аспектам письма, отражениям системных факторов, интересам простых пишущих, а не лингвистов, «посвященных в тайны этимологии»⁴⁷. Однако идея о множественности принципов не была принята, и споры шли о том, на каком именно одном принципе должно зиждиться письмо («рациональным <...> правописание будет тогда, когда оно будет покоиться на одном каком-либо

---

⁴⁴ См. подробнее, напр.: *Панов М.В.* Об усовершенствовании русской орфографии // Вопросы языкознания. 1963. № 2.

⁴⁵ О сложности выбора так писал К.С. Горбачевич: кодификаторы норм «вынуждены примирять объективные свойства эволюционирующего языка и общественно-вкусовые оценки, не всегда совпадающие с реальным речевым узусом. Суть споров и разногласий состоит именно в предпочтении одной из сторон нормы в качестве преобладающей: норма — это отражение узуса или оценка узуса, норма — это узус, положенный в основу закона, или норма — это закон, управляющий узусом» (*Горбачевич К.С.* Вариативность слова и языковая норма. М., 1978. С. 45).

⁴⁶ *Грот Я.К.* Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого до ныне. М., 2010. С. 170.

⁴⁷ См.: *Щерба Л.В.* Теория русского письма. Л., 1983.

принципе», — писал Е. Ф. Будде в 1901 г.⁴⁸). Во время работы первой Орфографической комиссии «отменялись традиционные написания в пользу поддержанных живыми языковыми связями, в пользу фонематических написаний. (Это верно для всех новшеств, кроме правописания приставок на <з>.)»⁴⁹. Несмотря на множественные отклонения от следования единому принципу, идея главенства одного принципа проводилась в жизнь и в 30-е годы. (С. П. Обнорский в 1939 г. писал: «Всякая система письма будет проста и <...> легка, если она прозрачна с точки зрения своего построения на одном каком-нибудь принципе»⁵⁰.) В этот период были выравнены многие расхождения, отступления от «фонематического» или «морфологического» принципа в ущерб историческому принципу были распространены написания с одной согласной на стыке этимологических приставок и корня на одну и ту же согласную, которые на синхронном уровне уже не выделялись с достаточной очевидностью. Еще большему выравниванию подверглось бы письмо, если бы были реализованы предложения 60-х годов. При обсуждении конкретных решений лингвисты вопреки звучащим теоретическим установкам, что письмо должно строиться на одном принципе, все-таки не абсолютизировали этот подход и отступали от него, отдавая в некоторых случаях предпочтение другим принципам (фонетическому, историческому, дифференцирующему).

Современные теоретики письма по-прежнему считают актуальным учет этих факторов при выборе нормы, так, Л. Б. Селезнева пишет: «Но оценка норматива требует, на наш взгляд, более целевого и полного анализа: 1) с точки зрения соответствия языку в его современном состоянии, 2) с точки зрения системы письма и 3) с точки зрения языкового сознания носителя языка, под которым понимаем восприятие и осмысление им графических элементов и их содержания в практике письма и чтения»⁵¹.

Решение поставленных вопросов и определяет политику кодификатора. Остановимся подробнее на возможных аргументах при решении этих вопросов.

1. Вопрос об основном предназначении письма — обеспечить письменную коммуникацию современников и понимание текстов предшествующих поколений (некоторого их числа) — споров не вызывает. Вопрос о том, может ли письмо быть средством коммуникации и обособления какой-то группы пишущих или самовыражения пишущего, обсуждается постоянно и очень горячо.

Значимость этого вопроса определяется тем, что стихийная норма зависит и от коллективного мышления, и от индивидуального мышления. Индивидуальное мышление создает свою норму, которая функционирует в кругу общения автора, иногда этот круг достаточно широк. Если

---

⁴⁸ Обзор предложений...

⁴⁹ Там же. С. 18.

⁵⁰ Обнорский С. П. Основные принципы орфографической нормализации // Русский язык в школе. 1939. № 5–6. С. 5.

⁵¹ Селезнева Л. Б. Современное русское письмо: категории и единицы. М., 2004. С. 7.

это индивидуальная норма писателя (авторская норма), т. е. она понимается читателем, но не воспроизводится им, то это называется авторской нормой, она оговаривается в изданиях автора, и вопрос о ее кодификации как общей нормы не встает⁵². Однако если автор является авторитетным специалистом в своей области или деятелем той или иной корпорации, то члены сообщества произвольно или вынужденно воспроизводят эту норму в текстах. Постепенно она закрепляется в данном сообществе, стихийно или административно. Происходит даже корпоративная кодификация: появляются терминологические словари или корпоративные инструкции. Наличие такой кодификации оценивается орфографистами как свидетельство «реального сосуществования в современной русской орфографической практике общезыковой академической нормы с нормами локальными, или корпоративными; при этом вторые могут не только дополнять первую, но и вступать с ней в противоречия»⁵³. Однако кодификатор, определяющий не ограниченную тем или иным сообществом локальную норму, а норму, общую для всех носителей языка, вынужден учитывать, что при расширении социальной базы употребления единицы меняются условия ее функционирования, при этом может возникнуть иная стихийная норма (как в случае появления слитного написания *машиноместо* вместо терминологического и закрепленного в правилах дефисного написания *машино-место*). Кодификатор призван выражать не только интересы какого-либо сообщества, даже если это сообщество коллег, но и интересы государства с его потребностью единой нормы для всех граждан. И хотя при наличии безвариативной нормы в написании терминов кодификаторы до сих пор спорадически закрепляли эту норму в орфографическом словаре, последние исследования поставили целесообразность такой политики под вопрос (см. подробнее с. 43–63).

Об объективной необходимости единой нормы для всего литературного языка так писал В. М. Живов: «В современном русском литературном языке (как и в других современных литературных языках) норма общезначима и полифункциональна. Это означает, что одни и те же нормы — по крайней мере, орфографические и морфологические — выдерживаются независимо от статуса текста; членение пространства письменности в отношении нормы бинарно: тексты бывают либо грамотны-

---

⁵² Теоретические принципы собственной орфографии были сформулированы А. И. Солженицыным (*Солженицын А. И. Некоторые грамматические соображения // Русская речь. 1993. № 2*), их разбору и реальному письму автора посвящена работа А. Д. Шмелева (*Шмелев А. Д. Об орфографических воззрениях А. И. Солженицына // Русская речь. 1993. № 5.*).

⁵³ *Валеева Н. Т. Употребления прописных и строчных букв: академическая норма, корпоративная норма, узус // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 2. М., 2014. С. 274.*

ми, либо безграмотными»⁵⁴. Однако роль этого фактора, обусловленного социальной значимостью грамотной письменной речи, в эпоху активных социальных изменений значительно снижается.

2. Вопрос о приоритете читающего или пишущего в истории кодификации поднимался не раз. Еще М. В. Ломоносов, решая судьбу русского правописания, отдавал приоритет читающему и признавал первостепенной целью русского письма удобство чтения, «распознавания сложных из простых». Последний раз этот вопрос активно обсуждался в ходе дискуссии о новой реформе в 60-е годы. Поскольку перед учеными была поставлена задача создать правила легкие, понятные, то встал вопрос: для кого легкие — для пишущего или для читающего? для обучающегося или для всех? Если учителя отстаивали интересы школьников, то ученые утверждали, что прежде всего необходимо ориентироваться на интересы читающего. Так, С. Г. Бархударов писал: «Недопустимо разрешать вопросы орфографии только с точки зрения интересов пишущего, в особенности обучающегося. Нельзя забывать о читателе. В вопросах орфографии интересы пишущего и читателя часто противостоят друг другу. Пишущий, экономя свою энергию, хочет писать быстро, попроще, ближе к своему произношению, не задумываясь над специальными правилами письма. Читатель же, чтобы быстро и точно понять написанный (напечатанный) текст, заинтересован в соблюдении строгих правил письма. Если ученику «выгодно» писать два слова *курится* и *курица* одинаково — *курица*, то для читателя такое «правописание» — настоящее бедствие: оно мешает быстро и легко различать по внешнему виду (а не только по контексту) два разных по морфологическому составу и по значению слова»⁵⁵; Такую же позицию занимал и Д. Н. Ушаков, который писал: «В жизни приходится гораздо больше читать, чем писать, только годы учиться, но всю жизнь читать. Как ни соблазнительно было внести в орфографию изменения, явно облегчающие ее усвоение, никогда нельзя закрывать глаза и на то, не создаются ли неудобства для чтения»⁵⁶.

Те же споры продолжаются и сейчас. Чисто теоретически признается, что хорошо бы учесть интересы и пишущего, и читающего: «Л. В. Щерба был прав, утверждая, что писать правильно требует социальная порядочность, уважение к времени читающего, но та же самая порядочность требует и уважения к времени пишущего, учета того, имеет ли он возможности для орфографических штудий»⁵⁷. Но понятно, что это невозможно.

---

⁵⁴ Живов В. М. Очерки исторической морфологии... С. 48.

⁵⁵ Бархударов С. Г. Не ломка, а улучшение нашего письма // Русский язык в школе. 1963. № 1. С. 17.

⁵⁶ Ушаков М. В. Учимся годы, читаем всю жизнь // Русский язык в школе. 1963. № 6. С. 78.

⁵⁷ Осипов Б. И. Указ. соч. С. 219.

В последние годы в ряде работ специальному анализу подвергались тексты с ошибками⁵⁸. Тексты анализировались и с точки зрения выявления «горячих точек», и с точки зрения роли ошибки в степени восприимчивости текста читающим. В работе «О. А. Киселевой»⁵⁹, где была осуществлена попытка экспериментально проверить степень восприимчивости читателем текста с ошибками, был сделан вывод, что описки больше мешают, чем предсказуемые ошибки, что частотные ошибки мешают меньше, чем редкие, непредсказуемые. В выводах автор даже более категоричен: «Было установлено, что орфографические ошибки практически не влияют на адекватность восприятия текста, а некоторые из них вообще не замечаются носителями языка»⁶⁰. Но исследователь проводил эксперимент на очень простых и коротких текстах. Провести эксперимент на серьезных текстах, по-видимому, значительно сложнее. Поэтому приходится опять обращаться к собственному опыту. А собственный опыт говорит, что в текстах, требующих вдумчивого чтения, в которых автор может сознательно менять привычное написание для терминологических или стилистических целей, ошибки мешают значительно больше. Опыт чтения студенческих работ также показывает, что читателю (преподавателю) приходится прилагать особые усилия, чтобы не отвлекаться на ошибки, опечатки.

Анализ точек бифуркации в современном письме показал, что часто именно единицы, подчиняющиеся правилам, ориентированным на пишущего, а не читающего, вызывают затруднения либо при чтении, либо при записывании текста. Например, отсутствие разделительного знака на графически значимом слогоразделе в сложносокращенных словах упрощает написание, но делает невозможным прочтение слова, если оно незнакомо читающему (напр., *комунак, облюст*). На пишущего ориентировано сегодня и одно из неблагоприятных правил — правило о слитном или раздельном написании отрицания *не*.

Не игнорируется учеными и позиция обучающегося, она была объявлена государством приоритетной при разработке реформы 60-х годов, но многие ученые, начиная с Я. К. Грота, всегда отдавали предпочтение не обучающимся, а уже грамотным читающим и пишущим. Введение позиции записывающего, как нам кажется, позволит учесть и позицию

---

⁵⁸ См., напр.: *Бреусова Е. И., Осипов Б. И.* К вопросу об экспериментальном изучении проблем письма // *Лингвистическое наследие И. А. Бодуэна де Куртене на исходе XX столетия.* Красноярск, 2000; *Булохов В. Я.* Повышение орфографической грамотности учащихся (в свете теории речевой деятельности). Красноярск, 1993; *Парубченко Л. Б.* Ненормативное русское письмо: (Лингвистический анализ ошибок в употреблении букв). Барнаул, 2003.

⁵⁹ *Киселева О. А.* Русская орфография в коммуникативном аспекте: (экспериментальное исследование): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002.

⁶⁰ Там же. С. 88.

обучающегося в тех моментах, когда обретение грамотности затруднено не неправильной методикой или способностями ученика, а реальными противоречиями письма.

Пример. Критерий выбора привилегированного участника является значимым при определении нормы в написании слов с отрицанием *не*. До сих пор привилегированным считался пишущий и правило было ориентировано на него. Так, авторы академического справочника пишут: «Таким образом, пишущий должен отдавать себе отчет в том, что он хочет выразить: отрицание признака — и тогда писать *не* отдельно от следующего слова (напр.: *он не здоров, не важно, не редки случаи, не случайно, не удивительно, не демократическим путем*) или утверждение признака — и тогда писать не слитно (*он нездоров, неважно, нередки случаи, неслучайно, неудивительно, недемократическим путем*). От выбора написания будет зависеть и понимание написанного читающим»⁶¹. Однако анализ грамотных текстов показывает, что часто сам пишущий не пользуется этой возможностью (ср.: *Что с тобой? Ты, верно, не здорова?. Я хоть и хожу по комнате, но так не здоров, что боюсь к кровати подойти, а то лягу и долго, думаю, не встану. «Здесь, знаешь ли, по рубежу тени мертвых ходят. — Ну, конечно, ты не здоров. Какие тени?» — Ваша сестра нездорова. Что у тебя с голосом? Ты нездоров? Элмар был нездоров и хотел отдохнуть*). Если читающий, видя раздельное написание, еще имеет возможность предположить, что пишущий что-то подразумевал, выбирая его, то уж записывающий не имеет никаких опор в произносимом тексте для такого выбора. Это легко проверить экспериментом с безусловно грамотными пишущими: результаты записи под диктовку этих предложений в учительской аудитории выявили ожидаемую вариативность и жаркие споры, что мог иметь в виду говорящий, пишущий. Поэтому считаем, что кодификатор, учитывающий интересы читающего и записывающего, не может в данных контекстах требовать выбор какого-то одного варианта (см. подробнее раздел III. 3⁶²).

3. Вопрос о способах определения наличия и степени устойчивости узуальных предпочтений решается разными исследователями по-разному. Решение любой конкретной орфографической задачи начинается с анализа современного письма. Существуют давно выработанные методы статистической оценки данных⁶³, однако появление поисковых систем с их статистической обработкой породило иллюзию, что их оценке встречаемости можно доверять. О том, что это далеко не так, см. рабо-

---

⁶¹ Правила русской орфографии и пунктуации: Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. М., 2006. С. 160.

⁶² Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Теория и практика нормирования русского письма. С. 285–305. — *Примеч. сост.*

⁶³ См.: Граудина Л. К. Статистический критерий грамматической нормы // Языковая норма и статистика / под ред. Р. Г. Пиотровского, Л. К. Граудиной, В. А. Ицковича. М.: Наука, 1977. С. 135–172.

ту В. И. Беликова⁶⁴, однако кодификаторы и сегодня опираются на данные поисковиков, хотя стараются их корректировать ручной проверкой. Есть надежда, что, поскольку одинаково анализируются все варианты, то на полученные сравнительные результаты все-таки можно опираться при выборе предпочтительного варианта.

Об аккуратности применения количественного критерия говорил еще С. И. Ожегов: «Языковая норма — не статистическое явление, ибо распространенной и часто повторяющейся в языке может быть, как известно, и ошибка. Языковая норма есть прежде всего явление типическое, т. е. соответствующее сущности данного социально-исторического явления, а не просто наиболее распространенное, часто повторяющееся, обыденное»⁶⁵. Однако часто именно этот критерий оказывается решающим при принятии решения. Особенно аккуратно надо относиться к статистическому критерию по отношению к «словам-новобранцам». Для них характерно прохождение двух этапов: этап вхождения как маркированно чужого, новомодного и этап взаимодействия с системой. Поэтому статистические данные, по нашему мнению, должны играть наименьшую роль в выборе кодификации новых слов.

Другое дело, если слово уже давно освоено, а нормативное написание так и не установилось. В этом случае кодификаторы придают больше значения этому критерию. Именно на основании узуального предпочтения авторы РОС рекомендовали изменить соответствующее правилу слитное написание сложного существительного с соединительной гласной слова *мажоро()*минор.

Пример. Признак статистического предпочтения оказался решающим при принятии решения о перекодификации слова *мажоро(-)минор*. В издании «Русского орфографического словаря» 1999 г. (далее — РОС) слово кодифицировалось согласно правилу в слитном написании *мажороминор*. Но дефисное написание настолько преобладает и в широком узусе, и в специальных, и в некоторых общих словарях⁶⁶ (хотя слитное написание *мажороминор* также встречается), что в следующем издании авторы словаря изменили кодификацию на дефисное написание *мажоро-минор*. При этом был оставлен без внимания и не отражен в РОС второй термин в тонально-гармонической системе — *миноро(-)мажор*, узуально тоже предпочитающий дефис, но имеющий фиксацию в слитном написании в «Словаре ударений русского языка» Ф. Л. Агеенко и М. В. Зарвы (М., 2000).

---

⁶⁴ Беликов В. И. К методике корпусного исследования лексики // Русский язык и новые технологии. М., 2014.

⁶⁵ Ожегов С. И. Очередные вопросы культуры речи // Вопросы культуры речи. Вып. 1. М., 1955. С. 14.

⁶⁶ Напр.: Музыка: Большой энциклопедический словарь. М., 1998.

4. Критерий соответствия системе при отсутствии в теоретической орфографии законченной теории об орфографической системе с определением всех ее дихотомий часто понимается либо как соответствие системе языка, либо как соответствие правилам орфографии. И тот и другой подход — сильное огрубление.

Отождествление системы письма с системой языка прочно вошло в школьную практику. При таком подходе письмо лишается самостоятельности, рассматривается как «одежда языка», не имеющая собственных единиц описания, собственных дихотомий, движущих сил. Ее якобы «вторичность» возводится в ранг «отличительной черты орфографической нормы»⁶⁷. Однако система письма усваивается в большей степени из чтения текстов, а не из изучения системы языка, грамматики, усваивается автоматически, машинально, бессознательно. Связь системы письма с системой языка не подвергается сомнению, однако отождествление здесь неуместно: единицы системы письма не совпадают абсолютно с единицами ни морфологического, ни фонемного, ни синтаксического уровня.

Отождествление системы письма с системой правил также неправомерно, поскольку правила отражают сложившуюся норму, а норма есть реализация одной из возможностей системы. Например, написание *предистория* соответствует одной из системных возможностей, но не соответствует норме, закрепившей другую возможность системы, отражающую произношение твердого согласного — *предыстория*, хотя при этом не соблюдается принцип единства написания морфемы. Поэтому оценка данного варианта с точки зрения системы не совпадает с оценкой с точки зрения нормы как одной из реализаций возможности системы. Аналогично, системно оправданным считается написание *ци*, а не *цы*⁶⁸. Поэтому мы говорим не о соответствии системе, а о соответствии реализованной части системы, даже если эта реализация очень ограничена. Приведем несколько примеров, в которых системный критерий был основным при принятии кодификационного решения.

Пример 1. Слово *разыскной* в ОС⁶⁹ 1991 г. было решено писать с приставкой *раз-*, что соответствует правилу о написании приставки *раз-* в безударной позиции. Это противоречило и практике письма и существовавшей

---

⁶⁷ Харченко С. Ю. О факторах, влияющих на становление орфографической нормы в русском языке // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Серия 2: Языкознание. 2005. № 4. .

⁶⁸ Ильинская И. С. Фонетика и орфография // Орфография и русский язык. М., 1966.

⁶⁹ ОС — Орфографический словарь русского языка: около 100 000 слов. М., 1956; 13-е изд. испр. и доп. 1974; 29-е изд., испр. и доп. 1991 (и сл.) (Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Теория и практика нормирования русского письма. С. 418). — *Примеч. сост.*

на тот момент кодификации. Но Орфографическая комиссия рекомендовала системный вариант. Сегодня этот вариант можно считать принятым обществом.

Пример 2. Критерий соответствия системе стал ведущим при кодификации новых заимствований на [ш'н]. В ОРОСС⁷⁰ так объясняется кодификация, например, слова *нон-фикшен*: «В настоящее время написание данного слова колеблется (пишут *фикшин* и *фикшен*), «Русский орфографический словарь» установил написание финальной части слова по произношению с проясненным гласным [шен]; ср. слова с аналогичным произношением и написанием финали: *ресепшен*, *сейшен*, *промоушен*, *фешен*-..., *фьюжен*, *экшен*». Слова на [ш'н] обсуждались на Орфографической комиссии, так как в практике письма абсолютно господствовал (и господствует) вариант написания слов с буквосочетанием *шн*, однако, по замечанию А. А. Зализняка, такое написание приписывало шипящему несвойственную ему слогаобразующую функцию. Это действительно противоречило бы системе: в русских словах с аналогичным произношением конца слова пишется буква *е*, ср. *вишен* (при *вишня*), *черешен* (*черешня*), *кромешен* (*кромешный*).

На каждой волне активного заимствования наблюдаются попытки отразить средствами русской графики звуковые особенности языка-источника. Однако, как пишет Р. Ф. Касаткина, «фонетической системой языка заимствуется только то, к чему система подготовлена, хотя бы в каком-то своем фрагменте. Какими бы массивными ни были потоки заимствований, они не оказывают влияния на звуковую сторону языка, если она защищена многослойной броней: определенным фонемным составом, набором аллофонов, сложившимися алгоритмами реализации фонем в речи, цепочками звуковых чередований»⁷¹.

Пример 3. Написания йотированных гласных после твердых шипящих, отражающие мягкое произношение шипящих в языке-источнике, закрепились в эпоху, когда еще оставались в некоторых позициях мягкие шипящие. Притом что фонетическая система не приняла новых фонем и «из орфоэпической нормы уходит старое произношение *жюри* с мягким [ж'], а мягкость [ш'], [ж'] в таких словах, как *амбушюр*, *брошюра*, *жюльверновский*, *жюльен*, *жямайтский*, *парашют*, уже ушла в прошлое»⁷², эти написания становятся чисто конвенциональными. В XX в. таких заимствований нет (вернее, они есть только в собственных именах, которые составляют особую подсистему

---

⁷⁰ ОРОСС — Бешенкова Е. В., Иванова О. Е., Чельцова Л. К. Объяснительный русский орфографический словарь-справочник. М., 2015 (Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Теория и практика нормирования русского письма. С. 418). — Примеч. сост.

⁷¹ Касаткина Р. Ф. Новые лексические заимствования во взаимодействии с некоторыми звеньями консонантной системы // Жизнь языка: памяти Михаила Викторовича Панова. М., 2007. С. 261.

⁷² Там же. С. 265.

в системе письма). Это объясняется тем, что «для сохранения мягкости шипящими в заимствованиях исчезла необходимая почва, которая была в более раннюю эпоху, при массовых заимствованиях из французского языка»⁷³.

Пример 4. При кодификации слов с [э ударным] и [э-образным безударным] после твердых согласных часто предпочтение отдается системному варианту с буквой *e* (*кеш, мейкап, мейл, мейнстрим, интернет, ньюсмейкер, ремейк, саундтрек, сейлборд*), хотя добавлено и много слов с буквой э. Мы считаем вариант с буквой *e* системным, поскольку в русской графической системе буквы э — *e* составляют привативную оппозицию. Буква *e* является немаркированной и употребляется и после мягких и после твердых согласных, а буква э употребляется только после твердых согласных. Проблема при кодификации входящих в язык слов состоит в том, что по мере усвоения слова согласный перед [э] может смягчиться, а может остаться твердым, что могут появиться производные с тем же корнем, но со смещенным ударением, а в такой позиции вероятность смягчения сильно возрастает⁷⁴. Если кодификатор закрепляет слово с буквой э, а произношение слова меняется или появляются однокоренные с безударным корнем и мягкой согласной перед буквой э, то это приведет к изменению привативной оппозиции: согласные и перед буквой э и перед буквой *e* могут быть и твердыми и мягкими. Поэтому политика кодификаторов по ограничению кодификации слов с буквой э представляется оправданной.

Пример 5. В системе русской фонетики звук [j], как один из представителей фонемы /j/, ограничен употреблением в ударном слоге. В иноязычных системах этот звук возможен и в других позициях. Само наличие этого звука в русской фонетической системе позволяет попытаться отразить возможность иноязычного произношения звука [j] или более или менее похожего на него звука перед безударными гласными (ср. возможность разного произношения *язык майя* и *Первое мая*⁷⁵). Графически эта возможность реализуется в употреблении буквосочетаний *йе, йю, йя*. Со временем по мере усвоения слова потребность в таком произношении уменьшается, и написание становится опять-таки условным, традиционным. В настоящий момент таких слов немного, хотя их количество возросло в последних словарях. Группа слов с таким буквосочетанием неоднородна: некоторые из них очень старые, восходящие к греческим заимствованиям и старым написаниям *иа*,

---

⁷³ Там же.

⁷⁴ См.: *Гловинская М. Я.* Вариативность произношения заимствованных слов в современном русском языке // Социально-лингвистические исследования. М., 1976. .

⁷⁵ Данные современной фонетики показывают, что в этой позиции произносятся только гласные (*стайер — ста[u]p*) (см.: *Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф.* Русская фонетика в развитии: Фонетические «отцы» и «дети» начала XXI века. М., 2013. С. 38), согласно этим сведениям слова *мая* и *майя* в норме произносятся одинаково [ма́и], однако для нас важно наличие возможности — при желании, при эффе́зе, при четком проговаривании — произносить слово *майя* с полугласным или даже согласным [j].

ия (напр., *аллилуйя* — Срезневский *аллилуиа*), другие более поздние заимствования (напр., слово XVIII в. *вайя* — Нордстет 1704 *ваия* и слова XIX, XX вв. *конвейер*, *стайер*, *фейерверк*, *папайя*, *секвойя*, слова на ...*мейер*), но большинство получили орфографическую кодификацию уже только в РОС, хотя некоторые были зафиксированы в таком написании в специальных словарях и энциклопедиях: *айе-айе*, *байер*, *байя* и *гбайя*, *вилайя*, *висайя*, *вуайеризм*, *кебайя*, *пирайя*, *плайя*, *плевромейя*, *пурифайер*, *райя*, *райятвари*, *сайентизм* (хотя *сицентизм*), *сюрвейер*, *тупайя*, *файер*, *фальшфейер*, *флайер* (хотя *плеер*), *фойяит*, *фуркройя*, *хойя*, *чейенны*, *черимойя*, *эйективный*. Орфографическая кодификация терминов и специальной лексики была предопределена фиксацией в специальных словарях, отражавших, с одной стороны, иноязычное написание с латинской буквой *у*, с другой стороны, возможность особого произношения слова и подчеркивание его иноязычности и, с третьей стороны, возможно, поддерживаемого написания однокоренного слова с ударным гласным после [j] (как в *райя* — *райяты*). Как видим, факторов достаточно много, но немаловажным нам кажется и фактор соответствия системе.

В данном случае кодификаторы пошли по пути увеличения числа исключений, хотя другие заимствования кодифицируются в написании без *й*, напр.: *плеер*, *веер*, *леер*, *фраер*, *бидермаер*, *ваер*, *гаер*, *льнотриер*, *тамплиеры*, *дестроер*.

Пример 6. Системе русского письма противоречит отдельное написание бессмысленной графической единицы. Это не соответствует принципу двусторонности знака, отдельного слова (графической единицы, ограниченной пробелами), принципу осмысленности слова. Именно поэтому в современном письме заимствования-словосочетания получают либо дефисное, либо слитное написание, если хоть один компонент в русском языке не имеет самостоятельного употребления, напр.: *ар-нуво*, *бэк-вокал*, *бэк-офис*, *глиттер-рок*, *гран-па*, *Гран-при*, *грин-карта*, *гуд-бай*, *далай-лама*, *аутсайдер*, *бойфренд*, *бэкграунд*, *бэкслеш*, *ватерлиния*, *виндсерфинг*, *гакблок*, *гауптвахта*, *гранпасьянс*, *грейпфрут*. Исключения есть, но они немногочисленны.

Отдавая преимущество системному критерию, кодификаторы далеко не всегда ему следуют (ср., например, увеличение слов с буквой *э*). Это вовсе не означает, что они не знают, что делают. Они сознательно учитывают следующий фактор «степени упорядоченности системы».

5. Какова степень упорядоченности данной области как части саморазвивающейся системы? Как любая открытая система, письмо обладает свойством неравновесности. Ни одна живая система не может быть устойчива на сто процентов, но это до поры до времени не мешает ее функционированию. Кодификатор может рекомендовать несистемный вариант (например, *бестселлер* при *селинг*; *сплиттер* — *сплит-система*,

сплит; *роллер* — *ролики*; *контроллинг*, *контроллер* — *контроль*, *контролёр*; *тревеллинг* — *тревел-чек*, *споттинг* — *спот*, *стоппер* — *стоп*; *твиттер* — *твит*, *твитнуть*), но он должен понимать, в каких пределах он может это делать без риска потерять рычаги управления (т. е. надо оценить количество слов, в которых нарушается принцип единообразного написания морфем, и угрозу распространения этого явления и на русские корни типа *зацептинг*).

Пример 1. Последнее издание РОС включает 46 слов на *инг*, которые в языке-источнике имеют удвоенную согласную, среди них только для 11 слов предлагается написание с одной согласной (2 старых слова: *слябинг*, *фитинг* — и 9 слов введены после 1991 г.: *блогинг* (как и *блог*, *блогер*), *канцелинг*, *пресс-клипинг*, *свопинг*, *спаминг* (как и *спамер*, *спамить*), *селинг* (хотя *бестселлер*), *трекинг*, *шипинг*, *шопинг* (как и *шоп*, *шопингомания*)), 35 слов с удвоенной согласной (напр. *баггинг*, *джиббинг*, *джоггинг*, *спеллинг* (как и *спеллер*, *спелл-чекер*)). Также дается около 60 слов на *ер* с позиционно удвоенной согласной в языке-источнике, из них только 9 с одной согласной (*аутригер*, *бутлеггер*, *дебагер*, *клабер*, *мобер*, *форматер*, *сканер*), а 51 — с удвоенной (напр. *баннер*, *бемиситтер*, *плоттер*). Таким образом, в данной области письма можно с сожалением констатировать преобладание несистемного подхода к кодифицированию нормы. История усвоения слов показывает, что количество корней с удвоенной и одиночной согласной растёт. В результате встает вопрос о возможной перекодификации уже введенных в словарь слов.

Пример 2. При решении частного вопроса о кодификации слова *греко()* *католики* кодификаторы проверили не только частотность встречаемых вариантов именно этого слова, но и всю группу существительных с соединительной гласной. Насколько она устойчива? Выделилась группа слов, похожих по строению на *грекокатолики*. Нами было проанализировано 46 слов, из которых: 18 слов — пишутся чаще против правила (*англо-американцы*, *англо-кельты*, *греко-католики*...), 11 — написание чаще соответствует правилу (*англоафриканцы*, *индоевропейцы*, *афроазиаты*...), 17 — написание в узусе вариативно без преимущества того или иного варианта (*австро(-)венгры*, *англо(-)канадцы* (хотя 5 из них имеют давнюю словарную кодификацию)). Выделить какую-то подгруппу, объединенную единым признаком, и создать подправило-исключение не удастся. Кодифицировать в соответствии с узусом — значит нарушать равновесность в очень неустойчивой группе, поэтому было принято решение включить в РОС некоторые слова из этой группы в слитном написании.

В целом можно сказать, что кодификаторы стараются не усиливать область исключений в той части письма, где есть смысл говорить об исключениях, т. е. которая подчинена строго детерминированным отношениям и описывается строгими правилами.

Однако степень неравновесности этой структурно-системной части письма существенно отличается от степени неравновесности асистемной части. Структурная часть обладает своими дихотомиями, обуславливающими наличие точек «напряжения», которые предсказуемы (это и феномены, допускающие двоякую трактовку значимых для орфографии единиц, и взаимодействие подсистем, взаимодействие правил и исключений, и др.). Возможность двойного понимания, ведущего к разному написанию, практически означает, что данный материал выключается из сферы действия правила как алгоритма, определяющего написание, и становится словарным. При этом разные словари могут по-разному кодифицировать одно и то же слово, опираясь на разные трактовки одного явления. Слова данного типа могут неоднозначно трактоваться не только составителями словарей, но и носителями языка, что, естественно, приводит к появлению разных написаний в узусе. Однако интересен не столько сам факт появления колебаний, сколько складывающаяся в узусе картина функционирования таких областей письма. Оказалось, что реальное написание слов, допускающих двойную трактовку и, соответственно, возможность выбора в написании, распадается на три группы: два полюса устоявшегося написания (полюс устоявшегося слитного написания и полюс устоявшегося дефисного написания) и поле вариативного написания. Такая картина характерна для всей асистемной части.

Пример. Такая картина вырисовывается в области слитного / дефисного / раздельного написания первых именных единиц на *-о*, *-е* в составе сложных существительных (*эхолокатор*, *кофемашина*) или словосочетаний (*кофе-автомат*). Для этих единиц возможна неоднозначная трактовка: это первая основа с соединительной гласной (с наложением или без него) или это самостоятельное слово. Т. е. группа слов выпадает из области строго детерминированных отношений и относится к асистемной части письма. Орфографический словарь по-разному кодифицирует слова с одной и той же первой частью, например, слова с первой частью *кофе...*: *кофеварка*, *кофе-заменитель*, *кофемашина*, но — *кофе-пресс*, *кофе-автомат*, *кофе-суррогат*, *кофе-брейк*, *кофе-пауза*, *кофе-порошок*; слова с первой частью *эхо...*: *эхолокатор*, *эхокардиограмма*, *эхолокация*, *эхолот*, *эхопочта*, *эходефектоскоп*, *эхоконференция*, *эхоподавитель*, *эхоподавление*, *эхопроцессор*, но — *эхо-волна*, *эхо-импульс*, *эхо-камера*, *эхо-метод*, *эхо-резонатор*, *эхо-сигнал* (в 2012 г. в новое издание РОС введено изменение и все слова с *эхо...* даются в слитном написании). В узусе для некоторых таких первых частей возникают два полюса (возможно, разные по мощности): устойчивого слитного написания (*эхолокатор*, *эхокардиограмма*, *эходальномер*; *кофемашина*), устойчивого дефисного написания (*эхо-фраза*; *кофе-пресс*, *кофе-автомат*, *кофе-порошок*, *кофе-суррогат*) — и область с колеблющимся написанием (*эхо()*почта, *эхо()*конференция, *эхо()*волна, *эхо()*голограмма, *эхо()*дефектоскоп, *эхо()*процессор, *эхо()*импульс; *кофе()*заменитель, *кофе()*завод).

Кодификаторы в ситуации неоднозначной трактовки пытаются корректировать процесс орфографического освоения приходящих слов, прибегая к перекодификации. Таким образом, объективная неоднозначность содержательной трактовки слова или компонента слова может приводить к лингвистически оправданной вариативности в написании. И поскольку исключить возможность различного понимания нельзя, то нельзя избежать и вариативности в узусе для слов такого типа. Последняя же, в свою очередь, неизбежно проникает в словари, создавая нежелательную вариативность в кодификации первой части сложных слов. Вот тут перед лингвистами и встает во весь рост непростая задача согласования словарной нормы и «рассогласованного» с ней живого узуса.

В письме, как в любой саморазвивающейся системе, актуализируются не только строго детерминированные отношения, свойственные структурно-системной части, но и вероятностная причинность, и «целевая причинность». «Первая характеризует поведение системы с учетом стохастического характера взаимодействия в подсистемах, вторая — действие программы саморегуляции как цели, обеспечивающей воспроизводство системы»⁷⁶. Это объясняет и теоретически оправдывает существование в орфографии двух типов правил: строгих правил (правил-предписаний, алгоритмов) и нестрогих, вероятностных правил (правил-тенденций, правил-рекомендаций). Как показала практика работы над правилами, в некоторых случаях область действия нестрогих правил может быть сужена и четко выделена.

Пример. Существует два подхода к регулированию написания сложных прилагательных: при одном подходе правило строится на выделении сочинительных или подчинительных отношений между составляющими, при другом — на наличии или отсутствии суффикса в первой составляющей. И при одном и при другом подходе списки исключений остаются открытыми, что делает правило неработающим. Соединение этих двух критериев позволяет выделить область действия строгого правила (при сочинительном отношении и наличии суффикса в первой части слово пишется через дефис, при подчинительном отношении и отсутствии суффикса в первой части слово пишется слитно) и область действия нестрокого, вероятностного правила (при сочинительном отношении и отсутствии суффикса в первой части слово вероятнее всего пишется через дефис, при подчинительном отношении и наличии суффикса в первой части слово вероятнее всего пишется слитно, но и в том и в другом случае точную кодификацию дает только словарь).

В теории орфографии — нормировании есть понятие «прецедента», т.е. определение написания по аналогии с той или иной единицей.

---

⁷⁶ Стёпин В.С. Саморазвивающиеся системы и философия синергетики // Экономические стратегии. 2009. Т. 11. № 7 (73). С. 25.

Однако при опоре на прецедент всегда вставал вопрос: почему в одном случае говорится об одной аналогии, а в других — о противоположной. Неравновесность саморазвивающейся системы, будучи ее существенным свойством, предполагает возможность и почти неизбежность появления аттракторов, что и теоретически объясняет способ нормирования по прецеденту. Теория существования аттракторов и их вероятностных воздействий охватывает собой и само это понятие и его применение при нормировании.

Письмо во всей своей полноте функционирует по принципу частичной упорядоченности хаоса. В любой саморазвивающейся системе, живущей по законам соотношения хаоса и порядка, хаос частично упорядочивается, но лишь на время. Степень организованности, временная ее длительность зависит и от внутренних факторов и от внешних условий функционирования системы. К внешним условиям для письма относятся социальная стабильность или нестабильность, степень кодифицированности и отношение общества к кодификации, к статусу грамотного человека.

6. Наличие исторических тенденций изменения письма. Также необходимым фактором при выборе нормы является анализ функционирования конкретной области письма в историческом аспекте, отслеживание истории написания не только какой-либо конкретной единицы, но и целого класса слов. Если историческая тенденция идет вразрез с современными статистическими предпочтениями, то кодификаторы должны оценить степень устойчивости исторической тенденции, жизнеспособность современной противоборствующей тенденции и реализовать одну из двух возможностей: либо 1) сохранить сформировавшуюся за прошедшие века систему и не закреплять в качестве нормы те узусные предпочтения, которые характеризуют точки бифуркации, либо 2) выбрать другой способ управления процессом изменения системы письма — способ накопления противоречащих явлений, чтобы через этап катастрофы, т. е. скачкообразного изменения, реформы перейти к другой системе. Но при выборе второго пути орфографисты должны понимать, к какой системе они пытаются привести сегодняшнюю стихийно сложившуюся ситуацию. Надеяться на то, что саморазвивающаяся система сама в скором времени придет в необходимое для беспрепятственного нормирования равновесное, устойчивое состояние, не приходится.

7. Степень активности влияния других языковых и орфографических систем. Объективная оценка активности влияния другой системы языка, другой орфографии возможна только в ретроспективе. Только изучение истории кодификации, анализ перекодификации позволяет увидеть, насколько сильным было то или иное воздействие, насколько оно было преодолено системой русского письма. Оценивая степень активности современного влияния иноязычных систем, мы опираемся на историческую оценку степени устойчивости письма.

Пример. Если говорить об истории письма с XVIII в., т.е. истории нормированного письма, то, пожалуй, самое сильное воздействие было со стороны западноевропейской орфографии на область слитного/раздельного написания. Заимствовав полуслитный способ написания, русская орфография выработала собственные правила слитного/дефисного/раздельного написания. Причем это не зависело от написания в языке-источнике. Так, слитно пишущиеся немецкие слова в русском языке могли закрепиться в дефисном или в слитном написании (*камер-лакей, камер-музыкант, камер-секретарь, камер-фрейлина, камер-юнкер, камергер, камердинер, каммертон, конференц-зал* при нем. Kammerlackai, Kammerherr, Kammerdiener, Kammerton, Kammerfräulein, Kammerjunker, Konferenzsaal). Раздельно или дефисно пишущиеся единицы французского языка получали слитное (преимущественно) или тоже дефисное написание в русском языке (*арьерсцена, барельеф, бельэтаж, визави, контрфорс, комильфо, беллетристика* — при фр. *bel-étage, arrière-scène, bas-relief, vis-à-vis* «лицом к лицу», *contre-force, comme il faut, belles lettres*), ср. также слова из других языков: *летка-енка* (польск. *letkajenka*), *лендровер* (англ. *land-rover*). История перекодификации показывает тенденцию к расширению области слитного написания (ср., напр., написания в словаре А. Н. Чудинова (1910)⁷⁷: *без-мен, бель-этаж, брейи-ринг* (и *брэйн-ринг*), *биг-мак* (и *бигмак*), *вакуум-метр* (и *вакуумметр*), *гутта-перча*, а также *ка-дет, эн-эс*). История недавних по времени заимствований вполне соответствует этому выводу. Например, бытовавшее в 90-е гг. огромное количество дефисных написаний не было связано с соответствующими дефисными написаниями в языке-источнике, ср. распространенные в 90-е гг. *офф-шорный* (от англ. *offshore*)⁷⁸, *бриф-кейс* (*briefcase*), *маркет-мейкер* (*market maker*), *блиц-турнир* (нем. *Blitzturnier*) и т. д. Тенденция к предпочтению слитного написания существительных с неупотребляемыми самостоятельно одной или обеими частями охватывает не только новые слова, но и уже устоявшиеся. Например, закрепленное в орфографическом словаре 1974 г. написание *уик-энд* (англ. *week-end* и *weekend*) сегодня вытесняется вариантом в слитном написании.

Кроме ретроспективного анализа есть и общесистемный критерий, позволяющий оценить степень возможного внешнего, иноязычного влияния на наше письмо. Вероятность эффективности иноязычного влияния зависит от степени соответствия его системе русского языка.

---

⁷⁷ Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка: материалы для лексической разработки заимствованных слов в русской литературной речи / сост. под ред. А. Н. Чудинова. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: В. И. Губинский, 1910. В авторском списке литературы издание описано так: Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. 1910. http://www.megaslov.ru/sis_lst.html (дата обращения: 01.03.2019).

⁷⁸ См.: Подчасова С. В. Оффшор — налоговый рай за рубежом // Русская речь. 1996. № 1.

История кодификации и перекодификации показывает, что система современного русского письма весьма устойчива к влиянию других систем, что колебания, возникающие под влиянием иноязычных систем, разрешаются без изменения самой системы: мы не заимствуем ни иноязычных фонем, ни новых способов оформления фразовых и нефразовых единиц, также и попытка латинизации русского алфавита не привела к успеху. Именно поэтому при наличии разнонаправленно действующих факторов фактор соответствия системе для нас является наиболее веским.

Выводы

Таким образом, выстраивая кодификационную политику в орфографии сегодня, кодификаторы видят своей целью сохранение системности русского письма в целом и поддержание существующего варианта системы и предпочитают на данном этапе постепенный, адаптационный способ изменения и формирования нормы. При принятии решения о кодификации необходимо учесть результаты ряда обязательных исследований, которые в совокупности складываются в единую методику, состоящую из следующих обязательных этапов.

1. Анализ современного письменного узуса всей исследуемой области, даже если речь идет об одной единице из этой области.

2. Если анализ письма показывает, что в данной области существует зона с колеблющимся написанием, то необходимо определить, существует ли статистическое предпочтение какого-то одного варианта. Формулируется предположение о существовании тенденции к расширению этого статистического предпочтения.

3. Проверка, имеет ли сформулированная гипотеза предсказательную силу. Эту проверку далеко не всегда легко найти, но в случае успеха это важный аргумент для принятия решения.

4. Определение возможностей системы для данной области письма и проверка на соответствие системе того или иного варианта.

5. Рассмотрение функционирования данной области письма в хронологическом аспекте. Исторические данные могут подтвердить сформулированную гипотезу, а могут и идти с ней вразрез. Во втором случае необходимо оценить степень устойчивости исторической тенденции и либо сохранить сформировавшуюся за прошедшие века систему, либо понять, к какой системе было бы целесообразно перейти, и накапливать для этого данные.

6. Анализ существующих способов кодификации в написании слов данного типа: сопоставляются формулировки правил в различных источниках и сравниваются данные словарей. Формулировки правил анализируются на соответствие выделенным необходимым требованиям: адекватность проблеме, адекватность описываемому материалу, полнота охвата материала, непротиворечивость, адекватность выделенных кри-

териев, полнота списка исключений, а также доступность формулировки правила для обычного носителя языка.

7. Сравнение современного реального письма с имеющейся кодификацией.

8. Выбор словарной кодификации или выработка формулировки правила, отвечающего введенным необходимым критериям. В тех случаях, когда предложенным правилом охватывается менее половины материала, следует говорить не о правиле в прямом смысле слова, а о правиле-тенденции, правиле-рекомендации.

Однако эффективность работы кодификатора во многом зависит и от внешних условий, среди которых социальная стабильность, отношение общества к кодификации, к статусу грамотного человека.

В соответствии с описанной методикой во второй — практической — части книги⁷⁹ проанализирована область слитного/дефисного/раздельного написания, выработаны и обоснованы способы кодификации, представлена реальная кодификация в форме правил или в виде словарного материала.

Иллюстративный материал

Приведем и прокомментируем несколько примеров реализации описанной методики при принятии того или иного кодификационного решения. Материалом служат словарные статьи из «ОРОСС»⁸⁰, где после знака ◊ приводятся объяснения принятым кодификациям.

1. «**капуцино** (ит. *capuccino* «колпак, капюшон») ◊ «Русский орфографический словарь» признает нормативным только написание с одной буквой *n* и одной *ч* как соответствующее произношению. К тому же к ит. *capuccino* восходит *капуцин*».

В данном случае кодификаторы отдали предпочтение фонетическому признаку, подкрепив свое решение не сохранять удвоенные согласные слова-источника написанием одиночных согласных в исторически родственном слове. Хотя именно итальянские слова в русском языке часто сохраняют удвоенные согласные внутри морфемы, но не на конце слова, ср. *аббат, барокко, бассо, брокколи, вендетта, вилла, гетто, меццо, кампанелла, каморра, каприччио, касса, конфетти, новелла, палаццо, пицца, ризотто, спагетти, тиффози, тутти*, в суффиксе «-етт(о)» и др. Всего лишь в нескольких словах, восходящих к итальянским, удвоение согласных не сохранилось, например: *габион, газета, конфета, макароны*,

⁷⁹ Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Теория и практика нормирования русского письма. С. 157–255. — Примеч. сост.

⁸⁰ Бешенкова Е. В., Иванова О. Е., Чельцова Л. К. Указ. соч.

настила, сигарета. В настоящий момент кодифицированное написание в узусе явно преобладает.

2. «**граффити** (ит. *graffiti*) ◇ Исторически родственны *графика, график, фотография, география, биография, каллиграфия, графит, графоман*».

Здесь кодификаторы отдали предпочтение узуальному критерию и пренебрегли системными требованиями.

3. «**массмедиа** (англ. *mass media* от лат. *māssa* «массовый, масса» + *media* мн. «ожествленное» ч. «слово» от *medium* «средство, посредничество») см. *масс; одиночная/двойная согласная в сложносокращенных словах и графических сокращениях: исключение* — сохранение группы согласных в сложносокращенном слове § 11 п. 2 *искл.*; *слитно/дефисно/раздельно*: пишется **слитно** как сложносокращенное существительное (*массовые медиа*) § 44 или *слитно/дефисно/раздельно*: закрепившееся **слитное** написание сложного существительного с не употребляющейся самостоятельно первой частью на согласную § 46 п. 2 ◇ Несмотря на то, что слово является прямым заимствованием, в настоящее время оно все больше воспринимается как сокращение сочетания *массовые медиа*, напр.: *в массовые медиа периодически проникают дикие, по европейским меркам, скандалы; традиционные массовые медиа (и прежде всего — телевидение) останутся основным локомотивом медиаиндустрии и рекламного рынка; массовые медиа будоражит информация о...*».

Кодифицируя слитное написание, лингвисты отдали предпочтение системному критерию, но слово принадлежит лексикону очень активно-го круга пишущих, что в результате может повлиять на неприятие обществом кодифицированного варианта.

4. «**легинсы** (англ. *leggings*) ◇ Слово колеблется в практике письма и в кодификации. «Русский орфографический словарь» рекомендует написание с одной согласной *г*, сохраняющее единство написания слов, восходящих к англ. корню *leg-*, напр., *бутлеггер*».

Кодификаторы отдали предпочтение системному критерию, как и в слове *капучино*, хотя узуально явно преобладает написание с двумя согласными *г*.

5. «**лиро-эпический** *слитно/дефисно/раздельно*: пишется через **дефис** как сложное прилагательное с сочинительным отношением основ, несмотря на отсутствие суффикса в первой части § 50 п. 6 или *слитно/дефисно/раздельно*: пишется через **дефис** как **исключение** из правила о слитном написании прилагательных, образованных от слитно пишущихся существительных § 48 *искл.* ◇ Существительное *лироэпика* появилось значительно позже прилагательного, однако это не исключает установления обычных словообразовательных связей: образования прилагательного от существительного».

Кодификация слова менялась: с 1956 г. нормативным считалось дефисное написание на основании сочинительных отношений основ, в орфографическом словаре 1991 г. и в «Русском орфографическом словаре» 1999 г. кодификация изменилась на слитное написание — главным признаком посчитали отсутствие суффикса в первой части, однако в 2005 г. была возвращена норма писать слово через дефис. В современном узусе оба варианта сосуществуют практически на равных с очень незначительным перевесом дефисного написания.

6. **«темо-ремати́ческий** *слитно/дефисно/раздельно*: пишется через дефис как сложное прилагательное с сочинительным отношением основ, несмотря на отсутствие суффикса в первой части § 50 п. 6 ◊ Образовано от парного словосочетания *тема-рема* или *тема и рема* (термины актуального членения предложения). Ср., напр., аналогично образованные сложные прилагательные: *вопросо-ответный* (*вопрос-ответ*), *родо-видовой* (*род-вид*), *спуско-подъемный* (*спуск-подъем*), *сход-развальный* (*сход-развал*), а также *физико-математический* (*физика и математика*), *звуко-буквенный* (*звуки и буквы*), *видо-временной* (*вид и время*). В специальной литературе в настоящее время практически утвердилось написание *тема-ремати́ческий*, в котором сохраняется гласная а».

Кодифицируя написание с соединительной гласной *о*, орфографисты отдали предпочтение системному критерию, но в данном случае кодифицированная норма находится в явном противоречии с узуальной нормой специалистов.

В. В. Лопатин

РУССКАЯ ОРФОГРАФИЯ: ЗАДАЧИ КОРРЕКТИРОВКИ

За последний год в числе излюбленных тем общественного обсуждения оказалась предстоящая «орфографическая реформа». Порой даже пишут и говорят, путая язык и правописание, о реформе русского языка — формулировка явно некорректная. В самом деле, можно ли реформировать язык, который развивается по самому ему присущим законам? Зато правописание, орфографию (в широком смысле, включая сюда и пунктуацию) реформировать действительно можно. Правда, до сих пор реформы русского письма касались в основном графики — состава букв. Петр I ввел у нас новую, гражданскую азбуку (вместо церковно-славянской). Всем известная реформа 1917–1918 годов, на которой я несколько подробнее остановлюсь ниже, тоже затронула главным образом графику.

Орфография — это внешняя, письменная оболочка языка, иногда ее еще называют одеждой языка. Грамотность как важная составная часть культуры, культурного уровня человека, конечно, несравненно шире, чем просто грамотное письмо: она предполагает правильное владение самим языком, всем богатством языковых средств. И все же — «по одежке встречают», судят о человеке в первую очередь.

Вот эту одежду языка приводит время от времени в порядок — просто необходимо. Дело в том, что правописание — это отнюдь не только результат нормализаторских усилий и не совокупность раз навсегда установленных общеобязательных правил. Это еще и саморазвивающаяся система, требующая регулярной и постоянной корректировки, упорядочения с учетом и развития самого языка, и существующей практики письма, в котором тоже происходят спонтанные изменения. Отслеживать эти изменения, фиксировать их в орфографических словарях и в тексте правил правописания — прямая обязанность специалистов.

Печатается с разрешения В. В. Лопатина по первой публикации: *Лопатин В. В. Русская орфография: задачи корректировки // Новый мир. 2001. № 5. С. 136–146.*

Об этом же говорит и исторический опыт, пройденный нашим письмом. Нынешнее правописание — продукт длительного исторического развития. Вплоть до конца XIX века русское правописание основывалось исключительно на узусе, и, хотя многие частные вопросы русского письма активно дискутировались в печати, никаких систематизированных сводов правил письма не было. Правила русского правописания выкристаллизовались спонтанно, в первую очередь под пером писателей-классиков. Знаменательной вехой, обозначившей систематизацию правил письма, стало появление трудов академика Я. К. Грота «Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доньне» (1873) и «Русское правописание» (1885; 22-е издание — 1916). По «гротовским» правилам учились и до революции, и (с поправками на реформу 1918 года) после нее.

В 1956 году вышли в свет официально утвержденные «Правила русской орфографии и пунктуации», сохраняющие свою законную силу до сих пор. Правила эти были итогом длительной работы, готовились они еще с 30-х годов, а после войны работа над ними была завершена. Они сыграли свою важную роль, поскольку в них впервые регламентировались многие закономерности современного русского правописания. Но давно уже стало ясно, что эти правила устарели. Прошло почти полвека, за это время развивался сам язык, в нем появилось множество новых слов, новые типы слов и конструкций, да и практика письма в ряде случаев стала противоречить сформулированным правилам. В лингвистической науке появилось немало разработок, позволяющих по-новому трактовать языковые основы того или иного правила, обобщающих новые особенности правописания. Достаточно скоро после утверждения правил 1956 года стала обнаруживаться и их неполнота: некоторые закономерности правописания были сформулированы в них слишком кратко, без должной детализации, либо слишком фрагментарно, необобщенно, многое было недосказано или не упомянуто вовсе. С другой стороны, явственно давала о себе знать (особенно в разделе об употреблении прописных и строчных букв) односторонность, обусловленная директивными требованиями и запретами идеологического характера. Неудивительно, что сам текст правил 1956 года сейчас мало кому известен, ими давно не пользуются, да они фактически и не переиздавались уже около тридцати лет. Их заменили различные справочники по русскому правописанию для работников печати и методические разработки для преподавателей, а в этих изданиях нередко можно найти (как отмечают сами преподаватели, редакторы, корректоры) противоречивые рекомендации.

В этих условиях подготовка нового, современного, полного, общеобязательного текста правил русского правописания — задача давно назревшая и даже, можно сказать, перезревшая. Проект такого текста и подготовлен в Институте русского языка им. В. В. Виноградова Россий-

ской академии наук, он одобрен Орфографической комиссией Отделения литературы и языка РАН и в конце прошлого года опубликован небольшим тиражом для специалистов под названием «Свод правил русского правописания. Орфография и пунктуация». С ним ознакомлены вузовские преподаватели, методисты, представители учительской общественности. Состоялись обсуждения проекта, получены письменные отзывы. По итогам этих обсуждений, с учетом сделанных замечаний, текст свода доработан, и теперь предстоит его официальное утверждение.

Должен признаться всем тем, кто с трепетом ждет реформы русского правописания: то, что подготовлено нами, — вовсе не реформа. Речь идет о новой, переработанной и значительно дополненной, редакции «Правил русской орфографии и пунктуации» 1956 года. Эта новая редакция правил отвечает сложившемуся к концу XX века состоянию русского языка и современной практике письма. Да, конечно, текст правил написан фактически заново, в нем появились новые разделы, полностью обновлен иллюстративный материал. Однако кардинальных орфографических изменений в новом тексте правил не предусмотрено. Предлагаются отдельные изменения, в основном касающиеся двух разделов свода: во-первых, слитных, раздельных и дефисных написаний и, во-вторых, употребления прописных и строчных букв; устраняются некоторые исключения.

Занимаясь вот уже двенадцать последних лет вплотную проблемами русской орфографии — составлением орфографических словарей, подготовкой нового текста правил, участвуя в обсуждении этих правил Орфографической комиссией РАН, я все больше убеждаюсь в том, с каким уникальным объектом мы имеем дело. В этом объекте две составляющие — с одной стороны, собственно научная, лингвистическая, а с другой — общественно-культурная. Обе составляющие принципиально равноправны, они должны уравновешивать друг друга, перекося в ту или другую сторону недопустим. Именно поэтому при выработке предложений по изменению правописания так важна сугубая осторожность, взвешенность. Ведь многие из орфографических правил опираются на длительную историческую традицию.

Вообще говоря, любые орфографические изменения означают определенный (более или менее масштабный) конфликт поколений. Для кого эти изменения принимаются? Уж конечно, не для нынешнего поколения грамотных людей, а для поколений будущих, начиная с сегодняшних младших школьников, еще только обучающихся грамотному письму. А вот для тех, кто уже владеет грамотным письмом, это — несомненное неудобство, дискомфорт, повод на какое-то время (по крайней мере на ближайшее) почувствовать себя «малограмотным». Не случайно так болезненно реагирует на орфографические изменения интеллигенция. А наиболее консервативен по отношению к любым предложениям по изменению орфографии такой слой изоэренных словесников, как писате-

ли, — и это тоже вполне естественно. Оговорюсь сразу, что большие писатели — выражаясь высоким штилем, художники слова — имеют право на индивидуально-авторскую орфографию (есть такое понятие у лингвистов). Вот недавно издатели солженицынского «В круге первом» пожаловались одной из моих коллег, что Александр Исаевич упорно требует писать слова *лакать*, *лакнуть* с буквой о после л. Что ж, вопрос спорный, но в данном случае надо, видимо, уважить автора...

Говоря об орфографических изменениях, не могу не вспомнить, как сам я, будучи тогда студентом, болезненно воспринимал в 1956 году те немногие изменения, которые содержались в только что обнародованном тексте новых правил русской орфографии: писать *панцирь*, *цирюльник*, *цинга*, *циновка* с буквой и вместо *ы*; *по-видимому*, *по-прежнему*, *попустому* — через дефис вместо принятого раньше слитного написания, а *вовремя* — наоборот, слитно. Но достаточно скоро (не могу сейчас сказать, сколько именно лет спустя) новые написания стали привычными. А недавно даже произошел конфуз: воспроизводя в титрах нового фильма «Сибирский цирюльник» дореволюционное написание этих слов, авторы забыли, что второе писалось с буквой *ы* после *ц* (о твердом знаке на конце слова, разумеется, все помнят, он ведь так моден!).

Кстати, сейчас мы не предлагаем менять *ы* на *и* в корнях еще нескольких слов, оставшихся с буквой *ы* после *ц*: *цыган*, *цыпленок*, *цыпочки*, *цып-цып*, *цыкать*, *цыц*. Слова этой группы, кроме *цыган*, имеют специфические междометные корни, что оправдывает их особое написание (вот вам собственно лингвистический аргумент), а *цыган* — слово с богатой культурно-исторической традицией (поэма Пушкина, особая роль цыганщины в истории русской культуры), и допускаю, что многим трудновато будет воспринимать его с буквой *и*... Зато наше предложение писать с буквой *у* слова *парашют* и *брошюра* (пишущиеся до сих пор с *ю* как исключения), думаю, не должно быть настолько же шокирующим: оба слова — сравнительно поздние иностранные заимствования, буква *ю* отражает в них мягкость предшествующего шипящего согласного в языке-источнике (французском) — не более того; произносятся они давно с твердым шипящим (в отличие, например, от слова *жюри*, все еще произносящегося нередко с мягким *ж*), обрусели, обросли производными словами: *парашютный*, *парашютик*, *парашютист* и т. д. Вряд ли нанесет особый ущерб для культурно-исторических традиций и предлагаемая нами унификация написания сложных существительных с первой частью *пол-*: писать через дефис не только *пол-листа*, *пол-лимона*, *пол-апельсина*, *пол-яблока*, *пол-Москвы*, но и *пол-дома*, *пол-километра*, *пол-мандарина*; не только *пол-одинадцатого*, но и *пол-двенадцатого*, *пол-первого* и т. п. По правилу, действующему до сих пор, различаются написания с *пол-* перед согласными, кроме *л* (слитные), и перед гласными, согласной *л* и перед прописной буквой (дефисные). В данном случае упрощение правила,

как представляется, диктуется не столько даже лингвистическими соображениями (известной самостоятельностью компонента *пол-*, близкого к отдельному слову), сколько обычным здравым смыслом.

Однако должен сказать, что упрощение орфографии вовсе не было для нас самоцелью. Наша русская орфография не сложнее, чем, например, английская или французская, а в некоторых отношениях и легче их: каждая буква в русских словах обычно соответствует определенному звуку, чего нельзя сказать о словах английских или французских. Основной принцип нашей орфографии, называемый в лингвистике чаще всего фонеморфологическим, предполагает единообразную буквенную передачу значимых частей слова — морфем (корней, приставок, суффиксов). Правда, в современном русском правописании немало отступлений от этого принципа. Достаточно привести для примера написание приставок типа *без-* (*бес-*), *из-* (*ис-*), *раз-* (*рас-*) или *роз-* (*рос-*): мы пишем в этих приставках *з* перед буквами, передающими звонкие согласные, и *с* — перед буквами, передающими согласные глухие, а в приставке *раз-* (*рас-*) еще и пишем без ударения букву *а*, хотя под ударением — *о*. Кстати, этому особому правилу написания приставки *раз-* предлагается сейчас подчинить прилагательное *разыскной*: его надо писать именно так, с буквой *а*. Написание *розыскной* было единственным и неоправданным исключением из правила. Проверка словом *розыск* здесь некорректна: ведь мы пишем *ропись*, но *расписной*; *россыпь*, но *рассыпной*; *розлив*, но *разливной*; *розданный*, но *раздать* и т. п.

Устранение сложных случаев, различного рода традиционных отступлений от общих принципов письма, которых в нашей орфографии достаточно, — вряд ли целесообразно, а на практике едва ли осуществимо. Не следует стремиться к «дистиллированной» орфографии, принципиально изгоняя из нее все исключения и сложности. Позволительно даже утверждать, что орфография естественного языка не может быть абсолютно чистой, непротиворечивой, «причесанной», поскольку она, как уже говорилось, является в значительной степени результатом длительного историко-культурного саморазвития.

Не менее важен и неизменно актуален другой аспект этой проблемы: надо ли стремиться к упрощению орфографии в целях облегчения процесса ее усвоения, как к некоей панацее от неграмотности людей? Вопрос серьезен и не раз в истекшем столетии вставал со всей остротой.

С этой точки зрения нельзя не обратиться прежде всего к опыту Орфографической комиссии Императорской академии наук, работавшей с 1904 года и окончательно сформулировавшей свои предложения по упрощению русского письма в 1912 году. Комиссия более чем авторитетная — в ее состав входили крупнейшие лингвисты того времени: Фортунатов, Шахматов, Бодуэн де Куртенэ и другие. Предложенная комиссией

реформа сводилась главным образом к упрощению графики: устранить буквы, не обозначающие никаких звуков, как ъ на конце слов, и буквы, обозначающие те же звуки, что и другие буквы («ять», «и десятиричное», «фита»); прочие изменения были немногочисленны: введение в именительном падеже множественного числа имен прилагательных единственного окончания *-ие (-ые)*, в родительном падеже единственного числа прилагательных — окончания *-ого (-его)* вместо *-аго (-яго)* и некоторые другие.

В чьих интересах было все это предложено? Разумеется, прежде всего в интересах школы, что в стране с преобладающим неграмотным населением было очень и очень немаловажно. Чего стоило в старой школе одно только запоминание многочисленных корней с буквой «ять»!

И все же споры сторонников и противников орфографической реформы продолжались до 1917 года, и сейчас трудно сказать, состоялась бы эта реформа или нет, не будь революционных событий. Среди «консерваторов», противников реформы, были тоже весьма авторитетные люди, и их аргументы были весомы. Коренной вопрос был задан поэтом, филологом, мыслителем Вячеславом Ивановым: должна ли орфография упрощаться в угоду потребностям школы? Ведь педагогика — *ancilla vitae* (служанка жизни), а вовсе не наоборот...

С тех пор много воды утекло. Летом 1917 года министром просвещения Временного правительства Мануйловым было разослано на места распоряжение о постепенном (!) переходе на новую орфографию, ну а после Октябрьской революции большевики, оперативно воспользовавшись готовым проектом, немедленно и повсеместно ввели новую орфографию своими революционными декретами. И, думается, так называемая всеобщая грамотность была достигнута при большевиках за столь короткие сроки в немалой степени благодаря орфографической реформе.

В наше время острота дискуссий по этой проблеме (как бы ни хотелось некоторым ее реанимировать) давно прошла; старая орфография напоминает о себе разве что репринтными переизданиями дореволюционных книг; и русское зарубежье, и такой консервативный по своей внутренней сути институт, как Русская Православная Церковь (естественно, в текстах на современном русском языке, а не на церковно-славянском), пользуются в подавляющем большинстве случаев новой орфографией. А вот вопрос, сформулированный почти сто лет назад Вяч. Ивановым, живет, он по-прежнему актуален, и тезис «школа — служанка жизни» продолжает по разным поводам испытываться русистами на прочность.

Новую актуальность вопрос об упрощении русской орфографии приобрел в 1963–1964 годах. Все началось с публикации в газете «Известия» статьи на тему о низком уровне грамотности в стране и о необходимости упрощения орфографии. Вскоре, в мае 1963 года, постановлением Президиума АН СССР была создана Комиссия по усовершенствованию русской орфографии. В постановлении особо подчеркивалось «настойчивое

требование советской общественности» — «внести усовершенствования и упрощения в систему правописания». Комиссии были даны весьма сжатые сроки — «завершить работу и представить свои предложения в Президиум АН СССР в 1964 году». Некоторые предложения комиссии носили достаточно радикальный характер: например, писать *ноч, мыши; заеи, платьеце; огурици* и т. п.; вовсе отказаться от буквы ъ. Опубликованные в «Известиях» в 1964 году предложения комиссии вызвали бурную реакцию протеста, выразившуюся в ряде публикаций в тех же «Известиях» осенью 1964 года. Прекращение обсуждения совпало со снятием Хрущева. В дальнейшем, в «эпоху застоя», об этих предложениях постарались забыть, но о них до сих пор вспоминают при каждом удобном случае представители интеллигенции, весьма подозрительно относящиеся теперь к любым попыткам «вмешательства» в правила правописания, а некоторые журналисты преподносят такие попытки как бесценный «жареный» материал.

В последующие годы работа в области правил русского правописания (и, кстати, орфографических словарей тоже — академический «Орфографический словарь русского языка» переиздавался после 1974 года только стереотипными изданиями) была практически законсервирована. Возобновилась она только при перестройке, в конце 80-х годов.

Оглядываясь сейчас на предложения комиссии 1964 года, думается, что, при всей чисто научной, лингвистической обоснованности многих предложений, авторы того проекта упустили из виду неизбежный общественно-культурный шок, вызванный реакцией на ломку ряда традиционно (исторически) сложившихся правил и принципов письма и основанных на них устоявшихся орфографических навыков.

К некоторым предложениям той комиссии можно предъявить и лингвистические претензии. Так, предложенный тогда отказ от разделительного знака перед буквами, обозначающими «йотированные» гласные, в тех словах, где им предшествовал твердый согласный (то есть отказ от ъ в словах типа *сверхъестественный, межъярусный, трехъярусный, трансъевропейский, панъевропейский*), противоречит одному из основных принципов русского письма, обычно называемому слоговым. В соответствии со слоговым принципом буквы *я, ю, е, ё* после согласных букв не обозначают «йотированных» гласных, и при этом буквы *я, ю, ё, а* в исконно русских, незаимствованных словах — и буква *е*, служат обозначению мягкости предшествующего согласного. Не учли авторы этого предложения — вовсе устранить букву ъ — и того факта, что твердый знак абсолютно необходим при транслитерации иноязычных собственных имен (город *Хэнъян*, поселок *Торъял*, озеро *Ювясьярви*, писатель *Дзюньитиро Танидзаки* и т. п.): без него правильно прочитать такие имена, по преимуществу редкие, попросту невозможно.

С позиций сегодняшнего дня напрашивается, наоборот, предложение о расширении употребления разделительного ъ в тех случаях, где все

еще «йотированность» гласного в середине слова никак не обозначается. Я имею в виду прежде всего сложносокращенные слова типа *Минюст*, *иняз*, *детясли*, *госязык*, *партячейка*, *спецеда*: в нашем проекте предлагается писать *инъяз*, *Минъяст*, *спецъеда* и т.п. Все принятые до сих пор написания слов этой структуры неточно передают их звуковой состав, в них не хватает сигнала прочтения букв *е*, *ё*, *ю*, *я* как сочетаний «йота» с гласными, а таким сигналом в традиционно пишущихся слитно сложных и сложносокращенных словах может быть только разделительный *ъ*. Отсутствие его в подобных словах может тоже приводить к затруднениям в прочтении и понимании некоторых, довольно редких, сокращенных названий: такое, например, слово, как *облюст*, с ходу правильно и не прочтешь, не сразу догадаешься, что это областной отдел юстиции. Не случайно такое короткое слово, как *иняз*, фиксируется словарями новых слов (см.: «Словарь новых слов русского языка. Середина 50-х — середина 80-х годов». СПб., 1995) в трех орфографических вариантах, реально встречающихся в печати: *инъяз*, *иняз* и *ин-яз*. Эти варианты, конечно, вызваны все тем же стремлением прояснить внешним видом слова его звучание, противоречащее принятому до сих пор слитному написанию без разделительного знака.

Да, конечно, сложносокращенные слова — особый тип слов, но он и очень молодой, не имеющий большой орфографической традиции — все это главным образом «советизмы» XX века, и подчинить их написанию общим закономерностям нашей орфографии — ничуть не зазорно. Думаю, что и корректоры в этом вопросе нас поддержат, хотя они сейчас и стараются соблюдать запрет на *ъ* в сложносокращенных словах. Так, можно было заметить, что в первой публикации повести Андрея Платонова «Ювенильное море» («Знамя», 1986, № 6) в том месте, где герой узнаёт, что его попутчица «работает секретарем гуртовой партячейки», последнее слово напечатано именно так, с *ъ*, и это, вполне возможно, отражает орфографию автора; однако в последующих изданиях повести буква *ъ* была здесь снята корректорами.

Хочу остановиться еще на одном предложении 1964 года — убрать конечную букву *ь* в существительных женского рода 3-го склонения (*мышь*, *ночь*), в формах инфинитива (*беречь*), 2-го лица глаголов (*несешь*), повелительного наклонения (*режь*, *спрячь*), в наречиях (*сплошь*, *настежь*), вообще во всех словах и формах, кончающихся на шипящую. Предложение это, с фонологической точки зрения безупречное, все же не учитывало того факта, что конечная буква *ь* отмечает (по-научному — маркирует) в современной орфографии определенные грамматические типы и формы слов, в то время как другие типы слов и форм не имеют после шипящей конечного *ь*: это и существительные мужского рода (*нож*, *мяч*), и формы родительного падежа множественного числа существительных женского рода (*туч*, *рощ*), и краткие формы мужского рода

прилагательных (*свеж, хорош*). Таким образом, буква *ь* несет здесь хоть и не фонологическую, но явную морфологическую функцию. В этой связи уместно сослаться на Дмитрия Сергеевича Лихачева, который в своем, теперь уже хорошо известном, докладе 1928 года о русской орфографии (том самом, за который молодой ученый поплатился пятью годами Соловков) отмечал: чем больше в словах графических знаков, тем легче они при чтении, так как «каждое слово становится характернее, индивидуальнее, приобретает определенную физиономию». Контрастность написаний разных грамматических типов слов и форм с этой точки зрения, несомненно, полезна. В частности, она помогает избежать омографии (одинакового написания) таких разных слов, как, например, *туш* (мужского рода) и *тушь* (женского рода), *овоц* (мужского рода — единственное число от *овоци*) и *овоць* (женского рода, собирательное, см. у Некрасова: «Вся овощь огородная / Пospела. Дети носятся / Кто с репой, кто с морковкою...»). Обо всем этом можно было бы не писать, если бы до сих пор наиболее радикальные предложения комиссии 1964 года не имели своих активных сторонников среди специалистов и если бы некоторые газеты не приписывали сейчас нам предложений писать *мыш*, *огурци*, *заец* и т. п. Однако сказанное вовсе не означает, что все предложения той комиссии представляются нам неприемлемыми. Некоторые из них использованы и в нашем проекте — например, унификация написания сложных слов с первой частью *пол-*, о которой уже сказано выше, или написания причастий и прилагательных от бесприставочных глаголов: предлагается писать в словах типа *гружёный, крашеный, жареный, стриженный, раненый* всегда одно *н* независимо от того, имеются при них синтаксически подчиненные слова или нет.

Какие еще новшества, кроме упомянутых, предлагаются в подготовленном нами своде орфографических правил? Приведу только несколько примеров.

В целом ряде случаев правила отражают существующую практику письма, противоречащую тем или иным формулировкам правил 1956 года. Так, всем хорошо известно, что существительные на *-ий, -ия* имеют в определенных падежах (слова на *-ий* — в предложном, на *-ия* — в дательном и предложном) особое окончание *-и*, а не *-е*, как у всех остальных существительных этих типов склонения. Мы пишем: о *гении, на станции*, к *станции* и т. п. Но оказывается, что этому правилу не подчиняются слова на *-ий* и на *-ия*, если у них односложная основа, — такие, например, как *кий, змий, Пий* (имя римских пап), «*Вий*» или женские имена *Ия, Лия*, название реки *Бия*. Недавно в одной из газет употреблен дательный падеж мужского грузинского имени *Гия*. Написано так: «Гие Канчели зал аплодировал стоя». С точки зрения правил 1956 года написано неправильно: по этим правилам надо было бы писать *Ги*. Но вот я смотрю

новое (1994) Полное собрание сочинений Гоголя и вижу, что в комментариях к повести «Вий» сплошь и рядом написано в «*Вие*», а не в «*Виш*». Не подчиняется общему правилу и дательный падеж имени *Ия*: в газетах встречаем только *Ие*. И подобные написания — отнюдь не новшество последнего времени. Еще у М. О. Гершензона в его книге «Мудрость Пушкина» можно прочитать: «По хрие полагалось наполнить первую половину поэмы отступлениями» (*хрия* — термин риторики); то же написание — в новейшем переиздании книги. Название иконографического сюжета «Чудо св. Георгия о змие» принято писать с конечной буквой *е*. Таким образом, сама практика письма подталкивает к уточнению более общего правила для слов на *-ий, -ия* с односложной основой.

Другой пример: в правилах 1956 года установлено, что во всех словах, образованных от слов, основа которых кончается на удвоенную согласную, эта удвоенная согласная перед суффиксом сохраняется, например: *группа* — *группка*, *программа* — *программка*, *программный*, *класс* — *классный*. Но есть одна группа слов, которая явно не подчиняется этому правилу, — уменьшительные и фамильярные личные имена типа *Алка* (от *Алла*), *Римка* (от *Римма*), *Кирилка* (от *Кирилл*). В таких общепринятых написаниях нарушается существующее старое правило, где эта группа никак не оговорена. Это и есть саморазвитие орфографии. Здесь изменением захватываются небольшие, узкие группы слов.

А вот случай, охватывающий уже достаточно большую и постоянно пополняемую группу образований: это написание сложных прилагательных — слитное либо через дефис. В правиле 1956 года противопоставляется написание прилагательных с равноправным отношением частей сложного слова (такие сложные слова полагается писать через дефис) и с неравноправным, подчинительным отношением частей (их полагается писать слитно). Но есть множество слов, которые не подчиняются этому правилу, пишутся иначе. Даже в самих правилах 1956 года приведено слово *глухонемой* в слитном написании. В академическом «Орфографическом словаре русского языка» (1974 года и последующие издания) мы видим написания: *нефтегазовый*, *газопаровой*, *пароводяной*, *водовоздушный*, *буровзрывной*. В этих сложных словах явно равноправное соотношение основ, но они пишутся вопреки действующему правилу слитно. В то же время есть много примеров, когда при подчинительном отношении частей прилагательные пишутся вопреки правилу через дефис: *буржуазно-демократический* (ср. *буржуазная демократия*), *парашютно-десантный*, *жилищно-кооперативный*, *государственно-монополистический*, *научно-исследовательский*, *научно-фантастический*, *ракетно-технический*, *гражданско-правовой*, *стрелково-спортивный*, из более новых слов — *ядерно-энергетический*, *партийно-номенклатурный* и др. Если большой ряд слов, включающий десятки образований, не подчиняется правилу, значит, правило это не действует. Его следует заменить другим

правилом, найти какой-то другой критерий разграничения слитных и дефисных написаний сложных имен прилагательных.

В новом своде предлагается такой критерий: если в первой части слова есть суффикс имени прилагательного (суффикс *-н-*, *-ов-* или *-ск-*), то такое сложное прилагательное надо писать через дефис — независимо от того, равноправное в нем или неравноправное соотношение частей. Иными словами, смысловой критерий выбора написания заменяется формально-грамматическим. Эта закономерность спонтанного развития русской орфографии подмечена нашими специалистами уже давно.

По этому новому правилу предлагается всегда писать через дефис сложные прилагательные с первыми частями *северно-*, *южно-*, *восточно-*, *западно-*, *центрально-*, например: *западно-европейский*, *южно-американский*, *северно-причерноморский*, *восточно-средиземноморский*, *центрально-азиатский*. Раньше подобные прилагательные писались через дефис только в составных (географических или других) наименованиях с двумя прописными буквами. Теперь предлагается их писать единообразно — не только *Западно-Сибирская низменность* или *Западно-Сибирский металлургический комбинат*, но и *западно-сибирская природа*, *растительность* и т. п.

Предлагается расширить сферу применения дефиса в сочетаниях с приложением: писать через дефис не только сочетания с однословным приложением, следующим за определяемым словом (*мать-старуха*, *садовод-любитель*, *Маша-резвушка*), но и сочетания с предшествующим определяемому слову приложением — таким, которое, по определению свода 1956 года, «может быть приравнено по значению к прилагательному» (*старик-отец*, *красавица-дочка*, *проказница-мартышка*), в том числе и с приложением, предшествующим собственному имени (*матушка-Русь*, *красавица-Волга*, *резвушка-Маша*). Обе последние группы в своде 1956 года предлагалось писать раздельно. Практика печати показывает, что правило это в ряде случаев не соблюдалось, особенно в классических текстах — например, в таких случаях, как: *Старуха-мать ждет сына с битвы* (Лермонтов), *«Красавец-мужчина»* (название пьесы Островского), *матушка-Русь* в известных словах из поэмы Некрасова.

Таким образом, утверждение правил 1956 года, что «дефис не пишется в сочетании имени нарицательного со следующим за ним именем собственным», на самом деле верно только для сочетаний типа *город Москва*, *река Волга*, но абсолютно неприменимо в тех случаях, где собственному имени имени предшествует оценочное приложение.

Изменения последних лет, происшедшие в общественном осознании священных понятий религии, потребовали включения в новый свод особого раздела «Названия, связанные с религией». В основе его — практика употребления прописных букв, существовавшая в дореволюционное время и установившаяся за последнее десятилетие (после

снятия идеологических запретов) в современной печати, — например, в словах *Бог*, *Господь*, *Богородица*, в названиях религиозных праздников (*Пасха*, *Рождество*, *Крещение*), священных книг (*Библия*, *Евангелие*, *Коран*) и др. Однако вводятся существенные уточнения: о написании со строчной буквы слов *бог* и *господь* в выражениях междометного и оценочного характера, употребляющихся в разговорной речи вне прямой связи с религией (например, *ей-богу*, *бог знает что*, *не бог весть что*, *не слава богу* — «неблагополучно», междометия *боже мой*, *господи*), об употреблении прописной буквы в названиях народных праздников, связанных с церковным праздничным циклом, — таких, как *Святки*, *Масленица*, и ряд других уточнений.

В некоторых отзывах на новый проект правил уже прозвучало возражение: а как же быть атеистам? На это можно ответить только одно: до революции 1917 года даже самые отъявленные атеисты писали Бога с прописной буквы. Дело здесь не в том, веришь ты в Бога или нет, а в том, что *Бог* (в монотеистических религиях), *Господь*, *Богородица*, *Аллах* — индивидуальные названия, являющиеся фактически собственными именами¹.

Еще одно изменение, касающееся употребления прописных букв. В официальных названиях органов власти, учреждений, обществ, научных, учебных и зрелищных заведений, политических партий и т. п. предлагается писать с прописной буквы всегда только первое слово (а также входящие в их состав собственные имена), например: *Всемирный совет мира*, *Государственная дума*, *Федеральное собрание*, *Российская академия наук*, *Военно-морской флот*, *Союз театральных деятелей России*. Такие слова, как *Дума*, *Академия наук*, должны писаться с прописной буквы лишь в тех случаях, когда они употреблены вместо полного официального названия. Тем самым отменяются директивные рекомендации старого свода, согласно которым предлагалось писать с прописной буквы все слова, кроме служебных и слова *партия*, в названиях высших партийных, правительственных, профсоюзных учреждений и организаций Советского Союза — таких, как *Верховный Совет*, *Совет Министров СССР*, *Советская Армия* и *Военно-Морской Флот*.

Предлагается писать со строчной буквы любые названия должностей и титулов, а прописную букву использовать при именовании выс-

---

¹ Реплика И. Б. Роднянской (руководитель отдела критики журнала «Новый мир» в 1988–2008 гг. — *Примеч. сост.*). Представляется, что нормативность в этом вопросе несколько опрометчива. Меня, например, никакими запретами не заставишь в восклицании «Боже мой» писать первое слово со строчной буквы — ведь я помню, к Кому обращаюсь. И, с другой стороны, пока я имею прикосновенность к редактированию, не стану понуждать атеиста к букве прописной: ведь для него *бог* монотеизма — такой же мифологический персонаж, как *боги* Перун или Гермес. Не следует ли в такой щекотливой области допустить свободный выбор вариантов?

ших государственных должностей и титулов только в текстах официальных документов — указов, соглашений, коммюнике и т. п. Таким образом отменяется правило, предусматривавшее писать с прописной буквы наименования высших должностей в СССР и со строчной — наименования других должностей и титулов.

Несколько слов о правилах написания аббревиатур. Вряд ли верной уже изначально была рекомендация правил 1956 года писать строчными буквами звуковые аббревиатуры, «обозначающие имена нарицательные». Так пишутся (в виде исключений) только немногие из звуковых аббревиатур — *вуз, роно, дот, дзот, нэп, загс* (у последних двух есть варианты написания прописными буквами: *НЭП, ЗАГС*). Однако правило, давно уже реализованное на практике, заключается как раз в обратном — в том, чтобы писать любые звуковые аббревиатуры прописными буквами: так пишутся, например, *ГЭС, ГРЭС, ТЭЦ, ВТЭК, РОЭ*, из старых аббревиатур «раннесоветского» периода — *ТОЗ, ЧОН*, из более поздних, новых — *НОТ, СПИД, ЖЭК, ОМОН, ТЭК, ВИА, СМИ, УЗИ* и многие другие. Ничего не сказано в старых правилах о том, как писать слова, производные от аббревиатур, — о несохранении в них прописных букв, например: *мхатовец, мидовский* (от *МХАТ, МИД*). Это приходится впервые формулировать в новом своде правил; особо подчеркивается, что формы буквенных аббревиатур и производных от них слов надо писать только по названиям букв, например: *бэтээры, кагэбэшный, кавээщик* (от *БТР, КГБ, КВН*).

В необходимых случаях в свод правил введены целые новые блоки или новые подразделы. Так, впервые сформулировано общее правило правописания букв на месте безударных беглых гласных. При склонении на месте беглого гласного в именных основах пишутся: после твердых согласных — буква *о* (*банка — банок, кухня — кухонь*), после мягких согласных и шипящих, но не перед *й*, — буква *е* (*спальня — спален, башня — башен*), а перед *й* — буква *и* (*гостья — гостей, третья — третий*). То же в производных словах: *суточный, горечь, неженка, чаечий* (от *чайка*), *келейка* (от *келья*).

В разделе о слитных, раздельных и дефисных написаниях впервые сформулированы так называемые корректирующие правила, или правила координации. Здесь предусмотрены различные случаи корректировки написаний, вытекающих из основных правил, если такие написания затрудняют понимание смысловых отношений соединяемых языковых единиц. Например, если часть слова, пишущаяся по общему правилу слитно, соединяется с дефисно или раздельно пишущейся единицей, то ее следует писать (соответственно) через дефис или раздельно: *радио-мюзик-холл, экс Советский Союз*. Если в конструкции с приложением один из членов (первый либо второй) является сочетанием слов, то дефис должен быть заменен знаком тире: *директор — художественный*

руководитель, научный сотрудник — космонавт, государства — члены НАТО и т. п.

Еще одна особенность нового свода — допущение в ряде случаев разных, вариативных написаний. Этим обусловлены, в частности, уточнения стилистического характера. Например, допускается в художественной речи, прежде всего в поэтической, написание форм предложного падежа с окончанием *-и* вместо общепринятого *-е* типа в *молчаньи*, в *раздумьи*, в *ущельи* (именно такими написаниями пользовалось несколько поколений русских поэтов от Пушкина до Пастернака). Указываются как не требующие исправления некоторые устаревшие написания суффиксов, встречающиеся в художественной литературе — в таких формах, как, например, *Марфинька*, *Полинька*, *Фединька*, *Володичка*, *Ваничка* (отмечается и обычное в современных текстах написание *Веничка Ерофеев*). Допускается написание с прописной буквы прилагательных на *-ский*, образованных от собственных имен, если эти прилагательные имеют значение индивидуальной принадлежности, — см., например, у Пастернака: «В Варыкино влетели засветло и стали у старого Живаговского дома, так как по дороге он был первым, ближе Микулицынского».

В ряде случаев пишущему предоставляется право осознанного выбора между раздельным и дефисным написанием. Отсюда, например, возможность двояких написаний в случаях типа *кричаще яркий* и *кричаще-яркий*, *детски беспомощный* и *детски-беспомощный*, *томительно жаркий* и *томительно-жаркий*, *болезненно ревнивый* и *болезненно-ревнивый*. Если пишущий считает такое сочетание соединением наречия с прилагательным, то пишет его раздельно, если же видит в нем сложное слово, имеет право написать его через дефис.

Возможность выбора написания, допустимая в некоторых особых случаях, отмечалась орфографистами прошлого, но в своде 1956 года она фактически игнорировалась. Разумеется, такая возможность ни в коей мере не отменяет общего принципа обязательности правил и единообразия письма.

В новых правилах переноса тоже сняты некоторые ограничения, предусмотренные сводом 1956 года. В ряде случаев правила, прежде предлагавшиеся как обязательные, признаются лишь предпочтительными. В частности, это относится к разделению групп согласных при переносе: признаются допустимыми не только такие переносы, как *подбросить* (с обязательным учетом границы между приставкой и корнем), но и такие, как *подб-росить*. Отчасти это обусловлено новыми техническими условиями компьютерного набора текстов. Впрочем, основные запреты — на перенос одной буквы, на отделение гласной от предшествующей согласной и др. — естественно, остаются.

Большая вариативность по сравнению со сводом 1956 года допускается новыми правилами пунктуации. Так, перед перечислением, перед

второй частью бессоюзных сложных предложений, имеющей значение причины, и в некоторых других случаях теперь признается правильным не только двоеточие, но в равной степени и тире. Вообще правила пунктуации стали более разнообразными в связи с широким использованием в современной письменной речи разговорных конструкций. Изменилась и сама композиция раздела «Пунктуация»: материал в нем расположен не по знакам препинания, как прежде, а по типам синтаксических конструкций.

По поводу нашего проекта не раз уже приходилось слышать от самых разных оппонентов, что заниматься орфографией сейчас не время. До орфографии ли теперь, когда бастуют учителя, а целые города замерзают без тепла и света? Позволю себе с такими доводами категорически не согласиться: эта работа сейчас очень даже нужна. Орфография — один из важных элементов национальной культуры, и наличие общеобязательного, реального, а не фантомного свода правил правописания — особенно в нынешнее смутное время, время падения нравов, культуры и грамотности, — это некоторый просвет, намекающий на культурное здоровье общества.

Такая работа для цивилизованной страны просто необходима. Кстати, наши ближайшие родственники — белорусы и украинцы, невзирая на собственные трудности, занимаются сейчас аналогичной работой. Новая редакция правил белорусского правописания готова к утверждению. Во Франции еще в 1990 году принят и выполняется закон «о ректификации орфографии», предусматривающий частичные орфографические изменения (и это при всей традиционной консервативности французского письма). Вот только в Германии устроили перебранку по поводу принятых два года назад новых правил немецкой орфографии. Очень надеемся, что у нас такого не случится.

Что же касается возникающих иногда в связи с нашим проектом рассуждений о том, сколько это будет стоить нашей стране и ее народу (имеются в виду необходимые переиздания словарей и учебников), то это, простите, демагогия. Словари у нас и так выходят ежегодно десятками изданий, учебники тоже переиздаются каждый год, и средства на это откуда-то находятся. Издатели будут только рады новому поводу переиздать кое-что из словарей, а более фундаментальные вещи типа энциклопедий и не потребуют срочного переиздания.

К тому же с принятием нового свода правил обязательно будет объявлен переходный период (два или три года), в течение которого не будут считаться ошибками старые, не соответствующие новым правилам написания. Это особенно важно для оценки грамотности выпускников средней школы и вузовских абитуриентов. Вообще принятие нового свода правил правописания — хороший повод для того, чтобы ведущие ор-

ганизации системы образования пересмотрели принципы оценки орфографических ошибок, обновили их классификацию, выработали на этот счет точные критерии, так необходимые для учителей-русистов.

Новая редакция правил русского правописания — не каприз лингвистов, а веление времени. Разработчики правил, члены Орфографической комиссии РАН и все, кто участвовал в обсуждениях и в совершенствовании текста правил, надеются на понимание этого самой широкой общественностью. Наведение порядка в правилах письма, четкие орфографические рекомендации, выверенные новые орфографические словари — очень важный фактор повышения грамотности, и не только русских людей, но и всех тех, кто пользуется русским языком как неродным, кто изучает этот язык, остающийся и сейчас, в переживаемое нами время, великим и могучим.

И. В. Нечаева

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В ЯЗЫКЕ И ПРОБЛЕМА ПИСЬМЕННОГО ОСВОЕНИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ

1. Процесс лексического заимствования, столь активно протекающий в настоящее время в русском языке, можно рассматривать как проявление мировых интеграционных процессов. «Осознание своей страны как части цивилизованного мира» является одним из условий принятия новых иноязычных слов¹. Подобные «всплески» межъязыковой активности в истории развития русского языка общеизвестны: это, например, эпоха Петра I с его успешно реализованной попыткой «прорубить окно в Европу», времена французского Просвещения и начало наполеоновской эпохи, сопровождающиеся культом французского языка и французской культуры, и др. Социальные и политические процессы закономерно отражаются на лексическом составе языка, проявляясь, в частности, иноязычным влиянием и включением новых заимствований, которые могут составлять большие группы терминологии или общеупотребительной лексики: напр., морские термины нидерландского происхождения (*док, матрос, руль, шлюпка, яхта* и др.), военная германоязычная лексика (*солдат, фронт, штурм, шпион, ранец* и др.), названия предметов обихода, термины по искусству из французского и итальянского языков (*ария, антракт, бельканто, гротеск, классицизм, колорит, Ренессанс, роман, рококо, спектакль, шедевр; берет, канделябр, канане, фрак* и др.). Что касается настоящего времени, то значительный при-

---

Печатается с разрешения И. В. Нечаевой по первой публикации: *Нечаева И. В. Глобализация в языке и проблема письменного освоения заимствований // Сборник Матице српске за славистику [Альтернативное загл. на обороте тит. листа: Матица Српска. Отделение литературы и языка: Славистический сборник = Matica Srpska. Division of Literature and Language: Review of Slavic Studies]. [Т.] 85. Нови Сад: Матица српска, 2014. С. 9–23.*

¹ *Крысин Л. П. Лексическое заимствование и калькирование // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 168.*

ток заимствованных слов в русский язык, обозначающих самые разные понятия, на рубеже XX–XXI веков, очевидно, связан с большей открытостью российского общества в этот период, с интенсификацией общения носителей русского языка с представителями других культур, чему способствует и бурное развитие информационных технологий.

Вопрос использования заимствований всегда живо интересовал носителей титульного языка; время от времени возникают дискуссии об оправданности массового употребления иноязычных слов и даже о возможности запрета на них. Отношение к иноязычиям как к чему-то духовно чуждому, к заимствованию как к «засорению» языка можно встретить и сейчас, однако оно не представляет культурного мейнстрима; уместно вспомнить, что еще в конце XIX века академик Я. К. Грот писал о «чужеземных словах» как о «законном приобретении всех языков». По его мнению, «безусловная вражда к заимствованным словам не имеет разумного основания»², а принятие чужих слов в язык — процесс естественный и неизбежный.

Однако опыт двух последних десятилетий выявил серьезную проблему, касающуюся лингвистического освоения новых слов, в том числе в письменной речи. Этот процесс зачастую весьма затруднен и занимает многие годы, если не десятилетия. И дело здесь не только в повышении темпов языковой динамики, насыщении языка иноязычными элементами, порой не имеющими аналогов в лексической системе (причина внешняя), но и в самих принципах орфографической нормализаторской деятельности — в том виде, как они сложились в языке с течением времени (причина внутренняя).

Оказалось, что действующие правила правописания относительно иноязычных слов применимы лишь в небольшом числе случаев, а результативность обращения к словарям оставляет желать лучшего и зависит не только от оперативности отражения в них новой лексики, но и от того, насколько убедительны словарные рекомендации. Споры по поводу написаний, довольно активно протекавшие в конце 1990-х — начале 2000-х, не иссякли окончательно и поныне. Пользователям неочевидно, как следует писать по-русски: *тренд* или *трэнд*, *офшор* или *оффшор*, *имейл* или *e-мейл*, *уикенд* или *уик-энд*, *демоверсия* или *демо-версия*, *видеоарт* или *видео-арт*, *штрихкод* или *штрих-код*, *топлес* или *топлесс*, *ароматерапия* или *аромотерапия*, *чирлидинг* или *черлидинг*, *опен-эйр* или *опен эйр*, *мейкап* или *мейк-ап*, *трендсеттер* или *тренд-сеттер*, *аудиогид* или *аудио-гид*, *ремейк* или *римейк*, *андеграунд* или *андерграунд*, *пентхаус* или *пентхауз*, *фрисби* или *фризби*, *ресепшен* или *ресепшин*. Порой это неочевидно и самим лингвистам. Некоторые слова имеют целый спектр

---

² Грот Я. К. Русское правописание. 7-е изд. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1888. С. 75.

письменных вариантов: *флеш-мобер, флэш-мобер, флеш-моббер и флэш-моббер; беби-бокс, бэби-бокс, бебибокс и бэбибокс; хепенинг, хэпенинг, хеппенинг и хэппенинг; хедхантер, хэдхантер, хед-хантер и хэд-хантер; спелчекер, спеллчекер, спеллчеккер, спелчеккер, спел-чекер, спелл-чекер, спел-чеккер и спелл-чеккер*. В интернет-узусе и печатных текстах встречаются орфограммы на любой вкус, и признаков преодоления узуальной вариативности на письме в целом не наблюдается.

2. Обилие вариантов в орфографии, которая вообще-то является наиболее устойчивой к вариативности сферой языка, — фактор симптоматичный. Как видно, мы имеем дело с ортологической проблемой — проблемой определения правильности написаний для иноязычных слов, и проистекает она из неясности лингвистических оснований для такого определения. Как при наличии подобного орфографического плюрализма однозначно определить орфографическую норму для нового явления на письме? В качестве критериев нормативности (которые, впрочем, разработаны в основном для явлений устного языка, но не для письменной речи) обычно признаются: соответствие структуре языка и тенденциям его развития, массовая и регулярная воспроизводимость языкового факта в литературных текстах, его позитивная общественная оценка. Важна также применимость всех этих критериев в совокупности; абсолютизация какого-либо одного из них может привести к искажению нормативной оценки (так, массовая воспроизводимость какого-либо явления в устной речи или на письме — еще не гарантия его нормативности: это может быть всего лишь распространенная ошибка). Важно также, что это должно относиться лишь к сложившимся явлениям: норма, как ее принято понимать, — явление устойчивое и требует проверки временем³.

Обратившись к письменному языку (в частности — к подсистеме иноязычных неологизмов), мы во многих случаях убеждаемся в недостаточности данных критериев в условиях расширенной вариантности. Структура русского письма допускает различные возможности, а диагностирование тенденций — дело совсем не очевидное. Проблема в том, что на процесс письменной адаптации слова зачастую оказывают влияние одновременно несколько лингвистических факторов, которые могут действовать противоречиво. В этих случаях слова как бы обладают «двойной орфографической мотивацией»⁴. Механизм возникновения орфографических колебаний, реализуемых в узуальной вариативности, требует специального изучения, и уже делаются некоторые шаги в этом направлении. Рассмотрим несколько примеров.

³ Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 338.

⁴ *Нечаева И. В.* О явлении и случаях двойной орфографической мотивации // Вопросы культуры речи. Вып. 11 / отв. ред. А. Н. Шмелев. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 148–154.

2.01. У слова *ремейк* / *ремейк* [англ. remake] с этимологически вычленимым префиксом *re...* в первом слоге этимона произносится гласный [i]; однако в русском языке существует ряд более ранних заимствований из европейских языков с аналогичным префиксом (этот ряд дополняется словами, образованными из иноязычных компонентов на русской почве): *реанимация*, *регенерация*, *реинкарнация*, *реорганизация* и др. (которые пишутся с «е»). При передаче слова *remake* дилемму представляет следование иноязычному произношению (*ремейк*) либо аналогия с более ранними заимствованиями (*ремейк*). Подобных слов появляется все больше, ср. напр. *рирайтер* / *рерайтер* (rewriter [ri:raɪtə]⁵), *ритейлер* / *ретейлер* (retailer [ri:teɪlə]⁶) и др. Конфликт нового с уже освоенным порождает узуальные варианты⁷.

2.02. Аналогичный случай противоречия между иноязычным и русским представляет название современного музыкального стиля *хеви-метал(л)* [англ. heavy metal]. Вторая часть слова графически узнаваема и имеет вполне ясное значение. Но должна ли графическая аналогия со словом *металл* влиять на передачу этимологически родственного англицизма (у которого в этимоне отсутствует удвоение согласных)? На этот вопрос теория нормообразования ответа не дает, и поэтому на практике существуют колебания.

2.03. В том же плане альтернативными являются варианты *уикенд* / *уик-энд* [англ. weekend]. Двухосновную структуру этимона нагляднее показывает второй вариант (что поддерживается, напр., этимологически однокоренным — по второй части слова — заимствованием *хеппи-энд*), тогда как первый достаточно верно отражает английское произношение и написание слова.

2.04. Слово *имейл* / *е-мейл* [англ. e-mail] являет собой альтернативу транскрипционного способа передачи заимствования (вариант *имейл* — [i:meɪl]) — и смешанного, транскрипционно-транслитерационного (вариант *е-мейл* — ср. графическое сходство этимона и его кириллической передачи). И хотя некоторые авторитетные словари фиксируют первый вариант, нельзя не признать, что во втором варианте лучше учитывается состав иноязычного слова (чего требует от нас правило практической транскрипции, принятое в устоявшейся практике передачи иноязычий)⁸.

---

⁵ ‘Сотрудник газеты или журнала, который пишет статьи на основе других публикаций’.

⁶ ‘Оператор розничной торговли’.

⁷ Подробнее см.: *Нечаева И. В.* Мотивированность иноязычных слов: орфографический аспект проблемы // Русский язык в научном освещении. 2005. № 1 (9). С. 88–91.

⁸ По распространенному мнению, практическая транскрипция представляет собой некий «компромисс между транслитерацией и транскрипцией» (*Тимофеева Г. Г.* Английские заимствования в русском языке (фонетико-орфографический

2.05. Слова на ...шен/шн, ...жен/жн, напр. **экиш(е)н** [англ. action], **нон-фикш(е)н** [англ. non-fiction], **ресепш(е)н** [англ. reception], **феш(е)н** [англ. fashion], **фьюж(е)н** [англ. fusion], также имеют частотные письменные варианты. Здесь, судя по всему, имеет место противоречие между иноязычными фонетико-орфографическими свойствами слова и его русской фонетической адаптацией (скопление согласных на конце слова для русского языка нехарактерно и артикуляционно затруднено). Ситуация осложняется вариативностью произношения данных слов и в самом языке-источнике. Так, английский словарь Oxford дает к слову *ресепш(е)н* транскрипцию с немим гласным ([rɪsepʃɪn]), а словарь Collins — с произносимым редуцированным [rɪsepʃən].

2.06. Конфликт двух орфографий (русской и английской) представляет пример слова **ароматерапия / аромотерапия** [англ. aromatherapy]: вопрос состоит в передаче иноязычного написания путем нахождения графических соответствий (буква «а») — либо в применении правила о соединительной гласной при образовании сложных слов в русском языке (буква «о»). Можно, кстати, припомнить и относительно недавнее обсуждение в лингвистических кругах орфограммы слова *гексаген / гексоген* [gɛxogen], которое имеет отношение к близкой проблеме: там речь идет либо об унификации написаний по первой части *гекса...* (ср. *гексагональный, гексахлоран* и др.), либо о более точной передаче иноязычного написания.

2.07. **Оф(ф)шор** [англ. offshore]. В этимоне данное слово имеет ударную согласную, однако в русском словаре есть заимствования, у которых этимологически вычленяется тот же префикс и которые закрепились с одиночной согласной (*офсайд* — англ. offside, *офсет* — англ. offset). Принятие написания *офшор* означало бы соблюдение русских орфографических аналогий (ср., однако, уже упомянутое *хеви-метал*, где такие аналогии не соблюдаются), а написания *оффшор* — точность передачи этимона. Какой фактор сильнее — этимологический или синхронно-парадигматический, — это на сегодняшний день не определено теорией орфографического нормирования.

2.08. У слова **пентхаус / пентхауз** [англ. penthous] (а также **таунхаус / таунхауз** и под.) английский этимон с глухим согласным на конце при образовании плюральной формы [penthouses] меняет свое звучание: конечный согласный основы становится звонким. Это является причиной распространения двояких написаний в русском языке. Должно ли данное позиционное изменение согласного в этимоне учитываться при заимствовании? Этот вопрос пока остается открытым. Ср. также **фрисби**

аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1992. С. 13), хотя ведущим ее принципом является всё же по возможности точная передача иноязычного произношения слова, его «фонетизация и затем фонематизация»; см.: *Суперанская А. В.* Теоретические основы практической транскрипции. М.: Наука, 1978. С. 39.

/ **фризби** (англ. frisbee [frizbi:]), **гёрлс** / **гёрлз** (англ. girls), где речь также идет о выборе между глухим и звонким при передаче заимствования.

2.09. Параллельно заимствованные в русский язык однокоренные слова с одиночной / двойной согласной в этимоне, типа **блог** / **блог(з)ер**, **шоп** / **шоп(н)инг**, **рэн** / **рэн(н)ер** и т. п., теоретически можно передавать в соответствии с этимологией каждого (англ. *shop*, но *shopping*, *blog*, но *blogger*), а можно графически унифицировать между собой. Какое решение является более правильным? Орфографический словарь рекомендует упростить удвоение согласных (*блогер*, *шопинг*), но узус предпочитает написание, более близкое к оригиналу (*блоггер*, *шоппинг*). Следует заметить, что в русском языке и сейчас существуют слова, для которых подобная унификация не применяется (*контроль* — *контроллер* — *контролинг*), и, возможно, появятся другие.

2.10. В слове <**хэтчбек**> [англ. hatchback] дважды встречается фонема /э/ после твердого согласного; соответственно образуются четыре варианта написания: *хэтчбек*, *хетчбэк*, *хэтчбэк*, *хетчбек*. Принято считать, что в русском языке после твердых пишется преимущественно буква «е» за исключением всего лишь нескольких слов⁹. Две буквы «э» в одном слове для русского письма тем более нехарактерны. В какой из двух позиций в слове <**хэтчбек**> следует писать «э», а в какой «е»? Наблюдения за узусом подсказывают, что в первую очередь графической поддержки требует твердость задненебных (поскольку нормально они перед /э/ смягчаются в русском языке), т. е. писать следует *хэтчбек*. Однако в орфографическом словаре было принято иное написание — *хетчбэк*, так как в соответствии с однажды созданным прецедентом морфема «бэк» (*back*) в этом словаре передается с буквой «э» (ср. *бай-бэк*, *бэк-вокал*, *бэк-вокалист*, *бэкграунд*, *бэк-офис*, *бэк-слеи*, *бэкхенд*, *фастбэк*, *флешбэк*), т. е. был избирательно применен принцип графической унификации у однокоренных иноязычий (ср., однако, *мэтр*, но *метрдотель*, *мэн*, но *супермен* и др., где такой принцип не соблюдается).

2.11. Слова **видео(-)арт**, **соц(-)арт**, **фото-арт** теоретически можно писать слитно, как подобные образования на *видео...*, *соц...* и *фото...* (*видеокассета*, *видеомагнитофон*, *соцреализм*, *соцсоревнование*, *фотокарточка*, *фотоальбом*), а можно — через дефис, по иноязычному словообразовательному образцу (ср. *поп-арт*, *нейл-арт*). Здесь имеют место двойкие орфографические аналогии, которые действуют разнонаправленно. Аналогия вообще часто служит инструментом орфографической унификации; однако проблема состоит в том, что в данном случае орфографические аналогии по первой (*видео...* и др.) и по второй части (*-арт*) перечисленных сложных слов противоречат друг другу.

---

⁹ Так в правилах, хотя в орфографическом словаре таких слов — около ста единиц.

2.12. Слово *шоу(-)рум* [англ. showroom] по своей структуре пополняет многочисленный ряд новообразований с начальной частью *шоу-...* (*шоу-бизнес, шоу-программа* и др); практически все они пишутся через дефис. Однако при этом конечная часть данных сложений, как правило, представляет собой самостоятельное слово (*бизнес, программа*), тогда как *рум* в русском языке отдельно не употребляется. О том, что данное обстоятельство имеет определенное значение для правописания сложных слов, говорят примеры *бизнесмен* и *бизнесвумен* (ср. *бизнес-план, бизнес-класс, бизнес-проект, бизнес-центр* и др.), а также слово *шоумен*, пишущиеся слитно.

И так далее.

Во всех перечисленных случаях (и многих других) трудность выбора одного нормативного решения из ряда возможных основана на множественности лингвистических подходов, на объективной возможности посмотреть на проблему письменной передачи иноязычных слов с разных сторон. Настаивание на произвольном выборе одного из вариантов написания часто рождает спор и сопротивление выбранному решению как произвольному и принудительному.

3. Почему данная проблема так явно обозначилась именно сейчас? Является ли она новой для русского правописания? Ответ на этот вопрос одновременно и положительный, и отрицательный: и да, и нет. Не новы в целом языковые противоречия, которые приводят к появлению колебаний в написании слов. Новой является осознанная возможность писать по-разному, плюрализм в принятии решений и как следствие — широкое распространение орфографических вариантов, не обусловленное неграмотностью (т. е. в текстах, написанных в целом с соблюдением правил правописания). Это лишает условно кодифицированную словарную норму ее авторитетности и ставит под сомнение сам нормативный статус словарных написаний (которые в различных словарях могут различаться). Проблема выбора появляется не только у кодификатора, но и у каждого пишущего (кому-то это импонирует, другие предпочли бы использовать готовые решения, не требующие серьезных размышлений). Нельзя не признать, что в таком масштабе затруднений при передаче заимствований до недавнего (в историческом масштабе) времени не возникало. Однако все эти затруднения порождены традиционной русской письменной системой, которая в эпоху глобализации оказалась не готова к вызовам времени.

Дело в том, что характерной чертой сложившейся системы нормирования до настоящего времени была *безальтернативность*. Авторитарность русской орфографии предполагала соблюдение следующих принципов:

— а) написание любого слова, в том числе нового, должно быть единым; это единство должно быть обязательно достигнуто, даже ценой условности принятых решений;

— б) идеал орфографических рекомендаций в простоте их применения и минимуме используемых критериев (которые, как показывает опыт, могут быть выбраны произвольно);

— в) у орфографической нормы отсутствуют градации; существует лишь жесткая дихотомия нормативного написания и ошибочного.

Исходя из этих принципов нормативные источники (правила, справочники, словари) — как в безусловных, так и в сомнительных случаях — представляют в качестве нормы всего лишь один из возможных письменных вариантов, выбор которого иногда произволен, иногда условен, но всегда категоричен. Орфографическая норма может «назначаться» кодификатором порой еще до того, как сформируется стихийным образом в узусе подобно прочим языковым нормам. Эта практика продолжается и поныне. У нее есть сторонники, которые склонны «выхватывать» один из вариантов из общего поля письменной нестабильности, объявляя его «единственно правильным», а остальные варианты относить либо к ошибкам, либо — наиболее частотные — к моде, которая пройдет.

Столкновение догмы и реальности, противоречие между безвариантностью нормы и стихийным плюрализмом письма и рождает то положение, которое так осложняет процесс письменного освоения заимствований. Для современной ситуации очень часто нормальным как раз является а) не одно употребительное написание, а целый спектр вариантов; б) не наличие одного критерия написания, а применимость нескольких критериев, в равной степени законных; в) между правильной и однозначно неправильной орфограммой существует диапазон допустимого, который включает варианты, не противоречащие традициям и принципам русского письма. (Так, например, для слова *фото(-)арт* допустимыми можно считать дефисно и слитно пишущиеся варианты, а однозначно неправильным — вариант с раздельным написанием.)

При этом, как мы видели, убедительный выбор единой орфограммы, нахождение обособенной нормы предполагает наличие ответов на многие вопросы, на сегодняшний день теоретически и практически нерешенные, например: что является орфографической аналогией? Как быть при отсутствии устойчивой традиции написания, если аналогий две (или больше) и они требуют для слова различных графических реализаций? Какие факторы — внутрисистемные или этимологические — являются определяющими, и в каких случаях? И конкретно: можно ли всё же признать орфографическим образцом написание слова *реорганизация* для слова *ри/емейк*? *металл* для слова *хэви-метал(л)*? *офсайд* для *оф(ф)шора*? *блог* для *блог(г)ера*? *шоу-бизнес* для *шоу(-)рума*? *соцреализм* для *соц(-)арта*? *гексаэдр* для *гекса/огена*? и т. д., и т. п. В какой мере следует учитывать написание этимона, если это слово заимствовано в русский язык в готовом виде? Учитывается ли позиционное изменение согласных

звуков в языке-источнике и как в таких случаях транскрибировать их на русский? и т. д.

При таком положении вещей во многих случаях единственное, безальтернативное написание может быть результатом лишь волевого решения, а не объективно существующей нормы. Более современный взгляд на проблему нормообразования в орфографии предполагает прежде всего убедительную обоснованность нормативного выбора. И если аналогичной обоснованностью обладают несколько возможных написаний, то они и должны быть признаны нормой — на протяжении соответствующего переходного периода, до завершения процесса формирования данной орфограммы (что можно установить лишь при тщательном изучении орфографического узуса).

4. Надо сказать, что вопрос об орфографической норме до сих пор является дискуссионным. Традиционный взгляд основан на убеждении, что орфография — система условная и авторитарная, и любые (в том числе неудачные) кодификаторские решения должны исполняться. Орфография — не уровень языка, а всего лишь его оболочка, а норма в орфографии отличается от прочих языковых норм большей долей сознательного, в определенной степени навязанного извне, а не сформированного стихийно, под влиянием внутриязыковых процессов. Такая норма имеет безусловный императивный статус; варианты должны быть волевым образом сведены к минимуму, если не вовсе уничтожены. Отсюда и требование единства написаний, минимум нормативных критериев и жесткая антиномия нормы — ошибки (нет необходимости описывать все возможности, достаточно указать на одну и подобрать к ней подходящий критерий).

Другая точка зрения заключается в том, что кодификация, опережающая формирование нормы в узусе, в силу своей недостаточной убедительности расшатывает норму как таковую. Кодификатор сам не уверен в том, «как правильно», и его вынужденное решение может оказаться на проверку ошибочным (что нередко и случается). В таких случаях по прошествии времени кодификацию приходится менять, что также негативно сказывается на стабильности письма. Такого рода кодификаторские «метания» в большей степени дискредитируют науку, чем временное отсутствие ответа на конкретные вопросы, связанные с правописанием. Орфографические колебания необходимо не уничтожать, а изучать, поскольку они выявляют тенденции, действующие в письменном языке. Норма в орфографии принципиально ничем не отличается от прочих языковых норм, которые формируются естественным образом в языке через вариативность, а деятельность лингвистов должна быть направлена на выявление сложившихся норм и закрепление их в кодифицирующем источнике.

Нам кажется, что живой и изменчивой природе языка более соответствует новый взгляд на упорядоченность в орфографии, при кото-

ром спорные явления честно признаются спорными, а императивная кодификация только тогда оправданной, когда она идентична уже сформировавшейся норме; устойчивое колебание написаний не считается ошибкой, а является показателем стихийных процессов в языке. Таким образом, норма становится более «толерантной»¹⁰. Толерантность же кодификации может состоять в определении диапазона варьирования орфограмм, за пределами которого должны остаться написания, не имеющие реальной лингвистической опоры или не вполне соответствующие этимологии слова: например, гиперкорректные *тиффози* (итал. *tifoso*) или *паллета* (франц. *palette*), а также *колонетика* (англ. *callanetics*), *супер шоу* (в раздельном написании) и т. п. За исключением подобных некорректных вариантов, толерантная норма в сомнительных случаях¹¹ должна вбирать в свой диапазон ряд лингвистически обоснованных написаний.

Например, основанием для графической записи *риелтор* (англ. *realtor*) является правило, предписывающее после буквы «и» писать «е», а не «э», а для записи *риэлтор* — отсутствие йотированного произношения как в этимоне [riɛltə], так и в полученном в результате заимствования; для написания *аккаунт* (англ. *account*) «оправданием» является этимология слова, а для варианта *акаунт* — слабость фонетической позиции для долготы звучания (предударная позиция); дефисное написание слова *фаст(-)фуд* (англ. *fast food*) поддерживается этимоном, сложность структуры которого — наличие в нем двух корневых основ — налицо, а слитное — отсутствием синхронной членимости в языке-рецепторе, и т. д. Во всех подобных случаях лингвистически оправданным было бы сохранение спорных вариантов.

Такого рода толерантность иногда встречает критическое отношение; считается, что нормализаторская «пассивность» может иметь своим следствием закрепление нежелательных, не вполне корректных написаний. Однако это легко преодолеть с помощью специальных указаний о предпочтениях в выборе орфограмм, обоснованных лингвистически. Не императивно предписывать условно выбранное написание, а попытаться мягко направить в желательном направлении. Таким образом, вариативность как принцип фиксации нестабильных написаний вовсе не означает отсутствия квалифицированного отбора, а предполагает наличие определенной шкалы нормативности — от заведомо

---

¹⁰ См. об этом: Крысин Л. П. Толерантность языковой нормы // Язык и мы. Мы и язык: сб. статей памяти Бориса Самойловича Шварцкопфа / отв. ред. Р. И. Розина. М.: Изд-во Рос. гос. гуманитар. ун-та, 2006. С. 175–183.

¹¹ Зона орфографической нестабильности в настоящий момент охватывает, разумеется, не всё правописание, а лишь случаи объективных затруднений в становлении нормы, к которым зачастую относятся иноязычные неологизмы.

ошибочных к лингвистически допустимым и, затем, к рекомендуемым орфограммам¹².

5. На чем могут быть основаны данные предпочтения и рекомендации? На понимании того, к чему тяготеет стихийный выбор пишущих грамотно, что поддерживается практикой употребления, т. е. на тенденциях письма. Этого понимания может быть недостаточно для того, чтобы однозначно предписывать, но достаточно, чтобы дать рекомендации с учетом активных лингвистических процессов. При этом важен вопрос использования количественных данных употребления вариантов в узусе. На наш взгляд, эти данные существенны не столько для определения конкретного написания (по принципу наибольшей встречаемости), сколько для понимания существа проблемы. Количественные данные об употребительности того или иного варианта следует соотносить с происхождением, фонетическими и иными структурными свойствами слова.

Таким образом, статистика важна не для того, чтобы выбрать между написаниями, напр., *ремейк* или *римейк*, *офшор* или *оффшор*, *шоувумен* или *шоу-вумен*, *соц-арт* или *соцарт*, а чтобы на материале подобных случаев установить, какой фактор — этимологический или синхронно-парадигматический — является определяющим, и в каких случаях (и, установив, поддержать¹³); какая из орфографических аналогий предпочтительна и что есть общего в узуальных предпочтениях у слов, в том или ином отношении подобных. Именно в этом нам видится роль письменного узуса как опытной языковой среды, а не в нахождении «единственно верного» нормативного решения, устанавливаемого арифметически. При правильной постановке проблемы возможно постепенное прояснение действующих тенденций правописания, но для этого необходимо многолетнее и непредвзятое изучение живого языка при отказе от поспешного и неоправданного императива в кодификации.

Так, упоминаемые здесь этимологически однокоренные слова, не находящиеся в отношениях синхронного словообразования, а заимствованные параллельно (типа *блог* — *блог(е)р*, *шоп* — *шоп(н)инг*, *рэп* —

---

¹² Среди тех, кто в принципе поддерживает вариативность, можно встретить различное отношение к буквенным и небуквенным вариантам в орфографии. Существует мнение, что буквенный состав слова не следует подвергать сомнению, поскольку единый графический облик слова способствует запоминанию его написания, тогда как выбор между слитными, полуслитными (дефисными) и отдельными написаниями может предоставлять большую свободу. Такой более осторожный подход к вариативности в орфографии разделяет, например, С. М. Кузьмина (*Кузьмина С. М. Об умягчении нравов русской орфографии: (Проблемы вариативности написаний) // Жизнь языка: сб. статей к 80-летию Михаила Викторовича Панова / отв. ред. С. М. Кузьмина. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 408*).

¹³ Вероятно, возможны случаи и отказа от поддержки узуальных предпочтений кодификацией. Тогда тем более следует продлить этап колебаний и понаблюдать за развитием ситуации.

рэн(и)ер), на наш взгляд, необязательно должны быть графически унифицированы, поскольку на их правописание влияют многие факторы (ср. пару *контроль — контроллинг*). Известно, что морфологический принцип написаний не может быть в полной мере применен к иноязычиям (ср. *хэнд — секунд-хенд — хэ/ендаут, мэтр — метрдотель, мэн — супермен, магнит — магнетизм, инженер — инжиниринг, альфа — алфавит* и др.). К сожалению, в некоторых словарях уже приводятся орфограммы с упрощением согласных (*блогер, шопинг*) как единственно нормативные. Думается, что до принятия окончательного решения следовало бы прояснить вопрос, что же все-таки является определяющим: синхронные парадигматические связи или соотнесение с языком-источником и путь заимствования слова — вопрос, который не решен в общетеоретическом плане, поскольку в фокусе внимания кодификаторов неизменно оказываются не теоретические вопросы заимствования и письменной адаптации иноязычий, а пословная, «штучная» кодификация.

Много говорилось о том, что удвоенные согласные у заимствований часто не выражают реальной долготы произношения и создают трудности на письме. Попытки полностью упразднить удвоение согласных у иноязычных слов предпринимались постоянно с тех пор, как существует орфографическая кодификация, однако успеха не имели. Тем не менее некоторые удвоения со временем стихийно упрощались, а другие нет (ср. *адрес — фр. adresse, но стресс — англ. stress, канцелярия — лат. cancellaria, но коллегия — лат. collegium*). От чего это зависит и как следует поступать в дальнейшем? Как известно, в фонетике различают несколько позиций для долготы согласного, наиболее релевантной из которых является интервокальная заударная позиция, а одной из наиболее проблемных — позиция конца слова. Наблюдения позволяют предположить, что одним из существенных факторов для сохранения конечного удвоения согласных является близость к ударению. Так, при выборке из Грамматического словаря А. А. Зализняка слов с двойными согласными на конце обнаружилось, что практически у всех этих слов консонантному удвоению предшествует ударный гласный. Это вполне объяснимо, поскольку в этом случае при словоизменении позиция для конечных двойных становится сильной (заударной интервокальной) и долгота проявляется в произношении: *класс — класса, стресс — стресса, компромисс — компромисса*. Таким образом, «статистически выводится, что конечное заударное удвоение в слове должно сохраняться (как тенденция), притом что удаленное от ударения конечное удвоение, скорее всего, упростится»¹⁴. В целом же слова с двойными согласными в этимоне при заимствовании в настоящее

---

¹⁴ Нечаева И. В. О шоп(п)инге, мини(-)вэне и тайнах орфографической кодификации // Русский язык в научном освещении. 2012. № 1 (23). С. 76.

время имеют тенденцию к сохранению их и в написании по-русски, хотя, как видим, и не во всех позициях равномерно, что требует соответствующей опытной проверки.

В области слитно-дефисных написаний (одной из самых проблемных в современной орфографии) действовавшая ранее тенденция к слиянию частей слова в сплошную буквенную цепочку в наши дни не находит подтверждения. Напротив, наметилась тенденция к обозначению этимологического морфемного шва с помощью дефиса. Это касается даже некоторых слов с начальной частью на гласную (типа *демо-версия*, *техно-группа*), которые до сих пор обычно писались слитно. Должно ли это быть поддержано в кодификации? Наиболее проблемная группа — слова, первая часть которых представляет собой так называемое аналитическое прилагательное на согласную (*масс(-)культура*, *штрих(-)код*, *эконом(-)класс*), которые некоторые орфографисты склонны рассматривать как слова сложносокращенные (и потому пишущиеся слитно); однако более вероятным представляется образование подобных слов по заимствованной словообразовательной модели, что отражается и на их графическом воплощении (в виде дефисного оформления)¹⁵. В этом сказывается «тенденция к интернационализации как словаря, так и способов образования слов»¹⁶, которую нельзя не заметить, а также стремление к тотальному обновлению, распространяющееся в том числе и на некоторые аспекты владения и пользования языком¹⁷. Судя по всему, бороться с этим бессмысленно и бесполезно, и, вероятно, следует поддержать из соображений последовательности в кодификации, отметив предпочтительное написание из числа возможных вариантов. «Механизм опробования» в языке (В. Г. Костомаров) осуществляется через вариативность. Вариативность — не антипод норме, а способ ее обретения.

6. И так, заимствование новых иноязычных слов — одно из наиболее наглядных проявлений глобализации в языке. Орфографическое освоение заимствований — это вопрос способности письменного языка в его современном состоянии справляться с вызовами времени. Безусловно, процесс установления орфографической нормы — в его сознательной составляющей, которая предполагает участие лингвиста-кодификатора, — требует усовершенствования. Для этого необходимо, в частности, учесть опыт предыдущих кодификаций (в том числе неудачных) и учиться на ошибках; избегать случайных и опрометчивых нормативных решений и стараться судить о спорных явлениях с современных позиций обоснованности написаний.

---

¹⁵ Подробнее см.: Там же. С. 84–85.

¹⁶ Крысин Л. П. Лексическое заимствование... С. 172.

¹⁷ См.: Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. СПб.: Златоуст, 1999. С. 41, 242–243.

Традиционный взгляд на упорядоченность в орфографии, оставшийся неизменным со времен подготовки правил 1956 года (т. е. с первой половины XX века), предполагал — как одну из главных задач — устранение разноречивости написаний «в интересах масс», чтобы облегчить процесс обучения грамоте. Не требует доказательств тот факт, что за прошедшее время и в жизни общества, и в жизни языка многое изменилось. В применении к иноязычным неологизмам безальтернативность написаний (в сложных случаях) не только не в духе времени, но, что еще более важно, она не имеет под собой лингвистической опоры. Не в единстве конкретных орфограмм, а в согласованном понимании спорных явлений состоит, на наш взгляд, упорядоченность в орфографии, и это та цель, к которой нам следует стремиться.

Е. В. Арутюнова

НУЖНА ЛИ ШКОЛЕ «РЕФОРМА ОРФОГРАФИИ»?¹

У нас давно сложилась традиция называть все обсуждаемые в обществе предложения по изменению системы письма «реформой орфографии». Сюда можно отнести и орфографические события 1917–1918 гг., и введение унифицированного свода правил в 1956 г., и последующие попытки преобразовать орфографию и пунктуацию в 1964 и 2000 гг. Большого противоречия научной традиции здесь нет. Как отмечает С. М. Кузьмина, термин «орфография» многозначен и в самом широком значении является синонимом термина «письмо»². Следуя традиции словоупотребления, поставим вопрос: должна ли реформироваться школьная орфография?

Проблема преобразования школьной системы правил правописания вызвана положением дел в современном русском письме. Русской орфографической конституцией продолжают оставаться «Правила русской орфографии и пунктуации» 1956 г.³ (далее — Правила-1956), давно признанные филологическим сообществом неполными и в некоторых случаях не соответствующие современной практике письма⁴. Отчасти проблему неполноты призван был решить «Орфографический словарь

Печатается с разрешения Е. В. Арутюновой по первой публикации: *Арутюнова Е. В. Нужна ли школе «реформа орфографии»? // Русский язык в школе. 2014. № 10. С. 64–72.*

¹ Статья публикуется в рамках проекта «Совершенствование преподавания русского языка в современной школе».

² *Кузьмина С. М.* Теория русской орфографии: Орфография в ее отношении к фонетике и фонологии. М.: Наука, 1981. С. 14.

³ Правила русской орфографии и пунктуации: утв. АН СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР. М.: Учпедгиз, 1956. (Последующие издания 1957 и 1962 гг.)

⁴ Там же. Об этом пишет, в частности, А. М. Молдован: «Действующие в настоящее время “Правила русской орфографии и пунктуации”, выпущенные в свет в 1956 г. (и не переиздававшиеся с начала 60 гг.), не регламентируют многих сторон русского письма» (*Молдован А. М.* О подготовке переработанного издания «Правил русской орфографии и пунктуации» // *Русская речь*. 2001. № 2. С. 42).

русского языка» 1956 г. (далее — ОСРЯ), который многократно переиздавался, причем трижды с изменениями⁵. Существенно дополнялись и уточнялись правила в различных справочниках, и наиболее авторитетными среди них, видимо, нужно признать справочники Д. Э. Розенталя⁶. Однако они не имели и не имеют никакой юридической силы. При этом Д. Э. Розенталь во многих случаях значительно изменял формулировки правил, вводил новые правила, а некоторые его рекомендации противостоят написаниям, установленным в Правилах-1956.

В 2005 г. был издан «Русский орфографический словарь» (далее — РОС-2005)⁷ и в 2006 г. — «Правила русской орфографии и пунктуации» (далее — Правила-2006)⁸, подготовленные Институтом русского языка им. В. В. Виноградова РАН и Орфографической комиссией при Отделении историко-филологических наук Российской академии наук. Как заявлено в предисловии к Правилам-2006, они отражают нормы, зафиксированные в Правилах-1956 и во многом дополняют и уточняют их с учетом современной практики письма. В общем, всё говорит о том, что перед нами сборник правил и словарь, которые являются преемниками Правил-1956 г. и не претендуют на реформирование орфографии.

Однако внимательный читатель не мог не заметить, что новый свод правил и новый словарь все-таки содержат ряд изменений по отношению к Правилам-1956, правилам Д. Э. Розенталя и правилам, сформулированным в школьных учебниках. Количество измененных написаний невелико, но они есть, и учитель волей-неволей сталкивается с необходимостью давать нормативную оценку таким написаниям. Проблема выбора кодифицирующего издания для решения орфографических вопросов не ограничивается только перечисленными словарями и сводами правил и осложняется некоторыми юридическими деталями.

К настоящему времени уже несколько раз переиздан «Орфографический словарь русского языка» Б. З. Букчиной, И. К. Сазионовой и Л. К. Чель-

---

⁵ Орфографический словарь русского языка: 110 000 слов / АН СССР, Ин-т языкозн.; С. Е. Крючков, С. Г. Бархударов, Б. З. Букчина и др.; под ред. С. И. Ожегова, А. Б. Шапиро. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956. 5-е, 13-е и 29-е издания (соответственно 1963, 1974 и 1991 гг.) являются исправленными: некоторые орфографические рекомендации в них были пересмотрены.

⁶ *Розенталь Д. Э.* Вопросы русского правописания: Практическое руководство. 3-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1962.

⁷ Русский орфографический словарь: ок. 180 000 слов // РАН, Отд. ист.-филол. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; О. Е. Иванова, В. В. Лопатин, И. В. Нечаева, Л. К. Чельцова; отв. ред. В. В. Лопатин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Моск. тип. № 2, 2005. Последующие издания 2007, 2010, 2012 гг.

⁸ Правила русской орфографии и пунктуации: Полный академический справочник: одобрено Орфографической комиссией РАН / РАН, Отд. историко-филол. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Н. С. Валгина, Н. А. Еськова, О. Е. Иванова, С. М. Кузьмина, В. В. Лопатин, Л. К. Чельцова; отв. ред. В. В. Лопатин. — М.: Эксмо, 2006.

цовой (далее — ОСРЯ [Букчина и др.]⁹), который так же, как и Правила-2006, имеет гриф Российской академии наук и, более того, приказом Министерства образования и науки РФ от 08.06.2009 № 195 включен в список грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации. Ни правила-2006 и РОС-2005, ни их переиздания в этот список не вошли.

Заметим, что в соответствии с законом «О государственном языке РФ»¹⁰ правила правописания должны утверждаться в порядке, определенном Правительством Российской Федерации. Но ни один справочник орфографии в таком порядке утвержден не был. Из этого следует, что законопослушные пишущие должны руководствоваться Правилами-1956 и ОСРЯ [Букчина и др.]. Но логика подсказывает, что гриф Российской академии наук и Института русского языка им. В. В. Виноградова вполне убедительно свидетельствует об авторитетности справочника или словаря. Да и юридический аспект орфографии, надо признаться, мало кому известен.

А каково положение в школе? Она оказывается заложницей нерешенных орфографико-юридических проблем. Случается, что даже в одной школе разные учителя ориентированы на разные орфографические нормы: один утверждает, что верны только правила Д. Э. Розенталя, другой считает, что норму отражает только Малый академический словарь (МАС)¹¹; кто-то рекомендует учителям руководствоваться Правилами-2006, но в школах они не всегда есть. Нельзя не упомянуть и о влиянии СМИ на мнение общественности, в том числе и учителей. После дискуссии в прессе по поводу реформы орфографии 2000 г. у многих в памяти осталось лишь то, что языковеды покушались на основы русского письма.

Итак, чем отличаются Правила-1956 от Правил-2006? Здесь можно выделить три аспекта: 1) различная группировка правил в темы-разделы и появление новых разделов и правил; 2) расхождения в структуре и содержании конкретных правил — прежде всего в выборе критерия, положенного в основу правила; 3) противоречивые рекомендации.

Подробно останавливаться на различиях первого типа не будем, заметим только, что проблема отбора правил для школьного курса орфографии и расположения орфографической информации в школьном курсе русского языка однозначно не решена. Это подтверждают школь-

---

⁹ Орфографический словарь русского языка: свыше 100 000 слов / Б. З. Букчина, И. К. Сазонова, Л. К. Чельцова. [6-е изд]. М.: АСТ-Пресс Книга, 2010.

¹⁰ Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102092715&intelsearch=%EE%F2+01.06.2005> (дата обращения: 01.03.2019). — *Примеч. сост.*

¹¹ Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингв. исслед.; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999.

ные учебники, в которых реализуются разные подходы к распределению орфографических тем по классам и разделам¹². Однако многие специалисты (и даже большая часть учителей) убеждены, что школьные правила — это и есть все правила русской орфографии.

Обратимся к формулировкам отдельных правил и противоречивым орфографическим рекомендациям. Начнем с наиболее трудной для школьников темы — выбора *н* и *nn* в полных причастиях и отглагольных прилагательных. Сравним § 62, 63 Правил-1956 и § 98, 99 Правил-2006.

Правила-1956 предлагают ориентироваться на частеречную принадлежность слова, однако никаких критериев для разграничения отглагольных прилагательных и причастий здесь не приводится. Однако вопрос о различении данных частей речи довольно сложен, требует анализа ряда как формальных, так и семантических свойств слова. Человеку, не имеющему специальной лингвистической подготовки, трудно воспользоваться таким правилом.

Правила-2006 переносят акцент на формальные признаки: наличие в слове суффиксов *-ова-* (*-ева-*), вид мотивирующего глагола и наличие-отсутствие зависимых слов. Случаи, в которых частеречная принадлежность слова вступает в противоречие с формальными признаками, в Правилах-2006 оговорены в примечании. Новый текст правил отличается алгоритмичностью, что делает их гораздо более удобными для применения. Неоспоримым достоинством оказываются и четкие рекомендации по написанию слов и форм, образованных от двувидовых глаголов (в Правилах-1956 такой информации нет).

К содержательным различиям следует отнести и значительные расхождения в списках исключений. В Правилах-1956 таких слов названо шесть: *желанный, священный, нечаянный, невиданный, неслышанный, нежданный*. Отмечается, что есть еще и другие, определяемые в словарном порядке. Но как пишущий должен пользоваться такой рекомендацией? Он должен любое слово проверить по словарю, пытаться понять, не исключение ли оно? Правила-2006 претендуют на полноту перечня: здесь отсылка к словарю мы не находим. В справочнике особо оговаривается написание следующих групп: в § 98 слова в составе оборотов *конченный человек, названный брат, названная сестра, посаженный отец, посаженная мать, Прощеное воскресенье*; в § 99 слова-исключения *желанный, жданный, надеванный, неведанный, невиданный, негаданный, нежеланный, нежданный, ненадеванный, неожиданный, неслышанный, нечаянный, доморощенный, долгожданный*; там же еще одна группа слов в составе оборотов: *недреманное око, виданное ли дело?, слышанное ли дело?, разлитое море* и имя собственное *Андрей Первозванный* — всего 25 слов.

---

¹² Более того, полного совпадения изучаемых правил в современных учебниках тоже нет.

Какой критерий положен в основу школьного правила? В соответствии с Правилами-1956 в причастии (полном страдательном прошедшего времени) нужно писать *нн*. Но как отличить причастие от отглагольного прилагательного? На это сделан лишь намек — смотри на зависимые слова. Какой вывод должен сделать ученик? Если есть зависимые слова, пиши *нн*. Но из текста правила непонятно, откуда берется две *н* в первом слове сочетания *сломанная ветка* — здесь же нет зависимых слов. Возможно, авторы правила имели в виду, что слово *эти* в заключительной фразе правила ученик должен соотнести с причастиями, образованными только от глаголов несовершенного вида? Однако такая связь не очевидна и большинство учащихся руководствуются следующим: есть зависимые слова — пишу *нн*, нет — пишу *н*. Об остальных нюансах правила — написании слов типа *маринованные огурцы*, *брошенные камни*, *приданое невесты*, *благодарственное письмо*, *смышленный ученик* — знают (или чувствуют, как писать) единицы. Кстати, слова *медленный*, *желанный*, *священный*, *нечаянный*, *невиданный*, *неслыханный*, *нежданный* у прилежного ученика, привыкшего учить правила, все же есть шанс писать без ошибок — они представлены в учебнике как исключения. Но здесь же в рамочке даны для запоминания слова *жеванный* и *кованный*, которые тот же прилежный ученик и в сочетаниях *сильно жеванный* и *кованный мастером* напишет с одной *н* как исключения. Ниже дано упражнение, в котором предлагается образовать «слова на *-ованный*», однако никак не объясняется, почему же в этих словах пишется две буквы *н*. Учебник не дает ответа на вопрос: все ли слова на *-ованный* следует писать с *нн* или только данные в этом упражнении? В правиле о таких словах ничего не сказано. При этом обучение орфографии ориентировано на заучивание правил и исключений. Материал вне правила воспринимается как второстепенный, вспомогательный.

В учебнике под редакцией М. М. Разумовской и П. А. Леканта (2007) правило более лаконично:

В суффиксах полных страдательных причастий пишутся две буквы *н* (*украшенный*, *сорванный*), а в кратких — одна буква *н* (*украшены*, *сорваны*).

Через четыре страницы предлагается запомнить следующее.

1. В текстах предшествующих упражнений выделены слова *бешеным* (рёвом), *путаные* (плети гороха), *путанный* (кустарник).

Эти слова — имена прилагательные. От причастий такие слова отличаются тем, что они не имеют приставок и зависимых слов.

2. Если же у подобных слов есть приставки (кроме *не-*) или зависимые слова, то это будут причастия:

взбешённый несправедливостью человек,
путанные волосы.

Ни о словах на *-ованный*, ни об исключениях в этом учебнике ничего не сказано.

Нужно признать, что правила о правописании *н* и *nn* в причастиях и отглагольных прилагательных в школьной интерпретации представляют собой значительно сокращенную версию правила, сформулированного в старом своде, крайне неудачную. А ведь школьный учебник является и для ученика, и для учителя единственным ориентиром, определяющим школьный орфографический минимум.

Как показывают контрольно-измерительные материалы и пособия по подготовке к ЕГЭ, их составители не всегда придерживаются рамок школьных учебников. Так, в пособии «ЕГЭ-2012. Русский язык» под редакцией И. П. Цыбулько (М., 2012) на с. 77 предлагается определить, как пишется исключение *невиданный*, на с. 183 — *приданого (хозяйки)*. Там же встречаются отглагольные образования на *-ованный* и существительные на *-(н,nn)ость*, которым в школьных учебниках внимания не уделяется.

Вернемся к Правилам-1956 и 2006. Заметные содержательные различия можно найти в рекомендациях по написанию безударных гласных в корнях слов.

В Правилах-1956 названо 20 корней с орфографическим чередованием (§ 13–14):

<i>бир</i> — <i>бер</i> ,	<i>мир</i> — <i>мер</i> ,
<i>блист</i> — <i>блест</i> ,	<i>мир</i> — <i>мер</i> ,
<i>гар</i> — <i>гор</i> ,	<i>плав</i> — <i>плов</i> ,
<i>дир</i> — <i>дер</i> ,	<i>равн</i> — <i>ровн</i> ,
<i>жиг</i> — <i>жег</i> ,	<i>рос(т)</i> — <i>рас(т)</i> — <i>раиц</i> ,
<i>зар</i> — <i>зор</i> ,	<i>сид</i> — <i>сед</i> ,
<i>кас</i> — <i>кос</i> ,	<i>скак</i> — <i>скоч</i> ,
<i>клан</i> — <i>клон</i> ,	<i>стил</i> — <i>стел</i> ,
<i>лаг</i> — <i>лож</i> ,	<i>тир</i> — <i>тер</i> ,
<i>мак</i> — <i>мок</i> ,	<i>чит</i> — <i>чет</i> .

При этом правилом описаны лишь пять корней. Остальные просто перечислены, каких-либо рекомендаций по выбору гласных в них нет.

В Правилах-2006 регламентировано написание каждого корня из тех, что уже были упомянуты в предыдущем своде, кроме того, формулируются рекомендации для написания еще шести корней:

<i>крап</i> — <i>кроп</i> ,	<i>твар</i> — <i>твор</i> ,
<i>пай</i> — <i>пой</i> ,	<i>вис</i> — <i>вес</i> ,
<i>разн</i> — <i>розн</i> ,	<i>лип</i> — <i>леп</i> ,

а также большой группы корней с чередованием типа *занять — занимать*.

Список корней с чередованием в учебнике М. Т. Баранова, Т. А. Ладыженской, Л. А. Тростенцовой состоит из 11 пар, и он не совпадает ни с первым, ни со вторым перечнем. Это корни:

<i>бир — бер,</i>	<i>мир — мер,</i>
<i>гар — гор,</i>	<i>пир — пер,</i>
<i>дир — дер,</i>	<i>рос(т) — рас(т) — раиц,</i>
<i>жиг — жег,</i>	<i>стил — стел,</i>
<i>кас — кос,</i>	<i>тир — тер,</i>
<i>лаг — лож.</i>	

Учителя, знающие, как много важных орфографических сведений остается за страницами учебника и уже имеющие опыт подготовки к ЕГЭ, учат писать некоторые отсутствующие в учебниках корни. Однако многие школьники только в преддверии ЕГЭ узнают о том, что, помимо знакомых им корней с чередованиями, есть еще и другие. При этом сами учителя не могут быть вполне уверены в том, какой список корней с чередованием считают эталонным составители КИМов. А знание этого списка совершенно необходимо, чтобы выбрать правильный ответ.

К счастью, среди слов с орфографическими чередованиями в корнях нет таких, которые бы Правила-1956 и Правила-2006 рекомендовали писать по-разному. Однако и здесь есть проблема, порожденная другими справочниками, пособиями и учебниками по правописанию. Это правописание слов *з(а/о)рянка* и *з(а/о)ревать*, которые в некоторых пособиях и словарях представлены как исключения — с *о*. При этом МАС, РОС, ОСРЯ [Букчина и др.], БАСРЯ дают только вариант *зарянка*. РОС рекомендует писать *заревать*, а в МАС и БАСРЯ ни *зоревать*, ни *заревать* нет вообще.

Следующая орфографическая проблема, актуальная для школы, — это перенос слов. Правила-1956 (§ 119) обязывают переносить слова с учетом морфемного шва после приставки, например: *под-бить*, *прислать*, варианты *по-дбить*, *прис-лать* признаются неправильными. Правила-2006 (§ 217) смягчают норму, допуская переносить слова, отрывая одну букву от приставки или корня: *по-дбить*, *прис-лать*.

А вот в брошюре «В помощь выпускнику 9 класса. Как успешно подготовиться к ГИА по русскому языку» учителям и ученикам сообщается, что при оценивании экзаменационных работ не учитываются ошибки в переносе слов¹⁶.

---

¹⁶ Карпова И. И., Глухова С. В., Панова Ю. А. В помощь выпускнику 9 класса: Как успешно подготовиться к ГИА по русскому языку. Вып. 11 / Окружной метод.

Еще одно орфографическое новшество — это правописание окончаний в словах с односложной основой типа *Лия, кий*. Правила-1956 (§ 40) устанавливают написания (о) *Лиш* и (о) *киш* (как во всех остальных словах на *-ий, -ия, -ие*). Правила-2006 (§ 71) рекомендуют писать в подобных словах *-е: змий* — о *змие, кий* — о *кие* (вариант — о *кие*), *Бия* (река) — по *Бие, на Бие; Ия, Лия, Вия* (женские имена) — к *Ие, о Лие, о Вие; Гия* (мужское имя) — к *Гие, о Гие*.

Сочетание *как-то / как то* оказывается камнем преткновения для тех учителей, которые, расширяя материал учебника, учат пунктуационному оформлению конструкций с обобщающим словом, осложненных словами *как-то / как то, словом, а именно* и т. п. В Правилах-1956 (§ 159) находим рекомендацию, многократно повторенную в орфографических справочниках, писать *как-то*, т. е. через дефис. Правила-2006 (§ 142) настаивают на раздельном написании. Авторы словарей также не едины во мнениях.

Одна из сложнейших пунктуационных тем — обособление приложений. Правила-2006 несколько упрощают систему правил, рекомендуя не различать написания типа *дочка-красавица* и *красавица дочка* и писать сочетания с однословными приложениями вне зависимости от позиции по отношению к определяемому слову через дефис (§ 120). Но это не соответствует Правилам-1956 (§ 79) и традиции преподавания.

Объемный раздел «Правила употребления прописных и строчных букв» в школе представлен всего одним правилом: с прописной буквы пишутся имена собственные. Об остальных написаниях (составных наименованиях организаций; названиях улиц; станций метро; названиях, связанных с религией) ничего не говорится. Конечно, все правила использования прописной буквы в школе освоить невозможно. Но расширить этот раздел, введя некоторые частные правила, кажется совершенно необходимым. Видимо, чтобы побудить учителей заниматься этой темой, в критериях оценки ГИА указано, что ошибки в написаниях с большой буквы в составных именах собственных будут считаться негрубыми (но все-таки ошибками!). Однако очевидно, что в теме «Большая буква и кавычки в именах собственных» итоговые требования и материалы учебника не соотнесены.

Обратим внимание и на расхождения в кодификации некоторых написаний. Слова и сочетания слов *конституция, масленица, рождество, бог, гражданская война, вторая мировая война* в соответствии

центр Центрального окружного управления образования Департамента образования г. Москвы. М., 2012. С. 18.

с Правилами-1956 и ОСРЯ-1991¹⁷ следовало писать со строчной буквы. Уже Д. Э. Розенталь указывает, что некоторые из них (в определенных значениях) рекомендуются писать с прописной буквы. Правила-2006, РОС и ОСРЯ [Букчина и др.] закрепляют написания: *конституция* и *Конституция*¹⁸, *Бог* и *бог*, *Рождество*, *Масленица* (праздник) и *масленица* (веселая, привольная жизнь), *гражданская война* и *Гражданская война* (в России 1918–1920; в США 1861–1865), *Вторая мировая война*.

Наибольшее количество орфографических вариантов — в сложных словах. Школьные учебники предлагают одно-два правила на эту тему, которые не охватывают всего многообразия типов сложных слов и факторов, определяющих их написание. Так, в учебнике В. В. Бабайцевой и Л. Д. Чесноковой¹⁹ правил, посвященных сложным существительным, нет вообще, а для написания прилагательных предлагается синтаксический критерий (подчинительная или сочинительная связь соединяет слова в мотивирующем словосочетании) и три особые группы слов для запоминания (прилагательные, обозначающие цвета, стороны света и образованные от существительных с дефисным написанием). Таким образом, написание большей части сложных слов (*контр-адмирал* и *контригра*, *интернет-ресурсы* и *спортивный инвентарь*, *экономкласс* и *бизнес-класс*, *конференц-зал*, *орехово-зюевский* и *ореховозуевец*, *глухонемой* и *военно-исторический*) остается для школьников необъяснимым, и при этом ни один учебник даже не рекомендует обращаться к словарям. Очевидно, что при таком методическом решении нельзя ожидать от учащихся безупречного написания всех типов сложных слов (да и возможно ли в принципе без обращения к орфографическому словарю писать слова данной группы в соответствии с нормой, которая к тому же для многих слов еще не устоялась?).

Сопоставление изданий, кодифицирующих нормы правописания, школьных учебников, контрольно-измерительных и методических материалов ГИА и ЕГЭ показывает, что школьная орфография и система оценки грамотности учащихся требуют новых научно-методических решений.

Во-первых, совершенно необходим новый общественно и, возможно, законодательно признанный свод правил правописания. В качестве

---

¹⁷ Орфографический словарь русского языка: 100 000 слов / Акад. наук, Ин-т рус. яз.; Б. З. Букчина, Л. П. Калакуцкая, Ю. Н. Караулов, С. М. Кузьмина; отв. ред. В. В. Лопатин. 29-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1991 (ОСРЯ-1991).

¹⁸ В Словаре дано следующее пояснение: «Пишется с прописной буквы как первое слово официального названия основного закона государства, например: Конституция РФ, Конституция Республики Татарстан».

¹⁹ Бабайцева В. В., Чеснокова Л. Д. Русский язык: Теория: 5–9 кл.: учебник для общеобразовательных учреждений. М.: Дрофа, 2012. — *Примеч. сост.*

новой орфографической конституции могли бы быть приняты Правила-2006 или их новая редакция, измененная в соответствии со сделанными замечаниями и новыми исследованиями в области орфографии.

Во-вторых, школа должна получить новый школьный орфографический минимум — справочник, составленный на основе главного свода, учитывающий возможности школьников в овладении орфографическими навыками, а также степень необходимости правил и частотности отдельных написаний (ибо со всеми нюансами в рамках школьного курса русского языка познакомить учащихся невозможно, а грамотность заключается не только в умении правильно писать, но и в умении преодолевать трудности при помощи справочников и словарей). Возможно, школьному справочнику необходимо придать статус образовательного стандарта.

Школе нужны и словарные минимумы — перечни слов, нормы написания которых устанавливаются на основе факторов, действующих разнонаправленно, и поэтому слишком сложных для школьников. Например, были бы очень полезны минимумы сложных слов, наречий и наречных выражений. Выучив их, человек будет понимать, в каком случае ему необходимо обращаться к словарю.

В-третьих, требуется признать существование орфографической вариативности, которая является нежелательным, но, видимо, неизбежным явлением орфографии живого языка. Методисты и учителя должны знать о существовании вариантов и учитывать их при написании учебников, подготовке к урокам и оценке знаний учащихся.

В-четвертых, необходимо привести в соответствие со школьным сводом правил и словарем учебную литературу и разработать критерии оценки орфографико-пунктуационной грамотности школьных и выпускных экзаменационных работ по русскому языку.

Предложенные шаги помогут устранить вынужденный орфографикоцентристский подход в школе: когда будут очерчены границы необходимых орфографических знаний, учитель перестанет жертвовать уроками развития речи ради того, с чем взрослый человек может и сам разобраться с помощью словарей и справочников. Также появится возможность разработать послешкольные программы по русскому языку, которые в какой-то мере будут компенсировать разницу между орфографическим минимумом и максимумом. В последнее время неоднократно раздавались заявления о том, что русский язык как предмет в вузе избыточен. Наличие школьного орфографического минимума будет серьезным аргументом, подтверждающим, что специалисту с высшим образованием школьного знания орфографии недостаточно.

В заключение приведем список слов, имеющих противоречивую кодификацию в словарях.

Правила-1956, Ожегов*, Розенталь, БАСРЯ	ОСРЯ-1991	Правила-2006, РОС-2012	ОСРЯ [Букчина и др.]
Слитное, раздельное и дефисное написание			
МАС, церковнославянский	церковно-славянский	церковнославянский	церковнославянский
МАС, БАСРЯ, Ожегов, Розенталь: <i>первобытно-ноообщинный</i>	<i>первобытно-общинный</i>	<i>первобытнообщинный</i>	<i>первобытно-общинный</i>
<i>народнохозяйственный</i>	<i>народнохозяйственный</i>	<i>народнохозяйственный</i>	<i>народно-хозяйственный</i>
МАС, БАСРЯ: <i>лироэпический</i>	<i>лироэпический</i>	<i>лиро-эпический</i>	<i>лиро-эпический</i>
<i>естественнонаучный</i>	<i>естественно-научный</i>	<i>естественно-научный</i>	<i>естественно-научный</i>
Ожегов: <i>звукобуквенный</i>	<i>звуко-буквенный</i>	<i>звуко-буквенный</i>	<i>звуко-буквенный</i>
МАС: <i>черно-бурый</i>	<i>черно-бурый</i>	<i>чернобурая лисица</i>	<i>чернобурая лисица</i>
МАС, БАСРЯ, Ожегов, Розенталь: <i>геологоразведочный</i>	<i>геолого-разведочный</i>	<i>геолого-разведочный</i>	<i>геолого-разведочный</i>
БАСРЯ: <i>масс-медиа</i>	—	<i>массмедиа</i>	<i>массмедиа</i>
—	<i>за полдень за полночь</i>	<i>за полдень за полночь</i>	<i>заполдень заполночь</i>
МАС, БАСРЯ, Ожегов: <i>невзирая на лица</i> Розенталь: <i>не взирая на лица</i>	<i>невзирая на лица</i>	<i>невзирая на лица</i>	—
БАСРЯ: <i>нежилец</i>	<i>нежилец</i>	<i>не жилец</i>	<i>не жилец</i>
Другие написание			
МАС, Ожегов, Розенталь: <i>разыскной</i>	<i>разыскной разыскник</i>	<i>разыскной разыскник</i>	<i>разыскной разыскник</i>
МАС, БАСРЯ, Ожегов: <i>зарянка</i> Розенталь: <i>зорянка</i>	<i>зарянка</i>	<i>зарянка</i>	<i>зарянка</i>
БАСРЯ: <i>попугаичий</i>	<i>попугаичий</i>	<i>попугаичий</i>	<i>попугаичий</i>

Правила-1956, Ожегов*, Розенталь, БАСРЯ	ОСРЯ-1991	Правила-2006, РОС-2012	ОСРЯ [Букчина и др.]
Другие написания			
Ожегов: <i>чаячий</i>	<i>чаячий</i>	<i>чаячий</i>	<i>чаечий</i>
БАСРЯ: <i>брезжат</i> Розенталь: <i>брезжут</i>	—	<i>брезжат</i>	<i>брезжат</i>
БАСРЯ: <i>плеер</i>	<i>плейер</i>	<i>плеер</i>	<i>плеер</i>
БАСРЯ, Ожегов: <i>геенский</i>	<i>геенский</i>	<i>гееннский</i>	<i>гееннский</i>
БАСРЯ: <i>мелочевка</i>	<i>мелочевка</i>	<i>мелочовка</i>	<i>мелочовка</i>
БАСРЯ: <i>плащевка</i>	<i>плащевка</i>	<i>плащовка</i>	<i>плащовка</i>
—	<i>пушенка</i>	<i>пушонка</i>	—
—	<i>травмпункт</i>	<i>травмопункт</i> и <i>травмпункт</i>	<i>травмопункт</i>

* Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 72 500 слов и 7500 фразеол. выражений / РАН, Ин-т рус. яз.; Рос. фонд культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Азъ, 1995.

Учебное издание

СОВРЕМЕННОЕ РУССКОЕ ПИСЬМО:
ГРАФИКА, ОРФОГРАФИЯ, ПУНКТУАЦИЯ

Хрестоматия научных работ

Редактор О. В. Косенко   Компьютерная верстка А. М. Вейшторт   Обложка А. В. Самойловой

Подписано в печать 22.08.2019. Формат 70 × 100 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 33,25. Тираж 108 экз. Заказ №

Издательство Санкт-Петербургского университета. 199004, Санкт-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11.
Тел./факс +7(812) 328-44-22   publishing@spbu.ru

Типография Издательства СПбГУ. 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.